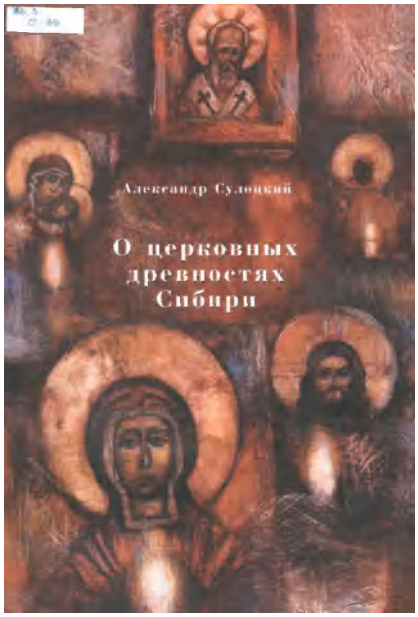
Александр Сулоцкий
О церковных
древностях
Сибири

Александр Иванович СУЛОЦКИЙ

Сочинения в трех томах

Редколлегия:
М. Дистанова, Т. Коклягина, Ю. Мандрика (*составитель*),
В. Прокопов, С. Туров, В. Чунин (*редактор*)

Александр Иванович
СУЛОЦКИЙ

Том первый

О церковных древностях Сибири

- Церкви
- Иконы
- Библиотеки
- Театр и школа

Нижневартовское
МУ "БИС"
инв.№ 95152/1-1-ХО

Ю. МАНДРИКИ
Тюмень, 2000

ББК 63.3
С 89

С 89 СУЛОЦКИЙ Александр Иванович
Сочинения в трех томах: Т. 1. О церковных древностях Сибири/Под ред. В.А. Чупина. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. — 480 с. — (Краеведческая б-чка журн. «Лукич»)

Это первое собрание произведений замечательного сибирского историка, богослова, публициста А.И. Сулоцкого (1812–1884).

Настоящий том составлен из отдельно изданных работ автора, а также его публикаций в периодике XIX века.

Книга выходит в год двухтысячелетия Рождества Христова.

© Мандрика Ю.Л. (составление), 2000.
© Чупин В.А. (комментарии), 2000.
© Кухтерин А.С. (иллюстрации), 2000.
© Издательство Ю. Мандрики (оформление), 2000.

ISBN 5-93020-070-X
ISBN 5-93020-068-8 (том I)

Александр Иванович СУЛОЦКИЙ
(1812 — 03.05.1884)

Авторская исповедь

Не только в семинарии, а и в академии я не отличался сочинительством. Все мои классные сочинения («задачки») по словесности, истории, философии, догматике и проповедничеству страдали недостатками слога и языка. Между тем, состоя на службе, я пустился в авторство: написал и издал несколько отдельных сочинений, и в особенности написал и напечатал много больших и малых статей в журналах и частию газетах. Поэтому иные из моих академических товарищей, конечно, таких, которые со мной не состояли в переписке, от которых жил я далеко и которые обо мне, о моей жизни по нашем выходе из академии ничего не слыхали, видя в журналах и особенно в «Страннике»[1] статьи с моей подписью, не верили, чтобы это были мои статьи, а думали, что есть на свете лицо, соименное и софамильное мне, и что эти статьи именно его. К последней мысли их располагало и то еще, что я последние полтора года учения в академии почти постоянно был болен — сильнейшим образом кашлял и от кашля пух в лице, руках и ногах и иногда даже харкал кровью; поэтому мои товарищи (в этом мне, между прочим, сознавался преосвященный[2] Павел, в миру Прокопий Нильч Доброхотов, прежде Вологодский, а ныне Псковский епископ) уверены были, что я давно в земле, откуда, само собой разумеется, статей для журналов и газет не пишут.

Все мои сочинения, т.е. и отдельные издания, и журнальные или газетные статьи, имеют предметом своим Сибирь, и в особенности историю тобольской и частью всесибирской иерархии, историю христианства в Сибири и церковные сибирские древности. Писать и издавать их я начал вследствие вот каких обстоятельств и по каким соображениям. Господь судил мне жить, да, вероятно, даже без сомнения, велит и умереть в Сибири: отчего же, думал я, не позаботиться мне узнать эту Сибирь, не изучить ее истории как общей, так, в частности, и церковной, не узнать ее древностей, быта ее жителей, как туземных, т.е. инородцев сибирских, так и пришлых, т.е. русских сибиряков? Далее, думал я, преподаю ученикам семинарии (Тобольской, где я служил 10 лет — с 1838 по 1848 гг.) церковную исто-

рию всех ее видов (библейскую ветхозаветную и новозаветную, собственно церковную после библейских времен, российской церкви, церковные древности и пр.); мои ученики знают от меня о начале христианства у народов, более или менее чуждых нам, например, у греков, римлян, англичан, шведов, немцев и пр., знают о главных деятелях в распространении у них веры и утверждении христианской нравственности, знают о важнейших, по крайней мере, событиях в церквах народов отдаленных, о их знаменитейших святынях: отчего же мне не сообщить им, отчего и им, моим ученикам, не знать о начале христианства в их родной стране, среди их предков? Отчего им не знать, по крайней мере, о важнейших пастырях родной туземной церкви, а также о многочтимых среди их святынях, например, чудотворных иконах, о причинах и начале их почитания, о поводах к совершению местных празднеств, крестных ходов?.. Рассуждая так и подобным образом, я начал, особенно после того, как уже хорошо познакомился с преподаваемыми мною предметами, заниматься историей Сибири, читать все, что только попадалось мне о Сибири печатного и рукописного, по временам разбирал и читал старинные дела архивов семинарского и консисторского, сносился лично и чрез письма с людьми, знакомыми с сибирской стариной (в особенности с покойным Николаем Алексеевичем Абрамовым[3], который первоначально служил в Тобольске же учителем уездного училища, а потом смотрителем уездных училищ Березовского, Тюменского, Ялуторовского и пр.), а также с имеющими доступ в архивы церковные и присутственных мест[4], и таким образом стал собирать материалы для истории христианства в Сибири и предшествовавших ему, да и до сих пор еще существующих в ней язычества и магометанства, стал от времени до времени о тех или других событиях и лицах, действовавших в Сибири, составлять собственно для себя статьи, а вскоре стал даже и ученикам высшего отделения семинарии (пользуясь оставшимся у меня от преподавания официально возложенных на меня предметов временем*) преподавать историю собственно сибирской церкви и

* А времени от преподавания возложенных на меня предметов оставалось у меня более потому, что я ходил в классы всегда не на час или на час с четвертью только, как делали другие, притом почти во всех семинариях и академиях, но на целые или почти целые два часа, чего настойчиво требовал и от своих учеников. В случае недостатка времени я брал для себя классы у преподавателя греческого языка Григория Алекс. Варлакова (что в то время было можно) и употреблял их также для своих предметов и в особенности для чтения лекций по истории тобольской иерархии и сибирской церкви.

Сноски, имеющие цифровую нумерацию, принадлежат автору комментариев и помещены на С. 460. К словам, обозначенным астериском (*), имеются примечания автора, которые помещены внизу страницы. — Прим. издателя.

историю тобольской иерархии. И так как любовь к этим предметам в учениках я видел, можно сказать, страстную, от этого сам еще более стал пристращаться к истории и археологии сибирской церкви[3], а отсюда мало-помалу перешел и к печатанию как отдельных изданий, так и журнальных статей.

Печатание моих статей началось еще в Тобольске, в бытность мою там преподавателем семинарии, а усилилось уже в Омске (впрочем, приготовленного большею частию еще на службе в Тобольске), на законоучительстве в Сибирском кадетском корпусе, что впоследствии Сибирская военная гимназия. Из написанного в Тобольске мною были отправлены для напечатания и напечатаны только три статьи: в Москвитянине[4] (издававшемся весьма известным М.П. Погодиным) 1843 г.; «Биография» незадолго пред тем умершего благодетеля моего, ученейшего Тобольского архиепископа Афанасия*[5] и «Проказы сибирских медведей», и в Маяке[6] 1845 г. «Замечательные по Сибири колокола, и между ними ссыльный Угличский». Так мало отпечатано за десятилетнюю службу в Тобольске и за семи- или осьмилетнее в течение ее сочинительство оттого, что 1) я опасался, не пренебрегли бы моим писаньем г.г. журналисты, не отвергли бы они моих статей с презрением (это опасение на деле оказалось напрасным); 2) печатать свои сочинения на собственный счет тогда я не имел средств и 3) цензура того времени — не только духовная, а и светская — была чрезвычайно строга и придирчива. Вот на это доказательства.

1) Послана была мною в Москвитянин статейка «Содействие духовенства, между прочим и сибирского, в усмирении пугачевского бунта» — статейка самая, так сказать, невинная, потому что в ней с намерением говорилось единственно о добрых и патриотических действиях лиц духовных во время пугачевщины, а о дурных, о мятежнических выходках иных из этих лиц (даже и в Сибири) почти совсем не упоминалось или упоминалось только вскользь, слегка.

* Биография преосвященного Афанасия читателям «Москвитянина», и особенно из духовенства, весьма понравилась. Об этом мне тогда же писал как автору ее (хотя моего имени, согласно моей просьбе, под статьей и не было напечатано, но я каким-то образом был узнан) товарищ мой по академии, учитель Пермской семинарии Н.Ак. Краснов; о том же можно заключить из вопроса, сделанного мне преосвящен. Евсевием (Могилевским архиепископом) в проезд его в 1856 году чрез Омск в Иркутск: «Вы писали биографию преосвящен. Афанасия?» Из того еще, что автор Нижегородской иерархии, тогда иеромонах и преподаватель Нижегородской семинарии, а ныне... М-рий почти буквально переписал в свою книгу мою статью о преосвящ. Афанасии за время его службы в Тобольске, впрочем, ни единым словом не упоминая об источнике.

И что же? Сколько издатель ни хлопотал, ее не пропустила цензура не только духовная, а и светская, не только московская, но и петербургская*.

2) В 1849 году отправлены были (с целию напечатания отдельными изданиями и на мой собственный счет) в московскую цензуру «Сказание (краткое) о иконе Божией Матери, именуемой Абалацкою» и «Жизнь Тобольского митрополита[9] Иоанна Максимовича». О пропуске их хлопотал пред цензорами прежде мой сослуживец (по Тобольской семинарии), а тогда секретарь Московского цензурного комитета, бакалавр[10] Московской академии (ныне протоиерей московский) Платон Иванович Капустин, и, однако ж, у них ничего не выхлопотал, а исходатайствовал он пропуск в С.-Петербургском комитете духовной цензуры. Там на это согласился бывший пекинский миссионер[11], а тогда живший на пенсии, на покое в Александро-Невской лавре[12] смелый архимандрит[13] Аввакум. Но этим дело не кончилось. Когда в 1852 или 1853 году потребовалось мне сделать новое издание этих маленьких сочинений, петербургский цензор архимандрит, впоследствии Смоленский епископ, Иоанн написал об них: «В этих сочинениях нет ничего противного правилам цензуры, но так как в Сказании об Абалацкой иконе говорится о чудесах, то представить его в Св. Синод». Св. Синод потребовал сведений от тобольского епархиального начальства, а это от настоятеля Абалацкого монастыря — во всем ли Сказание.. согласно с местными епархиальными и монастырскими документами? Разумеется, ответ был утвердительный; пошел он в Св. Синод, а Синод передал его в цензурный комитет с разрешением ему дозволить мне, автору, вторично издать сочинения, так что второе издание состоялось только уже в 1854 году.

3) Подобные приключения повстречались и с «Просветителем сибирских инородцев, митрополитом Филофеем Лещинским». О дозволении напечатать это сочинение лично просил цензора, профессора Московской академии, священника Аничкова товарищ его по академии (а мой по Тобольской семинарии ученик) профессор же академии Казанской Григорий Зах. Елисеев, и едва-едва, притом с изъявлением предварительно согласия сделать некоторые пропуски в моем сочинении, упросил его подписать желанное дозволение**.

* После статьи эта беспрепятственно была напечатана в Чтениях Общ. Истор. и Древ. Росс[ии], и расхвалена в критических заметках на Чтения Русского Вестника[14].

** Биог. пр. Филофея, с пропусками по местам, и довольно важными, была напечатана во Временнике Общ. Истор. и Древн. Росс[ии]. 1854 г. При всем том в рецензии на нее, сделанной в Отеч. Зап[ис], того ли же или следующего года, заслужила лестный для меня отзыв. За сочинение о преосвященном Филофее, впрочем, не в сокращенном, не ис-

Печатание моих отдельных сочинений (на мой счет) и в особенности статей в журналах и газетах на счет издателей сих журналов и газет усилилось, как сказано выше, с моим переходом на службу в Омск в законоучители Сибирского кадетского корпуса. В Омске действительно оно усилилось, потому что у меня для этого средств здесь стало более, и в особенности потому, что с 1856 и следующих годов цензура сделалась гораздо снисходительнее прежнего. К тому же в конце 50-х и в начале 60-х годов появились весьма внимательные ко мне в Тобольске губернские ведомости, в Иркутске — Иркутские епархиальные ведомости, а в Петербурге и других городах — духовные журналы (например, Странник, Духовная беседа[19], Душепол. чтение[19]), издаваемые частными лицами, а не одними уже учеными академическими корпорациями. Могу сказать, что Тобольские губернские ведомости, Иркутские епархиальные ведомости и Странник прот. Вас. Гречуженича сделались как бы складочным местом моих статей. Не отрекались от моих статей Чтения в Обществе истории и древностей российских, Вологодские епархиальные ведомости и Душепол. чтение. Изредка помещались мои статьи (впрочем, столько же редко они и посылались туда) в Дух. беседе, Православ. обозрении[20], Р. старине[21], Томских губернских, Оренбургских епархиальных ведомостях.

Почти до последнего времени было у меня страстное желание издать еще историю Тобольской семинарии и особенно историю сибирской, или, по крайней мере, тобольской иерархии. Для той и другой с давних пор, да почти с самого моего поступления на службу в Тобольск, собирались материалы и их было уже собрано, особенно для последней, довольно много; но из первой я написал и издал только первую ее часть, как бы введение в историю, под названием «Тобольская архиерейская школа, предшественница Тобольской семинарии». Для второй, т.е. для истории тобольской и даже всесибирской иерархии, я только составил 8 или 9 отдельных монографий* некоторых из тобольских иерархов, например, Филофея, Иоанна Максимовича, Афанасия, Евгения[22] и проч., и самую краткую историю тобольской и томской иерархии под названием «Тобольские и Томские архипастыри». Почему, однако, это так? А потому, что для составления полных и обстоятельных этих

каженном виде, конференция С.-Петерб. д. академии присудила мне магистерство.

* Эти монографии, или биографии, очень обширны — от 40 и 50 до 130 страниц убористой печати. Сознаюсь, незадно я делал, составляя их. Вместо того, чтобы убивать дорогое время и силы на них и на множество других статей для журналов и газет, мне следовало бы заняться составлением полной тобольской иерархии. Вот и было бы хорошо.

двух историй у меня, при законоучительской службе в военной гимназии, недоставало времени, да и здоровьем нужным для того я не обладал и составление их все откладывал до полной свободы, до выхода моего в отставку. Но моя окончательная отставка как-то замедлилась. Она последовала только 1 января 1878 года, когда мне уже исполнилось 65 лет, когда обычное мое удушье все усиливалось и усиливалось, и когда у меня от продолжительного сиденья за письмом, с головой, сильно наклоненною (по близорукости) вниз, стали делаться приливы к голове. Была у меня и другая причина замедления, или лучше — несоставления мною полных историй Тобольской семинарии и сибирской иерархии — это ожидание и надежда получить более для той и другой истории материалов, чем сколько было и есть их у меня. Дело в том, что покойный добрый сослуживец мой по семинарии, а впоследствии советник Тобольского губернского правления Григорий Александрович Варлаков, разбирая дела архивов семинарского, консисторского и частью Тобольского губернского правления, делал из них по моей просьбе выписки материалов, относящихся большею частью или до семинарии, или до тобольской иерархии. Выписок этих у него набралось шесть томов в лист; пред смертию он завещал их вместе с книгами на французском языке тобольской семинарской библиотеке. Но жена его, воспользовавшись тем, что муж не успел подписать переделенное духовное завещание, не исполнила этого завещания. Я неоднократно обращался было к ней с просьбою уступить их мне за денежное вознаграждение, в особенности тот том, в котором заключались материалы, относящиеся до семинарии, причем даже обещал после безвозмездно передать их семинарии. К сожалению, согласия на мои предложения не последовало и до сегодня. По всей вероятности*, огромные и драгоценные труды Григория Александровича или пошли на подстилку под пироги, или на базар в табачные и молочные лавочки. Увы, увы!.. Таким образом, желания мои написать историю семинарии, тобольской и сибирской иерархии оказались мечтами, по крайней мере они осуществились только малою частию, далеко не вполне.

Прежде было у меня еще желание писать историю распространения христианства в Сибири, историю церкви сибирской, для составления ее были собираемы и материалы. Но при этом почти на каждом шагу встречались препятствия: лица, высшие меня по сану, а иногда и не высшие, но такие, от которых или чрез которых только и можно бы

* К крайнему сожалению, эта вероятность в настоящую пору обратилась в полную действительность: у неразумной женщины названных рукописей ее мужа давно уже не существует. — Автор.

получить желаемые сведения, на все мои письма, убеждения и мольбы отвечали холодным, а может быть, и презрительным молчанием. Потому желание это и оставлено мною уже давно навсегда... И опять скажу: увы и увы!

Да не подумает кто-либо из читавших мои сочинения и статьи или слышавших о них, что я писал их из тщеславия, из желания сделаться известным, получить похвалу. Нет, кой-что (например, «Сказание о Абалацкой иконе Божией Матери» и некоторые из мелких журнальных статеек) мною писано для назидания, а в большинстве написано и напечатано вроде материалов: авось, думал я, кто-нибудь более меня способный из желающих писать о Сибири и воспользуется ими и составит при помощи их что-нибудь дельное, интересное, хорошее.

Наконец последнее замечание насчет моего авторства... Преосвященные Владимир, Георгий[23] и Феогност[24], при которых я начал писать свои сочинения, хвалили меня за сочинительство, меня одобряли в трудах разработки материалов для историй сибирской церкви, тобольской иерархии и Тобольской семинарии, вообще для сибирских древностей. Преосвященный Владимир, например, хвалил составленную мною биографию преосвященного Афанасия, при нем напечатанную в Москвитянине (1843 года). Преосвященный Георгий опубликовал о выходе в свет (с рекомендацией приобретать) «Сказание об Абалацкой иконе Божией Матери» и «Жизнь митрополита Иоанна Максимовича», опубликовал не только между духовенством Тобольской епархии, а и между светскими лицами Тобольской губернии, чрез сношения с тобольским губернатором, уездными исправниками и директором Тобольской гимназии и училищ. Преосвященный Феогност в ответ на посланное мною в Псков «Описание многочтимых икон тобольской иерархии» прислал мне весьма милостивое благодарственное письмо с рекомендацией притом заняться мне изданием истории всесибирской и особенно тобольской иерархии. Но преемник преосвященного Феогноста архиепископ Варлаам II[25] весьма немало причинил мне беспокойства из-за моей наклонности к авторству... Так, когда напечатано было вышепоименованное мое «Описание многочтимых по Тобольской и частию по другим сибирским епархиям икон», он много винил меня и на словах, и на бумаге, зачем я, во-первых, отправил свою рукопись в цензурный комитет и в типографию, не представивши ее предварительно на рассмотрение местного епархиального начальства? И не хотел владыка принять во внимание, что рукопись был отправлена в цензуру еще в 1862 году, когда управлял Тобольскою епархиею не он, а преосвященный Феогност, когда ни этот преосвященный, ни его

предместники никогда не предъявляли мне подобных требований и когда для таких и подобных требований не было и нет законных постановлений. Во-вторых, как смел я описать и огласить печатно такие события при многочтимых иконах, которые не были обследованы духовным начальством с участием притом полицейских чинов? А этого и ныне настоятельно не требуется, духовная цензура ныне весьма часто без представления таких обследований дозволяет печатно оглашать события, совершающиеся при многочтимых иконах, называя их прямо *чудесами*. С своей стороны я как будто предвидел придирку подобного рода, почему нигде в своей книге так не называл те события от Абалацкой иконы Божией Матери чудесами, а обыкновенно именовал их благодатными явлениями и самые иконы именовал не чудотворными, а только «многочтимыми». За такие благодатные от святых икон явления из описанных мною, которые при строгом обследовании, быть может, и не подтвердились бы, а произошли от одного народного предания, преосвященный Варлаам грозил мне страшными карами, какими грозит Духовный Регламент[26] выдумщикам и огласителям из корыстных целей ложных, небывалых чудес... А я описывал не свои выдумки, но события, о которых сведения извлечены были мною из летописей монастырских, а также из церковных актов или сообщены мне местными, притом наилучшими по вере и жизни, протоиереями, благочинными[27] и священниками.

Так еще, когда попалось на глаза преосвященного Варлаама несколько брошюр, отдельных оттисков с моих статей, напечатанных в Страннике и других журналах, владыка и того более разгорячился: почему-то признал те мои статьи напечатанными без всякой цензуры (как будто это и возможно в духовной литературе?!), прислал мне строжайший указ, чтобы я не смел ничего посылать в журналы и газеты и печатать без той предварительной епархиальной (т.е. его, преосвященного Варлаама) цензуры, грозя в противном случае жаловаться на меня Св. Синоду. Я вполне был уверен, что Св. Синод снисходительнее и правильнее посмотрел бы на мое дело, но мне никак не хотелось явно огорчать своего архипастыря (да и не в моем характере с кем бы то ни было ссориться); я показал вид покорности, а печатать статьи все-таки продолжал. Грешный человек! Каюсь, что прибегал к лукавству... Лукавство мое (вынужденное) выразилось в том, что подписывал статьи свои, составленные уже после помянутого грозного указа, задними числами, годами и месяцами, истекшими ранее его; то вовсе не подписывал статей своих и не обозначал даже места их происхождения на свете; то просил некоторых из своих хороших знакомых под-

писать под той или другой моей статьей их имя. Так появилась в Страннике биография иеромонаха, духовника Тобольского архиерейского дома Мисаила (в миру протоиерея Павла Фокина) с подписью: *Александр Цветков* (воспитатель Сибирской военной гимназии, из кандидатов Казанской духовной академии) и в Тобольских губернских ведомостях, да опять и в Страннике биография писателя о Сибири Николая Алексеевича Абрамова с подписью: *Филарет Петухов* (отставной таможенный чиновник происхождением из духовного звания). Из любопытства же, как поступит с моей бумажной стряпней местное епархиальное начальство, или лучше для уверения себя и других, что мне нечего ожидать от местной цензуры, я сделал опыт: представил преосвященному Варлааму для предварительного просмотра и одобрения сочинение «Викариатство[29] Тобольской епархии древнее Иркутское (в 1707–1714 гг.) и новое Березовское (1871 г.) и выделение из Тобольской епархии других сибирских епархий с их викариатствами». Статья историческая, притом и самая невинная, как очевидно и из ее названия, но она, побывав у двух или даже трех местных цензоров (между прочим, и у самого викария, преосвященного Ефрема[30]), все же не удостоилась от Его Высокопреосвященства[31] одобрения и разрешения — мне не было даже сообщено об отказе и не возвращена моя рукопись...

Протоиерей Александр Сулоцкий.

Омск, 13-го мая 1880 г.

Описание церквей,
существующих в г. Тобольске,
и Тобольского Софийского собора

Предисловие

Несколько уже лет занимаясь собиранием материалов для тобольской иерархии и истории христианства в Сибири, я имел случай собрать немало сведений как вообще о тобольских церквах, так в особенности о Тобольском кафедральном соборе[11]. Из этих-то сведений и составлено «*Описание — краткое всех, существующих в г. Тобольске, церквей и пространное — Тобольского Софийского собора*». Занимательность сего *Описания*, как и всех подобного рода сочинений, конечно, более местная: некоторые статьи в нем, как то: о месте погребения Тобольского митрополита Иоанна Максимовича, о памятнике ему и о всем, что относится до сего святителя[12], также об установлении приносить каждогодно из Абалака в Тобольский собор икону Божией Матери и другие тому подобные, — всякий житель Сибири прочтет не только с любопытством, но и с благоговением, а житель Тобольска даже и мелкие подробности касательно тобольских храмов найдет стоющими его внимания, по крайней мере не назовет их излишними. Впрочем, нельзя сказать, чтобы описание тобольских церквей вообще и в особенности Тобольского Софийского собора было совершенно лишено и общей занимательности: например, некоторые из тобольских церквей современны завоеванию Сибири, а Софийский собор есть первое (по времени) каменное здание из всех таковых же, существующих в этой обширной части России; притом в Софийском соборе, равно как и в некоторых приходских церквах, довольно находится утвари, пожертвованной царственными особами; есть, например, иконы царя Феодора Иоанновича, есть священные сосуды[13], Евангелия и напрестольные кресты[14] царя Михаила Феодоровича, есть жалованные (служившим в Сибири чиновникам) ковши императора Петра I, воздухи[15], архиерейское и священнические облачения императрицы Екатерины II, есть Царские врата[16] царевны Софии Алексеевны. К пред-

метам, интересным не для одних жителей Тобольска, можно также отнести: a) иконы от покорителя Сибири Ермака, b) посох[37] патриарха[38] Филарета, c) ссыльный Угличский колокол, в который били в набат по случаю убиения царевича Димитрия, d) дорогую митру[39], жертвованную сибирским губернатором князем *Гагариным*, кончившим жизнь в 1721 году, e) известие о построении Захарьевской церкви митрополитом Сильвестром среди татарских юрт в 10 дней, f) список тобольских архиереев, по его несравненной исправности пред теми, какие напечатаны в *Истории иерархии Российской церкви* и в *Кратком Показании о сибирских воеводах*, и g) царские грамоты — по сведениям, которые они заключают в себе, сверх материалов для истории построения Тобольского собора. Что ж касается до верности сведений, входящих в состав *Описания*, то за это могу ручаться, и во-первых, потому, что для истории и древностей тобольских храмов, и в особенности соборного, я собирал местные предания, сносился со священно- и церковнослужителями и другими сведущими из жителей Тобольска лицами, справлялся с церковными описями, с консисторским архивом и перечитал, притом не без критики, сибирские летописи и истории, описания путешествий по Сибири, разные исторические издания: *Новикова*, графа *Румянцова*, митрополита *Евгения*, археологической экспедиции и археографической комиссии, записки разных мест и лиц, словом, все — и печатное, и письменное, где только мог отыскать хотя что-нибудь для моего предмета; во-вторых, потому, что самая значительная часть сведений о соборной утвари мною получена от ключаря[40] Софийского собора, протоиерея *Як. Ив. Ласточкина*, по должности своей несколько лет сряду занимавшегося приведением в порядок и описанием соборной ризницы; в-третьих, и наконец, потому, что материалы, из которых составлено *Описание* тобольских храмов, предварительно были пересмотрены и по местам исправлены или пополнены г. смотрителем березовских, а ныне ялуторовских народных училищ *Н.А. Абрамовым*, который, служив прежде в Тобольске, узнал о нем многое, даже до мелочных подробностей, и много уже лет трудится, между прочим, над составлением истории Тобольска.

Сибир. кадет. корп. законоучитель
ст. канд. свящ.[41] *Ал. Сулоцкий.*

19 февраля 1850 г.
Омск.

2 Заказ 2481

Описание краткое всех церквей, существующих в Тобольске, и пространное Тобольского Софийского собора

Начало христианства в Сибири

Сибирь до конца XVI столетия населяли идолопоклонники шамацского и буддийского исповеданий и частью магометане.

Христианство появилось в ней только с владычеством русских (с 1581 г.).

С христианством в Сибири тотчас появились и места общественного богослужения. «Заселение Сибири, — говорит *Словцов*, — совершалось между прочим и в христианском разуме. Общее было правило тогдашних русских: где зимовье ясачное[6] — там и крест или впоследствии часовня, где водворение крепостное — там церковь, а где город — там, кроме церкви, и монастырь»*.

Первые церкви в Тобольске

После Спасской в Тюмени** первые по Сибири церкви выстроены в Тобольске: Тобольск срублен письменным головой Данилом Чулковым в 1587 году, и в том же году в нем выстроены три церкви: сначала во имя Живоначальныя Троицы и Вознесения Господня***, а потом Всемилостиваго Спаса****. Через 11 лет после сего, именно в 1598 году, воз-

* Ист. обозр. Сиб. Кн. 1. стр. 58.
** Сиб. Истор. Миллера. стр. 214.
*** «Понеже на оные праздники, — говорится в Крат. Показ. о бывших в сиб. гор. воеводах (стр. 4), — совершилось городовое строение».
**** Сиб. лет. Черканова г. 1587. Кратк. Показ. о сиб. воеводах. стр. 4. Сиб. Истор. Миллера. стр. 217. Древн. Вивл. ч. 3. стр. 108. И так у

двигнута другая Троицкая церковь* с приделом святителя и чудотворца Николая, а еще чрез 4 года (т.е. в 1602 г.) выст-

Словцова в Ист. Обозр. Сиб. кн. 1 на стр. 51 строение церквей Троицкой и Вознесенской отнесено к 1601 и 1602 г. ошибочно.

Троицкая церковь была на горе близ нынешней гауптвахты, там, где теперь выстроен новый тюремный замок. В 1690 г. вместо деревянной, которая до того несколько раз горела, она митр. Павлом, по обсчислению, на его собственное и арх. дома иждивение выстроена каменная (Сиб. лет. Череп. 1690 г.); в 1718 г., когда развалился Вознесенский собор, обращена во второй градской собор; в 1788 г. она вместе со многими другими церквами сгорела, а в 1791 г. разобрана и уничтожена. Утварь из Троиц. собора перенесена частью в Спасскую церковь, а более в Софийский собор (см. ниже, напр., описание теплого собора и соборной ризницы).

Вознесенская церковь была также на горе к Никольскому взвозу — на самом мысу, близ того места, где ныне башенная калачна. Она до 1717 г. считалась в Тобольске вторым собором, а в этом году уничтожена затем, что, быв окладена уже вся каменная, развалилась. Соборяне вознесенские перемещены к Троицкой церкви с переименованием сей последней в собор; жалованье, какое получалось от казны, переведено туда же. Впрочем, как бы для сохранения памяти об уничтоженном Вознесенском соборе, во имя Вознесения Господня в 1750 г. была устроена крестовая церковь в старом арх. доме (*см. прим. ******* на С. 24 наст. изд.*), а также лет. Череп. под 1717 г. и Крат. Показ. о сибир. воевод. под 1750 г.).

Спасская церковь сначала, как и все прочие, не только в Тобольске, но и в целой Сибири, была деревянная; в 1709 году она (тщанием купца Стефана Третьякова) заложена, а в 1713 г. окончена строением каменная; закладывал ее митр. Филофей, а освящал митр. Иоанн Максимович. Так сказано, и верно в лет. Череп. под 1709 и 1713 гг.; а в Крат. Показ. о сиб. воевод. закладка Спасской каменной церкви отнесена к 1740 году ошибочно. В сей церкви, кроме главного престола во имя Живоначальныя Троицы, освященного в 1791 г. вместо уничтоженного в то время Троицкого собора, находятся приделы: Нерукотворенного образа Спасова, Иоанна Предтечи и Иоанна Милостивого. К Спасской церкви в 1593 году был прислан из Углича колокол, в который били тут в набат по случаю убиения св. царевича Димитрия (см. ниже в описании собор. колокольни, надпись на самом колоколе и Древ. Вивл. Ч. 3. стр. 111). В ней замечательна, по своей древности, икона Нерукотворенного образа Спасова, длиной в один аршин, шириной в $^{3}/_{4}$, с серебряной золоченой ризой и венцом из чистого золота. В Спасскую церковь она поступила в 1791 г. из Троицкой, а в эту была прислана из Москвы, как показывает подпись на иконе, вскоре по покорении Сибири, от царя Феодора Иоанновича. Жаль, что в 1837 году икону сию поновили, и так, что без подписи совершенно невозможно в ней узнать царского дара. За малочисленностью и крайнею скудостию в настоящее время прихожан считается приписною к Спасской церкви, не имеет особого штата священно- и церковнослужителей и потому остается почти вовсе без священнослужения.

* *Вторая Троицкая церковь* с приделом Николая Чудотворца находилась на том самом месте, где ныне архиерейский сад. При частых в Тобольске пожарах она сгорела и не была восстановлена, только в 1776—84, как бы на память ее, во вновь воздвигнутом тогда архиерейском доме устроена крестовая церковь также во имя Живонач. Троицы и вместе в память сошествия Св. Духа на апостолов (*см. прим. ******* на С. 24 наст. изд.*).

роена церковь Никольская, та самая, что подле Никольского (прежде Прямского) взвоза, при въезде на архиерейский двор*. По одним в 1601 г., а по другим — около 1605 г. (Ист. Росс. церк. еп. Фил., пер. патр. ст. 61) за Иртышом, при впадении в него Тобола, был основан с названием Успенского Тобольский мужеский монастырь, который в 1610 г. из-за реки перенесен в самый город, на гору. Но через 11 лет существования на горе (в 1621 г.) Успенский монастырь сгорел; пользуясь этим обстоятельством, первый тобольский архиерей Киприан в 1623 г. перевел его под гору на луг за татарские юрты к речке *Мостовке,* именуемой ныне *Абрамовкою,* и велел впредь ему называться Знаменским, по имени воздвигнутой в нем церкви в честь Знамения Божией Матери**. На горе, на месте мужского монастыря, тогда же

---

* *Никольская церковь* построена в 1602 году по случаю явления угодника Божия Николая (лет. Череп. г. 1602). Впрочем, Никольской она называется только в народе, а пишется *Введенской,* потому что главный престол в ней во имя Введения Б.М. во храм. Кроме главного Введенского престола, в ней 4 придела: во имя святителя и чуд. Николая, Георгия Победоносца, Димитрия Солунского и в память Входа Господа нашего И. Х. во Иерусалим. Никольская церковь с 1743 г. — каменная и по внешнему устройству своему, равно как и по внутренним украшениям, одна из лучших в Тобольске, но, к сожалению, за малочисленностию и крайнею скудостию в настоящее время прихожан считается приписною к Спасской церкви, не имеет особого штата священно- и церковнослужителей и потому остается почти вовсе без священнослужения.

** Итак, Тоб. муж. монастырь едва ли не древнее всех сибирских монастырей, даже верхотурского и тюменского, из которых первый основан был в 1604, а второй — в 1616 г. В нем, доколе находился за рекой, церковь была во имя Савватия и Зосимы Соловецких чудотворцев, а по перенесении на гору — Успенская и еще *обыденная* во имя свят. и чуд. Николая. Сия последняя построена в 1611 г. обыденкой, т.е. в один день по обещанию всех жителей Тобольска по случаю конского падежа (Крат. Показ. о сиб. воев. стр. 5. Древ. Вивл. ч. 3. стр. 124. Сиб. лет. Череп. г. 1611). Но при переводе мужского монастыря под гору, с переименованием в Знаменский, архимандрит Тарасий выстроил в нем церкви — Знамения Б. Матери, Савватия и Зосимы. В 1659 г. Знаменский монастырь сгорел весь; при возобновлении его церкви во имя Соловецких чудотворцев не восстановили, а вместо ее в 1661 году всеми жителями Тобольска по случаю прекращения ужасного ненастья после молебствия перед Казанскою иконою Б. Матери в трои сутки выстроена Казанская деревянная церковь; кроме того, в 1685—1691 гг. в нем построена каменная церковь во имя Преображения Господня, а в 1767—69 гг. выстроены каменные же колокольня и церковь в два этажа, из которых в верхнем престол освящен в честь Казанской иконы Б. Матери, а в нижнем — во имя святителя и чудотворца Николая. Эти две церкви — Преображенская холодная и двухэтажная теплая — существуют и доселе. Что же каса-

(т.е. 1623 г.) устроен женский, называвшийся сначала Успенским и Никольским, а потом Богородице-Рождественским, с церквами *обыдённою* Николая Чудотворца и Успенскою, которая после переименована в Богородице-Рождественскую и которая с 1764 г. обращена в приходскую (см. Ист. Иер. Росс. ц. ч. 5. стр. 710)*.

Прочие церкви в Тобольске

Впоследствии времени с умножением народонаселения и возвышением благосостояния Тобольска как в нагорной

ется церкви Знаменской, то она, была вновь перестроена в 1750 г. архим. Порфирием, 27—28 апр. 1788 г., как деревянная, сгорела дотла и с тех пор не восстановлена доселе. В теплой церкви следует обратить внимание на икону Казанской Б. Матери, стоящую за правым клиросом: подпись под ней показывает, да и *летопись сибирская* говорит, что от нее в прежнее время совершались чудеса. Мимоходом заметим здесь, что архимандрит Мефодий был не первый настоятель Тоб. муж. монастыря, как об этом говорится в Крат. Показ. на стр. 5. Напротив, в 1612 году настоятельствовал в нем *Строитель* Лонгин, а в 1616 — игумен Дионисий. Архимандрит Мефодий пишется в грамотах настоятелем уже только под 1622 г. (из дел консист. архива). В Ист. *Иер.* ч. 4. стр. 207–9 о Тоб. муж. монастыре много сказано несправедливого.

* Тобольский женский монастырь упразднен при составлении дух. штатов в 1764 году. Впрочем, престарелые монахини жили в нем до 1788 года, когда пожар, истребивший почти весь Тобольск, уничтожил и их кельи. Монастырская церковь, которая пишется *Богородице-Рождественскою*, а в народе слывет то *Ильинскою*, то *Николы Обыденного*, то *Девичьим монастырем*, при упразднении монастыря обращена в приходскую. Она с 1751 года каменная и, сверх главного престола в честь Рождества Богородицы, имеет два придела: один — во имя Святителя и Чудотв. Николая, а другой — во имя Пророка Божия Илии. Никольский придел Богородице-Рождественской церкви замечателен в двух отношениях: 1) в нем в честь Святителя Николая, сверх праздеств 6 декабря и 9 мая, празднуют еще 27 июня (Древ. Вивл. ч. 3. стр. 125) в память прекращения в 1611 году заступлением Святителя и Чудот. Николая конского падежа. Тогда по этому случаю благодарными жителями Тобольска была выстроена обыденкой, как сказано в предыдущем замечании, и церковь Никольская, которая и по соединении с Богородице-Рождественскою долго называлась, да и доселе иногда в народе называется *Николы Обыденного*. В сей последний праздник (т.е. 27 июня) многие не только из горожан, но и из окрестных крестьян приводят к Богородице-Рождественской церкви коней своих и просят служить Св. Николаю молебен с водоосвящением; прежде, сверх того, 27 июня из этой церкви совершался крестный ход. 2) *Царские двери* в Никольском приделе, хотя не очень богатые и не изящной работы, серебряные, или лучше деревянные, только по краям и между иконами обложенные серебряной чеканной латунью: они суть дар *царевны Софии Алексеевны*, присланный еще в то время, как церковь была монастырскою (Москв. на 1849 г. № 10).

его части (все вышепомянутые церкви, кроме Знаменского монастыря, были построены на горе), так, в особенности, в подгорной были выстроены и другие церкви, именно: Похвалы Пресвятой Богородицы в 1625 г или в следующем, Сорока севастийских мучеников в 1652 г. (обе домовые архиерейские)*, Сергиевская**, Богоявленская (иначе Богородская), Архангельская, Трех Святителей***, Благовещенская, Христорождественская, Пятницкая (иначе Сретенская), Андреевская, Покровская (иначе Крестовоздвиженская), Петропавловская, Предтечевская****, Захарьевская (иначе Воскресенская)*****, Всесвятская (в загородной архиерейс-

* Дрсвн. Вивл. ч. 3. стр. 143, 180.

** Каменная *Сергиевская церковь*, вместо такой же деревянной, заложена была митр. Павлом 1 вместе со старым арх. домом, оградой вокруг него и с башнями в 1686 г. (Сиб. лет. Череп. г. 1686); стояла она подле Софийского собора с северной стороны на святых воротах (из трех или четырех ворот архиерейского дома *святыми* называются те, что между собором и старыми присутственными местами, и называются так оттого, что отворяются они единственно для пронесения чрез них святыни, именно Абалацкой иконы Божией Матери, и других икон, при ней бывающих). Когда уничтожена Сергиевская церковь — неизвестно. Вместо ее предполагали было устроить церковь во имя Преп. Сергия Радонежского Чуд. и Афанасия Афонского под новой соборной колокольней (Крат. Показ. стр. 27), но предположение это, как увидим ниже (в описании собор. колокольни), не состоялось.

*** Церковь *Трех Святителей* находилась неподалеке от Знаменского монастыря на восток или на север от него, даже едва ли не в самом монастыре (Сиб. лет. Череп. г. 1661).

**** Деревянная церковь во имя *Иоанна Предтечи* была на горе близ нынешней Петропавловской, она сгорела в 1760 году (из дел полиц-мейстерской конторы).

***** *Захарьевская* деревянная церковь построена в 1752 г. следующим образом: в прежнее время по берегу Иртыша, между Знаменским монастырем и речкой Курдюмкой, жили татары. Проживавший в Тобольске краснослободский крестьянин *Мих. Мухин* купил в их юртах пустопорожнее место и отвел оное в распоряжение митр. Сильвестру. Сей, был особенно ревностен к обращению неверующих, решился выстроить на помянутом месте храм; для этого, не сообщая никому о своем намерении, преосвященный приказал рубить в Знаменском монастыре срубы, будто бы для больничной церкви, и когда срубы были готовы (тогда случился воскресный день), 24 августа 1752 г. после литургии сделал из собора крестный ход. Шествие по приказанию митр. Сильвестра направилось в татарские юрты и прямо к тому месту, которое, как сказано, куплено было Мухиным. Оно немедленно было расчищено и освящено; между тем митрополичьи крестьяне, еще с утра посланные с роспусками в Знаменский монастырь, подвезли срубы, мох для мшения и проч. Преосвященный тотчас заложил церковь и, обратясь к народу, просил его содействия в построении оной. Народ с таким усердием принялся за дело, что церковь через 10 дней (а по другим сведениям — через два дня) была готова, а 5 сентября и освящена (во имя правед. Захарии

кой роще), Кладбищенская — в народе Завальная (тщанием и иждивением сибирского губернатора Дениса Ивановича Чичерина) и Острожная (старанием тобольского губернатора Бантыш-Каменского).

Построение, вместо деревянных, каменных церквей в г. Тобольске

Церкви в Тобольске в первые сто лет его существования, как и по всей Сибири, были все деревянные: зато в другие сто или полтораста лет (с 1683 г.) вслед за Софийским собором они все перестроены в каменные. Строение каменных в Тобольске церквей происходило в следующем порядке: Преображенской, главной в Знаменском монастыре, — в 1685—1691 гг., Сергиевской, бывшей над Святыми воротами, что подле Софийского собора, — с 1686 г., Троицкой, с 1717 г. соборной, — в 1690 г., Богородской (иначе Богоявленской) нижней — в 1691 г., а верхней — в 1744 г.*, Спасской — в 1709—1713 гг., Вознесенской (соборной) — в 1716—1717 гг., Благовещенской в 1735 г.**, Никольской — в 1743 г., Андре-

и Елисаветы). Татары во все это время волновались и чуть не убили помянутого крестьянина Мухина, после жаловались даже императрице Елисавете Петровне. Но тщетно: после пожара, истребившего в 1757 году между прочим 92 юрты, даже и место по Иртышу между Знаменским монастырем и Курдюмкой у татар губернатором Соймоновым было отобрано и стало русским (Сиб. лет. Черен. г. 1752; Москвит. на 1849 г. № 10 и надписи в самой церкви). Деревянная Захарьевская церковь, построенная митр. Сильвестром, в 1757 г. вместе с юртами, как сейчас сказано, и другими обывательскими домами сгорела. Почему вместо ее в 1759 г. была построена каменная (Сиб. лет. 1757 и 1759 гг. Крат. Показ. стр. 22) о двух этажах, весьма красивая по наружности и богатая по внутренним украшениям. В ней шесть престолов: в нижнем этаже — Воскресения Христова, праведн. Захарии и Елисаветы и св. Димитрии митр. Ростовского чудотворца, а в верхнем — Вознесения Господня, происхождения честных древ Животворящего креста Господня и Тихвинской Бож. Матери вместе со Скорбященскою.

* В *Богородской* церкви три престола: наверху — в честь Владимирской иконы Бож. Матери, внизу — в память Богоявления Господня, в приделе — во имя великомученицы Варвары: между колоколами сей церкви есть один с надписью: «*Me fecit Jan Albert De Grove Amsteloduni anno Domini 1719*». (Лит я в Амстердаме Иваном Албертом Де-Граве в лето от Р.Х. 1719-е). Чего стоило везти колокол из Голландии в Сибирь!

** Каменная *Благовещенская* церковь построена тщанием прихожан, большею частью выходцев из Устюга Великого. И вот причина, почему в ней, кроме главного Благовещенского престола и приделов Екатерининского и муч. Мины, есть еще придел, и хорошо украшенный, во имя Прокопия и Иоанна устюжских чудотворцев.

евской* и Христорождественской** — в 1744 г., Архангельской нижней — в 1745—1748 гг., верхней — перед 1754 г.***, Богородице-Рождественской (бывшей монастырскою) — в 1751 г., Пятницкой, иначе Сретенской, — в 1754 г.****, Захарьевской — в 1759, Покровской, иначе Крестовоздвиженской, — между 1763—1773 гг.*****, Казанско-Никольской и с колокольней, что в Знаменском монастыре, — в 1767—1769 гг., Петропавловской****** — в 1769 г., кладбищенской, или Завальной******* — в 1775 г., архиерейской крестовой, заложенной в 1776 г. во имя Двенадцати апостолов, а освященной в 1784 г. во имя Живоначальныя Троицы********, Все-

* В *Андреевской* церкви три престола: во имя ап. Андрея Первозванного, Иоанна Воина и Авраамия Затворника. Строил ее на собственное иждивение купец Аврам Сумкин.

** *Христорождественская* деревянная церковь стояла, где ныне площадь, пред домом благородн. собрания, на восток от нынешней каменной. В ней три престола: Рождества Христова, Зосимы и Савватия соловецких чудотворцев и Смоленской Бож. Матери. Каменная при Христорождественской церкви богадельня выстроена купцом Иван. Лукиматушкиным.

*** Каменная *Архангельская* церковь выстроена старанием церковного старосты купца Дм. Худякова на собранные с прихожан деньги. В верхнем ее этаже престол освящен во имя ап. и еванг. Иоанна Богослова, в нижнем — во имя архангела Михаила, а в приделе — трех святителей: Василия В., Григория Б. и Иоанна Златоустого.

**** И *Пятницкая* церковь двухэтажная: вверху престол освящен во имя Алексия человека Божия, внизу — в память Сретения Господня, а в приделе — в честь муч. Параскевы, именуемой *Пятницею*.

***** *Покровская* (также двухэтажная) церковь весьма красива по наружности: на островке, между двух речек, высокая сама при еще более высокой и красивой колокольне (выстроенной в 1778—1780 гг.), — и благолепна внутри, особенно в верхнем этаже. Престол верхней церкви посвящен Покрову пресвятой Богородицы, нижний — Воздвижению Животворящего креста Господня, в приделе, который начат постройкою в октябре 1789 г., — Симеону Столпнику. Покровская деревянная церковь в последний раз сгорела в январе 1743 г., а стояла [illegible] на осиево-шестое.

****** *Петропавловская* церковь, хорошая снаружи, по внутреннему украшению беднее всех прочих церквей в Тобольске. В ней главный престол освящен во имя верховных апостолов Петра и Павла, а в двух приделах — во имя Алексия, митр. Московского, и преп. Нила Столбенского.

******* *Кладбищенская* церковь освящена во имя Седми ефесских отроков. *Завальною* народ привык ее называть потому, что стоит она за *валом*, который насыпан некогда (в 1688 г.) для обезопасения города от неприятельских набегов.

******** Что *архиерейская* церковь была заложена не во имя Живонач. Троицы, а во имя 12 апостолов, это видно из [illegible] на камне, который вложен в самой церкви на левой стороне. Церковь эта вместе с архиерейским домом устроена преосвящ. Варлаамом, но в 1833 и след. г. перестроена архиепископом Афанасием, и перестроена изящно: она стала обширнее, иконостас новый и красивый, живопись достойная

святской, также крестовой — около 1790–1795 гг.*, Острожной Александро-Невской в старом остроге — 1826 г. и крестовой в загородной архиерейской роще с весны 1845 строющейся**. Сверх того, скоро имеет быть устроена церковь в новом тюремном замке.

предмета. Но в особенности хорошо в ней представлено то событие, в память которого освящена церковь, т.е. сошествие Св. Духа на апостолов: внутренность храма представляет вид Сионской горницы, вверху изображен Дух Святый среди бурных облаков; в иконостасе и по стенам в два ряда сидят Бож. Матерь и апостолы; над головами у них видны огненные языки. Между утварью Троицкой крестовой замечательны серебряный под золотом с фигурами, сделанными чернью, *напрестольный крест, пожертвованный от кн. Репнина*, также крест митр. Корнилия и св. сосуды Рафаиловского монастыря. Последние взяты в нее по уничтожении в недавнее время помянутого монастыря (бывшего в Ялуторовском уезде) за совершенным безлюдством; а первый, как видно из подписи на нем, был пожертвован 28 сентября 1675 г. тоб. воеводою боярином кн. Ив. Бор. Репниным в Тобольскую Вознесенскую церковь, бывшую в стене архиерейского дома и развалившуюся в 1717 г. (*см. прим.* **** *на С. 18 наст. изд.*). Случаем к пожертвованию его, полагают, было исцеление младшего сына кн. Репнина от тяжкой болезни, по молебствии пред чудотв. иконою Бож. Матери, которую для сего нарочно приносили из Абазака в Тобольск (Сиб. лет. Череп. 1672 г.). Что ж касается до креста Корнильева, то он устроен в 1676 г. и пожертвован в Троицкую церковь на помин души жертвователя и его родителей. При сей церкви находится ссыльный Угличский колокол, но об нем см. ниже — в описании соборной колокольни.

Касательно домовых архиерейских церквей кстати здесь сообщить следующее: успел ли первый сиб. архиерей Киприан устроить в своем архиер. *Софийском* доме церковь, и ежели успел (в Тобольске он жил менее трех лет), то какую — неизвестно. Второй тобольский архиеп. Макарий в 1625 и сл. году «поставил на своем святительском дворе сенную церковь *во имя Похвалы Пресвятыя Богородицы*», так как на сей праздник (2 апр.) он прибыл в Тобольск (Древ. Росс. Вивл. ч. III, стр. 142). Архиеп. Симеон, прибывший в Тобольск в 1652 г. на память своей хиротонии, происходившей в день «*40 муч., во имя* их воздвигнул церковь у себя на сенях против новых хором» (там же, стр. 180), которая в пожар 1677 г. вместе с архиер. домом и Софийским собором сгорела и которую, однако, митроп. Павел I около 1687 г. воссоздал в устроенном им каменном архиерейском доме. Митр. Сильвестр в 1750 г. выстроил церковь с кельями в память *Вознесения Господня* (Лет. Череп. 1750 г. Кратк. Показ. стр. 21), а Варлаам в новом архиерейском доме устроил, как об этом и в тексте сказано, две домовые церкви: Троицкую и Всесвятскую вместо (Всесвятской же) бывшей до того (до 1790 г.) в загородной архиер. роще. Кем и когда была выстроена церковь при загородном архиер. доме — это неизвестно.

* *Всесвятская* крестовая церковь, упомянутая в предыдущем замечании, находится в самом верхнем этаже Тобольского архиерейского дома. Преосвященный Владимир в 1844 г. ее перестроил было, или лучше сказать, восстановил из разрушения, но за смертию не успел освятить. Впрочем, она и доселе не освящена за излишеством и неудобством помещения.

** Церковь эта строится на сумму, пожертвованную действ. ст. сов. Алексеем петров. Кичуровым, и на деньги, собранные преосв. Владими-

Уничтожение некоторых церквей, количество и благолепие существующих

Из исчисленных сейчас каменных и прежде упомянутых деревянных церквей г. Тобольска одиннадцать с течением времени уничтожены: Вознесенская в 1717 г., Предтеченская — в 1760 г., Троицкая соборная — в 1691 г., Троицкая, Похвалы Богородицы, Сорока мучеников и Сергия Радонежского чудотворца (все четыре — неизвестно когда), Трех святителей, Соловецких чудотворцев — в 1659 г., Знамения Божией Матери — в 1788 г. (последние три были в Знаменском монастыре) и Всех святых, что в загородной архиерейской роще, — около 1790 года*.

За тем церквей в Тобольске, считая вновь строящуюся загородную и соборные, о которых доселе с намерением не было упоминаемо, — 21; в сем числе 2 соборных, 2 монастырских, 3 домовых архиерейских, 1 кладбищенская, 1 острожная, 1 приписная (Спасская) и 11 приходских; из сих последних 3 на горе и 8 под горой. А престолов с приделами и с имеющим быть еще в неоконченной постройкою церкви — 54.

Тобольские церкви все, как по наружному устройству, так и по внутренним своим украшениям, без преувеличения можно сказать, весьма хороши; Тобольск — город весьма небогатый по торговле, ремеслам, состоянию жителей и зданиям, может по святым храмам равняться с самыми лучшими древнейшими и богатейшими городами Российской империи.

ром и Георгием от доброхотных дателей, как в Тобольске (напр., от двоих купцов Пиленковых), так и во всех прочих городах Тоб. епархии, особенно в Петропавловске (здесь от одного куп. Зенкова пожертвовано 1000 р. сер.). Предполагают освятить ее во имя Москов. митр. Алексия, ангела главного жертвователя, и святителя Митрофана. В строющейся загородной архиер. церкви в мае 1845 г., согласно завещанию, погребен сам основатель ее — епископ тоб. Владимир.

* Сиб. лет. Череп. 1717, 1659 гг. Кратк. Показ. о сиб. воев., стр. 26—27. Впрочем, и исчисленные одиннадцать не все совершенно уничтожены; напр., вместо Вознесенской устроен главный престол в верхнем этаже церкви Захарьевской; вместо Троицкой соборной освящен главный престол в церкви Спасской (Крат. показ. стр. 27); вместо Троицкой приходской устроена Троицкая же церковь в архиерейском доме; Предтеченская, Трехсвятительская и Соловецких чудотворцев как бы заменены приделами: первая — в Спасской церкви, вторая — в Архангельской, а третья — в Христорождественской; что ж до Всесвятской церкви, то она перенесена в верхний этаж архиер. дома; только Знаменская монастырская, Похвалы Богородицы, Сорока мучеников и Сергиевская совершенно уничтожены.

Тобольский Софийский собор

Всех приходских и прочих церквей в Тобольске величественнее и замечательнее кафедральный Софийский собор.

Его местоположение

Тобольский кафедральный Софийский собор находится в нагорной части города, возвышающейся на 25 сажен над уровнем Иртыша и сажен на 20 над подгорною частию. С запада и севера его окружает обширная площадь, на которой расположены губернские присутственные места и новый тюремный замок, а за площадью под высоким и обрывистым берегом течет (шириной до 300 сажен) Иртыш, лишь принявший с себя воды Тобола; на северо-востоке от него находятся старый гостиный двор (где прежде помещались некоторое время и присутственные места) и арсенал; на востоке — Никольская церковь и архиерейский двор с старым и новым зданием консистории; на юго-востоке и самом юге — прекрасный архиерейский дом, теплый собор и соборная колокольня, а за ними под горой — вся нижняя часть города. К самому собору Софийскому прилежат: на северной стороне почти во всю его длину — придел Иоанна Златоустого, а на южной — против алтаря — соборная ризница.

Время первоначального его построения

Когда и кем основан Тобольский Софийский собор? В Описании монастырей и епархий в Российской империи находящихся, также столичных и других замечательнейших по России церквей* сказано: «В Тобольске церковь соборная Кафедральная во имя св. Софии Премудрости Божией первоначально построена была в 1642 году».

Подобное говорится в Крат. Показ. о сиб. воев. (на стр. 10) и у Словцова в Историческом обозрении Сибири**. В Тобольске верили этому и верят, и тем охотнее, что и в летописце сибирском (рукопись, принадлежащая соборной ризнице, которая, впрочем, уже напечатана в третьем томе Др. Росс.

* Изд. 7-е Москва. 1828 г., стр. 144. Оно издано при Христианском месяцеслове 1825 года.
** Кн. I. стр. 572, 192.

Вивл.) определенно о построении Тобольского Софийского собора в первый раз говорится только под 154, т.е. 1646 годом, в бытность четвертого сибирского архиерея Герасима*. Но если бы это в самом деле было так, т.е. если б в Тобольске до 1646 или 1642 года Софийского собора не было, то зачем: а) второй сибирский архиерей Макарий еще в 1626, 1629 и 1633 годах посылал воеводам городов своей епархии в конце грамот, сверх своего пастырского благословения, *милость Софии Премудрости Слова Божия***? и б) употреблял, как и позднейшие сибирские архиереи, печать с изображением Софии Премудрости Божией***? Притом каким бы образом, если б, повторяю, Софийского собора до 1646 или до 1642 года в Тобольске вовсе не было, сам составитель помянутого Сибирского летописца мог говорить, что. в) третий и четвертый сибирские архиереи Нектарий и Герасим в 1636 и 1641 гг. по прибытии в Тобольск пришли из-под горы, из Знаменского монастыря в соборную церковь и в свой *Софийский* святительский *дом****? Что г) в начале 1643 года, когда нужно было по одному делу привезти в Тобольск крест с Кондинской церкви, для того в Кондинск были посыланы *Софийского собора священник* Игнатий да *софийский же сын боярский* Григорий Пирогов; и что д) в пожар 1643 года между прочим погибли *соборная церковь и Софийский* святительский двор*****? Но самое неопровержимое доказательство существования в Тобольске Софийского собора до архиепископа Герасима, и прежде 1646 года, находится в полном собрании русских летописей: там (т. 3, стр. 188) о первом сибирском архиерее, после Новгородском митрополите Киприане, сказано, что он *«в Сибири будучи... и дом****** Софии Премудрости Божиа устроил»*. Итак, Тобольский Софийский собор в первый раз построен не в 1642 или 1646 году, а между 1621–1624 годами, и не четвертым сибирским архиереем Герасимом, а первым Киприаном*******.

* Древ. Вивл. т. 3. стр. 173, 177.

** Собр. госуд. грам. и догов., т. III. стр. 292, 306, 333.

*** Там же, т. III.

**** В Тобольске архиер. дом подле самого собора (Софийского), а потому и назывался Софийским.

***** Древ. Вивл. т. 3. стр. 156, 165, 167.

****** Знакомые с языком летописей и помнящие место Соломоновых Притчей (9, 1): «премудрость созда себе *дом*, и утвердиі..», на котором толковники основывают понятие о Бож. Премудрости, конечно, не скажут, чтобы домом называлась здесь не церковь.

******* Первый сибирский архиеп. Киприан был новгородец, родился он в Старой Русе, архимандритом был в Хутынском монастыре и во вре-

История Тобольского Софийского собора

Собор, выстроенный архиепископом Киприаном, сгорел в пожар с 13 на 14 число августа 1643 г., истребивший почти всю нагорную часть Тобольска. Преосвященный того времени Герасим, оставшийся без собора и принужденный совершать священнодействия даже при самых важных событиях, например, по случаю восшествия на престол царя Алексея Михайловича, в приходской Богоявленской церкви, потому 24 мая 1646 года заложил, а 13 августа 1648 г. освятил новый Софийский собор. Собор этот, как и прежний, был деревянный, о тринадцати главах и с несколькими приделами*.

Но и собор строения архиепископа Герасима стоял только 30 лет: и он сгорел в пожар 29 мая 1677 г., начавшийся в Знаменском монастыре от молнии и опустошивший самую большую часть города как на горе, так под горой**.

К счастию Тобольска, даже целой Сибири, в 1679 г. на сибирскую митрополию по смерти митрополита Корнилия назначили Чудовского архимандрита Павла, мужа сильного при дворе и у патриарха и опытного в архитектуре***. Застав в Тобольске еще свежие следы ужасного пожара 1677 г. (во время которого сгорел собор и после того не был восстановлен) и слыша, как много в Сибири гибнет частных и казенных зданий, а особенно храмов Божиих****, от того наибо-

мена самозванцев принимал самое деятельное участие в судьбе Великого Новгорода (Собр. госуд. грам. и договор. т. II, стр. 601; Путеш. по Свят. мест. русским. Киев 1844 г. стр. 225). Итак, ему и весьма естественно было устроить в новооткрытой епархии кафедральный собор во имя Софии Премудрости Божией на память Софии, столь славной на его родине. Желание Киприана, так сказать, осуществлять память своей родины в священных зданиях далекой Сибири доказывает и то еще, что по его приказанию Тобольский муж. монастырь из Успенского переименован в Знаменский, конечно, на память иконы Знамения Бож. Матери, так много чтимой в пределах Новгородских.

* Древ. Вивл. ч. 3, стр. 167, 173, 177.

** Древ. Вивл. ч. 3, стр. 231 и Лет. Черен. под 1677 г.

*** О первом можно заключить из того, что он был духовником царевны Софии и членом патриаршего разряда, а о втором из того, что ему во время засеания в патриаршем разряде поручено было между прочим заведывать делами по постройкам церквей и монастырей (см. акты археограф. экспедиц. т. IV. стр. 290).

**** Как часто в Тобольске бывали пожары и как они были гибельны для церквей, об этом можно заключить между прочим из следующего: Богоявленская церковь в 6 лет горела три раза (между 1679–1685 гг.). Это из бумаг, принадлежащих Богоявленской церкви.

лее, что постройки там решительно все производятся из дерева. преосвященный Павел (в 1680 г.) представил царю Федору Алексеевичу о необходимости выстроить в Тобольске вместо сгоревшего деревянного каменный собор. Донося в представлении своем о способах, какие имеются на месте* к постройке каменного собора, он с тем вместе просил его царское величество: а) позволить ему употреблять пашенных казенных крестьян для доставки в Тобольск на дощаниках[43] и плотах извести и дикого камня, б) прислать из Устюга или Москвы железа для связей да в) отыскать каменщиков человек пять и кирпичников 20. Сверх того, в том же представлении митрополит ходатайствовал г) о позволении употребить на строение 700 р. денег, принадлежащих церкви села Абалацкого, которые в то время хранились в архиерейском доме, и так как этих семисот рублей было недостаточно, д) о прибавке к тому числу из государевой казны.

Преосвященный и добродушный царь милостиво принял представление митрополита сибирского. От 28 апреля 1680 г. было повелено (на имя тобольского воеводы Шеина с товарищи): соборную церковь Св. Софии премудрости Слова Божия в Тобольске строить каменную по образцу церкви Московского Вознесенского девичьего монастыря; потребную для того сумму 700 р. употребить из государевых таможенных в Тобольске; доходов мастеровых сыскать на месте; для приплавки извести и дикого камня дать нужное число пашенных казенных крестьян; церковную же абалацкую сумму взять из архиерейского дома в *Приказную избу*[44] и на нее выстроить в самом селе Абалацком также каменную церковь. Касательно железа для связей было сказано, что оно в количестве 682 пудов будет отправлено из Москвы с софийским сыном боярским Бязевым**. Обещанное железо действительно вскоре и было доставлено в Тобольск. Сверх того от царя Федора Алексеевича присланы были в дар Софийскому собору два колокола, один в 103, другой в 40 пудов, и еще: серебряный под золотом на-

* Напр., что кирпичной глины близ Тобольска довольно и уже обожжено кирпича до 100 тысяч; что известь найдена по р. Режу, близ слободы Арамашевой, да ее уже и заготовлено 1500 бочек, из коих до 50 приплавлено в Тобольск; и что камень, нужный для бута, есть на рр. Нейвс и Туре в 400 верстах от города. Эти подробности показывают, что до митр. Павла сомневались даже в возможности строить в Сибири каменные здания.

** См. в конце царские грамоты под №№ 1 и 2.

престольный крест, дорогое Евангелие, такие же священные сосуды; да вскоре затем от царей Иоанна и Петра Алексеевичей пожертвован колокол во 160 пудов*.

Во исполнение царского указа в следующем, 1681 г., выкопали под фундамент рвы, а в 1683 г., апреля 22 дня**, по возвращении митрополита Паала с чреды священнослужения при патриархе заложен *собор — первое каменное здание во всей Сибири*. С небольшим в год (с 22 апреля 1683 г. по 26 июля 1684 г.) он был почти весь складен, даже большая глава была уже выведена, но от несоразмерности внутренних столбов с тяжестью главы и сводов 26 июля 1684 г. весь верх упал. Вновь начатые работы окончены только чрез два года***.

Каменный собор освящен (27 октября 1686 г.)**** митрополитом Павлом не во имя Софии Премудрости Слова Божия, как прежний деревянный, а в память Успения Божией Матери, самая храмовая икона божественной Софии перенесена с второго места правой стороны иконостаса на левую (хотя на второе же место), а там на ее место поставлена икона Успения Божией Матери. Впрочем, собор и после того удержал, да и удерживает прежнее наименование, т.е. Софийского*****.

---

* См. ниже в описании ризницы и колокольни.

** Так сказано в Древ. Вивл. (стр. 139 и 140), в Сиб. лет. Череп. (под 1681 и 1683 гг.) и в Описании монастырей, епархий и церквей в Росс. импер. находящихся (стр. 144. изд. 7, 1828); напротив, в Кр. Показ. о сиб. воев. (стр. 14) и в Ист. обозр. Сиб. Словцова (Кн. 1. стр. 190 и 572) построение, по крайней мере закладка собора отнесена к 1680 г. Верю на этот раз первым трем книгам, потому что авторы последних, особенно Кр. Показ. очень часто грешат в хронологии.

*** В *Материалах для статистики Российской империи* в статье *«О древних зданиях»* отнесены к древним зданиям между прочим каменные церкви монастырей Тобольской епархии Ивановского и Рафаиловского, а о Тобол. Софийском соборе, вероятно, как о произведении новом, вовсе и не упомянуто; между тем как церковь первого из них выстроена позднее Тобольского собора 70 годами (в 1751 г.), а второго позднее 80 г. (около 1764 г.). И вообще, г. Глаголев в помянутой статье много допустил ошибок касательно древних по Сибири зданий.

**** В следующие за освящением 3 дня, т.е. в 28, 29 и 30 окт. 1686 г., происходили умилительные церемонии перенесения в собор останков трех прежних архиереев: Макария, Герасима и Корнилия — из деревянной Сергиевской церкви, где они находились временно, или с пожара 1677 г., или только с закладки нового собора (*Записная книга*, принадлеж. Тоб. собору. Древ. Росс. Вивл. ч. 3. стр. 257).

***** К соединению в соборе названия Софийским с посвящением Успению Бож. Матери могло послужить поводом то, что церковь празднует св. Софии везде, кроме Киева, в день Успения Бож. Матери (см. Опис. Киево-Соф. собора).

Сверх главного в соборе престола во имя Успения Бож. Матери, в одну с ним линию, на правой стороне был устроен еще придел во имя апостолов Петра и Павла, которого, впрочем, давно уже нет*.

Со времени постройки по настоящее время с Тобольским Софийским собором происходили следующие перемены.

1. 8 мая, в праздник Иоанна Богослова, 1705 г. во время нечаянно случившейся грозы бурею сломан с соборного алтаря крест, а с Сергиевской церкви, стоявшей близ собора, снесен весь верх и с крестом.

2. Первоначально устроенный иконостас потому ли, что не соответствовал величественности здания, или по чему другому, был снят при митрополите Филофее. Сей о нужде устроить новый иконостас вошел с представлением к государю Петру I и, получив из казны 1000 р., в 1710 году сделал его весь новый, резной**.

3. В сентябре 1733 года на соборе и принадлежащих к нему зданиях сгорели в пожар, начавшийся в архиерейском доме, деревянные крыши и главы. Потому в 1735 году как главы, так и кровля покрыты вместо теса железом — главы по деревянным стропилам, а кровля по железным, и все было выкрашено***.

4. Простояв около ста лет от построения, каменный Софийский собор по причине осадки фундамента потребовал исправлений. Преосвященный Варлаам (родной брат знаменитого Санкт-Петербургского митр. Гавриила) пригласил к пожертвованиям тобольских граждан и в то же время представил о нуждах церковных высшему начальству. По именному повелению императрицы Екатерины II в 1783 и 84 гг.**** ассигновано из казны 15521 р. 30 к. На них и на сумму, собранную от доброхотных дателей, с 1777 по 1787 г. (включительно) маковица на большой главе покрыта железом и по железу вызолочена; на шее под ней написаны в соответственном высоте размере Иисус Христос с 12 апостолами; купол большой главы и четыре главы меньшие по-

* Старинные соборные описи.
** См. в конце Грамоту Петра I под № 3.
*** См. Сиб. лет. Череп. 1733 и 1735 гг.
**** См. в конце указ. Имп. Екат. II князю Вяземскому под № 4. Для дальнейших соображений заметим здесь, что в то же время преосв. Варлаам исходатайствовал у правительства на соборную колокольню, консисторию и два служебные корпуса 18000 руб.

крыты вместо прежнего простого белым железом, кресты на всех пяти главах вызолочены, на самом соборе исправлена крыша (железная с 1735 года) и подведены под нее вместо деревянных железные стропила; внутри собора исправлен и вызолочен иконостас, причем уничтожен Петропавловский придел*. Вторичное освящение его происходило 20 июня 1787 года. Но не прошло и года после сего, как потребовалось производить новые поправки: в пожар 27—28 апреля 1788 г., истребивший почти весь город (одних церквей с архиерейской домовой и монастырскими 14), собор хотя и не сгорел, но при переноске церковной утвари потерпел много повреждений. При новых поправках, которые производились частию на остатки от помянутой казенной суммы, частию на новые пожертвования от лиц частных, сделана между прочим богатая риза на храмовую икону Успения Божией Матери, что за правым клиросом**.

5. Около 1807 г. в начале управления Тобольскою епархиею архиепископом Амвросием *Келембетом* на северной стене собора сделалась трещина, начиная с фундамента и до сводов. Чтобы предотвратить опасность, грозившую целому зданию, преосвященный тобольский Евгений в 1831 году собрал от доброхотных дателей до 30 тысяч рублей ассигнациями и исправил повреждение.

6. В 1846 году на большой главе переделаны надглавок и крест с уменьшением в вышине и с позолотою вновь обоих. Переделка эта произведена вследствие повреждений надглавка, происшедших в прежние годы от бурь.

Наружный вид Тобольского Софийского собора

Строить тобольский собор от царя Федора Алексеевича было предписано по образцу церкви Московского Вознесенского девичьего монастыря. Расположен он на 250 квадратных саженях и как в длину, так и в ширину имеет до 16 погонных сажен. Следовательно, фигура Софийского собора квадратная, но так, что к западной стороне квадрата примкнута небольшая паперть, а на восточной из квадрата выдались три полукружия, под которыми внутри устроен алтарь. В высоту он имеет около 22 сажен. Глав на соборе — 5; из

* Все сии сведения заимствованы из старых соборных описей.
** См. ниже в описании внутренности собора.

3 Заказ 2431

них, как обыкновенно бывает, средняя больше и выше прочих четырех; все они крыты белым железом, и по железу — надглавки на них, маковицы и кресты вызолочены; сверх того, шея большой главы расписана. Крыша железная и на железных стропилах выкрашена зеленой краской.

Внутренность Софийского собора

Во внутренности Тобольский Софийский собор, как и все старинные церкви, византийской архитектуры: купол и своды потолка поддерживаются двумя массивными столбами, алтарь (один во всем соборе в память Успения Божией Матери) устроен под средним и высшим из трех полукружий, выдавшихся из восточной стены, иконостас, устроенный, как выше замечено, в 1710 году митрополитом Филофеем и двукратно исправленный архиепископом Варлаамом между 1777 и 1790 годами, высокий, простирается до купола, даже в самый купол, и состоит из несколько рядов икон, расположенных один над другим и увенчанных Распятием с предстоящими Божией Матерью и Иоанном Богословом; он весь резной и довольно величествен, но был бы лучше, если б обновить позолоту. По стенам собора, особенно по западной, иконная живопись.

Из икон Тобольского Софийского собора наиболее замечательны: две иконы Софии Премудрости Слова Божия (одна местная, другая малая), Христа Спасителя, Божией Матери и святителя Николая (все три местные), Успения Божией Матери и Вседержителя Спаса, которые обе на столбах за клиросами*.

Икона св. Софии, что из местных, занимает второе место на левой стороне нижнего яруса иконостаса. На ней Божественная Премудрость представлена в образе Божией Матери, стоящей под седмистолпною сению и на седмистепенном амвоне; на степенях сени надписи, начиная сверху: *Вера, Надежда, Любовь, Мудрость, Правда, Целомудрие, Мужество.* Божия Матерь в убрусе[45], который закрыт серебряным под золотом царским венцом. Около головы у нее окружение со звездами по краям; в

* Об иконе Бож. Матери, именуемой тобольскою, будет говориться ниже, в описании теплого собора, по той причине, что она в настоящее время считается местною там, а не в холодном соборе: здесь, т.е. в холод. соборе она стоит только летом, след., только временно, три или четыре месяца.

правой руке ее скипетр, а в левой — зеленая ветвь с розовыми цветами; над головой, по карнизу сени, Соломонова надпись: *Премудрость созда себе храм, и утверди столпов седмь*[46]. Под сей над окружием главы наверху среди первого столпа надписано: *Премудрость, Дух*, а по сторонам *ХР. ФУ*[47], а вокруг окружения главы: *Господь созда мя в начаток путий своих*[48]. За раменами[49] Приснодевы[50] два крыла, из коих на правом надписано: *простре крыле свои*, а на левом: *премудрости и разума*. По верхним краям крыл над правым: *и даны быша жене две*, а над левым: *крыле орла великаго*. На персях[51] ее в круговом сиянии изображен Спаситель, сидящий и обеими руками благословляющий. При шести столпах сени написаны шесть пророков: с правой стороны ближайший к деснице[52] Аарон, над ним на столпе надпись: *Разум*, а над Аароном на хартии: *сия есть премудрость*. Сей пророк в полном первосвященническом ветхозаветном облачении, правую руку имеет прижатую к груди, а левою держит жезл прозябший[53]. Над вторым пророком — Исаиею — надпись на столпе: *крепость*, а на хартии: *несть изобретения премудрости его*. Он держит в правой руке клещи с углем в зубцах, а левою указывает на Божию Матерь. Над третьим пророком Давидом на столпе надпись: *благочестие*, а на хартии: *вся премудростию сотворил еси*. Он в царском венце и порфире[54], правою рукою, приподнятою при персях, изъявляет удивление, а левою держит ковчег завета. С левой стороны изображен пророк Моисей, правою рукою указывающий на Божию Матерь, а левою держащий купину горящую; над ним надпись на столпе: *совет*, а на хартии: *ей же дана есть премудрость*. За ним — пророк Даниил, правая рука у него приложена к персям, а левая почти вся скрыта, над ним надпись на столпе: *видение*, а на хартии: *премудрость смышление и крепость та есть*. Третий пророк —Захария — в первосвященническом облачении, правою рукою благословляющий, а левой держащий седмисвещник; над ним надпись на столпе: *и страх Божий*, а на хартии: *восприими себе премудрость*. Вверху иконы над Божией Матерью изображен Бог Отец, обеими руками благословляющий, от уст его сквозь облака исходит на Божию Матерь Дух Святый с надписью по следу его: *нарцы премудрость сестру себе, сию возлюбих и взысках невесту водити себе*. По обеим сторонам Бога Отца на облаках лик седми архангелов, с правой стороны — первый архангел Михаил с хоругвью в правой и с зеленой ветвью в левой руке; вторый —

Рафаил с сосудцем в правой руке, а левою указывает вверх; третий — Салафиил, крестообразно сложивший руки на персях, четвертый — Варахиил до половины груди в облаках. С левой стороны первый архангел Гавриил с фонарем в правой и с зеркалом в левой руке, вторый Уриил с мечом в правой и с пуком молнии в левой руке, третий Егудиил с короною в руках. Под архангелами с правой стороны лик одиннадцати праотцев и богоотцев[55], в средине коих Ной с ковчегом. Над ними надпись на хартии: *обретохом премудрость от Господа*. Против них на левой стороне лик одиннадцати мучеников, а над ними надпись на хартии: *пред лицем его дал есть премудрость*. Ниже, на правой стороне, — лик семнадцати преподобных[56], над ними на хартии надпись: *многоразличная премудрость Божия*. Против них на левой стороне лик седми святителей, над ними надпись на хартии: *премудрость предустави Бог прежде век во славу нашу*. Ниже, на правой стороне, — лик шести апостолов с надписью: *О глубина богатства и премудрости*, а с левой стороны против них — лик шести же апостолов с надписью: *и разума Божия**. Итак, тобольская икона Софии Премудрости Божией почти совершенно сходна с таковою же иконою, имеющеюся в Киевском Софийском соборе; и, напротив, почти никакого не имеет сходства с существующею таковою же в Новгороде**.

Другая икона св. Софии гораздо меньшего размера против предыдущей, соименной ей, находится в алтаре. На сей Премудрость Слова Божия изображена так, как пишут ее в Новгороде и Москве, т.е. в образе ангела в царском одеянии, сидящего на седмистепенном амвоне и проч., но с таким отличием, что св. София помещена на дереве; при корени дерева изображены царь Иоанн Васильевич Грозный и Московский митрополит Дионисий, при которых покорена Ермаком Сибирь, а на ветвях дерева шесть первых сибирских архиереев (последний — митрополит Корнилий, умерший в 1677 году).

Местные иконы Христа Спасителя, Божией Матери и св. Николая замечательны по искусству, с каким написаны, и по той святой важности, какою они поражают молящихся при первом на них взгляде. Притом эти три иконы так новы,

* Автору *Описания Киево-Софийского собора и Киевской иерархии* сведения о тобольской софийской иконе сообщены были с ошибками, напр., там сказано, будто Божия Матерь изображена под шести, а не седми-*столпною сению* и проч. (см. стр. 22).

** Описание Киево-Соф. соб. и Киев. иер. стр. 19–22.

краски на них так свежи, что подумаешь, будто они сейчас из мастерской художника, тогда как они писаны уже 140 лет тому назад. Есть предание, что описываемые три, равно и некоторые другие из икон Софийского собора, были писаны не в Тобольске и не тобольскими мастерами, а в Киеве киевскими монахами.

Иконы Успения Божией Матери и Вседержителя Спаса, что на столпах за клиросами, обе огромного размера, обе в резных золоченых киотах и в богатых серебряных под золотом ризах. Риза Успенской иконы сделана в Москве около 1790 года тщанием архиепископа Варлаама на сборные деньги*, вес в 2 пуда 19 фунтов 58 золотников; стоила по ценам и курсу того времени 3298 рублей. Риза на Спасителе сделана также в Москве в 1777 году и тщанием того же архиепископа; весом она в 2 пуда 13 фунтов 73 золотника, стоила 2774 рубля. Описываемая здесь икона Вседержителя Спаса замечательна, сверх того, своею древностию**, искусством письма*** и особенным благоговением к ней народа****: когда тобольский край постигают какие-нибудь общественные бедствия, например, бездождие и засуха, продолжительное ненастье и т. п., то по просьбе тобольских граждан икону выносят из собора на площадь и там при собрании всех жителей города совершают пред нею молебствия. Кроме того, и частные лица нередко молебствуют перед ней. Есть еще икона Христа Спасителя с предстоящими, на коих (также и на Спасителе) серебряные венцы: она взята из Ермаковой часовни и, следовательно, быть может, принадлежала само-

* Между прочими тоб. купец Русанов пожертвовал на эту ризу в 1789 г. 1000 р. сер.

** Икона сия существовала и не как новая, почти за 200 лет пред сим, именно в 1654 г. (*см. примеч. * на С. 25 наст. изд.*), а это для христиано-русской Сибири уже древность.

*** В конце первой половины XVII стол. в Тобольске жил искусный и благочестивый иконописец соборный протодиакон Матфей. Он писал и Абалацкую икону Бож. Матери, впоследствии прославившуюся чудесами. Не его ли кисти и описываемая икона Вседерж. Спаса?

**** Усердие народа к иконе Вседержителя, что за левым клиросом, имеет основание. В лет. Череп. под 1654 г. сказано: «От 14 ч. Ноября образ Вседержителя и Спаса нашего И. Христа, который потом поставлен в соборной церкви (значит, прежде образ этот находился не в соборе) у северного столба, просиял в предивных и славных чудесах и во исцелении тяжких и различных недугов, о которых находится написана особливая книжка». И в других местах той летописи, напр. под 1694 г. сей образ Вседержителя называется также чудотворным (см. Др. Вивл. ч. 3. стр. 287). Жаль, что помянутой книжицы в настоящее время в соборе уже нет, но у частных лиц будто бы есть.

му завоевателю Сибири*. Наконец, скажем, что в Тобольском Софийском соборе и принадлежащих к нему — соборов теплом и приделе Иоанна Златоустого — святых икон в серебряных ризах и окладах с венцами 74, притом 22 из них с драгоценными камнями и добрым жемчугом.

В Софийском соборе погребено семь тобольских архиереев, трое: Макарий (умер в 1635 г.), Герасим (умер в 1650 г.) и Корнилий (умер в 1677 г.) — на правой стороне; двое: Антоний I (умер в 1740 г.) и Антоний II (умер в 1748 г.) — на левой и столько же: Амвросий II (умер в 1825 г.) и Афанасий (умер в 1842 г.) — между западною стеною и правым клиросным столбом. Над пятью преосвященными, погребенными по сторонам: Макарием, Герасимом, Корнилием и двумя Антониями, — в 1837 году устроены тобольским мещанским обществом красивые деревянные с позолотой и надписями надгробия. Над двумя притом — Антонием I и Антонием II, — на стенах находятся эпитафии, писанные старинными, т.е. силлабическими, стихами; оба они и сами учились в Киевской академии, и окружены были лицами, также учившимися в Киеве.

Священнослужение в Софийском соборе и пребывание в нем (временное) Абалацкой иконы Божией Матери

В Софийском соборе, так как он холодный, служба бывает только в летнее время, притом не более, как в течение трех или трех с половиною месяцев. Причина тому — суровый сибирский климат, глинистый и сырой грунт под собором и то еще, что чугунный пол его сделан очень низко, отчего с весны долго бывает мокрый и очень холодный. За богослужением в соборе в простые дни народу почти не бывает, да и в воскресные и праздничные дни, ежели служение не архиерейское, богомольцев бывает немного; частью потому, что собор не имеет прихода, частью же потому, что он на горе, а граждане год от году более и более переселяются для жительства под гору.

Но из этого, так сказать, общего правила бывает исключение: с 8 по 23 июля каждогодно собор с утра до вечера

* Ермаковых икон в соборе прежде было и немало, но одни из них, как замечательные исторически, преосвященными тобольскими отправлены были для поднесения Государям Императорам по случаю восшествия их на престол или коронования, а другие розданы в благословение важным лицам, напр., сибирским губернаторам и проч.

полон народу: туда его привлекает усердие к чудотворной иконе Божией Матери, которую на те дни приносят в собор из Абалацкого монастыря*. Приносить икону Божией Матери из *Абалака* в Тобольск каждогодно на две средние недели месяца июля установлено назад тому 185 лет. Случай к тому был следующий.

Летом 1665 года в Тобольске и во всех окрестных местах беспрерывно шел проливной дождь; хлеба, овощи и травы гибли, все затопило водой, и народ приходил в отчаяние. Обратились к Божией помощи: тогдашний архиепископ Корнилий послал освященный собор в Абалак за чудотворной иконой Божией Матери**. Икона и была принесена в Тобольск, с подобающею святыне честию, 8 июля. По надлежащем сретении от архиерея, градоначальников и всего народа и после молебствия ее внесли в собор, где тотчас началась литургия. Служба еще не кончилась, как, к радости всех, мгла рассеялась, облака исчезли, дождь прекратился и сделалось вёдро. В память сего события, для всегдашнего благодарения Господа Бога и Его Пречистой Матери, преосвященный Корнилий и установил приносить икону Божией Матери из Абалака в Тобольск каждогодно к 8 июля, и стоять ей в соборе до 23 сего месяца.

Здания, принадлежащие к Софийскому Тобольскому собору

К Тобольскому Софийскому собору принадлежат следующие здания: 1) придел Иоанна Златоустого, 2) ризница, 3) соборная колокольня и 4) теплый собор. Скажем по нескольку слов о каждом из сих зданий и их достопамятностях.

1. Придел Иоанна Златоустого

Придел Иоанна Златоустого низменный, пристроен к самому собору вдоль северной его стены; первоначально он устроен был в 1704 г. митрополитом Филофеем Лещинским и освящен во имя преподобных Антония и Феодосия Печер-

* От г. Тобольска в 25 верстах.

** Икона сия написана в 1637 году соборным протодиаконом Матфеем вследствие видений и при чудотворениях. В собственном смысле она Печерская, или лучше Знаменская, но с тем отличием, что по сторонам Бож. Матери изображены святитель Николай и преподобная Мария Египетская. См. сказание об Абалацкой иконе Б. Матери. М. 1849.

ских, при мощах которых Филофей воспитывался и пострижен. В 1743 г. при митрополите Антонии II по причине крайней тесноты здания и ветхости потолка придел сей был разобран, но при преемнике Антония II митрополите Сильвестре на сборные деньги в 1751 г. выстроен вновь*, только освящен уже не во имя преподобных Печерских, а во имя Иоанна Златоустого — ангела погребенного тут митрополита Иоанна Максимовича. Чрез 37 лет после вторичной постройки, в 1788 г., он обновлен**, впрочем, не потому, чтобы горел во время бывшего в сем году большого пожара, а потому единственно, что при выносе утвари, когда собору грозила крайняя опасность, многое было попорчено, и что к благолепию его было усердие преосвященного Варлаама. В 1844 году в нем переделан и вызолочен иконостас на счет сибирского золотопромышленника, ростовского купца Н.Ф. Мясникова.

В приделе Иоанна Златоустого погребены митрополит Иоанн Максимович (умер в 1715 г.), архиепископ Варлаам (умер в 1802 г.) и архиепископ Павел III (умер в 1831 г.). Гроб митрополита Иоанна до 1826 года находился на правой стороне алтаря, подле самой соборной стены, а в сем году с разрешения Св. Синода перенесен на левую сторону, так как в то время нужно было осмотреть и заделать трещину на стене собора, образовавшуюся над самым гробом. Над новым местом погребения Максимовича в алтаре поставлен мраморный памятник, который устроил около 1840 г. помянутый купец Мясников. На правой стене алтаря изображен Иоанн Максимович во весь рост***, в белом митрополичьем клобуке и голубой, с источниками, мантии. В самой церкви на левой стене находится довольно богатая икона Иоанна Златоустого — ангела Иоанна Максимовича, как было сказано, и священномученика епископа Прусского Тимофея, память которого празднуется 10 июня (день кончины Максимовича). Она устроена в

* Все сии обстоятельства можно видеть из самой книжки, с которою посылали за сбором и которая хранится при соборе.

** Сибир. лет. Черел. 1704–1751 гг. Крат. Показ. стр. 26.

*** Судя по сему изображению и по другим, имеющимся в Тобольске, преосвященный Иоанн был росту высокого, сухой, с лицем постным и продолговатым, нос имел длинный, бороду довольно большую и седую, волосы длинные и также седые. В Тобольске чтут память его частью за душеспасительные его сочинения, а преимущественно за его добродетельную жизнь. «Преосв. Иоанн, — говорится в сиб. летописи (1715 г.), — был тих, смирен, благорассудлив, о бедных старателен и милостив; прокладов и забавных увеселений не имел». Подробнее о митр. Иоанне говорится в особом его жизнеописании. М. 1845.

1840 году гражданами тобольскими по усердию к митрополиту Иоанну старанием тобольского купца Гневышева.

К митрополиту Иоанну Максимовичу в Тобольске и во всей Сибири питают особенное благоговение: по нем многие служат панихиды, поклониться на гроб его приходят и приезжают издалека, в приделе по этой причине почти круглый год совершаются заказные литургии. Кроме митрополита Иоанна, жители Тобольска чтут память и преосвященного Варлаама, пасшего тобольскую паству близ 34 лет (с 1769 по 1802 гг.) и назидавшего своею набожностию, строгою жизнию, бескорыстием, а особенно кротостию и снисходительностию к подчиненным и ласковостию ко всем: совершая панихиды по Максимовиче, совершают оные иногда и по Варлааме.

2. Соборная ризница

Ризница соборная — на южной стороне собора, против алтаря его — каменная, двухэтажная. В ней, если бы в прежнее время заботились хранить старину, надлежало бы быть много древних и достопамятных вещей. «Веси бо, — говорил патриарх Филарет в грамоте своей* первому сибирскому архиепископу Киприану, — коликия сокровища благочестивый Сын наш великий Государь Царь... Михайло Феодорович и аз истощих красоты ради церкви Божия и человеческаго спасения, егда рукоположих тя епископа быти в далечайшей оной стране... (Сибири)». В сибирской летописи Черепанова (1678 г.) о первом Сибирском митрополите Корнилии, подобно как и о некоторых других архиереях, замечается: «К собору пристроил богатую ризницу, т.е. святительския и прочия ризы».

Впрочем, в ризнице Тобольского собора и доселе довольно еще находится вещей, стоящих внимания**. Оне суть:

а) Из Евангелий напрестольных

1. Евангелие московской печати 1677 г. в десть, на нем верхняя и нижняя доски, средники, Евангелисты, наугольники и застежки серебряные чеканные под золотом; *прило-*

* Собр. Госуд. грам. и договоров. т. III. стр. 252 и сл.

** Здесь будет исчисляться и описываться не та только утварь, которая постоянно находится в ризнице и остается без употребления, но и та, которая в употреблении и по временам вносится в собор.

жено от царя Федора Алексеича, как это видно из находящейся на нем надписи.

2. Евангелие, печатанное также в Москве при патриархе Филарете 7142 (1634) года, в десть; на нем верхняя дска со всеми ее принадлежностями, например, с Деисусом, евангелистами, с Предвечным Младенцем в потире и при нем херувимами и ангелами, серебряные чеканные под золотом; нижняя дска также серебряная, но гладкая, с резною надписью: *прикладу преосвященнаго Корнилия* (управлявшего епархией между 1664—77 гг.).

3. Евангелие на александрийской бумаге, печатанное в Москве 1759 года и оправленное в серебро в 1781 году при тобольском преосвященном Варлааме; на нем верхняя дска и пять штук серебряные под золотом чеканные накладные, а в штуках пять финифтяных икон, осыпанных вокруг белыми искрами; на нижней дске, как штуки, так и ножки с застежками, также чеканные и золоченые. Весу в нем 1 пуд 21 фунт.

б) Из крестов напрестольных

1. Крест с мощами серебряный под золотом, но Распятый и три штучки однозолотые. Надпись на нем следующая: «Повелением великого государя, *царя* и великого князя *Михаила Феодоровича* всея России Самодержца и отца его, великого государя, святейшего *Филарета, патриарха* Московского и всея России; сделан сей крест в царствующий град Сибирь Преосвященному архиепископу Киприану лета 7129 (1621)». Значит, крест сей сделан был и вручен Киприану, находившемуся в особенной любви у патриарха Филарета, при первоначальном учреждении Сибирской епархии, ибо Киприан был первый сибирский архиерей.

2. Крест с мощами серебряный, чеканной работы, под золотом, большой, у него на рукояти вырезано: «Сей животворящий крест Господень повелением Вел. Государя, *царя* и вел. князя *Феодора Алексеевича* всея великия и малыя и белыя России самодержца, сделан в Сибирь в Тобольск в соборную церковь Софии Премудрости Божией лета 7187 (1679) генваря в 1 день». А этот крест устроен и пожертвован в Тобольский собор при отправлении на Сибирскую епархию митрополита Павла I, до того Чудовского архимандрита и духовника царевны Софии.

3 и 4. Два креста серебряные под золотом с простыми вставками, один на сандале, а другой обнизан жемчугом; оба устроены, как показывают подписи на них, четвертым сибирским архиереем (между 1640–50 гг.) *архиепископом Герасимом* в августе 7154 (1646) года, следовательно, по случаю освящения построенного им деревянного Софийского собора*.

5 и 6. Два креста шестого архиерея, а первого *митрополита* сибирского *Корнилия* (между 1664–1777 гг.): один кипарисный прорезной, обложен серебром под золотом и делан собственно для кельи митрополита[57], а другой с мощами, хотя не большой, но весь серебряный под золотом и обнизан жемчугом, притом в золоченом серебряном ковчеге со створами; на ковчеге и створах вырезаны праздники и поверх их надпись, свидетельствующая о его строителе (митрополите Корнилии) и о том, что он строен его келейною казною[58].

7. Крест серебряный под золотом, с тремя штуками финифтяными и одной черневою; на нем надпись: «1792 года в декабре месяце сооружен сей крест коштом преосв. *Варлаама*, архиепископа тобольского (между 1769–1802 гг.), в нем весу 2 ф. 52 зол.».

8. Крест серебряный под золотом с изысканными украшениями: предстоящие Распятого, также ангелы и херувимы, накладные; поверх распятия солнце и луна литые, посреди — Господь Саваоф, над ним херувим, а ниже — Дух Святый; под распятием — святитель Николай с Евангелием, также литой; по сторонам его — потир и риза Господня; рукоятие витое с надписью: «Сие дело мастера серебряной палаты Даниила Семенова».

в) Из священных сосудов

1. Потир, дискос, звездица, лжица и две тарелки серебряные резные под золотом, на потире изображено: «7187 (1679) года генв. в 5 день сии церковные сосуды повелением великого государя, *царя* и вел. князя *Федора Алексеевича*, всея великия и малыя России Самодержца, сделаны в Сибирь в Тобольск в соборную церковь Софии Премудрости Божия». И эти пожертвования, как и прежде помянутые крест и Евангелие, от царя Федора Алексеевича присланы были чрез митрополита Павла I.

* Др. Вивл. ч. 3. стр. 173.

2. Потир, дискос и звездица резные, серебряные, вызолоченные, с поддонами чеканенными, вес — 6 ф. 21 зол. Надписи на потире и дискосе показывают, что они деланы лета 7156 (1648) в соборную Софийскую церковь четвертым тобольским архиереем *Герасимом* на помин души его и родителей его.

3 и 4. Потир, дискос и звездица серебряные, строены, как показывает надпись, в 7165 (1657) году при пятом сибирском архиерее *Симеоне*. Потир с 10 финифтяными изображениями страстей Христовых, дискос, звездица и лжица также серебряные под золотом в 5 ф. и 60 зол., с надписями, в которых изображено, что сии святые сосуды строены были 1726 г. в соборную церковь сибирской митрополии от *митрополита Антония* Стаховского (между 1721–1740 гг.) келейным его иждивением в поминовение вечное.

5. Потир, у которого чаша черневой работы из одного золота, а поддон серебряный чеканный под золотом; дискос и звездица серебряные под золотом черневой работы; лжица однозолотая, в чаше чистого золота — 1 ф. 63 зол., а во всех весу — 4 ф. 68 зол.

г) Из плащаниц

Плащаница, шитая по шелковой лазоревой[59] материи золотом, серебром и шелками, с золотыми надписями *на арабском языке*.

Плащаница, шитая по синему бархату шелками, золотом и серебром и низанная жемчугом инде крупным, а инде мелким и разными драгоценными камнями; приложена от тобольской купеческой жены Елены Пирожниковой 31 марта 1816 года.

д) Из воздухов

1 и 2. Воздух и два покрова серебряной битой материи с бархатными травами, также воздух и два покрова парчи оранжевого цвета с серебряными травами *пожалованы Императрицей Екатериной II*.

3. Воздух и два покрова шиты по малиновому венецианскому бархату золотом, серебром и блестками; кресты на них и некоторые слова вынизаны жемчугом, а херувимы по углам шиты шелками, блестками, серебром, канителью и

проч.; есть по местам и драгоценные камни, именно изумруды, топазы и проч. Устроены они при преосвященном Варлааме, покровы в 1780, а воздух в 1790 году.

е) Из ковшей

1. Ковш серебряный с подписью, показывающею, что он сделан в 7182 (1674) году по благословению первого *митрополита Корнилия*.

2. Ковш серебряный, внутри вызолоченный, большой, почти в 3 фунта весом; вокруг его вырезано: «Божиею милостию великие государи, *цари* и великие князья *Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич*, всея великия и малыя и белыя России самодержцы, пожаловали сим ковшом Феодора Иаковлевича *Шульгина* за службу отца его, что, будучи отец на Березове в ясашном сборе, учинил большую прибыль, 190 (1682) года июля в 17 день». Сей жалованный ковш означенным Шульгиным приложен в Тобольский собор.

2. Ковш серебряный внутри вызолоченный, с накладным чеканным орлом на дне, весом почти в 2 фунта и с надписью вокруг: «Б. милостию вел. государь, *царь* и вел. князь *Петр Алексеевич*, всея великия, малыя и белыя России Самодержец, пожаловали своим государским милосердием жалованным сим ковшом тобольскаго дворянина Ивана *Полозова* за ево радетельную службу и завод пенных денег и винокуренных судов в Сибири — в Енисейску, в Илимску, Иркутску в прошлом 206 (1698) году». И сей ковш означенным дворянином приложен в Тобольский собор.

ж) Из облачений архиерейских и священнических

1—7. Омофор, саккос, две ризы, епитрахиль и два подризника, *пожалованные* вместе с вышеупомянутыми 4 покровами и двумя воздухами *Императрицею Екатериною II* в 1790 году. Из них первые пять вещей из серебряной парчи с шелковыми, большею частию голубыми цветами, обложены преимущественно золотым гасом; кресты и звезды на них иные из того же золотого гаса, а иные шиты золотыми блестками, канителью и проч.

8 и 9. Омофор и саккос парчи серебряной с золотыми травами; на омофоре звезда, а на саккосе корона и на обоих все

кресты вынизаны мелким, средним и крупным жемчугом с разными драгоценными камнями; последних на одном омофоре 41 крупных, да 144 мелких, кроме несчитанных маленьких топазиков, пуговицы на обоих (числом 26) серебряные; омофор делан в 1779 году при епископе Варлааме, а саккос несколько ранее — при митрополите Павле II (1758–1768 гг.).

Из прочих принадлежностей архиерейского облачения и священнослужения заслуживают внимания:

з) Из митр

1. Митра первых сибирских архиереев старинной и для настоящего времени необыкновенной фигуры; шита золотом и обнизана половинчатым жемчугом с разными (числом 48) камнями.

2 и 3. Митра матерчатая, шитая серебром и шелками с убранством серебряным под золотом и с таким же наверху крестиком*; унизана жемчугом и драгоценными камнями, на обруче ее надпись: «лета 7179 (1671) генв. 18 дня дал сию шапку в дом Софии Премудрости Б. при преосв. Корнилие, митрополите сибирском и тобольском, боярин и воевода *кн.* Иван Борисович *Репнин*[60], по отце своем боярине кн. Борисе Александровиче в вечное поминовение». Другая митра, почти совершенно подобная репнинской по материи, шитью, убранству и крестику наверху, сделана, как показывает надпись, 7195 (1687) года митрополитом *Павлом I* на казенные деньги.

4. Митра *среброкованная*, золоченая, с крестом наверху, обнизана по местам жемчугом и убрана 304 камнями.

5. *Гагаринская* митра, так названная по вкладчику кн. М.П. Гагарину, который в начале XVIII столетия был тобольским губернатором и в 1721 году бедственно кончил жизнь в Петербурге; она украшена золотым с алмазными искрами крес-

* Тобольские архиереи до сих пор употребляют митры с крестом наверху... Граждане тобольские смотрят на это, как на особенную привилегию тобольской епархии, и говорят, что она дана ей Петром Великим за заслуги митр. Филофея, в схиме Феодора, который окрестил сибирских инородцев до 40 тыс. душ. Но митра Репнинская и следующая за ней также с крестиками, а между тем обе деланы гораздо ранее времен Филофея; обычай тобольских архиереев носить митры с крестом остался от того времени, как тобольской епархией управляли митрополиты (с 1668 по 1768 гг.), а эти иерархи действительно, в отличие от прочих архиереев, украшались в священнослужении между прочим митрами с крестом наверху.

том наверху и убрана: 40 финифтяными, но преимущественно золотыми, чеканными, прорезными мелкотравчатыми штуками, 778-ю драгоценными камнями, между которыми 8 изумрудов, 532 алмазные искры и 31 большой яхонт и слишком 3000 (3131) жемчужин, из которых 480 весят 27 золотников, а все прочие только 20 золотников*.

6 и 7. Две архимандричьи митры старинной формы, с серебряным под золотом убранством, с жемчугом и несколькими недорогими камнями: на обручах у них надписи, из которых видно, что одна принадлежала Ивановскому Межугорскому[41] монастырю (в 9 верстах от Тобольска), а другая Троицкому Туруханскому, и что обе были сделаны туда в 1682 и 1691 годах по благословению митрополита Павла I. В соборную ризницу эти митры взяты, вероятно, после 1764 года, когда по случаю составления духовных штатов в помянутых монастырях архимандрии уничтожены.

н) Из клобуков

Два *белых* креповых *клобука* с крестами напереди, вынизанными жемчугом, а на одном еще с примесью зеленых камешков. Эти вещи, не редкие для жителей Петербурга, Москвы и Киева, и других имеющих возможность бывать в этих городах, для сибиряков весьма редки; притом описанные клобуки замечательны по своей старинной форме, низкие и круглые, и как памятник бывшей в течение 100 лет (с 1668 по 1768 г.) в Тобольске митрополии.

н) Из панагий и наперсных крестов

1. Панагия серебряная под золотом, с резным на слоновой кости изображением Знамения Божией Матери, обнизана крупным жемчугом с несколькими драгоценными камнями, кругом ее изображено: «7150 (1642) Майя в 20 число смиренный *Герасим*, Божиею милостию архиеп. тобольский и сибирский».

2. Панагия золотая с такою же цепочкою, украшенная 156 драгоценными камнями, которых наибольшая часть алмазы и бриллианты, и из которых на одном (лале) вырезан

* Митра сия, впрочем, ныне уже не в том виде, в каком ее жертвовал кн. Гагарин: она в 1843 или 1844 г. переделана в новом вкусе.

лик Спасителя; весу в ней — 1 ф. 21 зол., вкладу ближнего *боярина, кн.* Михаила Яковлевича *Черкасского**.

3. Наперсный крест серебряный под золотом, обнизанный крупным жемчугом, с мощами; весу в нем — 1 ф. 24 зол.; из надписи, кругом его находящейся, видно, что он сделан в 1670 году митрополитом Корнилием**.

4. Наперсный крест золотой с золотою же цепочкой и с 40 драгоценными камнями по большей части алмазами; строения совершенно одинакового с вышеупомянутою золотою панагиею, вкладу кн. Черкасского и, вероятно, им же, *Черкасским*, приложен; весу в нем 79 золотников.

к) Из рипид

Две рипиды серебряные чеканные под золотом; надпись показывает, что они сделаны в октябре 7164 (1656) года при Тобольском *архиепископе Симеоне*.

л) Из посохов

1. Посох из камышовой трости; обтянут темно-зеленым бархатом; верх и яблоки на нем — серебряные, чеканные под золотом, на рожках у него по серебру изображено: *Патриарх Филарет*.

2. Посох серебряный, чеканный под золотом, у него на рожках надпись: *«строен Макарием, архиепископом сиб. и тобольским»* (правившим тобольской паствою между 1625 и 1635 годами).

3. Посох серебряный гладкий под золотом, на нем по накладному распятию на кресте, что между змейками, изображено: «строен преосв. *Антонием Нарожницким*» (правившим тобольской паствою между 1742–48 гг.).

Но, чтобы не утомить читателей описанием всех примечательных вещей, если не по древности или по знаменитости их вкладчиков и строителей, то по их ценности, представим только реестр замечательным*** почему бы то ни было

* Кн. Мих. Черкасский воеводствовал в Тобольске последние годы XVII стол. (именно с 1698 г.) и первые XVIII.

** Итак, в соборной ризнице всего более дорогой старинной утвари сохраняется от Герасима, четвертого Сиб. архиерея, и от Корнилия, шестого Сиб. архиерея и первого митрополита.

*** Слово *замечательным* прибавлено здесь для показания, что в реестр сей не будут включены вещи не очень важные.

вещам, имеющимся в соборной ризнице с обозначением числа их:

а) святых евангелий в серебряном убранстве — 12;

б) крестов напрестольных серебряных — 10, из которых два унизаны жемчугом, два с драгоценными камнями и несколько с мощами угодников Божиих;

в) священных сосудов и дарохранительниц серебряных — 10, одни из них почти наполовину золотые;

г) рипид серебряных — 4;

д) лампад серебряных — 16;

е) подсвечников серебряных — 16, из них четыре выносных больших, четыре напрестольных не малых же и шесть малых, да два архиерейских;

ж) чаш серебряных водосвятных, в которых во всех весу 17 ф. 27 зол. — 3;

з) кадил серебряных — 7;

и) ковшей серебряных, из которых три описаны выше, — 8;

к) тарелок серебряных — 8;

л) блюд больших серебряных, в которых весу 30 ф. 78 зол., — 4;

м) панагий: золотых — 6, серебряных — 12; из них пятнадцать убраны драгоценными камнями, а некоторые жемчугом, всех 18;

н) крестов наперсных: золотых — 5, а серебряных — 14; из них тринадцать убраны драгоценными камнями, а три — жемчугом, всех 19;

о) митр, убранных серебром под золотом, драгоценными камнями и жемчугом, — 12; золотом, камнями и жемчугом — 1, серебром и камнями — 1 и шитых золотом и серебром — 3, а всех 17;

п) плащаниц, которые и описаны выше, — 2;

р) воздухов — 22, из них одни бархатные, низанные жемчугом с камнями, а четыре — бархатные же, расшиты золотом и серебром;

с) омофоров: дородоровых — 4, бархатных — 2, парчовых — 6, насыпи серебряной — 4, глазетовых — 6, из коих четыре расшиты синелью, шитых по канве шелками — 3, а всех 26;

т) саккосов тех же материй — 23;

у) палиц — 25, из них восемь вынизаны жемчугом, а три и с камнями;

4 Заказ 7481

ф) мантий — 5, из них одна вынизана добрым жемчугом и драгоценными камнями;

х) посохов — 7, из них четыре серебряных, один мраморный, один камышевый (патриарха Филарета), а один мамонтовой кости;

ц) сулков разных дорогих материй, наполовину шитых то золотом, то синелью, — 10;

ч) риз разных материй — 55, в том числе шесть бархатных;

ш) епитрахилей — 75;

щ) подризников — 30;

э) стихарей — 85;

ю) поручей — 40, из них одна пара низана жемчугом, восемь пар щиты золотом, три пары — шелками и синелью.

Итак, имущество Тобольского кафедрального собора не скудно, а архиерейская ризница даже довольно богата, и что важнее: в том и другом, как мы видели, есть вещи замечательные не только по своей ценности, но и по своей древности или знатности лиц, жертвовавших или строивших их.

Библиотека

В ризнице, сверх утвари церковной, помещается и библиотека соборная. В ней книг до 288 номеров, и между ними богословских — 110, церковнослужебных — 137, исторических — 20, канонических — 3, языкознательных — 3 и 15 — не принадлежащих к духовному просвещению.

Между печатными книгами соборной библиотеки замечательны: Триодь постная, большой Требник, Беседы Иоанна Златоустого на послания ап. Павла (1623 г.) и Деяния апостольские (1624 г.), поучения Аввы Дорофея (1628 г.), Книга о священстве (1614 г., Львов) и некоторые другие, как первые произведения наших русских и заграничных славянских типографий. Заметим еще здесь: 1) *Феатр*[42] *нравоучительный*, или *Нравственное зерцало для царей, князей и деспотов*, изъясняющее обязанности разного рода начальников; 2) *Царский путь креста Господня, вводящий в живот вечный*, который содержит в себе нравоучение о том, как верующему должно носить крест Христов, и 3) *Илиотропион*, или *Сообразование человеческой воли с Божественною* — это произведения митрополита Тобольского Иоанна Максимовича[43],

которого так много чтут не только в Тобольске, но и во всей Сибири.

Между рукописями, принадлежащими собору, достойны замечания: Краткое описание остяцкого народа, Сборник, Архиерейские грамоты и царские рескрипты. *Краткое описание* состоит из двух частей: в первой говорится о стране, населяемой остяками, о их идолах, жилищах, нравах и обычаях, а во второй — о крещении остяков и вогуличей, которое совершено митрополитом Тобольским Филофеем Лещинским в 1712–1726 гг. Автор его Григорий Новицкий, малороссиянин и ученый Киевской академии, был одним из спутников митрополита Лещинского во время проповеди его помянутым инородцам, а после и надзирателем в одной (Кондинской) из их волостей за исполнением христианских обязанностей новокрещенными, следовательно, был очевидцем всего, что описывал... Сочинение Новицкого нигде еще не напечатано. *Сборник* состоит из статей исключительно исторического содержания, а именно: 1) из *Книги Записной*, «сколько в Сибире в Тобольску и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия оной атаманом Ермаком Тимофеевым, в котором году и кто имяны бояр и окольничих и стольников и дворян и стряпчих на воеводствах бывали, и дьяков и писмянных голов и с приписью подьячих, и кто которой город ставил и в котором году, и от котораго Государя кто был»; 2) *О начале славянскаго народа и о прозвищи его;* 3) *Летописи Никифора патриарха Царя-града,* 4) *Синопсиса и* 5) *Повести о казанском взятии* царем Иоанном Васильевичем Грозным. Первая статья, особенно замечательная для сибиряков и пишущих о Сибири, напечатана с небольшими переменами* и некоторыми прибавлениями в третьей части Древней Российской Вивлиофики под названием: *Записки, к сибирской истории служащия. Архиерейских грамот* четыре и все митрополичьи: Павла I, Антония I (Стаховского), Антония II (Нарожницкого) и Павла II (Конюшкевича); первая за рукоприкладством патриарха Иоаки-

* Главная перемена та, что годы от сотворения мира переложены на годы от Р. Х. и, к сожалению, не везде правильно, или лучше везде неправильно: месяцы сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь отнесены не к тем годам, к которым они принадлежат, а к следующим. А от этого иногда смешиваются события; например, митр. Корнилий умирает не в 1677, как на самом деле было, а в 1678 году, умирает притом несколько месяцов после того, как посвящен его преемник! Подобные выходят погрешности в годах выезда из Тобольска и смерти митр. Павла I. См. Др. Вивл. ч. III, стр. 231, 232, 277.

ма, а три последние за подписью членов Св. Синода. Для жителей Тобольска, не имеющих собраний древностей и редкостей и незнакомых с образцами палеографии, это редкости. *Рескриптов* два: один Императрицы Екатерины II тобольскому епископу Варлааму, а другой — Императора Александра Павловича тому же преосвященному; первый писан в 1782 году, по случаю открытия в Тобольске наместничества, о содействии в этом деле с духовной стороны губернатору Кашкину, а вторым Государь от 12 мая 1801 года изъявляет, между прочим, преосвященному Варлааму признательность за поздравление Его с восшествием на престол.

3. Соборная колокольня

Доколе Тобольский Софийский собор был деревянный, и колокольня при нем была также деревянная; каменная же выстроена только в 1683–1685 годах*, когда выстроен и собор каменный. Колокольня стояла на теперешнем архиерейском дворе на северо-восток от соборного алтаря, почти подле самого старинного гостиного двора**; она была не высокая, но широкая, так что колокола все висели на одном ярусе. Внизу под колоколами помещался архиерейский приказ, переименованный митрополитом Антонием II (1742–1748 гг.) в духовную консисторию. Простояв лет 80, она стала ветшать и наконец около 1780 года развалилась. Для возведения новой колокольни и на постройку консистории с двумя служебными при архиерейском доме корпусами по представлению преосвященного Варлаама в 1784–1786 гг. ассигновано из казны 18000 рублей***. На них в 1791 году застроили было новую колокольню**** с церковью внизу во имя преподобных Афанасия Афонского и Сергия Радонежского чудотворцев***** и уже выстроили до 11 саженей, но от несоразмерности фундамента с массивностью здания она 10 июля 1792 года во время архиерейского в соборе служения с ужаснейшим шумом и треском упала. Что было делать? Колокольня необходимо нужна, денег потрачено было

* Сиб. лет. Череп. 1683–1685 гг.
** См. План тоб. арх. дома, 1792 г.
*** См. в конце указ имп. Екатерины II под № 4.
**** Подле самой ризницы с южной стороны, там, где теперь ограда между ризницей и колокольней. См. План тоб. арх. дома, 1792 г.
***** Крат. Показ. о сиб. воевод. и губерн. стр. 27.

до 7 тысяч рублей. Итак, тогдашний эконом архиерейского дома игумен Абалацкого монастыря Маргарит, который притом был и главным строителем как колокольни, так и прочих архиерейских зданий того времени, с согласия преосвященного Варлаама поехал с шнуровой книгой по епархии и от доброхотных дателей, преимущественно же от духовенства, собрал значительную сумму. К ней присовокупились 2624 р. 63 к. и еще несколько вкладов. Существующая ныне колокольня заложена была несколько отступя на юг от ризницы и окончена постройкою в 1797 году. Она о пяти ярусах, в вышину имеет 35 сажен. Таких колоколен, конечно, немного не только в Сибири, но и в целой России.

Колоколов на Софийской колокольне в двух ярусах 15. Большой колокол замечателен тем, что больше всех колоколов, существующих по Сибири, — весит 1011 пудов 22 фунта. Слит он в 1738 году на Тагильском заводе стараниям митрополита Антония Стаховского и иждивением, как показывает надпись на нем, дворянина Акинфа Никитича Демидова. Колокола в 500 пудов и в 293 пуда 4 фунта литы в Москве известным мастером Федором Моториным* при тобольском митрополите Павле I между 1682–1690 гг. на счет архиерейского дома**, а во 160 пудов, во 103 пуда и 40 пудов — жертвованные: первый, как гласит надпись, царями Иоанном и Петром Алексеевичами в 1682 году, а второй и третий — царем Федором Алексеевичем в 1678 году***. Был еще и четвертый царский колокол (царя Алексея Михайловича) во 110 пудов****, но он, по словам одних, разбился при падении старой колокольни, а по другим — растопился во время пожара 1788 года. К числу соборных колоколов принадлежит и *корноухий*[64] *колокол*, который висит теперь под небольшим деревянным навесом при домовой архиерейской церкви. Этот колокол исторической важности: он из Углича, тот самый, в который били в набат по случаю убиения царевича Димитрия. Годуновым в Тобольск прислан в 1593 году*****, висел сначала на Спасской колокольне, потом какими-то судьбами

* Памятники Москв. Древн. стр. 70.
** Сиб. лет. Череп. 1684–1690 гг. Последний, весивший сначала 300 п., во время пожара 1788 г. растопился, потому был переливаем.
*** Сиб. лет. Череп. 1680.
**** Сиб. лет. Череп. 1651 г.
***** Др. Вивл. ч. 3. стр. 111. Крат. Показ. о сиб. восв. стр. 4. Ист. Обозр. Сиб. кн. I. стр. 571.

попал на соборную, где в него долгое время били часы и при пожарных случаях били в набат*; снят он с соборной колокольни и помещен при домовой архиерейской церкви по распоряжению архиепископа Афанасия в 1837 году, перед прибытием в Тобольск Государя Наследника, дабы, если будет нужно, показать Его Императорскому Высочеству и по случаю отстройки крестовой церкви, при которой дотоле поболее колокола не было. Угличский колокол имеет весу 19 пудов 20 фунтов, и что замечательнее — корноухий: одно ухо у него отсечено перед ссылкою в Сибирь по повелению Бориса Годунова в наказание. На нем *вырезана* (а не вылита), притом буквами формы новейшего времени, следующая надпись: «Сей колокол, в который били в набат при убиении благовернаго царевича Димитрия в 1593 году, прислан из города Углича в Сибирь в ссылку в град Тобольск к церкви Всемилостиваго Спаса, что на торгу, а потом на Софийской колокольне был часобитной»**.

4. Теплый Тобольский собор[1]

Теплый Тобольский собор, несколько на юго-восток от соборной колокольни, построен митрополитом Антонием II (Нарожницким) в 1746 году. Освящен во имя Антония и Феодосии Печерских по той причине, что незадолго перед тем помянутым преосвященным разобран теплый соборный придел во имя сих преподобных.

Теплый собор несколько уже раз был поправляем, например, и при покойном преосвященном Владимире, в 1843

* Др. Вивл. ч. 3. стр. 111.

** Надпись, очевидно, не древняя; да есть слух, что и колокол этот не тот самый, который был прислан из Углича: настоящий угличский будто бы, по словам одних, в пожар 1788 г. растопился, а по словам других — еще дорогой где-то и как-то разбился и потому перелит; ухо отсекли и у вновь вылитого для того, что так было у его первообраза. Другое замечание: Карамзин в 245 примеч. на X т. своей Истории Росс. Гос. сказал, что «в Тобольске между колоколами Всемилостиваго Спаса показывают набатный угличский, коего звук известил тамошних жителей о убиении царевича». Некогда, впрочем, никак не ранее половины прошедшего столетия (См. Др. Вивл. ч. 3. стр. 111 и Крат. показ. о сиб. воевод. и губерн. стр. 4), это было так, но когда писалась и издана Истории Росс. Госуд., было уже иначе. Подобная ошибка допущена в *Описании монастырей, епархий* и замечательнейших *церквей в Росс. Империи находящихся* (изд. 7-е Москва. 1828 г.), изданном при *Христианском Месяцеслове* 1825 г. на стр. 145 и в *Памятниках Московской древности* г. Снегирева на стр. 301 (Москвитянин на 1849 г. № 9; Маяк на 1845 г. № 11).

году в нем обновлен позолотою иконостас, а стены и потолок в приличных местах расписаны; при всем том он не может быть назван изящным: небольшой, низменный, темный, помост алтаря почти нисколько не выше прочего церковного помоста.

Впрочем, и в соборе преподобных Печерских, самом по себе не замечательном, есть замечательные предметы, это: 1) икона Христа Спасителя, сидящего на троне с венцом, и краями иконы серебряными под золотом; 2) икона Одигитрии Богородицы с венцами и окладом серебряными под чернью и с убрусом, низанным жемчугом и камнями, и 3) *икона Божией Матери,* именуемая *Тобольскою.* Две первые иконы помещаются в алтаре и замечательны тем, что они царского вкладу, были присланы от царя Феодора Иоанновича в первую тобольскую церковь, созданную во имя Живоначальныя Троицы, а в собор взяты по упразднении сей церкви в 1791 году. Последняя из упомянутых икон — местная (занимает первое место по левую сторону царских врат) и есть та самая, которая в *Описании явлений чудотворных икон Пресвятой Богородицы*, изданном при *Памятнике веры* (М. 1838), между изображениями икон Божией Матери значится с названием «Тобольскою» под № 58 и, сверх сего, на 16 странице того Описания под 5 июля называется «чудотворным образом Пресвятой Богородицы». Дска иконы имеет в вышину пять четвертей, а в ширину — три четверти и два вершка. Приснодева изображена в убрусе и короне с Младенцем Иисусом на шуйце^^. Писана икона, что можно видеть из надписи на задней стороне дски, с таковой же Черниговской* иконы в Тобольске при митрополите Антонии I (1721—1740 гг.), следовательно, назад тому уже более 100 лет. Серебряная, вызолоченная, прекрасной работы риза на ней выписана в 1848 году из Москвы за 500 рублей серебром тобольским купцом Як. Пет. Ершовым (в благодарность за избавление от продолжительной и страшной его болезни, совершившееся частью во время самого молебствия, частью на другой день по молебствии пред описываемою иконою в доме Ершова). Празднование в честь Тобольской иконы Божией Матери, положенное 5 июля**, почему-то было остав-

* При сличении чудотворной Ильинской Черниговской иконы с Тобольскою (См. в упомянутом в тексте Описании явлений... изданном при *Памятнике веры* № 25 и 58) сходство их очевидно.

** См. Памят. веры Опис. явл. стр. 16.

лено, даже самая икона долгое время оставалась в совершенном забвении (в придельном Златоустовском алтаре), и возобновлено оно, равно как и икона поставлена на настоящее место, только в 1848 году во время свирепствовавшей в Тобольске холеры.

Приложения к описанию Тобольского Софийского собора

I

Архиереи, священнодействовавшие в Софийском соборе

В Тобольском Софийском соборе священнодействовали и рукополагали священно- и церковнослужителей следующие архиереи*.

Архиепископы сибирские и тобольские

1. Киприан Старорусеников, хиротонисанный[67] 20 сентября 1620 года из архимандритов Хутынского монастыря, 2 года и $8^1/_2$ месяцев, — с 30 мая 1621 г. по 15 февраля 1624 г., когда он отбыл в Москву (где в следующем году произведен в Крутицкого митрополита, отсюда в 1627 году перемещен в том же звании в Новгород и там 17 декабря 1635 года скончался.

2. Макарий Кучин, хиротонисанный 19 декабря 1624 г. из игумнов Костромского Богоявленского монастыря, с 1

* Список тобольских архиереев здесь предлагается почти единственно для показания, сколько времени они служили в описываемом соборе; потому, очевидно, в хронологии его должна быть разница с хронологией *Истории Иер. Росс. П.* изд. 2. ч. 1. стр. 231–36 и *Крат. Показ о Сиб. воев.*, в которых, особенно в первой, чаще всего время служения пастырей тоб. паствы начинается не с приезда их в Тобольск, а с рукоположения или назначения, равно и оканчивается не отбытием их из Тобольска, а или отречением, или назначением к перемещению. Впрочем, здесь кстати заметить, что авторы двух помянутых книг, т.е. Истории Росс. Иер. и Крат. Пок. о Сиб. воевод., в хронологии касательно сиб. архиереев весьма нередко ошибались. Мы в показании годов и чисел сиб. преосвященных, давно бывших, следовали наиболее *Записной Книге*, принадлежащей собору, и Сиб. лет. Черепанова, состоящей в семинарской библиотеке, а хронология сих рукописей, особенно первой, по самой строгой критике оказывается вполне верною и непогрешительною, по крайней мере по отношению к сиб. архиереям. Что ж касается хронологии преосвященных новейшего времени, то я держался *дел Консисторского архива* и *Записок* (современных), которые велись и ведутся некоторыми из гражданских тобольских и в которых с пунктуальною точностию обозначены годы, месяцы и дни приезда, отъезда или кончины каждого архиерея.

апреля 1625 г. по день своей кончины — 24 июля 1635 г., следовательно, 10 лет 3 месяца и 23 дня (погребен в Софийском соборе).

3. Нектарий, хиротонисанный 7 февраля 1636 г. из постриженцев и игумнов Ниловой пустыни, — 3 года 9 месяцев и 6 дней — с 1 апреля 1636 г. по 7 января 1640 года, когда он отбыл в Москву (и там, испросив себе в марте мес. того же года увольнение на покой, удалился на обещание, т.е. в Нилову пустынь, где в 1667 году и погребен).

4. Герасим Кремлев, хиротонисанный 31 мая 1640 г. из игумнов Тихвинского монастыря, с 1 января 1641 г. по кончину свою, т.е. по 16 июля 1650 года, следовательно, 9 лет и $6^1/_2$ мес. (погребен в Софийском соборе).

5. Симеон, хиротонисанный 9 марта 1651 г. из игумнов Боровского Пафнутьева монастыря, 11 лет 2 месяца и 9 дней — с 20 декабря 1651 г. по 1 марта 1663 г., когда он отбыл в Москву (и там 16 февраля 1664 г. отказался от управления епархией).

Митрополиты с знанием, как и архиепископы, сибирских и тобольских

6. Корнилий — из архимандритов Хутынского монастыря, хиротонисанный 24 июля 1664 г. в архиепископа, а 25 мая 1668 г. произведенный в митрополита, с 23 февраля 1665 г. по день своей кончины — 23 декабря 1677 г., следовательно, 12 лет и 10 месяцев (погребен в Софийском соборе).

7. Павел I, хиротонисанный 21 июля 1678 г. из архимандритов Чудова монастыря, 12 лет 8 месяцев и 20 дней — с 25 марта 1679 г. по 15 декабря 1691 г., когда он отбыл в Москву, но на дороге 4 января 1692 г. скончался (погребен в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре).

8. Игнатий Римский-Корсаков, хиротонисанный 3 апреля 1692 г. из архимандритов Московского Симонова монастыря, около 7 лет — с 12 февраля 1693 г. по конец 1699 года, когда он отбыл в Москву (а в следующем году испросил себе увольнение на покой в Симонов монастырь, где 13 мая 1701 года скончался).

9. Филофей Лещинский, малороссиянин — хиротонисанный 4 января 1702 г. из экономов Киево-Печерской лавры и вместе наместников Свенского монастыря, около 9 лет

— с 4 апреля 1702 г. до половины 1711 года, когда он, посхимившись по случаю болезни, впрочем, еще в 1709 году под именем Феодора, испросил себе увольнение на покой в тюменский монастырь.

Митрополиты же, но с титулом тобольских и всея Сибири

10. Иоанн Максимович, малороссиянин — произведенный в митрополита из черниговских архиепископов, — с 14 августа 1711 г. по день кончины своей, последовавшей 10 июня 1715 года, следовательно, 3 года 9 месяцев и 27 дней (погребен в соборном приделе).

По смерти Иоанна Филофей, в схиме Феодор, Лещинский снова священнодействовал в Софийском соборе около пяти лет — с конца 1715 г. по 13 сентября 1720 г., когда он вторично удалился на покой в Тюменский монастырь, где 31 мая 1727 года и скончался.

Также митрополиты, но с новым титулом, тобольских и сибирских*

11. Антоний I Стаховский, малороссиянин — переименованный в митрополита, как и Иоанн, из черниговских архиепископов 14 февраля 1721 года, — с 7 декабря 1721 по кончину свою, последовавшую 27 марта 1740 г., следовательно, 18 лет 3 месяца и 20 дней (погребен в Софийском соборе).

12. Арсений Мацеевич, из польских шляхтичей, хиротонисанный 26 мая 1741 г. из иеромонахов синодального дома, менее двух месяцев — с 18 декабря 1741 по 10 февраля 1742 г., когда он отбыл в Москву (где вскоре, 31 мая, переименован в митрополита ростовского, а 14 апреля 1763 года лишен сана и священства, после же и монашества).

13. Антоний II Нарожницкий, малороссиянин, хиротонисанный 26 сентября 1742 г. из наместников Сергиевой лавры, — с 19 февраля 1743 г. по кончину свою, которая последовала 9 октября 1748 года, следовательно, 5 лет 7 месяцев и 20 дней (погребен в Софийском соборе).

* В Ист. Иер. Росс. II изд. 2. Ч. 1. на стр. 30, 235 перемена титулов тоб. архиереев отнесена к 1768 г., но неправильно: противное тому показывают все дела консисторского архива, старинные ставленические грамоты, надписи на соборной утвари и проч. Что ж до титула: *Тобольских* и *всея Сибири*, то об нем в Ист. Иер. вовсе и не упомянуто.

14. Сильвестр Гловатский[68], малороссиянин, хиротонисанный 16 июля 1749 г. из архимандритов Свияжского монастыря, почти 6 лет — с 12 декабря 1749 г. по 6 декабря 1755 г (когда по определению Св. Синода от 9 октября отбыл в Суздаль, где 20 мая 1760 года скончался).

15. Павел I Конюскевич[69], малороссиянин, хиротонисанный из архимандритов Новгородского Юрьева монастыря, 9 лет 1 месяц и 22 дня — с 20 ноября 1758 г. по 11 января 1768 г. (когда он отбыл в Москву и в июле того же года получил увольнение на покой в Киево-Печерскую лавру, где 4 ноября 1770 года и скончался).

Архиепископы с прежним титулом тобольских и сибирских

16. Варлаам Петров родом из Москвы, хиротонисанный во епископа 5 октября 1768 г. из архимандритов Новоторжского монастыря, и чрез 24 года после того, а именно 6 ноября 1792 года, пожалованный в архиепископа, — с 8 марта 1769 г. по кончину свою 27 декабря 1802 года, следовательно, 33 года 9 месяцев и 19 дней (погребен в приделе Златоустого).

17. Антоний III Знаменский, новгородец, 13 февраля 1803 г. перемещенный из вологодских епископов архиепископом, — 3 года 3 месяца и 5 дней, с 24 марта 1803 по 29 июня 1806 г., когда он отбыл (25 мая) в Ярославль (оттуда в 1820 году уволен на покой в Новгородский Деревянницкий монастырь и там 11 августа 1824 года скончался).

18. Амвросий I Келембет, малороссиянин, 25 мая 1806 г. перемещенный архиепископом из оренбургских епископов, 16 лет 4 месяца и 22 дня — с 29 июля 1806 г. по 21 декабря 1822 г., когда он отбыл (по собственному желанию) на покой (сначала в Абалацкий монастырь, а потом в Лубенский Преображенский, где 4 июля 1825 года скончался).

19. Амвросий II Рождественский, переведенный 28 октября 1822 года из вятских епископов архиепископом — с 21 января 1823 г. по день кончины 14 февраля 1825 г., следовательно, 2 года и 24 дня (погребен в Софийском соборе).

20. Евгений Казанцев, переведенный 30 сентября 1825 г. из псковских архиепископов, 5 лет 8 месяцев и 20 дней — с 30 декабря 1825 по 19 сентября 1831 года, когда он отбыл (по указу от 7 августа) в Рязань (а отсюда в 1837 г. перемещен в Ярославль, где пребывает и доселе).

21. Павел III Павлов, архангелогородец, перемещенный 7 августа 1831 г. из могилевских архиепископов, только 22 дня — с 26 ноября по 18 декабря 1831 г., когда он скончался (погребен в соборном Златоустовском приделе).

22. Афанасий Протопопов, родом из г. Любима (Ярославская губерния), перемещенный 24 января 1832 г. из нижегородских епископов архиепископом — с 23 марта 1832 г. по кончину свою, последовавшую 21 сентября 1842 года, следовательно, $10^1/_2$ лет (погребен в Софийском соборе).

Епископ

23. Владимир Алявдин, родом из Владимира-на-Клязьме, переведенный 14 ноября 1842 г. из костромских епископов — с 15 января 1843 г. по день кончины своей, 20 мая 1845 года, следовательно, 2 года 4 месяца и 5 дней (погребен по завещанию в загородной архиерейской церкви).

Архиепископ

24. Георгий Ящуржинский, родом из Каменец-Подольской епархии, перемещенный 30 июня 1845 г. из архангельских епископов архиепископом, священнодействовал в тобольских соборах 6 лет 6 месяцев и 9 дней — с 25 сентября 1845 г. по 4 апреля (день его кончины) 1852 года. Погребен, согласно завещанию, в загородной архиерейской церкви*.

* В списке тобольских архиереев опущены св. Димитрий митр. Ростовский и Никадим Сербницкий[94], из которых первый считался тоб. митрополитом с 9 марта 1701 по 4 янв. 1702 г. (между Игнатием и Филофеем), а второй с 29 мая 1840 по 26 того же месяца следующего года (между Антонием Стаховским и Арсением Мацеевичем), опущены потому, что они не были в Тобольске и след. не священнодействовали в Тоб. Софийском соборе, описание которого — главная цель сего сочинения. Портреты всех тоб. преосвященных, находившиеся сначала в холодном соборе, потом в соборной ризнице, ныне с 1843 г. украшают залу архиерейского дома.

II

Список кафедральных протоиереев и ключарей Тобольского Софийского собора*

Кафедральные протоиереи

Константин *Кубасов*, который в 1686 году ездил в Москву с отписками от митрополита Павла к государям и патриарху**.

Василий Кирил. *Русанович*, малороссиянин, один из учителей, вызванных из Киева и Чернигова митрополитом Антонием II для открытой им в Тобольске семинарии; протоиерействовал с 1749 по 1765 гг.; в сем году скончался и погребен в паперти Софийского собора, что при северных дверях.

Никита Никит. *Арамильский* — один из самых первых питомцев Тобольской семинарии, потом учитель оной; в кафедрального протоиерея произведен из протоиереев собора Троицкого и был им до начала 1786 года; в сем году, по вдовстве и пострижении в монашество под именем Никодима, он послан архимандритом в Енисейск, где 25 декабря 1803 года и скончался на 72-м году жизни.

Михаил Фед. *Карпинский*: протоиерействовал с 29 марта 1786 г. до 16 января 1789 г. — по день кончины своей; погребен на архиерейском дворе против соборного алтаря.

Николай Мих. *Флеровский* — сибиряк, как и двое его предшественников, учитель и префект семинарии; кафедральным протоиереем был с 18 февраля 1789 г. по начало 1792 г.; в это время он перемещен протоиереем же (хотя не кафедральным) в Ишим, где и скончался.

Лев Васильев. *Землянницын* — воспитанник сначала Тобольской, потом Александро-Невской высшей семинарии; с 1791 по 1817 гг. префект и учитель Тобольской семинарии то по философии, то по богословию, а с 1818 года — ректор тобольских духовных училищ; кафедральным протоиереем служил близ 30 лет — с 4 июня 1792 года по кончину свою, последовавшую во второй половине 1821 года, погребен на градском кладбище.

---

* Список протоиереев и ключарей, при всем желании представить полный, крайне неполон: причина сему та, что а) при соборе записок никаких нет и не было, б) дела консисторского архива до 1740 года сгорели.

** Древ. Вивл. ч. 3. стр. 258.

Василий Фед. *Капустин* — воспитанник сначала Ярославской семинарии, потом Московской д. академии, магистр богословия, профессор и инспектор Тобольской семинарии и ректор духовных училищ; в кафедрального протоиерея произведен 15 сентября 1821 года и был им до половины 1826 года, когда он скончался; погребен на градском кладбище.

Петр Андр. *Фелицын:* родом москвич, воспитанник Московской славяно-греко-латинской академии и семинарий — Калужской, Вологодской и с 1803 года Тобольской — и священник Тобольского Софийского собора; в кафедрального протоиерея произведен из соборных ключарей 14 августа 1826 года, должность сию проходит и доныне. Имеет, кроме камилавки, наперсного креста и палицы, орден св. Анны второй степени и с короною императорскою.

Соборные ключари

Иван *Васильев*, который в 1686 году был посылан митрополитом Павлом на р. Юрмыч увещевать раскольников, собравшихся там (в числе 350 душ) для самосожжения*.

Василий Яковл. *Копылов* — один из первых питомцев Тобольской семинарии, после учитель и префект оной и соборный священник; скончался на должности ключаря во второй половине 1777 года.

Михаил Фед. *Карпинский* — подобно предшественнику сибиряк и воспитанник Тобольской семинарии, учитель и префект оной; ключарем сделан из соборных священников 6 ноября 1777 г. и был им по 29 марта 1786 г., когда произведен в кафедрального протоиерея.

Георгий Герасим. *Шестаков* с апреля 1786 г. по кончину свою, последовавшую в половине 1798 года.

Матвей Герас. *Бурдуков*, сибиряк; ключарем определен из учителей Тобольской семинарии и соборных священников 24 июля 1798 года, но в следующем 1799 году, по вдовстве и пострижении в монашество под именем Михаила, сделан архимандритом Знаменского монастыря и ректором Тобольской семинарии; после был ректором Тверской семинарии, а с октября 1814 года — архиепископом в Иркутске, где в 1830 году и скончался.

* Там же стр. 264.

Матвей Ник. *Вахрушев*: определен ключарем из соборных священников в 1799 году, но в следующем году скончался.

Наркис Прокоп. *Никитин* — с 1800 по конец 1806 года, когда он послан в Курган протоиереем.

Василий Осип. *Кузнецов*: был ключарем с 1806 по ноябрь 1810 гг.; затем он выбыл в полковые священники, но в 1817 году снова возвратился в Тобольск и с тех пор доселе служит (с 1843 г. в звании протоиерея) при кладбищенской церкви.

Петр Андр. *Фелицын*: проходил должность ключаря с ноября 1810 г. по 14 августа 1826 г., ныне кафедральный протоиерей.

Петр Мих. *Карпинский*, сын прежде помянутого кафедрального протоиерея Карпинского, воспитанник и учитель Тобольской семинарии: ключарем определен из соборных священников 14 августа 1826 года; и был им по декабрь 1835 года, в это время он назначен в Омск протоиереем, но, не выезжая из Тобольска, помер.

Яков Иван. *Ласточкин* — родом рязанец, воспитанник Московской академии и с 1818 по 1838 гг. — учитель Тобольской семинарии; ключарем с званием протоиерея определен из соборных священников 16 декабря 1835 года.

III

Копия (с копий) с грамот о строении Тобольского Софийского собора

I

От Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича всея великия и малыя и белыя России Самодержца в Сибирь, в Тоболеск, стольником нашим и воеводам: Алексею Семеновичу Шеину, да Михайлу Васильевичу Приклонскому, да дьякам нашим Алмазу Чистаго, Перфилью Оловеникову. В нынешнем в 188 (1680) году, Февраля в 5 день, писал к нам Великому Государю, из Тобольска богомолец наш, Преосвященный Павел Митрополит Сибирский и Тобольский: в прошлом в 185* году Соборная Церковь от молненнаго запаления сгоре-

* В копии здесь выставлен не 185, а 183 год, но, очевидно, от ошибки писца, потому что пожар, в который сгорел между прочими зданиями и собор, был в 185 (1677) г. См. Др. Вивл. ч. 3. стр. 231. Ист. Обозр. Сиб. кн. 1. ста. 325, 190.

ла со всякою церковною утварию и до ныне не построена, а собою ему строить не чем, вотчины у него небольшие; и будет в Тобольску Соборную каменную церковь строить, и на то церковное строение в Тобольску у города для кирпича глины в близости много; и для опыту сделано и обожжено кирпичу тысячь со сто и больши; а известь и бутовый камень сыскан по реке Режу, у слободы Арамашевской, по близости наших Великого Государя слобод, и ужено извести бочек тысячи с полторы и больши, и для опыту привезено в Тобольск извести бочек с пятьдесят в судне; да и та де известь к каменному делу годна. Да бутовой же камень сыскан по Невье* и по Туре рекам. От Тобольска тот бутовой известной камень в четырех стах верстах, и мочно де припровадить известь и бутовой камень в Тобольск в дощаниках и на плотах, вниз по воде; а впредь бы известь и бутовой камень возить наших Великаго Государя слобод пашенными крестьяны, сколько понадобится на совершение соборные каменные церкви, а свай де у него приготовлено много; и чтоб прислать в Тобольск к строению церкви с Москвы или Устюга связного железа с обухами, да двадцать человек кирпишников, да пять человек каменщиков. Да он же, Павел Митрополит, в 187** (1679) году посылал в Тобольской уезд, в село Абалацкое, описывать в церкви Божии церковную всякую утварь и денежную казну; а по описи явилось церковной казны в сборе рублев с семьсот и больши, и того де Абалацкого села попы и церковные причетники и мирской церковной староста пьют и бражничают за едино и церковную денежную казну держат с великим небрежением и в долги роздают, а из долгов выбирают на мале и в том церковная казна теряется; а в прошлых де годах их же небрежением покрадено денег больши трех сот рублев, а достальные деньги после описки поставлены у него Митрополита в доме, для сбережения, в казенной палате; и чтоб нам Великому Государю пожаловать его на строение Соборные церкви прислать с Москвы или на Верхотурье дать денег, да к тому в прибавок взять из Абалацких церковных денег семьсот рублев, чтоб Соборная церковь за денеж-

* Это река Нейва или Ница[1].

** В копии выставлен не 187, а 180 год, но, по всей вероятности, ошибкой писца, потому что М. Павел произведен в сиб. митрополита только в 186 (1678) году, а в Тобольск прибыл и еще годом позднее. См. Ист. Иер. ч. 1. изд. 2. стр. 233; ч. 2. изд. 1. стр. 546. Др. Вивл. ч. 3. стр. 234. Царские Вых. стр. 234.

ною скудостию не стала, а без нашего, Великаго Государя, указу тех церковных денег взять он не смеет. И Мы, Великий Государь, указали в Тобольску Соборную Церковь Софии Премудрости слова Божия строить каменную против образца, какова на Москве в Кремле, в девичьем Вознесенском Монастыре, а на то церковное строение велели дать денег из нашие Великаго Государя казны в Тобольску из тамошних доходов семь сот рублей; а на связку железа послано будет в Тобольск с Москвы водою до Соли Камской в нынешнем 188 (1680) году; а известь и бутовой камень указали Мы, Великий Государь, Тобольскаго и Верхотурскаго уездов нашими, Великаго Государя, Слободскими и Верхотурскими, Тюменскими и Туринскими пашенными и оброчными крестьяны привесть, сколько доведется, по розвытно в ровенстве, а не в пашенное время, чтоб крестьяном в том болших убытков, и тягости, и раззоренья и в нашей Великаго Государя десятинной пашне недопашки не было; а каменщиков и кирпичников и кузнецов приискав в Тобольску, отдавать к церковному делу, сколько человек к тому делу будет надобно; а церковные Абалацкие деньги и серебро у богомольца нашего Павла Митрополита взять в нашу Великаго Государя казну, в Приказную избу, и теми деньгами указали Мы, Великий Государь, в селе Абалацком строить каменную церковь, а на иные никакие расходы тех денег не держать, а серебро, сколько его будет, прислать к нам Великому Государю, к Москве, а вместо того серебра по нашему Великаго Государя указу, присланы будут с Москвы деньги. И на то каменное Абалацкое церковное строение велеть известь и бутовой камень и кирпичь готовить по времяни; а церковь в селе Абалацком строить, смотря по приходу людей, чтоб была не тесна, а образцом, какову велит богомолец наш Павел Митрополит, и о том у него взять образец. И как к вам ся наша Великаго Государя грамата придет и вы б чинили о том по нашему Великаго Государя указу и по своему разсмотрению, смотря по тамошнему делу, чтоб в известной и бутовой каменной воске нашим Великаго Государя пашенным и оброчным крестьяном большой тягости и убытков, и в нашей Великаго Государя десятинной пашне недопашки и в оброчном хлебе отнюдь убытку не чинить, и в выборе каменщиков и кирпичников и кузнецов, всяким служилым и жилецким и гулящим людем оттого тягости и убытков не было. А сколько извести

и бутового камени на наших, Великаго Государя, крестьян и почему на слободу и на крестьянина порозвытно привесть велите, и как у Митрополита Абалацкие деньги и серебро возмете и для строения Абалацкие церкви кирпичь и известь и камень и всякие запасы изготовите, о том писали к нам, Великому Государю, подлинно; а отписку велели подать в Сибирском Приказе Боярину нашему, князю Ивану Борисовичу Репнину, да стольнику нашему Кириллу Аристарховичу Яковлеву, да дьяком нашим Семену Румянцеву, Льву Ермолаеву. А о строении Соборной и Абалацкаго села каменных церквей и об отдаче Абалацких же церковных денег и серебра наш, Великаго Государя, указ к богомольцу нашему, к Преосвященному Павлу Митрополиту Сибирскому и Тобольскому послан; а кирпищиков и каменщиков и кузнецов и иным работным и всяким мастеровым людем, которые у той церкви и строения будут, указали Мы, Великий Государь, давать поденной корм из тех денег, которые даны будут из нашие Великаго Государя казны Павлу Митрополиту на то церковное строение. А какова Вознесенская церковь мерою кругом и в вышину и тому посланы к богомольцу нашему Преосвященному Павлу, Митрополиту Сибирскому и Тобольскому и к вам образцы и сметные росписи и чертежи запечатаны нашею Великаго Государя печатью в листах Сибирскаго Приказу с Сибиряны с Красноярскими конных казаков с пятидесятником с Матюшкою Терских, с пешим казаком с Савкою Толстиковым. Писан на Москве, лета 7188 (1680) Апреля в 28 день.

На подлинной Грамате пишут:
Дьяк Семен Румянцов.
Справил Васька Романов.

2

От Царя и Великаго Князя Феодора Алексеевича всея великия и малыя и белыя России Самодержца в Сибирь, в Тоболеск, Стольником нашим и воеводам Алексею Семеновичу Шеину, да Михайлу Васильевичу Приклонскому, да дьяком нашим Алмазу Чистого, Перфилью Оловенникову. В нынешнем 188 (1680) году, по нашему Великаго Государя указу послано с Москвы в Тоболеск на строение новые соборные ка-

менные церкви шесть сот восмьдесят два пуда железа связного с Софейским сыном Боярским с Яковом Бязевым. И как к вам ся наша Великаго Государя грамата придет, а Яков Бязев в Тоболеск то железо привезет, и вы б велели то железо отослать на строение Соборные церкви к богомольцу нашему Павлу, Митрополиту Сибирскому и Тобольскому, и о том к нам, Великому Государю, писали; а отписку велели подать в Сибирском Приказе Боярину нашему Князю Ивану Борисовичу Репнину, да Стольнику нашему Кирилу Аристарховичу Яковлеву, да дьяком нашим Семену Румянцову, Льву Ермолаеву. А наш Великаго Государя указ к нему богомольцу нашему Павлу Митрополиту о том послан. Писан на Москве лета 7188 (1680) Мая в 25 день.

На подлинной подписались:
Дьяк Семен Румянцев.
Справил Васька Романов.

3

От Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России Самодержца в Сибирь, в Тоболеск, ближним нашим Боярину и воеводам, Князю Михайлу Яковлевичу, да Стольнику Князю Алексею Михайловичу, Черкасским, да дьяку нашему Ивану Баутину. В нынешнем 1709 году, Июня в 12, по имянному нашему Великаго Государя указу, Мы, Великий Государь, для своего Государскаго многолетнаго здравия, пожаловали богомольца нашего, преосвященнаго Филофея, Митрополита Сибирскаго и Тобольскаго, велели ему дать из нашей Великаго Государя казны, из Тобольских доходов, на строение храма, жалованья тысячу рублев. И как к вам ся наша Великаго Государя грамата придет, а богомолец наш Преосвященный Филофей, Митрополит Сибирский и Тобольский, о приеме вышеписаннаго нашего Великаго Государя жалованья от себя кого пришлет, и вы б ближние наши, Боярин и воеводы, Князь Михайло Яковлевич, да Стольник Князь Алексей Михайлович и дьяк, о выдаче того нашего Великаго Государя жалованья тысячи рублев ему богомольцу нашему, Преосвященному Филофию, Митрополиту Сибирскому и

Тобольскому учинили по вышеписанному нашему Великаго Государя имянному указу. Писан на Москве, лета 1709, июня в 30 день.

На подлинной подписались:
Дьяк Иван Чепелев.
Справил Никифор Зыков.

4

Князь Александр Алексеевич! На исправление ветхостей соборной церкви в губернском городе Тобольске повелеваем выдать из казначейства, для остаточных сумм учрежденнаго, пятнадцать тысячь пять сот двадцать один рубль и тридцать коп. в нынешнем и следующем 1784 году; да на построение там же новой колокольни с консисториею и двух служебных корпусов при архиерейском доме осьмнадцать тысяч рублей отпустить в три года, начиная с будущаго 1784 года.

Подлинной подписан собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: *Екатерина.*

В Царском селе июля 10, 1783 года.

IV

Посещение Его Императорским Высочеством Государем Наследником престола Тобольска и Тобольского кафедрального собора

Посещение Тобольска в 1837 году Государем Наследником Его Императорским Высочеством Александром Николаевичем было особенным, торжественно-радостным событием в истории Тобольска и всей Сибири вообще. Дряхлеющая столица Сибири как бы ожила тогда, при всем своем небогатстве принарядилась, полумертвые в обыкновенное время улицы ее оживились как от собственного народонаселения, так и от прибывших из окрестностей и даже мест отдаленных; по ночам она была тогда ярко иллюминована.

Государь Наследник прибыл в Тобольск 1837 года в 12 часу ночи с 1 на 2 июля, а отбыл 4 числа в 5 часу утра. В это время посещены и осмотрены Его Императорским

Высочеством Штаб Отдельного Сибирского корпуса, губернская гимназия, выставка сибирских изделий, отделение военных кантонистов, арсенал, военный госпиталь, тюремный замок, больница и другие заведения Приказа общественного призрения. В корпусном штабе Его Императорское Высочество с особенным любопытством изволил рассматривать топографическую съемку Барнаульского округа, в гимназии испытывал учеников в знаниях, и лучшего из них (Широкого), который был притом сирота, принял под особенное свое покровительство; у себя в квартире (в губернаторском доме) принимал, кроме духовенства, военных и гражданских чиновников и почетнейших граждан и милостиво спрашивал киргизских султанов, вогульских и остяцких князьков и других представителей инородцев, обитающих в Западной Сибири; воспринимал от купели крещения родившегося в те дни сына у тогдашнего гражд. губернатора Повало-Швейковского и роздал бедным жителям города 5000 рублей ассигнациями денег.

В соборе тобольском Государь Наследник был два раза: 2 число в 9 часов утра и 3 число в 9 и 10 часу. В первый раз, по прибытии при колокольном звоне всех 15 градских церквей и при встретении архиепископом тобольским Афанасием с крестом и святою водою, Цесаревич прикладывался с поклонением до земли к местным иконам Христа Спасителя и Божией Матери, затем, став на приуготовленное для него подле правого клироса место, слушал краткое молебствие о благополучном пребывании своем, с многолетием Государю Императору и всей Царской Фамилии и, наконец, при отбытии принял поднесенный от преосвященного образ Вознесения Господня. Быв во второй раз в соборе, Государь Цесаревич слушал литургию, которую совершал преосвященный Афанасий со старшим духовенством.

На память последующим родам заметим еще, что катер, на котором Государь Наследник переправлялся чрез Иртыш в Тобольск и обратно, хранится теперь в особом здании подле пристани в *Подчувашах*, устроенном нарочито для того купеческим и мещанским обществами Тобольска.

Заметки к описанию Тобольского Знаменского монастыря

Автор описания Тобольского Знаменского монастыря, напечатанного в 12, 13 и 14 номерах «Тобольских губернских ведомостей» настоящего 1859 года, от. архимандрит Венедикт при составлении сего описания не все имел материалы, какие нужно бы иметь, потому в его описании есть и недомолвки, есть и обмолвки. Имея под руками некоторые из материалов, не бывших в виду у от. архимандрита, постараюсь недостающее в его описании восполнить и ошибочное исправить.

1. Говоря о времени основания Тобольского мужского монастыря, автор называет этот монастырь «первым и древнейшим из всех монастырей, построенных в Сибири». «Но когда именно, — продолжает он (№ 12, часть неофициальная, стр. 133), — положено его основание, вместе ли с г. Тобольском, построенным в 1587 г., или спустя несколько времени после сего, за потерею древних монастырских актов, неизвестно...». Другие в означении времени основания Тобольского мужского монастыря были смелее его: одни, и именно архиерей Амвросий Орнатский в *Ист. Иер. Росс. церкви* (ч. 6, кн. 2, стр. 1127), г. Абрамов в *Материалах для Истории христианского просвещения Сибири* (Журн. Мин. Народ. Просв. 1854, №№ 2 и 3, стр. 4) и я в *описании Тобольского собора и прочих тобольских церквей* (стр. 12) — относили его основание к 1601 году, а другие, и именно автор *Истории Русской церкви* (ч. 4, стр. 61), а вслед за ним и я (в том же описании) — к 1605 году. Но последнее мнение совершенно неосновательно: я основывался на авторитете автора Истории Русской церкви, а сей, как видно из сделанной им в показанном месте цитаты, основывался на Истории Иер. Росс. церкви (ч. 6, кн. 2, стр. 1127), между тем как здесь, как оказалось по справке, выставлен за год основания Тобольского мужского монастыря не 1605, а 1601 год. Впрочем, и первое мнение

в настоящую пору оказывается не основательным: в 4 томе Дополнений к ист. акт. арх. ком. на стр. 264 вот что сказано: «В переписных книгах Богдана Аршинскаго прошлаго 150 году (1642) написано: во 104 (1596) году тобольскаго атамана Третьяка Юрлова сын Максимко, по приказу отца своего, дал вкладу в Знаменской* монастырь деревню свою (Юрловскую) иверх по Иртышу, с хоромы и пашенною землею и со всеми угодьи, чем владел отец его, и закладную распашную землю, что заложил отцу его захребетной татарин Усмаметко Усенков, на усть речьки Шилеи». Те же самые речи о Юрловской деревне говорил в Москве перед царем в 1662 году и старец Знаменского монастыря Иов (там же, стр. 264). Итак, очевидно, что Тобольский мужской монастырь, именующийся с 1623 года Знаменским, существовал ранее не только 1605, но и 1601 года: за пять лет до сего года (в 1596 году) набожные люди в него уже жертвовали своим даже недвижимым имуществом.

2. Приступая к описанию перенесения Тобольского мужского монастыря с нагорной части в подгорную, на настоящее место, автор говорит: «Первый архиепископ Киприан, прибыв в Тобольск, не нашел в нем и во всей обширной епархии своей ни одной женской обители, между тем как некоторые из жен и дев города Тобольска имели желание посвятить себя иноческой жизни. Для удовлетворения сей духовной потребности паствы своей архиепископ Киприан повелел мужский Успенский монастырь перенести в другое место, а его обратил в женскую обитель и пр.». Уверение, будто Киприан, по прибытии в Тобольск, не только в Тобольске, но и в целой Сибири не нашел ни одной женской обители, не совсем справедливо: сам Киприан на пути в Тобольск в Верхотурье построил Покровский женский монастырь и поместил в него 10 монахинь, найденных им в том городе живушими по мирским домам и без соблюдения монастырских правил (акты историч., т. 4, стр. 140–141), да в Туринске нашел он Покровский же монастырь общий, т.е.

* Что Тобольский мужской монастырь здесь еще в 1596 году назван Знаменским, тогда как он такое наименование получил только в 1623 году, из этого нельзя опровергать подлинного акта, заключать об искажении в нем года пожертвования атамана Тр. Юрлова; Богдан Аршинский делал опись монастырю и его именьям в 1647 году; потому он, говоря и о пожертвовании на монастырь, сделанном в 1596 году, назвал его уже именем своего времени, а не тем, которое носил монастырь прежде, т.е. когда он находился еще за Иртышом, на устье Тобола.

такой, в котором жили вместе монахи и монахини. Впрочем, мысль, что причиною перенесения Тобольского мужского монастыря с горы к речке Мостовке, по-нынешнему Абрамовке, было желание архипастыря Киприана устроить на горе женский монастырь, совершенно справедлива. Но едва ли не было, и кроме ее, другой причины к этому перемещению: Тобольский мужской монастырь в 1621 году сгорел и до 1623 года или вовсе не был восстановлен, или, если и был восстановлен, то еще в самом плохом виде. Следовательно, монашествующим все равно было строиться что на старом месте, на горе, что на новом — под горой, а потому архиепископ Киприан, имея в виду устроить монастырь женский и притом желая устроить его в более безопасном месте, а такое и было подле самого города за Воскресенскими воротами, предписал монашествующим избрать для своего монастыря новое место, конечно, не так безопасное, но зато более выгодное и поблизости к воде, и по своей уединенности, по своему удалению от шума городского (в 1623 году подгорной части Тобольска или вовсе еще не существовало, или, если она и существовала, то в самом малом размере, только близ горы). Здесь кстати будет заметить, что Тобольский мужской монастырь во время существования своего на горе (в 1610—1623 гг.) назывался не Успенским только, как говорится в описании, но безразлично то Успенским по главной его церкви, то Никольским по *обыденной* церкви, построенной в честь святителя Николая в 1611 году в один день, а иногда и вместе Успенским и Никольским*.

3. В описании Тобольского Знаменского монастыря не один раз (№ 12, стр. 133 и 134, № 14, стр. 151) говорится, что настоятельство в Знаменском монастыре и до перенесения его из-за Иртыша в город было архимандричье и что настоятелем его и в бытность его за рекой, и в бытность в нагорной части города был архимандрит Мефодий. Сей последний и в *кратком пока-*

* Доказательство на первое можно видеть в грамоте царя Михаила Феодоровича от 8 июля 1621 года, которою предписывалось дать штаты на священно- и церковнослужителей вновь построенного Верхотурского Покровского женского монастыря *против Тобольского Никольского монастыря* (Ист. Акт. т. 3, стр. 141), а доказательство истины последнего представляет грамота того же царя от 10 января 1622 года, в которой архимандрит Мефодий и с братиею не один раз называются настоятелем и братиею Тобольского мужеского *монастыря Успения Пресвятыя Богородицы и Николая Чудотворца* (об этой грамоте будет говорено в след., 3-м параграфе).

зании в Сиб. воев. и пр. (стр. 5) называется первым настоятелем Тобольского мужского монастыря. Но едва ли все это справедливо: между делами старого консисторского архива (1705 г.) есть грамота царя Михаила Феодоровича от 20 января 7130 (1622 г.), писанная на имя тобольского воеводы боярина Матвея Михайловича Годунова и дьяка Ивана Шевырева по поводу челобитья к царю Тобольского Успения Пресвятыя Богородицы и чудотворца Николая монастыря архимандрита Мефодия с братиею о подтверждении за монастырем прав на некоторые земли, воды и разные угодья. В этой грамоте прописывается, между прочим, то, что на одни из тех земель и воду (например, на Бегишевы горы и озеро и пашню около них), а также на реку Вагай (грамоту для монастыря исхлопотал у царских бояр в 7120 и 7121 (1612 и 1613) годах *строитель* Успенского монастыря *Логвин*[2], а на другие (например, на бывшие пашни Кучума царя по Тоболу и Тавде) исхлопотал грамоту у самого царя Михаила Феодоровича в 7124 (1616) году *игумен Дионисий* с братиею. После этого, кажется, очевидно, что настоятельство в Тобольском мужском монастыре первоначально было только строительское и игуменское, а архимандричье учреждено в нем, вероятно, уже по прибытии в Тобольск архиепископа Киприана. После этого также должно быть очевидно и то, что строитель Лонгин и игумен Дионисий были сами настоятели Тобольского монастыря, а не подчиненные настоятеля архимандрита Мефодия, как о первом из них сказано в описании (№ 12, стр. 134)*; и что архимандрит Мефо-

* Строитель Лонгин и игумен Дионисий *били челом*: первый боярам, а последний царю, говорится в грамоте, только *с братьею*; если же бы они были подчиненные архимандрита, то, без сомнения, они били бы челом не от своего только лица и братии, а и от лица своего настоятеля и притом наперед от лица сего. К тому же в сибирских монастырях, как это видно из Ист. Актов (т. 3, стр. 141), хотя и бывали при настоятелях-архимандритах и игуменах и строители (из старцев, не имевших степеней священства, и, кажется, заведывавшие в монастырях хозяйственною частию), но никогда не бывало при архимандритах и сверх архимандритов игуменов. — **Прим. автора.**

Из разных актов о монастырях, извлеченных мною из консисторского архива, равно из столбцев Рафайлова монастыря, открытых в 1858 году, видно, что, кроме архимандритов, в монастырях были еще особые строители, и также, кроме игуменов главных начальников были также особые строители. Последним поручалось архимандритом или игуменом устройство зданий, наблюдение за крестьянами, иногда хлопоты о землях и представительство пред местными властями и даже иногда ходить с другими целями или пособий в монастыри. Строители ездили и в Тобольск, и в другие города, и к царю в Москву в сопровождении одного или двух монахов и в челобитных действовали от своего лица с братиею. — **Прим. Гр. Вар.**

дий настоятельствовал уже после них — только в двадцатых годах XVII столетия.

4. До издания штатов в 1764 году, говорится в описании (№ 14, стр. 151), Знаменский монастырь имел значительное количество земли хлебопашенной, сенокосной и лесной по Ваганю, на Бегишевских горах, около Ялуторовска и Тобольска и близ самого монастыря, по обе стороны Иртыша*. В сих местах было 33 монастырских деревни вместе с погостами, в коих считалось 2140 душ крестьян мужского пола и пр. В объяснение сказанного автором описания замечу, что вотчины при Знаменском монастыре, равно как и при других сибирских монастырях, а также и при Тобольском архиерейском доме, образовались чрез пожертвования частными лицами, чрез покупку самим монастырем, а более чрез испрошение у тобольских воевод и даже самих государей. Почти обыкновенно монастырские власти и архиереи испрашивали у тобольских воевод и государей российских для пропитания братии пустопорожние земли с принадлежащими к ним водами и разными угодьями, и воеводы и государи почти никогда в них им не отказывали, только бы земли те были действительно пустопорожние; причем иногда дозволялось приглашать на отведенные земли вольных, гуляющих (пришедших добровольно из России) людей, но чаще строго воспрещалось перезывать на них так называемых пашенных государевых крестьян. Так как земли монастырям и архиерейским домам обыкновенно испрашивались самые лучшие и так как монастырское управление было кроткое и выгодное для крестьян в том отношении, что для них всегда была от монастырских властей сильная защита против притязаний чиновников, то крестьяне и селились на монастырских и архиерейских землях весьма охотно**. Правда, государи XVII столетия неоднократно подтверждали архиерейским домам и монастырям

* Из царской грамоты, писанной при архимандрите Филарете в 1705 году (и мною читанной между делами старого консисторского архива), видно, что Знаменскому монастырю принадлежало земли 10 десятин между прочим по обе стороны речки Абрамовки и что поселившиеся на ней литовцы (сосланные при царе Алексее Михайловиче), а также городовые казаки и другие разного рода люди, в числе около 70 семейств, во второй половине XVII и в первой XVIII столетия платили монастырю за землю, бывшую у них под домами и огородами, каждогодно оброк.

** Поселившимся на монастырских землях бобылям и пришельцам давались от монастыря лошадь с упряжью, корова, земледельческие орудия по кабале, которую они давали от себя работать на монастырь и давать пятинной хлеб. — Прим. Тр. Вар.

не умножать числа вотчин никакими способами, правда и то, что почти при каждой переписи земель оказывалось при сибирских монастырях и Тобольском архиерейском доме крестьян гораздо более против прежнего, и этих крестьян повелевалось свести на государеву пашню или даже возвратить в Россию к прежним владельцам, но за отдаленностью ли от столицы или по другим каким-нибудь причинам, только почти всегда эти повеления оставались без исполнения, и при следующих переписях крестьяне те записывались уже за монастырями, или еще прежде их сами монастыри и архиерейский дом заблаговременно умоляли государей ради их скудости пожаловать их теми крестьянами. Вотчины при Знаменском монастыре, как и при других сибирских монастырях и архиерейском доме, возросли до 2140 душ мужского пола постепенно. Например, по описи 7129 (1621) года за Знаменским монастырем было дворов только восемь, а в них крестьян, бобылей и вкладчиков с детьми мужского пола 50 душ; по описи 7150 (1642) года к тем дворам прибыло 59, а в них душ мужского пола 210, при описи же в 7168 (1660) году сверх тех 67 дворов оказалось еще 62 двора и сверх тех 260 душ явилось еще 142 души мужского пола (впрочем, эти последние, как противозаконно принятые на монастырские земли, были отписаны на государя)*.

5. Автор, сказавши в приведенном месте, что за Знаменским монастырем было 33 деревни вместе с погостами и в них 2140 душ крестьян мужского пола (в 7160 г.), не сказал, какие именно были эти деревни. Жаль этого: это иным при кой-каких исследованиях могло бы пригодиться. Но еще более жаль, что он, имевши все данные под руками, не сказал, какие именно получал монастырь доходы с своих вотчин, а ограничился только заметкой в одном месте (№ 15, стр. 141), что доходы с монастырских вотчин были незначительны. Мы знаем, что крестьяне монастырские и архиерейские ставили рекрутов, платили подушное** и при чрезвычайных случаях несли тягости казенных налогов наравне с государственными крестьянами***, а сами монастыри содержали по множеству отставных,

* Дополн. к Акт. Ист., т. 4, стр. 262—63.

** 1752 г. по семи гривен, а с 1761 г. по рублю с души.

*** В 1717—20 гг. монастырские и архиерейские вотчины платили ежегодно: 1) оклавных по 3 р. с дому и 2) по 15 к. с бани; да сверх того 3) по рублю с дому на с.-петербургский провиант, 4) по 70 к. на копанье Ладожского канала, 5) 20½ к. на провиант в помощь др. губерниям и на фураж для офиц. лошадей, бывших в Петербурге и в окрестностях

увечных и престарелых солдат и офицеров и, кроме того, должны были ежегодно вносить известные дани в архиерейскую казну* (на содержание свиты архиерейской), давать некоторое пособие архиерею на содержание семинарии, а некоторые (как, например, и описываемый Знаменский) содержать целые, хотя и небольшие, русские школы. А если б знали еще определенно, как незначительны были доходы, какие получали в свое время сибирские монастыри с своих вотчин**, в таком случае можно бы было делать разные статистические выводы, можно бы было с основательностью отстранять делаемые монастырям и архиерейским домам прежних времен упреки за издержки будто бы бесполезные, за бесплодное будто бы израсходование значительных сумм, можно бы было, например, в этом случае защитить и Знаменский монастырь от упрека в том, отчего нет в нем, несмотря на значительное количество бывших за ним вотчин в прежнее время, ни дорогих старинных сосудов, евангелий, дарохранительниц, жемчужных облачений и прочей дорогой церковной утвари, ни золотых и серебряных риз на местных иконах его храмов, ни даже великолепных в нем построек. В самом деле, Знаменский монастырь до отобрания от него вотчин прочного только и выстроил, что две каменные церкви и колокольню. Но едва ли и эти здания выстроены были одними монастырскими средствами. Сомнение об этом поневоле рождается при чтении в описании (№ 13, стр. 141 и 142) заметок о том, что утварь и книги для монастырской Казанской церкви после 1703 года были куплены и что каменный корпус для монашеских келий (тот, что в настоящее время занимается семинарскими классами) был выстроен на сборные деньги.

6. Наконец, нельзя не пожалеть и о том, что автором не окончено описание Знаменского монастыря (в нем не описаны церкви Казанская и Никольская, ризница с библиоте-

его, 6) по 10 к. на жалованье комисарам, дьякам и др. чиновникам. Этого мало: в 1720 г. еще взыскано с каждого дома: 7) по 15 к. для кампании со Швецией, 8) по 39 к. за рабочих людей, которых нужно бы выслать в Петербург к *городовому строению*, 9) по 20½ на покупку кавалерийских лошадей и 10) по 8 к. на постройку зданий в С.-Петербурге по Неве.

* См. Тоб. Губ. Вед. 1859 г., часть неофиц., № 17, стр. 195.

** Крестьяне Котского села и окрестных деревень (что в Ялутор. уезде), бывшие некогда за Кондинским монастырем, помнят еще *хлебные пятины*, т.е. что они, или лучше их предки, отдавали монастырю по уборке хлеба вроде оброка пятый снопъ (взявши себе 4), или пятую пудовку (из сведений, некогда собранных от. прот. Ст. Знаменским).

кой и архивом, колокольня и ограда) или что конец описания по отъезде автора в 1851 году из Тобольска утратился. За неимением под руками материалов для докончания описания Знаменского монастыря скажу только, что: 1) теплая церковь Знаменского монастыря в честь Казанской иконы Божией Матери, что в верхнем этаже, в прежнее время была внутри неблаголепна и неудобна для молившихся в ней: из трех арок, ведущих в нее из обширной трапезы, открыта была только одна средняя, а две сторонние были закладены — одна печью, а другая низеньким простенком с окном над ним и, сверх того, была заставлена свечным шкафом, и что она стала благолепнее только с 1846 или 1847 года, когда Алек. Сем. Пиленков, помнится, еще по внушению покойного преосвященного Владимира выписал для нее из Москвы новый, хорошей резьбы, блестящей позолоты и с лучшей живописью икон иконостас, и настоятель монастыря от. архимандрит Венедикт приказал открыть тогда же закладенные две помянутые арки; 2) в теплой же, но в нижнем этаже, монастырской церкви храмовая икона святителя и чудотворца Николая с серебряной золоченой ризой на ней устроена покойным Николаем Степ. Пиленковым пред 1837 годом; что 3) в ризнице монастырской, помнится, нет вещей (например, св. сосудов, напрестольных крестов, евангелий, облачений и пр.) ни очень ценных по материалам, ни замечательных по своим вкладчикам; что 4) в архиве монастырском, хотя и небольшом, есть древние акты, между прочим, так называемые столбцы, в которых любители сибирских церковных древностей могут найти для себя и другие не безынтересные сведения; что 5) колокольня монастырская состоит из трех частей: в самой нижней устроены *святые* монастырские ворота, которые только раз в году, и именно 8 июля, отворяются для принятия в Преображенскую монастырскую церковь святыни, небесной Владычицы в чудотворном Абалацком лике ее; в средней части помещается семинарская библиотека, а на верхней висят, издалека и издалека (между прочим и из Ярославля) привезенные колокола, и что в верх ее в июле 1844 года был громовый удар, который причинил монастырю убытка ста на полтора рублей серебром; и что, наконец, 6) монастырь обнесен довольно высокой каменной оградой с западной стороны (от настоятельских келий до колокольни) в 1777 и 1778 гг.; в

северной (от Казанской церкви до угла, что к почтамту) в 1780 г.*, а с восточной — в 1844 году при настоятеле монастыря архимандрите Венедикте по желанию преосвященного Владимира на последние монастырские деньги. Выстроить каменную ограду на южной стороне у монастыря в то время не было ни малейших средств.

В летопись Знаменского монастыря занесем, что а) в конце 1677 года жил и скончался в нем первый Тобольский митрополит Корнилий, вероятно, по той причине, что после ужасного пожара, бывшего в Тобольске 20 мая 1677 года, архиерейский дом еще не был построен, а Знаменский монастырь уже успел, хотя кое-как, выстроиться, и что б) все тобольские архипастыри XVII и XVIII столетий, начиная со второго архиепископа Макария (в 1625 г.) и до архиепископа же Антония III (в 1803 г.) включительно, по приезде в Тобольск, первоначально останавливались в Знаменском монастыре и уже отсюда (в тот же день или в один из следующих) по облачении и по прибытии к ним всего градского духовенства шли в собор и архиерейский дом при звоне на всех колокольнях в церемонии, подобной крестному ходу[14].

* Значит, в описании (№ 15, стр. 142) есть в рассказе об этом небольшая ошибка. Мои заметки об ограде взяты из краткой Тобольской летописи, написанной во [illegible] половине прошлого столетия [illegible] Щегиничем, по принадлежащей ныне наследникам покойного царского прот. Иноземцева.

Интересные статьи:

Тобольск, Тобольский Знаменский монастырь и Окрестности Тобольска, между прочим, монастыри Абалакский[?] и Ивановский, помещенные в Живописной Р. библиотеке и Справочном Энциклопедическом словаре Крайя

Перелистывая *Живописную Русскую библиотеку* прошлого 1857 года, в 28 и 39 номерах ее я встретил интересные для многих сибиряков, особенно для жителей Тобольска и живших в нем, статьи: 1) *Город Тобольск* и 2) *Окрестности Тобольска, монастыри: Абалакский и Ивановский* и при них четыре рисунка: *Тобольский кафедральный собор, памятник Ермаку* в Тобольске, *Абалакский монастырь* близ Тобольска и *Ивановский монастырь* также близ Тобольска. В поименованных двух статьях автор представил очерк как всей Сибири вообще, так и в частности Тобольской губернии, бросил топографический, исторический и отчасти этнографический взгляд на Тобольск и бегло обозрел окрестности Тобольска и между ними монастыри Абалакский и Ивановский. В этих очерке, взгляде и обозрении есть дельные заметки, каковы, например, о настоящей и будущей безлюдности северной части Сибири и о сходстве во многом средней и южной ее частей с Европейскою Россиею; есть правильные опровержения ложных мнений, существовавших и отчасти до сих пор существующих в России насчет Сибири; есть картинные живописные описания некоторых местностей вокруг Тобольска. Вообще статьи о Тобольске и его окрестностях, помещенные в Живописной библиотеке, сопровождаемые притом рисунками, — небывалая и приятная для нас, сибиряков, новость. Новость небывалая потому, что описаний Тобольска, его окрестностей и в особенности сибирских монастырей до сих пор действительно еще не встречалось в русской современной литературе; а приятная для сибиряков потому, что кому же, как не сибиряку, живущему за тридевять земель от столиц и в тридеся-

том царстве, интересно видеть и слышать, когда с его отчизной, с родными ему местами, дорогими для его сердца святынями, добрые люди знакомят всю читающую русскую публику, делают с них рисунки, литографии, предают тиснению? Искренняя наша благодарность неизвестному автору, посвятившему свое перо и свой карандаш для ознакомления читающей публики с Сибирью, Тобольской губерниею и в особенности с Тобольском, Абалаком, с его святыней и Ивановским монастырем. Но вот что странно: автор помянутых статей и вместе составитель принадлежащих к ним рисунков, очевидно, не мимолетный только гость Тобольска, не проезжий чрез Тобольск на курьерских: он иные местности, например, какую-нибудь (стр. 222) *Тырковку* (кратчайшая, но весьма неудобная дорога из Тобольска в Ивановский монастырь, идущая почти что по ущелью и, вероятно, так названная от неровностей по ней, вроде кочек, скача по которым экипаж производит звук: *тырк-тырк*), описывает так удовлетворительно, как может описать только или коренной житель Тобольска, или, по крайней мере, довольно времени живший в Тобольске. Между тем автор делает довольно значительные исторические и топографические промахи, например, 1) дорогу, идущую подле Абалакского монастыря, он называет *Омской* (стр. 221), тогда как она обыкновенно (хотя из Тобольска действительно ведет, между прочим, в Омск) называется Иркутским трактом, как в другом месте автор и сам называет ее (стр. 309); 2) князя Гагарина, строителя, по словам автора, в верхней части Тобольска каменных зданий и даже чего-то вроде кремля, автор называет (стр. 308) *одним из первых правителей Сибири*, тогда как князь М.П. Гагарин правил Сибирью около 130 или 140 лет спустя после покорения русскими Сибири, и именно во времена Императора Петра Великого, между 1711 и 1719 годами, и тогда как упоминаемые автором каменные постройки в Тобольске он производил руками пленных шведов, живших там после Полтавской над Карлом XII победы; да и того о князе Гагарине нельзя сказать, *будто от его построек теперь и следов нет*, как сказал автор: каменные стены, сквозь которые идет так называемый *Прямской взвоз* Тобольска, и каменная арка над самым взвозом с зданием для губернского архива, о которых и автор упоминает (стр. 309), — суть остатки шведских построек, произведенных в губернаторство князя Гагарина. В-третьих, автор (на стр. 221) говорит: «В конце XV столетия на берегах Иртыша и, по-видимому, близ

того места, где существует Тобольск, было какое-то укрепление — *Сибирь*: там сидел и господствовал князек югорский или остяцкий... не ранее XVI столетия. Ногаи овладели Сибирью, т.е. укреплением или местопребыванием прежнего владельца, и назвали это место *Искером*». Но если Сибирь XV столетия — то же самое укрепление, что и Искер XVI, как уверяет автор, то для чего же, желая определить ее местоположение, говорить, что она была, *по-видимому*, близ того места, где существует Тобольск? Потому что не только каждый житель Тобольска, не говорю образованный, а и мало-мальски грамотный, но и почти всякий, хотя раз читавший Историю Карамзина и Миллера, или слушавший в школе рассказ учителя о покорении Сибири Ермаком, знает положительно, что остатки Искера находятся в 18 или 19 верстах от Тобольска вверх по Иртышу, недалеко от Иркутского тракта. Кроме сего, автор несправедливо говорит, что чудотворная икона Абалакской Божией Матери из Абалакского монастыря ежегодно переносится на некоторое время в Тобольск в июне и что в Ивановском монастыре, что близ Тобольска, братии *не более 20 человек*: перенос Абалакской иконы Божией Матери в Тобольск бывает в июле, а братии в Ивановском монастыре по его крайней скудости даже и с мальчиками-послушниками редко бывает более 10 человек.

Впрочем, исчисленные и некоторые другие ошибки (проде гипербол, например, таких: «средняя и особенно южная часть Тобольской губернии представляет страну... и *чрезвычайно живописную*», тогда как южная часть Тобольской губернии, особенно в уездах Омском и Ишимском, — степь, степь и почти только степь, хотя и плодородная, но почти вовсе безлесная и без всяких возвышенностей, а следовательно, и неживописная; или: «Абалакский монастырь окружен необъятными массами зеленеющих лесов», тогда как массы эти весьма и весьма объятны, особенно на левом берегу Иртыша (и пр.) не важны: не всякий пишущий имеет время и любит свои статистические сведения (например, хотя бы то о числе братии в Ивановском монастыре) поверять на месте или чрез лица, знакомые с местом; притом истории и древности местные (городов, монастырей и пр.) везде известны только весьма немногим и из местных жителей, всегда они знакомы только одним записным любителям такого рода предметов. Гораздо важнее следующая ошибка автора статей: «*Тобольск* находится *на левом берегу Иртыша*». Тобольск с самого своего основания (1587 г.) всегда находился

6 Заказ 2481

и теперь находится не на левом, а на правом берегу Иртыша. Но скажут — это *опечатка*. Опечатка? Охотно согласны бы этому верить, но вот какая вещь: опечатка эта повторяется уже 70 лет — со времени первого издания *Географического словаря Рос. Государства Шекатова*. Так, т.е. что Тобольск находится на левом берегу Иртыша, было напечатано и в первом издании сейчас помянутого словаря Шекатова в 1788 году; так напечатано и во втором его издании 1808 года (см. 76 стр. 238, статья: Тобольск), так напечатано лет около 20 тому в *Географ. Лексиконе России князя Гагарина на французском языке* и в статье: Город Тобольск, помещенной в журнале Мин. Вн. Дел; также ошибочно, наконец, сказано и в недавно изданном *Справочном Энциклопедическом словаре Крайя и Старчевского* (см. т. 10, стр. 312). Автор статей о Тобольске и его окрестностях, помещенных в Живописной библиотеке, о которых и речь идет, уж не справлялся ли при составлении их с словарями Шекатова или Крайя? Эта догадка, по-видимому, оправдывается сходством слов и выражений, употребленных для обозначения местоположения Тобольска как в статье Живописной библиотеки, так и в статьях указанных словарей. В словаре Шекатова сказано: «Тобольск, главный город губернии его имени... лежит под 50° 12' сев. шир. и под 85° 40' вост. долготы на левом берегу Иртыша, в которую недалеко от города впадает река Тобол», в Словаре Крайя: «Тобольск, губернский город лежит... на левом берегу реки Иртыша, в которую недалеко от города впадает река Тобол», а в 39 номере Живописной библиотеки 1857 года говорится так: «Тобольск находится под 58° 12' сев. шир. и 85° 54' вост. долготы на левом берегу реки Иртыша, в которую недалеко от города впадает река Тобол». Различие только в слове: *находится* (вместо лежит) и в минуте восточной долготы: 54' (вместо 40'), а сходство во всем прочем. Конечно, писавшему о Тобольске в Живописную библиотеку нельзя было не справиться в словаре или в другом каком-нибудь сочинении, под какими градусами лежит город, но справляться ему, жителю Тобольска, или по крайней мере жившему в Тобольске, о том, на котором берегу Иртыша город находится, в этом, разумеется, нужды вовсе не было.

Кстати сказать здесь о статьях: *Тобольск, Тобольский Знаменский монастырь и Тобольская епархия* в Справочном Энциклопедическом словаре Крайя и Старчевского. Статьи эти маленькие, занимают всего полтора столбца (т. 10, стр. 312 и 313), но ошибок в них, и ошибок непростительных, —

более десятка. Тобольск, по словам автора их, как мы уже и видели, 1) лежит на левом берегу Иртыша; в Тобольске, по его же словам, 2) *церквей 15*, тогда как их, кроме протестантской кирки и католического костела, 20 (в том числе одних приходских 10, прочие монастырские, соборные, домовые архиерейские, кладбищенская и пр.); 3) *монастырей два*: мужеский Знаменский и женский Рождественский, тогда как их только один — Знаменский, а Богородице-Рождественский уничтожен еще при составлении духовных штатов в 1764 году*; 4) *в Знаменском монастыре*, в котором все здания каменные и *изящной архитектуры*, соборная *церковь* построена *во имя Знамения* Пресвятой Богородицы, между тем как эта церковь (она была деревянная) сгорела еще в апреле 1788 года и не восстановлена до сих пор**, да и в архитектуре существующих зданий Знаменского монастыря изящного нет ничего; 5) в верхней части Тобольска существует каменное строение, называемое *Кремлем*, между тем как стены кремля за ветхостию разобраны были еще в прошедшем столетии; 6) *между колоколами церкви* Всемилостивого *Спаса* показывают набатный *Угличский колокол*, в который били в Угличе в набат по случаю убиения царевича Димитрия***, тогда как он со Спасской колокольни был переносен на соборную еще в начале, и уже никак не позже половины, прошлого столетия, а теперь с 1837 г. висит под деревянным навесом подле домовой архиерейской церкви****; 7) жителей в Тобольске *до 20 тысяч* вместо каких-нибудь 14***** и никак не более 16 тысяч; 8) *училищ*, кроме гимназии с пансионом, — 8 *уездных* (вместо одного) и 10 *приходских* (вместо 2); если б подвести под эти названия, т.е. уездных и приходских народных училищ, и семинарию Тобольскую с духовным училищем при ней, и отделение кантонистов, и училище городовых казаков, и еврейскую школу; то и в таком

* После того в Тоб. епархии *женский монастырь* остался всего один в Туринске, а по Словарю там (в Тоб. епар.) их *три*, что повторено в двух местах, значит, не опечатка.

** Для оправдания этой ошибки пусть не ссылаются и на Историю Иер. Росс. церкви: там в статье «Тоб. Знам. монастырь» и кроме этой довольно ошибок.

*** А в оправдание этой ошибки пусть не указывают на Историю Росс. Гос. Карамзина: у знаменитого историка это ошибка.

**** О ссыльном Угличском колоколе есть подробная статья в 10 номере Тоб. Губ. Вед. настоящего 1858 г.

***** Такое число выставлено в Календаре и Географии Ободовского.

случае училищ в Тобольске вместо 18 не оказалось бы даже и десяти; 9) наконец, в справочном словаре вот что говорится: «Воды Тобола, и Иртыша сильно разнятся между собою, даже протекая в одном русле, *струи Иртыша чище*, прозрачнее; *струи Тобола*, от примеси посторонних веществ, *мутны* и сравнительно с Иртышскими кажутся серыми, а не голубыми». На деле это совершенно наоборот: струи Тобола при слиянии с Иртышом чище, прозрачнее, голубоватые, а струи Иртыша, по причине глинистого и иловатого грунта, по которому он течет, мутны и кажутся серыми, особенно весной после дождей; короче, разность воды в Иртыше и Тоболе, при их слиянии, так велика, что деликатнейшие из жителей Тобольска за водой для самоваров посылают в летнюю пору на лодках с бочонками на левую сторону Иртыша, где струи Тобола еще не слились, не смешались с струями Иртыша. Есть в указанных статьях Справочного словаря Крайя и еще ошибки, например, в годе перенесения Знаменского монастыря из-за Иртыша в город (вместо 1610 стоит 1623 г.); в наименовании Абалакской иконы Божией Матери явленною (вместо чудотворной); всех ошибок и не пересчитаешь. И это в *справочном* энциклопедическом *словаре*; все это составлено и напечатано в новейшее время (десятый том в 1848 г.). После этого и извольте справляться с ним, обращаться к нему в случае нужды! Напрасно автор статей: Тобольск и Тобольский Знаменский монастырь, помещенных в Справочном словаре, не украсил их еще другими сведениями из Словаря Щекатова 1808 года в таком, например, роде, что *четвертую часть жителей* Тобольска составляют *татары*, что многие жители *нижней части Тобольска* бывают принуждены сносить домы с берега Иртыша по причине ежегодно бывающих *осыпей, обвалов берега* в воду, что в Тобольске есть *три деревянные церкви*, что там к примечательным общественным зданиям принадлежат *театр и воспитательный дом* и пр.

Описание наиболее чтимых икон,
находящихся в Тобольской епархии

Введение, где между прочим и исторические сведения о иконописании в Сибири

Ермак разбил Кучума и овладел его столицей осенью 1581 года. С этих пор и от покоренной татарской столицы, как бы от центра, владычество русских стало распространяться на север, юг и в особенности на восток Сибири и распространилось чрезвычайно быстро: к 1620 году наша власть и наши заселения простирались от Урала и до Енисея и от Томска до Пелыми, Обдорска и Мангазеи; к 1660 году русские были уже на низовьях Лены и Колымы и в верховьях Амура и там имели, кроме других городов, Иркутск, Якутск и Албазин; а в конце XVII и самом начале XVIII столетий они уже утвердились в Камчатке.

С русскими явилось в Сибири и христианство, сначала в лице их одних, а потом и в лице обращенных ими туземных племен — остяков, вогулов, якутов, тунгусов и пр.

Русские, как христиане, селясь в Сибири, с особенным усердием устрояли места общественного богослужения. Это вначале обыкновенно делалось так: где русские промышленники и казаки избирали места, удобные для меновой торговли с инородцами и для сбора с них ясака, там они тотчас ставили крест, а после строили и часовню; где русские ставили острог (укрепление), там они уже строили и церковь, а где основывали город, там заводили уже не только церковь или церкви, но и монастырь*. С неменьшим усердием русскими впоследствии устроялись молитвенные здания и среди обратившихся инородцев, например, на Оби, где ныне Кондинский монастырь, еще в 1602 году была устроена церковь для принявшего пред тем крещение остяцкого князьца Алачева, а в 1712–1727 годах митрополитом Тобольским Филофеем среди 40 тысяч крещенных им остяков, вогулов, самоедов,

* Ист. Обозр. Сиб. Словцова, кн. 1, стр. 58.

татар, живущих по Туре, и других инородцев выстроено было до 37 церквей и, кроме того, поставлено много часовен и крестов под деревянными навесами.

Необходимые для монастырей, храмов, часовен, а также для жилищ как русских, так и новокрещенных сибирских инородцев иконы (равно как и всякая другая церковная утварь, например, священные сосуды, колокола, богослужебные книги и пр.) первоначально все были получаемы из России. Их в некотором количестве прежде других принес в Сибирь Ермак с своими сподвижниками*; их, между прочим, списки с чудотворных икон, чтимых в разных местах России, везли** и несли*** вместе с домашнею утварью частные лица, переселявшиеся в Сибирь или только на время приезжавшие туда; их привозили из России для сбыта сибирякам торговцы, их выписывали и целыми иконостасами строители монастырей, соборов и лучших приходских храмов; их присылали иногда в благословение или целой пастве, или частным лицам и вновь назначаемые в Сибирь архипастыри****; их, наконец, присы-

* Ермаковых икон в тобольском соборе, как это видно из описей соборных, сохранилось до настоящего времени до семи, между прочим иконы Христа Спасителя с предстоящими в серебряных венцах. Из прочих, как замечательных исторически, преосвященными тобольскими одни были отправлены для поднесения государям императорам по случаю их восшествия на престол или коронования, а другие розданы в благословение важным лицам, например, сиб. губернаторам и воеводам (Опис. Тоб. Соф. соб. 1852 г., стр. 45 и Соб. описи).

** К иконам, привезенным из России, из описанных в предлежащем сочинении, следует отнести икону Смоленской Божией Матери, что в Осиповой слободе Ялуторовского уезда[74], и икону Тихвинской Божией Матери, находящуюся в Тарской кладбищенской церкви[75].

*** Из описанных здесь икон из России в Сибирь принесена, принимая это слово в буквальном смысле, икона святителя Николая, называемая Можайскою, что в дер. Самсоновой близ Тары (Моск. Вед. 1852 г. № 138, стр. 1419).

**** Таких икон доколе известно три: одна Казанской Божией Матери в Нижне-Тагильской Николаевской церкви, другая Знамения Божией Матери в Иркутском кафедральном соборе, а третья — на пишебумажной панаевской, что близ Туринска, фабрике, в доме управляющего. Первая дана была в 1701 году в Москве святителем Димитрием Ростовским (по рукоположению его в митрополита Тобольского) в напутствие Никите Демидову при отправлении его в пожалованные ему Петром Великим невьянские и нижнетагильские дачи (Журн. Мин. Нар. Просв. на 1857 г., февр. отд. 2, стр. 269); вторая была послана в благословение, как увидим ниже в самом тексте сего сочинения, всем жителям Иркутска митр. Иоанном Максимовичем; третью (на стекле, в аршин длины и три четверти ширины) в 1769 или 1770 году благословил преосв. Варлаам туринского воеводу Панаева, которому и которого потомству принадлежала фабрика. О сей последней иконе скажем еще, что она писана была самим преосвященным Варлаамом.

лади, особенно в первые церкви сибирских городов и острогов, наши благочестивые цари. Например, от царя Феодора Иоанновича были присланы в первую тобольскую (Троицкую) церковь иконы Господа Иисуса Христа, сидящего на престоле, Одигитрии Божией Матери и Нерукотворенного образа Спасителя (из которых две первые со времени уничтожения Троицкого собора в 1791 году находятся в алтаре теплого Тобольского кафедрального собора, а третьи — в Тобольской же Спасской церкви) и в церковь городка Тобар, ныне села Тобаринского Туринского уезда, от царя Бориса Федоровича Годунова были присланы в 1601 году в Туринск, в строящуюся тогда там церковь во имя святых благоверных князей Бориса и Глеба, сверх разной церковной утвари, храмовой образ Бориса и Глеба, Деисус[78], состоящий из 9 икон, царские двери со столбцами, запрестольный образ Богоматери и крест, обложенный медью, да в начале 1605 года в Верхотурский Николаевский монастырь несколько икон; в 1607 году царь Василий Иванович Шуйский в тот же Верхотурский монастырь выслал почти целые иконостасы для настоящей его Николаевской церкви и придельной Борисоглебской; царь Михаил Феодорович около 1623 года прислал разные иконы в Кузнецкий Преображенский собор и в два Тарские монастыря: мужской Спасский и женский Пятницкий (около 1764 года упраздненные с обращением церквей их в приходские), а царевна София Алексеевна пожертвовала в Тобольский Богородице-Рождественский монастырь обложенные серебром царские двери, доселе невредимо сохраняющиеся в приделе свят. Николая Тобольской Богородице-Рождественской, иначе Ильинской, церкви, обращенной по закрытии монастыря в приходскую*.

Но такой способ приобретения святых икон для жителей Сибири, очевидно, был слишком неудобен: иконы в продолжительном пути портились и были гораздо дороже, чем в России; при постройке и освящении храмов происходили замедления и остановки, нужно было делать продолжительные сношения с отдаленными Москвой, Устюгом, Суздалем и другими российскими городами, где производилось иконописание.

* Ист. Акт. Арх. Ком. т. 2, стр. 110 и сл. Вест. Геогр. Общ. 1854 г. № 1, отд. 2, стр. 27 и 28. Опис. Сиб. царства *Миллера* т. 1, стр. 186 и др. Еще: 1) мое *Описание Тоб. собора*, стр. 11, 15 и 75; 2) Абрамова *Материалы для Ист. христ. просв. Сиб.* в Журн. Мин. Нар. Просв. на 1854 г. № 2, стр. 4 и 5; 3) Варлакова *Нечто о г. Таре* в Тоб. Губ. Вед. 1839 г. № 18; 4) Томские Губ. Вед. 1860 г. № 45, стр. 343.

Само высшее правительство заботилось освободить Сибирь от этих неудобств. Так, в царствование Михаила Феодоровича из Устюга Великого и Соли Вычегодской были присланы в Тобольск в распоряжение тамошних преосвященных несколько иконописцев, конечно, с тою целью, чтобы они завели там свои мастерские, писали в них для монастырей, храмов, часовен и для лиц частных Сибирской епархии иконы и с тем вместе обучали бы своему искусству детей как своих, так и людей посторонних, разумеется, по их желанию. «А местный образ живоначальныя Троицы, — говорится в наказе царя Михаила Феодоровича от 10 февраля 1644 года якутским воеводам Пушкину и Супоневу, — и царския двери, да меж тех царских и северных дверей образ Пречистыя Богородицы Одигитрия, да Деисус невеликий в тое (первую предполагавшуюся к постройке Троицкую) церковь велено было (еще в 1638 году чрез предместников помянутых воевод, воевод же Петра Головина и Матвея Глебова, отправлявшихся тогда, т.е. еще в 1638 году, из Москвы в Якутск чрез Тобольск) написати в Сибири же в Тобольску* *иконником, которые посланы в Тобольск к архиепископу с Устюга-Великаго, да от Соли-Вычегодские***.

Цели правительства избавить Сибирь от добывания икон издалека и образовать в ней самой иконописание содействовали и частные лица тем, что иные из устюжских и других великороссийских иконописцев и не по распоряжению правительства, а добровольно переселялись в Сибирь и здесь занимались своим мастерством. Таков был родоначальник доныне существующего в Тюмени купеческого дома Иконниковых *иконник* Спиридон***, переселившийся в начале XVII столетия из Устюга Великого в Тюмень .1 там написавший во вновь строившуюся тогда Знаменскую церковь между прочими икону Знамения Божией Матери, ныне, да и с давних пор особенно чтимую в Тюмени, к таким же, т.е. к добровольно переселившимся в Сибирь, иконописцам, по всей вероятности, должен быть отнесен и протодьякон Тобольского кафед-

* Все означенные иконы для первой Якутской церкви, согласно царскому указу, в Тобольске и были написаны, и Преосв. Нектарием переданы в 1639 году проезжавшим тогда чрез Тобольск в Якутск упомянутым воеводам и находившимся при них священникам, посланным из Казани (Записки Сиб. отд. Геогр. Общ. 1856 г., кн. 1, стр. 16–19).

** Дополн. к Истор. Акт. Археолог. Комм. т. II, стр. 265 и сл.

*** См. ниже статью об иконе Знамения Божия Матери, что в Тюменской Знам. Церкви.

рального собора Матфей*, написавший между прочим чудотворную Абалацкую икону Божией Матери и список с нее, находящийся ныне в Семипалатинске**.

Все первые сибирские иконописцы, как прибывшие в Сибирь по воле правительства, так и добровольно переселившиеся туда согласно порядку, существующему в старину и во всех российских епархиях, состояли в ведении Тобольского архиерейского дома***, который для наблюдения над ними всегда имел своих надсмотрщиков. Впрочем, тобольские преосвященные прежних времен и непосредственно могли наблюдать над иконописцами, по крайней мере над жившими в их епархиальном городе и местах, ближайших к нему, потому что они сами, быв с юности монахами и ежедневно и до архиерейства посещая монастырские храмы, украшенные не только множеством икон, но еще и стенною живописью, имели вкус в иконописи, и тем более что некоторые из них, например, четвертый архиепископ Герасим Кремлев (1640–1650 гг.), сами в минуты, свободные от дел по управлению епархией, с усердием занимались иконописанием****.

---

* Сего протодьякона отношу к приезжим из России на том, во-первых, основании, что до учреждения в Тобольске архиерейской кафедры духовенства в Сибири, в особенности порядочного, было чрезвычайно мало, и, во-вторых, на том, что если б он родился в Сибири, ему не у кого и негде было бы так хорошо научиться иконописанию.

Судя по обычаю многих тоб. преосвященных привозить с собой из России дьяконов с хорошими голосами, также кого-нибудь из певчих и другие духовные лица, можно с вероятностью полагать, что протодьякон Матфей был привезен или из Новгорода первым тобольским архиереем Киприаном в 1621 г., или из Костромы вторым Тобольским преосвященным Макарием в 1625 г., по крайней мере достоверно известно, что в 1628 г. Матфей был уже протодьяконом (Москвит. на 1855 г. № 8, стр. 120. Тоб. Губ. Вед. 1858 г. № 18, стр. 350).

** См. ниже в статьях об иконах Абалацкой и Семипалатинской.

*** Это видно из вышеприведенных слов царского наказа якутским воеводам (а иконы для первой Якутской церкви): велено написати в Сибири же, в Тобольску, *иконником*, которые *посланы* в Тобольск *к архиепископу*. Кроме того, см. еще: Старинные акты к опис. гор. Шуи, собранные Борисовым, №№ 26 и 27.

**** От архиеп. Герасима до сих пор сохраняется в Ивановском межугорском монастыре образ св. Николая с своеручною его преосвященства подписью: *архиепископом Герасимом 7153* (1645) *году*. (См. статью Н.А. Абрамова в Журн. Мин. Нар. Просв. 1854 г. под названием: Материалы для Ист. Хр. Просвещения Сибири)... Из тобольских преосвященных последующего времени живописью занимался архиеп. Варлаам (1768–1802): его кисти икон и картин преимущественно библейского содержания (напр., притча — в лицах — о впавшем в разбойники и милосердом самарянине и пр.) по нескольку находится в Тоб. архиер. доме, Софийском соборе, Абалацком монастыре, в Тобольской Заха-

Об иконописцах старых времен замечают еще, что от них требовалась неукоризненная жизнь, что они, когда располагались писать икону, приготовлялись к этому священному труду постом и молитвою и что во время писания иконы хранили чистоту духовную и телесную, и старались быть в настроении чувств благоговейном и благочестивом.

Труды иконописцев, прибывших в Сибирь как по распоряжению правительства, так и добровольно, имели добрые для здешнего края последствия: в Сибири в первой же половине XVII столетия образовалась целая, особенная от московской, строгановской, фряжской[9] и других, *школа* (иначе пошиб, письмо, стиль) *иконописания*, известная под названием сибирской*. «Иконы сибирского письма, — говорит г. Равинский, автор *Истории Русского иконописания***, — по большей части не очень высокой работы; лица в них и даже целые фигуры от толстых красок, наложенных одна на другую, а также и от особенного способа выглаживать левкас*** на свет — выступают вперед в виде полурельефов». В существе дела это, может быть, и так, но для большинства молящихся, которое всегда и везде состоит из людей простых, не получивших утонченного образования и со вкусом к живописи не развитым, иконы с лицами и целыми фигурами, как бы выступающими вперед в виде полурельефов, весьма полезны: сильно поражая взоры простых людей, они этим самым могут благодетельно действовать на их души и сердца, могут возвышать и усиливать их благочестивые чувствования. Притом не без причины же знатоки и любители живописи и иконного письма в своих знаменитых и многостоющих собраниях, наряду с иконами высокого достоинства школ московской, строгановской и других, имеют иконы и школы сибирской****.

рьевской церкви и одна на Туринской бумажной фабрике. О Варлааме, как живописце, см. Странник на 1862 г. февр., отд. I, стр. 49–51.

* Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 6, стр. 52 и сл.

** [illegible] г. т. VIII, стр. 27 и сл.

*** *Левкас* составляется из алебастра, замешенного в жидком клею; после закладки на доскатие (которая насклеивалась на доску, приготовленную д[illegible]) [illegible] и т. п. [illegible] ва). Прим. ч. Н. А. Абрамова. См. Тоб. Губ. Вед. 1858 г. № 49, стр. 704).

**** В Москве в собрании икон и картин гр. Строганова есть тройные сибирского письма складни с праздниками и Богоявления Господня, Благовещения, Успения и Знамения Божией Матери и с избранными святыми; в Москве же, и также складни, но с шестью и другими праздниками, находятся еще в собрании г. Кузьмина. Из надписи на задней стороне складней видно, что они писаны 7109 (1600) года в

Но как бы то ни было, только искусство иконописания в Сибири утвердилось... Иконописцы сибирского и обыкновенного письма были в разных местах Сибири, но преимущественно они сосредоточились в Тобольске при архиерейском доме. И действительно, Тобольский архиерейский дом славился в Сибири живописцами и резчиками почти во все XVII и до шестидесятых или семидесятых годов XVIII столетий*. Молодые и более способные люди из архиерейских вотчин вытребывались в Тобольск, жили по нескольку лет при архиерейском доме и практически, с образцов и по указанию лучших из прежних крепостных же архиерейских мастеров** учились иконному письму и резбе из дерева, чрез что сами делались мастерами, обзаводились семействами, строили или приобретали в городе домики и целый век писали иконы, и, принимая заказы от частных лиц, и исполняя поручения архиерейского дома, и подряжаясь писать иконостасы для городских церквей Тобольской епархии, простиравшейся с учреждения ее, т.е. с 1620-го и по 1727 год чрез целую Сибирь от Урала и до Камчатки, а с 1727-го и по 1799 — от Урала и до нынешней Иркутской губернии, а с сего времени (с 1799 г.) и по 1834 г., когда была открыта особая епархия в Томске, обнимавшей три нынешние губернии — Тобольскую, Томскую и Енисейскую. Но в 1764 году, с отобранием в казну вотчин от всех архиерейских домов и монастырей, и Тобольский архиерейский дом лишился вместе с прочими мастеровыми всякого рода (которых у него было всегда в избытке) и даровых иконописцев. Из бывших его иконописцев, а равно и резчиков, одни возвратились в места прежнего своего жительства и там забыли свое мастерство, занявшись сельскими работами; а другие, оставшись в Тобольске, приписались в мещанство и по-прежнему занимались иконописью и резьбою, передавая для снискания пропитания свое мастерство или своему потомству, или желающим из посторонних. Вот объяснение того явления, того факта, что в Тобольске в некоторых из мещанских семейств,

Туруханске (Зап. Арх. Общ. т. VIII, стр. 27 и сл.). Но в этой надписи [illegible]ть, как [illegible]ется, ошибка или в годе [illegible] иконы, потому что Туруханск был построен гораздо позднее 1600 г., или в названии места, где она была написана, потому что в 1600 г. на дальнем севере Сибири, на реке Тазе, вместо Туруханска был город Мангазея.

* Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 22, стр. 290.

** Лучшие мастера, в числе двух, служившие при архиерейском доме в качестве учителей иконописания, получали от тобольского архиерея и жалованье (из дел Старого Консист. Архива).

например, Чеботных, Грязева и проч., и до сих пор сохраняется по преданию искусство иконописания и резьбы*.

По примеру архиерейского дома и монастыри Тобольской епархии, по крайней мере некоторые, в прежнее время имели своих иконописцев или из своих вотчинных крестьян и монастырских служек, или из своих послушников и монашествующих. И вот на это доказательства: в 1675 году у болевшей долго жены тобольского воеводы Петра Михайловича Салтыкова после молебства пред Абалацкою иконою Божией Матери возродилось сильное желание написать для дома копию с нее, во всем и совершенно сходную с нею; воевода, уступая желанию больной и с благословения тогдашнего митрополита Корнилия, и заказал написать таковую (лучшему в то время в Тобольске) *живописцу Знаменского монастыря* Мирону Кириллову. Чрез три с половиною недели икона была готова и, когда по освящении была принесена с процессией из монастыря в воеводский дом и когда там начали пред нею совершать Владычице молебное пение, больная получила совершенное исцеление**. В церкви села Исетского (Ялуторовского округа) над царскими вратами есть *икона* Живоначальныя Троицы. Надпись на ней показывает, что она была приложена в церковь еще в 1668 году служилым Белоисетского острога Козмой Ивановым Зелениным, но что впоследствии за ветхостью была *поновлена в Рафаиловской обители****. (находившейся невдалеке от Исетского села и также, как и оно, на реке Исети, но в тридцатых годах настоящего столетия по неимению монашествующих закрытой).

При архиерейском доме всегда бывало много ставленников для посвящения на священные должности и других, преимущественно молодых, людей духовного звания для обучения чте-

* Из наиболее чтимых св. икон, находящихся в Сибири и описанных в сем сочинении, писаны в Тобольске следующие: 1) Абалацкая Знаменская икона Божией Матери и копии с нее; 2) Семипалатинская, 3) Боровская, что близ Ишима, 5 и 6) две Иркутские, 7) Курганская; также 8) Успения Божией Матери, что в Далматовском монастыре, и 9) Одигитрии, что в селе Богородском близ Томска. Впрочем, все это будет видно из нижеследующих статей о каждой иконе порознь.

** Подробности этого будут ниже, в статье: Чудеся от Абалацкой иконы Божией Матери. См. в рукоп. *Книге чудес от Абалацкой иконы Божией Матери*, чудо 120, л. 148–153.

*** Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 11, стр. 115. И в недавнее время один из рафаиловских причетников отлично резал на дереве иконы, а особенно кресты.

нию, нотному пению и вообще отправлению богослужения; при нем же со времен митрополита Филофея (с 1703 года) находилась школа для священно- и церковнослужительских и новокрещенских детей, впоследствии (в 1744 г.) преобразованная в семинарию; а в монастырях всегда бывало немало, кроме монашествующих, молодых послушников, выходивших впоследствии времени на приходы, учеников существовавших в некоторых из них (например, в Тобольском, Знаменском, Рафаиловском и томском Алексеевском) духовных училищ. Эти ученики училищ и семинарии, разумеется, те из них, которые сами в себе чувствовали наклонность к живописи, а равно и упомянутые молодые ставленники, готовившиеся к посвящению, заходя в мастерские архиерейских и монастырских иконописцев, или даже, быть может, иные квартируя в домах этих небогатых людей, присматривались к их мастерству, сами в свободное от учения или от службы церковной время принимались за краски и кисти и при собственном усердии под руководством учителей-мастеров мало-помалу выучивались мастерству, да продолжали заниматься им и тогда, когда находились уже на местах в городах и селах, над ним коротали свободное от службы и, следовательно, скучное время, а между тем чрез него же приобретали подспорье своему нероскошному содержанию, получаемому ими от приходов и монастырей. Из лиц духовных, занимавшихся в старину иконописанием, история сохранила для нас, кроме протодьякона Матфея, имена пятерых: священника одной из церквей города Тобольска Василия, послушника Тобольского архиерейского дома Лукьяна Филипова, иеромонаха архиерейской же домовой церкви Иоанна, священника села Шкотского (Курганского уезда) Чемесова, протоиерея градо-Омской Ильинской церкви Андрея Васильевича Комарова. Первый из них, между прочим, написал по просьбе жителей села Богородского, что на реке Оби в 60 верстах от Томска, икону Божией Матери Одигитрии, которая впоследствии прославилась там чудотворениями и которая в Томске, и вообще в Томском крае, особенно чтится*. Второй, быв в 1687 году застигнут на пути из Тобольска в Туруханский монастырь на поклонение мощам почивающего и местночтимого там невинного страдальца Василия Мангазейского** страшною бурею с дождем и силь-

* Об этом будет подробно говориться ниже в сказаниях об иконах, особенно чтимых в Томской епархии.
** Жития Святых русских, Анг., Ист. Иер. Р. Ц. Троиц. Турух. мон.

ным после того холодом, притом в совершенно пустом месте, молился мысленно тому страдальцу об избавлении его от смерти и при этом дал обещание в случае избавления написать его изображение, что по получении избавления действительно и исполнил: расспросив, в бытность в Туруханске, о наружном виде чтимого там страдальца, написал первый и в первый раз его изображение*. Третий, т.е. иеромонах Иоанн, в конце XVII столетия (около 1695 г.) написал иконы, и хорошего достоинства, для верхотурского, только что в то время построенного, каменного собора**. Четвертый (священник Чемесов) — несчастный! — после написания многих икон для церквей и домов в 1774 году написал знамя с изображением на одной стороне Спасителя, а на другой Божией Матери для толпы сподвижников Пугачева, действовавшей под начальством атамана Новгородова на востоке от Урала, в уездах: Челябинском, Шадринском, Курганском и других, написал, впрочем, тогда только уже, когда пугачевцы, чтобы запугать его, чтобы показать, какие страшные последствия для него и его семейства повлечет за собой его отказ, поставили перед ним виселицу и повесили казака, лишь перед тем захваченного ими из воинской команды, верной правительству***. Что же касается до протоиерея Андрея Комарова, умершего около 1840 года, то от этого достопочтенного старца много остается икон, есть даже целые или почти целые иконостасы в градо-Петропавловском соборе и в церквах омской Ильинской, бывше-крепостной Пещанской и разных сельских.

Иконописанию, утвердившемуся в Сибири в первой половине прошедшего столетия, явилась помощь, откуда, по-видимому, нельзя было и ожидать: Демидовы, получивши от Петра Первого на Урале богатые железной рудой дачи и построивши несколько железоделательных заводов, на одном из них, а именно на Нижнетагильском, для возвышения достоинства и ценности своих изделий завели школу живописи, выписали для нее из-за границы искусных живописцев, из приписанных к заводам вотчин набрали мальчиков, приобрели для нее довольно богатое собрание эстампов, картин и икон, снабдили ее в изобилии и другими нужными пособиями; выучившиеся мастера расписывали у них железные

* Записки об Енисейской губ. Пестова.
** Вестн. Геогр. Общ. 1854 г. № 1, отд. 2.
*** См. в Чтениях Моск. Общ. Ист. и Древн. России, 1859 г. мою статью: Матер. для истории Пугач. бунта.

столы, подносы, шкатулки и проч. и за то получали хорошее жалованье; или делалось и так: мастера покупали с завода по сходным ценам железные изделия, расписывали их на свой счет и продавали в свою пользу. Соседние с Нижнетагильским заводом, притом издавна склонные к разным мастерствам жители Туринска, понимая, какие выгоды можно извлечь из вновь явившегося мастерства, сами стали отправляться и детей своих отправлять в заводскую школу, и когда выучивались и после устаревали одни, на их место в Нижнетагильск, как бы в какую-нибудь академию художеств или в Италию, отправлялись другие, и это продолжалось до начала настоящего столетия, доколь Демидовы, увидевши, что живопись в Тагиле и соседних местах привилась, не закрыли школы. Туринцы, обучавшиеся живописи, по возвращении домой почти обыкновенно заводили у себя мастерские, в них писали иконы, покупали в Нижнетагильске листовое железо, поручали другим делать из него железные столы, подносы, шкатулки и проч., все это расписывали, разрисовывали и с хорошею выгодою для себя сбывали на торжках и ярмарках Тобольской и Пермской губерний, а особенно в Ирбити*. Но этого мало: туринские живописцы вместе с появившимися в их городе резчиками стали подряжаться устроять и писать целые иконостасы для церквей Западной Сибири и ближайших к Туринску уездов губернии Пермской, и в течение

* Покойный Петр Андреевич Словцов в одном из своих сочинений (Ист. Обозр. Сиб. кн. 2, стр. 73) о происхождении иконописания и резьбы на липе в Туринске говорил иначе: по его догадке, начало искусствам иконописания и резьбы в Туринске положили или угличане, из Пелыми отчасти туда переселенные, или киевляне, писавшие в начале XVIII столетия по поручению Митрополита Филофея иконы для церквей Тюменского монастыря и, быть может, бравшие себе в помощь туринцев, но по самым точным справкам это оказалось неверным, да и характер живописи туринцев совсем иной, чем киевлян или угличан: письмо этих последних старинное, греческое, а тех, первых, новейшее, более итальянское. (Справки о происхождении в Туринске иконного письма наводил учитель рисования Омского училища г. Панаев, который сам искусный иконописец, притом родился и долго жил в Туринске, а главное — несколько лет тому назад вместе с образованным Ив. Ив. Пущиным нарочито занимался собиранием сведений об этом предмете на месте и в недавнее время был в Нижнетагильске, и там видел остатки вышеупомянутой школы рисования). Еще несговорчивее о происхождении в Туринске живописи говорит г. Ипп. Завалишин в своем Описании Зап. Сибири (М., 1862 г., стр. 222); по его словам, «в Туринске были в старину собственные школы живописи, отрасль арзамазской и строгановской, но что они теперь (будто бы?) в совершенном упадке».

прошедшего и в настоящее столетие устроили и написали их много и много, и надобно отдать им честь — написали гораздо лучше суздальцев и других, волей и неволей приезжающих и приходящих в Сибирь мастеров этого рода. Впрочем, в настоящее время число мастерских в Туринске почти с каждым годом уменьшается, потому что иконы пишутся, равно как шкатулки и другие железные вещи расписываются туринскими мастерами тщательно, а не как-нибудь; оттого они довольно ценны и на Ирбитской ярмарке, при соперничестве во множестве привозимых туда подобных же вещей низкого достоинства — но дешевых, так называемого московского изделия, — не имеют хорошего сбыта*.

Итак, забота правительства и попечение архипастырей тобольских о водворении в Сибири иконописания, равно как и усилия частных лиц, к тому же направленные, успех имели, но, к сожалению, неполный и не всегда. И во-первых, искусных иконописцев в Сибири всегда было немного, во-вторых, искусство иконописания утвердилось только в весьма немногих местностях Сибири, а в-третьих, и в этих немногих местностях, исключая доколе Туринск, оно не осталось навсегда: при Тобольском архиерейском доме и в монастырях сибирских, как видели мы, ни иконописцев, ни резчиков давно уже (около 100 лет) нет, и немногие тобольские мещане, в конце прошедшего и в настоящем столетии занимавшиеся и доселе занимающиеся иконописанием, служили и служат только памятником того, что было прежде в Тобольске; в самом Туринске, как было замечено, число мастерских у иконописцев год от году уменьшается. Между тем потребность в иконах по Сибири с постоянным увеличением в ней народонаселения и сильным умножением числа церквей, особенно в последние 15, 20, 30 лет**, всегда была и есть особенно велика. Почему лавочники си-

* Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 22, стр. 290 и 1858 г. № 18, стр. 352.

** В 1702 г. церквей во всей Сибири было только 160, а чрез 40 лет после того, в 1742 г., их было уже 448 (Полн. Соб. Зак. т. III, № 1541; Ист. Иер. Р. Ц. ч. 1, стр. 72; ч. 2, стр. 79 и сл.); в 1840 г. их уже было (заметим, что это кроме сибирских уездов, отошедших*** еще в 1799 г. к епархиям Пермской и Оренбургской) 707; а в настоящее время их гораздо более и этого: в последние годы многие приходы по епархиям Тобольской и Томской разделялись не только на два или на три прихода, но и более.

*** А в них церквей есть сот до пяти или шести. См. Отчет обер-прокур. Св. Синода за 1840 год.

бирских городов и проезжие коробочники, известные в Сибири под именем «вязниковцев», и прежде привозили, и ныне привозят в Сибирь иконы так называемых московского и суздальского изделий не только возами, но почти обозами, не только десятками, но сотнями и более, и они все расходились и расходятся без остатка. По той же причине почти всегда и прежде бывало и ныне бывает так, что если в каком-нибудь городе вновь строился и строится храм или перестраивается прежний, более других великолепный, и если требовалось или требуется украсить его особенно благолепным иконостасом, иконостас тот, несмотря на трату времени, разные проволочки, лишние расходы и другие неприятности*, заказывался и заказывается в России, или же для написания и устройства его вызывались и вызываются оттуда мастера. Из множества примеров укажу на следующие: дворянин Иван Качалов, построивший в 1701 и 1703 годах в Томске церковь Знамения Божией Матери, иконы для двух ее иконостасов выписал из Москвы**; митрополит Тобольский Филофей, в 1708 году строивши Тюменский монастырь из деревянного каменный и в 1710 году переделывавши иконостас холодного Тобольского собора, для написания пяти иконостасов в церквах монастырских и одного иконостаса в соборе вызвал иконописцев из Киева***; около

* Вот как образчик один из неприятных случаев, какие бывают иногда при заказах иконостасов вдали: в 1839 г. Омская войсковая Николаевская церковь была совсем готова к освящению; получаются наконец из Москвы и давно заказанные там купцу Корнилову дорогие иконы; иконы, однако ж, оказываются велики против приготовленных для них мест; их обрезали (которые сверху или снизу, а которые со стороны) и поставили. Но что же? Через несколько дней оказывается, что эти иконы тем же купцом Корниловым были писаны для Кяхтинского собора, а в Омскую войсковую церковь попали единственно по ошибке корниловского приказчика, писавшего на ящиках адрес. Само собою разумеется, что эти обрезанные иконы были после того отправлены по принадлежности (в Омске дождались своих), но, увы! — для Кяхтинского собора они, как обрезанные, оказались уже малыми и потому негодными. Тут подрядчик Корнилов потерпел большой убыток, потому что должен был даром написать другой иконостас для Кяхтинского собора, да и Кяхтинский собор не был в выгоде, потому что освящен и его было о[illegible] сн[illegible] и [illegible] олго.

** Томские Губ. Вед. 1858 г. № 32, стр. 255—258.

*** Тоб. Губ. Вед. 1858 г. № 50, стр. 718 и сл.; мои: 1) *Опис. Тоб. собора*, стр. 43 и 2) *Митр. Филофей Леш.*, стр. 10. Иконы Тюменского монастыря, писанные киевлянами, и доселе так хороши, и в настоящее время с такими свежими красками, что как будто бы только недавно из мастерской иконописца. Что ж касается до прекрасных же икон (особенно нижнего яруса) Тобольского Софийского собора, то они в

1840–1841 годов великолепные иконостасы для Омской казачье-войсковой Николаевской церкви и для Кяхтинского собора, по заказам распоряжавшихся их постройкою, писаны были в Москве чрез купца Корнилова, а около 1844 года по заказу купца Ал. С. Пиленкова также в Москве устроен иконостас для Казанской церкви Тобольского Знаменского монастыря. Подобным образом поступал и поступает живущий в Омске купец Вл. П. Кузнецов, когда ему нужны были иконостасы для построенных им церквей омской кладбищенской, степной Каркарадинской и консульской в Кульдже.

Вот еще немаловажное обстоятельство: надзор сибирских епархиальных начальств за местными иконописцами и продавцами привозных икон, соблюдавшийся в древности, почему-то давно уже (впрочем, как и во всех российских епархиях) ослабел, или лучше почти совсем не существовал, по крайней мере на деле. Пользуясь этим, иконописанием занимались, да и доселе занимаются, иногда люди, совершенно не способные к тому, в собственном смысле слова не более как красильщики, маляры, и пишут иногда, равно как и торговцы привозят из России, иконы в высшей степени безобразные и неправильные. Покойный преосвященный тобольский Георгий в 1846 или 1847 году при обозрении епархии в одной из церквей — то ли Тюменского, то ли Туринского округа — нашел на первом месте по правую сторону царских врат икону с изображением (только и заметной) белой лошади (вместо осла), а Спасителя, ехавшего на ней (в Иерусалим), изображенного в таком малом размере и такими темными красками, что его молящимся совсем было не видать*... К покойному омскому протоиерею раз принесли было для освящения икону распятого Господа Иисуса, изображенного в виде дряхлого старика, лет шестидесяти, с редкой полуседой и подстриженной бородой. В другой раз к самому пишущему также для освящения приносили икону Усекновения главы Иоанна Предтечи, на которой почти только и видно было, что дочь Иродиады в костюме нынешней невысокого тона барышни (в кофте, воротничках, с прической а-ля му-

1860–62 годах при переделке устаревшего филофеевского иконостаса заменены новыми, и не очень искусной работы, иконами и размещены по стенам собора

* Преосвященный Георгий тотчас по возвращении из епархии с ужасом и негодованием рассказывал об этом при мне и при всех служивших тогда в Тобольской семинарии, а также при соборном духовенстве и пр.

жик) и отчасти палача с огромнейшей саблей, да у ног его окровавленный труп Крестителя (как будто усекновение последовало не в темнице, а в самом дворце в присутствии Соломонии), и на которой (иконе) усекнутой главы праведника, по причине изображения ее и блюда под ней в крайне миниатюрном размере, почти совершенно и не видно было. Раз преосвященный Афанасий (1832–1842), наслышавшись о безобразии продаваемых в епархии икон, приказал освидетельствовать привезенные вязниковцами в большом количестве иконы, и оказалось, что только самое небольшое из них число можно было дозволить пустить в продажу.

Кроме икон, писанных на досках и полотне[26], в Сибири, как и во многих местах России, с течением времени появились по местам и иконы резные — изображения (например, Христа Спасителя, сидящего в узах и в темнице, а особенно святителя и чудотворца Николая)*, резанные в виде изваяний, преимущественно из дерева, а иногда и из других материалов**, и были не только в храмах с усердием от народа почитаемы, но иногда отправляемы от некоторых монастырей и церквей со сборщиками по городам и селениям для сборов***. Но такие изображения делались вопреки постановлению Седьмого Вселенского собора и потому с давних пор, и именно со времени Петра Великого и с учреждения Св. Синода, они были воспрещаемы. Однако ж из снисхождения к особенному усердию, какое народ изъявлял к резным священным изображениям, они были терпимы почти до последнего времени: по Тобольской епархии из церквей, хотя, как слышно, и не из всех, их вынесли и поставили в укромные места****, заменив их наперед обыкновенными иконами

* В Тобольске резные изображения свят. Николая были, между прочим, в Знаменском монастыре (в его нижней Никольской церкви) и в церквах Архангельской и Никольской; в последней притом таких изображений свят. Николая было два: одно большое, а другое маленькое, и они-то особенно и пользовались от народа уважением.

** В Томске, в Знаменской церкви доселе сохраняется в серебряной золоченой ризе икона Господа Иисуса Христа, иссеченная на аспидном камне. См. Томские Губ. Вед. 1858 г. № 32, стр. 258.

*** Из туринского Николаевского (прежде мужского, а ныне женского) весьма бедного монастыря резной свят. Николай Чудотворец небольшого размера был каждогодно отправляем для сборов на Ирбитскую ярмарку. Однако ж в 1770 году это ему, монастырю, преосвященным Тобольским Варлаамом было воспрещено. См. Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 21, стр. 273.

**** В городах — в соборные и монастырские ризницы, а в селах — в приделы, а после в кладовые церковные.

(разумеется, тех же святых), только в конце 1835-го и начале 1836 года по особенному настоянию* покойного преосвященнейшего Афанасия, мужа высокого образования...

Тобольские архипастыри снова стали озабочиваться, как бы завести в Сибири собственное, притом сообразное с требованиями церкви, иконописание. Для этого они не видели иного, лучшего средства, как ввести и распространить искусство иконописания в духовенстве сибирском и потом из лиц духовного звания, опытных в иконописании, назначать особых надзирателей за иконописцами, ревизоров для осмотра икон, привозимых из России на продажу, и для освидетельствования иконостасов во вновь строимые или вновь украшаемые церкви. Почему по распоряжению преосвященного Варлаама в 1800 году и был открыт в Тобольской семинарии класс рисования с назначением учителем этого класса Мисюрева. Мисюрева впоследствии времени сменил на классе рисования всеми уважаемый в свое время за характер, ум и строгую жизнь ключарь Тобольского собора, священник, а впоследствии протоиерей Петр Михайлович Карпинский. Но с преобразованием Тобольской семинарии (в 1818 году) класс рисования в ней, как и во всех семинариях, был закрыт и только чрез 36 лет, и именно в мае 1854 года, возобновлен по ходатайству покойного архиепископа Тобольского Георгия** в семинарии под названием класса живописи и иконописания, а в высшем отделении Тобольского духовного училища — под названием рисования, черчения и начал иконописания. Учителями в эти классы назначены были нарочно посланные для обучения рисованию и иконному письму на два года в Петербургскую семинарию*** студенты Тобольской

* Указ консисторский был разослан от 30 сентября 1835 года.

** Преосвященный Георгий, донося Св. Синоду, что «по недостатку хороших живописцев во вверенной ему епархии церковные иконы пишутся по большей части весьма безобразно, ходатайствовал о дозволении выслать в С.-Петербург для обучения живописи двух или трех оказывающих особую охоту к сему искусству воспитанников Тобольской семинарии, дабы потом иметь из среды духовенства людей, которые не только сами могли бы писать иконы правильным образом, но следили бы за правильностью работы и других иконописцев». Это было писано в конце 1850 или самом начале 1851 года, потому что согласие Св. Синода на приведение в исполнение сей меры изъявлено было в отношении Духовно-учебн. управления от 29 марта 1851 г.

*** Там они вместе с некоторыми из учеников Петербургской семинарии учились живописи и иконописанию под надзором известного профессора Академии художеств Солнцева.

семинарии: в первый Михаил Знаменский с жалованьем 106 руб. 80 коп., а в последний — Яков Бисеров с жалованьем 42 руб. 96 коп. Для безбедного содержания первому из них предоставлено место учителя в Тобольском училище, а последний рукоположен во священники Тобольского собора с назначением его ревизором всех вновь устрояемых по Тобольской епархии иконостасов. Из учеников семинарии и Тобольского училища учатся иконописанию только желающие и чувствующие наклонность к тому; в классе занимаются они иконным письмом по два раза в неделю. Как желательно, чтобы это благородное и святое искусство привилось навсегда к сибирскому духовенству и чтобы чрез это был положен конец писанию священных изображений безобразных, с ошибками против церковной истории и археологии! Из бесчисленного множества икон, в течение слишком 280 лет принесенных или привезенных из России и написанных в Сибири, некоторые пользуются особенным пред прочими (иконами) почитанием от верующих. Одни из этих многочтимых икон Господь прославил явлениями благодати своей очень рано, почти в самом начале владычества русских над Сибирью. Например, икона Смоленской Божией Матери, или Одигитрии, стоявшая на городской Березовской башне, просияла чудотворениями еще в 1623 году, почему вскоре после того и была снесена с башни и поставлена в собственно ради нее построенной жителями Березова Одигитриевской церкви*, а икона Божией Матери, именуемая Абалацкою, прославилась исцелением расслабленного крестьянина, возвращением зрения девице и другими знамениями как во время самого написания, так и тотчас после ее написания, и именно в конце 1636-го или в начале 1637 года**. Енисейск был основан только в 1619 году, а икона Нерукотворенного образа Спасителя, стоявшая на его острожной башне, к 1645 году уже столько прославилась чудотворениями, что граждане в том году просили у начальства дозволения построить ради нее особую церковь, и чрез два года, а именно в 1647 году, построили ее, заметим, на одни только приклады к ней***. «14 ноября, — говорится в (рукописи) Сибирской летописи, принадлежа-

* Изв. Археол. Общ. т. 3, 1861 г. вып. 4, стр. 329 и сл. Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 9, стр. 85.

** См. ниже статью: Сказание об иконе Божией Матери, именуемой Абалацкою.

*** Дополн. к Ист. Акт. т. 3, стр. 42.

щей Тобольской семинарии, под 1654 годом, — образ Вседержителя и Спаса нашего Иисуса Христа, который потом поставлен в соборной (гор. Тобольска) церкви у северного столба, просиял в предивных и славных чудесах и во исцелении тяжких и различных недугов*. Другие из наиболее чтимых по Сибири икон, например. Нерукотворенный образ Спасителя, называемый Тарханским, который теперь находится в Покровской слободе Тюменского уезда, икона Одигитрии Богородицы, находящаяся близ Томска в церкви села Богородского, икона Смоленской Божией Матери, что в Осиповой слободе Ялуторовского уезда, икона Святителя Николая, именуемая Можайскою, что в деревне Самсоновой близ Тары, Семипалатинская копия с Абалацкой иконы Божией Матери** и прочие, стали быть особенно чтимы несколько позднее тех первых, и именно только со времен царя Алексея Михайловича и Петра Великого, а иные, как-то: иконы мученицы Параскевы в селах Введенском Курганского уезда, Чернолуцком Омского и Вознесенском Каинского, копия с Абалацкой иконы Божией Матери, имеющаяся в церкви села Борового***, и проч. — сделались известны в народе еще позднее и этих, не ранее, как в царствование императриц: или Анны Иоанновны, или Елизаветы Петровны, или Екатерины Второй. Наконец есть и такие иконы, которые стали быть особенно чтимы только недавно, например, икона Почаевской Божией Матери, что близ Тобольска в Ивановском Межугорском монастыре, и икона Знамения Божией Матери, что в Тюменской Знаменской церкви, стали быть почитаемы, и в особенности так, как чтут их теперь, только со времени холеры, постигшей некоторую часть Сибири в 1848 году. Вообще в Сибири, конечно, как и в других местах, особенными знамениями и чрезвычайными благодатными явлениями прославлял Господь лики как Свои и Своей Пренепорочной Матери, так и угодников своих для поддержания и возбуждения в людях веры, и для избавления их от бед и скорбей; притом Он, милосердный, это делал по мере потребности в тех знамениях от святых икон, например, по случаю повальных болезней на людей или на скот, по случаю засухи, ненастья, голода и дру-

* См. мое Описание Тоб. собора 1852 г., стр. 44 и ниже особую статью об этой иконе.

** Обо всех этих иконах будут ниже особые статьи.

*** Также и об этих иконах ниже будут особые статьи.

гих общенародных бедствий, постигавших какую-нибудь местность, или еще когда верующие поселялись на местах новых среди неверующих язычников и магометан.

Благоговение свое выражают и особенное усердие изъявляют жители Сибири к наиболее чтимым ими иконам весьма разнообразно, например, стараются приобретать себе и иметь в своих домах списки с них, ходят и ездят на поклонение им — и не только из мест соседних и ближних, но и из отдаленных; часто молебствуют пред ними, молятся изображенным на них нередко не только с обычными поклонами и коленопреклонениями, но и со слезами, во множестве возжигают пред ними свечи и близ их щедрее, чем где-нибудь, подают милостыню, делают к ним и ради их приклады и пожертвования, украшают их пеленами, убрусами и дорогими ризами.

Стечение народа на поклонение многочтимым иконам бывает многочисленнее, и молебствий пред ними совершается более — преимущественно, по понятным для всякого причинам, в летнюю пору, притом в праздники и крестные ходы, учрежденные в честь той или другой иконы, во славу того или другого святого. Но благоговение у молящих бывает выше и сильнее, усердие выражается живее и искреннее, молитвы возносятся усерднее и пламеннее и обеты даются и после исполняются тверже преимущественно при каких-либо особенных случаях, бывающих в тех или других семействах, с теми или другими отдельными лицами, например, при постигающих тяжких болезнях, по избавлении от каких-нибудь опасностей и несчастий, по случаю вступления в брак одних и выдачи в замужество других, при бесчадии супругов, пламенно любящих друг друга, и пр.

По вере молящихся иногда и бывает; при иных святых иконах и над иными из прибегающих к ним молебствующих пред ними от времени до времени и совершаются благодатные явления: лишившимся зрения возвращается оное, потерявшие слух начинают слышать, бесноватые освобождаются от злых духов, впадшие в умопомешательство возвращаются к рассудку, находящиеся в расслаблении укрепляются, лишившиеся употребления ног начинают ходить, подвергшиеся тяжким, продолжительным и неизлечимым болезням — одни постепенно, а другие скоро, почти вдруг — возвращаются к прежнему своему здоровью. Впрочем, все это читающим яснее будет видно ниже из подробных

рассказов о каждой из особенно чтимых в Тобольской епархии икон.

Но, без сомнения, чаще и более над молящимися пред многочтимыми иконами, находящимися в Сибири (как и везде и пред всеми), совершалось и совершается нравственных благодатных явлений, духовных внутренних — в умах и сердцах их — благодетельных действий и перемен: вольнодумцы и неверующие после поклонения святыням, совершаемого ими только для виду и вместе с другими, быть может, возвращаются верующими; равнодушные к вере или колеблющиеся в ней возвращаются горячо и крепко верующими; люди, озлобленные за что-нибудь против ближних, возмущенные в душах, — примирившимися в сердцах своих, успокоившимися и кроткими, унывавшие и опечаленные вследствие каких-нибудь постигших бедствий, нужд житейских и грехопадений духовных возвращаются радостными или по крайней мере вполне предавшими себя воле Божией и ходатайству пред Господом Его Пречистой Матери и Его угодников; люди, зараженные гордостью, возвращаются смиренными; лица дурной нравственности — нравственными, целомудренными, трезвыми и бескорыстными, по крайней мере твердо решившимися оставить прежнюю греховную жизнь и вести новую, святую, чисто нравственную. Впрочем, многочтимые существующие по местам иконы в Сибири, при крайней скудости в ней мощей угодников Божиих* и без особенных явлений силы Божией над телами ли то, или над душами богомольцев, чрезвычайно благодетельны в нравственном и религиозном отношении: доколе только готовятся к путешествию или поездке на поклонение святыне те или другие люди, они обыкновенно ведут себя уже лучше, воздерживаются не только от нехороших действий, но даже от неприличных или двусмысленных слов и речей, и нечистых мыслей и желаний; когда же находятся богомольцы на пути или когда приближаются к месту нахождения святыни, тогда бывают они и еще осторожнее, и еще осмотрительнее в своих мыслях, словах и поступках. На месте, во храме, пред самою многочтимою иконою это доброе настроение и еще усиливается, да не вдруг,

* Только святителя Иннокентия Иркутского чудотворца, праведного Симеона, что в Верхотурье, и страдальца Василия Мангазейского, в Туруханском крае местночтимого.

не скоро оно изменяется на обыкновенное иль, от чего да сохранит Господь Бог, на худшее и тогда, когда богомольцы уже оканчивают свое богомоление, уже возвращаются от святого места в свои места, в свои домы. Отступления от этого, т.е. путешествия и поездки на поклонение многочтимым иконам без религиозного настроения и даже с нравственными падениями, конечно, бывают и у нас в Сибири, как и везде; но они редки, ничтожны в сравнении с тем.

Пишущий первоначально имел намерение собрать сведения о всех в Сибири существующих многочтимых иконах, но, к сожалению, осуществить это намерение на самом деле оказалось невозможным: чтобы получить ответы на вопросы исторические и археологические, особенно оттуда, где спрашивающего лично не знают, для этого нужно иметь или знатный чин, или высокий сан, или по крайней мере громкую известность. Потому я и ограничился описанием тех наиболее чтимых икон, которые находятся в Тобольской епархии. Исключение мною допущено (по причине, объясненной несколько ниже) для копий (например, Семипалатинской и проч.) с Абалацкой иконы Божией Матери. О досточтимых (впрочем, только некоторых и весьма немногих) иконах прочих сибирских епархий, например, Томской и восточной половины Пермской, будет сообщено у меня в особых прибавлениях, по большей части кратко, не более, как в виде перечня.

Описание начнется с иконы Божией Матери, именуемой Абалацкою, и с ее копий, как более всех прочих икон чтимой и чтимых в Тобольской епархии, да и не только в Тобольской, но и во всех сибирских епархиях, даже отчасти и в российских, разумеется, преимущественно ближайших к сибирским. Затем будут описываться многочтимые иконы города Тобольска, как ближайшего к Абалаку, и главное, как города епархиального; отсюда, как от центра, описание перейдет к иконам, находящимся в прочих округах Тобольской епархии, сначала в соседних с Тобольским, потом и более далеких, а наконец, и в самых отдаленных. За описанием многочтимых икон епархии Тобольской, как уже сказано выше, будет следовать описание некоторых из таковых же икон других сибирских епархий.

Всех икон более или менее подробно описано у меня 43, из них: одна Пресвятой Троицы, 7 — Христа Спасителя, 22 —

Божией Матери, по одной — Архистратига Божия Михаила, Предтечи Господня Иоанна и святителя Епифания Кипрского, 5 — святителя и чудотворца Николая, 3 — мученицы Параскевы и 2 — разных святых. Сверх того, еще 10 многочтимых икон, большею частью из находящихся вне Тобольской епархии, только названы по имени да указаны места нахождения их.

В сказаниях о 43 поименованных многочтимых иконах, разумеется, преимущественно в тех из них, которые более других подробны, названо место (город, село или деревня, также монастырь, церковь или часовня), где находится многочтимая икона; описан наружный вид иконы с ее украшениями, означено время написания или явления ее, или приноса из России, с наименованием при этом лиц, которые писали икону или которые первые обрели ее, или принесли в Сибирь, если только и то время и эти лица известны и изложены обстоятельства, с которых началось или усилилось особенное пред прочими почитание той или другой иконы, а также и те обстоятельства, вследствие которых установлены крестные ходы с той или другой святыней, с описанием самых этих ходов. К сказаниям о некоторых из многочтимых икон присоединены еще описания замечательнейших чудотворений, какие совершал и совершает Господь по вере и усердию молящихся пред ними. В особенности много описано чудес в сказании об Абалацкой иконе Божией Матери, чего в двух прежних (1849 и 1854 гг.) отдельных его изданиях совсем не было.

Цель сего сочинения та, во-первых, чтобы историю многочтимых, находящихся в Тобольской епархии икон и предания о них сохранить для будущих родов в целости и чистоте и с тем вместе предохранить их от совершенного забвения или по крайней мере от искажения разными вымыслами, переменами и прибавлениями; а во-вторых, чтобы чтущим св. иконы и служащим при них доставить верные о них сведения и тем дать твердое основание их вере, новую опору для их благочестивых чувств и более верное средство для возбуждения благоговения в тех, если бы в ком, к несчастью, его не было.

Достигнута эта цель или нет, судить об этом не мое дело и не мое право. Скажу только, что сведения для предлежащего сочинения, вместе с материалами для истории тобольской иерархии и истории христианства в Сибири, были из-

влечены мною из разных источников (из архивов, книг и рукописей) и собираемы и лично на местах, и чрез разных корреспондентов* около 20 лет (хотя с разными перерывами и промежутками), и именно с тех пор, как я преподавал (1838–1848 гг.) ученикам Тобольской семинарии сверх официально возложенных на меня предметов и историю тобольской иерархии, и отчасти христианства в Сибири. Собранное ранее в последнее время было вновь поверено посредством новых сношений и новых справок, причем опущенное прежде пополнено новыми сведениями, ошибочное исправлено, явно неверное и сомнительное оставлено, неясное уяснено, разноречивое приведено к согласию и пр.

Впрочем, я весьма буду рад и тому одному, если признают, что мною надлежащим образом, или хотя кое-как, собраны воедино материалы для будущих деятелей на поприще истории христианства в Сибири, тобольской иерархии и сибирских древностей.

Думаю, что иные из читателей упрекнут меня за длинноту некоторых сказаний, вошедших в состав предлежащего сочинения, за разные мелкие подробности рассказов о некоторых иконах (например, о Нерукотворенном образе Спасителя, известном под именем Тарханского, или об иконе мученицы Параскевы, что в селе Чернолучье). Что делать? Кому нажитое стоило трудов и поту, для того нелегко бросить по пустякам и малость какую-нибудь, ему все думается, что и малость эта на что-нибудь да пригодится — не ему, так другим.

---

* Самыми благонадежными моими корреспондентами в этом деле были некоторые из членов Тобольской консистории, некоторые же из уездных протоиереев и вместе первоприсутствующих духовных правлений, также бывшие добрые мои ученики, ныне или законоучители уездных училищ, или благочинные градских и сельских церквей, и местные священники, в ведомствах или в церквах которых состояли и состоят описанные мною чтимые иконы, и наконец, некоторые из лиц светских, но образованных и религиозных. Из последних я должен в особенности назвать знатока истории, географии и древностей сибирских г. советника Семипалатинского областного Правления Ник. Ал. Абрамова; из его писем ко мне и его статей, напечатанных в разных повременных изданиях, многое и многое взято мною для предлежащего сочинения.

Сказание об иконе Божией Матери, именуемой Абалацкою

Из икон, наиболее чтимых в Тобольской епархии, а некоторых из них и во всей Сибири и даже вне ее пределов, особенно чтится икона Божией Матери, именуемая Абалацкая.

Абалацкая икона Божией Матери

Наименование иконы Абалацкою

Наименование *Абалацкою* святая икона получила от Абалацкого прежде села, а ныне (с 1783 г.) третьеклассного мужского монастыря*, в церкви которого она находится и источает благодать Божию для всех, прибегающих к ней с верою.

* Абалацкий монастырь находится в Сибири, в семи верстах от остатков Искера и в 25-ти от города Тобольска, по Иркутскому тракту на высоком берегу Иртыша при селении, называемом *Абалак*. Абалак, а по выговору тобольских татар и русских простолюдинов *Ябалак*, есть название татарское. Его производили (Журн. М. Н. Пр. 1841 г. т 2, отд. 2, стр. 87 и сл.) и от а) *Ябалак — сова*, или *филин*, в том предположении, что в старину селение Абалак, быть может, окружено было лесами, в которых много водилось этих птиц, и б) *Ябалук — запертый, крепость*, на том основании, что при появлении в Сибири Ермака в Абалаке действительно была крепость, в которую Кучум из Искера отправил тогда свое семейство, и в) от *Авалак — пустынный, уединенный*, и от г) владельца той местности, на которой стояло селение, почему-то имевшего прозвище *Ябала* (вернее, *Ябалак*) — *сова*, и именно или от Абалака, сына татарского хана Мара, который властвовал в Сибири в конце XV или начале XVI столетия и который вновь укрепил город Сибирь — Тару, иначе Искер (Тоб. Губ. Вед. 1862 г. № 21, стр. 149 и № 22, стр. 153), или от современного Кучуму, богатого и знатного татарина Ябалы, который, как говорит предание, при владычестве русских обратился в христианство и сам на себе испытал силу чудотворной иконы (См. два первых издания Сказания о Абалацкой иконе Божией Матери). Последнее объяснение вернее прочих, потому что оно сообразнее с обычаем кочевых народов, каковым были в свое время и татары, называть местности преимущественно именами чем-либо замечательных владельцев тех местностей. И Сузгун, что в семи верстах на север от Тобольска, в древности татарский город, а ныне русская деревня, получил название подобным образом — от Сузге, одной из жен Кучума.

Селение Абалак и при нем укрепления существовали еще при владычестве над Сибирью татар. Туда Кучум при нападении Ермака на Искер препроводил свое семейство; близ него родственник Кучума Маметкул сделал коварное нападение на казаков, занимавшихся ловлею рыбы на одном соседнем озере, и убил из них 19 человек. По покорении Сибири Ермаком в Абалаке поселились русские, а татары выбрались в соседние юрты (Сиб. Ист. Миллера, стр. 133 и 138).

Вскоре по поселении русских в Абалаке была выстроена церковь деревянная во славу Преображения Господня. Но в 1636 или 37 году, при третьем Сибирском архиерее Нектарии, по правую сторону обветшавшей Преображенской церкви вследствие видений, бывших одной благочестивой вдове, о чем подробно говорится в самом сказании, выстроена новая, также деревянная церковь Знамения Божией Матери с двумя приделами — во имя святителя и чудотворца Николая и преподобной Марии Египетской (Древн. Росс. Вивл. ч. 3, стр. 156; Сиб. летоп. (рукоп.) под 1636 годом).

В 1680 году царь Феодор Алексеевич, узнав об излишних, хранившихся в ризнице Тобольского собора абалацких деньгах, указал выстроить на них в Абалаке каменную церковь. К тому же 31 мая и того же 1680 года помянутая трехпрестольная церковь с другой таковою же (Преображенскою) и колокольнею при них сгорела от молнии (Древн.

Изображение Божией Матери на Абалацкой иконе

Божия Матерь на Абалацкой иконе изображается точно так же, как и на Новгородской Знаменской, а именно: с распростертыми и воздетыми к небесам дланями и с Предвечным, но еще не родившимся, а только воплотившимся и находившимся во утробе Богоматерней младенцем*; с тем, впрочем, отличием, что на Абалацкой иконе по сторонам

Росс. Вивл. ч. 3, стр. 237). Почему в 1683 году в Абалаке заложена каменная пятиглавая церковь во имя Знамения Божией Матери. Но окончена она и освящена уже в 1691 году.

В 1750 году на Абалаке выстроена другая, также каменная, только теплая, церковь во имя святителя и чудотворца Николая, и прежняя, т.е. Знаменская, в следующем (1751) году старанием секретаря губернской канцелярии Алексея Соколова (предка по женской линии нынешних дворян Путяковских) переделана: верх весь снят, столбы внутри разобраны, окна увеличены, сведен купол, вместо пяти глав сделана одна, иконостас устроен новый, резной. В таком виде обе церкви остаются и доселе, кроме того что в холодной Знаменской около 1862 года при игумене Иоанникие на все местные иконы, на сборные деньги, сделаны богатые серебряные под золотом ризы, а к теплой Никольской для умножения в ней света в 1853–56 гг. при архимандрите Антонии пристроены по сторонам два придела во имя Пресвятой Троицы и Вознесения Господня. Сверх двух церквей на Абалаке есть еще третья, каменная же (церковь) во имя преподобной Марии Египетской, что под колокольней, построенная в 1752–59 годах, а освященная в 1770 году, ныне исправляемая и приводимая в более благолепный вид. В Абалаке сверх одного или двух священников, ради чудотворной иконы, всегда бывал и протоиерей.

В 1783 году по представлению архиепископа Тобольского Варлаама ради чудотворной иконы Божией Матери в Абалацком селении устроен третьеклассный мужской монастырь с перенесением штатов из закрытого тогда монастыря Невьянского. Вышеупомянутые церкви обнесены каменной оградой, выстроены настоятельские и братские деревянные кельи, и таковая же четвертая церковь во имя Богоявления Господня. Последней, впрочем, давно уже не существует. Вместо деревянных настоятельских келий, в 1848 году поднятых на фундамент, в настоящее время строятся каменные; для богомольцев и на случай архиерейского приезда над монастырскими воротами выстроено около 1844 года каменное здание, а братские кельи и с больницею и давно каменные. Первым настоятелем монастыря с 1783-го и по 1808 гг. был эконом Тобольского архиерейского дома игумен Маргарит, впоследствии архимандрит Тюменский. За ним следовали игумены: Мельхиседек I, Мельхиседек II (из купечества), Иоанникий (впоследствии Томский архимандрит), Евфимий, инспектор, а после и ректор Тобольской семинарии, и иеромонах Неофит (один 1838 год). С октября 1838 года настоятельствовал и доселе настоятельствует — первоначально в сане священника (Андрея), потом, по пострижении, в сане игумена и, наконец, с июля 1855 года в сане архимандрита Антония (Бекреев).

* Чудотворная, формой круглая, икона Знамения Божией Матери, посредством которой Господь спас в 1170 году Новгород от осаждавших его суздальцев, находится в Великом Новгороде в Знаменском соборе в иконостасе, по левую сторону царских врат.

Приснодевы изображаются еще предстоящими, на правой — святитель и чудотворец Мирликийский Николай, а на левой — преподобная Мария Египетская, которых на Новгородской Знаменской нет*.

Величина и украшения Абалацкой иконы Божией Матери

Дска подлинной Абалацкой иконы имеет длины пять четвертей, а ширины — арпшн и $1^1/_2$ вершка.

Риза[1] на Абалацкой чудотворной иконе до 1856 года была хотя и золотая (в 11 фунт.), но складная (складывавшаяся при наложении ее на икону из нескольких отдельных частей), неизвестно в какое время и почему так сделанная**; убрус при ней был жемчужный с разными драгоценными камнями, каковые были и на ризе, особенно в венце. Но теперь эта риза находится уже на *наместнице**** чудотворной иконы, а на самой чудотворной иконе — новая, также однозолотая риза отличной работы и хорошего рисунка, устроенная в 1856 году в Москве на монастырскую сумму купцом Корниловым. Золота в ней (84 пробы) 15 фунтов да 13

---

* В *Описании явлений чудотворных икон Пресв. Богородицы* (М. 1838 г.), изданном при Памятнике веры (М. 1843 г., изд. 3), подобно как и *на лубочной картине с изображениями всех* чудотворных и явленных *икон Божией Матери*, между сими изображениями находятся два изображения и Абалацкой иконы под 59 и 70 номерами: под 59 номером Божия Матерь, названная там, как сказано, Абалацкою, изображена в короне и с младенцем Иисусом (украшенным также короною) на левой руке; а под 70 она изображена в убрусе с распростертыми дланями, младенцем Иисусом на персях (без венца) и с двумя херувимами, парящими по сторонам. Очевидно, что оба эти изображения с подлинною чудотворною иконою Божией Матери, находящеюся в Абалацком монастыре, не сходны, — особенно первое, а следовательно, и ошибочны. Но к удивлению жителей Тобольска, да и всех сибиряков, по крайней мере не чуждающихся чтения книг духовного содержания, такие же ошибочные изображения Абалацкой иконы Божией Матери даже и после печатных изобличений их ошибочности (в *Славе Божией Матери*, ч. 3, отд. 3, стр. 80, в двух изданиях моего *Сказания об Абалацкой иконе Божией Матери*, 1849 и 1854 гг. на стр. 6 и 7; в *Каз. Губ. и Моск. Полиц. Вед.* 1848 г. № 188) помещены: 1) в *Изображении икон Пресвятой Богородицы, в правосл. Церкви прославляемых, с краткими о них сказаниями* (М. 1848) на стр. 16 и 18 под 7 и 20 числами июля и 2) в *Жизни Пресв. Богородицы*... (С.П.б. 1860) под 20 числом июля между стр. 294 и 295).

** По всей вероятности, устроена она была или по частям в разные времена, или, если и в одно, то разными жертвователями из их собственного, разных проб, золота.

*** То есть на той, которая, когда подлинную чудотворную икону Божией Матери уносят из Абалака, остается на месте ее. Она с подлинною иконою совершенно одинаковой величины.

фунтов серебра под золотом в раме, что вкруг нее. Убрус к новой ризе вынизан новый же, по новому рисунку, из жемчуга и драгоценных камней, частью пожертвованных некоторыми любящими благолепие дома Божия, а частью взятых из прежнего, старого убруса*.

Время и обстоятельства написания Абалацкой иконы Божией Матери

а) явления Божией Матери благочестивой вдове Марии

Обстоятельства к написанию Абалацкой иконы Божией Матери были следующие**. В царствование Михаила Феодоровича, при третьем Сибирском архиепископе благочестивом Нектарии, жила на Абалацком погосте бедная, одинокая и бездетная вдова по имени Мария. Ни о роде, ни о муже ее нет никаких известий, но известно, что она вела жизнь благочестивую и целомудренную, и за благочестие свое была удостоена видений свыше.

Первое видение ей было спустя 55 лет по покорении Сибири Ермаком и за 227 лет до настоящего времени, и именно 10 июля 1636 года. Мария спала в своей хижине, и вот видит она в легком сне три иконы, стоящие на воздухе: в средине — Знамения Божией Матери, что в Новгороде, и по сторонам, по правую — святителя и чудотворца Николая, а по левую — преподобной Марии Египетской, и от средней слышит голос: «Мария! Объяви об этом видении народу и скажи, чтобы на Абалацком погосте[82] построили по правую сторону ветхой Преображенской церкви новую деревянную во имя Знамения Пресвятой Богородицы, что в древнем Новгороде, с при-

* Риза эта, кроме жемчуга и драгоценных камней в убрусе, и венца (в этом последнем 38 бриллиантов и алмазов), стоит с пересылкою 8408 руб. 50 коп. сер.

** Сказание об этих обстоятельствах, а также о чудотворениях от Абалацкой иконы заимствуются: 1) из *Древн. Вивлиофики*, 2) (из рукописной) *Сибирской летописи*, принадлежащей Тобольской семинарии, а преимущественно 3) из (рукописной же) книги: *О чудесах Абалацкой Божией Матери*, находящейся в Абалацком Знаменском монастыре. Эта последняя, почти вся написанная уставом, первоначально написана была в 1647 году по благословению четвертого Тобольского архиепископа Герасима, но впоследствии, по мере событий, была продолжаема. Из нее-то сказание о построении на Абалаке церкви — вследствие явлений Божией Матери — и о написании самой чудотворной иконы взято было даже и в *Записки до Сиб. Истории относящиеся*, напечатанные в третьей части вышеупомянутой Древн. Росс. Вивлиофики, и в рукописную, также упомянутую выше Сиб. летопись.

делами: по одну сторону святителя Николая, а по другую — преподобной Марии Египетской». После того видение скрылось, и Мария в ужасе проснулась, но о видении никому не сказала, частью по робости человеческой, а более потому, что почла его не за божественное, но за простую сонную мечту.

Спустя несколько времени, только уже не во сне, а наяву, вдова Мария видит то же видение, с небольшою, впрочем, отменою, следующим образом. Шла она из своей хижины и несла хлеб. Вдруг покрыло ее светлое облако, и она упала, как мертвая. Очувствовавшись несколько, однако все еще в исступлении и ужасе, она видит на воздухе два образа: один Знамения Богоматери, другой — Марии Египетской, а святитель Николай как бы живой — в светлом архиерейском облачении — стоял пред образом Богоматери и говорил вдове: «Мария! Иди и скажи абалацким жителям по прежнему видению, чтобы они построили новую церковь на Абалаке, притом чтобы и лес рубили для нее своими руками, и приплавили бы его, и выносили с воды на гору сами; а ежели не послушают этого, то увидят гнев Божий, и не только умрет другой их священник, но умрут и лучшие из прихожан». После этих слов видение скрылось, а Мария опять не смела объявить о нем из опасения быть осмеянной.

Чрез несколько дней было и третье видение, и так же, как и второе, наяву. Сидя и занимаясь рукодельем в своей хижине, Мария сначала почувствовала запах как бы от кадила, но вскоре потом она пришла в прежний ужас и увидела то же, что и прежде видела. Святитель Николай при этом сказал ей: «Для чего не объявляешь видения и повеления? Ты сама неверием своим наводишь на себя озлобления». При этих словах у Марии повело руки назад, и она в страданиях упала на пол почти без чувств. Тогда Божия Матерь сказала: «Это тяжело. Мне жаль ее». В ту же минуту боль у Марии прекратилась, она пришла в себя, и видение скрылось. После сего Мария пришла к своему духовнику и рассказала обо всех трех видениях, прося его объявить о них народу. Но духовник не объявил по неуважению ли тех видений, по забвению ли, или чтобы несомненнее удостовериться в истине и воле Божией.

В четвертый раз видение было следующим образом: 24 июля абалацкая вдова Мария шла из Абалака в Тобольск и, подходя к городу по подгорью, вдруг стала как бы в тумане или мраке

и видит пред собою как бы столб облачный, простиравшийся до небес, а на столбе том образ Знамения Божией Матери и другой — преподобной Марии Египетской, а святителя Николая как бы живого, в архиерейском облачении стоящего на земле. Святитель гневно сказал ей: «Для чего ты медлишь объявить о видениях и повелении народу? Если еще замедлишь, то всем телом будешь расслаблена[81], если же объявишь, но тебя не послушают, тогда не ты, а они пострадают».

б) Построение на Абалаке церкви

После этого вдова Мария более уже не скрывала бывших ей видений: 25 числа того же июля она явилась к преосвященному Нектарию и рассказала ему о том, что с ней было, начиная с 10 июля; тот приказал немедленно собраться градскому духовенству в собор, туда же пригласил воеводу тобольского князя Михаила Михайловича Темкина-Ростовского, товарища его Андрея Васильевича Волынского, дьяков (по нынешнему секретарей и правителей канцелярии), голов и других наиболее почетных и благочестивых из граждан и при них испытал удостоившуюся видений свыше женщину; между прочим, тут ей показывали разные изображения иконы Божией Матери, и когда она показала икону Знамения Божией Матери (какой прежде ей никогда не случалось видеть), она тотчас признала ее, сказала, что в этой самой иконе и являлась ей небесная Владычица.

На деле оказалось, что вдова Мария доселе робела напрасно. Все верили ее видениям, благочестивый архиепископ благословил строить на Абалацком погосте новую, в честь Знамения Божией Матери с приделами Николая Чудотворца и Марии Египетской, церковь, а прихожане абалацкие немедленно и приступили к построению ее, да не только прихожане, но многие и из граждан тобольских, как простых, так и знатных, приняли участие в этом благочестивом деле; сами, согласно повелению свыше, рубили лес, нужный на церковь, сами его приплавили, своими руками выгрузили из реки и встаскивали на высокий берег Иртыша, где расположен Абалак, и на свой счет наняли затем мастеровых для постройки церкви*. Все это, как и было уже

* Древн. Вивл. ч. 3, стр. 156. Книга о чуд. Абалац. иконы Божией Матери, л. 8—15.

замечено, происходило во вторую половину 1636 и в первую 1637 года.

в) Исцеление расслабленного, по заказу которого написана икона

Между тем как строилась на Абалаке, по повелению свыше, церковь во имя Знамения Божией Матери с двумя приделами, промысл Божий уготовлял и достойный ее храмовый образ... Крестьянин Евфимий, по прозванию Кока, целый год лежал в расслаблении таком, что сам собой не мог и двинуться с места на место. К нему приходит нищий, давно ему знакомый и, вероятно, пользовавшийся его милостями, по имени Павел и говорит: «Евфим? Слышишь ты, на Абалаке строится церковь по повелению Божию во имя Знамения Богородицы, святителя Николая и Марии Египетской. Дай ты обещание написать храмовый образ в эту церковь. Может быть, Господь по вере твоей и твоему усердию и простит тебя, освободит тебя от болезни». Евфимий выслушал Павла, как ангела Божия, и в тот же день дал твердое обещание написать икону Знамения Божией Матери с предстоящими по сторонам святителем Николаем и преподобной Марией Египетской. И Господь призрел на веру его: того же дня после полудня он начал владеть правою стороною своего тела.

На другой день крестьянин Евфимий посылает к преосвященному Нектарию с прошением о позволении написать храмовую икону для новой абалацкой церкви и, получив благословение, заказывает ее Тобольского кафедрального Софийского собора протодьякону Матфею, искуснейшему в то время, по крайней мере по Сибири, живописцу. И тем временем, как писался образ, Евфимию день ото дня делалось лучше. Наконец он совершенно выздоровел, сам собой пришел к живописцу и своими руками принес написанный по обещанию образ в собор для освящения. Преосвященный, обрадованный и удивленный совершившимся чудом, сам отслужил в соборе молебен и окропил образ святою водою, а потом с подобающею честию отпустил его в село Абалацкое для поставления в новопостроенной церкви.

Первое чудо от Абалацкой иконы Божией Матери

Когда дошли до деревни Шанталыка, где ныне Ивановский монастырь, тут прославил Господь новую икону новым чудом. Крестьянин той деревни, по имени Василий, единственную имел дочь именем Анну, которая по долговременной глазной болезни вовсе ослепла и уже два года ничего не видела. Услышав, что несут в Абалак образ, уже ознаменованный явлением чрез него благодати Божией, Василий выходит с дочерью во сретение и припадает к нему с верою и слезами. К радости и удивлению отца, матери и всего народа, девица мгновенно прозрела*.

С того времени и доныне, вот уже 227 лет, совершаются от сего образа чудотворения и исцеления разного рода болезней всем притекающим с верою. Вот некоторые из них.

Чудеса от Абалацкой иконы Божией Матери**

Немного спустя по построении на Абалацком погосте церкви в честь вновь прославившейся иконы Знамения Божией Матери с предстоящими святителем Николаем и преподобной Марией Египетской, строители ее для лучшего ее украшения и для того, чтобы дать возможность большему числу людей участвовать в этом богоугодном деле, решились послать сборщика по всем наиболее населенным местам Сибири. Для этого выбран был некоторый благоговейный человек по имени Антоний, ему вручена была чудотворная икона Божией Матери, и он, ходя из места в место, прибыл в город Верхотурье. Там все, к кому ни приходил он со святой иконой, отдавали святые должную честь, поклонялись ей, лобызали ее и жертвовали кто чем хотел и мог; но чиновник, по-старинному боярин, Андрей Перхуров, когда принесли к нему в дом чудотворную икону, выслал только со служанкой две серебряные монеты, а сам (забывая, что честь, воздаваемая иконе, относится к изображенной на ней) не вышел по-

* Древн. Вивл. ч. 3, стр. 156, 157. Кн. о чуд. Абал. иконы, л. 16–18.

** Чудес, совершившихся от Абалацкой иконы Божией Матери, в особой, для сего заведенной, книге записано 130, и почти все они совершились между 1636 и 1675 годами. Из чудотворений, совершившихся в XVIII столетии, вероятно, по небрежности настоятелей сначала Абалацкой церкви, а потом и монастыря не записано ни одного. В настоящем столетии записано около пяти чудотворений.

клониться ей и перед своими домашними наговорил множество невыгодного о сборщиках на церкви и монастыри вообще и, в частности, именно о бывшем у него в доме. Посетивши всех или большую часть верхотурцев, сборщик Антоний с абалацкой святыней отправился по деревням и селам Верхотурского уезда, а Андрей Перхуров вдруг впал в расслабление всем телом так, что лишился и употребления языка. В тяжкой болезни он познал свой грех, вспомнил о небрежении, какое оказал абалацкой святыне, и кой-как движением рук и взорами высказал своим родным искреннее желание, чтобы как-нибудь воротили сборщика с иконою в город. Его желание было исполнено, и когда святую икону понесли к нему в дом, жена его, дети и слуги поспешно вышли навстречу к ней, а с тем вместе вывели и расслабленного. В дом призваны были священно-церковнослужители, и ими совершено было пред Владычицей молебное пение при горьких слезах и при самых усердных молитвах как самого больного, так и его родных об его исцелении. И Господь помиловал грешника: когда больной по окончании молебствия подведен был к иконе, поклонился ей, облобызал ее «абие — шатавшаяся его уста и язык злоглаголивый в первое существо претворишася, (он) цельбу получи и здрав бысть»*.

Девица Евдокия, дочь крестьянина одной из ближних к Абалаку деревень, по прозванью Полуянова, целых 14 лет ничего не видела. Помня, как хорош свет Божий, зная, какими удобствами в сравнении со слепыми пользуются зрящие и нередко на ходьбе спотыкаясь, даже иногда падая во рвы и ямы, помянутая девица сильно сокрушалась о своей слепоте, много раз думала о том, как бы и через кого бы получить ей исцеление, и часто со слезами молилась о том Господу Богу... И вот слышит она, что на Абалацком погосте во вновь построенной церкви есть чудотворная икона Знамения Божией Матери и что многие, прибегающие к ней с верою, получают от разных болезней исцеление, вот она и сама возымела веру, не даст ли и ей Господь Бог исцеление чрез изображение своей Пречистой Матери; и потому она начинает просить своих родителей, чтобы вели ее на Абалак в ту церковь молиться пред чудотворною иконою. Родители с радостью согласились, привели ее в церковь, поставили близ чудотвор-

* Рукоп. о чудесах от Абалацкой иконы Божией Матери, чудо 5-е, л. 19–21.

ной иконы, по их просьбе отслужен молебен Божией Матери, и слепая долго и со многими слезами и коленопреклонениями молилась Владычице, чтобы она умолила Сына Своего и Бога нашего, Господа Иисуса Христа, и над нею, как и над многими другими, сотворить милость свою, а затем, сделавши по силе к иконе приклад, возвратилась домой. И что же? По вере ее и было: спустя немного времени слепая Евдокия стала понемногу видеть, начала по крайней мере различать день от ночи и свет от тьмы. Благодаря и за это, она снова и с новою верою и еще с большим усердием стала молиться Господу Богу и Пречистой Его Матери о даровании ей совершенного исцеления, при чем также призывала на помощь святителя Христова Николая и преподобную Марию Египетскую и наложила на себя строгий пост. Пропостившись 20 дней, Евдокия, теперь полуслепая, снова пришла с родителями в Абалацкую церковь, попросила служить молебен Божией Матери, святителю Николаю и Марии Египетской, и «в той час (т.е. во время самого молебствия) до конца, совершенную цельбу получи, очию прозрети сподобися, и первее узре на месте стоящую пречистую чудотворную икону Богородичную и на ней венец и цату, и камение»... Исцеленная о совершившемся над нею чуде немедленно рассказала духовенству и всем тут случившимся, и все возрадовались радостию великою и благодарили Господа Бога, Божию Матерь, святителя Николая и преподобную Марию*.

Переселенец из одного поморского города (с берегов Белого моря) долго был болен горячкою, и внутренности его как бы окаменели. Бывши уже в отчаянном положении, он вспомнил о чудотворной Абалацкой иконе, обратился с усердною молитвою к Божией Матери, дал обещание, если выздоровеет, сходить в Абалак поклониться тамошней святыне и совершить пред нею молебное пение, и в ту же минуту жар в нем миновал и внутренности его пришли в обыкновенное положение. Затем он пришел в Абалак, совершил пред Богородичною иконою обещанное и радостно, славя Бога и Пречистую Его Матерь, возвратился домой**.

Крестьянский мальчик по имени Яков долго болел глазами, от чего лишился зрения, и из страшно опухших его очей,

* Выше цитированная рукоп., л. 22–24, чуд. 6-е.
** Рукоп. о чудесах от Абалацкой иконы, л. 26 и сл. чудо 9-е.

когда он плакал, шла вместо слез кровь. Отец его, крестьянин Иван Смирной, видя сына в такой болезни, страдал за него сердцем, думал, как бы и чем ему помочь, и вдруг в уме его возникла мысль — помолиться Абалацкой иконе Божией Матери и для того идти и с сыном в Абалак, и помолиться там Божией Матери пред чудотворною Ее иконою, совершить пред ней молебствие. Мысль эта вскоре приведена была в исполнение, и отрок Иаков получил исцеление*.

Крестьянин одного из селений Тюменского округа Иустин Ошкоков был одержим падучею болезнью, часто падал на землю или на пол, бился руками, ногами и головой, скрежетал зубами, изо рта шла пена, и после того помногу часов лежал как бы мертвый, безгласен и бездыханен. Некоторые добрые люди, видя его в таком страшном недуге, рассказали ему о многоразличных чудотворениях, совершавшихся чрез икону Знамения Божией Матери, и посоветовали ему идти в Абалак и там помолиться. Больной с радостью принял этот совет, с теплою верою и мольбами обратился к Божией Матери об избавлении от страшного недуга, обещал отправиться в Абалак и там служить молебен, и Господь его помиловал, по неизреченной милости Божией Матери недуг его миновал, исцелившийся ходил в Абалак и с особенным усердием исполнил там все обещанное**.

Совершенно подобным образом получили исцеление: 1) крестьянин Киргынского села по имени Фома от лихорадки, бившей его каждодневно в течение 20 недель и уже доводившей его до помешательства в уме; 2) житель г. Тобольска Лука Кызылов от какой-то внутренней болезни, от которой он целые полгода не мог ни пищи никакой принимать, ни питья никакого употреблять без рвоты и от которой был он уже близ смерти; 3) житель г. Тюмени военного сословия по имени Дионисий, лишившийся вследствие десятинедельной головной боли слуха до того, что не слышал не только голоса человеческого, но и звона колокольного; 4) жена жителя одного из селений Тобольского уезда Федора Максимова по имени Анна — от беснования и страданий, каким подвергал ее злой дух; 5) военный человек, имевший жительство в Тобольске, по имени Лаврентий — от ломоты в правой руке, которою он страдал, стонал, кри-

* Там же, чудо 10-е, л. 27.
** Там же, чудо 12-е, л. 29.

чал, не знал покоя ни днем, ни ночью целых 20 недель; 6) жительница подгородной (близ Тобольска) деревни Старицы, жена служилого, т.е. военного человека, именем Анна — от продолжительной головной боли, страдая которою, она нередко мешалась в уме, лишалась на несколько часов зрения и падала, как бы мертвая, на землю*. Все эти лица, да и многие другие, о которых также упоминается в вышеуказанной старинной монастырской рукописи, в болезнях своих обращались с усердными молитвами к Божией Матери и угодникам святителю Николаю и преподобной Марии, давали обещание отправляться в Абалак и там молебствовать пред чудотворною их иконою, и тотчас или вскоре после того получали исцеление от своих болезней. Заметим здесь, что всего больше людей исцелялось от слепоты и вообще от глазных болезней, потом от параличей и лихорадок, умопомешательства, соединенного иногда с бешенством и даже беснованием, от головых болей, частью от кровотечения носом и горлом и других недугов, что, впрочем, будет видно отчасти и из следующих за сим рассказов.

Крестьянин Верх-Ницынского села Андрей Непытаев впал в расслабление всем телом, целый год сам собою не мог ни с места двинуться, ни с боку повернуться. Но в один день пришла ему благая мысль помолиться поусерднее Божией Матери, а также святителю и чудотворцу Мирликийскому Николаю и преподобной Марии Египетской, помолился, дал обещание сходить в Абалак и там еще молиться пред чудотворною иконою, и по немногом времени благодатию Божию, милостию Пресвятой Богородицы и молитвами святых угодников Божиих болезнь его миновалась, и он стал здоров, как и прежде. Само собою разумеется, что обещание исцеленным было исполнено в точности**.

У жителя г. Тобольска, из военных, именем Андрея, по прозванию Шебельтасова***, сильно и долго болела рука (правая), в кости чувствовалась ломота, на плече образовалась гнойная рана, по времени из раны стали выходить ко-

* Там же, чудо 13, 14, 17, 19, 20, 23-е, л. 30, 31, 33, 34, 35 и 36.

** Чудо 27-е, л. 39 и 40.

*** Судя по фамилиям, этот и вышеупомянутый Кызылов, по всей вероятности, обратившиеся из магометанства или язычества татары или другие какие-нибудь инородцы. В старину в Сибири обращавшиеся к вере христианской татары и другие инородцы почти обыкновенно поступали в служилые, т.е. в городовые казаки, потому что служба эта в то время была весьма выгодна.

сточки, рука сохла, и в ней прекратилась всякая чувствительность. Видя себя в такой беде, больной возымел мысль отправиться в Абалацкий погост и там молиться пред чудотворною иконою Знамения Божией Матери, и по немногом времени не изреченною милостию Пресвятой Богородицы иссохшая рука его «бысть здрава, якоже и другая, и яко ни которыя ему болезни не бысть. Оле чудо! — восклицает затем списатель чудес. — Кто убо не удивится таковой превеликой милости Пресвятыя Богородицы, якоже никто тощ отходит, но паче приемлет дар на пользу прошения, не мздовоздания требует, ни дара приемлет, но туне (без возмездия) дарует всем исцеление, милостивно изливая щедроты своя на вся правоверныя люди, с верою приходящия к чудотворной Ея иконе»*.

Крестьянка подгородной деревни Сузгуна, в то время вотчины Тобольского Знаменского монастыря, по имени Анисья впала в исступление ума, бесновалась, изрыгала нелепые бранные, а иногда и чисто сатанинские слова и речи, и ни днем, ни ночью почти нисколько не спала; и в таком ужасном положении она пробыла целые 15 недель. Муж ее крестьянин Савин, мучаясь с ней и не зная, чем и как помочь ей, наконец начал молиться Божией Матери и угодникам: св. Николаю и Марии Египетской, обещаясь притом везти больную в Абалак и там молебствовать. И молитва его не осталась тщетною: жена его вскоре почувствовала облегчение, а затем она и совсем пришла в рассудок и выздоровела. Но исполнить свое обещание крестьянин с женой сначала за разными делами только откладывали со дня на день, а потом и совсем забыли. Прошло полгода; и вот в одну ночь в тонком сне Анисья видит, будто к постели ее подходит какая-то благообразная, в синем одеянии, женщина и говорит: «Анисья! Зачем вы благодеяние Божие как бы ни во что вменили, оставили в забвении, обещания своего идти на Абалацкий погост не исполнили?». В ужасе проснулась крестьянка, разбудила мужа и пересказала ему о сновидении. Оба они признали видение это за видение свыше и положили на следующий же день исполнить данное ими прежде обещание. Но в тот день опять встретились какие-то препятствия, и исполнение было отложено до другого

* Чудо 31-е, л. 42 и сл.

времени.. Чрез несколько дней вот что случилось: крестьянка Анисья только что заснула, как к ней явились какие-то страшилища и не давали ей заснуть, она снова помешалась в уме, начала бесноваться и до самой полночи кричала и говорила разные нелепости. Но около полуночи она успокоилась, пришла в рассудок, заснула, и вот является ей та же благообразная, в синем одеянии, жена и говорит: «Если вы и после этого не исполните своего обещания, то ты будешь так мучиться до самой смерти». После этого обещание уже было исполнено, и описываемая женщина навсегда избавилась от своей страшной болезни*.

Дочь жителя Демьянского яма Дмитрия Леонтьева девица Антонина впала в такое расслабление, что сама собою не могла и со стороны на сторону переворотиться, да не могла и говорить ничего, и в таком положении оставалась 40 дней. Но в одну ночь во время тонкого сна является ей Божия Матерь со святителем Николаем Чудотворцем и говорит: «Хочешь ли ты избавиться от этой болезни? Обещайся сходить в Абалацкий погост и там молебствовать пред чудотворною моею иконою, и ты будешь здорова, как и прежде». Больная перепуталась, от страха проснулась, соскочила с постели, встала на ноги, разбудила родных своих и пересказала о бывшем ей видении. Быстро после этого названная девица начала поправляться, расслабленное тело ее укрепилось, говорить стала совершенно свободно, наконец прибыла она с отцом своим в Абалак и там исполнила повеленное ей от Божией Матери и обещанное ею самою**.

Пришел в Абалак с Поморья, из Пинеги, поселянин именем Филипп и рассказал о себе следующее: «Был я в горячке, день и ночь как бы в огне горел, и от того впал в безумие; родные мои как-то оплошали — ушли со двора, не спрятавши ни ножей, ни топоров; я схватил нож и им разрезал в двух местах себе живот. На счастье на этот раз пришли к нам в дом люди, вырвали у меня нож, меня связали и раны на животе зашили. Десять недель я был в таком положении, т.е. в горячке и без ума. Но однажды пришел я в рассудок, вспомнил о чудотворениях от Абалацкой иконы Божией Матери, о которых прежде мне рассказывали, и начал я молиться Пресвятой Богородице, чтобы она помогла мне

* Чудо 34-е, л. 46.
** Чудо 44-е, л. 52 и сл.

избавиться от болезни, обещался сходить в Абалак и там еще молиться. Благодарение Господу и его Пречистой Матери, — присовокупил он, — с тех пор я пришел в полный рассудок и скоро совершенно оправился от болезни, и вот теперь пришел сюда исполнить свое обещание»*.

В Томске у сына боярского Федора Пушкина осьмилетний сын Иван заболел страшною и вместе какою-то непонятною болезнью: на теле у него появлялось багровое, как бы от ожога, пятно, и то место начинало сильно болеть, наконец превращалось в гнойную рану; когда же рана та заживала, тогда багровое пятно появлялось на другом каком-нибудь месте; это также болело и обращалось в гнойную язву; когда же и оно подживало, то багровое пятно появлялось в третьем, четвертом, пятом месте, и, таким образом, у мальчика в пять лет все тело изболело и покрылось почти сплошь струпьями; у рук и ног все пальцы скорчило, и он весь лежал в расслаблении, не будучи в состоянии сам ни передвинуться с места на место, ни переворотиться со стороны на сторону. Отец и мать, много испытавши средств против болезни любимого сына и видя все оные нимало не действительными, наконец обратились с мольбами об исцелении сына к небесной Заступнице, призывали на помощь также святителя Николая и преподобную Марию Египетскую, причем давали обещание отправить сына в Абалак, чтобы поклониться находящейся там святыне и молебствовать пред нею. Немного прошло после того времени, как тринадцатилетний страдалец изволением Божиим, помощью Пресвятой Богородицы и молитвами святителя Николая и преподобной Марии, почувствовал облегчение в своих страданиях, струпья падали с тела, как чешуя, скорчившиеся персты у рук и ног стали разгибаться, расслабленные члены тела начали укрепляться; он стал владеть руками и ногами и начал бродить, впрочем, еще держась о стены, по комнате. Отец и мать крайне этому были рады, благодарили Бога, Божию Матерь и святых угодников Божиих и сына своего (Ивана) отправили со знакомыми им людьми в Тобольск, в Абалак, чтобы он там на месте пред чудотворною Абалацкою иконою исполнил их обещание. Далеко еще был он от Тобольска, только еще на половине пути, как окончательно выздоровел, стал ходить сам по себе без всякой посторонней поддержки и уже

* Чудо 45-е, л. 54.

пошел пешком; достигши святого места, в точности и с особенным усердием исполнил обещание родителей, молебствовал пред чудотворною иконою, лобызал ее, проливал пред нею слезы и затем возвратился домой в радости и веселии*.

Дочь вдовы, жительницы города Тобольска именем Пелагии, отроковица Анна сделалась больна глазами: на обоих глазах у нее образовались катаракты, попросту называемые бельма, и она не видела нисколько и без провожатого не могла и с места сойти; обыкновенно ее водили за руку. Много средств в пять лет болезни испытала мать для исцеления дочери, но они все оказались ничтожными. Наконец все эти средства были оставлены, и скорбящая мать обратилась с мольбами к Божией Матери, причем обещалась вести свою слепую малютку на Абалацкий погост и там молебствовать пред чудотворною иконою. И молитва ее была услышана: вскоре после того слепая девочка вдруг соскакивает с лавки, начинает сама собой, не запинаясь, ходить по избе, сейчас выбегает на двор и принимается по детскому обычаю за игрушки. «Бывшая на очию бельма, — продолжает списатель чудес от Абалацкой иконы Божией Матери, — яко шелие стапа и не помнозех убо днех со очию ея бельма отпадоша яко чешуя, и нача очию видети светло все, якоже и прежде»**.

Житель Тюмени именем Леонтий впал в расслабление, целый год не мог он ни с места приподняться, ни рукой или ногой двинуть, ни даже говорить. Но раз, лежа на постели и думая о своем горьком положении, он вспомнил о чудотворной Абалацкой святыне и дал обещание непременно ехать в Абалак и там молиться Божией Матери и угодникам Божиим — святителю Николаю и преподобной Марии об избавлении от тяжкого его недуга. И что же? В ту самую минуту, как подумал об этом, он вдруг начал говорить, как и прежде, и с той поры расслабленные члены его тела начали укрепляться, стал он ходить с костыле, а чрез немного времени и совершенно выздоровел, пришел в Абалак, молебствовал по обещанию Божией Матери, святителю Николаю и преподобной Марии и, славя Бога, возвратился в дом свой***.

У жителя Ирбити крестьянина Павла Поларуя попущением Божиим сильно заболела правая нога, ломота мало-помалу

* Чудо 48-е, л. 56–58.
** Чудо 49-е, л. 58.
*** Чудо 50-е, л. 59.

из правой ноги перешла и в левую, а затем обе ноги вместе с сиденьем отнялись у него до самого пояса, да и весь он впал в расслабление, так что сам собою не мог со стороны на сторону и переворотиться. В таком положении Павел Подаруй пробыл два с половиною года. Наконец пришла ему в ум благая мысль помолиться о своем исцелении Божией Матери, и он молился со слезами, обещаясь притом ехать в Абалак. Немного прошло после того времени, как расслабленное тело его начало укрепляться, и он сделался здоров, как и прежде; пришел в Абалак, молебствовал там, но отправился в обратный путь, не сообщивши никому о совершившейся над ним милости Божией. Полтора года после сего исцеленный крестьянин был совершенно здоров и благополучен. Но однажды односелец Павла, крестьянин же, пригласил его к себе на пирушку, там он, пивши, евши и веселившись с своими друзьями, вдруг как бы по побуждению сатанину встал с своего места и начал петь срамные песни, хлопать руками и подплясывать. Некоторым из гостей, помнившим о его страшной болезни и чудесном его исцелении, это крайне не понравилось, и они ему это высказали, а он, желая отшутиться, сказал: «Пресвятая Богородица исцелила меня, так отчего же мне и не поплясать?». Но едва он выговорил, как в ту же минуту почувствовал сильнейшую, жесточайшую прежней боль в ноге и от боли принужден был страшнейшим образом кричать, затем начал горько плакать и раскаиваться, как в своем молчании в Абалаке об исцелении, полученном чрез тамошнюю чудотворную икону Божией Матери, так и в пляске не вовремя, а в особенности в изрыгнутом им кощунстве. Но небесная Владычица милосердна: когда грешник покаялся в своих грехах и обратился к ней с новыми мольбами об исцелении, стал давать твердое обещание ехать снова в Абалак для молебствования там пред чудотворною ее иконою и вести себя примерно, почти тотчас же ломота в ноге прекратилась, и он (исцеленный) отправился в Абалацкий погост, там молебствовал и уже не молчал о двукратно явленном над ним милосердии Божией Матери*.

У служилого тобольского Конона Волкова был крайне болен (падучею болезнью, или тою, что в простонародье называется родимцем) годовой и единственный сын его Димитрий: сорок дней сряду случались с ним корчи, причем каждый раз

* Чудо 67-е, л. 73—76.

сначала он кричал, а потом от бессилия умолкал, делался бледен, как полотно, даже много раз казался мертвым. Однажды, когда припадки у младенца особенно были сильны, отец и мать, уже отчаиваясь в жизни сына, положили его в переднем углу избы, как говорят, под образа, покадили ладаном, зажгли свечки пред иконами и после горьких слез в скорби и сокрушении сердца обратились с мольбами к Господу Богу, Божией Матери, святителю Николаю и преподобной Марии: «Пресвятая Владычица Богородица, — говорили они, между прочим, — умилосердись над нами, умоли Сына своего и Бога нашего, Господа Иисуса Христа, да оставит Он нам это дитя при жизни нашей на утешение, а по смерти на поминовение, а мы, грешные рабы Твои, обещаемся и с сыном своим ходить каждое лето на Абалак, там молебствовать пред чудотворным Твоим образом и приносить канон, свечи и ладан». Дитя между тем в это время протянуло ножки и заснуло, а отец и мать, почетши его уже умершим и поплакавши, легли спать (так как уже наступила ночь) в тех мыслях, что к похоронам приготовят его уже утром. Утром, однако ж, нашли они дитя не только живым, но и совершенно здоровым. От радости отец благодарил в молитве Господа Бога, Его Пречистую Матерь и угодников Божиих — святителя Николая и преподобную Марию, а мать схватила дитя на руки, ласкала его, целовала и горько плакала слезами радости, а не печали. Вскоре за тем облагодетельствованные отправились в Абалацкий погост и там исполнили свое обещание, да и после во все годы и с сыном своим они то делали*.

Живший в селе Кыргинском переселенец из Устюга Великого именем Игнатий впал в тяжкий недуг: сначала отнялась у него только одна половина тела, а затем и во всем теле он стал чувствовать жар и слабость, руки и ноги сохли и не сгибались в суставах, и страдалец принужден был ползать на животе. В таком состоянии он пробыл год и 6 месяцев. Наконец, страдая день и ночь, он вошел сам в себя, вспомнил о чудесах, совершавшихся на Абалаке от иконы Знамения Божией Матери, и сам стал с верою и многими слезами молиться Пресвятой Богородице и угодникам — святителю Николаю и преподобной Марии об освобождении от страшного недуга и давать обещание молебствовать лично в Абалаке. Так молился и такие да-

* Чудо 85-е, л. 91 и сл.

вал обещания описываемый Игнатий много раз, и вот в один вечер, когда хозяева в доме, у которых он жил, зажегши огонь, сидели и занимались своими сельскими делами: кто пряжей, кто шитьем, кто другим чем — и когда он слегка заснул, он видит во сне, будто Божия Матерь со святителем Николаем и Марией Египетской подошла к его изголовью (Божия Матерь и преподобная Мария были на иконе, а святитель Николай стоял, как живой, и сиял неизъяснимою светлостью) и сказала: «Игнатий! Если хочешь получить исцеление, то иди на Абалацкий погост, помолись там и попроси отслужить молебен пред моим чудотворным образом, и ты освободишься от недуга своего». А он отвечал: «Готов, Пресвятая Госпоже Владычица Богородица, Твои повеления исполнить, но наперед дай мне здоровья, укрепи мое расслабленное тело». В это время св. Николай возложил на него руку, и затем как он, так Божия Матерь и преподобная Мария отошли, сделались невидимыми. Больной, испугавшись, проснулся, тотчас встал на ноги и без всякой посторонней поддержки пошел вон из избы. Сидевшие при огне хозяева крайне изумлялись виденному ими и, когда исцелевший Игнатий возвратился в комнату, начали расспрашивать о причине внезапного его выздоровления, то он по порядку и в подробности рассказал о бывшем ему видении и на следующий же день пешком отправился в Тобольск, а оттуда и в Абалак, там совершил пред чудотворною иконою Божией Матери с предстоящими святителем Николаем и Марией Египетской благодарственное молебное пение, поведал явленное над ним милосердие Божие и возвратился, славя Пресвятую Троицу — Отца, Сына и Св. Духа с ее угодниками*.

Пришелец из поморского села, а ныне города Пинеги, именем Андрей в продолжение 20 дней такую боль чувствовал в глазах, что день и ночь кричал и плакал. В таких страданиях он обратился с мольбами к Божией Матери, обещался отправиться для молебствования в Абалак и чрез немного дней действительно отправился туда; там по его просьбе служили молебен Божией Матери, святителю Николаю и преподобной Марии Египетской, и во время молебна, и именно при чтении Евангелия, боль в глазах совершенно прекратилась, как будто бы никогда и не бывало ее**.

---

* Чудо 86-е, л. 92–94.
** Чудо 93-е, л. 99.

Жителю города Тюмени, но из военных, Федору Кузьмину попущением Божиим приключилась страшная болезнь: 16 недель лежал он в горячке и весь ослабел так, что без посторонней помощи не в состоянии был и переворотиться с одной стороны на другую, оба бока у него гнили, в ранах завелись черви, руки и ноги сохли, словом, больной находился при смерти. Так тяжко страдая, раб Божий Феодор обращался с молитвами об исцелении к святому Николаю, что в Нарымском*, также к Зосиме и Савватию, соловецким чудотворцам, но по грехам своим многим, как после он сам говорил, не получил чрез них желаемого. Наконец больной вспомнил об исцелениях от разных болезней всех, с верою прибегающих к Божией Матери пред чудотворною Ее иконою, что в Абалацком погосте, и начал с великим усердием и многими слезами молиться небесной Владычице о помиловании его, причем в случае исцеления давал твердое обещание лично отправиться в Абалак и там молебствовать. Благодатию всемогущего Бога и неизреченною милостью Пресвятой Богородицы болезнь Феодора Кузьмина вскоре совершенно миновала, так что он тогда же был в состоянии пеший отправиться из Тюмени в Абалак для исполнения своего обещания**.

Ботобоязненная жительница Тобольска по имени Анна целый год одержима была страшным недугом: по видимому без всякой причины начинала она икать, затем кричала разными голосами — и человеческими, и птичьими, и скотскими, потом кусала себе руки, била себя в лицо, драла на себе волосы и рвала у себя платье; причем такая в ней открывалась сила, что двое и трое здоровых мужчин не могли удержать ее. Но у нее и другая была беда: на нее при бешенстве нападал злой дух, повергал ее на землю, она билась, испускала пену и делалась на долгое время безгласною, как бы мертвою. Поэтому она боялась ходить и в храм Божий, особенно на литургию, потому что за этим богослужением, во время чтения Евангелия, у нее обыкновенно начиналась икота, затем следовали крик разными голосами, неистовство над собой и вообще все, о чем сказано выше. По обычаю многих простолюдинов, а

* Тут разумеется село *Ныробское* Пермской губернии Чердынского уезда при р. Колве. Оно известно явленною иконою свят. Николая, находящеюся в его церкви, и тем еще, что в нем Бор. Годуновым заточен был и умер боярин Михаил Ник. Романов. Слов. Шекатова и Томские Губ. Вед. 1858 г. №№ 14 и 15.

** Чудо 88-е, л. 95 и 96.

9 Заказ 2481

иногда и не простолюдинов, она сначала обращалась к лекаркам, к знахарям и знахаркам, но, не видя никакой от них пользы, наконец обратилась с мольбами об избавлении от обдержавших ее бед к небесной Заступнице, причем обещалась идти в Абалак и молебствовать там пред чудотворною Ее иконою. И молитва веры не осталась тщетною: страждущая вскоре получила исцеление от недуга, а также и свободу от влияния на нее злого духа. Почувствовавши это, она стала ходить в церковь, и с ней даже во время литургии не было уже ни икоты, ни неистовства над собою, ни падения с течением изо рта пены, словом, ничего прежнего; вскоре затем, согласно обещанию, она ходила в Абалак на богомолье*.

У служилого, жившего в городе Тюмени, по имени Ивана, появилась опухоль на всем теле, а особенно на животе; усиливаясь в продолжение 40 дней, она наконец сделалась так велика, что служилый слег в постель и уже не чаял себе жизни. Но у него и не одна эта была беда: жена его Ирина уже полгода была больна глазами, так что нисколько не могла на свет смотреть, да глазами же и уже давно болел и трехлетний сын их Мартиниан: от сильной опухоли глаз он ничего не видел и, когда плакал, то вместо слез из глаз его текла кровь. В одну ночь во время легкого сна жене этого страдальца явилась как бы стоящая у ее изголовья Божия Матерь с Николаем Чудотворцем и преподобною Марией Египетской и сказала ей: «Ирина! Вы все трое так страдаете, и ужели не знаете, как освободиться от своих страданий? Обещайтесь отправиться на Абалацкий погост и там молебствовать пред моею пречистою иконою, и вы избавитесь от своих недугов». Но женщина отвечала ей: «Госпожа Владычица и Богородица! Мы все готовы прибегнуть к Тебе и исполнить Твои повеления, но по болезням своим не можем. Дай нам от них исцеление». Затем от ужаса она проснулась и тотчас же, как она, так и муж ее, а равно и сын их получили исцеление: муж сам собою встал с постели, начал свободно ходить по комнате, а она и сын прозрели, не чувствовали никакой боли в глазах. Спустя немного времени исцеленные отправились в путь, прибыли в Тобольск, а оттуда в Абалак и там исполнили повеленное им в сновидении; от полноты благодарных сердец своих благодарили свою

* Чудо 97-е, л. 102–103.

небесную Благодетельницу и молебным пением, и слезами, и поклонением*.

Крестьянка Демьянского яма (что ныне Демьянское село) именем Анна, лишившись от глазной болезни зрения, стала с верой и многими слезами молиться Божией Матери о избавлении от слепоты, обещаясь при этом отправиться в Абалак и там молебствовать пред чудотворною иконою. Спустя немного времени после этого, ночью во время тонкого сна явилась ослепшей крестьянке какая-то благообразная в белых одеждах жена и, вставши в изголовье, начала утирать своею одеждою больные ее глаза и при этом говорила: «Анна, сдержи непременно свое обещание, какое ты дала Пресвятой Богородице — петь молебен на Абалацком погосте, и имей твердую надежду: Госпожа Владычица Богородица подаст твоим очам исцеление». От ужаса больная проснулась и долго удивлялась видению, что ей обещается такое благодеяние. Благодеяние это вскоре ей и было ниспослано: она начала видеть, как и прежде до болезни, а начавши видеть, отправилась в Абалак, чтобы там исполнить обещанное ею и вместе завещанное ей свыше**.

Живший в Тобольске прицелец из Устюга Великого по имени Максим страдал в продолжение 40 дней головной болью и затем оглох до того, что не слышал ни голоса человеческого, ни даже колокольного звона. Раз он, бывши в таком положении, пришел в Абалак и был там в церкви Преображения Господня***. Когда кончилось богослужение, он пошел было домой, но ему вдруг приходит на мысль идти в церковь Знамения Пресвятой Богородицы и помолиться там об избавлении от постигшего его несчастья; идет туда, встает в преддверии храма и, смотря оттуда на чудотворную икону Божией Матери, молится с пламенным усердием и многими слезами. Во время этой горячей молитвы вдруг нападает на него величайший ужас, он чувствует, что уши его (как после выражался сам исцеленный) как будто бы отходят от мороза, и вдруг он начинает слышать точно так же, как и прежде слышал****.

* Чудо 101-е, л. 107 и сл.
** Чудо 103-е, л. 110.
*** В Абалаке церковь Преображения Господня, построенная еще прежде построения там церкви в честь иконы Знамения Божией Матери, сгорела от молнии 31 мая 1680 года и после того уже не была восстановлена (Древн. Вивл. ч. 3, стр. 237).
**** Чудо 104-е, л. 111.

В начале июня 1672 года тяжко заболел единственный шестилетний сын благочестивого и нищелюбивого тобольского воеводы боярина князя Ивана Борисовича Репнина, бывший еще в отрочестве, именем Ианикита, в 1742 году генерал-фельдмаршал; много дней он не ел, не пил и решительно никаких не принимал лекарств; его приобщили и маслом пособоровали, но облегчения в болезни не было, и больной был уже при смерти. Наконец опечаленный родитель и с еще более опечаленною родительницею в этих горестных для них обстоятельствах вспомнили о чудотворениях, какие совершаются от Абалацкой иконы Божией Матери для всех прибегающих к ней с верою и упованием, и князь обратился к управляющему в то время сибирскою паствою митрополиту Корнилию с просьбою — приказать освященному собору принести из Абалака чудотворную икону Богоматери. Преосвященный, уважая в просившем и звание, и скорбь, и благотворительность бедным, а особенно веру его, послал (хотя это было и не в обычное время) освященный собор в Абалак, и святыня 23 июня по надлежащем сретении была принесена прямо в Богоявленскую церковь, где ради храмового в то число праздника (в честь Владимирской иконы Божией Матери) совершал литургию сам митрополит, а вечером препровождена в дом князя Репнина; там пели пред ней молебен, служили всенощную, а князь с княгинею, да и весь их дом молились со слезами и коленопреклонениями целую ночь. На следующее утро святыня принесена была в кафедральный Софийский собор, где и пробыла она две недели. Что же касается до больного молодого князя, то он почувствовал облегчение в болезни тотчас по приносе иконы Божией Матери в дом и по приложении его к ней, в продолжение двух недель так поправился, что 8 июля лично, притом пеший, участвовал в крестном ходе, совершавшемся из собора сначала по верхней части города, а потом по нижней, в Знаменский монастырь*. Но, к большей и новой славе святыни, в этот же день (8 число), лишь только икону Божией Матери после литургии в Знаменском монастыре проводили обратно в Абалак, князь-отрок Ианикита начал скучать и тосковать, и впал в прежнюю болезнь, и на все вопросы о причине его тоски и болезни отвечал, что он тоскует по святом и много-

* Об установлении крестного хода 8 июля из собора в Знаменский монастырь будет ниже.

чудесном образе. Это снова крайне опечалило родителей больного, но с тем вместе и снова возродило в них упование на помощь Божией Матери, и вот княгиня с больным своим сыном отправляется на лодке по Иртышу в Абалак ко дню явления Божией Матери вдовице Марии, который в то время еще был празднуем в Абалаке; там стоят литургию, молебствуют Божией Матери, прикладываются к чудотворной иконе, и больной получает совершенное исцеление*

В феврале следующего 1673 года дочь дьяка (главного секретаря) тобольского воеводы Ивана Горохова отроковица Анна заболела горячкою и уже несколько дней оставалась совершенно без чувств. 19 числа по просьбе опечаленного родителя икона Божией Матери, несмотря на зимнее время, принесена была в Тобольский собор, а оттуда и в дом Горохова, при чем соборяне принесли для напутствования больной святые дары и все нужное для елеосвящении. И что же? Больная, бывшая уже несколько дней при смерти и в беспамятстве, вдруг сама собой встает с постели и принимает святые дары, а вслед за тем и соборуется в полной памяти. Когда же начали затем служить пред чудотворною иконою Божией Матери молебен, то она такое почувствовала облегчение болезни и так скоро стала поправляться в здоровье, что на третий день после того была в состоянии прийти вместе с родителями в Софийский собор и там слушать молебствие пред чудотворною иконою Вседержителя Спаса**.

17 июня 1668 года прибыл в Абалак житель и посадник города Ярославля по имени Иоаким, служил там молебен пред чудотворною иконою Божией Матери и вот что рассказал о себе священно- и церковнослужителям абалацким: «Грех моих ради впал я в Ярославле в тяжкую и нестерпимую болезнь; болезнь моя, сначала внутренняя, мало-помалу вышла и наружу, и на теле у меня открылось множество ран, и я страдал так более двух лет; все имение мое было издержано на лекарей и лекарства, но облегчения болезни не было никакого; наконец я услышал от некоторых жителей Сибири, приезжавших в Моск-

* Там же, чудо 107-е, л. 130–137. От кн. Ремина в Тобольске доселе сохраняются: а) в ризнице кафедрального собора архиерейская митра, б) а в домовой архиерейской церкви — напрестольный крест, первоначально пожертвованный в Тобольский Вознесенский, впрочем, давно уже не существующий, собор (Опис. Тоб. собора, стр. 21–60)*.

** Там же, чудо 108-е, л. 137–139. О чудотворной иконе Вседержителя Спаса будет ниже.

ву, о чудесах, совершающихся чрез Абалацкую икону Божией Матери, дивился им (чудесам) и по отъезде этих людей дал обещание отправиться в Тобольск, а отсюда и в Абалак и молебствовать там о своем исцелении пред иконою Божией Матери. Вскоре после того я заснул, но сном самым легким, и в этом сне явилась мне Божия Матерь с угодником Божиим Николаем и сказала: «Исполни свое обещание, иди в Сибирь, в город Тобольск, в село Абалак, молебствуй там пред моим пречистым образом, и ты тотчас получишь исцеление от своего недуга». Я впал в ужас, однако сказал: «Готов я, окаянный, прибегнуть к тебе, Госпожа и Владычица, и повеления твои, какие заповедуешь, исполнить, но дай мне, грешному, исцеление от сего недуга». Но тут от страха я проснулся, вскочил с постели и начал ходить по комнате, как будто и болен не бывал. Спустя немного дней по совершении надо мною такого знамения я отправился в дорогу, и вот при помощи Божией я пешком совершил дальний до вас, отцы, путь в здравии и благополучии»*.

Жена тобольского служилого по имени Евдокия полтора года страдала ломотою в голове. Слыша о чудесах, совершавшихся от Абалацкой иконы Божией Матери, она и муж ее дали обещание идти в Абалак и служить там молебен Божией Матери, и вскоре (7 марта 1669 года) это свое обещание исполнили — пришли в Абалак, молебствовали там, и по их молитве было: больная во время самого молебствия навсегда избавилась от своей болезни**.

После князя Репнина прибыл в Тобольск воеводой боярин Петр Михайлович Салтыков. Жена его, боярыня Елена Васильевна, заболевшая еще в 1672 году в Москве и не могшая и там получить помощи ни от каких лекарей, в Тобольске так расстроилась в здоровье, что была близ смерти и уже два раза соборовалась. Но вот 8 числа июля 1675 года по установлению тогда еще управлявшего Тобольской епархией митрополита Корнилия*** приносят из Абалака в Тобольский собор чудотворную икону Божией Матери; спустя три дня после того боярин и воевода Салтыков и с своей больной боярыней приходят в Софийский собор**** и просят отслужить молебен Божией Матери. По возвращении домой рождается у больной мысль напи-

* Там же, чудо 111-е, л. 140–142.
** Там же, чудо 112-е, л. 142.
*** Об этом установлении несколько ниже будет особая статья.
**** Воеводский дом в Тобольске был очень близко от собора, там, где теперь губернские присутственные места.

сать для дома образ, совершенно сходный и мерой, и красками, и всем, с чудотворным образом, усильно просит о том мужа, тот охотно соглашается и с благословения Преосвященного Корнилия заказывает таковой (лучшему в то время в Тобольске) живописцу Знаменского монастыря Мирону Кириллову. Чрез три недели, а именно 3 августа, живописец Кириллов приносит написанную, но еще не совсем отделанную икону Божией Матери в дом воеводы, чтобы только показать и, если будет угодно заказавшим, выслушать их замечания; больная, увидевши разительное сходство этой новонаписанной с подлинною чудотворною иконою, пала пред ней и с горькими слезами просила у Божией Матери исцеления себе от терзавшей ее болезни и по вере своей тотчас же получила облегчение; когда же 8 августа боярин Салтыков с нового благословения митрополита Корнилия в сопровождении духовенства и при пении священных песней принес уже совершенно оконченную отделкою икону к себе в дом и когда там начали служить пред ней молебен, тогда больная и совершенно исцелена от болезни*.

Последнее из записанных 130 чудес, совершившихся чрез Абалацкую икону Божией Матери, есть следующее: в 1815 году в городе Ирбити у мещанина Гаврилы Колмакова заболела на втором году от рождения единственная дочь по имени Мария и несколько дней была уже полумертвая. Отец и мать, желая сохранить дитя и не видя никаких естественных к тому способов, обратились с молитвами к Божией Матери, приехали в Абалацкий монастырь, там молебствовали пред чудотворною Ее иконою, и во время самого молебствия их полумертвый младенец вдруг как бы ожил, как бы воскрес**.

Празднество и служба в честь Абалацкой иконы Божией Матери

Особого в году празднества***, равно как и особенной службы в честь Абалацкой иконы Божией Матери, не положено, и празднуют 27 ноября в день Знамения Пресвятыя Богородицы

* Там же, чудо 120-е, л. 148–153. Боярин П.М. Салтыков описание этого чуда подал митрополиту Корнилию, а сей внес его, и весьма толково, в книгу чудотворений от Абалацкой иконы Божией с присовокуплением к нему при том молитвы своего сочинения в том же духе, в каком написан Акафист Божией Матери.

** Там же, № 160.

*** В XVII столетии в Абалаке в честь чудотворной иконы праздновали и день явления Божией Матери с Николаем Чудотворцем и препо-

и во все те дни, в которые она *поднимается* (местное монастырское слово) из Абалацкого монастыря, проносится чрез село Преображенское и Ивановский монастырь и приносится в Тобольск, а также и в те, в которые она обратно уносится из Тобольска и *поставляется на место* (также местное выражение), и празднуют всегда по службе, положенной на день Знамения Божией Матери, даже тропарь при молебствиях и во время богослужения в честь Абалацкой иконы всегда поют тот же, что и Знамению: *Яко необоримую стену и источник*... иногда без всякой перемены, но чаще с переменою слов: *мир граду Твоему даруй*, на слова: *молящимся Тебе, даруй*, или: *мир обители Твоей, мир веси Твоей даруй*. Несмотря на то, Абалацкая икона Божией Матери служит предметом особенного благоговения не только в Сибири, но и в России, разумеется, преимущественно с соседней с Сибирью; поклониться ей, молебствовать пред нею приходят и приезжают издалека... Стечение народа бывает особенно велико в Абалаке в июне и начале июля (до 6 числа), пред тем, как икону уносят в Тобольск, а в Тобольске — в среднем две с половиною недели месяца июля, в то время, как она находится там.

Крестный ход с Абалацкою иконою Божией Матери в Тобольск с обстоятельствами учреждения его — прекращением страшного ненастья в Тобольске и исцелением Тобольского митрополита Корнилия

Приносить икону Божией Матери из Абалака в Тобольск каждогодно на средние две с половиною недели месяца июля установлено назад тому 198 лет. Случай к тому был следующий: летом 1665 года в Тобольске и во всех его окрестностях беспрерывно шел проливной дождь; хлеб, овощи и трава гибли, все топило водой, и народ приходил в отчаяние. В несчастии обратились к Божией помощи: тогдашний То-

добной Марией Египетской — вдовице Марии, по всей вероятности, 10 июля, так как в это число было первое явление: «И посла боярин князь (Репнин), — говорится в книге о чудесах от Абалацкой иконы Божией Матери, — княгиню свою и с болящим сыном своим (Иоаникитою, об исцелении которого было говорено выше) ко Пресвятой Богородице на Абалак паки помолиться о здравии сына своего рекою, дощаником, *на праздник явления ея*... сгдаже достигоша, — говорится далее, — до всечестнаго храма Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы... *праздновашо по обычаю*» и пр., л. 136. Но это празднование в Абалаке давно уже оставлено, конечно, потому, что чудотворной иконы в то время там не бывает: тогда она находится, как увидим вскоре, в Тобольске.

больский архиепископ Корнилий послал освященный собор* в село Абалацкое за чудотворною иконою Божией Матери. Икона и была с подобающей святыне честью 7 числа июля вынесена из Абалака, а утром 8-го принесена в Тобольск. Преосвященный в полном облачении со всем градским духовенством в сопровождении градоначальников и множества народа с иконами, крестами и хоругвями вышел для сретения ее за Воскресенские ворота на поле, и когда несшие ее приблизились и остановились, он сказал: «О Владычице мира, умилосердися над градом сим и людьми, согрешившими Тебе, и умоли Сына Твоего и Бога нашего да избавит нас ныне от гнева Своего праведного», пал на землю, молился со слезами, облобызал святую икону и, начавши молебен, пошел с нею в собор, а по прибытии туда и по окончании молебна начал служить литургию. Служба еще не окончилась, как, к удивлению и радости всех, мгла рассеялась, дождь прекратился, облака исчезли, и сделалось вёдро. В память сего благодетельного события и для всегдашнего благодарения Господа Бога и Его Пречистой Матери преосвященный Корнилий установил: чудотворную икону Божией Матери приносить из Абалака в Тобольск каждогодно ко дню великомученика Прокопия, т.е. к 8 июля, и стоять ей там, в соборе, до 20 того же месяца, до праздника пророка Божия Илии**.

Чрез три года после сего, а именно в 1668 году, архиепископ Корнилий был вызван в Москву для производства в митрополита. По возвращении из Москвы он услышал от недобрых людей, будто в его отсутствие протоиерей, да и прочие соборяне встречали Абалацкую икону Божией Матери без надлежащего благоговения и в то время, как она стояла в соборе, будто бы производили разного рода бесчинства. Преосвященный прогневался на них, почему в следующем году ключаря соборного, когда сей при наступлении времени приноса иконы из Абалака пришел принять благословение на то, подверг наказанию, укорив наперед за прошлогодние беспорядки, а икону приносить запретил. Таким образом, приноса иконы Божией Матери в Тобольск в 1669 году и не было. Но донос на соборян был ложный, и преосвященный поверил клевете без исследования дела. Потому его постиг гнев Божий: он под-

* То есть духовенство с крестами и хоругвями.
** Ныне это несколько иначе, но это объяснится ниже.

вергся тяжкой болезни, которая продолжалась целые пять месяцев. Как и в 1670 году, митрополит Корнилий, все во гневе на прежнее, не хотел возобновить своего постановления касательно приноса в Тобольск Абалацкой иконы, несмотря на то, что 8 июля уже приближалось, то его вторично постигла болезнь, и жесточайшая прежней: у него опухли ноги так, что ни протянуть их, ни с места сдвинуть он сам собою не мог, и замечательно — чем ближе было ко времени приноса иконы, тем сильнее делалась болезнь. Преосвященный призывал врачей, но тщетно. Наконец, уже в сентябре месяце он понял причину страданий: сделанное им запрещение, притом вопреки собственного своего постановления и единственно по клевете на невинных, приносить в Тобольск из Абалака чудотворную икону Божией Матери. Почему, проливая слезы о своем согрешении, он немедленно послал за чудотворным образом в Абалак освященный собор и по приносе в город (что было 25 сентября, в день воскресный) велел по-прежнему поставить его в соборе и служить литургию. По окончании служения владыка приказал принести святую икону к себе в келью и, когда начался звон к выносу из собора, велел прислуге вывести себя в приемную комнату и поставить подле окна, дабы видеть, как понесут Владычицу. Что же? Едва он увидел (из окна) лик Пречистой, как почувствовал облегчение своей болезни, когда же икона была внесена в самые кельи митрополичьи, больному стало так легко, что он без помощи других сам собою мог и стоять в продолжение молебна, который служили у него во внутренних комнатах, и проводить икону до того места, где принял. Этого мало: на следующий день преосвященный был даже в состоянии идти в собор, там облачиться, служить благодарственный Господу Богу и Божией Матери за ниспослание небесной помощи молебен и, по разоблачении, стоять литургию.

Чудотворная икона в этот раз стояла в Тобольском соборе десять дней. 4 октября митрополит Корнилий при собрании всего градского духовенства, градоначальников и множества народа служил в соборе пред иконою Божией Матери молебен, и когда по 9-й песне, при пении стиха: *Владычице, прими молитвы раб Твоих*, святыню с крестами, иконами, хоругвями, свечами, каждением и при колокольном звоне понесли обратно, святитель пошел вслед ее, но у северных ворот архиерейского дома остановились, окон-

чили молебен, пропели похвалу Божией Матери, и преосвященный, воздавши подобающее святыне поклонение и облобызавши ее, возвратился в дом, а духовенство, чиновники и народ проводили ее чрез Прямские ворота и чрез овраг, образуемый речкой Курдюмкой, на гору, до того места, где она 25 сентября была встречена. На этом месте по приказанию преосвященного Корнилия был поставлен крест с изображением: на одной стороне — Распятого*, а на другой — иконы Знамения Божией Матери с предстоящими, и по времени над крестом была устроена и часовня. Кроме того, преосвященный Корнилий приказал тогда же описать совершившееся над ним чудо и навсегда возобновить сделанное им в 1665 году постановление приносить чудотворную икону Божией Матери к 8 июля из Абалака в

* От креста и от поклонения Абалацкой иконе Божией Матери при ее встрече и проводах жителями Тобольска гора та прежде называлась крестопоклонною. Но которая именно эта гора из окружающих Тобольск? По неимению в настоящее время в окрестностях Тобольска помянутых креста** и часовни определить это не совсем легко. Только на основании слов описывавшего встречу и провожные Абалацкой иконы Божией Матери 25 сентября и 4 октября 1670 года: «Посланнии (встретить икону) изыдоша вне града *Прямскими вроты* (где ныне Нижольский взвоз) *за великий врат, за речку Курдюмку* на поле и встретиша образ Пресвятой Богородицы на поли, идеже ныне крест стоит»; и далее: «и прошдоша вышереченная градская врата и великий враг, и изыдоша на Крестопоклонную гору, и примдоша на место, идеже ныне крест стоит, туже и сретоша, и начеше молебен и пр.» (Рукоп. Абал. монастыря, л. 122—128) — можно заключать, что это *Попов бугор*. Но для встречи иконы Божией Матери 8 июля 1665 года, по словам того же писателя, иным другим путем, хотя, как кажется, к тому же месту: «И пойде архиепископ со всем освященным собором... на встретение святого образа Божией Матери за град, *за Воскресенские вроты*, и егда изыдоша вне града на поле... встретиша тот чудотворный образ... на поле, идеже ныне крест стоит». (Там же, л. 115). Подобное говорится о встрече и проводах чудотворной иконы и в 1672 году: «И стретоша архиерей и князь со священ. собором и со всенародным множеством, якоже бе обычай за градом, за Воскресенскими враты ...; и проводоша честно со псалмы и пением до нареченнаго места, на *Крестопоклонную гору*, идеже часовня стоит, якоже обычай бе». (Там же, л. 132 и 135). Часовня была выстроена и близ Абалака, верстах в двух от него по пути в Тобольск, на том месте, до которого провожали икону Божией Матери со крестами при возвращении в Абалак. (Там же, л. 114). Это, по всей вероятности, при спуске в первый от Абалака дол. В настоящее время не существует ни той, ни другой часовни. Зато на половине дороги между Тобольском и Абалаком при урочище, называемом *Плоское* есть иная часовня, при которой и во время несения абалацкой святыни в Тобольск, и во время возвращения ее из Тобольска, обыкновенно останавливаются для молебствия и для отдыха.

** Крест есть, но это на новой дороге, за губернаторской рощей, близ деревни Анисимовой, и не на горе.

Тобольск, а 20-го того же месяца возвращать в место постоянного ее пребывания*.

Вначале это так и было: 7-го числа июля после литургии *поднимали* (местное слово) икону Божией Матери из Абалака, к вечеру приносили в Ивановский Межугорский монастырь, утром 8-го числа из Ивановска приносили к литургии в Тобольск, после литургии ходили (нося и чудотворную икону) крестным ходом по городу, заходили, между прочим, в Казанскую церковь Знаменского монастыря рали праздника в тот день в честь Казанской иконы Божией Матери и там служили молебен** пред чудотворной, местночтимой иконой Божией Матери сего же имени, а 20-го числа, в праздник пророка Божия Илии, после литургии, Владычину торжественно провожали из Тобольска в Абалак***. Но с течением времени, впрочем, никак не ранее последней четверти прошедшего столетия****, это несколько изменилось: *поднимать* икону Божией Матери из Абалака стали уже днем ранее, а именно 6 июля, после литургии, всегда совершаемой при многочисленном стечении молельщиков из Тобольска и других мест; вечер 6-го числа и утро 7-го, до литургии включительно, она начала *стоять* (местное же выражение) в церкви Преображенского села, отстоящего от Абалака по дороге в Тобольск в четырех верстах; вечер 7-го числа и утро 8-го, до ранней литургии, находилась она частью в пути, а более в помянутом выше Ивановском Межугорском монастыре (в девяти верстах от Тобольска); к поздней литургии 8-го числа

* См. рукоп. описание чудес от Абалацкой иконы Божией Матери, чудо 105-е и 106-е, л. 112–129.

** О причине этого будет несколько ниже.

*** По этой-то, без сомнения, причине в *Описании явлений чудотворных икон Пресвятой Богородицы*, напечатанном при *Памятнике веры* (М. 1843 г.) на стр. 16 и 19, а отсюда и в *Житии Пресвятой Богородицы* (по не Авдотьи Глинки) С.П.б. 1860 г. на стр. 294 под 7 и 20 числами июля означены празднества в «честь чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы Абалацкия»*****. Но эта такая уже старина, о которой в Тобольске и Абалаке совсем и не помнят, а потому о ней, как будто бы и доселе существующей, печатать в настоящее время, кажется, не [illegible] бы, даже совестно бы.

**** Так говорю на основании краткого тобольского летописца, имеющегося у тобольского частного пристава Ал. Дм. Иноземцева, писанного дьяконом тобольским Щетинным, который был современник преосвященного Варлаама (1769–1802), а там замечено, что Абалацкая икона Божией Матери оставалась в Тобольске только до 21 июля.

***** Подобные ошибки и, разумеется, на основании того же Памятника веры, допущены в *Изображении икон Пресвятой Богородицы... с краткими о них сказаниями* (М. 1848 года) на стр. 16 и 19.

она, как и прежде, приносилась в Тобольск в кафедральный Софийской собор, а после литургии, всегда совершаемой особенно торжественно самими преосвященными тобольскими, препровождалась в крестном ходе при множестве богомольцев и колокольном звоне на всех городских колокольнях в Тобольский Знаменский монастырь*, где и находилась сутки; 9-го числа после литургии Богоматерь возвращалась в собор и там оставалась до полудня уже не 20-го, а 23-го числа. Все это время только 20-е число находилась она в Богородице-Рождественской церкви ради существующего в ней придела во имя пророка Божия Илии и по старому обычаю — тут был некогда (женский) монастырь. Вечер 23-го и утро следующего числа чудотворная икона бывала в обратном пути, более же в Ивановском монастыре, а вечер 24-го и утро 25-го — в селе Преображенском; наконец к поздней литургии 25-го числа она *поставлялась на место*. Все это так бывает и в настоящее время, исключая того, что, во-первых, с некоторого времени (не далее, как с сороковых годов, например, с 1843-го) чудотворную икону Бо-

* Крестный ход из собора в Знаменский монастырь установлен в 1661 г. по следующему случаю. В июне и начале июля того года в Тобольске и его окрестностях стояло страшное ненастье (шли проливные дожди, реки снова выступили из берегов, хлеб и трава гибли), был с тем вместе холод, и от них появились болезни на людей и скот; святитель Иоанн Златоустый несколько раз являлся благочестивому послушнику монастырскому Иоанникию и повелевал объявить начальству духовному и гражданскому, и всему народу, чтобы взяли икону Казанской Божией Матери из каждой одной из монастырских церквей, стоящую там на полке ликом к стене, молебствовали бы пред нею об избавлении от постигших народ бедствий, и когда бедствия минуют, построили бы в три дня в монастыре церковь в честь Казанской иконы Божией Матери, а затем навсегда учредили бы 8 июля крестный ход из собора в Знаменский монастырь. Повеление святителя, наконец, было исполнено: помянутая икона извлечена из забвения, пред ней 8 июля всенародно молились, бедствия тотчас миновали, в монастыре построена Казанская церковь и учрежден крестный ход. Ход этот сначала совершали из собора в монастырь 8 июля утром, а потом, когда с 1665 года стали в это число приносить в Тобольск чудотворную икону Абалацкой Божией Матери, тогда по необходимости стали совершать его уже после литургии, притом уже вместе и с абалацкою святынею. Другое замечание: первоначально со крестами, хоругвями и Абалацкою чудотворною иконою из собора входили прямо в Казанскую монастырскую церковь и там совершали торжественно богослужение, но после, когда была выстроена в монастыре церковь Преображения, гораздо обширнейшая Казанской, стали совершать крестный ход уже в эту новую, т.е. Преображенскую церковь (рукоп. Сиб. летописи, хранящаяся в Тобол. семинар. библ. под годом 1661-м, и рукоп. о чудесах от Абалацкой иконы Божией Матери, хранящаяся в Абалацком монастыре, чудо 107-е, л. 134 и 135).

жией Матери начали из Софийского собора по просьбе жителей, жаждуших особенного освящения своих жилиш чрез присутствие в них святыни, носить по домам (чего прежде не бывало, кроме разве редких случаев), что, во-вторых, в последние годы Владычицу 20-го числа из Богородице-Рождественской церкви после литургии (прежде оставляли ее там или до вечера того дня, или даже до утра следующего, и когда уносили, то уносили в собор) относят в домовую архиерейскую церковь, где она и остается до окончания ранней литургии следующего числа, и что, в-третьих, 23 числа июля ныне (всего каких-нибудь лет десять) Владычицу не уносят из Тобольска: в это число ее только переносят из собора в загородную, недавно построенную (начата постройкою в 1845 году) архиерейскую церковь. Оттуда ее уносят 24 числа июля. Таким образом, ныне после остановок на ночь и до литургии в Ивановском монастыре и в селе Преображенском поставляется Абалацкая святыня на место только 26 числа. Заметим здесь еще, что с 6 числа июля, т.е. со дня поднятия Владычицы из Абалака, и по 26-го число, т.е. по день приноса ее обратно в Тобольск, в указанные дни в Ивановске и Преображенском постоянно как бы праздники: служба Божия в соборе и везде, где только находится небесная Гостья в своем чудотворном лике, совершается торжественнее обыкновенного, народу бывает во время ее множество, люди бывают в каком-то особенном религиозном настроении и пр. Но особенно к праздничным дням Абалацкой обители — города Тобольска и их окрестностей — в честь Абалацкой иконы Божией Матери надобно отнести числа 6, 7, 8, 9, 20, 23, 24, 25 и 26 июля.

Копии с Абалацкой иконы Божией Матери

С Абалацкой иконы Божией Матери множество списков во всей Сибири, а частью и в России, как в домах у лиц частных, так и в храмах Божиих. Некоторые из этих списков и сами уже прославились чудотворениями и чтутся местными и окрестными жителями с особенным усердием; и они в определенные времена для совершения молебствия пред ними носятся в ближайшие города и селения подобно тому, как подлинная Абалацкая икона Богоматери носится в Тобольск. Таковы именно списки (с Абалацкой иконы) семипалатинский, находящийся в соборе Семипалатинском,

и боровской, который находится в церкви села Борового, что близ (в 16 верстах) города Ишима. Сюда же отчасти может быть отнесен и список курганский.

Семипалатинская копия с Абалацкой иконы Божией Матери

О том, как написан семипалатинский список с Абалацкой иконы Божией Матери и как он явился в Семипалатинском соборе, одна старинная рукописная книжица, имеющаяся в Абалацком монастыре и в Семипалатинске, сообщает следующие замечательные сведения: чудотворную Абалацкую икону Божией Матери в первые годы по написании ее дозволялось носить не только в Тобольск, но и в Тюмень, Верхотурье, Туринск и другие отдаленные места, как для совершения пред нею по просьбе усердствующих молебствия, так и для сборов на поддержание и украшение Абалацкой церкви*. Но от этого нередко случалось, что приходившие и приезжавшие в Абалак иногда и издалека для поклонения святыне там ее не находили и возвращались домой не в душевном покое и веселье, а, напротив, и в огорчении, и с ропотом. Для отвращения сего неудобства на будущее время заказывали уже известному нам иконописцу протодьякону Тобольского кафедрального собора Матфею снять с писанной им чудотворной Абалацкой иконы копию меньшей величины, но одинаковых с нею красок и с теми же особенностями против Новгородской иконы Знамения Божией Матери. Когда же копия была снята, то ее и стали отпускать из Абалака в отдаленные места, а подлинная чудотворная икона уже постоянно оставалась на месте.

В царствование Петра Великого, именно 20 мая 1720 года, командированный из Петербурга генерал-майор Лихарев с воинскою командою (440 человек), с артиллерийскими орудиями и разными запасами на 34-х дощаниках и лодках отпра-

* В старинной рукописи «*Книге о чудесах Абалацкой Божией Матери*», имеющейся в Абалацком монастыре, неоднократно об этом упоминается. (И как просто, чтобы не сказать небрежно, это делалось: св. икона была отпускаема с одним каким-нибудь сборщиком, и он ходил с нею из дома в дом в городах, селах и деревнях. Если кто хотел отслужить пред чудотворною иконою молебен, то обыкновенно приглашали для этого местных священно- и церковнослужителей. См. в помянутой книге между прочим л. 20 и 21 и в этом сочинении в статье «Чудеса от Абалацкой иконы Божией Матери» первое чудо, и именно об исцелении верхотурского чиновника Андрея Перхурова).

вился из Тобольска вверх по Иртышу до озера Норд-Зайсана и далее для построения Усть-Каменогорской крепости и для занятия в пределах джунгарского (калмыцкого) владельца месторождения (как после оказалось несуществовавшего) песочного золота*. Как путь был далекий и предприятие было опасное**, то генерал, остановившись против Абалака, просил принести на суда икону Божией Матери и отслужить пред нею молебен. Согласно просьбе, икону Божией Матери, только не подлинную чудотворную, а сейчас описанную копию с нее (которая тогда по раннему времени находилась еще в Абалаке), принесли и стали служить молебен, но лишь священник, читая Евангелие, сказал: *«Во дни оны воставши Мариам, иде в горняя со тщанием во град Иудов...»* и проч. (Лук. 1, 39), как все суда Лихарева сами собой сдвинулись и поплыли вперед, хотя плыть надобно было против воды. Когда же доплыли до Семипалатинской крепости, построенной только за два года перед тем, то, по рассказу помянутой выше абалацкой и семипалатинской книжицы, судно, на котором находилась икона, само собою остановилось и, несмотря на все усилия команды, бывшей у Лихарева, тянуть его вперед, не трогалось с места. Считая это за знамение от Господа, икону снесли с судна и поставили в семипалатинской Антония и Феодосия печерских чудотворцев церкви***, где она и находится доселе. Между тем абалацкое духовенство стало требовать список с чудотворной иконы обратно в Абалак, а жителям Семипалатинска возвратить его не хотелось; началась тяжба, тогдашний митрополит Сибирский и Тобольский Филофей Лещинский, в схиме Феодор, прекратил ее тем, что благословил святую икону оставить навсегда в Семипалатинске, а жителей семипалатинских обязал только написать и отправить в Абалак другую, точно такую же икону, что ими и было исполнено.

Столь явное чудо, совершившееся над списком с Абалацкой иконы Божией Матери, возбудило в жителях Семипалатинска и ближайших к нему русских заселений особенное к нему благоговение и усердие. Молва о нем распространялась далее и

* Об этом, кроме абалацкой и семипалатинской рукописи, говорится в Истор. Обозр. Сиб. Словцова, ч. 1, стр. 409 и в Сиб. летоп., принадлежащей Тоб. семинарии под годами 1712–20.

** Лихареву после довелось с горстью солдат сражаться против 20000 калмыков, и он не был побежден.

*** В настоящее время в Семипалатинском соборе главный престол уже во имя Знамения Божией Матери.

далее, и богомольцы с недугами телесными и душевными начали стекаться в Семипалатинск с разных, иногда и отдаленных, сторон. Но спустя несколько времени в одну ночь не стало в церкви чудотворной иконы Божией Матери; по розыскам ее нашли в вечернее время в полутора верстах далее старой Семипалатинской крепости* возле текущего там горного ключа стоящею на тополевом дереве и с горящею пред ней свечою. Икона была снята и возвращена в церковь, а ключ с тех пор получил название *святого ключа***. Он от р. Иртыша — саженях во ста, а от большой дороги — в восьмидесяти, и бьет стремительно в ущелье горы из отверстия, похожего на чело русской печи. Над ключом впоследствии времени в воспоминание явления на нем Семипалатинской иконы Божией Матери и в благодарность Господу Богу и небесной Владычице за исцеление от долговременной глазной болезни водою из него один военный чиновник устроил вроде часовни навес (крышу на колоннах), где поставлены были иконы. Сюда весной и во все лето заходят и заезжают почти все богомольцы, которые только следуют в Семипалатинск на поклонение многочтимой иконе, чтобы видеть святой ключ, помолиться над ним Божией Матери, напиться из него воды, всегда чистой, летом холодной (но зимой несколько теплее) и умыться ею, даже, если есть возможность, взять ее несколько с собою для благоговейного употребления в случае немощей телесных[21].

Вот наружный вид Семипалатинской иконы: Божия Матерь изображена на ней (что, впрочем, выше объяснено) точно так же, как и на Абалацкой, т.е. с распростертыми дланями, Предвечным Младенцем как бы в утробе и с предстоящими по сторонам святителем Николаем и преподобной Марией Египетской. Дска ее в длину несколько более шести вершков, а в ширину — немного более пяти. Риза на ней и с венцом, устроенная в 1797 году на церковную сумму (3000 рублей серебром), вся золотая, но корона на венце серебряная с драгоценными камнями, а именно: с 6 аметистами и 73 бриллиантами***. Икона, по малому ее раз-

* Семипалатинск на нынешнем месте только с 1776 года. До того он находился на том, где теперь *Семипалатинская* казачья *станица*. Это от настоящего Семипалатинска в 16 верстах ниже по Иртышу. Слов. Шекат. ч. 6, стр. 880. Зап. Геогр. Общ. 1862 г. № 1, стр. 180–182.

** Это общее и всегдашнее предание всех старожилов семипалатинских.

*** Она приложена в 1844 году покойною супругою генерал-губернатора Западной Сибири княгинею Натальей Дмитриевной Горчаковой: оценена князем в 1000 руб. ассигнац.

10 Заказ 2461

меру, для большего благолепия вставлена в средину другой местной, близ царских дверей находящейся, большой иконы, на которой изображены: вверху — коронование Божией Матери, по сторонам — рождество Ее, введение во храм, благовещение и успение, а внизу — покров Пресвятой Богородицы под сребро-золоченою ризою.

Есть у Семипалатинской иконы Божией Матери, подобно как и у Абалацкой, и наместница, точно так же нарисованная, и совершенно одной с нею величины в серебряной золоченой ризе. Эту последнюю, т.е. наместницу, в июне и июле для молебствия в настоящее время носят наиболее и почти только вверх по Иртышу, в Усть-Каменогорск, Бухтарму и горные заводы Томской губернии; но прежде, пока Семипалатинская область по церковному управлению принадлежала не к Томской епархии, как теперь, а к Тобольской, ее носили* и вниз Иртыша, например, в бывшую крепость Ямышевскую, в Коряково (по-нынешнему город Павлодар) и даже почти до Омска, именно до форпоста Пещаного**.

Копия с Абалацкой иконы Божией Матери, что в селе Боровом

Копия с Абалацкой иконы Божией Матери, находящаяся в Богородице-Казанской церкви села Борового, имеет длины один аршин и 4½ вершка, а ширины — один аршин и два вершка. Риза на ней серебряная с двумя — на Божией Матери и Предвечном Младенце — хорошо золочеными венцами. Из Борового в город Ишим святая икона приносится в крестном ходе 21 мая и сначала в нем, а потом в округе его носится для молебствия до 8 июля. Предания, собранные на месте от лиц, наиболее заслуживающих доверия по сану, летам и жизни***, и тщательно проверенные, вот что гово-

* Как прежде носили, так и теперь носят для молебствия семипалатинский список с Абалацкой иконы Божией Матери в города, крепости, станицы, заводы и селения не каждогодно и не в определенные раз и навсегда места, а только тогда и туда, когда и где особенно чувствуется нужда в помощи от небесной Владычицы (например, по случаю засухи, безведрия, упадка на скот и пр.) и куда предварительно просят сами жители.

** Три последние статьи «Сказания о Семипалатинской иконе Божией Матери» заимствованы из сведений, доставленных мне многоуважаемым протоиереем семипалатинским о. Павлом Ил. Любомудровым и из напечатанной в 1859 г. в Тобольске брошюры «Сведение о чудотворной иконе Божией Матери Семипалатинской» Н.А. Абрамова, советника Семипалатинского областного правления.

*** В Инине бывшим тамошним, ныне туринским, законоучителем народного училища священником Иоанном Тиховым, а в Боровом преж-

рят об обстоятельствах написания и прославления боровской копии с Абалацкой иконы Божией Матери. Крестьянин села Борового по имени Симон, человек богобоязненный, лет за 130 или за 140* пред сим, сверх ожидания и вопреки всякой справедливости, взят был в военную службу. Жена его, оставшись с семью малолетними детьми, тосковала по нему и от тоски и бессонницы лишилась ума. В этом состоянии ее возили в Абалак, и там пред иконою Божией Матери она возвратилась к рассудку. Уже и это одно располагало печальную женщину к написанию Абалацкой иконы Божией Матери, но вот спустя некоторое время по возвращении ее из Абалака является ей в сновидении какой-то, как после оказалось, угодник Божий и повелевает ей — терпеть и еще работать, и затем на трудовые деньги заказать снять список с чудотворной Абалацкой иконы, поставить на шесть недель в церковь и освятить; в случае исполнения сего веления являвшийся предвещал скорое возвращение ее мужа. Видение повторилось, было и в третий раз, наконец исполнено и небесное веление: написан по заказу женщины образ Абалацкой Богоматери с известными отличиями от Новгородского образа Знамения Божией Матери, а засим исполнилось и обещанное в сновидении: муж женщины и отец семи малюток всего чрез три года службы возвратился на родину с чистой отставкой**. Икона по освящении принесена в Боровое и поставлена в находившей-

де местном, а ныне ишимском, священником и благочинным Мих. Иконниковым.

* Следовательно, около 1720 или 1730 года. Эта догадка основывается на следующих соображениях: 1) потомок Симона приятель Пудовиков уже праправнук ему, еще в 1852 году имел сынишком за 30 лет; 2) крестьянин села Борового Баранов, умерший назад тому около 22 лет и умерший девяностолетним старцем, хотя помнил священника Симона, но помнил его уже стариком, тогда как сам он был еще мальчиком.

** Подобное, т.е. что над писавшими и приобретавшими для себя иконы Абалацкой Божией Матери совершались чудотворения, бывало не один раз и прежде: жена тобольского воеводы боярина Салтыкова, о чем и было рассказано выше, в 1675 году по снятии списка с Абалацкой иконы для домашнего богомоления исцелела от мучившей ее целых три года и не уступавшей никаким лекарствам какой-то внутренней болезни; жена слуги того же боярина Салтыкова по прозванью Гнездова именем Ирина, 15 лет по бракосочетании неплодствующая, по написании самой точной копии с иконы Абалацкой Богоматери для дома своего в том же 1675 году разрешилась от неплодства рождением дочери (рук. кн. о чуд. Абалацкой Матери, л. 148–153, 155–157).

ся там часовне. Между тем крестьяне села Борового и окружающих его деревень решились образовать из себя особый от градо-Ишимского, или в то время еще слободо-Коркинского*, приход, испросили у епархиального начальства позволение выстроить в Боровом вместо часовни церковь в честь Казанской Божией Матери и когда построили**, то святую икону перенесли в нее; а Симон, как чудо совершилось над ним и его семейством и как был он человек грамотный и богобоязненный, по избранию боровских прихожан и по новой их просьбе рукоположен к ним во священника***. Вот начало известности списка с Абалацкой иконы Божией Матери, находящегося в селе Боровом, что близ Ишима. Затем в непродолжительное время по молебствиях пред ним: 1) выздоровел долго дежавший в расслаблении зажиточный ишимский крестьянин Егавцев, потомство которого и до сих пор существует в Ишиме; 2) получил избавление от ломоты в ногах один офицер; 3) освободился от боли в глазах и расслабления во всем теле некоторый купец; 4) исцелена от продолжительной болезни жена ишимского мукомола; 5) избавился от неисцельной болезни крестьянин Жиляковской волости Савелий Жиляков; 6) прекратился в окрестностях Ишима упадок на скот и 7) пресеклось продолжительное бездождие. Такие и подобные благодатные явления, совершавшиеся над молившимися пред Боровскою Абалацкою иконою Божией Матери, сильнее и сильнее укрепляли веру в народе, более и более возбуждали усердие к ней. Граждане ишимские и поселяне Ишимского округа стали поэтому желать видеть святую икону хотя раз в году в местах своего жительства, молиться пред нею в своих приходских храмах и своих жилищах, и эти последние, а также и поля свои, освящать чрез ее присутствие в них, чрез хождение с нею по ним, мимо них. Вследствие этих-то благочестивых желаний, этого народного усердия и вошло в

* Ишим до преобразования в 1782 году в город был Коркина слобода.

** Это было около 1726 или 1736 г., потому что в 1776 году первая Боровская деревянная церковь была уже ветхая и заменена новой. Не могла же она обветшать ранее 50 или 40 лет по постройке (Губ. Вед. 1858 г. № 37).

*** В прошедшем столетии в Сибири, по крайне малому числу учившихся в Тобольской семинарии и вообще по недостатку в духовенстве, грамотные и домовитые крестьяне, по одобрениям прихожан, весьма часто были рукополагаемы во священники, дьяконы и причетники (из дел архива Тобольской консистории).

обычай уносить каждогодно в крестном ходе икону Абалацкой Божией Матери из села Борового и носить ее в Ишимс и его округе в продолжение, как замечено выше, слишком полутора месяца (с 21 мая по 8 июля)*.

Примечание. В Ишимском округе есть и другая многочтимая икона, а именно икона Предтечи и Крестителя Господня Иоанна; она находится в церкви села Черемшанского, в 14 верстах от города Ишима, но пишущий никаким образом не мог получить о ней обстоятельных сведений.

Копия курганская

Копия с чудотворной Абалацкой иконы Божией Матери, находящаяся в Курганском соборе, вышиною в аршин с четвертью, а шириною — в полтора аршина и полтора вершка. Она написана в 1860 году в Тобольске по предложению исправляющего в Кургане должность протоиерея о. Михаила Тверетина и по заказу душеприкашиков умершего курганского купца Бабыкина на завещанные им в собор деньги и освящена по их просьбе в Абалаке пред самой чудотворной иконой Божией Матери настоятелем монастыря соборне. Копия, как очевидно, написана в весьма недавнее время; несмотря, однако ж, на это, без сомнения, под влиянием особенного благоговения всех жителей Сибири, а в числе их и жителей Кургана, к подлинной чудотворной Абалацкой иконе Божией Матери и освящению ее пред самою этою иконою, в Кургане питают к ней уже особенное уважение: часто и многие носят ее для молебствия по домам и устроили на нее на сборные по подписке деньги в десять с половиною фунтов серебряную под золотом ризу стоимостью в 453 руб. 75 коп. серебром. Но этого мало: в июле 1861 года курганскими гражданами составлен и отправлен к епархиальному начальству приговор с просьбою об учреждении в их городе ради описываемой иконы ежегодного крестного хода, который 3 сентября 1862 года уже и разрешен Св. Синодом.

Стоит заметить здесь, что желание иметь в храмах градских и сельских копии с чудотворной Абалацкой иконы Божией Матери, притом сколько можно более близкие к

* Значит, икону Божией Матери в Боровое обратно приносят к храмовому празднику, притом в тот самый день, в который и подлинную Абалацкую икону приносят в Тобольск.

подлиннику, писать их на месте — в Тобольске, по-видимому, с течением времени усиливается в народе. Так, в прошедшем 1862 году, сколько известно пишущему, такие копии были написаны в Тобольске для трех церквей: омской Сибирского кадетского корпуса*[86] и сел Ишимского округа — Ларихинского и Истошинского.

Копии с Абалацкой иконы Божией Матери в городах Томске и Иркутске

К многочтимым копиям с Абалацкой иконы Божией Матери, кроме семипалатинской, боровской и курганской, следует еще отнести две томские и особенно две иркутские.

В Томске, в предместии его, называемом Заозерьем, в честь Абалацкой иконы Божией Матери в 1703 году боголюбивым дворянином Ив. Качаловым построена была деревянная церковь, а в 1787—1810 гг. вместо ее воздвигнута прихожанами, впрочем, более на сборные деньги, каменная. В ней — две копии с Абалацкой иконы Божией Матери: одна из них, как прежде в деревянной церкви служила, так и ныне в каменной служит местною храмовою, а другая, доколь церковь была деревянной, находилась также в числе местных, только в Николаевском ее приделе, но теперь, за уничтожением сего придела, она вне местных, в особом киоте. Жители Томска обе эти иконы и прежде в почитании отличали от прочих икон, и доселе почитают; первая из них была украшена серебряною под золотом ризою, с крупным китайским жемчугом и разными драгоценными камнями, в то еще время, когда Знаменская церковь была бедна и когда другие в ней иконы или совсем не имели украшений, или имели украшения весьма незначительные, например, только серебряные и медные оклады, а для второй в недавнее время томский купец Стефан Валгусов устроил красивую с позолотою киоту и серебряную золоченую ризу с дорогою короною в венце, употребив на то 200 рублей серебром. Сто шестьдесят лет прошло с тех пор, как писаны два эти священные изображения, а по свидетельству присматривавшихся к ним, краски на них, хотя и темные, сохранились чрезвычайно хорошо**.

* Для кадетской церкви икона Абалацкой Божией Матери написана и уже украшается серебряною золоченою ризою наиболее на счет трезвого и набожного мастерового из нижних чинов Архипа Катаева.

** Томские Губ. Вед. 1858 г. № 32, стр. 255—258.

Из двух иркутских копий с Абалацкой иконы Божией Матери одна находится в приделе Иркутского кафедрального собора во имя Всех Святых, в иконостасе, местною. Дска ее больше дски чудотворной Абалацкой иконы в длину и ширину целым вершком; значит, в длину она имеет аршин и близ трех вершков. Но Божия Матерь изображена на ней с некоторою отменою против своего подлинника, а именно: на ней по сторонам Приснодевы не изображено предстоящих, на правой — святителя и чудотворца Николая, а на левой — преподобной Марии Египетской. Под иконой подписаны в четырех столбцах старинного силлабического сложения стихи:

Грядет от Абалака Пречистая Дева.
В чудотворной иконе ко всем милостива,
Приносит в град Иркутский благословение.
Всем гражданам здравие, благ умножение.
Митрополит Тобольский Иоанн желает,
Молити Пречистую Деву не престает:
О, всепетая Мати! сохрани град и люди,
Яко зеницу ока, всех живущих блюди,
Даруй всему гражданству премногия лета,
Сохраняй и покрывай от злаго навета,
Произведи, и во благо, всяко желание,
Даруй благополучно всем пребывание;
Сподоби многогрешна град их посетити*;
Донеле сия будут, изволь их хранити
В благополучном и добром здравии,
Подаждь им жить в небесном царствии.

Из этих стихов видно, что описываемая икона есть святой дар до сих пор незабытого, напротив, многочтимого по всей Сибири блаженного митрополита Тобольского и всея Сибири Иоанна Максимовича, что она жителям Иркутска была послана им в благословение, и послана или в конце 1712 года, когда он вступил на сибирскую паству, или в 1714 году, когда с перемещением викария его, первого иркутского епископа (Варлаама Коссовского) в Тверь, викариатство Тобольской митрополии в Иркутске было на время закрыто и когда, следовательно, Иркутск и со всею Восточною Сибирью поступил в управление преосвященного

* Сочинителю сих стихов промысл, однако ж, не судил посетить Иркутск и жителям его лично преподать и пастырское благословение, и наставление в вере и благочестии: он в июне 1715 г. скончался в Тобольске.

Иоанна Максимовича уже не косвенное и не отдаленное, а в прямое и непосредственное.

Благочестивый дар святителя Иоанна одним из преосвященных иркутских, а именно Софронием (1754–1771 гг.), был употреблен по приличию: святая икона была помещена в иконостасе устроенного им соборного придела; но жителями Иркутска после того мало-помалу был забыт и только случайно был как бы открыт в 1855 году о. протоиереем Прок. В. Громовым и чрез два года после того (в 1857 г.) оглашен им посредством печати не только в Иркутске, но едва ли не во всей Сибири*. С тех пор жители Иркутска чаще прибегают с своими молитвами к Заступнице усердной пред Ее Абалацким ликом, а один из них (покойный купец первой гильдии Константин Петрович Трабезников) в 1859 году устроил на нее в 25 фунт. и 26 золотн. золотую ризу стоимостью в 14796 рублей серебром; да другую, в симметрию с ней, на икону Спасителя, также золотую, в 15 фунт. 76 золотн. за 7780 рублей**. Другая из иркутских копий с чудотворной Абалацкой иконы Божией Матери находится в иркутской же, Спаса Нерукотворенного образа, церкви, в приделе ее, посвященном собственно имени Абалацкой Богоматери, местною в иконостасе***. Эта вторая икона есть самая точная копия чудотворной Абалацкой: не только Божия Матерь изображена на ней, как и на той, с распростертыми дланями, с воплотившимся в утробе ее Предвечным Младенцем и с предстоящими по сторонам святителем Николаем и преподобной Марией, но и дска ее совершенно одной меры с дскою ее подлинника. Обложена она во всю дску тяжеловесною серебряною и густо золоченною ризою. Венец этой ризы шириною в четверть, снизу около чела Божией Матери на вершок сплошной, а кверху прорезной и возвышается за окраину дски. На нем, на прорезе, четыре головные херувима, а по бокам — два полные ангела. Празднуют в Спасской Иркутской церкви в честь Абалацкой иконы Божией Матери, между прочим, 8

* Статья об этом открытии, написанная о. протоиереем Громовым под названием «*Иркутская старина, о чем не все знают в Иркутске*», была помещена в 5 № Иркут. Губ. Вед. 1857 г., а оттуда перепечатана и в Тоб. Губ. Вед. того же 1857 г. № 13[41].

** Странник 1860 г. № 4, отд. 4, стр. 127 и письмо о. прот. Громова от 20 августа 1862 г.

*** Придел сей устроен в 1776 и 1777 годах иркутским купцом Александром Апрелковым с товарищами — прихожанами, как и он, Спасской церкви.

июля — значит тот самый день, в который подлинная чудотворная Абалацкая икона приносится из Абалака в Тобольск*.

Копия с Абалацкой иконы Божией Матери в России, вне Сибири

Из хороших и многочтимых списков с Абалацкой иконы Божией Матери, находящихся вне пределов Сибири, мне известны два: один в городе Челябе, в Христорождественском соборе, другой в Москве, в доме наследниц Василия Дмитриевича Корнилова. Первый — старинного хорошего греческого письма, в серебряно-позолоченной ризе ценою в 600 рублей серебром. В Челябинский собор он пожертвован в 1859 году купеческой вдовой Елизаветой Плотниковой**. Второй — большой меры в виде складней, так что на правой створке изображен в рост святитель Николай, а на левой, также во весь рост, преподобная Мария Египетская, хорошего древнего же греческого письма и богато украшен — на всех трех изображениях (Божией Матери и предстоящих) тяжеловесные серебряные, густо-золоченные ризы. Покойному Василию Даниловичу достался он по наследству от предков его, купцов тобольских и фабрикантов аремзянских Корниловых***.

Икона Божией Матери, именуемая Абалацкою, о которой до сих пор было говорено, есть только наиболее чтимая икона в Тобольской епархии. В этой епархии есть и еще несколько икон, к которым народ имеет особенно усердие и пред которые чаще, чем пред другие, прибегают с мольбами. Начнем сказание о них с находящихся в епархиальном

* Тоб. Губ. Вед. 1857 г. №№ 20 и 29. Все эти сведения сообщены мне настоятелем Спасской Иркутской церкви о. прот. Пр. В. Громовым в письмах от 19 ноября 1854 г.; 5 марта и 7 августа 1855 г. и 5 ноября 1860 года.

** Церков. летоп. при Дух. Бесед. 1860 г., стр. 292.

*** Описанную копию я много раз видел, до препровождения ее в 1849 г. в Москву, в Тобольске, в доме покойной сестры г. Корнилова, образованной и религиозной М.Д. Менделеевой. Ее при пожарных случаях, между прочим и в 1845 году, выносили от Менделеевых и ставили против разлиявшегося пламени.

Недавно мною получено известие (чрез родную племянницу В.С. Корнилова, ст. советницу Ек.Ив. Капустину), что списываемая копия с Абалацкой иконы Божией Матери по смерти его, Корнилова, женой его пожертвована в Московский Алексеевский женский монастырь, что близ Сокольников, где эта св. икона приведена в еще более благолепный вид и усердно чествуется многими, и что в особенности благоговеют к ней потомки Корниловых: они, когда ни бывают в Москве, считают святым долгом помолиться пред святыней, спасавшей предков их от многих бед и печалей.

городе, а именно в кафедральном соборе, Знаменском монастыре и Захарьевской церкви, а потом перейдем к сказанию и о других, по мере удаления их от Тобольска.

В Тобольском кафедральном соборе наиболее чтимых две иконы: Вседержителя Спаса и Божией Матери, именуемой Тобольскою.

Икона Вседержителя и Спаса нашего Господа Иисуса Христа огромного размера (длиною в три аршина, а шириною около двух с половиною), искусной кисти и написана вскоре по завоевании русскими Сибири; потому что еще 14 ноября 1654 года, по свидетельству Сибирской летописи*, она «просияла в предивных и славных чудесах и во исцелении тяжких и различных недугов». В какой именно церкви икона Вседержителя Спаса находилась первоначально (только не в соборе**), это неизвестно, но с 1686 года, со времени постройки и освящения каменного Софийского собора, она находится здесь, в холодном соборе позади северного, что за левым клиросом, столба. В 1694 году тобольский воевода Андрей Федорович Нарышкин по обещанию устроил для этой иконы, как для чудотворной, резной кивот** с разными украшениями и позолотою***, а в 1777 году старанием архиепископа Варлаама на нее устроена в Москве за 2774 рубля серебряная под золотом риза весом в 2 пуда 13 фун. и 73 золотн. Пред описываемою иконою иногда молебствуют и частные лица при разных своих нуждах и скорбях, но особенно к ней прибегают жители Тобольска во время общенародных бедствий, например, в случае бездождия и засухи, продолжительного ненастья, эпидемических болезней и пр. При таких и подобных случаях святую икону по просьбе граждан выносят из собора на площадь и там при собрании всех жителей города совершают пред ней молебствия****.

Икона Божией Матери, именуемая Тобольскою, написана на полотне, наклеенном на доске, и имеет в вышину пять четвертей, а в ширину три с половиною четверти. Приснодева изображена на ней в убрусе и короне с Предвечным Младенцем на

* Сиб. летоп. (рукопись, принадлежащая библиотеке Тоб. сем.) под 1654 г. Здесь замечается, что для записывания чудес, совершавшихся чрез эту икону, была заведена и особенная книжица, по ныне, к сожалению, этой книжицы в соборе уже нет.
** См. в той же летописи и под тем же годом.
*** Там же, под 1694 г. и Древн. Вивл. ч. 3, стр. 287.
**** Опис. Тоб. собора и пр. церквей. М. 1852 г. стр. 43—45.

шуйце, который также в короне, словом, это самая *точная копия по изображению и мере с чудотворной иконы Божией Матери Ильинской*, что в *Черниговском Свято-Троицком Ильинском* кафедральном *монастыре*, как показывает надпись на нижней части лицевой ее стороны. Из Чернигова в Тобольск привезена она*, полагают, в 1712 году блаженным митрополитом Иоанном Максимовичем при перемещении его оттуда на Сибирскую кафедру. При жизни сего святителя святая икона стояла в его молельной келье, а по смерти помещена была близ места его погребения, в алтаре придела прежде Антония и Феодосия Печерских, а ныне Иоанна Златоустого. Неизвестно, сколько именно времени спустя после кончины митрополита Иоанна, только не позже второй четверти прошедшего столетия, описываемая икона прославилась чудотворениями и стала называться чудотворным образом Пресв. Богородицы *Тобольской*; в честь ее было установлено особое празднество (5 июля), и ее изображение, хотя и не во всем сходное с подлинником, появилось сначала на картине, представляющей все чудотворные и явленные иконы Божией Матери, а потом и в разных изданиях**. Но с течением времени она мало-помалу пришла у жителей Тобольска в забвение: перестали в честь ее 5 июля праздновать, молебствий пред ней не совершали, сама она в узенькой деревянной рамке и с двумя небольшими серебряными под золотом венцами на Приснодеве и младенце Иисусе, помещалась почти ни для кого незримою, кроме немногих священно- и церковнослужителей, над жертвенником[25] алтаря и только изредка на стене за правым клиросом Златоустовского придела, где и богослужение совершается не часто, и богомольцев, кроме немногих дней, бывает немного***. Вообще копия с Черниговской

* И, вероятно, в двух экземплярах: в тобольской Николаевской церкви, что подле самого архиерейского дома, есть совершенно одинаковая икона Божией Матери по изображению, мере и письму, и притом, как замечают знатоки, не тобольскому, не сибирскому и пр.

** См. 1) *Памятник веры* (изд. 2. М. 1838 г.) и в нем статью: *Опис явлений чудотв. икон Пресв. Богор.* № 58 и, сверх того, стр. 16, под 5 июля; 2) *Изображения икон Пресв. Богородицы*. 1848 г., стр. 15; *Жизн. Пресв. Богородицы*. С.П.б. 1860, стр. 280. Несходство изображений Тобольской иконы Божией Матери, помещенных во всех этих изданиях, главным образом то, что на них Предвечный Младенец представлен без венца, тогда как на подлинной Тобольской иконе он в венце.

*** Оставление празднования в честь Тобольской иконы Божией Матери, а потом и вообще забвение ее, по всей вероятности, произошло более от того, что в день празднования ее в Тобольске начинаются приготовления к встрече Абалацкой иконы Божией Матери: 5-го числа июля из собора отправляются в Абалацкий монастырь хоругви, и на-

Ильинской иконы Божией Матери забыта была до того, что когда книга «Памятник веры», чаще называемая «Полные святцы», в конце тридцатых и начале сороковых годов настоящего столетия появилась в Тобольске и когда жители Тобольска встретили в ней под 5 июля известие о существовании в кафедральном соборе чудотворной иконы Божией Матери с наименованием притом Тобольскою, то это всех крайне изумило, иным даже подало повод к отрицанию, к опровержению справедливости того известия.

Возобновилось почитание иконы Божией Матери, называемой Тобольскою, только в 1848 году, и возобновилось следующим образом: был болен горячкою, соединенною с помешательством в уме, набожный, доброй жизни и честных правил, ныне уже покойный, купец тобольский Яков Петрович Ершов. Горячка его была сильная, а в один из припадков умопомешательства он чуть было и жизни не лишился. Но вот в одну ночь в сонном видении является больному Божия Матерь и повелевает ему молебствовать пред иконою ее, что в соборном приделе Иоанна Златоустого над жертвенником; наутро больной рассказывает об этом своим семейным; те в чаянии и вместе в нечаянии помощи свыше приглашают священно- и церковнослужителей, поднимают в дом к себе указанную в сновидении икону Божией Матери, молебствуют пред ней, и больной с того же дня быстро начинает поправляться, а вскоре и совсем выздоравливает. Это случилось в июле помянутого 1848 года, когда в Тобольске открылась в первый (и дай Бог, чтобы в последний) раз холера. Жители Тобольска: одни поражаемые мучительною смертью, а другие угрожаемые ею, и все чувствуя особенную потребность в небесной помощи, слышав, что случилось с Ершовым, начали обращаться с мольбами между прочим и пред вновь прославившуюся Черниговскую Ильинскую икону Божией Матери и, сверх того, стали с дозволения блаженной памяти преосвященного Георгия носить ее по городу вместе с находившимися тогда в Тобольске Абалацкою и Почаевскою иконами Божией Матери* в крестных ходах и по домам для

род во множестве идет и идет туда; вообще с того дня умы и сердца жителей Тобольска обращаются преимущественно к Абалаку, к древнейшей и более знаменитой святыне.

* Из Абалака чудотворная икона Божией Матери тогда (8 июля) принесена была по обычаю, существующему, как видели мы, с 1665 года, а из Ивановского монастыря икона Почаевской Богоматери была принесена, как увидим ниже, по особенным обстоятельствам.

молебствий. В конце июля и начале августа эпидемия прекратилась, и с тех пор по милости Божией в Тобольске никогда более не появлялась. Граждане, относя свое избавление от губительной болезни частью и к описываемой иконе Божией Матери (а более это относится, как увидим ниже, к Почаевской Божией Матери) и зная о благодатном событии чрез нее с купцом Ершовым, с тех пор вновь возымели к ней особенное усердие и стали по-прежнему называть ее чудотворною Тобольскою Божиею Матерью; когда совершаются в Тобольске крестные ходы, то в оных непременно носят и ее, от времени до времени молебствуют пред ней, иные делают к ней и приклады. Соборяне с своей стороны возобновили празднование в честь ее 5 июля и, кроме того, каждую пятницу отправляют пред ней акафист Божией Матери. Что касается до купца Ершова, то он в следующем же (за его исцелением) году, а именно в 1849-м, несмотря на небольшое свое состояние, устроил на нее в Москве за 500 рублей серебром, серебряную золоченую, хорошей работы, ризу с надписью: чудотворная Тобольская Божия Матерь; он же для большего удобства в чествовании новопрославленной иконы Божией Матери устроил для нее в иконостасах холодного и теплого собора, по левую сторону царских врат, против местных икон Божией Матери, особое место, где она обыкновенно и стоит*.

Икона Казанской Божией Матери, что в Тобольском Знаменском монастыре

В Тобольском Знаменском монастыре**, в его теплой Казанской церкви, за правым клиросом в резной золоченой киоте[96] стоит икона Казанской Божией Матери. Присноде-

* См. мое Опис. Тоб. Соф. соб. 1852 г., стр. 75 и 76. Но здесь, вследствие ошибочно сообщенных мне в 1851 году сведений св. икона неправильно названа местною и написанною будто бы в Тобольске при митрополите Антонии Стаховском. Еще большая ошибка допущена в Тоб. Губ. Вед. 1858 г. № 49 на стр. 702: там Тобольскою чудотворною названа икона Божией Матери Одигитрии, присланная от царя Феодора Иоанновича в первую Тобольскую (Троицкую) церковь. Эта последняя другого изображения, иной меры, не с теми украшениями и стоит постоянно в алтаре теплого Антонне-Феодосиевского собора.

** Тобольский Знаменский монастырь древнее всех существовавших и доселе существующих в Сибири монастырей: к нему в 1596 году, следовательно, только 9 лет спустя по построении Тобольска, казачий атаман Юрлов уже приложил деревню с землей и со всеми угодьями. Только сначала монастырь этот находился за Иртышом, при впаде-

ва на ней изображена, как и на подлинной Казанской, что в г. Казани, в убрусе и с Предвечным Младенцем на шуйце. Украшена она серебряною, под золотом, чеканной работы, ризою с таковыми же венцами — как на самой Богоматери, так и младенце Господе Иисусе; в обоих венцах есть разные драгоценные камни, кроме того, к венцу Божией Матери привешена небольшая из драгоценных же камней корона, а ризы как на ней, так и на Предвечном Младенце по складкам унизаны в виде дорожек некрупным жемчугом. Для большего благолепия по малому размеру иконы (в длину только шесть вершков, а в ширину пять), по сторонам Божией Матери не позже первой половины прошедшего столетия вышиты по ткани шелками, золотой канителью и такими же блестками соловецкие чудотворцы: преподобные Зосима и Савватий*, а наверху в облаках (шитых серебряными блестками) вышито же коронование Божией Матери (или что тоже Пресвятая Троица). Внизу под иконой посреди ткани написаны старинного силлабического сложения стихи, внушающие людям особенное почитание Пресвятой Девы Марии**.

Описываемая икона Божией Матери в начале XVII столетия, а может быть, еще и в конце XVI (само собою разумеется, что без украшений, о каких сейчас сказано) находилась в старой Тобольской Крестовоздвиженской (иначе Покровской) церкви в числе местных икон между царскими и северными дверями, но потом, неизвестно по каким обстоятельствам, она оказалась в Знаменском монастыре на паперти церкви Трех святителей, в чулане (поставленною лицом к стене). Отсюда, из этого уничижения, она извлечена была и поставлена в монастырской же церкви Казанской Божией Матери по следующему велению свыше:

При царе Алексее Михайловиче и при пятом тобольском архиерее архиепископе Симеоне в Тобольском Знаменском монастыре жил молодых лет церковный дьяк (пса-

---

нии в него Тобола; в городе, на гору, где теперь находится Ильинская, или Богородице-Рождественская церковь, перенесен он в 1610 году, а на настоящее место под гору, к речке Абрамовке, перемещен архиепископом Киприаном в 1623 г. До 1764 г. за Знаменским монастырем было 2140 душ крестьян, но богат он, по скудости доходов от сибирских крестьян, не был и тогда, а теперь и особенно беден.

* Зосима и Савватий тут вышиты, потому что в то время, когда украшали икону, и до 1750 г., в Знаменском монастыре была церковь во имя сих преподобных.

** Монастырская опись и самая икона.

ломщик, причетник и вместе послушник) по имени Иоанникий, хороший чтец, певец, писец и благочестивой жизни. 21 июня 1661 года этот Иоанникий, пришедши от утрени, лег спать; во сне явился ему старец, похожий на митрополита Филиппа[1] или свят. Иоанна Златоустого (как изображают их на иконах), в полном архиерейском облачении и сказал: «Встань и скажи архимандриту, освященному собору, градоначальнику и всему народу, чтобы на возвышении, немного подальше церкви Трех святителей*, построили церковь во имя Казанской иконы Божией Матери, — чтобы строили ее все тобольские граждане и построили бы в трои сутки, а на четвертые освятили бы ее и внесли в нее образ Казанской Божией Матери, тот самый, который прежде стоял в старой Крестовоздвиженской церкви между царскими и северными дверями, а ныне стоит на паперти церкви Трех святителей, в чулане (лицом к стене)**. За это и за другие многие и тяжкие ваши согреше-

* В XVII столетии в Знаменском монастыре была между прочими церковь во имя трех Святителей, но впоследствии она сгорела и за излишеством не была восстановлена.

** Петербургский священник Михаил Архангельский в Странике 1860 г. (№ 5, отд. 3, стр. 140) в рецензии на кн. *Жизнь Пресв. Богородицы* копию с иконы Казанской Божией Матери, имеющуюся в Тобольске, называет явленою и о явлении ее рассказывает следующее: «Икону Тобольския Божия Матери (ниже он называет ее списком с чудотворной Казанской, что в Казани, и след. говорит о имеющейся в Тобольском Знаменском монастыре) нашли татары у колодца. Нашедши ее, они богохульно ругались над нею и разбили ее на части; потом чрез несколько времени ненавистники христианства опять пришли к колодцу, снова нашли образ Пресв. Богородицы целым и в другой раз повторили над ним свое поругание. То же последовало и в третий раз, но и после того святая икона оказалась целою, как будто никто до нее не касался. Наконец чудо так поразило татар, что они не дерзали более безумствовать над святою иконою; но один из них, более мягкосердечный и разумный, во свидетельство события принял святое крещение и сделался чтителем Матери Господа, над образом которой безумствовал. На месте сего события теперь стоит часовня». Рассказ этот автор называет местным преданием, но его (предания), а также и сейчас упомянутой часовни не знает ни Знаменский монастырь, ни целый Тобольск, ни вся Тобольская епархия и с своими знатоками тобольских древностей. Да он едва ли и достоверен, во-первых, потому, что местные-то сведения о происхождении и явлении Тобольской, что в Знаменском монастыре, Казанской иконы Божией Матери, основанные притом на самой достоверной Сибирской летописи, как видели мы, совсем другие; и, во-вторых, потому, что ежели бы святая икона, о которой идет дело, в самом начале была ощамерована [illegible], то невероятно, чтобы жители Тобольска так скоро (до 1661 года) — в какие-нибудь лет 40 или 50 — забыли о нем и допустили святыню, столько прославленную от Господа Бога, до такого уничижения — почти валяться в чулане, стоять ликом к стене.

ния Господь во гневе своем послал на ваш город больших (ядовитых) мух и повелел было изморить ваш скот и вас всех поесть живых. Но небесная Владычица вместе со всеми святыми молила Сына своего, Христа и Бога нашего, о вашем городе и о всем народе; и Он преложил праведный гнев свой на милость, повелел идти сильному дождю и быть холодному ветру и таким образом уничтожить тех вредных насекомых (мух). Но вы неблагодарны: за такую великую милость вы не воссылаете молитв ко Господу и Его пречистой Матери, не воспеваете псалмов и других песней духовных, сквернословите и своим сквернословием наполняете воздух. Да еще всем скажи, чтобы в честь иконы Казанской Божией Матери в Знаменском монастыре праздновали три раза в году: 8 июля, 22 октября и во вторник светлой недели, и чтобы во все эти три праздника был из собора в Знаменский монастырь крестный ход. Если исполнять это завещание Пресвятой Богородицы, то будет благодать Божия как на этом городе, так и на окрестных городах и селениях, а если не исполнять, то будет новая напасть, большая первых: скот ваш вымрет, пойдут непрерывные проливные дожди, домы ваши разнесет водой, хлеб сгниет, и вы сами все как черви пропадете». Сказавши это, святитель Христов сделался невидим, Иоанникий пробудился, видению своему изумлялся, но о нем никому не сказал, почетши его за обыкновенную грезу.

Через 10 дней, и именно 1 июля, видение это повторилось, и повторилось уже наяву. Благочестивый послушник Иоанникий сидел в келье своей и писал ирмосы первого гласа. Когда же он начал писать: *преукрашенная божественною славою* и пр., то пред него предстал тот же святитель, что и прежде, и кротко сказал: «Почему же ты не объявил архимандриту и народу того, что было сказано тебе о Пресвятой Богородице мною, ее служителем?». После сего он сделался невидим, а Иоанникий от ужаса пал на пол. Когда же пришел в себя, то прославил Бога, Пресвятую Деву Марию и их угодника, но о своих видениях опять никому не объявил, рассуждая, что в городе есть много людей гораздо лучше его и что ему, как человеку молодому, не поверят.

6-го числа июля тот же Иоанникий имел одно за другим два видения. Первое было в полдень, тотчас после

обеда. Иоанникий лег спать, и во сне снова явился ему митрополит Филипп или Иоанн Златоустый и уже с гневом сказал: «Почему же ты не объявил повеленнаго тебе? Язык твой на лукавство дерзок, а для возвешения дел Божиих нем! Из-за твоего молчания новый гнев Божий постиг город: хлеб от дождей гниет, вода топит (луга и домы). Встань же и скорее объяви всем, чтобы прибегли к Господу Богу и Пречистой Его Матери. Если же не объявишь об этом, то зле погибнет душа твоя; или если объявишь, но тебя начальники и граждане не послушают (т.е. не вынесут Казанской иконы Божией Матери из неподобающего места и не выстроят в честь ее церкви), то гнев Божий над городом и народом продолжится, а святая икона прославится в ином месте». Святитель после сего, как и прежде, сделался невидим, а Иоанникий только думал о новом, грозном видении, но объявить о нем по прежним своим боязливым предположениям медлил, откладывал до другого времени. Во второй раз 6 июля видение последовало вечером. Иоанникий, не могши отдохнуть после обеда и утомленный в тот день мыслями о видении, после вечернего пения лег спать, но, не успевши еще заснуть, пришел в исступление — услышал звон в два колокола и затем пение прекрасных голосов: *возвеличим Тя вси, Матерь Бога нашего.* Тут один из певших сказал ему: «Для чего ты не сказал повеленнаго тебе? За это завтра же ты будешь наказан пред всем народом». Иоанникий после этого был как бы громом пораженный, впал в нечаяние, в нравственное онемение, только страшился, ожидая, что будет с ним.

На следующий день, т.е. 7 июля (а день тот был воскресный и канун праздника Казанской Божией Матери), на всенощном бдении, по второй кафизме[92], Иоанникий согласно церковному уставу начал читать сказание о явлении иконы Божией Матери в городе Казани и, когда дошел до того места, где говорилось, как эта святая икона обретена была (в 1579 г. в земле по откровению одной благочестивой девице) и как тогдашние начальники и архиепископ города Казани сперва не верили чудесному явлению иконы, а потом всенародно каялись и просили у Божией Матери прощения в своем неверии; в то время он, Иоанникий, как бы услышал, что

двери в церковь отворились. Взглянувши туда, он увидел, что в трапезу вошел являвшийся ему прежде святитель и что он идет к нему, благословляя народ на обе стороны. Чтец уже от одного этого пришел в ужас, весь оцепенел и сделался как бы полумертвым. Но святитель подошел к нему и, вознесши на него руку, сказал: «Ты читаешь о явлении иконы Казанской Божией Матери и о покаянии казанских градоначальников и архиерея в неверии, зачем же сам-то не веришь? Отныне ты будешь дрыхл до тех пор, пока не совершится дело Божие». Тут святитель ударил его и, сказавши: «Лучше объяви о виденном тобою, чтобы из-за твоего молчания не погиб город», — сделался невидим, а Иоанникий упал вместе с налоем[93] и книгой на пол и, как мертвый, при общем смятении и изумлении был вынесен из церкви на паперть, а отсюда отнесен в келью. Здесь, пришедши в себя, он начал горько плакать, потребовал к себе духовника и сначала ему одному, а потом и настоятелю монастыря архимандриту Иосифу с братиею рассказал все им виденное с 21 июня и слышанное от являвшегося святителя о Пресвятой Богородице. Архимандрит немедленно сообщил о случившемся тобольскому воеводе князю Хилкову с его товарищами (архиепископ Симеон в то время находился в Москве) и собрал почетнейшее духовенство для соборного освидетельствования происшедшего с Иоанникием. С наступлением дня, т.е. восьмого июля, в сопровождении воеводы и множества народа из собора был совершен крестный ход в Знаменский монастырь; здесь из указанного чулана взята была икона Казанской Божией Матери, принесена на объявленное в первом видении возвышенное место, и отслужено молебствие с коленопреклонением и со слезами многих из бывших тут. Народ, слышав о чудесных явлениях и обещанном милосердии небесной Владычицы, с таким усердием со следующего же дня принялся за постройку церкви в честь ее Казанской иконы, что чрез трое суток церковь эта была совершенно готова, а на четвертый (в пятницу, 12-го числа) и освящена; причем новоявленная икона поставлена была на подобающее ей место — между царскими и северными дверями. До открытия Иоанникием бывших ему видений и до построения в Знаменском монас-

тыре Казанской церкви шли проливные дожди, хлеб в полях и овощи в огородах гибли, и вода прибывала в Иртыше и речках тобольских, как весной, но лишь Иоанникий открыл свои видения и лишь начали строить церковь, стало вёдро, и хлеб, и овощи с того времени поправились. Сам Иоанникий во все время, пока строилась церковь, по предречению святителя был болен*.

Вскоре после описанного события, и именно 1 января 1662 года, дочь одного из жителей Тобольска (Емельяна Залевина) девица Марфа, бывши в тяжкой болезни и умопомешательстве, увидела во сне Божию Матерь в образе благолепной, в белом одеянии жены, которая запрещала ей призывать в дом для леченья колдунов и знахарок, а повелевала идти в Знаменский монастырь и отслужить там молебен пред ее Казанскою иконою. Та отправилась, выслушала молебствие и немедленно выздоровела: воротилась домой такою, как будто бы никогда и больна не была, между тем как из дома в монастырь шла с великим трудом**.

Деревянная церковь Казанской Божией Матери Тобольского Знаменского монастыря, выстроенная в 1661 году в три дня, чрез 16 лет (20 мая 1677 г.) вместе со всем монастырем и значительной частью города сгорела от молнии, причем из всего монастырского имущества уцелела почти одна только описанная икона: ее, как наиболее чтимую святыню, вынесли из храма, уже всего объятого пламенем. Выстроенная на место ее деревянная же церковь в 1750 году за повреждениями была сломана, а настоящая теплая двухэтажная каменная церковь Казанской Божией Матери была выстроена в 1767–1769 годах***.

Из трех крестных ходов из собора в Знаменский монастырь, завещанных в 1661 году св. Иоанном чрез дья-

* См. сказание о явлении Пресв. Богородицы Казанской во граде Тобольске, принадлежащее монастырю, и Сиб. летопись (рукоп.), принадлежащую библиотеке Тобольской семинарии под 1661 годом. Впрочем, сказание о Тобольской Казанской иконе Божией Матери отсюда было уже и напечатано в книге: *Слава Пресв. Владычицы нашей Богородицы* (ч. 3, отд. 3, стр. 28–31), но только в извлечении, притом с своевольными перемещениями иных обстоятельств и иных речей из одного видения в другое и с умолчанием, почему Иоанникий так долго не открывал о бывших ему видениях. О том же см. в *Описании Тобольского Знаменского монастыря*, помещенном в Тоб. Губерн. Ведомостях 1859 г., №№ 12–14.

** Там же под 1662 годом.

*** См. Опис. Знам. мон. в Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 13.

ка монастырского Иоанникия, два, и именно 22 октября и на второй день Пасхи, вероятно, за неудобством времени, давно уже оставлены. Но третий — 8 июля — свято соблюдается до сих пор. В этот день, как известно всем жителям Тобольской епархии, да и всей Сибири, в Тобольск по установлению митрополита Корнилия приносится чудотворная икона Божией Матери из Абалака; литургию она стоит в кафедральном Софийском соборе, но по окончании литургии из собора, и с Абалацкою святынею, наиторжественнейшим образом совершается крестный ход в Знаменский монастырь именно во исполнение вышеупомянутого завещания свыше и ради храмового в тот день в Знаменском монастыре праздника в честь Казанской Божией Матери. «И какая превосходная картина этого крестнаго хода, — говорит автор (Н.А. Абрамов) статьи *о торжественном приношении в Тобольск Абалацкой иконы Божией Матери**, — архиерей и все градское духовенство в лучших, сияющих золотом одеждах, множество хоругвей**, проникающее в глубину души стройное пение богородичных песнопений, многия тысячи народа в разнообразных лучших одеждах — все это с горы по Никольскому взвозу, как разноцветная река, ниспускается в подгорную часть и разливается в одном направлении к монастырю». Для принятия святыни в монастыре отворяются (и это в году всего один раз) *святые*, что под колокольнею, ворота, и святыня вносится в летнюю монастырскую, Преображения Господня, церковь. Но крестный ход 8 июля есть только как бы начало или по крайней мере первая половина хода; продолжается и оканчивается он уже на следующий день, 9 числа. В это число после литургии, совершаемой в монастыре, как и в соборе накануне, самим преосвященным, крестный ход принимает обратное направление: сначала по выходе из монастыря чрез так называемую *башню* по главным улицам нижней, подгорной части Тобольска, потом на гору по Никольскому взвозу и, наконец, к Софийскому собору».

* Тоб. Губ. Вед. 1857 г. № 14.
** Более пятидесяти.

Икона Божией Матери Всех скорбящих радости, что в Тобольской Захарьевской церкви

В тобольской двухэтажной Воскресенской церкви (впрочем, в народе известной более под именем Захарьевской, по существующему в ней приделу во имя праведных Захария и Елизаветы) находится многочтимая *икона Божией Матери Всех скорбящих радости*, иначе: Скорбящая Божия Матерь. Икона эта в длину один аршин, а в ширину — три четверти и старинного древнего письма. Божия Матерь изображена на ней во весь рост без Предвечного Младенца, с распростертыми вниз дланями над страждущими различными недугами,

Икона Божией Матери Всех скорбящих, в Тобольской Захарьевской церкви

между которыми по ту и другую сторону стоят по три ангела, держащие в распростертых руках свитки с надписями: *«алчущих кормительнице, нагих одеяние, больных исцеление»** и проч.; риза на ней серебряная (84 пробы), вызолоченная, весом в 6 фунтов и $13^1/_2$ золоти.; корона украшена драгоценными камнями и стразами; убрус вынизан из крупного и мелкого жемчуга с алмазными искрами и другими камнями; две звезды на персях и нарукавницы, или запястья, из аметистов со стразами же. Святая икона помещается в вызолоченной и украшенной резьбою раме, в зимнее время стоит она в нижней теплой церкви в придельном иконостасе во имя Захарии и Елизаветы, а в летнее — в верхней холодной церкви в иконостасе придела во имя Тихвинской Божией Матери.

Когда и кем эта святая икона написана, кому до поступления ее в Захарьевскую церковь принадлежала, а также когда и по какому случаю приложена в церковь, на это нет ни письменных документов, ни народных преданий. Но несомненно то, что икона эта древняя, гораздо древнее самой церкви, в которой находится, ибо Захарьевская церковь, и не настоящая каменная, а первая деревянная, построена только в 1752 году, а из полууставной надписи на иконе видно, что она, икона, в 1752 году поновлена, следовательно, и до названного года существовала целые десятки лет. Предполагать можно еще, что икона поступила в Захарьевскую церковь при постройке ее в 1752 году по распоряжению Тобольского митрополита Сильвестра, потому что первая деревянная Захарьевская церковь была построена по непосредственному и единственному распоряжению сего митрополита и построена всего за десять дней — с 24 августа по 2 или 3 сентября, а по другим сведениям — в два или три дня**; новых икон писать для

* См. молитву в конце канона молебного ко Пресв. Богородице.

** Между Знаменским монастырем и речкой Курдюмкой, именно на том месте, где теперь Захарьевская церковь, состоящие в ее приходе обывательские домы и гостинный двор, в прежнее время жили татары. Проживавший в Тобольске в половине прошедшего столетия богатый краснослободский крестьянин Михаил Мухин купил среди татарских юрт пустопорожнее место и отдал его в распоряжение тогдашнего Митрополита Тобольского Сильвестра. Этот благочестивый архипастырь, был особенно ревностен к обращению неверующих, решился на помянутом месте выстроить церковь. Не сообщая никому о своем намерении, преосвященный приказал рубить в Знаменском монастыре срубы будто бы для больничной церкви того монастыря и, когда срубы были готовы, после литургии в первый случившийся воскресный день (это было 24 августа 1752 г.) сделал из собора крестный ход. Народ, ничего не зная, пошел

нее было некогда, потому весьма вероятно, что она (церковь) была снабжена иконами, по распоряжению преосвященного, из собора и других церквей; в числе их, быть может, поступила и описываемая икона.

Неизвестно, была ли икона Божией Матери Всех скорбящих радости отличаема в почитании от других икон до поступления ее в Воскресенскую церковь*; но с поступления в нее она с самого начала и всегда была уже особенно чтима. Об этом свидетельствует, во-первых, хранящаяся в Воскресенской церкви от 12 сентября 1774 года грамота управлявшего последние слишком тридцать лет прошедшего столетия Тобольской епархией преосвященного Варлаама, из которой видно, что воскресенские прихожане в 1774 году просили позволения (и получили оное) левый северный придел верхнего, оканчивавшегося тогда постройкою апартамента своей церкви освятить ради описываемой иконы во имя Божией Матери Всех скорбящих радости и праздновать в то число, в которое имело последовать освящение того придела**. То же, во-вторых, подтверждают и находящиеся в Воскресенской церкви во множестве (несмотря на переделку многих вещей в ризы на иконы, напрестольные кресты, кадила и другую церковную утварь***) приклады, иначе привески к иконе, состоящие из

вслед за иконами и духовенством; шествие было направлено под гору прямо в татарские юрты, к тому месту, которое, как замечено, куплено было Мукиным. Оно немедленно было расчищено и освящено, между тем митрополичьи крестьяне, еще с утра посланные с роспусками в Знаменский монастырь, подвезли срубы, мох для мшения и проч. Преосвященный тотчас заложил церковь и просил у народа содействия к построению оной. Народ с таким усердием принялся за дело, что церковь чрез 10 дней, по Сибирской летописи, а по сведениям самой церкви, чрез 2 или 3 дня совсем была готова, почему 5 сентября и была освящена. Татары волновались, поносили владыку, жаловались правительству, но все было тщетно; после пожара, истребившего в 1757 году и юрты, и церковь, они и все свои места должны были уступить русским.

* А кажется, что была отличаема: это заставляет предполагать, во-первых, поновление ее (обыкновенною иконою не стали бы дорожить), а во-вторых, то, что на ней при поступлении в Захарьевскую церковь была уже серебряная золоченая риза, как это значится в церковной описи 1795 года.

** После, впрочем, прихожане передумали, и по их новому прошению придел в 1778 году был освящен во имя Тихвинской Божией Матери.

*** Например, в 1829 г. привески вместе с другим церковным серебром в количестве 16 фун. 56 золотн. употреблены в серебряную ризу на местную Цареградскую икону Божией Матери, а в 1860 году 14 фунт. $60^{1}/_{2}$ золотн. променяно их чрез церковного старосту на Ирбитской ярмарке на большой (три четверти аршина) серебряный золоченый и убранный стразами напрестольный крест, серебряное кадило и пасхальный серебряный же подсвечник.

разных вещей и особенно перстней, колец, крестов, драгоценных камней и серебряных чеканных изображений разных частей тела человеческого и находящиеся там с давних пор, притом многие из них старинной работы. Наконец старожилы тобольские, как Воскресенского прихода, так и других, люди притом не только молодые, но и лет преклонных, помня, например, события конца прошедшего столетия, между прочим из таких семейств (например, Шапошниковых и Неводчиковых), которых родоначальники служили при Воскресенской церкви старостами церковными, единогласно показывают, что икона Скорбящей Божией Матери была особенно почитаема с давних времен и была носима для молебствия в дома граждан точно так же, как она и теперь носится.

Но с течением времени благоговение к иконе Божией Матери Всех скорбящих радости в жителях Тобольска все усиливалось и усиливалось: в 1819 году вследствие одного благодетельного события* по молитве к Божией Матери прихожанином Воскресенской церкви купцом тобольским Иваном Васильевичем Пиленковым установлено в Воскресенской церкви в честь иконы Божией Матери с благословения преосвященного Амвросия особенное празднество 24 октября, чего дотоле не было. В 1830 году на икону Скорбящей Божией Матери вместо прежней ризы непробного серебра и старинной, не очень искусной работы, с которою она и в церковь поступила, устроена тем же купцом И.В. Пиленковым новая, лучшей работы и пробного серебра и с позолотою риза, как было замечено выше, в 6 фунт. и $13^1/_2$ золоти. Уже более пятнадцати лет по просьбе купца П.Ф. Плеханова каждое воскресенье в конце литургии отправляется похвала Божией Матери пред описываемою святою иконою. Пять лет тому назад настоящим священником Воскресенской церкви Тимофеем Цветковым приобретена из Томска особая служба в честь иконы Божией Матери Всех скорбящих радости с акафистом (составленная, как видно из некоторых мест, и особенно из тропаря, в Москве ради существующей там такого наименования чудотворной иконы), и эта служба особенно привлекает граждан тобольских.

В настоящее время редко проходит, как и прежде нечасто проходила, служба в Захарьевской церкви, особенно в воскресные и праздничные дни, когда бы не было отправляемо молеб-

* Это событие описано будет ниже.

ствий пред иконою Божией Матери Всех скорбящих радости. В день празднования в честь сей иконы, 24 октября, стечение народа в Захарьевской церкви каждогодно бывает самое многочисленное, и в молящихся тогда заметно особенное благоговение: во время акафиста, например, почти вся церковь молится на коленях. Всенощное бдение в тот день обыкновенно продолжается не менее трех часов: все стихиры — на Господи воззвах, на литии и пр., также седальны и светилен поются, нарочито на сей случай приготовляемыми от священника*, приходскими певчими стройно и внятно, канон читается диаконом среди церкви громко, внятно и неспешно, акафист возглашается со всей тщательностью и с благоговением священником, и молящиеся не только не утомляются, не тяготятся таким продолжительным служением, напротив, во все служение стоят с душевным услаждением и каждый раз после него горячо благодарят совершающих оное и всех, принимающих в нем участие. Укажем при этом вот еще на какие особенности в почитании иконы Скорбящей Божией Матери, находящейся в Тобольской Воскресенской церкви: 1) торгующие в гостином дворе каждогодно в разные времена поднимают икону Скорбящей Божией Матери из Воскресенской церкви в свои ряды и там пред ней молебствуют; 2) многие из тобольских промышленников при отправлении в весеннее время для рыбных промыслов на низ, т.е. на реку Обь, к Березову и Обдорску, также приносят икону Скорбящей Божией Матери на свои суда и просят служить там молебен; 3) молебствуют пред иконою Скорбящей Божией Матери в Воскресенской церкви и на домах тобольские граждане не только Захарьевского прихода, но и других приходов, притом и такие, в приходских церквах которых также есть иконы Божией Матери Всех скорбящих радости (иконы, хорошо написанные и богато украшенные; 4) пред описываемой иконою в Воскресенской церкви просят служить молебствие не только граждане тобольские и жители окрестных мест, но некоторые и из тех лиц, которые приходят и приезжают из мест дальних для богомолья в Абалак; 5) наконец, один богомолец намеревается положить в банк на вечные времена некоторую сумму, чтобы на проценты с этой суммы в Захарьевской церкви пред иконою Скорбящей Божией Матери еженедельно, в пятницу после вечерни, мог быть отправляем акафист.

* Священник, как некогда певчий и даже регент архиерейского хора, знаток хорового пения.

Не без причины, не без особенных благодатных явлений, конечно, началось наибольшее почитание иконы Божией Матери Всех скорбящих радости, находящейся в Тобольской Захарьевской церкви, когда притом подобного содержания иконы есть почти во всех прочих тобольских церквах; не без причины, не без особенных благодатных явлений и усилилось в жителях Тобольска то почитание ее, но, к сожалению, в прежнее время никто не вел записи этим явлениям, потому из всех знамений благодати Божией, явленных чрез Скорбящую икону Божией Матери в прежнее время, в настоящую пору достоверно известно только одно, и именно то, вследствие которого установлено в честь той иконы ежегодное празднество и устроена на нее новая риза. Прихожанин Захарьевской церкви тобольский купец Иван Васильевич Пиленков в 1819 году отправился по своим торговым делам на Оренбургскую линию, на пути в Троицк кони его, чего-то испугавшись, бросились бежать со всей силою, своротили с дороги и несли так, что на каждом толчке, на всякой рытвине, при всяком повороте и экипаж мог разлететься вдребезги, и седок разбиться в куски. Пиленков в минуты крайней опасности вспомнил о многочтимой святыне своей приходской церкви, воззвал к заступлению Божией Матери, обещаясь при этом в случае спасения от погибели употребить все меры к учреждению в честь иконы Божией Матери Всех скорбящих радости особенного празднества и устроить на нее на свой счет новую серебряную ризу. И лишь только успел он высказать свое сердечное моление и произнести обещание, как кони, дотоле бежавшие с бешенством, стихли, стали бежать тише и тише и, наконец, совсем остановились. По возвращении в Тобольск купец Пиленков заявился к тогдашнему преосвященному тобольскому Амвросию Келембету, пересказал ему обо всем случившемся с ним и испросил от него благословение отправлять каждогодно в Захарьевской церкви в честь имеющейся там иконы Божией Матери Всех скорбящих радости празднество 24 октября, а впоследствии (1830 года) устроил на эту икону и новую серебряную под золотом с разными украшениями ризу*, о чем, впрочем, и было уже сказано выше.

Из благодатных явлений от иконы Скорбящей Божией Матери, совершившихся в недавнее время, более замечательны следующие.

* Это взято из памятной книжки Захарьевской церкви.

1) Тобольский купец Петр Фед. Плеханов, каждогодно плавающий в Обдорск для рыбных промыслов, плавал туда для этой цели и в 1846 году. Там однажды при выходе из (внутренней) каюты забыли погасить тепливщуюся пред иконой восковую свечу; свеча, вероятно, упала на стоявший в переднем углу стол, и оттого произошел внутри каюты пожар. Когда показался наверху судна дым, Плеханов пришел в ужас, потому что с гибелью судна и хранившегося в каюте капитала он лишался всего почти состояния, нажитого продолжительными трудами и бережливостью. В беде он вспомнил об иконе Божией Матери, которую с детства привык особенно чтить и пред которой молебствовал он и при отправлении в путь, и обратился с мольбами к усердной Заступнице, *к радости всех скорбящих*, и Она явила себя радостью и для него, потому что, когда спустились внутрь судна и отперли внутреннюю каюту, пламя, к общему удивлению, против обыкновенного, погасло само собой; сгорела только скатерть, бывшая на столе, да обгорели стол да кое-какие другие вещи, вблизи его находившиеся. В благодарность за это избавление от Плеханова в Захарьевской церкви пред иконой Всех скорбящих радости более уже 15 лет каждое воскресенье, как уже и было замечено, отправляется похвала Божией Матери, а в благодарность за другие благодеяния им при разных случаях, а особенно во время ежегодных плаваний по реке Оби, неоднократно полученных от Божией Матери, он впоследствии заново отделал всю нижнюю (теплую) Захарьевскую церковь: стены перештукатурил, отполировал под лак и расписал священными картинами (событиями из ветхого и нового завета), главный — Воскресенский иконостас перекрасил и перезолотил, а иконостасы придельные во имя Захарии и Елисаветы и Димитрия Ростовского митрополита, сделал новые по новым рисункам и в одном из них, именно в Захарьевском, для многочтимой иконы Божией Матери устроил особую киоть, украшенную прекрасной резьбою, употребив на все это 4000 рублей серебром.

2) Отставной майор Филипп Васильевич Шеметнин, служивший до отставки в обер-офицерском чине этапным начальником на бачалинском этапе, в июле 1848 года, во время холеры, бывши в Тобольске и ходя по базару, вдруг почувствовал в себе все признаки губительной болезни. В ис-

пуге он не знал, что делать — идти ли скорее на квартиру или спешить к лекарю, но, вспомнивши, что в Захарьевской церкви (которая на базаре и есть) находится особо чтимая икона Божией Матери Всех скорбящих радости, он поспешил в церковь и, встретивши на крыльце священника (ныне покойного) Илью Серебренникова, выходившего из церкви с тем, чтобы идти домой, просил его возвратиться в церковь и отслужить молебен Божией Матери пред многочтимой иконою. Сперва священник оттоваривался, потому что в церкви никого не было из причта, но после по усиленной просьбе офицера воротился, между тем подошел и причетник Симонов, таким образом молебен и был отслужен. Шеметнин, сначала не надеявшийся простоять в церкви молебен, однако ж, простоял, и когда по окончании его приложился к святой иконе, то немедленно почувствовал облегчение — такое, что вышел из церкви уже совершенно здоровым. Об этом своем исцелении Шеметнин много раз рассказывал между прочим и настоящему священнику Воскресенской церкви Тимофею Цветкову, и доколе находился на службе, он в воспоминание своего избавления от холеры каждый раз, как приезжал с этапа в Тобольск, бывал в Воскресенской церкви, где по его просьбе служили Скорбящей Божией Матери всенощное бдение и водосвятный молебен, а когда вышел в отставку и поселился на постоянное жительство в Тобольске, то по воскресным и праздничным дням всего чаще приходил и приходит именно в ту же Воскресенскую церковь и здесь почти во все продолжение богослужения молится, стоя на коленях пред многочтимой иконой Божией Матери, чрез которую в 1848 году ему подано исцеление.

3) Купеческая жена Евдокия Ивановна Ременникова в 1854 году была так тяжко больна, что приглашенный священник напутствовал ее святыми тайнами, а домашние ее даже покадили ее ладаном и с часу на час, с минуты на минуту ожидали ее смерти. Но когда в дом Ременникова принесена была из Захарьевской церкви икона Божией Матери Всех скорбящих радости, когда совершено было там молебствие с водосвятием, и когда по просьбе мужа (ныне уже покойного) и других родственников больной священник осенил ее крестообразно святой иконою (Ременникова в то время лежала на полу), тогда больная заснула. Спала

она недолго, но, проснувшись, она уже чувствовала себя лучше, стала после того постепенно поправляться и в скором времени совершенно выздоровела. Истинность всего этого могут подтвердить как сама Евдокия Ременникова, и доселе здравствующая, так и ее родственники, а равно и священник Тимофей Цветков.

4) В ноябре 1854 же года в деревне Усольцевой, отстоящей от Тобольска в 12 верстах, но приходом принадлежащей к градской Воскресенской церкви, появилась гнилая горячка: умирало в деревне (а она небольшая) по два и по три человека в день. Приходской священник и вместе благочинный предъявил о том гражданскому начальству, и по распоряжению г. губернатора тобольского Виктора Антоновича Арцымовича послан был туда для прекращения повальной болезни лекарь. Но жители, надеясь не только на силу медицинских пособий и искусства медика, сколько на помощь Божию, подняли в свою деревню икону Скорбящей Божией Матери и, несмотря на зимнее время и двенадцативерстное расстояние от города, несли ее до деревни с открытыми головами, а по приносе туда в каждом доме служили с водоосвящением молебны, и болезнь с того времени начала ослабевать, да вскоре и совсем прекратилась.

5) В 1859 году тяжко была больна вследствие простуды вдовая дьяческая жена Анна Логинова Цветкова; сын пригласил было к ней опытного и многозаботливого врача, соседа своего; но медицинские пособия оказались малодействительными или и вовсе недействительными: болезнь все ожесточалась, и силы больной более и более ослабевали, почему она и пожелала приобщиться и пособороваться. При елеосвящении же и напутствовании святыми тайнами она так ослабела, что дети ее и внучата, со слезами простившись с нею, и не думали, чтобы она дожила до утра (елеосвящение совершено в 9 часов вечера); да и сам лекарь сильно сомневался в продлении ее жизни до следующего дня. Наутро, однако ж, родные нашли больную живой, и когда сын стал спрашивать о ее здоровье, она сказала: «Сходи, пожалуйста, поскорее в церковь, отслужи там молебен Скорбящей Божией Матери (сын больной — священником Захарьевской церкви) и принеси мне святой воды, я в ночи несколько раз видела эту икону; лишь толь-

ко призабудусь, как она у меня опять перед глазами, вижу, что пред ней служат молебны и как будто бы сама я тут же молюсь». Сын по желанию матери тотчас же отправился с причтом в церковь, отслужил молебен пред иконою Божией Матери Всех скорбящих радости и принес своей больной святой воды, она начала пить эту воду по столовой ложке и стала постепенно выздоравливать, а затем и совсем выздоровела. Вдова Анна Цветкова жива и здорова по настоящее время.

Примечание. Сказание об иконе Божией Матери Всех скорбящих радости сообщено мне членом Тобольской духовной консистории и благочинным градских церквей священником Воскресенской церкви Тимофеем Цветковым, а им для сего сказания одно, смотря по материи, извлечено из старых и новых описей церковных, церковного архива и памятной книги церковной, другое слышано им от лиц, заслуживающих всякого вероятия по своей правдивости и набожности, и потому еще, что они, как, например, купец Плеханов и майор Шеметнин, сами на себе испытали благодатные действия от святой иконы, а иного (например, событий, описанных под цифрами 3, 4, 5) он сам был не только очевидцем, но в некотором смысле и непосредственным деятелем. В заключение сказания составитель его говорит, между прочим: «Предместники мои, протоиереи Михаил Арефьев и Андрей Юшков, служившие долгое время при Воскресенской церкви, по сказанию прихожан питали к Скорбященской иконе Божией Матери особое почитание и благоговение... Я с своей стороны, — продолжает он, — по священству могу заверить каждого, что Воскресенская икона Божией Матери Всех скорбящих радости имеет особую благодать; это я всегда чувствовал и чувствую при служении пред сею иконою (а он служил при Воскресенской церкви с ноября 1853 года, да до того 7 лет служил при Пятницкой тобольской же церкви), в особенности же при стечении народном. Духовная радость и сердечное умиление, как признак благодатнаго ощущения, обыкновенно сопровождают молитву, услаждают душу и возводят ее на небо к Царице Небесной, предстоящей одесную Царя славы, ходатайствующей о спасении мира и молящейся за всех, прибегающих к Ней с верою».

Икона Почаевской Божией Матери, что в Ивановском Межуторском монастыре

В 10 верстах от Тобольска по Иркутскому тракту в Иоанно-Введенском Межуторском монастыре* есть икона Почаевской Божией Матери. Длиной она с изображениями чудес вокруг нее — аршин с вершком, а шириной — 13 вершков; но без изображений чудес — длиной 8 вершков, а шириной $6^1/_2$ (вершков).

Икона эта есть список с подлинной чудотворной иконы Божией Матери, существующей Волынской губернии в Почаевской лавре; в Иоанно-Введенский монастырь принес его в

Копия с иконы Почаевской Божией Матери в Ивановском монастыре

* Ивановский монастырь основан архиепископом тобольским Симеоном в 1653 г. Он до преосв. Евлампия (1852–1856 гг.) по главной своей холодной церкви назывался Иоанно-Предтеченским, а по своему местоположению, между двумя дорогами — Межуторским, но преосв. Евлампий после освящения теплой монастырской церкви по обновлении ее после пожара во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы поставил именоваться ему Иоанно-Введенским. Ивановский монастырь до преосв. Афанасия (1832–1842 гг.) считался заштатным и состоял на содержании Тоб. архиер. дома, а при преосв. Афанасии (около 1833 г.) по закрытии по безлюдству Рафаиловского монастыря и перенесении оттуда штатов в Ивановский сделан штатным.

1836 году диакон сего монастыря Василий Симанов, ходивший тогда по обещанию на поклонение святым мощам в гг. Воронеж и Киев, а из Киева заходивший и в Почаевскую лавру.

Случилось так, что настоятелем Ивановского монастыря в то время был игумен Макарий, родом Волынской губернии, Острожского уезда, из местечка, близкого к Почаеву; с детства и почти до старости, разумеется, сперва с родителями, а после и один, он многократно бывал в Почаевской лавре, даже когда она находилась еще (до конца 1831 г.) в руках униатских монахов-базилиан; молился пред тамошнею чудотворною иконою Божией Матери, знал в подробности о многих совершавшихся чрез нее чудотворениях. И вот он видит точный список с детства чтимой им святыни в своем монастыре, список, притом принесенный с далекой и любимой им родины; от души был рад ему (всем о нем рассказывал, рассказывал и о чудесах, совершавшихся от ее подлинника) и сам пред ним (списком с Почаевской Божией Матери) часто молебствовал. Его вера, его усердие, так сказать, переливались и в других, видевших и слышавших то; год от году более и более усиливалось усердие в народе к иконе Почаевской Божией Матери, чаще и чаще как жители Тобольска, так и вообще путешествовавшие на богомолье в Абалак заходили и заезжали в Ивановский монастырь для поклонения Почаевской Божией Матери, а один из жителей Тобольска, именно коммерции советник и почетный гражданин покойный Николай Степанович Пиленков, сделал на нее (собственно на изображение Божией Матери, без чудес) серебряную золоченую в один фунт и 15 золотников ризу. Но в особенности икона Почаевской Божией Матери, существующая в Ивановском монастыре, сделалась известной в июле 1848 года. Случай к тому был следующий:

В самом начале июля 1848 года в Тобольске появилась, дотоле еще в целой Сибири небывавшая, страшная болезнь холера, и многие ею заболевали и умирали. Во время самого разгара эпидемии в четвертом часу утра на 12 число июля мещанин тобольский, прихожанин Андреевской церкви Иван Пермяков слышит сквозь сон извне дома голос: «Вот Абалацкая чудотворная икона Божией Матери из Абалацкого монастыря принесена в Тобольск*. Зачем же не принесут сюда ико-

* Выше было сказано, что Абалацкая икона Божией Матери приносится в Тобольск 8 июля и там в кафедральном соборе стоит две с половиною недели.

ну Почаевской Божией Матери из Ивановского монастыря?». Пермяков, тотчас же проснувшись, вышел на улицу посмотреть, нет ли, не было ли там, подле дома, кого-нибудь разговаривающих. Но он не нашел никого не только подле дома, но и вдали от него. Удивляясь слышанному им во сне и недоумевая, что бы это значило, он пошел в Подчуваши* к тамошнему жителю, как к более его знающему, к благочестивому тогдашнему церковному старосте Андреевской церкви мещанину Поварнину, рассказал слышанное им во сне ему, рассказал и другим жителям Подчувашей; все согласились просить позволения принести в Подчуваши из Ивановска Почаевскую икону Божией Матери и молебствовать пред нею. Между тем молва о слышанном Пермяковым во сне быстро распространилась по Тобольску, и вот на следующий день, 13 июля, явился к тогдашнему архиепископу тобольскому Георгию мещанин Пермяков с просьбой о дозволении принести из Ивановска икону Почаевской Божией Матери для молебствия в Подчуваши, а градской голова также с просьбой от лица всех лучших граждан о дозволении принести ту святую икону наперед в кафедральный собор, а потом уже сносить и в Подчуваши. Преосвященный Георгий, наперед расспросивши самого удостоившегося откровения свыше и произведши надлежащее о нем удостоверение, затем немедленно приказал исполнить общее желание граждан, и святая икона 14-го числа была принесена с процессией к литургии в собор, а оттуда после литургии отнесена в Подчувашинское предместье. По совершении здесь молебствия икона унесена была обратно в собор, где и находилась до времени выноса (следовательно, до 23 июля) Абалацкой иконы Божией Матери, и была носима для молебствия по домам вместе с нею и еще с иконою Божией Матери, именуемой Тобольскою**. Между тем милостью Божией и по ходатайству небесной Заступницы смертность от холеры в Подчувашах к выносу из Тобольска икон Абалацкой и Почаевской совершенно прекратилась, а в самом Тобольске значительно ослабела. В благодарственное воспоминание сего благодетельного события жители Подчувашей и другие прихожане Андреевской церкви каждогодно просили епархиальное начальство о дозволении, и им было дозволяемо приносить из

* Небольшое предместье гор. Тобольска подле Подчувашинского чрез Иртыш перевоза.

** Об этой иконе смотри несколько выше.

12 Заказ 2481

Ивановского монастыря икону Почаевской Божией Матери к литургии 14 июля в их приходскую церковь; после литургии сего числа, а также и во все следующие носили святыню для молебствия по домам сначала у жителей Подчувашей, а потом и граждан тобольских, как Андреевского прихода, так и других желавших; 16 числа после литургии ее обратно относили в Ивановскую обитель. Но время это (14 и 15 июля) было и коротко, потому что число желающих принять к себе в дом святыню* год от году возрастало и не совсем удобно по той причине, что в Тобольске тогда находится и носится для молебствия по домам другая святыня, а именно Абалацкая икона Божией Матери, чтимая там уже более 200 лет. Почему андреевские прихожане и священно- и церковнослужители согласно мыслям бывшего преосвященного Тобольского Евлампия с 1856 года стали каждогодно просить епархиальное начальство о дозволении им приносить из Ивановского монастыря икону Почаевской Божией Матери в их Андреевскую церковь к поздней литургии уже не 14 июля, а 29 июня — в праздник первоверховных Апостолов Петра и Павла, оставлять ее у себя не на два только дня, а на целую неделю, до 5 июля, и в это время носить для молебствия сначала в Подчувашах, а потом и в городе по домам желающих как андреевских прихожан, так и других граждан. Епархиальное начальство и такой порядок в приносе из Ивановского монастыря иконы Почаевской Божией Матери «как служащей к возбуждению благочестивых чувств и в виде опыта» благословляло, но благословляло каждый раз только на один год. По этой причине прихожане Андреевской церкви составили приговор и вошли к преосвященнейшему Феогносту с прошением принять ему на себя ходатайство пред Св. Синодом о разрешении им навсегда каждогодно приносить икону Почаевской Божией Матери из Ивановского монастыря в процессии крестного хода с 29 июня по 5 июля в их приходскую Андреевскую церковь. Преосвященнейший Феогност и ходатайствовал пред св. Синодом. В представлении от 29 марта 1859 года он между прочим писал: «В 1848 году во время бывшей в г. Тобольске губительной эпидемии холеры прихожане Апостоло-Андреевской церкви, преимущественно предместья Подчувашского и другие граждане

* В одном Андреевском приходе, кроме Подчувашинского предместья, до 400 домов.

г. Тобольска по особому благочестивому усердию* и ревности к иконе Почаевской Божией Матери испросили у бывшаго тогда преосвященнаго архиепископа Георгия принести в г. Тобольск находящуюся в обители Иоанно-Введенскаго монастыря помянутую икону Божией Матери, которая с подобающею честию и процессией и была принесена 14 июля в кафедральный собор, а оттуда в предместье Подчувашское, для молебных ей пений. С приносом оной существовавшая тогда епидемия видимо стала ослабевать, а перед выносом из Тобольска и вовсе уничтожилась. В память этого избавления прихожане Апостоло-Андреевской церкви, с 1848 года и по настоящее время, ежегодно обращались с прошениями к епархиальному начальству о переносе той иконы в их церковь и предместье Подчувашское, и епархиальное начальство, снисходя к прошениям их, каждый раз разрешало им приносить означенную икону в свою церковь, частно, в июне или июле месяцах, смотря по обстоятельствам. Ныне прихожане Апостоло-Андреевской церкви, время от времени, более и более утвердившись в своих благочестивых чувствах к иконе Почаевской Божией Матери, искренне желают, чтобы икона эта по означенному случаю каждогодно и одновременно на несколько дней — именно с 29 июня по 5 июля, как во время более к тому удобное**, была приносима в их Апостоло-Андреевскую церковь для молебствий как в церкви, так и по домам. О чем составили приговор и, представив оный, просят ходатайство о сем пред Св. Синодом... Внимая просьбе Апостоло-Андреевских прихожан и их благочестивому усердию к означенной иконе... я покорнейше прошу Свят. Синод о разрешении ежегоднаго приноса иконы той из Иоанно-Введенской обители в Андреевскую церковь с 29 июня по 5 июля...». К этому преосвященнейший Феогност присовокуплял, что к просимому приносу св. иконы в Тобольск препятствий нет ни со стороны гражданского начальства, ни со стороны обители Ивановской и, кроме того, представил и самый церемониал перенесения иконы.

Св. Синод, внимая ходатайству его преосвященства и уважая благочестивое желание жителей Тобольска, указом от 12 октября 1859 года «разрешил ежегодное приношение

* Причина особенного в то время усердия в жителях Тобольска к иконе Почаевской Божией Матери объяснена выше.

** О неудобстве приносить в Тобольск икону Почаевской Божией Матери в 14–16 числа июля также говорено было выше.

св. иконы Почаевской Божией Матери из Иоанно-Введенскаго монастыря в г. Тобольск, с тем, чтобы означенная икона, по принесении в город 29 июня, оставалась там до 5 июля и, по усердию желающих, вносима была в их домы».

Со времени разрешения Св. Синодом, т.е. с 1860 года, крестный ход с Почаевской Божией Матерью совершается почти в том же виде и почти с одинаковой торжественностью, как и ход с Абалацкой иконой Богоматери. И именно: 28-го числа июня в 4 часа пополудни священно- и церковнослужители Андреевской церкви отправляются с своими и соборными крестами и хоругвями в Ивановский монастырь; утром следующего дня, в праздник апостолов Петра и Павла, после ранней в монастыре литургии святая икона поднимается и в сопровождении настоятеля монастыря приносится прямо в Тобольск в Апостоло-Андреевскую церковь к поздней литургии, при колокольном звоне как в соборе, так и при всех градских церквах и при стечении почти всего города; по окончании литургии святая икона относится в Подчувашинское предместье для молебствия там по домам, но вечером того дня она приносится обратно в Андреевскую церковь ко всенощному бдению, которое ради праздника в следующий день в честь Двенадцати апостолов, в том числе и Андрея Первозванного, совершается тогда как бы в храмовый праздник; за этой всенощной, а также и во все следующие дни, до 5 июля, во время богослужения Андреевская церковь ради нахождения в ней Почаевской святыни постоянно бывает полна народу; утрами до литургии и днями после литургии до всенощной одни из граждан молебствуют Божией Матери в храме, а по просьбам других носят святыню для молебствия в дома; 5 числа после ранней литургии икона Почаевской Богоматери переносится торжественно при звоне на всех колокольнях и в сопровождении всего духовенства нижнего посада из Андреевской церкви в собор, а после поздней литургии того же числа препровождается обратно в Ивановскую обитель вместе с крестами и хоругвями, которые по древнему обыкновению отправляются тогда из собора в Абалак для приноса оттуда в Тобольск тамошней чудотворной иконы Божией Матери; народу и при этом сопровождении Почаевской иконы бывает множество, и почти весь он пеший идет до самого Ивановского монастыря.

На этом, однако же, не остановилось усердие тобольских граждан к Почаевской святыне: в 1861 году прихожане Петропавловской церкви вошли к Его Преосвященству епископу Тобольскому Феогносту с прошением, чтобы икона Почаевской Божией Матери предварительно была приносима в их церковь 28 числа после поздней литургии и чтобы, простояв в ней всенощное бдение того дня и позднюю литургию следующего числа, после того уже только была относима в Андреевскую церковь и Подчувашинское предместье, по тому уважению, что 1) в 29-е число июня в их церкви храмовой праздник, в который почти всегда служит у них сам архипастырь, что 2) икона Почаевской Божией Матери поднимается из Ивановской деревни (где находится монастырь), а эта деревня состоит в их Петропавловском приходе, что притом 3) икона эта имеет шествие свое почти мимо их церкви и потому 4) им желательно, чтобы святая икона в 29-е число находилась в их церкви, подобно тому, как и Абалацкая икона Божией Матери в храмовые праздники приносится из собора в 8-е число июля в Знаменский монастырь, а 20-го — в Ильинскую церковь. В январе 1862 года преосвященнейший Феогност и вошел об этом с представлением в Св. Синод.

В 1860 году тобольский купец Н. В. Неволин устроил в Москве на всю икону Почаевской Божией Матери (следовательно, и с чудесами, что вкруг ее изображены) серебряную вызолоченную ризу весом в 7 фунтов и 26 золотников, а стоимостью в 350 рублей серебром, причем прежняя риза, заведенная Н.С. Пиленковым только на одну Богоматерь, без чудес, была тогда уступлена за приличное вознаграждение в Андреевскую церковь на икону Почаевской же Божией Матери.

Для поставления иконы Почаевской Божией Матери во время пребывания ее в Тобольске в Апостоло-Андреевской церкви есть прекрасно устроенный бывшим старостой той церкви купцом Андрианом Андр. Сыромятниковым на его собственный счет особый киот, в котором во всякое другое время стоит точный список с описываемой иконы, прославившейся в 1848 году во время холеры в Тобольске. На этот-то список и возложена серебро-золоченая риза, которая до 1860 года находилась на Ивановской иконе и за которую сейчас упомянутый купец Сыромятников по усердию к святыне в Ивановский монастырь уплатил деньги (44 р. 40 к.) из своей собственности.

Нерукотворенный образ Спасителя, называемый Тарханским

На Сибирском тракте, на левом берегу р.Туры, между Тобольском и Тюменью, в 166 верстах от первого и в 80 от последней, есть Покровская слобода, состоявшая до 1764 года за Тобольским архиерейским домом. В церкви Покрова Пресвятыя Богородицы этой слободы находится особенно чтимый по Тюменскому округу, а также и по соседним с ним Ялуторовскому и Тобольскому, Нерукотворенный образ Спасителя, известный в народе под именем *Тарханского*. В длину он — три четверти, а в ширину $9^1/_2$ вершков; украшен серебряной под золотом, в 3 фунта и 9 золотников, ризой. Почему этот образ называется Тарханским, это будет видно из его истории.

Верстах в 90, или немного более, от г.Тюмени и в 15 или 17 от слободы Покровской, на правом берегу Тобола, вблизи от впадения в него р.Туры, есть татарские юрты, называемые Тарханскими. Невдалеке от них, как местности выгодной в военном отношении, правительство наше в 1631 году* устроило острог** (по нынешнему укрепление) для сбора ясаку с татар, живших вверх по Тоболу, и для защиты как их, так, особенно, русских селений от нападения на них кочевавших по рекам Тоболу, Ишиму и Иртышу, а также и по Уралу калмыков, башкирцев и киргизов*** и поставило его в зависимость от Тюменской воеводской канцелярии. Тюменские дети боярские и казаки, от времени до времени командируемые туда для караулов, для составления гарнизона, по христианскому обычаю всех русских, первоначально селившихся в Сибири, и для молений, как во всякое время, так особенно в случаях опасности при набегах неприятельских, построили в Тарханском острожке часовню и поставили в ней 14 икон, которые с течением времени все, или почти все, были ими богато украшены: одни серебряными под золотом ризами и венцами, а другие — только венцами, гривнами**** и окладами.

---

* Тарханские юрты существовали в Сибири и до владычества над нею русских. Сиб. ист. Фишера, стр. 423.

** Острожек обнесен был деревянным тыном; в нем было две избы для житья караульных и хранения артиллерии, вроде нынешних небольших казарм; к ним после присоединилась часовня.

*** Географ. словарь Щекатова. Т. 6, стр. 78, изд. 1808 г.

**** *Гривна* — это ожерелье, цепь. В старину очень часто украшали иконы серебряными и золотыми гривнами.

Одна из этих 14 святых икон, и именно Нерукотворенный образ Спасителя, едва ли не с самого начала пользовалась особенным уважением*, особенным благоговением как гарнизона Тарханского острожка, так и жителей соседних селений: сперва казаки и другие служилые, когда ходили в степь для наказания азиатских хищников, обыкновенно брали ее с собой в поход, для чего она и была устроена складнями со створками**; потом, когда в уездах Тюменском, Ялуторовском и соседних стало спокойнее и русское народонаселение умножилось, священно- и церковнослужители некоторых ближайших селений, например, села Созоновского и слободы Покровской, в летнюю пору и преимущественно в Петров пост приходили вместе с прихожанами в Тарханскую часовню, брали с подобающею святыне честью Нерукотворенный образ Спасителя и носили его для молебствий по своим и чужим полям и селениям, даже до самой Тюмени. Для совершения молебствий как в то время, когда поднимали икону, так и в то, когда возвращали ее, и также и в другие поры, в часовне находились священническое облачение, следованная Псалтирь, водосвятная чаша и пр. По всей вероятности, образ Христа Спасителя в самом начале его существования или вскоре после того ознаменован был какими-нибудь особенными действиями благодати Божией; по крайней

* В настоящее время называют Тарханский Нерукотворенный образ Спасителя *явленным* и о явлении его рассказывают, что он явился вскоре по прибытии русских в Сибирь на загородке посхотины татарских Тарханских юрт; что татары, взявши оттуда образ, употребляли его как простую доску, например, иногда на оборотной стороне его чистили рыбу; что образ несколько раз от них скрывался и каждый раз оказывался на прежнем месте, т.е. на месте первого своего явления; и что, наконец, когда тюменские казаки выстроили в Тарханском острожке часовню, татары отдали в нее образ Спасителя, как вещь для них ненужную (Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 4, стр. 31; 1852 г. № 20, стр. 140). Но жители Тюмени, между прочим, тюменские казаки и дети боярские, потомки тех самых, которые выстроили Тарханскую часовню и украсили ее иконами, в своих прошениях к епархиальному начальству в пятидесятых и шестидесятых годах прошедшего столетия, следовательно, на целые сто лет против настоящего ближе ко времени события, постоянно называют его не иначе, как *«учиненным, устроенным тюменскими казаками или написанным*, между прочими иконами... их дедами и отцами... Эти сведения, равно как и последующие, какие будут обобщены в самом тексте г. сов. Губ. Пр. Г.А. Вардаковым, извлечены из двух дел старого конс. архива: 1) о переносе Тюменской Воскресенской церкви в Ямскую слободу (в описи 1752 г. № 151) и 2) о перенесении Нерукотворенного Спасителева образа из Тюменской Воскресенской церкви в Покровскую слободу (в описи 1770 г. № 129).

** Таким образ постоянно называется в актах старого конс. архива, но ныне он уже без створок.

мере официально известно то, что жители Покровской слободы и соседних деревень (Усальской, Шучьей и Космаковой) каждогодно приносили к себе икону Спасителя из Тархан именно в воспоминание прекращения по молебствию пред нею когда-то бывшего у них скотского падежа*.

Многочтимый Нерукотворенный образ Христа Спасителя в Тарханской часовне находился около 120 лет. Но в начале (8 января) 1751 года явился в Тобольскую консисторию священник Исетского острога Меркурий Соколов и объявил там, что он в июне 1748 года в проезд с детьми своими в Тобольскую семинарию заходил в Тарханский острожек и в его часовню и что в острожке нашел он одного только старика караульного**, а в часовне видел много икон, следованную старопечатную псалтырь и несколько церковных рукописных книг, свечи и пр. Когда консистория доложила об этом преосвященному (а преосвященным Тобольским в то время был митрополит Сильвестр, особенно ревностный об обращении сибирских язычников и магометан к вере христианской и об искоренении, по крайней мере ослаблении, в Сибири раскола***), то преосвященный, как это видно из хода дела, подумал, что часовня эта раскольническая и что сторож там какой-нибудь раскольнический пустынник, потому немедленно предписал прикащику* своей архиерейской Покровской слободы**** Изутрафову ехать с несколькими крестьянами в Тарханский острожек, иконы, свечи и всякую церковную утварь оттуда взять и отдать в Покровскую церковь с распискою, а кто в часовне

* Из двух консист. дел, означенных в пятом примечании.

** Вероятно, казаки все были на покосе: с устройством в 1738–1755 годах Ишимской линии опасности от неприятелей для острожка в то время уже не было.

*** В Сибири и епархия особенная учреждена была именно между прочим с целью обратить к вере Иисуса Христа сибирских инородцев. К тому же ревновать об обращении язычников и магометан митрополит Сильвестр привык в бытность свою в 1740–1749 годах еще в сане иеромонаха и архимандрита, членом и потом начальником миссии для обращения казанских и соседних инородцев, учрежденной в 1740 г. в Свияжском монастыре, а стараться об искоренении раскола в Тобольской епархии побуждали его сверх обязанности, лежащей и на всяком пастыре, раскольнические самосожжения, которые начались в Сибири вследствие учения протопопа Аввакума, Иосифа Астомена[10], попа Доментиана, Якова Шапошникова и др. еще при царе Алексее Михайловиче и продолжались, и в страшных размерах, и до его, Сильвестрова, времени. Прав. Собес. 1858 г. ч. 2, стр. 568; ч. 3., стр. 468, 472 и 477.

**** В то время вотчины от архиерейских домов и монастырей еще не были отобраны.

службу отправлял или отправляет, того, арестовавши, немедленно выслать в Тобольск. Изуграфов в точности исполнил предписание: взявши четырех крестьян, он приехал в острожек и все оказавшееся в часовне: иконы (14), книги (3), священническое облачение, свечи, колокол (в 45 фунтов) — взял и сдал в Покровскую церковь*, но двоих, найденных там людей, отца с сыном, оставил на месте затем, что они оказались не только не раскольнические попы, но и чисто православные, притом караульные острожка и часовни, уже немало лет служившие по найму от тюменских казаков, определенных к тому по указу Тюменской воеводской канцелярии. При дальнейших расспросах сторожа показали, что службы Божией в часовне не только они и не только никто из мирян, но и из духовных не исправляют, и что только два священника села Созоновского и Покровской слободы в летнюю пору приходят с прихожанами и уносят икону Спасителя для ношения ее по своим селениям и полям, и что только они как при взятии, так и при возвращении иконы служат молебны.

Все это случилось в отсутствие командира острожка (Владимира Тонких): он в половине января и с подчиненными ему казаками ездил в Тюмень к смотру**. Когда же по возвращении из Тюмени он узнал о случившемся, то немедленно (8 февраля) донес о том Тюменской воеводской канцелярии, от которой зависел, а воеводская канцелярия прикащику Покровской слободы сделала запрос, для чего он и по какому поводу, когда Тарханский острожек состоит под ведением Тюменской воеводской канцелярии, когда от нее же определяются туда для сбережения от неприятелей дети боярские и казаки, для чего он и без сношения с воеводской канцелярией, притом в отсутствие командира, приезжал с крестьянами в острожек и из часовни оного взял все? Прикащик Изуграфов, так как он действовал по воле преосвященного Сильвестра, запрос этот и препроводил к нему. Теперь для преосвященного объяснилось все: и что это была за часовня в Тарханском острожке, что за человек был виленный там священником Соколовым старик,

* Иконы, кроме Спасителевой, в настоящее время, по всей вероятности, находятся в Тюменской Крестовоздвиженской церкви; старопечатная следованная псалтирь была вскоре после того отдана в новокрещенскую Вогульскую Леушинскую церковь, а колокол вытребован в 1762 г. к домовой архиерейской церкви.

** Тарханский острожек уничтожен, по крайней мере оставлен без гарнизона и артиллерии, не в 1738 году, как сказано в Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 4, стр. 31, а между 1752 и 1762 годами (из дел, приводимых выше).

какие это были иконы и прочая церковная утварь, словом, что раскольнического тут ничего не было; однако ж ни икон и ничего прочего на прежнее место он не возвратил, потому что Тарханский острожек по устройстве в 1738–1755 годах Ишимской линии, как уже излишний, был предназначен к уничтожению, да и часовня его была уже очень ветхая и совершенного ни для кого ненужная, по уничтожении острожка, по несуществованию в Тарханских и других, ближайших к ним, юртах христианского народонаселения. Затем вот что случилось: в ночь на 19 января 1753 года, следовательно, через два года после переноса икон из Тарханской часовни в Покровскую слободу, в Тюмени сгорела церковь во имя Нерукотворенного образа Спасителя со всей утварью. Спасские прихожане для построения новой церкви и в то же имя стали просить епархиальное начальство о выдаче им сборной книги, причем они просили о дозволении им перенесть к себе Спасителев образ, стоявший прежде в Тарханском острожке в часовне, *учиненный* тюменскими казаками и по распоряжению его преосвященства поставленный в церкви его Покровской слободы. Но преосвященный Сильвестр написал (1 февраля 1753 г.) на просьбе: «Дать книгу для сбору... на три года, а о иконе, понеже оная к той часовне, состоящей в Тарханском острожке состоит, где по времени, может быть, церковь построена будет; а в село Покровское *до времени* для некоего винословия поставлена в церковь та икона святая: отказать, а пусть новый Спасителев образ напишут». Итак, 1) Нерукотворенный образ Спасителя, называемый Тарханским, вместе с другими 13 иконами в 1751 году взят был из часовни Тарханского острожка не по причине уничтожения ее за крайней ветхостью*, а по подозрению (впрочем, неоправдавшемуся) в принадлежности ее раскольникам; 2) образ этот помещен был в церковь Покровской слободы не потому, чтобы Тарханская часовня до того была приписана к этой церкви, и не потому, что тарханские казаки были ее прихожанами**, а потому единственно, что она была ближайшая к

* Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 4, стр.31.

** Там же, стр. 31 и 33. В каком именно приходе, в слободо-Покровском или в Тюменском Воскресенском, состоял Тарханский острожек с своей часовней и своими караульными, этого с точностью определить теперь нельзя: и сто лет тому назад, и только 12 лет спустя после описанного события, и именно в 1763 году, консистория в одной из своих справок говорит: «А в каком приходе состоял Тарханский острожек, о том справиться непочему и нельзя узнать». Впрочем, гораздо более вероятности в том, что он, острожек, и с часовней принадлежал к Тюменскому Воскресенскому прихо-

заподозренной часовне, что состояла в архиерейской вотчине, и что исполнитель-то воли преосвященного был из Покровской слободы; и главное 3) он (образ) отдан был в Покровскую церковь не навсегда, не во всегдашнюю собственность, а только на время. Митрополит Сильвестр не дозволил прихожанам Спасской Тюменской церкви, как видели мы, взять Тарханскую икону Спасителя из церкви Покровской слободы в надежде обращения татар юрт Тарханских и соседних и построения для них в случае обращения особого храма, но эта надежда не оправдалась. Быть может, он, как пастырь особенно попечительный о приумножении стада Христова в Сибири, и употреблял меры к просвещению их верою христианскою, быть может, и отправлял к ним миссионеров, однако ж те татары как при нем оставались, так и доселе остаются магометанами. Притом же преосвященный Сильвестр в конце 1755 года по шестилетнем управлении (в 1749–1755 гг.) Тобольской епархией был перемещен на епархию Суздальскую.

ду, чем к слободо-Покровскому: острожек состоял в ведении Тюменской воеводской канцелярии, дети боярские и казаки для караула в нем назначались постоянно из Тюмени, эти именно, а не другие какие лица строили часовню, завели и украсили иконы; других жителей-христиан ни в самом острожке, ни подле него никаких не было, а сами составлявшие гарнизон острожка жили в нем не постоянно, не оседло, а только временно, поочередно, подобно тому, как ныне живут в Киргизской степи на пикетах без жен и семейств, следовательно, и их младенцы были крестимы, их покойники отпеваемы, браки венчаемы, сами исповедывались и приобщались все в Тюмени, а другие требы, кроме редких случаев ..... - запной болезни, у людей бессемейных какие могут быть? Да и что значит проехать в Сибири 70, 80 или 90 верст? Поэтому о том, что Тарханский острожек отстоял от Тюмени на 80 верст, а от Покровской слободы только на 12 или 13, здесь не должно быть и речи. Но вот еще что: 1) митрополит Сильвестр, когда отказывал прихожанам Тюменской Спасской церкви в дозволении перенести к ним Тарханскую икону Спасителя, не сослался, как мы видели, на то, что Тарханская часовня прежде состояла приписною к церкви Покровской слободы (имущество часовен и приписных церквей при их уничтожении издревле по церковным законам передается в собственность тем церквам, к которым они до уничтожения были приписаны); 2) два караульных, в бытность которых в январе 1751 года Изуграфов взял иконы из Тарханской часовни, показали, что в часовне никто, как приходской священник, не отправлял богослужения, а только два священника, наперед созоновский, а потом покровский (заметим, без всякого различия или преимущества в праве) приходят в летнюю пору за иконой для ношения ее по своим и чужим селениям и полям и при этом служат молебны; а главное то, что прихожане слободо-Покровской церкви в 1768, 1769, 1770, 1771 и следующих годах, когда хлопотали о возвращении в их церковь многочтимой иконы, ни разу, как видно из дел, не выставляли между правами своими на владение ею того, что Тарханский острожек с часовней до 1751 года состоял в их приходе, а они это непременно сделали бы, если б это было так.

При преемнике преосвященного Сильвестра митрополите Павле II (Конюшкевиче) началась о Тарханской иконе Спасителя тяжба — сперва между прихожанами двух тюменских церквей, Воскресенской и Спасской, а потом между прихожанами, с одной стороны, Тюменской Воскресенской и с другой — слободо-Богородицкой церкви, и тяжба эта продолжалась близ 90 лет (1762–1849 гг.).

Дело происходило так*. Тюменская Воскресенская (ныне Крестовоздвиженская) церковь, стоявшая подле торгового ряда, от ветхости покосилась набок**; прихожане с благословения Тобольского митрополита Сильвестра и по просьбе затюменских ямщиков разобрали ее и стали летом 1752 года строить новую на другом месте, а именно в Ямской слободе за рекой Тюменкой, где до того времени не было ни одной церкви; нижний этаж церкви они выстроили и освятили во имя святителя Николая довольно скоро, но верхний (во славу Воскресения Христова) за скудостью средств своих не могли окончить целых 10 лет — до 1763 года. Чтобы помочь горю, тюменские дети боярские, казачьи старшины и рядовые казаки составили приговор о том, что они желают в свою приходскую, вновь построенную, но еще не освященную за неимением икон, Воскресенскую церковь приложить те 14 икон, которые состояли прежде в часовне при Тарханском острожке, а потом поставлены по повелению преосвященного Сильвестра в церкви Покровской слободы, и этот свой приговор в июле 1763 года чрез Тюменское духовное правление отправили к митрополиту Павлу II; причем в особенном прошении они 1) объяснили, что это пожертвование они делают по собственному желанию ради скудости прихожан вновь выстроенной церкви и по неимению в ней к освящению святых икон, и что жертвуемые ими иконы в давние времена для Тарханской часовни были написаны и украшены ризами, окладами и пр. их праделами, дедами и отцами на их собственный счет, и не покровскими крестьянами, не на их крестьянское иждивение, и что в слободо-Покровской церкви икон и без них весьма достаточно, и, наконец, 2) просили преосвященного дозволить им перенести те тарханские иконы (а в числе их, разумеется, и Неру-

* Дела старого конс. архива за 1751 г. №149 и 1752 г. № 151.

** А не сгорела, как после (в 1849 г.) ошибочно говорили сами потомки ее прихожан. См. Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 4, стр. 32.

котворенный образ Спасителя) из Покровской слободы в Тюмень во вновь построенную Воскресенскую церковь.

Но в Тюмени в одно время с Воскресенской строилась еще другая церковь, и именно Спасская, вместо таковой же, сгоревшей в январе 1753 года. Прихожане этой церкви*, еще при преосвященном Сильвестре хлопотавшие, хотя и безуспешно, как видели мы, о перенесении Тарханской иконы Спасителя из слободы Покровской в их церковь, узнавши теперь о хлопотах прихожан церкви Воскресенской, также составили один за другим два приговора о том, что иконы, взятые из Тарханской часовни в церковь Покровской слободы, должны быть перенесены именно в их церковь, и препроводили их к преосвященному Павлу II при прошениях от 12 июля и 25 сентября 1763 года. В начале приговоров и прошений и они, как и воскресенские прихожане, объяснили, что иконы те, как написанные и украшенные тюменскими детьми боярскими и казаками, не могут составлять собственность слободо-Покровской церкви, затем и они, как и воскресенские прихожане, говорили, что церковь их, хотя и оконченная постройкою, но по скудости прихожан и недостатку в ней икон, риз и прочей утвари еще долго не может быть приготовлена к освящению, если не будут перенесены в нее тарханские иконы, и, наконец, они доказывали преимущество прав на перенесение тарханских икон в их Спасскую, а не Воскресенскую церковь тем, что их прежняя сгоревшая церковь некогда была построена именно детьми боярскими и казаками, теми же самыми, которые в Тарханском острожке и часовню устроили, и иконы завели, что теперешняя их церковь строится именно во славу Нерукотворенного образа Спасителя (а Тарханская икона такова и есть) и что Воскресенская церковь икон и всякой утвари имеет уже довольно и совершенно готова к освящению, тогда как их церковь не в таком еще благоприятном положении находится.

Епархиальное начальство теперь уже не сомневалось, что тарханские иконы, а в их числе и икона Нерукотворенного образа Спасителя, принадлежат Тюмени и должны быть изнесены из церкви Покровской слободы. Недоумевало оно о том только, на которой стороне более права на владение Тархан-

* В числе их, кроме купцов и чиновников, было также несколько детей боярских и казаков.

кою иконою: на стороне ли церкви Вознесенской, на стороне ли церкви Спасской, и которая из них скуднее средствами и более нуждается в иконах. Освидетельствовать ту и другую церкви, описать в той и другой иконы и прочую утварь, а также собрать сведения о прихожанах обеих церквей было поручено архимандриту Тюменского монастыря Софронию; тот освидетельствовал и по освидетельствовании донес, что св. икон, св. сосудов и прочей утвари в обеих церквах достаточно*, но что при всем том Спасская церковь по устройству своему, особенно по иконостасу, гораздо богаче Воскресенской, что прихожане первой из них (хотя их несколько и менее, чем при церкви Воскресенской**) несравненно богаче прихожан последней: эти преимущественно самая бедность и нищета; да что и рукоприкладства под приговоры в пользу Спасской церкви собраны не совсем чисто; из простонародья иные подписывались под ними единственно по принуждению от одного влиятельного на граждан чиновника воеводской канцелярии. Вследствие такого донесения и согласно мнению архимандрита, что прав на владение тарханскими иконами и нужд у Воскресенской церкви более, чем у Спасской, митрополит Павел II и решил перенести Нерукотворенный образ Спасителя, а с ним и другие иконы, бывшие до 1751 года в часовне Тарханского острожка, из слободо-Покровской церкви в Тюменскую Воскресенскую, что и было торжественно исполнено 12 октября 1763 года.

И пяти лет не прошло после перенесения в числе прочих тарханских икон Нерукотворенного образа Спасителя в Тюменскую Воскресенскую церковь, как прихожане слободо-Покровской церкви начали хлопотать чрез комиссара своей слободы капитана Ивана Касьяновского о возвращении сего образа в их церковь. Поводом к этим хлопотам послужила постройка новой на месте обветшавшей (после 70 лет стояния) у них церкви. Одно за другим подали они два прошения к епархиальному начальству: первое от 13 января 1768 года при митрополите Павле II, а второе — от 7 июля 1770 года уже при преемнике его преосвященном Варлааме, и в том и другом они, умалчивая об обстоятельствах переноса иконы Спасителя при митрополите Сильвестре из Тарханской часовни в их церковь, притом только на вре-

* Значит, прихожане той и другой церкви при предъявлении прав на владение тарханскими иконами несколько преувеличивали бедность своих церквей, конечно, с целью скорее достигнуть желаемого.

** При Спасской было 94 двора с 730 душами обоего пола, а при Воскресенской — 104 двора с 751 душой мужского и женского пола.

мя, пространно говорили о том, что а) будто бы эта икона издавна* принадлежала к Покровской церкви, что б) будто бы она и другие тарханские иконы украшены ризами, венцами, окладами и пр. ими, прихожанами Покровской церкви, на прикладъ, какие делались при ежегодном ношении иконы по их приходу (между тем носили ее, как мы видели, и по другим приходам), что в) будто бы икона Спасителя вместе с другими тринадцатью иконами по благословению преосвященного Павла была перенесена в Тюменскую Воскресенскую церковь только за недостатком икон в той церкви и церковной суммы на покупку их, словом, только на время, пока церковь та из собственного прихожан ее иждивения святыми иконами приведена будет в совершенное благолепие, что г) Воскресенская церковь в настоящее время уже совершенно украшена, икон в ней весьма довольно и икона Спасителя оказывается в ней уже излишнею, и что д) напротив, в Покровской церкви по причине постройки ее вновь и скудости средств к тому прихожан к лучшему церковному украшению в возвращении иконы чувствуется особенная надобность. Тобольская духовная консистория, промолчавши или отказавши** на первое прошение при митрополите Павле, на второе при новом преосвященном (епископе Варлааме), хорошо с делами еще не ознакомившемся, обратила внимание и в нем в особенности на последнюю из выставленных прихожанами слободской Покровской церкви причин — необходимость возвратить в их церковь Тарханскую икону Спасителя — решила сделать им снисхождение, а именно: возвратить к ним икону, но не навсегда, как ошибочно сказано в Тобольских губернских ведомостях (1859 г. № 4, стр. 32), а только *на время* — для приобретения вкладов на постройку церкви, только до окончания этой постройки. «Того ради, — сказано в консисторской резолюции, — с доклада его преосвященству (епископу Варлааму), оный Нерукотворенный Спасителев образ из Тюменской Воскресенской церкви в Покровскую слободу, в Покровскую церковь... перенесть... и быть ему в Покровской церкви *до совершенного той церкви исправления*». Указ консисторский*** с приписанием этой резолюции, а также и прошения, писанного от лица крестьян Покровской слободы комиссаром капитаном Касьяновским, был послан в Тюмень, но в исполнение он не был приведен: прихожане Воскресенской цер-

* Стояла она в Покровской церкви 12 лет и 9 месяцев.
** В деле ничего нет.
*** От 9 июля 1770 г.

кви из опасения, что святая многочтимая икона к ним не будет более возвращена, не согласились уступить ее для Покровской церкви и на время. В оправдание такого своего поступка и с тем вместе в опровержение прошения Касьяновского они писали* епархиальному начальству между прочим, что Нерукотворенный образ Спасителя и вместе с другими тринадцатью иконами был написан для Тарханской часовни и украшен их предками, прихожанами Воскресенской церкви — тюменскими детьми боярскими и казаками, что из Тарханской часовни они (иконы) перенесены были по повелению преосвященного митрополита Сильвестра в слободскую Покровскую церковь только ради близости сей церкви от Тархан, что тюменские дети боярские и казаки, потомки строителей Тарханской часовни и ее икон, пожертвовали эти иконы, как свою собственность, в свою приходскую церковь, что они и просили у преосвященного митрополита Павла перенести иконы из Покровской слободы в свою приходскую Воскресенскую церковь не до окончания только этой церкви постройкою и не до украшения ее иконами, а навсегда, и что Нерукотворенный образ Спасителев, равно как и прочие тарханские иконы, для Воскресенской церкви и в настоящее время не только не излишни, напротив, существенно необходимы, потому что стоят в иконостасе, а не на полке и на аналое, как они стояли в церкви Покровской слободы. А потому в заключение объяснения своего прихожане Тюменской Воскресенской церкви убедительно просили преосвященного Варлаама Тарханский Нерукотворенный образ Спасителя от переноски в Покровскую слободу уволить, а благословить быть ему в его месте (т.е. в устроенном для него), в иконостасе их церкви. Но чтобы крестьяне покровские не жаловались на скудость средств своих к постройке их церкви и чтобы под этим предлогом и впредь не хлопотали о возвращении к ним Тарханской иконы Спасителя, жители Тюмени соглашались пожертвовать в пользу строившейся Покровской церкви 20 рублей.

Многочтимая икона Христа Спасителя после этого оставлена епархиальным начальством в Тюмени, хотя «впредь до рассмотрения»**. Не взята она оттуда и в следующем 1771

* От 24 июля 1770 г.

** Из паспорта от 29 июля 1770 г., выданного из консистории церковному старосте и дьякону Тюменской Воскресенской церкви, которые приезжали в Тобольск для личных объяснений пред епархиальным начальством касательно иконы Христа Спасителя.

году, несмотря на хлопоты о том (по просьбе управителя Касьяновского) знаменитого в свое время губернатора тобольского Д.И. Чичерина. Можно было думать, что дело этим и кончится, и тем более что церковь Покрова Пресвятой Богородицы в слободе Покровской была окончена постройкой и без нее*, и без прикладов, без жертвования ради нее от молельщиков, что в особенности и имели в виду покровские прихожане, как видели мы из их прошения к епархиальному начальству. Но чрез 37 лет, и именно в 1807 и 1808 годах, прихожане слободо-Покровской церкви снова обратились с просьбою к епархиальному начальству о возвращении к ним из Тюменской Воскресенской церкви иконы Спасителя. К сожалению, в то время старый консисторский архив не только не был в порядке, был без описей, но считался несуществующим**, погибшим в большой тобольский пожар 1788 года; таким образом, дела***, в которых говорится между прочим и о случайном переносе в 1751 году, притом только на время, по приказанию митрополита Сильвестра икон из Тарханской часовни в церковь Покровской слободы и в которых излагаются притязания — у одних справедливые, а у других несправедливые — трех церквей на право владения ими, епархиальному начальству были совершенно неизвестны; люди, которые участвовали в тех делах или были свидетелями, по крайней мере современниками того, уже не существовали, а современное поколение знало дело только по одним преданиям без твердых оснований. И вот поэтому преосвященный Амвросий I первоначально решил было**** «отдать образ в ту церковь, в которой занесен он в опись церковную раньше», а потом, когда этим его решением одна сторона (слободо-покровцев) осталась недовольна, он положил*****: «в прекращение обоюдных между покровскими и воскресенскими прихожанами споров, о при-

* Теплая отстроена и освящена в 1768 г., а холодная освящена в начале 1772 г. (дело конс. архива 1767 г., № 5). Но существующая в настоящее время в Покровской слободе каменная церковь начата была постройкой в 1812 году и строилась более 40 лет: по крайней мере в половине 1851 года престол в верхнем этаже за неготовностью освящен еще не был.

** До преосв. Владимира, до 1843 года.

*** О переносе Тюменской Воскресенской церкви в Ямскую слободу (1752 г., № 151) и о перенесении (не состоявшемся) Нерукотворенного Спасителева образа из Тюменской Воскресенской церкви в Покровскую слободу (1770 года № 129).

**** 10 июня 1807 года.

***** Указ конс. (в Тюм. дух. прав) от 21 марта 1808 года.

своении иконы Спасителя, исключить этот образ из описей обеих церквей и отдать в Тюменский монастырь», что в третий день Пасхи 1808 года и было исполнено.

Впрочем, в Тюменском монастыре святая икона находилась весьма недолго: года через два-три или много чрез четыре*, лишь молва в народе поприутихла, она перенесена была обратно в Воскресенскую церковь и там оставалась еще около 40 лет, а со времени первого ее перенесения из Покровской слободы, т.е. с 1763 года, целых 86 лет.

В такой длинный период пребывания святой иконы в Тюмени, казалось бы, слободо-покровским прихожанам можно было привыкнуть к мысли более не владеть ею. Между тем в 1849 году (от 2-го янв.) к покойному Тобольскому преосвященному Георгию поступило от них самое усильное прошение о возвращении в их церковь Нерукотворенного образа Спасителя, именуемого Тарханским. Прихожане Тюменской Воскресенской, ныне Крестовоздвиженской, церкви подали, напротив, прошение об оставлении святыни по-прежнему в их храме с представлением при этом своих на то прав. Чтобы решить дело без ошибок и без пристрастия, Тобольская духовная консистория употребила все усилия: взвешивала права на владение иконой, представленные обеими сторонами, сносилась с тюменским духовенством, обращалась к историкам Сибири (Миллеру, Фишеру и Словцову); но ей и теперь, как и в 1807 и в 1808 годах, не были известны самые первые, притом подлинные дела 1751, 1763 и 1771 годов о перенесении иконы сначала из Тарханской часовни в Покровскую слободу, а потом из Покровской слободы в Тюмень, в Воскресенскую церковь**. Потому,

* В Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 4 на стр. 32 сказано, что Тарханская икона Спасителя находилась в Тюменском монастыре 41 год, это значит, с 1808-го по 1849 гг. Но в Тюмени в настоящее время никто и не помнит, когда икона та находилась не в Крестовоздвиженской церкви, а в монастыре; этого не помнит между прочим ни клир Крестовоздвиженской церкви (а из него некоторые, например, диакон Дюков, служат при ней давно), ни монастырская братия, в том числе и настоятель ее архимандрит Владимир, управляющий монастырем с 1836 года. (Из письма тюменского священника П. Машанова, впрочем, то же самое видно и из представления преосв. Георгия Св. Синоду о Тарханской иконе в 1851 году). Есть известие, что икона возвращена была именно в 1812 году.

** Старый архив в 1843 г. был приведен в порядок, но обратить внимание на первое и самое важное дело, касающееся тарханских икон, консистории слишком было мудрено; надпись на нем: *о переносе Тюменской Воскресенской церкви в Яискую слободу* (1752 г. № 151) ровно ничего не говорит о тех (т.е. тарханских) иконах.

после всех усилий, после всех исследований, но при неизвестности первых дел, 16 мая 1849 года решено было: «икону Спасителя, именуемую Тарханскою, по желанию слободо-покровских прихожан, перенести и поставить в Богородскую Покровской слободы церковь, хотя не как ея собственность, но как усвоенное ей достояние первоначальным распоряжением (значит в 1751 году) епархиального начальства». При таком решении приняты были во внимание в особенности следующие два предположения: 1) так как в Покровской слободе издревле существовала церковь, то с достоверностью можно полагать, что тарханские казаки были прихожанами ее, тем более что она отстоит от Тархан только в двенадцати верстах, тогда как градо-Тюменская Воскресенская церковь в 80 верстах*; 2) так как при уничтожении часовен все имущество их, по общему церковному правилу, переносится в приходскую церковь, то, вероятно, на этом именно основании преосвященный митрополит Сильвестр и благословил** икону Спасителя, именуемую Тарханскою, и другие 13 икон, по обветшании Тарханской часовни, в 1751 году перенести в ближайшую приходскую слободо-Покровскую церковь. На заключение консистории о перенесении навсегда Тарханской иконы из Тюмени в Покровскую церковь в августе 1849 года последовала резолюция блаженной памяти преосвященного Георгия: «Если благодать Божия со временем озарит светом христианской веры татар селений Тарханскаго, Карбанскаго и Боровскаго, тогда эти иконы, как неотъемлемая собственность Тарханской часовни, по устроении там приходской церкви, может быть перенесена из слободо-Покровской церкви в Тарханскую»***.

Постановление епархиального начальства вскоре, осенью же (4 сентября) 1849 года, и было приведено в исполнение: Тарханский Нерукотворенный образ Спасителя из Тюменской Крестовоздвиженской церкви с подобающей святыне честью был перенесен в слободо-Покровскую церковь после 86-летнего из нее его отсутствия.

Два тобольских владыки, митрополит Сильвестр Главатский в 1753 году и архиепископ Георгий Ящуржинский в 1849

* В приходе какой церкви состоял Тарханский острожек с его часовней и казаками, это объяснено выше в примечании ** на стр. 186.

** По какому случаю и на какое время митрополит Сильвестр приказал перенести иконы из Тарханской часовни в Покровскую церковь, это объяснено выше, в самом тексте.

*** Из указа Тоб. консистории Тюменскому дух. правлению, от 20 августа 1849 г. См. Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 4, стр. 32 и 33.

году, разделенные между собой почти целым столетием (последний и не зная резолюции первого, данной на прошение прихожан Тюменской Спасской церкви о перемещении в их церковь Тарханской иконы Спасителя), высказывали в своих резолюциях чаяние, что татары юрт Тарханских, Карбанских и Боровских некогда будут озарены светом веры христианской. Следует желать и молиться Господу Иисусу, да коснется он ради большей славы его чудодейственного лика своею благодатью сердец последователей лжепророка, да озарит Он их светом Своего Евангелия, чтобы среди хотя одного из тех трех их селений воссиял на молитвенном здании вместо луны животворящий крест, чтобы вместо крика абыза (муэдзина) раздавался там звук колокола, и чтобы, наконец, многочтимый Нерукотворенный образ Спасителя обрел себе постоянное место, предназначенное ему двумя сибирскими архипастырями*.

В честь иконы Спасителя, именуемой Тарханской, местно в Покровской слободе празднуют 16 августа, в день Нерукотворенного образа Спасителя. С нею в этот день из слободы совершается крестный ход к Тарханским татарским юртам на то место, где существовал прежде Тарханский острожек с часовней, и где она до 1751 года находилась около 120 лет. Молиться перед нею приходят и приезжают и во всякое время, но чаще молебствуют весной перед посевами: тогда по желанию крестьян носят святую икону для молебствия по полям и селениям отчасти тех приходов Тюменского округа, которые расположены по Туре, но наиболее по расположенным на Тавде**. Стоит еще особенного замеча-

---

* Все, доселе сказанное о Тарханской иконе Христа Спасителя, основано преимущественно: 1) на самых подробных и тщательнейшим образом сделанных Г.А. Вирлаковым извлечениях из нескольких, не раз уже упомянутых мною дел старого консисторского архива, а особенно из двух: *О переносе Тюменской Воскресенской церкви в Ямскую слободу* 1752 г. № 151 и *о перенесении Нерукотворенного Спасителева образа из Тюменской Воскресенской церкви в Покровскую слободу* 1770 г. № 129 и 2) частью на статье Н.А. Абрамова: *Древний явленный образ Спасителя, называемый Тарханским*, помещенной в Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 4.

* Для поддержания благочестия и возбуждения религиозных чувствований в народонаселении Тюмени епархиальным начальством в 1849 и 1851 гг. предположено и дозволено было учредить с Тарханскою иконою Христа Спасителя из Покровской слободы в Тюмень ежегодный и торжественный крестный ход, притом не на один или на два дня, а на несколько недель, с назначением для того, по предварительному согласию обеих сторон, времени, но этого соглашения до сих пор не последовало, а потому до сих пор не бывает и помянутого, многими и многими желаемого, постоянного крестного хода.

ния, что благоговение к Тарханской иконе Христа Спасителя в некоторой степени разделяют с русскими и татары юрт Тарханских и соседних с ними Карбанских и Боровских: 16 августа во время крестного хода из Покровской слободы на прежнее (до 1751 г.) место пребывания Тарханского Нерукотворенного образа Спасителя при перевозе икон и народа чрез Туру и Тобол инородцы юрт Карбанских и Тарханских дают помощь лодками и людьми; при проходе крестного хода чрез их юрты многие из них выходят на улицу, снимают шапки и дают деньги на свечки перед икону; даже когда на месте, где в древности стояла часовня, служат молебен, инородцы в числе нескольких десятков стоят без шапок и при общем коленопреклонении русских преклоняют колена и они.

По всей вероятности, не без причины, не без особенных знамений благодати Божией Нерукотворенный образ Спасителя стали чтить первоначально и тарханские казаки. Жители Покровской слободы и села Созоновского с соседними деревнями носили его к себе для молебствий еще до 1751 года из Тарханской часовни, как видели мы почти в самом начале статьи, в память прекращения у них по молебствии пред ним скотского падежа. О том же, т.е. об особенных знамениях Божиих, по временам бывших от Тарханского Нерукотворенного образа Спасителя, громко говорит и самая, почти столетняя, тяжба о нем жителей Тюмени и прихожан Покровской слободы. По вере молящихся, подобное бывает и ныне. Из десяти чудотворений, совершившихся по молебствиям пред святой иконой и внесенных в запись Покровской церкви*, особенно замечательны следующие.

1) Во время холеры, свирепствовавшей в 1848 году в Тобольске и Тюменском округе, крестьянка Гилева, Липовской волости деревни Артамоновой, Агриппина Софронова была уже при смерти от той болезни, но дочь ее поспешила пред икону Спасителя, по просьбе ее совершено было о спасении матери молебствие с водоосвящением, принесла она матери освященной воды, дала ей испить, и та немедленно почувствовала облегчение и вскоре затем совсем выздоровела**.

* К [illegible], запись стали в [illegible] только с [illegible] внего вр[illegible]мени.
** В 1856 г. эта исцелившаяся была еще в живых.

2) и 3) Подобным образом в 1851 году исцелились от сибирской язвы между прочими крестьяне Иван Миронов Подшивалов и Григорий Николаев Свистунов, также бывшие уже в безнадежном положении.

4) В 1813 году комиссар Покровской слободы Александр Бобрик так был болен глазами, что совершенно ничего не видел. Старики крестьяне, любившие его за доброе с ними обращение, стали ему рассказывать, что в Тюмени есть образ Спасителя, называемый Тарханским, что прежде они приносили его из города, отправляли молебствия как на месте его явления, так и в своих селениях, и что от этого сами они получали исцеление от болезней, а поля их, ежели случалась засуха, орошались обильными дождями, сделай, прибавляли они, и ты то же, обещайся молебствовать пред ним (Тарханским образом Спасителя), пошли за ним в Тюмень. Бобрик принял данный ему от простосердечных людей совет с радостью и вскоре исполнил его чрез жену свою; жена отправилась в Тюмень, и по ее просьбе Тарханская икона Спасителя была принесена на бывшее место Тарханской часовни, там отслужен пред нею молебен с водосвятием, а затем то же сделано и у них на квартире в Покровской слободе; больной начал мочить глаза святой водой и от того вскоре получил совершенное выздоровление*.

5) В июле 1855 года Ялуторовского уезда деревни Ивановой крестьянин Степан Ив. Паркачев лишился рассудка, впал в бешенство, почему и был прикован на цепь. Однодеревенцы, сжалившись над ним (верно, он по своим качествам заслуживал сострадания соседей), сходили в Покровскую слободу, принесли оттуда в свое селение описываемый образ Спасителя, молебствовали пред ним, прикладывали к нему неистовствовавшего, и Господь его помиловал: он вскоре пришел в совершенный рассудок**.

---

* Потомки исцеленного Ал. Бобрика и теперь есть между служащими Западной Сибири.

** Копия с записи Покровской церкви о чудотворениях от Тарханской иконы Спасителя, также сведения о крестном ходе на место прежнего нахождения иконы, о ношении ее по крестьянским полям пред посевами и благоговении к ней татар сообщены мне наиболее благочинным священником тюменским Дим. Родионовым и отчасти священником П. Машановым.

Икона Знамения Божией Матери, что в Тюменской Знаменской церкви

В Тюмени преимущественно пред всеми другими иконами почитается икона Знамения Божией Матери, находящаяся в тамошней приходской Знаменской церкви. Она весьма значительного размера — в вышину $2^1/_4$ аршина, а в ширину 2 аршина и 6 вершков, особенной против других икон фигуры, а именно осьмиугольная и почти круглая* Божия Матерь изображена на ней, как и на Новгородской иконе Знамения, т.е. с распростертыми дланями и Предвечным Младенцем во утробе, но с небольшим отличием от той, а именно: кругом Приснодевы, на углах доски, изображены разными красками (алой, голубой и пр.) девять чинов ангельских. Письма она простого, старинного. По местным преданиям, эта осьмиугольная икона была написана родоначальником доныне существующего в Тюмени купеческого дома, иконником, переселившимся в Тюмень из Устюга Великого, по имени Спиридоном, а по ремеслу *иконником*, написана для первой деревянной Знаменской церкви около 1624 года и стояла в ней в иконостасе над царскими вратами. Когда в пожар 1697 года Знаменская церковь вся сгорела, икона Знамения Божией Матери была спасена, но по постройке новой деревянной же церкви и по написании нового иконостаса более искусной живописи ту икону поместили уже не в иконостасе и не в церкви, а при входе на паперть, над дверями церковными, в нарочно устроенной по фигуре иконы вдавшейся в глубь стены впадине. В пожар 4 июня 1766 года, истребивший почти весь город, кроме Заречья и Запоменья, Знаменская церковь и все дома, бывшие на юг от нее, спаслись от огня вследствие молебного пред описываемой иконой пения, которое было совершено во время самого бедствия. В 1770 году при постройке настоящей каменной церкви на западно-лицевой стороне колокольни ее, над самым входом на паперть, было выкладено особое для этой иконы место (вроде арки), в которое она и была вставлена и там находилась за стеклянными дверями как бы в киоте. Для совершения молебствия непосредственно пред иконой к тому месту был пристроен деревянный балкон с лестницей на оный изнутри колокольни.

* И подлинная чудотворная икона Знамения Божией Матери, находящаяся в Новгородском Знаменском соборе, в его иконостасе, по левую сторону царских врат, также круглая. См. Изв. Археолог. Общ. т. III. вып. 4, 1861 г., стр. 335.

С течением времени описываемая икона от действия на нее внешнего воздуха стала сильно ветшать: во многих местах облиняла и вообще почернела; потому в 1840 году согласно желанию знаменских прихожан она и была поновлена, но с сохранением всех прежних черт ее*.

Икона Знамения Божией Матери, старинная по времени и по стилю письма, в один пожар сама была спасена от огня, а в другой она спасла и свой храм, и часть города. Потому чтили ее и прежде, исстари; это очевидно и из того, что для помещения ее в двух (деревянной и каменной) церквах устрояли над входом в паперть особенное место, а еще более из того, что всегда немало бывало между тюменскими гражданами усердствующих, которые служили пред нею Божией Матери молебствия и для того вместе со священнослужителями поднимались к ней на помянутый выше деревянный балкон. Но особенно-то стали чтить ее только с 1848 года по следующим обстоятельствам: в конце июля сего года появилась в Тюмени холера; пораженные ею, как и везде, терпели страшные муки, пособия врачей часто оставались безуспешными из трех больных по малой мере один неминуемо делался жертвой скорой и мучительной смерти**. Всеми овладел ужас, тогда обратились с мольбами к Господу Богу и небесной Заступнице; в воскресный день 8 августа икона Знамения Божией Матери по просьбе прихожан и других граждан была снята с своего места; с нею, между прочим, был совершен по городу крестный ход, пред нею стали особенно часто молебствовать и во храме, ее вместе с другими иконами начали носить для молебствия и по домам не только знаменитых прихожан, но и всего города; и что также весьма замечательно, к ней в ту тяжкую годину выказывало усердие и особенное благоговение не только православное народонаселение города, но и старообрядческое. И надежда жителей Тюмени не посрамила: *Заступница усердная грешных*, но *смиренных, взывавших* к Ней *в покаянии и из глубины души, спасла от* постигших их *лютых* — с 17 августа

* И подлинная Новгородская икона Знамения Божией Матери тоже некогда обветшала и тоже была поновлена (архиепископом Макарием в 1526–1542 гг.), но благодать чудотворений от нее не отступила. *Слава... Пресв. Богородицы* 1853 г. ч. 3, отд. 1, стр. 67.

** Из 645 болевших холерой в Тюмени умерло 212 человек: 137 муж. пола и 75 женского.

холера начала ослабевать, а в сентябре и совсем прекратилась. С этого времени икона Знамения Божией Матери навсегда уже осталась в церкви, в следующем 1849 году прихожанином Знаменской церкви купцом Иваном Васильевичем Иконниковым* при небольшом участии некоторых и других граждан устроена серебряная с двумя золочеными венцами и разноцветными камнями риза в 37 фунт. и 35 золотн. на сумму 1500 р. с ; устроен для нее в 250 р. с. за правым клиросом богатый, сияющий золотом киот. Кроме того, в память избавления Тюмени от холеры в Знаменской церкви, во-перых, 8 августа, как в день, в который икона в 1848 году снята была с ее постоянного места, каждогодно бывает служба, после которой носят икону по домам желающих как из прихожан той церкви, так и прочих граждан, и, во-вторых, еженедельно по субботам с сентября по апрель совершается акафист Божией Матери*.

В память прекращения губительной болезни для благодарения Господа Бога, Божией Матери и разных угодников не только в Тюмени и Тобольске, но и по многим городам и селениям во всей России немало учреждено крестных ходов и празднеств.

Нерукотворенный образ Спасителя в Спасской Тюменской церкви

В тюменской же, но Спасской церкви есть икона Нерукотворенного образа Спасителя. Она довольно большая: 2 аршина вышины и 7¼ четвертей ширины, старинного письма и украшена в 1859 году на счет любящих благолепие дома Божия, но пожелавших остаться неизвестными, серебряною с золоченым венцом и разноцветными камнями ризою** сто-

* Сведения о Тюменской иконе Знамения Божией Матери заимствованы мною: а) из статей Н.А. Абрамова: *1)Старинные иконы в Тоб. епархии* и *2)Гор. Тюмень*, напечатанных: первый в 1-м томе *Известий Археол. Общ.* 1859 г., а второй — в Тоб. Губ. Вед. 1858 г. №№ 51—53; б) из писем ко мне священника тюменского и благочинного о.Дим. Родионова, но особенно ялуторовского протоиерея о. Иакова Словцова, который прежде 6 лет был священником при Тюменской Знаменской церкви, а потом (до 1854 г.) и тюменским протоиереем. Кроме того, все эти сведения в последнее время вновь поверены и пересмотрены настоящим священником Тюменской Знаменской церкви о. Павлом Машяновым.

** Серебряная риза на иконе была и до 1859 г., но менее изящной работы и меньшего (19 фунт.) веса.

имостью в 821 рубль и весом в 25 фунтов. 31 золотник. Эта икона издревле более других икон (разумеется, после Тарханской иконы Спасителя и иконы Знамения Божией Матери) привлекает к себе усердие жителей как Тюмени, так и некоторых окрестных селений. Ее лет полтораста уже или более каждогодно из Спасской Тюменской церкви носят в село Каменское, за 25 верст, в благодарственное воспоминание избавления жителей сего селения по молебствии пред нею от двух тогда постигших их бедствий — упадка на скот и какой-то повальной болезни на людей. Из Тюмени уносят святую икону 6-го числа, а в Каменское приносят к 8 июля, к Прокопьеву дню, как обыкновенно в Сибири говорят*. В Каменском по случаю приноса иконы Спасителя, по причине стечения народа, бывает трехдневный торжок**.

Икона святителя Николая, что в селе Мальковском

В Тюменском уезде, кроме трех описанных икон, отличают в почитании еще икону святителя и чудотворца Николая. Эта святая икона небольшого размера и находится в церкви села Мальковского Яровской волости. По преданию, она осталась невредимою от пожара, когда место, где она стояла, было все в пламени. Молиться и молебствовать пред нею народ из соседних с Мальковским сел и деревень стекается в особенности 9 мая, отчего в этот день там бывает и торжок***.

Иконы Господа Вседержителя в Туринском уезде

С Тюменским уездом, кроме Тобольского, смежны еще два уезда: Туринский и Ялуторовский. В первом из них отличают в почитании от прочих (икон) две иконы, и обе Господа Вседержителя. Одна из этих икон с семидесятых годов прошедшего столетия находится в настоящем Туринском Крестовоздвиженском соборе, а прежде того находилась в бывшей в прежнее время соборною же Спасской церкви, которая построена была в царствование Михаила Феодоро-

* Сведения эти сообщены двумя упомянутыми в одном из предыдущих примечаний тюменскими священниками Дим. Родионовым и Павлом Машановым.
** Тоб. Губ. Вед. 1862 г. № 22, стр. 155.
*** Тоб. Губ. Вед. 1862 г. № 19, стр. 136.

вича и имела придел во имя преподобного Михаила Малеина. Святая икона, сравнительно с другими иконами, весьма большого размера, и именно около трех аршин в вышину. Писана она (темными красками) в первых годах XVII столетия Финеесом Чекуновым*, но массивною серебряною ризою украшена уже в столетии настоящем**.

Другая из упомянутых икон Господа Вседержителя со времен незапамятных, по крайней мере для настоящего поколения и даже для восьмидесятилетних старцев, находится в часовне деревни Галахтионовки, отстоящей (по большой дороге к Тюмени) от Туринска в шестнадцати верстах, а от приходской Свято-Троицкой церкви слободы Коркиной — в четырех. И эта икона довольно большого размера: в вышину — 2 аршина и 6 вершков, а в ширину — 1 аршин и 6 вершков. Писана она на холсте и прежде была в раме, но впоследствии, вероятно, для предохранения от повреждения, наклеена на соответственную по величине доску. Господь Вседержитель изображен на ней в виде вечного архиерея Господа нашего Иисуса Христа с короною на главе, со скипетром в левой руке и с надписью: *Царь Царем и Господь Господем* — и изображен, как свидетельствуют много раз видевшие святую икону, величественно и особенно живо, одушевленно. Эта-то одушевленность и величественность изображения Господа Вседержителя на иконе, древность и, быть может, самый размер иконы и послужили, как полагают, к особенному почитанию ее. Прежде несколько лет для чествования носили икону и в Туринск ко времени совершающихся там местных крестных ходов, но в настоящее время чествуют ее только в самой часовне деревни Галахтионовки и в приходской церкви. На месте, в часовне, чествование святой иконы как от богомольцев, приходящих и приезжающих из Туринска и соседних селений, так и от местных жителей ограничивается возжением пред ней свеч, поклонениями и, когда случается священник, то и молебствиями, а в приходскую слободо-Коркинскую церковь приносят ее в праздник Живоначальныя Троицы, и там она и стоит до первого воскресного дня после праздника св. перво-

* Сохраним, как статистическую редкость: за письмо иконы огромного размера мастеру было заплачено 40 алтын.

** Сведения доставлены знатоком сиб. древности г. Абрамовым. См. еще Тоб. Губ. Вед. 1859 г. №№ 21 и 22.

верховных апостолов Петра и Павла. В три, четыре, пять или шесть недель, идущих за Троицыным днем, икону Царя Царем и Господа Господем носят для молебствия по домам Коркинской слободы, и, кроме того, в эти недели для молебствия пред ней приходят и приезжают жители Туринска, а в первое воскресенье после Петрова поста она (икона Вседержителя) уносится из церкви слободы Коркиной обратно в часовню деревни Галахтионовки торжественно, с крестным ходом и при многолюдном собрании как граждан туринских, так особенно жителей окрестных деревень и селений. Когда крестный ход прибывает в Галахтионовку, то прежде совершают на реке Туре водоосвящение, потом обходят с хоругвями и иконами вкруг деревни и, наконец, поставляют икону на учрежденное в часовне место. Вот в это-то особенно время и служат пред нею по усердию богомольцев молебствия, притом нередко с акафистом Господу Иисусу и водоосвящением*.

Икона Смоленской Божией Матери, или Одигитрии, что в Суерской, иначе Осиповой, слободе Ялуторовского ведомства

В Ялуторовском округе наиболее чтимых икон две: икона Смоленской Одигитрии Богоматери и икона Господа Вседержителя.

Первая находится в Богородицкой церкви Суерской, в просторечии Осиповой, слободы**, в 52 верстах от Ялуторовска. Кедровая дска ее имеет длины один аршин и 9 вершков, а ширины — один аршин и $3^1/_4$ вершка. Божия Матерь изображена на ней точно так же, как и на знаменитой чудотворной иконе, находящейся в Смоленске, а именно: в убрусе и с младенцем Иисусом на шуйце, и изображена по достоинству: открытые, благоговейные и проницательные взоры Приснодевы и Ее Божественного Сына, по сознанию очевидцев, невольно поражают богомольцев не только в бла-

* Все эти сведения сообщены мне (в письме от 27 сент. 1862 г.) много лет служащим в Коркинском селе, ныне уже престарелым, от. протоиереем Николаем Брызгаловым.

** Суерская слобода в просторечии называется *Осиповой* от имени одного из первых поселенцев (около 1650 г.) слободы Осипа Давыдова, который в свое время (напр., в 1672 г.) прославился удальством в стычках с кочевавшими тогда вблизи от Суерской калмыками (Тоб. Губ. Вед. 1859 г., № 11, стр. 114).

готовейном настроении и во смирении пред нее представших, но и рассеянных, равнодушных.

Полагают, что описываемая икона привезена или принесена была в Сибирь из России первыми поселенцами Суерской слободы, которые преимущественно были из Устюга Великого*.

Первоначально носили эту икону только в Исетский пригородок и в Рафаиловский монастырь**. В Исетск, как говорит предание, в первый раз святая икона была принесена по просьбе тамошнего управителя, который по молебствии пред ней получил исцеление от глазной болезни. Затем в Исетске и его окрестностях случился сильный упадок на скот, икона снова принесена и с тех пор уже каждогодно была носима к первому октября. Впрочем, этот обычай около 1763 года неизвестно почему был оставлен; в 1779 году по случаю постройки в Осиповой каменной церкви был было возобновлен***, однако ж впоследствии и опять был оставлен.

В Ялуторовск из Осиповой стали носить икону Смоленской или Одигитрии Божией Матери только с 1771 года. Старожилы ялуторовские рассказывали и рассказывают, что лето 1770 года в Ялуторовском округе было засушливое и оттого неурожайное, да и весна 1771 года тем же грозила; почему граждане ялуторовские прошением от 7 июля того года и просили епархиальное начальство дозволить им каждогодно носить из Суерской слободы икону Божией Матери для молебствия. Тогдашний благочестивый архипастырь тобольский Варлаам, заботясь о духовном благе своей паствы, на прошении написал: «Велеть святую икону Пресвятой Богородицы по их прошению приносить в Ялуторовск, но с подобающим благочинием, и паче в трезвости и с постом (да помыслят об этом иные из настоящего поколения), а лучше бы в постное время, когда способнее для народу». Во исполнение этой прекрасной резолюции местное духовное правление постановило: в этом году (1771) принести святую икону 14 сентября, а на будущее время приносить в первое воскресенье Петрова поста****, и когда, прибавляют

* Там же.

** Исетский пригородок — ныне Исетская слобода. Рафаиловский монастырь был основан в 1651 году, но в 1833-м за совершенным безлюдством закрыт, и церковь его обращена в приходскую.

*** В арх. ялут. дух. правления указ преосв. Варлаама от 5 сент. 1779 г.

**** Там же, указ дух. конс. от 19 июля 1771 г.

к этому официальному известию ялуторовские старожилы, на следующий 1772 год святая икона в девятую пятницу была поднята из Осиповой, тотчас же пошел проливной дождь, продолжался сряду трои сутки, и хлеб и травы, к радости жителей, оживились, тогда как лето и 1772 года, подобно двум предыдущим, началось было засухой и худым ростом хлеба и трав.

Принос иконы Смоленской Божией Матери в Ялуторовск и до сих пор совершается точно так же, как он совершен был в 1772 году; в пятницу первой недели Петрова поста после литургии священно- и церковнослужители ялуторовские и осиповские святую икону *поднимают* из Осиповой, на ночь с пятницы на субботу останавливаются с ней в церкви села Николаевского, в 26 верстах от Ялуторовска, следующую ночь — с субботы на воскресенье — проводят верстах в пяти от города, в часовне деревни Памятной, а в воскресенье в 9 часов утра к литургии уже приносят в Ялуторовск в сопровождении и при встрече нескольких тысяч поклонников, как местных, так и из других уездов приехавших и пришедших. В продолжение двух следующих недель Божия Матерь частию стоит (понедельно) в двух ялуторовских церквах — соборной Сретенской и приходской Вознесенской, а более носится для молебствия по домам, как городским, так и соседних с городом селений. По истечении этих двух недель, в понедельник, уносят святую икону, если не помешает большой разлив рек Тобола и Исети, почти на двое суток в бывший Уковский завод, а отсюда в село Николаевское и так далее. Словом, в обратном пути из Ялуторовска в Осипову святыня бывает от двух до четырех недель и даже более, смотря по количеству селений, в которые приглашают для молебствия пред нею.

От продолжительного в каждый год ношения святой иконы по Ялуторовску и селениям и от действия на нее внешнего воздуха, пыли, а иногда и дождя лик Богоматери к тридцатым годам настоящего столетия несколько попортился, почему покойный преосвященный Афанасий приказал было (между 1835—1839) для охранения святыни написать с нее копию с тем, чтобы эту копию и носить в Ялуторовск и его округ и чтобы подлинная икона постоянно оставалась на месте в иконостасе. Копия была написана, но общество градское и сельские стали скорбеть и огорчаться при мысли не

видеть более ни в своих храмах, ни в своих жилищах издревле чтимой ими святыни, почему и просили дозволить им по-прежнему носить подлинную икону; преосвященный разрешил, только с предписанием наперед поновить икону, что и было сделано одним искусным (из Туринска) иконописцем, однако ж с сохранением всех прежних черт ее*. Кроме того, для охранения святой иконы от пыли во время ношения она покрыта тонкою прозрачною слюдою.

Приступаю к сообщению грустного известия: во второй половине прошедшего или в самом начале настоящего столетия на Осиповскую икону Божией Матери купцом Бронниковым устроена была богатая среброзолоченая риза, но в ночи на 6 мая 1822 года чьи-то святотатственные руки похитили ее. Суд человеческий не мог отыскать виновных, но суд Божий, конечно, уже воздал им должное или не умедлит воздать, если не в этом мире, то в загробном. В 1825 году на икону Смоленской Божией Матери устроена была новая, также серебряная и под золотом, риза в 18 фунт. и 35 золотн., притом с аметистами в венцах Божией Матери и Господа Иисуса, а убрус и запястья у Приснодевы вынизаны из доброго, средней величины жемчуга. Но в 1861 году эта риза возложена на вышеупомянутый список с подлинной Смоленской иконы Божией Матери, что в Осиповой слободе, а на самую подлинную икону в том году устроена в Москве новая среброзолоченая с разноцветными камнями и стразами, но более великолепная и более ценная риза. Весит она 19 фунтов, а стоит, кроме пересылки, 1111 р. 15 к. серебром**.

Икона Господа Вседержителя, что в церкви села Кодского

Другая икона местно чтимая, хотя и далеко не столько, как предыдущая, из состоящих в Ялуторовском уезде есть икона Господа Вседержителя, находящаяся в Свято-Троиц-

* Чудотворные иконы и более знаменитые, например, Владимирской Божией Матери в Москве в 1514 году, Знаменской Новгородской между 1526 и 1542 годами и свят. Николая Чудотворца в Вятке, были поновляемы (См. Слава... Пресв. Богородицы... 1853 г. ч. 3, отд. 1, стр. 67; полн. месяцеслов под 21 мая); но от этого благодать чудотворения не отступала от них и не умалялась.

** Все изложенные здесь сведения об Осиповской иконе Божией Матери мне сообщены: 1) бывшим смотрителем ялуторовского училища, ныне советником правления Семипалат. области, знатоком сибирских древностей Н.А. Абрамовым, 2) протоиереем, прежде ялуторовским, а ныне омским, Ст. Як. Знаменским и 3) настоящим ялуторов. протоиереем от. Иак. Словцовым.

кой и вместе Николаевской церкви села Кодского*. Она очень древняя, писана на полотне в виде треугольника большого размера и помещена на паперти церковной**. Местные, а отчасти и окрестные жители, и не только православные, а и старообрядцы, имеют к ней большее благоговение, чем какое имеют они к иконам своих храмов и домов: с мольбами пред нее обращаются в особенности во время безведрия, в засухи и при пожарных случаях. По рассказам старожилов, она найдена была в 1713 году во время пожара целою и невредимою (тогда как и рама ее сгорела) на лугу в двух верстах от сгоревших монастыря и монастырской церкви***, в которой она до того находилась. Значит, Господь для спасения от разъяренной стихии лика Сына Своего и Бога нашего употребил другую — ветер, бурю. Луг, который омывается с трех сторон водою Исети и речки Быстрой и потому называется лукою и на котором найдена икона, с тех пор называется *святогоровой Лукой*****.

Иконы, наиболее чтимые в Курганском уезде: Абалацкая Божией Матери, Пресвятой Троицы, святителя Николая и мученицы Параскевы

В ближайшем к Ялуторовску и несколько более его далеком от Тобольска округе Курганском наиболее почитаются четыре иконы: 1) Знамения Божией Матери, именуемая Абалацкою, 2) Пресвятыя и Живоначальныя Троицы, 3) святителя и чудотворца Николая и 4) мученицы Параскевы.

1) *О Курганском списке с Абалацкой иконы Божией Матери* уже было говорено выше, в описании копий с этой

* Крестьяне села Кодского и окрестных деревень до 1764 г. составляли вотчину Кондинского, иначе Кодского монастыря, что на р. Оби, невдалеке от г. Березова. Для управления вотчиною и для хлебопашества Кондинский монастырь в селе Кодском имел *заимку* вроде выселка, отделения монастырского или лучше приписного монастыря. В ней была церковь, были кельи для управляющего и монахов, были разные хозяйственные строения и пр.

** Теперь, к сожалению, по низменности паперти св. икона при своем огромном размере не совсем на месте, но в двух прежних деревянных церквах она, без сомнения, помещалась в самых церквах и на высоте.

*** Об этом пожаре упоминается в хранящейся в Кодской церкви грамоте блаженной памяти митр. Иоанна Максимовича (от 15 нояб. 1714 г.), данной им Кодской заимке на право сборов для постройки новой вместо погоревшей церкви.

**** Эти сведения сообщены бывшим местным священником Андреевым и вышеупомянутым протоиереем Ст. Знаменским (См. еще Тоб. Губ. Вед. 1858 г. № 38, стр. 605).

столько знаменитой в Сибири святыни. Там было сказано, что список этот находится в Курганском Троицком соборе, что он вышиной пять четвертей, а шириной шесть четвертей и полтора вершка; что он написан в 1860 году в Тобольске по предложению исправляющего должность курганского протоиерея, прежде долго служившего в Тобольске и там привыкшего особенно чтить Абалацкую святыню, священника Михаила Тверетина и по заказу курганских купеческого сына К.П. Меньшикова и мещанина Петра Илясова, впрочем, на деньги не их, но завещанные в собор их доверителем, умершим курганским же купцом Бабыкиным, и что он, список, освящен в Абалаке настоятелем монастыря соборне, пред самою чудотворною иконою. Кроме того, там было замечено и то еще, что, несмотря на самое недавнее написание этой копии с Абалацкой иконы, к ней в Кургане питают уже особенное благоговение: многие носят ее для молебствия по домам, устроили на нее среброзолоченую ризу в 10 с половиною фунтов стоимостью в 453 р. 75 к. серебром и уже ходатайствуют пред епархиальным начальством о дозволении учредить ради нее в городе ежегодный крестный ход. «Мы, нижеподписавшиеся, — говорят курганские граждане в приговоре, составленном и посланном ими в июле 1861 года к преосвященнейшему Феогносту, — Тобольской губернии города Кургана прихожане градских церквей соборной Троицкой и приходской Богородице-Рождественской, быв в общем собрании, постановили сей приговор в том, что, желая увековечить память приноса в соборный наш храм списка с чудотворной иконы Знамения Божией Матери, именуемой Абалацкою, бывшего в 14-е число июня прошлого 1860 года и почтить особенным чествованием заступницу нашу Богородицу, просим покорнейше святительскую особу вашу разрешить нам совершать ежегодно после торжественного Владычице нашей отправления службы, бываемой в 8-е число июля, в следующий затем чрез неделю (?) воскресный день вокруг города крестный ход, с тем вместе (просим) разрешить и перенесение этой святой иконы из соборного храма в Богородице-Рождественский для отправления в оном торжественной службы в течение трех дней, а именно с 20-го по 22 число июля месяца, принося оную ко всенощной на день св. пророка Илии, возвращать в со-

бор после литургии помянутого 22 числа*, и тем оказать нам милостивое архипастырское благоволение».

2) *Икона Пресвятыя и Живоначальныя Троицы* находится в часовне деревни Курганской, отстоящей от Кургана в семи или восьми верстах вверх по течению Тобола. Эта деревня получила свое название от находящегося вблизи ее древнего огромнейшего кургана** и есть остаток г. Кургана, который, впрочем, еще под названием слободы Царево Городище до конца XVII столетия находился на Алгинском яру реки Тобола, словом, почти на том самом месте, где теперь расположена помянутая деревня и откуда он перенесен был на настоящее свое место по той причине, что Алгинский яр от подмыва водой, особенно во время весенних разливов Тобола, сильно осыпался, а часовня ее была устроена взамен Троицкой церкви, которая находилась в Царевом Городище (по-нынешнему в г. Кургане) и которая вместе с ним была перенесена на новое место. Что же касается до иконы Живоначальныя Троицы, то и она — остаток древности: по розысканьям оказывается, что эта икона была храмовая в Троицкой Царевогородищенской церкви до ее перенесения на семь или восемь верст ниже по реке Тоболу и оставлена в часовне деревни Курганской на память о той церкви и по усильной просьбе слобожан, не пожелавших расстаться с местом прежнего своего жительства.

Икона Пресвятой Троицы, написанная, как почти и всегда пишется Троица (т.е. в виде трех странников с ангельскими крыльями, сидящих под дубом мамврийским и угощаемых праведным Авраамом) имеет в длину пять четвертей, а в ширину — три с половиною, и в недавнее время

* Очевидно, курганские граждане желают свой крестный ход со списком Абалацкой иконы Божией Матери сблизить по времени с таковым же крестным ходом, совершающимся с его подлинником, т.е. с чудотворною Абалацкою иконою, в Тобольске 8 и 9 июля, а ношение его списка в свою приходскую Богородице-Рождественскую церковь (сблизить) с таковым же ношением Абалацкой святыни 20 июля из Тобольского собора в Ильинскую, иначе Богородице-Рождественскую церковь.

** Курган и в настоящее время, несмотря на осадку земли, имеет в вышину до четырех сажен, а в окружности около 80 и называется Царевым Курганом, как в отличие от малых своих собратий, находившихся и подле него, и в других местах Курганского уезда, так и потому, что будто бы он насыпан был каким-то жившим в той местности сильным татарским ханом (по-русски царем) над могилой любимой его дочери, умершей в девичестве (Вестн. Геогр. Общ. на 1854 г. и Тоб. Губ. Вед. на 1858 г. № 48, стр. 694–97).

украшена курганским купцом Березиным обще с крестьянами деревни Курганской прекрасною серебряною ризою стоимостью в 325 рублей серебром.

В Троицын день в деревню Курганскую из г. Кургана с самого перенесения его на настоящее место ежегодно совершается крестный ход: накануне праздника из деревни Курганской икону Пресвятой Троицы (вместе с иконою Знамения Божией Матери) приносят ко всенощному бдению в приходскую Курганскую Богородице-Рождественскую церковь*, но утром в самый праздник переносят ее в собор, а оттуда после литургии торжественно относят обратно в часовню деревни Курганской в сопровождении множества народа как из горожан, так и из жителей соседних деревень и селений**. Молебствуют пред святою иконою по просьбам усердствующих и тогда, как поднимают ее (накануне Троицына дня), и тогда, как ставят ее на место (в Троицын день), а особенно во время нахождения ее в Кургане и на пути как переднем, так и обратном. Для той же цели духовенство Курганской Богородицкой церкви, к которой деревня Курганская состоит приходом, приезжает в часовню в Пасху, в праздник Знамения Божией Матери, т.е. 27 ноября, и когда нужно ходить по деревне с иконами при случаях бездождия или безведрия, или упадка скота, болезней на лошадей и пр.

3) *Икона святителя и чудотворца Николая* находится в церкви Утяцкой слободы*** на одном из четырех столбов, поддерживающих своды той церкви. Эта икона довольно значительной величины: в длину — один аршин девять вершков, а в ширину — один аршин и пять вершков. Она более 100 лет тому назад, за день до весеннего приходского праздника в честь святителя Николая (значит 7 мая), неизвестно откуда принесена была в Утяцкую слободу водою Тобола. Предание прибавляет к этому, что первой увидела ее женщина, пришедшая на реку мыть рыбу; что будто бы когда женщина та хотела взять ее, то икона отплыла от нее на несколько сажень, но и

* Лет за 20 или 25 пред сим, когда Богородице-Рождественской церкви еще не существовало, св. икону приносили прямо в собор.

** По обыкновению, издавна существующему, народ после крестного хода остается в деревне Курганской уже до поздней ночи и, разумеется, уже не для богомолья, а для гулянья; лица благородного и среднего сословий располагаются на Царевом Кургане в нарочно устраиваемых под тенью березок палатках, а из простонародья — кругом кургана.

*** В 1-й версте выше Кургана, на левом берегу Тобола.

опять остановилась, что об этом женщина объявила народу, а народ со священниками взяли (поймали) икону и внесли ее в церковь. С этого времени и с этого случая и стали чтить описываемую икону святителя Николая более других икон не только утяцкие прихожане, но и жители Кургана, да отчасти и всего Курганского округа. На поклонение ей в значительном количестве стекается народ 9 мая и 6 декабря.

4) *Икона мученицы Параскевы, нареченныя Пятницы*, гораздо более против трех предыдущих икон чтимая в Курганском уезде, находится в церкви села Введенского, иначе Черновского*, отстоящего от Кургана в девятнадцати верстах. Длиною она в аршин и полтора вершка, а шириною — в 14 вершков; мученица изображена на ней рельефом во весь рост, на главе ее венец, поддерживаемый двумя ангелами; в правой руке у нее, сложенной для крестного знамения, животворящий крест, а в левой — свиток с символом веры, на самой на ней хитон и поверх хитона еще другая верхняя одежда; поверх всего изображения надпись: образ св. мученицы Параскевы; лик и руки св. мученицы писаны по приличию красками, хитон посеребрен, а верхняя одежда, также венец на главе, ангелы, крест и все прочее вызолочены. В 1860 году старанием местных священника Стефана Наумова и церковного старосты крестьянина Максима Осипова устроена на икону (стоящую за правым клиросом в тумбе, как бы киоте, с золочеными колоннами) серебряная под золотом риза весом в 6 фунтов и 54 золотника.

Описываемая икона св. Параскевы почитается явленною. По словам старожилов, не только введенских, но и курганских, и других, передаваемых из рода в род, она явилась мальчику, пасшему стадо, когда это огласилось в селе, местные священно- и церковнослужители со множеством народа пришли с церемонией, подобной крестному ходу, на место явления иконы и взяли ее в церковь. С этого-то в селе Введенском и началось почитание иконы мученицы Параскевы, но в какое именно время это было, того определенно никто не может сказать**.

* Черновским село называется от речки Черной, на которой оно расположено, а Введенским — по церкви, освященной во славу Введения Пресв. Богородицы во храм.

** Не могут ли к более или менее основательным догадкам о времени явления св. иконы и начала почитания ее вести след. соображения: настоящая церковь в селе Введенском уже третья; она построена в

Усердие к иконе св. мученицы Параскевы в Кургане, селах Введенском и ближайших к нему Давыдовском и Лебяжьем с деревнями, а также в крепостях и редутах ближайшей к Кургану части Ишимской линии с течением времени возросло, поклонников в церковь села Введенского являлось все более и более, но особенно велико стечение их и прежде бывало, и ныне бывает в девятую по Пасхе пятницу, отчего в Введенском в этот день даже образовалась ярмарка. Впрочем, и в целый год, особенно летом, в дни воскресные и праздничные ездят во Введенское и чаще других жители Кургана; иные из них, и преимущественно из женского пола, ходят туда пешком по обетам, даваемым по случаю, например, болезней самих ли или кого-либо из членов семейств, также при бесчадии молодых супругов и пр.

В настоящее время икону св. Параскевы из Введенского для молебствия никуда не носят, но прежде почти в каждое лето носили ее для этой цели в бывшие населенные казаками Сибирского линейного войска крепости Лебяжью, Пресновскую, Пресногорьковскую и прилежащие к ним редуты. Это прекратилось, как можно полагать, после того, как церкви и духовенство названных крепостей епархиальным начальством были отчислены от курганского духовного правления ко вновь учрежденному петропавловскому духовному правлению*.

Село Чернолучье и икона святой мученицы Параскевы, нареченныя Пятницы

Верстах в 45 или 46 от города Омска есть село Чернолучье, так названное от *черного*, по крайней мере таким зимой и летом, особенно издали, по причине густой сво-

1827 году, ее предместница, тогда разобранная за ветхостью, была заложена в 1770 г. и освящена в 1773 г. при Тоб. преосвященном Варлааме; первая же церковь пред 1770 годом сгорела. Ежели предположить, что эта первая церковь стояла до пожара лет 40, 50, 60, даже 70, то выйдет, что икона св. мученицы Параскевы явилась и ее начали особенно чтить никак не ранее первой половины или начала прошедшего столетия.

* Сведения о всех четырех иконах, наиболее чтимых в Курганском округе, собраны на месте, тщательно поверены по документам и сообщены мне законоучителем Курганского уездного училища и присутствующим в дух. правлении свящ. Ин. Филип. Волковым в письмах от 6 июля 1857, 21 янв. и 25 апр. 1862 г. Впрочем, иное о второй из них (об иконе Пресв. Троицы) заимствовано мною и из статьи Н.А. Абрамова: *Царево городище*, напечатанной в Вестн. Геогр. Общ. на 1854 г. и в Тоб. Губ. Вед. 1858 г. № 48.

ей зелени, кажущегося соснового бора, который растет подле него, и от *луки* — изгиба, который делает почти вкруг него Иртыш*.

Чернолучье само по себе незавидное селение: десятков шесть-семь плохо построенных и почти без всякого порядка расположенных небольших деревянных домиков: при них — деревянная обыкновенная сельская церковь, запасные хлебные магазины, дом бывшего волостного правления — и только. Но местоположение его прекрасное: с трех сторон его (севера, востока и отчасти юга) — густой сосновый бор**, один и единственный, и на далекое пространство в окрестностях Омска; довольно возвышенный (правый) берег Иртыша, на котором оно расположено, на далекое пространство видимая местность левого, противоположного, берега с несколькими на ней селениями и с их обширными лугами и полями; наконец, самый довольно быстрый и широкий, огибающий село с трех сторон Иртыш — все это делает местоположение Чернолучья, особенно в плоских, однообразных, словом, степных окрестностях Омска, действительно приятным и замечательным.

Но чернолуцкая местность, приятная на взгляд, в свое время была весьма выгодна в военном, стратегическом отношении. С Черной Луки при каких-нибудь шести-семи казаках легко можно было обозревать окружающую местность на весьма значительное пространство и наблюдать за непрестанно и долго рыскавшими мимо нее партиями барабинских

* Хвойный лес, сосновый ли он, пихтовый или кедровый, сиб. татары обыкновенно называют *карагай* (черный лес). Да так нередко называют его и русские сибиряки; напр., около Бийска и Кузнецка и русские обыкновенно говорят: поехал, отправился в *чернь*, а это значит, поехал, отправился в северную часть Алтайского хребта, покрытого преимущественно кедром, пихтой, сосной и проч. Иртыш до Омска и далее течет на северо-запад, но подле Малых Кулач он круто поворачивает на запад, а потом, обогнувши Чернолучье, обращается на северо-восток. Образуемая таким течением Иртыша кривизна издревле, по крайней мере гораздо раньше постройки Омской крепости, даже в правительственных актах не иначе называлась, как *Черная Лука* (см. Ист. Акт. Т. 5, стр. 521). Лука эта по течению Иртыша имеет до 25 верст, но между оконечностями ее, если принять за них, с одной стороны деревню Малые Кулачи, а с другой деревню Красноярскую, будет не менее 10 верст, а не одна верста, как ошибочно сказано в геогр. слов. Шекат. (ч. 7, стр. 112, изд. 1809 г.). Мною измерение сделано по самым подробным и точным новейшим топографическим картам.

** В Омском уезде и прилегающей к нему Киргизской степи леса только березовые, да и тех с давних пор весьма мало. Восточная часть Чернолуцкого бора крестьянами навсегда приложена к церкви.

татар, калмыков, а особенно кучумовцев и киргиз*, и по временам причинявшими страшные опустошения и самые варварские разорения в русских поселениях; на Черной Луке и небольшой отряд с удобностью мог, с одной стороны, задерживать и значительные неприятельские силы, если б они покусились плыть на судах или плотах вниз Иртыша, а с другой — охранять русские суда, почти каждогодно отправлявшиеся из Тобольска, Тары и других северных городов на Ямышевское озеро, частью для торговли там с китайцами, калмыками и другими азиатскими народами, а более за солью** на продовольствие этим продуктом всей нынешней Тобольской губернии и значительной части — по урал-пермской. И этот выгодный пост долгое время, а именно до начала XVIII столетия, был последним пунктом русских владений в Сибири по направлению к верховьям Иртыша всего в 45 верстах, а по прямой линии и того менее — от реки Оми, пограничной черты с джунгарскими или калмыцкими владениями***, он (чернолуцкий пост) до устройства при Петре I Иртышской линии служил первым пунктом обороны для всех наших заселений ниже Оми. по Иртышу к Таре. По этой причине и правительство наше, подвигая от Тары вверх Иртыша русское заселение, никак не позже половины XVII столетия и во всяком случае гораздо раньше построения крепости Омской**** основало на Черной Луке слободу с наименованием Чернолуцкой, устроило в ней, как почти и во всех пограничных того времени слободах и деревнях, укрепления с надолбами, рогатками, палисадом и заплотами и поселило в ней несколько десятков служилых, т.е. городовых, казаков, по крайней мере присылало их туда в положенные сроки из Тары. При всем том Чернолуцкая слобода до построения в 1715 и по 1721 год Ямышевской, Омской и других по Иртышу крепостей висела, по выражению Словцова, на волоске от беды*****: не только служилые, но и поселяне Чернолуцкой слободы, окруженные отовсюду азиатскими убийцами и хищниками, постоянно должны были находиться настороже (подобно тому, как в настоящее время в Улутау, а особенно на Кавказе); со

* Ист. Акт. Т. 5. стр. 521.

** Тоб. Губ. Вед. 1858 г. № 1.

*** Эти владения уничтожены китайцами в 1757 г.

**** Словцов в Ист. Обозр. Сиб., кн. 1, говорит, что в 1634 г. при проезде русского посла Байкова в Китай на устье Оми был усть-омский ведет. Но у Байкова об этом сказано только: «А живут на устье Оми Тарского города служилые люди для рыбной ловли». Др. Вивл. Т. IV, стр. 122.

***** Ист. Обоз. Сиб., кн. 1, стр. 428.

средствами обороны они принуждены были исправлять свои полевые работы, с оружием они должны были отправляться в луга за сеном, в лес за дровами, на охоту, рыбную ловлю и т.д. Впрочем, и по постройке Омской и других крепостей по Иртышу даже и после водворения, около половины XVIII столетия (в 1745 г.), по Иртышской и некоторым другим сибирским линиям регулярных (пехотных и кавалерийских) полков Чернолучье и другие селения, как по Иртышу к Таре, так и вверх по Оми, далеко еще не вполне были обезопасены от своих неспокойных соседей, особенно киргизов; конечно, не без нужды в 1749 году в Чернолучье, равно как и во всех ближайших к нему селениях, например, Малетиной, Хариной, Захламиной, Борках, Кулачах и проч., еще во всей целости сохранялись вышеупомянутые надолбы, рогатки, палисады и заплоты и, кроме крестьян-слобожан, в нем жили 50 *выписных* казаков*. Эти укрепления и эти выписные казаки оказались там ненужными только с окончательным сформированием Сибирского казачьего линейного войска (в царствование императрицы Екатерины II**) и после устройства Горькой, что между Омском и Петропавловском, линии (в 1763—1775 гг.). Здесь следует еще сказать, что в Чернолучье много лет (при императрицах Елизавете и Екатерине II) имел штаб-квартиру с казаками, пороховым погребом и походной церковью Ширванский мушкетерский полк, который в 1808 году вместе с другими регулярными полками отведен был генералом Скалоном в Россию.

У всех, первоначально заселивших Сибирь, было в обычае устроять в местах своего жилища если не церковь, то

* Географ. Вестн. 1860 года, ч. 29, отд. 2, стр. 219. *Выписными* казаками назывались местные и ближайших селений крестьяне, которые, не быв освобождены от податей, составляли воинские команды вроде прежней нашей милиции и недавно бывшего ополчения с собственным вооружением и содержанием (Там же, стр. 201). У старожилов Захламинской и других по Иртышу деревень до сих пор сохраняется в памяти, что их деды и прадеды были когда-то не только крестьянами, а вместе и военными, и у некоторых из них сохраняется от того времени оружие. Впрочем, выписные казаки из известного числа душ близких к границам селений были с 1702 года и по всей сибирской линии. Они были вооружены копьями, бердышами, саблями и огнестрельным оружием и употреблялись в помощь войскам для обороны границы и пограничных жителей от непрестанно нападавших степняков. Тоб. Губ. Вед. № 48, стр. 696.

** Но основание, начало этому войску положили еще в 1716—1720 годах городовые сибирские казаки, поселенные, хотя и не в большом количестве, во вновь построенных тогда по Иртышу крепостях.

непременно часовню. Позволительно поэтому думать, что и первые жители слободы Чернолуцкой устроили у себя часовню, и тем более, что слобода их была самым крайним к Киргизской степи русским заселением и что ее приходская церковь находилась не ближе, как в слободе Татмыцкой или даже в самой Таре, следовательно, слишком за 200 или даже близ 300 верст. В нее, в часовню эту, они собирались в дни воскресные, особенно в большие праздники, затепливали там пред святыми иконами своедельные свечки, курили в ручной кадильне ладан и молились, как кому внушало их простое чувство; быть может, в иной раз какой-нибудь грамотчик* даже читал им часы и другие молитвословия. Но при Петре I во время вторичного управления Сибирской епархией митрополитом Филофеем Лещинским, когда на Иртыше от Чернолучья и Омска до Норд-Зайсана происходила чрезвычайная деятельность, жители Чернолучья и ближайших к нему селений образовали из себя особый приход** и в 1718 году

* Грамотные люди в Чернолучье должны были находиться потому, что там было земское управление, зависевшее от Тары. См. в Геогр. Вест. 1853 г. статью Абрамова о первоначальном заселении округов Тарского и Омского.

** Приход Чернолуцкий по пространству первоначально был один из обширных: в его состав, например, в 1749 г. входили почти все селения, бывшие между Омскою крепостью, Карташевским погостом, селом Бергамацким и Абалацкою слободою, как-то: деревня Харина, двое Кулачи, Малетина, Красноярка, быть может, Серебряная и проч.; но по числу душ он едва ли был большой, и 30 лет спустя по образовании его, а именно в 1749 г., при семи церквах: чернолуцкой, двух омских — Ильинской и Сергиевской, железинской, ямышевской, семипалатинской и усть-каменогорской — состояло только 872 двора и в селениях, ныне больших, народу в то время было немного, например, в Хариной мужчин от 16 до 50 лет находилось только 54, в Кулачах — 49, в Чернолучье, Малетиной, Красноярке и Битее, во всех вместе — только 65, да выписных казаков 50 человек (Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 19, стр. 227; Географ. Вест. 1860 г. ч. 29. отд. 2, стр. 219). Но с умножением народонаселения в уездах Тарском и Омском, особенно с продолжением прямой дороги из Тобольска в Омск чрез Барабинскую степь и заселением этой степи, в шестидесятых годах прошедшего столетия при губернаторе Чимерзине переселенцами из России, из новых селений и прежних, входивших в состав Чернолуцкого, начали составляться особые приходы, напр., Кулачинский, Баженовский, Битеинский и Тюкалинский (в 1767 г.), и он стал сокращаться, впрочем, только по пространству, а не по числу прихожан. В 1786–1800 годах Чернолуцкий приход состоял из слободы Чернолуцкой, деревень Воровской, Малетиной, Красноярской, Авлов, Китайлов, Красного яра и редута Степного с дворами от 156 до 172-х и с душами муж. пола от 638 до 677, жен. — от 665 до 689. Между 1800–1805 годами в Чернолуцком приходе является вновь населенная деревня Могильная и исчезает (чрез выселение в Чернолучье и др. ме-

построили из огромных, тут же, на месте, рубленных, сосновых деревьев, а 12 апреля следующего года (как свидетельствует надпись на кресте из-под жертвенника первой церкви) и освятили церковь во славу Воздвижения честного и животворящего креста Господня в присутствии митрополичьего наместника иеромонаха Феофана Канорского.

Эта первая чернолуцкая церковь была низменная, как часовня. В алтаре было одно только (против горнего места) окно, и то вроде *волокового*, да и в самой церкви окна были маленькие, немного больше алтарного, со слюдой вместо стекол. Первый иконостас (впрочем, уже не тот, который был в ней в начале настоящего столетия) состоял из икон очень мелких, совершенно таких, какие прежде развозили по Сибири суздальцы. Колокольня ее, вроде немудрой ветряной мельницы, на столбах стояла в некотором от нее расстоянии. Эта небогатая, но сообразно скудным средствам и простому вкусу прихожан устроенная церковь, простоявши 120 лет, пришла, наконец, в совершенную ветхость, и потому в 1841 году была заменена новой, деревянной же. В этой второй, довольно хорошей и благовидной, особенно внутри, чернолуцкой церкви уже два престола: в летней, холодной, в память Воз-

ста) дер. Малетина. В это пятилетие дворов в нем было около 125, а душ муж. пола от 824 до 896, жен. — от 780 до 852. В течение 30 лет после сего в Чернолуцком приходе, сверх слободы, редута и 6 помянутых деревень, появились еще три вновь поселившиеся деревни: Мало-Могильная, Тычкина, иначе Окунева, и Замиралова, и число дворов из 125 к 1834 году возросло до 358 с душами муж. пола 1442 и жен. 1521. В 1840 г. редут Степной от Чернолуцкого прихода отчислен ко вновь выстроенной в Омске войсковой Николаевской церкви, и в нем осталось дворов 325 с душами муж. пола 1301, а жен. 1365. Но к 1848 г. число дворов и без умножения числа деревень опять увеличилось до 358, а число душ муж. пола до 1434, жен. до 1557. Затем Чернолуцкий приход снова стал сокращаться: 1) в 1849 г. три его деревни — две Могильные и Окунева — с 80 дворами и в них с 321 душой муж. и 309 душами женскими отошли ко вновь образовавшемуся тогда Бегишевскому приходу и 2) в 1854 г. еще 4 деревни (Воровская, Авлы, Замиралова и Красный яр) отчислены ко вновь же составившемуся (преимущественно из переселенцев-малороссиян) на левом берегу Иртыша приходу Любинскому. Но как бы в вознаграждение этой утраты к Чернолучью тогда же причислены были деревни Мало-Кулачинская (от Кулачинского прихода) и вновь населенная (переселяли из Воронежской губернии) Новотроицкая. В настоящее время Чернолуцкий приход состоит только из 5 селений (Чернолуцкого, Красноярского, Китайлинского, Мало-Кулачинского и Новотроицкого), но приходских дворов и прихожан в нем и опять немало, а именно: дворов 338, душ муж. пола 1355, жен. 1395. В 1861 году родившихся в Чернолуцком приходе было муж. пола 99, жен. 95, умерших муж. пола 62, жен. 58, браков 46 (арх. омского дух. правл.).

движения креста Господня, а в зимней, теплой — во имя святой мученицы Параскевы, нареченныя Пятницы.

Клир в Чернолучье всегда был полный, состоял из священника, диакона и других причетников. В первые почти 80 лет при Чернолуцкой церкви священствовали только три родственных между собою священника: 1) *Иоанн Лапин* — с 1719 года по 1744 год, 2) *Василий Серебренников*, сын омского казака Афанасия Серебренникова, женатый на дочери предместника своего, священника Лапина, — с 1745 г. по смерть свою, последовавшую в 1784 году: 3) *Петр Серебренников*, сын своего предшественника, женатый на дочери битеинского казака Грязнова, первоначально причетник чернолуцкий, потом диакон Омской крепостной Сергиевской церкви, а пред поступлением в Чернолучье священник села Баженовского — с 1784-го по 1797 гг., когда скончался. После них в течение 65 лет переменилось семь священников*.

Чернолуцкая слобода, как и было уже сказано, сама по себе — селение незавидное: бедно и почти без всякого поряд-

* Вот они: 4) *Михаил Тюшняков* — с 1798 по 1808, в сем году по вдовству выбыл в Томский Алексеевский монастырь в надежде пострижения; 5) *Димитрий Вазков* — с 1808 по 1823 гг., когда он переместился в незадолго пред тем (в 1817 г.) выстроенной церкви в селе Юдине; 6) *Андрей Фирсов*, потомок прибывшего из Малороссии с митр. Филофеем Лещинским (1702—1727), до священства певчий архиер. хора и диакон Тобольского кафедрального собора, священствовал в Чернолучье 10 лет — с 1823 по 1833 гг., когда выбыл ко вновь выстроенной в селе Куликовском церкви, а оттуда в 1854 году по старости лет вышел в заштат, но здравствует и до сих пор; 7) с конца 1834 года по июль 1841 года, когда скончался, священствовал кончивший курс учения Тоб. семинарии *Григорий Ив. Буров*. Впрочем, он в 7 (неполных) лет своего священства из Чернолучья был выводим на полтора года в Тюкалу, а Чернолучье в это время оставалось без местного священника; 8) после сего священническое место в Чернолучье целый год было зачислено за родственником умершего, учеником богословия Афанасием Бекреевым, а обязанности священника исправляя отец его, заштатный тюкалинский священник *Гавриил Бекреев*, который в Чернолучье и скончался; 9) с 1843 г. по авг. 1851 г. священствовал кончивший курс Владимирской семинарии *Андрей Аедоницкий*, который после того был перемещен в Кулаки и там в конце 1860 г. помер; 10) на место Аедоницкого 1 авг. 1851 г. поступил также кончивший курс учения бывший карасукский, а потом кулачинский священник *Григорий Лапин*, но в 1854 г. он перемещен в село Серебряное, а оттуда куда-то уже в другой уезд; 11) с янв. 1855 г. и по июль 1862 г. священствовал из неучившихся в семинарии Петр Бекреев, а в настоящее время священствует бывший учитель Омского дух. училища Стефан Тоболкин. С 1851 года чернолуцкий священник с причтом, как и все сельское духовенство Тобольской епархии, получает от казны жалованье: священник по 140 р., диакон по 70 р., дьячок по 36, а пономарь по 30 р. сер. в год (архив. омск. дух. правл.).

ка; она выстроена и населена только немногими трудолюбивыми и состоятельными землепашцами, а более ленивыми и бедными рыболовами и дроворубами, притом же она в стороне от большой дороги и от всего. Несмотря на то, она во всем Омском и отчасти и в других ближайших к нему уездах пользуется громкой известностью: в нее ходят и ездят, особенно в весеннее и летнее время, во множестве из Омска и из всех соседних и даже отдаленных селений; из Омска, между прочим, ходят и ездят многие не только из простонародья, но из людей чиновных, из классов образованных. Зачем же это все, по крайней мере очень многие, туда стремятся? Конечно, иные (из среднего и высшего класса) едут туда ради прогулки, для развлечения, чтобы полюбоваться хорошей местностью, подышать чистым воздухом, погулять в сосновом бору, пособирать ради забавы ягод, грибов, но наиболее ходят и ездят туда для богомолья, по религиозным побуждениям...

В Чернолуцкой церкви есть святая икона мученицы Параскевы, именуемой Пятницы, ради нее в Чернолучье бывает стечение народа, ради нее особенно дорога туда, между прочим от Омска, всегда бывает пробита, хорошо укатана.

Икона мученицы Параскевы, находящаяся в чернолуцкой церкви, простого старинного письма, на доске длиною в девять вершков и шириною в шесть. Долго, лет 100 или близ того, оставалась она почти без всякого украшения и в малоблаголепном виде, и именно с пятидесятых или шестидесятых годов прошедшего и до 26 года настоящего столетия на ней были только медные оклад и венец на великомученице, а в 1826 году известным лицом была устроена на нее бисерная с разноцветной фольгою риза*; к тому же от времени и от ношения весной и отчасти летом по окрестным деревням и полям святая икона по местам попортилась, краски на ней или облиняли, или сильно потемнели. Только в 1849 году жена покойного генерал-майора Степана Сев. Безносикова Клавдия Максимовна и отчасти некоторые другие чтители святой мученицы многочтимую икону ее чрез искусного и благоговейного мастера поновили (впрочем, с сохранением всех прежних черт), устроили для нее в Москве хороший, оклеенный красным деревом и украшенный золоченой резьбой в виде складней киот**.

* Из описей Чернолуцкой церкви 1803 и 26 г.

** Киот вышины 1 аршина и $3^1/_2$ вершков, а ширины — полтора аршина и $^3/_4$ вершка.

В средине складней помещена икона св. Параскевы, а по сторонам, на створках, вновь написаны угодники Божии, имена которых носили или еще носят жертвователи на это богоугодное дело, а именно: на правой створке — архидиакон Стефан и над ним в малом размере еванг. Матфей, а на левой — мученица Клавдия и над ней еванг. Лука; в полукружии киота, что над великомученицей Параскевой, написан Нерукотворенный образ Спасителя, держимый за лентион[97] ангелами. Все эти лица и, во-первых, св. Параскева, а потом архидиакон Стефан, мученица Клавдия и прочие, покрыты серебряными под золотом хорошей работы ризами; венец на мученице, сверх того, украшен стразами. *Да освятит Господь любящия благолепие дому Его* и изображений святых Его! Киот с иконой св. Параскевы поставлен в холодной церкви на тумбе за левым клиросом.

Празднуют в Чернолучье в честь мученицы Параскевы не только 28 октября — в день ее страданий, сколько в девятую по Пасхе, или, что то же, в первую Петрова поста пятницу. Стечение народа, особенно простого, из Омска и из селений ближних и дальних в этот день и предшествующие бывает огромное: не только дома, но все амбары, сенники и завозни чернолучинцев бывают тогда переполнены богомольцами, даже за недостатком и каких бы то ни было помещений многие из богомольцев располагаются (отдохнуть от пути и покушать) под открытым небом вокруг церкви и в сосновом бору. Литургия в девятую пятницу всегда совершается торжественнее обыкновенного, соборне несколькими священниками с благочинным, а после литургии бывает крестный ход. Крестный ход сначала направляется на северо-восток от церкви, за бор, к находящемуся подле омской дороги кресту*, и там совершается молебствие с водоосвя-

* Крест это деревянный с изображением на нем распятого, но в него вложен значительной величины в металлическая, крест поставлен на дерев. помосте под крашеной круглой, в виде шатра, крышей, поддерживаемой 12 колонками; вкруг его крашеная же оградка. Настоящий крест лет 11 тому назад устроен (ныне) советником областного в Омске управления А.Ф. Денисовым, но он, только более простого устройства в сравнении с настоящим, существовал и гораздо прежде того. В память чего именно поставлен тут животвор. крест, неизвестно, а только смутно говорят старожилы, что на том месте что-то особенное случилось с каким-то воеводой (вероятно, или с комиссаром старых времен, либо с кем-нибудь из командиров, по крайней мере офицеров стоявшего там Ширванского полка).

щением, отсюда идут сначала площадью вкруг церковного бора к Иртышу, на юго-запад; на западе, недалеко уже от слободы, встречается другой крест*, при нем снова останавливаются для вторичного молебствия, по окончании которого уже прямо возвращаются во храм.

Икону св. мученицы Параскевы, имеющуюся в Чернолучье, чтят: ее богато украсили, молебствовать пред нею приходят и приезжают многие из мест окрестных и даже довольно отдаленных, в честь ее местно совершается празднество! Но с чего это все? С какого повода такое усердие, такое в людях благоговение к ней? И в особенности отчего мученице Параскеве празднуют именно в девятую по Пасхе пятницу?

Эта девятая по Пасхе пятница в Чернолучье есть обетная**, празднование в честь мученицы Параскевы, нареченныя Пятницы, в эту, а не в другую какую пятницу, совершается там по обещанию... Лет за 100 или 110, за 115 пред сим, следовательно, около половины прошедшего столетия и никак не позже начала царствования (1762 г.) императрицы Екатерины II***, в Чернолучье в весеннее вре-

* И этот крест под деревянным навесом и с оградкою, но как он сам, так и навес, а равно и оградка — простейшего, против вышеупомянутых, устройства и уже довольно ветхие. Он устроен, говорят, на том самом месте, где некогда в летнее лагерное время раскидывалась походная церковь Ширванского полка.

** Пятница, как день крестных страданий Господа нашего Иисуса Христа, в древние времена пользовалась (хотя и во всякое время должна бы пользоваться) особенным уважением. Но и из пятниц преимущественно еще уважались пятницы *временные и обетные*. *Временных* (в определенные времена бывающих) пятниц считалось 12 — это Благовещенская, Успенская, Воздвиженская и вообще предшествующие большим, двунадесятым праздникам. Они, как, очевидно, общие для всех, были строго наблюдаемы всеми, особенно набожными православными христианами. *Обетными* назывались такие пятницы, в которые предки наши давали обет — обещание не только держать строгий пост, но и не работать, а проводить их, как дни праздничные, давали обет по случаю каких-нибудь несчастий, постигших известную местность, например, по случаю неурожая хлеба, падежа скота, повальных болезней на людей и пр. Эти последние, очевидно, были не общие, а местные, обязательные для людей только известной местности (см. Правосл. Собеседник на 1859 год, ч. 1, стр. 187). Девятая по Пасхе пятница, празднуемая в Чернолучье, как сейчас будет видно из рассказа, действительно есть обетная.

*** Это основывается на следующем соображении: около 1825 года живы были два старца: один в Чернолучье, другой в деревне Чернолуцкого прихода Красноярке, один 90 лет, а другой за сто; они, когда рассказывали местному священнику (о. Андрею Фирсову) и другим о происшествии, с которого стали чтить икону мученицы Параскевы и в память которого

мя случилось мороное поветрие (вероятно, сибирская язва) на людей. Жители, болея во множестве и умирая в значительном количестве, и не имея никакой пользы, обратились с мольбами о помиловании к Господу Богу. Но так как это было весной, около Троицына дня, следовательно, близко к девятой пятнице, издревле столько чтимой во многих местах не только по Сибири, но и во всей России и Малороссии, то жители описываемой слободы, молясь Господу Богу, с тем вместе обратились с мольбами о заступлении за них пред Господом и к его угоднице мученице Параскеве, нареченной Пятнице*, дали при этом, между прочим, обет купить или выменять икону св. мученицы и каждогодно в девятую по Пасхе пятницу праздновать, устраняться от всяких работ и от всех мирских увеселений и, напротив, проводить ее в строгом посте и воздержании. Икона св. Параскевы тотчас, по крайней мере вскоре, и была приобретена; пред нею молебствовали, ходили с нею и другими иконами крестным ходом вкруг села, постились и воздерживались; и по их вере, по их усердию было, что

праздуют в Чернолучье девятую по Пасхе пятницу, обыкновенно прибавляли: «А мы в то время были еще молодонькие, или маленькие».

* Но мученица Параскева — лицо, а пятница, девятая она или не девятая, — день; почему же жители Чернолучья в скорби и молитвах к Господу при приближении девятой после Пасхи пятницы вспоминали о ней, мученице, и просили ее пред Богом предстательства? Пятницу, особенно девятую или десятую по Пасхе, смешивают, соединяют с мученицей Параскевой не только в Чернолучье и вообще в Сибири, но и во всей России, Малороссии и Белоруссии, и смешивают с незапамятных времен. В объяснении сего вот что говорится в статье: *Почитание среды и пятницы в древнем русском народе*, помещенной в Правосл. Собесед. 1859 года (ч. 1, стр. 195 и след.): при (особенном) уважении пятницы весьма понятным становится и олицетворение ее в простом народе в древние времена. Простой народ, не способный к отвлеченным понятиям, свои верования обыкновенно превращает в образы, придумывая для них имена и лица или сближая их с известными ему именами и лицами. Последнее тем скорее могло случиться с уважаемой народом пятницей, что ему, конечно, было весьма известно житие св. мученицы Параскевы. В житии св. Параскевы говорится, что родители ее всегда чтили пятницу, как день страданий и смерти Спасителя, и отличали ее строгим постом, молитвой и милостынней; за это Бог в пятницу даровал им (после долгого бесчадства) дочь, которую они в память этого и назвали *Параскева*, т.е. пятницей. Таким образом, имя Параскевы, заимствованное от греческого названия дня пятницы, сделалось равнозначительным слову пятница. В прежних наших месяцесловах при имени св. Параскевы упоминалось и название пятницы: *св. Параскевы, нареченныя пятницы*... Известно также, что церкви, посвященные св. Параскеве, назывались и до сих пор повсюду называются *пятницкими*.

Господь заступлением мученицы Параскевы помиловал их, болезнь ослабла, мор в селении скоро прекратился*.

Спасшиеся от морового поветрия по молитвам мученицы Параскевы жители Чернолучья и их дети и внуки свято исполняли данный ими или их предками обет: каждогодно собирались в девятую пятницу во храм к литургии, молебствовали пред иконою мученицы, участвовали в крестном ходе вкруг бора и селения, не работали во весь тот день и держали строгий пост. Впрочем, справедливость требует сказать, что первоначально делали это почти одни чернолучинцы и только некоторые из жителей ближайших к Чернолучью и наиболее одноприходных селений. Из мест более отдаленных, между прочим из Омска, особенно из лиц чиновных, редкие и редкие являлись на богомолье в Чернолучье как в девятую пятницу, так и в прочее время года, не только во всю вторую половину прошедшего столетия, но и в начале настоящего. В Чернолучье и его окрестностях это хорошо помнят люди далеко не преклонных лет, о справедливости этого громко говорят и крайняя скудость утвари, и ризницы в старой Чернолуцкой церкви, и убожество до 1849 года, о чем было выше говорено, украшений на многочтимой Чернолуцкой иконе. Усердие к описываемой святыне стало усиливаться только с двадцатых или лучше с тридцатых годов настоящего столетия, отчасти, конечно, и вследствие сильного умножения в последнее время народонаселения близ Чернолучья и вообще в Омском уезде, и весьма значительного увеличения Омска, а до нынешней степени оно (усердие) возвысилось не ранее, как в сороковых годах. Ныне довольно людей не только в простонародье, но и в классах образованных, не только из семейств православного вероисповедания, но и неправославного**, которые считают как бы непременным своим долгом побывать, помолиться в

* Такое предание о происхождении празднования в Чернолучье мученице Параскеве в девятую по Пасхе пятницу и о начале чествования ее иконы много пересказывали, кроме других лиц, бывшие чернолуцкие священники о. Андрей Аедоницкий и о. Андрей Фирсов, а они слышали от старожилов из своих прихожан; о. Андрей Фирсов, как и замечено в одном из предыдущих примечаний, между прочими от двух-трех девяностолетних и столетних старцев, современников событий.

** Из протестантов имели крепкую веру в заступление пред Господом Богом мученицы Параскевы и живейшее усердие к ее иконе, находящейся в церкви села Чернолучья, в особенности потомки генерал-лейтенанта Шрамма. В Чернолуцкую церковь они делали пожертвования не только в бытность в Омске, но уже и из Москвы.

Чернолучье, по крайней мере раз в год, которые, несмотря на непривычку и на неблизкое расстояние Чернолучья от Омска (около 45 верст), ходят туда пешком и которые по случаю каких-либо особенных событий в семействах (например, брака, болезни или выздоровления кого-либо из семейства, равно отправления в дальний путь и пр.) также идут или едут в Чернолучье вознести там пред иконою мученицы Параскевы к Господу Богу радостные ли то или скорбные свои чувства... И вот причина, почему при постройке в 1841 году новой в Чернолучье церкви устроен в ней во имя мученицы особый престол, от этого же в 1849 году икона мученицы, о чем рассказано выше, поновлена и богато украшена некоторыми боголюбцами. Вот еще небезынтересное, поучительное замечание священствовавшего в Чернолучье между 1823 и 1833 годами и других старых людей: в их время (лет за 40 пред сим) и ранее того многие из богомольцев в девятую пятницу уходили из Чернолучья домой тотчас после обедни и после крестного хода, ничего не евши согласно обету предков. Не пристыдит ли это, не потревожит ли это совесть у иных из бывающих в настоящее время в Чернолучье в девятую пятницу? Заметим, что в Чернолуцкой слободе в девятую по Пасхе пятницу от возрастающего более и более прилива богомольцев начинает образоваться торжок, даже учреждается ярмарка.

В Чернолуцкой церкви есть другая икона св. мученицы Параскевы, нареченныя Пятницы, как бы наместница первой. Длина доски ее — семь вершков, а ширина шесть; сама икона — живописная в киоте с золоченой резьбой и в серебряной под золотом ризе, в которой весу 1 фунт 50 золотников. Эта икона приложена неизвестным в 1826 году, следовательно, в то время, когда подлинная икона св. мученицы начинала сильно ветшать; киота тогда же куплена командовавшим Сибирским линейным казачьим войском и начальником штаба Отдельного Сибирского корпуса полковником, впоследствии генерал-лейтенантом Семеном Богд. Броневским, а риза устроена чрез два года (в 1828 г.) боголюбивыми и нищелюбивыми инженерным генералом Степаном Булыгиным и его супругой Марьей Матвеевной*.

* Сведения о Чернолучье и Чернолуцкой иконе св. мученицы Параскевы собраны мною самим частью на месте, в Чернолучье, частью в Омске, смотря по материалам, и от разных лиц (из которых некоторые и упомянуты в тексте), и из описей церковных, и из дел архивов как чернолуцкой церкви, так и омского духовного правления.

Иконы 1) Божией Матери Тихвинской, что в тарской кладбищенской церкви, и 2) святителя Николая, именуемая Можайскою, в подгородном селении Тарского округа Самсоновом

Соседний с Омским округом от Тобольска, но несколько далее его, есть округ Тарский. В нем две наиболее чтимые иконы: одна Тихвинской Божией Матери, а другая святителя и чудотворца Николая, именуемая Можайскою.

Икона Тихвинской Божией Матери находится в самой Таре. Она на доске длиною в аршин и 3 вершка, а шириною — в 13½ вершков; хорошего старинного греческого письма* и украшена серебряною под золотом ризою.

* К сожалению, от темноты красок, а особенно от давности письма и влияния воздуха во время ношения иконы по селениям и домам, дики на ней, как самой Приснодевы, так и ее Предвечного Младенца, стали довольно темны и не совсем ясны.

Икона святителя Николая Чудотворца, именуемая Можайскою

По общему голосу тарских старожилов эта святая икона была принесена или привезена, только неизвестно кем, из России вскоре по построении (в 1594 году) Тары и долгое время (близ 200 лет) находилась в Тарской воеводской канцелярии*, а по упразднении оной (в 1782 г.), как древность и как святыня, давно уже чтимая жителями Тары, поставлена была в деревянную кладбищенскую часовню. Но здесь она находилась недолго: на кладбище же старанием и в значительной степени иждивением богатого набожного и нищелюбивого купца Нерпина между 1874 и 1789 годами построена была каменная, в честь Тихвинской Божией Матери, церковь**, в нее многочтимая икона и была перенесена, в ней она и доселе находится в числе местных.

По какой причине, с какого случая с давних уже пор начали особенно чтить Тарскую икону Тихвинской Божией Матери — этого в настоящее время никто из жителей Тары не может объяснить. Но, конечно, это почитание святой иконы началось, поддерживалось и до сих пор продолжается не без особенных каких-либо знамений, чрез нее бывших, и не по одной только ее древности и значительности лица, ее привезшего из России; в двух тарских церквах — Пятницкой и Спасской, ныне только приходских, а прежде (с 1621 по 1764 гг.) приходских и вместе монастырских, есть, по крайней мере были, иконы вклада царя Михаила Феодоровича***, а следовательно, и древние и важные по вкладчику; однако ж их без особенных знамений никто особенным образом не чтил и не чтит. Чтут Тарскую икону Тихвинской Божией Матери не одни только местные жители, напротив, и из всего Тарского округа, даже из округов Омского и Каинского, особенно сходится и съезжается в Тару много народа для поклонения описываемой святыне к 26 июня, когда там, в кладбищенской церкви, бывает храмовый праздник в честь Тихвинской Божией Матери.

Икону Тихвинской Божией Матери за несколько недель до 26 июня, хотя и не каждогодно, носят для молебствий в

* На этом основании со всею вероятностью и можно полагать, что кем-либо из первых тарских воевод, даже, быть может, самым первым из них, строителем города княз. Андреем Елецким.

** Тоб. Губ. Вед. 1859. № 18, стр. 224 и 226.

*** Тоб. Губ. Вед. 1859. № 18, стр. 225. Но еще более и яснее об этом говорится в рукоп. статист. описания гор. Тары 1782 г., бывшем в руках у покойного тарск. судьи Тумановского* и, конечно, имеющемся в Таре и доселе. Там есть выдержки из писцовой книги 1624 г. писца В. Тыркова.

подгородное (по дороге из Тары в Тобольск) село Бутаково и смежные с ним деревни, а на следующий после 26 июня день ее уносят в екатерининский винокуренный завод (находящийся в 12 верстах от Тары), в церкви которого она и остается до 7 числа июля включительно. Что ж касается до самого города, то в нем для молебствий по домам святую икону носят постоянно*.

Икона святителя и чудотворца Николая, именуемая Можайскою, находится в церкви подгородного сельца Самсонова. Она на доске кипарисной, мерой в длину 15 вершков, а в ширину — 11½, украшена серебряною под золотом ризою, а Можайскою называется потому, что есть копия с явленной и знаменитой чудотворениями иконы святителя Николая, находящейся в соборе города Можайска** (Московской губернии).

История этой святой иконы, а также и церкви, ради ее устроенной, не из обыкновенных. Крестьянин Смоленской губернии по имени Димитрий, по прозванью Самсонов в начале XVII столетия переселился с семейством в Сибирь и на память о далекой и любимой родине принес с собой список с особенно почитаемой там Можайской иконы*** святителя Николая. Поселившись в 6 верстах от Тары в диком лесном месте при заречной протоке Иртыша (следовательно, не на левой его стороне, на которой стоит Тара), он положил основание прежде деревне Самсоновой, а ныне сельцу Самсонову. Димитрий Самсонов помер около 1645 года; деревня, основанная им, увеличивалась, потомство его умножалось и к настоящему времени возросло до 70 душ

* Сведения о Тарской Тихвинской иконе Божией Матери собраны мною на месте в 1854 г., а потом в 1857 г. чрез местных протоиерея и священника Пятницкой церкви, заведывающего вместе и Тихвинскою, от покойного судьи окружного суда Тумановского, и от старожилов из граждан тарских поверена бывшим учителем Омского дух. училища Вен. Ст. Цветковым.

** Геогр. слов. Щекат. т. IV, стр. 290. Копий с этой иконы св. Николая много не только вблизи от Можайска, но и в отдаленных местах. Укажу здесь, кроме описываемой Самсоновской, еще на две: 1) в Ярославле, в Пророко-Ильинской церкви (она писана знаменитым царским иконописцом первой половины XVII века Паисеиным) и 2) в Пекинском нашем православном монастыре. О первой см. Записки Археол. общ. т. VIII, стр. 42; о второй мне известно из письма бывшего в сороковых годах пекинского миссионера, ныне архимандрита Иннокентия (Немирова).

*** Можайский уезд хотя Московской губернии, но он смежен с губ. Смоленской.

обоего пола; а икона, им принесенная, переходила в его потомстве из рода в род, от одного поколения к другому поколению. По времени, и именно около 1775 года, Самсоновы, чтя икону св. Николая сами и видя почитание к ней и от других, построили для нее в своей деревне открытую часовенку и этим дали более возможности молиться пред ней как всем вообще приходившим и приезжим, так в особенности охотникам, отправлявшимся мимо Самсоновой в леса на звериные промыслы. Избавление от случавшихся с ними бед и возродило веру и усилило в народе усердие. Тарский мещанин Мефодий (по простонародному Нефел) Заливин, 15 лет страдавший расслаблением ног, но заступлением св. Николая получивший исцеление, украсил икону серебряными венцом и гривной*, а другой тарский же мещанин Михайло Носков, избавившийся по молитве пред иконою св. Николая от припадков умопомешательства, устроил на нее ризу (медную). Затем жители Тары и соседних селений стали уже не только приходить и приезжать в Самсонову для богомоления пред Можайскою иконою великого угодника Божия Николая, но и носить ее по домам своим, начали чаще делать приклады к ней деньгами, серебром (в привесках в виде ножек, ручек, головок, глаз и пр.), свечами и другими вещами. На эти пожертвования, с присовокуплением прежде заведенных серебряных венца и гривны, а также некоторой части и собственных денег, последний владелец иконы и первый староста недавно выстроенной ранее ее церкви крестьянин Иван Михайлов Самсонов устроил на нее в Москве серебряную ризу, а купец тарский Казаринов ризу эту вызолотил на собственный счет.

Между тем часовня, построенная около 1775 года, к сороковым годам настоящего столетия пришла в совершенную ветхость, притом и оставить икону, украшенную дорогой ризой, в открытой часовне было уже нельзя. С другой стороны, нельзя было и держать святыню в жилой крестьянской избе, потому что молиться пред ней нередко приходили и приезжали и тарские горожане. Поэтому глава крестьян Самсоновых, вышеупомянутый Ив. Мих. Самсонов, срубил при доме своем особую пятистенную теплую клеть и в ней поместил св. икону с принадлежностями для

* Гривной у икон называется цепь или ожерелье, которое люди незнающие обыкновенно называют подбородком.

служения. Все это делано было единственно по сельской простоте, без малейших корыстных целей (как это видно, между прочим, и из итого, что Самсонов на приклады и отчасти и на свои деньги устроил на икону дорогую ризу), но сделано незаконно, без испрошения дозволения духовного начальства. Да если б и было испрошено дозволение, то в настоящее время ни в каком случае не могло быть дозволено иконе, почитаемой в народе чудотворною и, чрез украшение ее на приношения от разных лиц, сделавшейся как бы общею собственностью всех, находиться в частном доме, состоять во владении частных лиц и быть носимой по домам для богомолья иногда и без священнослужителей, а и еще того более, при требующейся в настоящее время строгой отчетности во всем, не могло быть дозволено безотчетное принятие пожертвований ради святыни и безотчетное же употребление их частным лицом, как бы лицо это ни было честно и бескорыстно. Почему в 1844 году по уведомлению местного, т.е. тарского, протоиерея и благочинного Дим. Иноземцева о Можайской иконе святителя Николая началось дело, и Тобольский губернский суд в январе следующего, 1845 года постановил: «новую часовню (ту, которая выше названа клетью), устроенную при доме Самсонова, где помещается образ святителя и чудотворца Николая, уничтожить и образ со всеми принадлежащими вещами поставить в одну из ближайших к деревне Самсоновой церквей, и преимущественно в ту, к которой принадлежит приходом эта деревня (следовательно, в тарскую церковь Казанской Божией Матери); но если жители деревни Самсоновой испросят дозволение духовного начальства возобновить древнюю часовню (ветхая часовня в то время еще не была сломана), то оставить его в ней». Епархиальное начальство судило точно так же, с тем, впрочем, отличием, что присуждало перенести святую икону в Тарский собор или оставить ее у крестьянина Самсонова, если он обяжется выстроить новую и особую (т.е. настоящую и отдельную от дома) часовню. Когда такое постановление сделалось известным в Таре, то в первый следовавший затем летний праздник святителю Николаю, а именно 9 мая 1846 года, внезапно возникла мысль построить вместо часовни церковь. Тогда же открыта подписка, но на первый раз собрано было не более 250 рублей серебром. Тарскому

стряпчему Семену Ивановичу Сененке, который сам по молебствии пред Можайскою иконою святителя Николая видел чудесное действие над одной из своих малолетних дочерей, страдавшей ногами*, со старостою тарской Казанской церкви Заливиным предоставлено было стараться об осуществлении принятого намерения. Приговор тарского общества с просьбою о разрешении устроить в деревне Самсоновой храм, ради многочтимой иконы святителя Николая и для большего удобства исполнять христианские таинства и требы заречным жителям, попечителями вскоре был представлен епархиальному начальству, но по возникшей переписке просимое разрешение дано было только в половине декабря 1849 года. Зато, как скоро последовало оно и как скоро строители огласили его публикацией в издававшемся в то время журнале «Москвитянин» и письмами к тарским купцами и их знакомым, торгующим на Кяхте, в Казани, Москве и Петербурге, то пособия к постройке храма и к снабжению его утварью и ризницею, деньгами или вещами поистине чудесным образом явились отовсюду**, иногда оттуда и от таких лиц, откуда и от которых вовсе и ожидать нельзя было... 9 мая 1850 года совершена была закладка церкви; к зиме того же года церковь по наружности и вчерне была уже совершенно готова, а чрез год и восемь месяцев по закладке, именно 22 января 1852 года, она была освящена во имя святителя и чудотворца Николая. Таким образом, содействием великого угодника Божия, сверх всякого ожидания, в деревне Самсоновой явилась в самое короткое время церковь, и не какая-нибудь простая сельская, но благолепная, на каменном фундаменте, с зелеными главами и зеленой же железной крышей, с изящным, со вкусом устроенным иконостасом, с иконами живописи академика Шелудкова (учителя Тобольской гимназии), едва ли не лучшей в целой епархии, с дорогою, изящной работы утварью и ризницей и пр.

Чудотворная икона святителя Николая, именуемая Можайскою, в устроенном ради ее храме поставлена для

* Это замечено в церковно-историческом и стат. описании Самсоновской церкви.

** Между прочим от казанского купца Зайцева были присланы два колокола весом до 40 пудов.

более свободного доступа богомольцам за правым клиросом в особом, с золоченой резьбою и подобном иконостасу киоте, а за левым клиросом, в соответствие ему, устроен точно такой же киот для иконы Казанской Божией Матери.

Самсоновская церковь первоначально состояла приписною к Тарской Казанской церкви, в которую икона святителя Николая в весеннее время при разливе Иртыша между Тарой и Самсоновой на большое пространство для удобства поклонникам, особенно приходящим и приезжающим издалека, на все время разлива и была обыкновенно переносима из Самсоновской. Но с недавнего времени она (Самсоновская церковь) уже самостоятельная: для нее образован отдельный маленький* приход, к ней назначен и особый священник, хотя, доколе по бедности прихожан и невозможности давать обещанную ими клиру ругу, только один, даже и без причетника**.

Что первоначально, т.е. и вскоре по переселении крестьянина Самсонова из России в Сибирь, икона святителя Николая была ознаменована какими-нибудь особенными знамениями благодати Божией, то об этом с уверенностью можно заключать и из особенного с давних пор почитания ее местными и окрестными жителями, между прочим, и тарскими горожанами, а равно и из того, что для нее и единственно для нее крестьянами Самсоновыми, как видели мы, была построена около 1775 года особая открытая часовенка. Только какие именно были эти первоначальные знамения, в настоящее время за давностью времени совершения их, по незаписыванию их в старые годы и, наконец, по разноречию и неопределенности преданий об них, положительно говорить невозможно.

Из необыкновенных событий, совершившихся по молитвам святителю Николаю пред Можайскою его иконою в более близкие к нам времена, вот несколько наиболее

* Из Самсоновой и еще 5 маленьких деревушек, в которых во всех-то 275 душ муж. пола и 285 жен.

** Все, доселе сказанное о Можайской иконе свят. Николая, заимствовано: 1) из указа тоб. губ. суда тарскому окружному суду от 16 февр. 1845 г. за № 343; 2) из статьи В. Ив. Ш-ля о постройке и освящении Самсоновской церкви, напечатанной в Моск. Ведом. 1852 г. № 138, стр. 1419, и 3) из церковно-истор. и статист. описания Самсоновской церкви, а также из благословенных грамот преосв. Георгия на закладку и освящение церкви.

замечательных и несомненно достоверных... 1) Тарский мещанин Мефодий, а в простонародии Нефед Заливин, тот самый, который около 1780 года устроил, как видели мы, на икону святителя Николая серебряный венец и такую же гривну, 15 лет страдал расслаблением в ногах, причем испытывал всю неудачу в лечении себя всеми — и медицинскими, и простонародными — средствами. Но вот в одну ночь видит он во сне старца, который велит ему обратиться с молитвами к святителю Николаю и идти с верою в деревню Самсонову на поклонение его Можайской иконе. Заливин, вставши поутру, вдруг почувствовал, к величайшей своей радости, укрепление в ногах, почему, нимало не медля, и отправился в Самсонову, усердно молился пред тамошнею чудодейственною иконою и дал обет в благодарность святителю Николаю за ниспослание ему от Господа Бога милости каждогодно приносить его икону для молебствия в дом к себе. Возвращаясь в город со святой иконою, Заливин был уже совершенно здоров и после обет свой исполнял до смерти.

2) В первый же принос иконы святителя Николая из Самсоновой к Заливину совершилось другое знамение Божие: мещанская дочь девица Марья Шуева, слепотствовавшая три года, услышавши о приносе в город многочтимой в народе иконы, заказала сделать к ней приклад — серебряные в миниатюрном виде изображения глаз и лба — и лишь принесла их и повесила на икону, как из глаз ее потекли слезы, и она прозрела.

3) Вскоре после исцелений Заливина и Шуевой тарский же мещанин Михайло Носков, по временам подвергавшийся припадкам умопомешательства, дал обещание устроить на икону святителя Николая ризу, и припадки те более не повторялись. Риза (медная, а не та, что в настоящее время находится на Можайской иконе) и была, как сказано выше, устроена благодарным к угоднику Божию мещанином Носковым.

Об этих трех исцелениях, совершившихся чрез Можайскую икону святителя Николая, знают и рассказывают многие и многие как в Самсоновой, так и в Таре. Здесь о них в 1857 году между прочими рассказывала доброму и образованному судье Тарского окружного суда Тумановскому и бывшему учителю Омского духовного училища Вен. Ст. Цветкову современница и очевидица их (и тогда) деяниос-

толетняя девица, дочь одного из исцеленных — мещанина Мефодия Заливина. По приблизительному счету старушки, ее покойный отец, Шуева и Носков исцелились лет 80 назад, значит, около 1777–1780 годов.

4) Неизвестно, сколько именно лет спустя после трех описанных событий, только тогда еще, когда святая икона стояла в часовне, вот что еще случилось: во время одного молебствия в честь святителя Николая стоявший подле часовни приезжий крестьянин Петр Макшеев грубо выругался. Вдруг голова его повернулась назад так, что лицо оборотилось к спине. Раскаявшийся крестьянин три года приезжал в Самсонову молиться святителю Николаю пред его Можайскою иконою. В эти три года покаяния лицо Макшеева постепенно обращалось на свое место, но на четвертый год он помер, причем лицо его стояло над правым плечом.

5) Одна (это событие против предыдущего ближе к нашему времени) ишимская девица, долго страдавшая глазами, приехала в Самсонову помолиться многочтимой иконе святителя Николая. Помолившись, она с верою и благоговением помазала свои больные глаза деревянным маслом из лампадки, висевшей пред святою иконою, и болезнь ее немедленно миновала, она тотчас прозрела совершенно*.

Благодать Божия продолжает неоскудно изливаться на прибегающих с верою к великому угоднику Божию Николаю, Мирликийскому чудотворцу, и поныне; о том свидетельствуют, между прочим, серебряные привески к его Можайской иконе, изображающие фигуры человеческих ручки, ножки, головки и сердечка и пр. Этих фигур, кроме прочих вещей серебряных и даже золотых, с построения в деревне Самсоновой церкви (с 1852 г.) накопилось столько, что в 1861 году с разрешения епархиального начальства они обращены в слиток весом около фунта. Но и после того они вновь начинают появляться**.

* Об сих двух событиях рассказывают жители Тары, но особенно жители Самсоновой и между ними первый староста Самсоновской церкви и последний владелец св. иконы Ив. Мих. Самсонов. Эти последние рассказывают о них, как очевидцы, а записаны они, равно как и предыдущие, и мне сообщены упомянутыми в тексте судьей и учителем.

** Эти последние сведения, равно как некоторые и из предыдущих, напр., о публикации ктиторами* храма разрешения строить церковь в Самсоновой, о некоторых из пожертвований на ее постройку, о превращении Самс. церкви из приписной в самостоятельную и пр., недавно сообщены мне настоящим тарским протоиереем о. Стеф. Цветковым.

Иконы, в почитании отличаемые пред прочими, в городе Березове

Господь для поддержания веры в людях и для избавления страждущих из них от страданий не оставил без особенных благодатных явлений чрез св. иконы и Березовский, самый отдаленный и наименее населенный округ Тобольской епархии.

В один из годов первой половины XVII столетия, следовательно, не очень много времени спустя после основания Березова (в 1593 году), в Березовском крае случилось страшное наводнение, между прочим сенокосные луга очень долго стояли под водой, а когда вода сбыла, то вскоре наступила зима. Поэтому жители города и всего того края очень мало заготовили сена, да и то, какое заготовили, было дурного качества, и с половины зимы скот начал гибнуть от голода. Наступила весна, но и она была самая неблагоприятная: постоянно было пасмурно и холодно, часто шел то дождь, до снег; между людьми открылась какая-то повальная болезнь, был уже месяц май, а лед ни в Оби, ни в Сосве еще не прошел. Наконец обратились к Божией помощи. По просьбе горожан — при собрании всех их — в Воскресенской березовской церкви была торжественно совершена литургия, а после литургии были вынесены в церковную ограду иконы, и там отслужено молебствие о прекращении безводия с водоосвящением и общим коленопреклонением. К удивлению и радости всех, во время самого молебствия шедший перед тем снег перестал, густая мгла, происходившая от сырости воздуха, начала рассеиваться, а по окончании молебствия показалось и заблистало солнце, настало ведро, да и лед вскоре прошел. Все это случилось 12 мая, когда церковь совершает память Епифания, епископа кипрского. Жители Березова ниспосланное им благодеяние Божие, естественно, приписали ходатайству святителя Епифания, почему приобрели для Воскресенской церкви небольшую икону сего спасителя и на память последующим родам положили каждогодно 12 мая отправлять в честь его службу по-праздничному и после литургии совершать молебствие точно так, как оно совершено было тогда. Много лет это благочестивое установление и соблюдалось во всей точности и духовенством, и гражданами. Но впоследствии, поко-

ления чрез три или четыре, оно стало мало-помалу приходить в забвение и исполнялось уже не с прежним усердием, без торжественности: литургия 12 мая хотя и совершалась, но совершалась ранняя, служили и молебен в ограде церковной, но народу сходилось к нему очень мало.

В 1846 году в Березове случилось совершенно подобное описанному посещение Божие. От страшного наводнения предыдущего (1845 г.) лета в зиму с 1845 на 1846 год у жителей не было сена; в феврале и марте начали кормить скот уже талом, в апреле по рыхлости льда и по причине проталин на нем нельзя было доставать с другой стороны и этого корма; пустить скот в поле на ветошь нельзя было потому, что везде еще лежал снег; стали кормить его, у кого были, запасенными для бань вениками, а более кедровой хвоей (иглами) с примесью в небольшом количестве ржаной муки; от такой пищи, или что то же, почти от совершенного голода, скот сильно валился. Между тем и погода стояла ненастная, шел часто мокрый снег, и люди стали болеть. И вот в это бедственное время березовскому протоиерею Иоанну Заборовскому приходит спасительная мысль возобновить торжественность в праздновании святителю Епифанию. При наступлении дня его памяти жители города были заблаговременно оповещены о том; 11 мая ко всенощной и 12-го к литургии в собор явились все, как говорится, от мала до велика; в конце литургии, в проповеди, между прочим был рассказан случай к установлению в древности особенного празднования в Березове святителю Епифанию и было сделано сравнение того древнего случая с настоящим (тогдашним), а по окончании литургии в церковной ограде пред вынесенными из церкви местными иконами и иконой св. Епифания совершено было молебствие; затем богомольцы, возвратившись в церковь, там по предложению протоиерея дали обет свято соблюдать в древности установленное в их городе празднество в честь кипрского чудотворца и сделали посильное (57 руб. сер.) пожертвование на заведение новой его иконы, так как прежняя была малого размера и от древности уже ветхая. Но купец Александр Ал. Нижегородцев из особенного усердия к святителю Епифанию с первою же почтою после того написал в Москву и заказал на собственный счет написать там икону святителя, сделать на нее серебряную ризу и киот из красного дерева, что все немедленно и было сделано и того же лета выслано в Березов. Заметим здесь,

что и в этот раз по окончании молебствия настало вёдро и лед на реке Сосве вскоре прошел*. Другое замечание: Березовская икона св. Епифания чтится преимущественно пред другими иконами более единовременно, т.е. в день его памяти, и только местно, т.е. исключительно одними жителями Березова, а не так, как чтутся, например, иконы Божией Матери Абалацкая, Семипалатинская, Боровская, что близ Ишима, Смоленская, что в слободе Суерской, или Осиповой, и Тихвинская Тарская, а также икона Спасителя, известная под именем Тарханской, икона св. Николая, называемая Можайскою, и иконы мученицы Параскевы, что в слободе Чернолуцкой и селах Вознесенском и Введенском и проч.

Жители Березова в некоторой степени отличают еще в почитании находящуюся так же, как и предыдущая, в Воскресенской церкви икону архистратига Божия Михаила, изображенного чрезвычайно оригинально: на крылатом коне и в княжеской короне с трубой в устах, с крестом, кадилом и копьем в правой руке, с Евангелием в левой, с поверженным у ног коня диаволом в виде крылатого льва, но с человеческим лицом, с городом внизу икону и с Господом Иисусом Христом в младенческом возрасте, с хлебами предложения[100] и потиром вверху ее. Но отличают эту икону в почитании, естественно, по ее древности, она вместе с иконою святителя и чудотворца Николая принесена была казаками, отправленными в 1592 году из России царем Федором Иоанновичем для покорения Северной Сибири, и ими поставлена в 1607 году в первую березовскую Воскресенскую церковь**.

В старину в Березове более двух описанных икон почитали икону Смоленской Божией Матери, или Одигитрии. Первоначально она стояла на городской березовской башне и там в 1623 году прославилась чудотворениями, почему вскоре за городским укреплением Березова, прямо против ворот сего укрепления, была построена во имя ее особая деревянная церковь (впоследствии бывшая соборною), и св. икона была снесена с башни и поставлена туда. Благодать чудотворений, явленная чрез икону Одигитрии Божией Матери в 1623 году

* Все сказанное здесь до буквы заимствовано из статьи: *о церквах гор. Березова* (очевидца описанного возобновления праздника в честь св. Епифания в 1846 г. и притом отличного знатока сибирских древностей Ник. Ал. Абрамова), помещенной в Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 9, стр. 84–85.

** Там же, стр. 82 и 83.

на городской башне, не оскудевала и впоследствии, и в то время, как она находилась во храме. Например, в 1686 или 1687 году по молитвам пред нею получил исцеление от продолжительной и угрожавшей неминуемой смертью болезни — рожи — тогдашний березовский воевода стольник Иван Федорович Грибоедов, который в благодарность за дарованное ему исцеление по возвращении из Березова уже в Москве составил описание чудес совершившихся и сделал довольно богатое пожертвование в Одигитриевский собор священными облачениями. Но этой иконы в настоящее время, да и довольно давно уже, нет, по крайней мере она теперь никому, как чудотворная, неизвестна: она или сгорела вместе с Одигитриевским деревянным собором в пожар 1719 года, или пришла в забвение, даже, быть может, была утрачена, когда каменный Одигитрии Божией Матери собор в конце XVIII столетия крайне обветшал и рушился, а потом был заменяем сначала деревянным, а затем снова каменным соборами, которые, впрочем, оба не были освящены и из которых один (деревянный), уже оконченный постройкою в 1806 году, сгорел, а другой, еще неоконченный, но между тем по неимению крыши и другой защиты от влияния стихий обветшавший, в 1834 году был разобран*.

Приложения

А

Св. иконы, наиболее чтимые в восточной половине Пермской епархии, до 1799 года принадлежащей к епархии Тобольской и (по прежнему географическому разделению) составляющей часть Сибири

1) Икона Знамения Божией Матери, что в Знаменской церкви Верхне-Тагильского завода. Она обретена в начале прошедшего столетия в оставленном скиту отшельников, чтится местными жителями и носится для молебствия по окрестным селениям.

2) Икона Знамения Божией Матери, что в слободе Бобровой на р. Нице. Она медная, складная и местно чтится более других икон с самого основания слободы (около 1624 г.).

* Там же, стр. 85 и след.; еще: Изв. Археол. общ. Т. 3, 1861, вып. 4, стр. 329 и 330.

3) Икона великомученицы Екатерины, что в слободе Красной, на Нице же реке. И она, как и предыдущая, особенно чтится с основания же слободы (также около 1624 года).

4) Икона преп. Тихона, Амафунтского чудотворца, что в Камышлове. Она писана на полотенце, наложенном на доску, и находится в весьма древней часовне, выстроенной, по преданию, на месте ее явления, а чтится особенным перед другими иконами образом не только в самом Камышлове, но на довольно далекое пространство и во всех его окрестностях.

5) Икона мученицы Параскевы. Она находится в пяти верстах от Пышминской слободы, в лесу, на берегу реки Пышмы, в часовне, выстроенной, как говорит предание, на том самом месте, где явилась св. икона. Сюда в четверток 9-й недели по Пасхе издревле каждогодно совершается крестный ход из церкви Пышминской слободы*.

6) Но всех славнее, всех более и предыдущих пяти икон чтится в восточной части Пермской епархии, смежной с Тобольскою, икона Успения Божией Матери, называемая Далматовскою. Ее первоначально принес в Богоявленский Невьянский монастырь** из Тобольска тамошний житель, в миру дворянин и воин Дмитрий Иванов Мокрицкий, а в монашестве Далмат; но когда братия Невьянского монастыря захотела было инока Далмата за его строгую, подвижническую жизнь избрать себе в игумены и когда он для избежания высокого звания удалился на реку Исеть и там, на левом ее берегу, на прекрасном возвышенном месте (по нынешнему разделению Пермской губернии Шадринского уезда, там, где теперь упраздненный город Далматов) в 1644 году выкопавши пещеру для себя и построивши для других несколько деревянных келий с таковою же часовнею, чрез то положил основание Успенскому монастырю, который впоследствии от его имени стал называться Далматовским, тогда он перенес туда и святую икону. Так как место, на котором основан был монастырь, принадлежало тюменско-

* Сведения о пяти этих иконах, а отчасти и о следующей, шестой, извлечены из статьи: *Распространение христианства в Пермской губернии*, помещенной в Журн. Мин. Нар. Просв. 1857 г. мес. февр. отд. II, стр. 267, 274–76.

** Невьянский монастырь основан в 1621 году при первом сибирском преосвященном Киприане, около 1725 года по бедности своей и крайне малому числу монашествующих был на некоторое время приписан к монастырю Тюменскому, а в 1783 году и совсем закрыт с перенесением штатов его во вновь учрежденный тогда Абалацкий монастырь.

му татарину Иличею Магметову, то магометанин, узнавши об этом, набрал толпу родичей и единоверцев и поскакал туда с намерением истребить все, построенное на его земле. Приближаясь ко вновь учрежденной обители уже поздно вечером, Иличей расположился ночевать с тем, чтобы на рассвете следующего дня сделать нападение. Но во время сна ему явилась Божия Матерь в багряной одежде с венцом на голове и, грозя огненным оружием, строго возбраняла ему делать обители какую-либо обиду. Объятый ужасом, Иличей проснулся, рассказал видение спутникам своим и наутро со всеми ими пришел со смирением к старцу Далмату и даром отдал ему все место, как монастырем занятое, так и прилежавшее к нему. Это было в 1646 году, но в конце того же года калмыки обратили в пепел весь только что основавшийся монастырь, а братию побили; один только основатель монастыря с принесенною им иконою Успения Божией Матери чудесным образом успел спастись от общей гибели. Чрез пять лет повторилось то же: 8 сентября 1651 года тюменские и уфимские татары Далматовский монастырь с его часовней, кельями и с крестьянами, уже успевшими построиться вкруг него дворами, сожгли, 20 человек старцев и бельцов побили, а остальных бельцов и крестьян с женами и детьми (до 35 человек) увели в плен; по устроению Божию старца Далмата на этот раз в монастыре не было: в то время он находился в разъездах (вероятно, и с св. иконою для молебствий, и для сборов на новую обитель) по тобольским слободам и в Туринском остроге*. Возвратившийся преподобный Далмат под кровом небесной Заступницы на пепелище прежнего выстроил новый монастырь и уже с церковью, но бедствие, повторявшееся с ним уже два раза, чрез 13 лет постигло его и в третий: происходившие от последнего сибирского хана Кучума князья Девлет-Гирей и Кучук, нападавшие на монастырь безуспешно в 1662 и 1663 годах, в следующем 1664 году напали, к прискорбию, с таким для себя успехом, что овладели им, ограбили его и сожгли, сгорела при этом и церковь, но вышеупомянутая икона Успения Божией Матери, принесенная из Невьянского монастыря старцем Далматом, спасена от огня сверхъестественно: после пожара ее нашли среди пепла целою, по-

* Дополн. к ист. акт. Т. III, стр. 322.

вреждённым от огня у нее оказался только один угол (с задней стороны доски, к которой прикоснулся нечистою, святотатственною своею рукою магометанин). В 1707 году монастырь был ограблен и превращен в пепел неприятелями и в четвертый, но уже и в последний раз: в тот же 1707-й и следующие годы сыном Далмата, благочестивым архимандритом Исааком, на пожертвования усердствующими к чудотворной иконе Успения Божией Матери и на доходы от монастырских вотчин* монастырь с несколькими храмами, кельями, оградой, башнями вроде крепостных и пр. выстроен был весь каменный, и так прочно, что впоследствии, при заступлении притом Божией Матери, неоднократно он служил и окрестным жителям убежищем и спасением от неприятельских набегов; а в 1774 году целый месяц находился в осаде от скопищ Пугачева, мужественно отражая все их приступы, и остался цел и невредим.

Икона Успения Божией Матери привлекает в Далматовский монастырь из окрестностей и мест отдаленных многих и многих поклонников, особенно к праздникам 9 мая и 15 августа. Она украшена богатою серебряною, под золотом с камнями, ризою, находится в верхней, во имя Успения Божией Матери, церкви и есть там храмовая**.

Б

Некоторые из святых икон, наиболее чтимых в Томской епархии

1) *Икона Божией Матери Одигитрии*, что *в селе Богородском*. В 60 верстах от Томска, на луговой стороне Оби, там, где ныне село Богородское, в древности жили татары. Они задолго еще до поселения среди или близ их христиан много раз днем и ночью слышали колокольный звон. Когда об этом рассказывали они в Томске, то русские обыкновенно им говорили: значит, там на вашем месте будут жить христиане и что там будет церковь.

По времени некто Иоанн с братом своим Иоанном же и Илларион насельник покупкою приобрели то место и там

* К 1764 году за Далматовским монастырем было 2150 душ крестьян мужеского пола.

** Истор. опис. Далм. монастыря Самойлова; материалы для статистики Росс. имп. 1841 г., стр. 165–173. Журн. Мин. Нар. Просв. на 1857 г. мес. февр. отд. II, стр. 278.

поселились*. И эти, и другие, поселившиеся на житье с ними, также слышали по временам громкий звон колоколов. Общим советом умыслили они устроить у себя в виде часовни на большом древесном пне киотец с навесом, где *поставиша образ пресв. Богородицы, на хартии* (на бумаге) *изображен тиснением печатным.* Звон стал слышаться чаще. Почему и положили они, по неимению живописца в Томске, послать и послали от себя доверенного по имени Димитрия в Тобольск к занимавшемуся иконописанием священнику одной из тамошних церквей именем Василию написать образ пресвятой Богородицы Одигитрии на деке. Образ и был написан им с постом в молитвенном настроении духа и с приличным святыне достоинством и отдан Димитрию для доставления на место. «Вот образ Честнейшей Херувим, — сказал при этом благочестивый священник Димитрию, — написанный по твоему желанию, прими и неси его на избранное Владычицею место». Димитрий отправился из Тобольска водой на струге, по-сибирски — дощанке. Невдалеке от Сургута поднялась на Оби сильнейшая буря, волны разбивали и заливали судно, ветер бросал его из стороны в сторону, как ничтожную ладью; бедствие увеличивала еще усилившаяся в то время осенняя стужа. Димитрий и все его спутники обратились с слезными мольбами к Небесной Заступнице, и, к радости и изумлению всех, вскоре ветер утих, волны ослабели, и путники вошли впоследствии в р. Томь и с радостью пристали к родному городу. Икона Пресвятой Богородицы внесена была на время в часовню существовавшего тогда в Томске женского монастыря, а затем отнесена по назначению на р.Обь, в селение, названное от нее Богородским, и поставлена в молитвенной, нарочно для сего устроенной, храмине.

Немало времени стояла там святая икона, источая струю исцелений, которым, однако ж, по старинной простоте никто не вел записи и о которых потому теперь никто не знает. Наконец-то один больной, слушая рассказы очевидцев о чудотворениях, совершавшихся чрез икону Одигитрии Божией Матери, и раз уже и сам сподобившись получить по молебствии пред ней исцеление, возымел решимость составить и составил описание оных**.

* По местному и общему преданию, два брата Ивана имели фамилию Сваровских, а Илларион прозывался Байгуловым.

** Это описание свято хранится в церкви села Богородского. Из него почерпнуты и те сведения, которые до сих пор сообщены.

Жители села Богородского и томские граждане, благоговея к святой иконе, вместо часовни, в которой она стояла, построили в 1709 году ради нее в Богородском (деревянную) церковь, которая, впрочем, спустя некоторое время была смыта Обью; с двумя следовавшими за ней церквами, также деревянными, было то же самое. И от настоящей каменной река уже недалеко, она все более и более подмывает берег против церкви.

В первый раз икону Одигитрии Божией Матери из Богородска приносили в Томск по просьбе некоей жены именем Татианы, которая наказана была от Господа слепотою за выказанное ею небрежение к лику пречистой Его Матери и которая при том приносе* получила исцеление. Да и потом некоторое время носили ее в Томск только по желанию частных лиц вследствие каких-либо данных ими (например, по случаю болезней и подобных обстоятельств) обетов, и носили в разные поры и не каждогодно. В каждый же год стали носить ее туда с 1709 года, с того самого, в который ради ее построена была в Богородском, как было замечено, церковь и в который явился образ святителя Николая в Семилужках**. Прежде приносили Богоматернюю икону вместе с Семилужским образом в собор, где и стояла она 15 дней. Потом, неизвестно с какого времени до 1857 года, приносили ее в Алексеевский монастырь, и там она стояла с 21 мая по 23 июня. Но ныне носят опять в собор.

Описываемая святая икона $5^1/_2$ вершков длины и в $4^1/_2$ вершка ширины. Риза на ней серебряная под золотом, устроенная золотопромышленником Сосулиным, но в 1857 году она на счет томского мещанина Михеева переделана и украшена драгоценными камнями.

2) *Нерукотворенный образ Спасителя*. Этот образ находится в церкви *Спасского села*, что на правом берегу Томи, в 18 верстах вверх от Томска, в длину он имеет 7 вершков, а в ширину 6 и украшен серебряною ризою. О написании его из рода в род переходит и давно уже и письменно предано следующее, весьма интересное и назидательное, предание: в селении Спасском была часовня, и жители оного для той часовни пожелали написать икону святителя и чудотворца Николая. Приглашен-

* Она стала просить о приносе в Томск св. иконы по явлении ей самой Божией Матери в сонном видении.

** Об этом будет ниже.

ный ими для этого дела иконописец и сделал очерк на доске святителя Николая. Но когда на следующее утро он хотел расписывать образ красками, то, к изумлению своему, увидел на нем Нерукотворенный образ Спасителя, а не чудотворца Николая. Изгладив лик Христа Спасителя, иконописец снова начертал святителя Николая. Но наутро опять то же оказалось: на доске начертан был Нерукотворенный образ Спасителя, а не Мирликийского чудотворца. Поэтому иконописец, созвавши жителей Спасского, рассказал им о случившемся. Те велели ему написать образ святителя Николая и в третий раз, и когда тот исполнил их волю, они, конечно, не доверяя рассказанному или даже подозревая обман со стороны рассказчика, икону от него отобрали и отдали на сохранение благонадежнейшим между ними старикам. Те крепко хранили икону в продолжение ночи, только на следующее утро и они увидели на ней очерк лика не Николая Чудотворца, а Христа Спасителя. Объятые ужасом, спасские крестьяне просили иконописца докончить начатое чудесным образом, и когда он окончил поручение — написал Нерукотворенный образ Спасителя, — они поставили его в свою часовню и пригласили из Томска своего приходского священника, который, отслужив молебен, освятил его. Слух, разнесшийся о совершившемся при написании иконы Спасителя необыкновенном событии, был причиною того, что жители соседних селений вместе с спасскими крестьянами согласились образовать из себя особый приход и ради ее выстроить в Спасском вместо часовни церковь, что вскоре и сделали.

По прошествии немалого после того времени в Томске несколько лет сряду открывалось моровое поветрие на людей и скот. Прихожане Благовещенской церкви возымели благую мысль принести для умилостивления Господа Бога из Спасского села Нерукотворенный образ Спасителя молебствовать пред ним. Мысль эта нашла сочувствие и в других томских гражданах; образ был принесен, встречен народом особенно благоговейно, и посреди города совершено пред ним молебствие. Болезни и смертность изволением Божиим в Томске тогда же и кончились. Оканчивались они и в соседних с городом селениях, куда только он, образ Спасителя, был после того приносим для молебствий.

Когда Нерукотворенный образ Спасителя из села Спасского был принесен в Томск в первый раз, тогда он стоял в

церкви Благовещения Пресвятой Богородицы только 8 дней. По времени благовещенские прихожане с согласия и спасских прихожан послали церковного старосту села Спасского, крестьянина Ивана Кафтанчикова к Тобольскому митрополиту Антонию Стаховскому* с просьбою о дозволении им приносить святую икону в Томск 29 июня, а уносить обратно в Спасское 15 августа. Дозволение это и было дано им указом от 24 мая 1733 года на имя архимандрита Томского монастыря Порфирия. С тех пор и до настоящего времени святую икону из Спасского носили и носят в Томск каждогодно, с тою только разницею против настоящего, что прежде, в продолжение 100 лет, согласно просьбе благовещенских прихожан и архиерейской резолюции, в город приносили ее 29 июня, а обратно уносили 15 августа, тогда как теперь, по постановлению первого Томского преосвященного Агапита (1834–1841 гг.), приносят икону 27 мая, а уносят 6 августа. В находящейся на дороге между Томском и Спасским селом церкви Преображения Господня (построенной бывшими золотоприискателями Поповыми) святая икона проводит в передний путь — ночь на 27 мая, а в обратный — день 6 августа по случаю храмового в то число в ней праздника.

С течением времени, между прочим от влияния внешнего воздуха, от пыли, а иногда и дождя во время ношения, описываемый Нерукотворенный образ Спасителя обветшал. Поэтому в 1788 году марта 13 дня томский мещанин Федор Поломошнов по доверенности от спасских прихожан и с дозволения игумена Томского монастыря Палладия отдал было его иконописцу Данилу Петрову, чтобы облинявшие на нем места счистить и затем исправить его заново. Но иконописец не мог сего сделать, потому что, когда он начал было счищать попортившиеся краски, на него напал необыкновенный страх, и он икону непоновленною и с горстью счищенных им с нее красок отправил к игумену Палладию, а сей препроводил обратно в Спасское. С тех пор и до настоящего времени никто уже не осмеливался и не осмеливается на поновление образа, а поновить, судя по виду его, необходимо было. В 1857 году Томский (ныне Иркутский) преосвященный Парфений решился, наконец, вот на

* Томская епархия до 1834 года принадлежала к Тобольской.

какую меру: приказал написать Нерукотворенный образ Спасителя (греческого, а с тем вместе нашего старинного письма) на стекле по размеру спасской иконы и наложить его на нее под ризу.

Все бывшее с многочтимою иконою села Спасского, начиная с чудесного ее написания и до неудавшегося покушения поновить или лучше переписать ее снова, подробно описано 1788 года мая 10 числа местным того времени священником Андреем Дулеповым, каковое описание свято сохраняется в подлиннике в церкви села Спасского, да есть оно у любителей томских древностей и у людей набожных и в копиях. Из этого описания взято, только в сокращении, и изложенное здесь.

3) *Икона святителя и чудотворца Николая, что в селе Семилужском*, в 30 верстах от Томска по дороге в Иркутск. В 1702 году, в царствование Петра Великого, в Сибири, Томского округа в деревне Крестининой в доме вдовы Соломии Прокопьевой лежал на одре болезни житель Томска, сын престарелого воина Саввы Рожнева именем Григорий. Родственники и соседи, отчаявшись в жизни больного, окружили его постель и молча ожидали разлуки души с телом. Но вот они видят, что больной чего-то начал страшиться, трепетать, и потому стали с напряженным вниманием ожидать, что будет. Больной, до того недвижимый, вдруг как бы невидимою силою всем телом поднимается с постели и начинает говорить с кем-то незримым для них, говорит много и все как будто давая ответы на чьи-то вопросы, на чьи-то замечания. Наконец он громко вскрикивает: «Господи! Все это сотворю, помилуй меня», — тихо опускается на постель, приходит в себя и, озирая всех, объявляет, что он совсем здоров, что только чувствует еще в себе большую слабость. Все крайне этому изумлялись, изумлялись и тому еще, откуда взялся, как очутился в доме на божничке* образ Николая Чудотворца: у Соломии Прокопьевой никогда такого (образа) не было, и никто из находившихся тогда тут его не приносил. Вскоре (на следующий день или чрез день) бывший больной Григорий послал за духовником своим, священником села Спасского, что на реке Яе, Иоанном Козьминым, и ему пред приобщением святыми дарами расска-

* У крестьян *божницей*, божничкой называется полочка в переднем углу избы, на которой обыкновенно стоят иконы.

зал, что с ним было в то время, как он ежеминутно ожидал себе смерти. Родственники и соседи, бывшие очевидцами всего, что с ним тогда делалось, и слышавшие, что в то время говорил он, подтвердили его слова. Вот его рассказ. «Лежа на постели, — говорил Григорий, — увидел я в избе и даже на улице множество черных и отвратительных чудовищ. Они сначала производили разные мерзкие игры, потом все напали на меня с такою лютостью, что, я думал, меня тотчас же растерзают. Тут взмолился я в уме своем Господу Богу, да избавит меня от этих скверных демонов и не попустит мне, окаянному, погибнуть с беззакониями моими. Вдруг после того в комнате сделалось необыкновенно светло, и бесы все исчезли. При этом я увидел образ святителя Христова Николая, сиявший, как солнце; он несся сам собой, держимый невидимою силою, за образом шел старец, похожий на изображенного на нем, в архиерейской одежде, с копьем или жезлом в руке... Икона, принесенная в дом невидимою рукою, той же невидимой рукой была поставлена на божнице, и пред нею сама собой загорелась свеча. Тогда старец положил мне на сердце свой жезл, болезнь моя вмиг прекратилась, и он грозно сказал мне: «Зачем ты, злой человек, полагаешь надежду на дьявола и не добре говоришь о богатстве? Скажи мне правду, как ты вот тогда-то, идя дорогой, рассуждал о богатстве». Тут я увидел, что ему все известно, известны, между прочим, и мои злые помыслы, и потому рассказал ему, как я и когда соблазнялся чужим богатством, роптал на свою бедность и как я раз, идя дорогой, думал в себе, что богатым богатство, должно быть, носят либо собирать помогают бесы, что поэтому хорошо бы и мне с ними познакомиться, что они и мне стали бы носить деньги, и за такую помощь я стал бы почитать их. На это старец сказал мне: «Малодушный! Оказали ли бесы тебе какую-нибудь помощь в твоей бедности и в настоящей твоей болезни? Если б я теперь не поспешил к тебе на помощь, то они погубили бы тебя душевно и телесно. Да знаешь ли ты, кто я?» — «Не знаю, Господи мой, Господи, кто ты», — отвечал я ему. «Я — архиепископ Николай, Мирликийский чудотворец, скорый христианам помощник в бедах; икона же, на которой изображен лик мой, доселе находилась в доме соседа вашего Ильи Крестинина, но вместе со мной отошла оттуда потому, что там ей оставаться мерзко. В доме

его нет никакого благочиния, там одно беззаконие. Сам Илья простоумен и глумитель; дети его и внучата воспитаны беззаконно, живут не по-христиански, церковь Божию оставили; в дом его отовсюду собираются кудесники, ветреники и ветреницы для бесчинных игр, песен и плясок; все это сквернит человека и ведет его к погибели, поэтому я и вышел из его дома, не терпя в нем беззакония и неистовства. В дом же вдовицы сей Соломии пришел я, уважая чистоту ее и страннолюбие. Но и у нее не без греха: за детьми своими она не наблюдает, во всем снисходит им, и они с сверстниками своими сквернословятся, в дни воскресные и праздничные едят и пьют рано, что все истинному христианину неприлично. И ей, Соломии, и им, ее детям, скажи ты, Григорий, чтобы исправились, иначе в зле погибнут и они. Что ж касается до Ильи, то его сокрушат тяжкие болезни, в них он и жизни лишится, дом его сгорит, с домом погибнут и два его сына; то же самое будет с домом и детьми Соломии, если не исправятся. *Образ мой,* который ты видел вошедшим в дом этот, пусть будет отнесен с подобающею честью в *деревню Семилужную,* и пусть поставят его там в молитвенном доме Вознесения Господня; я хочу, чтоб там стоял и был почитаем мой образ».

После того светоносный старец сказал мне: «Отселе, Григорий, исцеляет тебя Господь мой Иисус Христос мною, рабом своим, и ты, когда совершенно оправишься, иди в город Томск и без боязни говори всем священноначальникам, судьям и прочим гражданам, что они прогневали Господа, ходят путем беззакония и мирских похотей; рабы и свободные, простые и воины, начальники и подчиненные, мужи и жены, отроки и старцы, иноки и бельцы, миряне и духовные — все постоянно грешат, ближнему своему причиняют досады и обиды, клевещут, лихоимствуют, бесчинствуют, ведут жизнь нетрезвую и нецеломудренную. Если не отстанут от всех этих бесчинств, если в слезах и покаянии не умолят Господа Бога и не покажут веры своей делами, заповеданными христианам, то их постигнет гнев Божий, они подвергнутся разного рода напастям. К тому же заповедаю еще: пусть граждане воспретят людям бесстыдным производить различные бесовские игры и во время их изрыгать публично скверные слова». Наконец старец тот сказал мне: «Будешь ли ты объявлять людям об этом видении, возве-

щать это страшное веление? Если нет, то сейчас же погибнешь злосчастно». Тут-то я и закричал: «*Господи! Сотворю все это, помилуй меня*». После того он тихо опустил меня на постель и, сказавши: «Завтра я опять приду к тебе, ожидай меня», — стал невидим. Тогда я, — заметил рассказывавший, — уже совершенно уразумел, что являвшийся был действительно славный чудотворец Мирликийский, святитель Николай. На следующее утро, — продолжал говорить исцелевший и удостоившийся видения Григорий Рожнев, — когда лежал еще в постели и размышлял о своем страшном видении, снова внезапно явился в доме тот светоносный старец; был он, как и прежде, в архиерейском облачении с двумя крестами на персях и с третьим (одним), самым светлым, на раменах, встал пред святыми иконами и читал книгу. Но вскоре, согнувши книгу, он подошел ко мне; я смотрел и услаждался прекрасным видением, тогда он наклонился и, сказавши мне на ухо: «Ныне я отхожу от дому Ильи и благодать моя уже не пребудет в нем», — стал, как и накануне, невидим».

Все, доселе рассказанное исцелевшим Григорием, клятвенно подтвердили пред спасским священником Иоанном брат его (Григория) Иван Рожнев, хозяйка дома вдова Соломия Прокопьева с сыновьями и многие их однодеревенцы, которые, как сказано вначале, пришли навестить умиравшего и потому были свидетелями всего случившегося с ним; видели, например, сначала его при последнем издыхании, потом в ужасе и трепете, далее поднявшимся на постели всем телом и при этом слышали, как он сперва кому-то долго отвечал, а под конец в страхе вскричал: «Господи! Все это сотворю, помилуй меня».

Предвещание и вместе прещение святителя Николая касательно Ильи Крестинина вскоре и сбылось: в ночь на четвертые сутки после видения, бывшего Григорию Рожневу, у того крестьянина сгорела кладовая со всем имением, а в 30-й день после видения сам он впал в какую-то тяжкую болезнь и вскоре помер.

Икона святителя Николая, перенесенная невидимою силою из дома крестьянина Ильи в дом крестьянской же вдовы Прокопьевой, согласно повелению святителя, была отнесена крестьянами и при сопутствии священника Козьмина из деревни Крестининой в деревню Семилужскую и по-

ставлена в Вознесенской часовне, вместо которой, впрочем, давно уже существует церковь.

Между тем (между пожаром у Ильи Крестинина и его смертью) Григорий, сподобившийся видения, совершенно оправился от болезни, пришел в Томск и рассказал о всем, бывшем с ним, между прочим о явлении ему святителя Николая и о прещении Божием на Томск, архимандриту Алексеевского монастыря Варлааму, протопресвитеру Григорию Васильеву, священникам градским, а также воеводе стольнику Григорию Петровичу Соловаго, сыну его Лаврентию и всем лучшим гражданам. Вызванные в город вдова Соломия, Иван Рожнев и другие, бывшие свидетелями случившегося с Григорием Рожневым, единогласно подтвердили все рассказанное им, а пожар, истребивший по предвещанию святителя Николая дом и имение крестьянина Крестинина, свидетельствуя о божественности бывшего тому Рожневу видения, в то же время служил и предвестием бедствий, грядущих на Томск.

Для отвращения гнева Божия от города воевода, лица духовные и граждане положили общим советом послать в деревню Семилужскую священно- и церковнослужителей (Воскресенской церкви священника Афанасия Андреева с причтом) с нарочитыми гражданами для того, чтобы принести оттуда с подобающею честью ознаменованную особенною благодатью Божией икону Мирликийского чудотворца в город. Посланные отправились, и, когда принесли святую икону, граждане, все от мала до велика, вышли ей навстречу, приняли с радостью и умилением и долго в посте и покаянии молебствовали пред ней. Господь призрел на слезы и мольбы жителей Томска и по ходатайству святителя Николая переменил гнев свой против них на милость.

В память сего события и других благодатных явлений от описанной иконы святителя Николая и вошло в обычай ежегодно приносить эту икону из села Семилужского в Томск. Вечером 8 мая ко всенощному бдению приносят ее в церковь Вознесения Господня, что на градском кладбище, а утром 9 числа к поздней литургии вносят в самый город, в церковь Никольскую. После литургии святую икону прежде относили в Алексеевский монастырь, а ныне относят в собор, где она и остается до 10 июля, когда ее относят обратно

в село Семилужское, как и приносят, с крестным ходом в сопровождении множества богомольцев*.

4) *Икона Введения во храм Пресвятой Богородицы*, что *в селе Ярском* на берегу Томи, в 45 верстах от Томска. Ярское в давнее время населено было незначительным числом жителей, и на том месте, где ныне церковь, ничего не было, кроме большого черемухового дерева. Нынешние старики лет 60 и 80-ти слыхали от предков, что на этом дереве найден был жителями образ Введения во храм Пресвятой Богородицы. Чтобы узнать, от Бога это явление или от людей лукавых, жители Ярского по общему совету опустили образ на реку Томь за версту выше селения, но, возвратившись, увидели его на том же дереве. Сняв, они снова опустили святую икону на воду, только уже прямо против селения, и снова нашли ее на прежнем месте. Наконец, отошедши от селения вниз по течению реки примерно на полверсты, они опустили икону на воду в третий раз, притом опустили довольно далеко от берега, так, что она в виду их и поплыла; однако ж по возвращении икона и опять была найдена ими на том же черемуховом дереве.

Удостоверившись этим, что в явлении иконы Божией Матери нет хитрости человеческой, жители Ярского просили у архимандрита томского Алексеевского монастыря** дозволения построить им ради ее и в ее имя часовню и когда получили оное, то выбрали из среды себя набожного и благонадежного сборщика и, вручив ему явленную икону***, отправили его с нею для сбора денег, нужных на постройку той часовни.

Сборщик со святою иконою отправился на восток в нынешнюю Иркутскую губернию и там, ходя из города в город и из селения в селение, прошел за Байкал. Но там в одной из деревень заболел и помер. Таким образом, явленная икона могла бы утратиться, могла бы быть присвоена каким-нибудь частным человеком, но вскоре Божия Матерь явилась в сонном видении в образе девицы в белом одеянии

* Материалы для трех статей — об иконах Богородицкой, Спасской и Семилужной — сообщены членом томского епархиального комитета по собиранию церковно-исторических и статистических сведений, священником Томского тюремного замка Алексеем Серг. Лавровым.

** Настоятели томского Алексеевского монастыря почти до конца прошлого столетия одновременно Томским краем от имени тобольских преосвященных в звании закащиков.

*** В старину не было обычая выдавать сборные книги, и сборщики ходили для сбора с иконами.

хозяину того дома, в котором помер сборщик. И повелела ему доставить икону в приходскую церковь и там отдать ее на руки священнику, что он и исполнил. Затем подобным же образом явилась небесная Владычица и священнику, давши ему при этом наставление отправить икону в Томский край, в селение Ярское. Случай к тому вскоре и представился: помер крестьянин Ярского же селения, 16 лет живший за Байкалом; сын его Иван Чебаев с матерью, не желая остаться навсегда на чужой стороне, решился возвратиться на родину. Священник и воспользовался этим случаем — святую икону отослал по принадлежности. Когда явленная икона принесена была обратно в Ярское, тогда на месте ее явления построена была часовня, а впоследствии и церковь.

Слух сначала о чудном явлении иконы Введения во храм Божией Матери в селении Ярском, а потом и о возвращении ее из Забайкалья также при содействии свыше, распространившийся по окрестным селениям и в Томске, был причиною того, что народ во множестве стал стекаться на поклонение этой святой иконе и для молебствий пред нею небесной Владычице. И по вере молившихся бывало... Из многих сказаний о благодатных явлениях от святой иконы наиболее замечательны (бывшие в недавнее время) избавление села Ярского в 1844 году от заразы, утушение в 1850 году пожара, прозрение слепой, явление Божией Матери в сонных видениях и даже наяву, между прочим (в 1854 г.) некоторым из проезжих на золотые прииски с повелением вспомоществовать от их праведных трудов к постройке, неоднократно горевшей в Ярском, церкви.

И икону Введения во храм Пресвятой Богородицы, что в селе Ярском, подобно трем предыдущим иконам, ежегодно приносят в Томск с обычной крестным ходам церемонией, только ее приносят с недавнего времени, и именно с 1857 года. С места поднимают ее 25-го, а в Томск приносят 27 мая, следовательно, в один день с Нерукотворенным образом Спасителя, что из села Спасского; да и остается она в Томске для чествования, для молебствий так же, как и Нерукотворенный образ, до 6 августа*.

Пред всеми четырьмя описанными иконами, и особенно пред иконою Одигитрии Божией Матери, доколе остаются

* Том. Губ. Вед. 1858 г., № 28, стр. 223–225; № 11, стр. 86.

они в Томске, очень часто совершают молебствия, их по просьбам усердствующих носят для молебствий и по домам, наконец, их для той же цели приносят и в каждое присутственное место. Впрочем, иные из набожных жителей Томска, подобно как и многие из сельских обывателей, ездят и ходят молиться пред святыми иконами, поклониться им и на самых местах, некоторые даже считают как бы непременною своею обязанностью делать это пред тою или другою святынею, или и несколькими вместе, ежегодно*.

5) Кроме четырех описанных икон: Одигитрии Божией Матери, что в селе Богородском, Нерукотворенного образа Спасителя, что в селе Спасском, святителя Николая, что в селе Семилужском, и Введения во храм Пресвятой Богородицы в селе Ярском, предметом особенного благоговения и почитания для жителей Томска служат *две иконы*, находящиеся во Всесвятском приделе** *церкви Знамения* Абалацкой *Божией Матери*, что в предместии Томска, называемом Заозерьем, и там лежащие за праным и левым клиросами, на аналогиях, под балдахинами. Эти иконы на кипарисных дсках, большого размера, написаны и украшены серебряными золочеными ризами усердием купеческой жены Евпраксии Ненашевой, впоследствии Королевой***. На них изображены многие и разные святые, например, 1) из пророков — Иоанн Предтеча и Даниил; 2) из евангелистов и апостолов — Матфей, Марк, Лука, Андрей Первозванный, Павел, Варфоломей, Варнава, Филипп, архидиакон Стефан; 3) из святителей и преподобных отцев восточных — Василий Вел., Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Николай Чудотворец, Ефрем Сирин, Спиридон Тримифунтский, Иоанн Дамаскин и др.; 4) из св. царей и князей — Константин Вел., равноапостольный Владимир, Александр Невский, Димитрий Царевич и многие др.; 5) из св. воинов и страстотерпцев — Георгий Победоносец, Димитрий Солунский, Феодор Стратилат, Феодор Тирон; 6) из святителей российских — Петр, Алексий, Иона и Филипп московские, Иоанн Новгородский, Гурий и Варсонофий казанские и др.; 7) из св. жен — Фекла первомученица, Христина, Марина и Анастасия узорешительница.

* Том. Губ. Вед. 1858 г., № 2, стр. 14 л. 15; № 28, стр. 225.
** Придел сей устроен в 1849 и 1850 годах, а освящен 5 февр. 1851 года.
*** Ею на этот предмет употреблено 730 р. сер.

Внизу каждого из этих и других священных изображений хранится в особых золочено-серебряных помещениях по частице святых мощей именно того святого, чье тут изображение. Вот эти-то частицы мощей святых угодников Божиих и между ними еще важнейшая святыня — часть животворящего древа Креста Господня — собственно и составляют предмет особенного благоговения и почитания жителей Томска, а также и жителей ближайших к нему городов и селений. Им, т.е. части животворящего Креста Господня и частицам св. мощей, люди верующие, люди благоговейные воздают почитание, молебствуют пред ними угодникам, которым они принадлежали, и во всякое время, но особенно в те дни, в которые случается память этих угодников и в которые с 1856 года по благословению преосвященного Парфения, епископа Томского (ныне Иркутского), совершаются по-праздничному всенощные бдения и литургии.

Но откуда в Сибири, в Томске, в обыкновенной приходской церкви явилась такая редкая и великолепная святыня? Ее в томскую, еще деревянную, Знаменскую церковь* в числе 83 частиц, вместе с иконами для двух иконостасов хорошего греческого письма, писанными в Москве, и с несколькими лавками приложил в 1703 году строитель той церкви, боголюбивый житель Томска дворянин Иван Качалов. Частицы первоначально хранились внутри небольшого, почти квадратного сребро-золоченого ковчега в воскомастике. На лицевой дощечке этого ковчега были устроены особые квадратные места, среди их пробиты небольшие овальные отверстия с надписями над каждым местом, из-под этих-то отверстий сквозь слюдяной листок видны были частицы св. мощей, и в каждом отверстии именно того святого, чье имя вырезано сверху в надписи**. Самый ковчежец с святыми мощами был вделан в средину одного образа. Но при этом недоставало достаточно приличного святыне благолепия и мало было удобства в почитании св. мощей. Потому-то в 1848 году и были написаны две выше-

* Деревянная церковь во имя Знамения Божией Матери Абалацкой построена, по крайней мере освящена, была в 1703 году; но теперь вместо нее каменная, начатая постройкою в 1789 году, а оконченная и освященная в 1810 году.

** Благодаря этим раздельным отверстиям и надписям, части святых мощей никогда и не могли быть перемешаны.

упомянутые с изображениями многих из святых икон и устроены под этими изображениями особые для каждой частицы помещения. В том же 1848 году, 27 и 28 ноября и 3 декабря, св. мощи и были из прежнего помещения переложены в новые преосвященнейшим, тогда епископом Томским и Енисейским, а ныне архиепископом Казанским и Свияжским Афанасием.

Частиц св. мощей, как замечено выше, Иваном Качаловым было пожертвовано 83. Судя по описям церковным, их будто бы столько же было: а) в 1770–75 годах, когда находились они в Тобольской консистории для освидетельствования, и б) в 1803 году, когда они были перенесены из старой деревянной в освященный в том же году (15 сентября) Екатерининский придел новой каменной церкви. Но при переложении их из прежнего во вновь устроенные для них ковчежцы в 1848 году их оказалось уже только 74 (частицы); в какое время и кем утрачены остальные 9 частиц — это ведомо одному только Господу Богу.

Кроме 74 частиц св. мощей, в Томской Знаменской церкви есть еще довольно большая часть кости от св. мощей великомученицы Варвары и часть кости же от мощей преподобного Александра Свирского. Первая сохраняется на престоле придельного алтаря во имя всех святых в древнем ковчежце и износится из алтаря для поклонения и лобызания богомольцев только в день памяти св. Варвары, т.е. 4 декабря; а последняя вложена в древнюю икону преподобного Александра, находящуюся в настоящей (холодной) церкви в первом ставе иконостаса за северными алтарными дверями и может служить предметом поклонения во всякое время. Предполагают, что и эти две святыни в Знаменскую церковь пожертвованы тем же богомольцем Качаловым.

Но откуда сам, не один раз уже упомянутый, Качалов мог приобрести такую не только в Сибири (стране, новой по отношению к христианству и далекой от Греции, Киева, Москвы и других средоточий православной святыни), но и в России редкую святыню, части святых мощей?

Качалов, судя по тому, что имел у себя такую важную святыню, что выписывал иконостасы для построенной им церкви из Москвы, что имел хороший достаток и развитой вкус в иконописании, должно быть, был не природный сибиряк, а вольно или невольно прибывший на житье в Томск

из Москвы, из России*. Если так, то, по всей вероятности, он или сам лично, или еще посредством своих предков приобрел пожертвованную им в Томскую Знаменскую церковь святыню в Москве, в России, и именно от греков. Эти восточные наши единоверцы, даже их главные пастыри — архиереи и патриархи — по разрушении турками греческой империи во множестве приезжали к нам в Россию: одни для того, чтобы навсегда остаться у нас и тем избегнуть насилия со стороны своих завоевателей, а другие для того, чтобы получить от щедрости русских себе пособие, и в весьма значительном количестве привозили с собою части св. мощей, которыми они наделяли наши монастыри, церкви и частных лиц в благодарность за щедрые пожертвования им, за вспомоществование им в их нуждах. Этим, а не другим путем явилось так много восточной святыни в наших знатнейших монастырях, в наших богатых церквах и у наших зажиточных бояр; этим же путем мог приобрести св. мощи и Качалов, строитель Томской Знаменской церкви, или приобрели еще предки его и оставили ему в наследство**.

6) *Икона святителя Николая*, что в часовне *деревни Ипатовой* в 20 верстах от Томска.

7) *Икона Знамения Божией Матери Абалацкой*, что в городе *Семипалатинске*. Но она уже описана подробно почти

* В записях Знаменской церкви Ив. Качалов называется томским жителем, дворянином, строителем церкви, боголюбцем — и только (Том. Губ. Вед. 1858, № 32, стр. 256). Но Г. Латышев в статье о Томске, помещенной в Сыне Отеч. на 1852 г. № 6, говорит: «В Томске есть предание, что предместье города Заозерье... первоначально заселено было сосланными сюда жителями Углича после исследования дела о смерти царевича Димитрия. В числе сосланных, — продолжает автор, — говорят, был Качалов (брат известного Никиты Качалова, убитого народом). Он построил в Томске деревянную церковь во имя Знамения пресв. Богородицы» и пр. Не знаю, выдержит ли это предание критику: жители Углича Борисом Годуновым сосланы были в Сибирь около 1593 года, а Томск выстроен только около 1604 года, притом сосланы были именно в Пелым, а не в Томск; да и как явился между сосланными брат Качалов, который был одним из клевретов Годунова? Положим, впрочем, что Ив. Качалов был сослан уже по смерти Годунова при царе В. Ив. Шуйском или при царе Мих. Феодоровиче, когда дело царевича Димитрия приняло уже совсем другой оборот. Но в таковом случае строитель Томской Знаменской церкви, положим, в год убиения царевича (1591), бывший только 10 и 15 лет, в 1703 году имел бы уже более 120 лет от рождения.

** См. в Том. Губ. Вед. 1858 г., № 32 и 33, стр. 255–258, 263–267, статью законоучителя Том. гимназии свящ. Вакха Гурьева.

в начале сочинения, там, где говорится об особенно замечательных копиях с чудотворной Абалацкой святой иконы.

8) *Икона св. мученицы Параскевы*, что *в селе Вознесенском* Каинского округа. На Барабинской степи, в Каинском уезде, в 215 верстах от Омска, недоезжая 10 верст до села Вознесенского, близ небольшого озера, на самом Сибирском тракте стоит уединенно часовня, впрочем, далеко не похожая на обыкновенные часовни, какие можно видеть по деревням не только Сибири, но и всей России. Она круглая и открытая со всех сторон, в виде шатра или навеса, на 16 деревянных, стоящих попарно, колонках, соединенных между собой перилами. В ней деревянный помост, икона св. мученицы Параскевы самого простого письма и без всяких украшений, наверху крест и больше ничего. Эта (как бы) часовня устроена в тридцатых годах настоящего столетия бывшим каинским окружным начальником Гороховым, а икона в ней поставлена не более 6 или 7 лет тому назад — около 1856 года. Но и до того времени на месте ее стояла часовня, только обыкновенная, т.е. в виде крестьянского четырехстенного домика, закрытая со всех сторон; в ней, между прочими иконами, находилась икона св. мученицы Параскевы, нареченныя Пятницы, но не та, о которой упомянуто*, а другая, которая в настоящее время находится в церкви села Вознесенского, лежит на аналогии и украшена сребро-золоченою ризою.

Кем и когда была выстроена эта последняя часовня, а также кто и в какое время поставил в ней икону св. Мученицы, этого предание уже не помнит. Но окрестные жители по преданиям от предков и по своим воспоминаниям единогласно говорят, что крестьяне сел Вознесенского и Камышевского** исстари*** пред посевами и при других случаях, по предварительном сношении, приносили из своих

* Впрочем, и настоящая, открытая со всех сторон часовня приходит в ветхость; почему епархиальным начальством и разрешено вместо ее построить новую.

** И это село на Сибирском тракте, только против Вознесенского села, ближе к Омску на 21 версту.

*** Впрочем, никак не далее, как 90 или уже много 100 лет тому назад, потому что Барабинская степь заселена только в шестидесятых (около 1763 г.) годах прошедшего столетия. Только Каинский острог с другим, меньшим его, острожком для защиты барабинских татар от нападавших на них киргизов были устроены в 1722 году (Слов. Щекатова, статья Каинск).

селений (первые — из церкви, а последние — из часовни, так как в Камышловом церковь выстроена только недавно) в ту часовню иконы и кресты, там молебствовали пред иконою мученицы, и Господь благословлял их поля урожаями. Но раз вот еще что было: вследствие засухи, повторявшейся не по одно лето, на Барабинской степи открылся голод, такой, что люди питались лебедой и древесной корой. Вознесенцы и камышевцы обратились с молитвами к Господу Богу и его угоднице, собрались в помянутую часовню, молились там св. мученице Параскеве, и во время самого молебствия пошел проливной дождь; поля, от бездождия и в то лето не подававшие никакой надежды, оживились, и был обильный урожай. В память сего благоделяния Божия, совершившегося по ходатайству св. Параскевы, и совершившегося притом в начале Петрова поста, и был учрежден в девятую по Пасхе пятницу из села Вознесенского в часовню крестный ход. Число чтителей иконы св. Параскевы год от году увеличивалось: на богомолье к девятой пятнице в описанную часовню стали стекаться не только из Каинского округа, но из Омского и Тарского, этого мало — около часовни, несмотря на то, что она стояла в чистом поле, образовалась в девятую пятницу довольно значительная ярмарка.

С течением времени деревянная часовня пришла в ветхость; другую, настоящую часовню, по нынешним церковным правилам, притом вне селения, устроить было уже нельзя, потому на месте ее, как уже и сказано выше, лет около 30 тому назад был устроен только как бы навес, а многочтимая икона св. Параскевы, нареченныя Пятницы перенесена в церковь села Вознесенского и здесь около 1847 года от каинского купеческого сына (но жителя и церковного старосты Спасского села, соседнего с Вознесенским) Степана Терентьева Ломакова украшена серебряною золоченою ризою*; да и самая ярмарка с прежнего места, как места совершенно

* Поводом к устройству ризы на икону св. Параскевы послужило следующее, весьма замечательное обстоятельство: купеческий сын Степан Ломаков, бывший по своим делам в Томске, заболел завалом горла; болезнь была так сильна, что находившаяся при нем жена решительно отчаивалась в его выздоровлении, да и сам больной с часу на час ожидал своей смерти. Изнемогая под тяжестью болезни, он обратился с пламенной мольбой ко Господу Богу о помиловании, причем в случае выздоровления давал твердое обещание устроить на икону угодницы Его мученицы Параскевы, что в селе Вознесенском, чтимой им с детства, серебряную под золотом ризу. Помолившись так, больной

пустого, ненаселенного и, следовательно, неудобного для торговли, в 1836 году переведена в Вознесенское. Впрочем, крестный ход в девятую по Пасхе пятницу после литургии из Вознесенской церкви к описанной, что в открытом поле, часовне совершается каждогодно и доселе*.

9) *Икона святителя Иннокентия*, иркутского чудотворца, что *в селе Осиновых Колках*, в 30 верстах от Каинска. Полагают, что эта икона вначале была не что иное, как портрет святителя Иннокентия, написанный с него еще с живого. Но в Осиновые Колки принесена не очень давно. Ее в августе месяце между прочими каждогодно приносят для молебствий в Каинск.

10) *Икона Казанской Божией Матери*, что в часовне *Дмитриевской волости*. Она древняя и привлекает к себе множество поклонников**.

11) *Икона великомученицы Екатерины*, что *в Бухтарме*. На поклонение ей ходят и ездят довольно издалека, между прочим из Усть-Каменогорска.

6

Многочтимые иконы из находящихся в епархиях Енисейской и Иркутской

Из многочтимых икон, находящихся в епархиях Енисейской и Иркутской, пишущему известны весьма немногие: в первой одна, именно икона Пресвятой Троицы, которая находится в церкви села Заледеева, что в 27 верстах от

заснул и во сне видит, будто бы в квартиру к нему приходит святитель Иннокентий (в том самом виде, в каком Ломаков видел его в Иркутском Вознесенском монастыре, где он бывал и прикладывался к мощам святителя неоднократно) и говорит: «Завтра же ты будешь здоров». Действительно, завал в горле прошел на другой же день, больной тогда же выздоровел и вскоре исполнил свое обещание, т.е. устроил на икону св. Параскевы ризу. Ломаков не таил благодеяния Божия, над ним явленного, всем рассказал о нем. Он умер два года тому назад.

* Все эти сведения (т.е. и об иконе мученицы Параскевы, находящейся во церкви села Вознесенского, и о часовне, что близ того села, и о крестном ходе в нее из села Вознесенского в девятую по Пасхе пятницу) сообщены мне в письмах от 25 марта 1859 года и от 3 мая 1862 года местным священником и благочинным о. Ник. Митропольским.

** Сведения об иконах под №№ 6 и 10 получены от вышеупомянутого томского священника Ал. Лаврова, а под № 9 — от благочинного церквей Каинского округа, священника села Вознесенского Ник. Митропольского.

Красноярска по Иркутскому тракту, и каждогодно при многочисленном стечении богомольцев приносится в Красноярск, а во второй две — Казанской Божией Матери и святителя Николая.

Икона Казанской Божией Матери находится в Богоявленском Иркутском кафедральном соборе. Она ежегодно по посеве крестьянами ярового хлеба уносится для освящения полей в крестном ходе за 19 верст от Иркутска в село Куда, а оттуда для молебствий носится уже в прочие соседние селения. Этот крестный ход установлен в давние времена по случаю частых неурожаев около Иркутска*.

Икона святителя Николая находится в церкви Иргинского села, что в Забайкальской области, в 60 верстах от Читы. На поклонение этой святой иконе во множестве стекаются, особенно 9 мая и в девятую по Пасхе пятницу, не только русские, но и буряты, как крещеные, так, к удивлению, и некрещеные, буддистской и шаманской веры. Последние, т.е. буряты, кроме того, что много и усердно поклоняются иконе, возжигают пред ней множество свеч и иногда делают к ней приклады.

И русских, и бурят располагает к почитанию иконы св. Николая, что в селе Иргинском, следующее, переходящее из рода в род, предание: «В старину на том месте, где теперь церковь Иргинского села, жили четыре брата доброй жизни, трудолюбивые, богатые и имевшие на окрестных жителей сильное и благодетельное влияние. Один из тогдашних сибирских властей, видя, что все дела того края решаются мирно, без посредства сподручных ему лиц, возымел злобу на виновников сего мира. Ища их погибели, раз он придрался к какому-то незначительному случаю и вследствие сего честным и трудолюбивым братьям приказал наловить в Иргинском озере** в одни сутки такое количество рыбы, чтобы одними только рыбьими языками можно было наполнить 40 бочек. Как братья отказались от выполнения такого безумного приказания, то они и поплатились за это жизнью. Казнь их происходила 8 мая, накануне праздника св. Николая. Но каково же было удивление несправедливого воеводы, когда на следующий день, т.е. в самый празд-

* Слава пресв. Богородицы 1853 г., ч. 3, отд. 3, стр. 25; Памятники веры. М. 1825 года.

** Село и расположено на берегу сего озера.

ник св. Николая, все 40 бочек с рыбьими языками очутились неведомым образом в его дворе! Но от угрызений совести воевода лишился рассудка, а наследники его соорудили церковь на том месте, где стоял дом несчастных братьев». С течением времени уважение к памяти погибших братьев возросло до такой степени, что все окрестные жители сначала в 9 мая, а потом и в девятую по Пасхе пятницу толпами стекались к их могиле и на ней молились Богу, как на могиле мучеников, пострадавших за правду и чистоту своих действий. Даже до настоящего времени сохранилась часовня, в которой заключаются останки казненных братьев, и народ, по-прежнему благоговея пред памятью погибших, всегда в девятую пятницу посещает их могилу*.

* Газ. Амур на 1861 г. № 79, стр. 744 и след.

Новые благодатные явления от Абалацкой иконы Божией Матери

В 1636 году, следовательно, ровно чрез 55 лет по покорении Сибири русскими, в 25 верстах от главного сибирского города — Тобольска, по Иркутскому тракту, на правом высоком берегу Иртыша, при селении, именуемом Абалак, построена по указанию свыше* церковь в честь иконы Знамения Божией Матери с двумя приделами — Николая Чудотворца и Марии Египетской. По времени деревянная церковь заменена каменной (и не одной, а тремя церквами, рядом стоящими, — Знамения Божией Матери, святителя Николая и преподобной Марии, что под колокольнею** и из приходской чрез 147 лет существования обращена в монастырскую: при ней в 1783 году учрежден третьеклассный мужской монастырь под именем Знаменского Абалацкого.

Доколе строилась в 1636 году повеленная свыше церковь, для нее тобольским протодьяконом Матфеем написана была храмовая икона Знамения Божией Матери с предстоящими по правую сторону ее святителем Николаем, а по левую преподобной Марией Египетской***. Икона эта тотчас по написании, даже и во время самого написания, стала славиться чудесами: например, во время написания получил исцеление, и исцеление совершенное, заказавший ее подгородный крестьянин, который пред тем целый год лежал в рас-

* Вследствие повеления Бож. Матери, трекратно являвшейся вместе с святителем Николаем и преп. Марией местной жительнице, благочестивой вдове по имени Мария.

** Эти две последние построены были взамен находившихся в деревянной церкви приделов Николаевского и Мариинского.

*** Этими предстоящими только и отличается св. Абалацкая икона от Новгородской иконы Знамения Бож. Матери: сама Приснодева и на ней, равно как и на сей последней, изображается с распростертыми и воздетыми к небесам длaнями, а предвечный Младенец (пишется) на лоне Богоматери.

слаблении до невладения ни руками, ни ногами и до невозможности самому переворотиться со стороны на сторону, а во время препровождения ее из Тобольска, в деревне, лежавшей на пути в Абалак, прозрела девица, бывшая два года пред тем совершенно слепою, прозрела по слезной молитве к Божией Матери и благоговейном лобызании ее изображения как от самой слепотствовавшей, так и от ее родителей.

С тех пор чудотворения от иконы Божией Матери, называемой Абалацкою, и совершались постоянно, разумеется, для тех и над теми, кто в болезнях и других нуждах обращался к Царице небесной с крепкою верою и горячим усердием. Сими чудотворениями исписана целая, хранящаяся в Абалацком монастыре, книга, да многие и особенно разительнейшие из них уже оглашены и печатно в сочинениях: «*Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии*» (Спб. 1864 г.) и «*Сказание об иконе Божией Матери, именуемой Абалацкою, и о важнейших копиях с нее* с изображением самой чудотворной иконы» (изданий 4-го и 5-го, сделанных в 1874 и 1877 годах в Вятке и Омске).

Впрочем, благодать Божия, начавшая истекать в 1636 году и изобильно истекавшая от Абалацкой иконы Божией Матери в последующее время, не перестала истекать и доселе, да она и в настоящее время неоскудно истекает всем *труждающимся и обремененным*, с верою и усердием обращающимся к небесной Заступнице пред ее Абалацким ликом и копиями с него. Некоторые из новых благодатных явлений от Абалацкой иконы Приснодевы пишущим уже и преданы печати в трех статейках, помещенных на страницах Душепол. Чтения и Иркут. Епарх. Ведомостей годов 1878, 1880 и 1881. Эти три статейки, рассеянные по номерам двух журналов, и притом в разные годы, ради удобства в чтении их теперь соединяются в одну книжицу под названием «*Новыя благодатныя явления от Абалацкой иконы Божией Матери*». Самые же благодатные явления, которые описаны в них, следующие:

1. В Нижнем Новгороде в небогатом семействе Гагариных два года страдал ногой 17-летний мальчик Алексей; он, как говорится, не знал, как и куда положить ногу, и ходил с великим трудом и не иначе, как с помощью костыля. Он и лечился, но лекаря и лекарства нисколько не помогали ему, так что опасались, как бы не довелось ногу отпиливать. На счастье, в одном и том же доме с Гагариными квартировала

богобоязненная и сострадательная солдатка Глафира Иванова, у которой была книжица о чудотворной Абалацкой иконе*. Она раз пришла (а это было в 1877 году) к больному мальчику и сказала: «Алексей, доколе тебе страдать и без пользы тратиться на лекарства? Я бы советовала тебе дать обещание написать икону Абалацкой Божией Матери, быть может, болезнь и прошла бы: вот почти в начале этой книжки (а она держала в руке Сказание о Абалацкой иконе Божией Матери) рассказывается, как подгородный (гор. Тобольска) крестьянин Евфимий, бывший целый год в расслаблении, дал обещание написать Абалацкую икону и вскоре получил совершенное исцеление, да о подобных исцелениях по написании иконы Абалацкой Богоматери в книжке говорится и еще не в одном месте». Мальчик с радостью принял совет, только при этом сказал: «Но с чего же мы напишем икону?» — «А вот с этого изображения, которое приложено в книжке» (при чем она и показала больному изображение Абалацкой Богородичной иконы). Мальчик обратился к матери с просьбою заказать икону, мать сначала не соглашалась было, отговариваясь неимением денег, потом согласилась, и икона в тот же день была заказана. И что же? Мальчик Алексей на третий же день не стал чувствовать никакой боли в ноге, выздоровел до того, что самолично отправился для принесения за исцеление благодарения небесной Заступнице в собор к акафисту, совершаемому там в честь Божией Матери в положенное время еженедельно. Из собора бывший больной возвратился без костыля: его там он забыл. Икона Абалацкой Божией Матери была окончена письмом и принесена в дом к Гагариным в Покров Пресвятой Богородицы. В тот же праздник в квартире Гагариных была отслужена всенощная и совершен с водосвятием молебен Божией Матери. Алексей Гагарин теперь уже возмужал, служит на хорошем жалованье и икону украсил серебряною ризою.

2. В квартире Гагариных, спустя немного времени, совершилось и другое исцеление, хотя в другом роде, и именно нравственное... Отец бывшего больного Алексея целых 9 лет вел жизнь в высшей степени нетрезвую и беспорядочную и во все эти 9 лет ни разу не бывал у исповеди и святого причастия. Но необычайное выздоровление сына, постоянное присутствие в комнате новой неслыханной прежде для

* Как попалась эта книжица Ивановой, об этом будет ниже.

нижегородцев иконы и, конечно, горячие молитвы небесной Владычице жены и сына, а, быть может, по временам и самого нравственно больного произвели то, что Гагарин-отец с января 1878 года прекратил пьянство, стал жить, как следует порядочному человеку, в начале апреля того же года уже и говел, а в 1879 году он и скончался с полным христианским приготовлением.

3. У одной бедной женщины по смерти мужа ее родные мужа отняли все имение, какое только осталось после покойного, даже выгнали ее из дома. По совету добрых людей она дала обещание написать икону Божией Матери, называемую Абалацкою; икона, согласно обещанию, была написана, после чего все имение возвращено вдове назад. Таким образом, и эта бедная, но набожная женщина по молитве пред Абалацкою Богоматернею иконою исцелела от болезни сердца, от скорби душевной.

4. У жены служащего в доме весьма достаточного жителя Нижнего Новгорода г. Губина Тарасия Семенова именем Екатерины заболела после родов нога. Целые шесть лет страдалица от боли в ноге ни днем, ни ночью не знала покоя. Раз, когда страдания ее были особенно сильны, пришла к ней по знакомству уже неоднократно нами упомянутая солдатка Глафира Иванова. Видя страдания и слыша стоны больной Семеновой, Иванова начала говорить ей о чудесах от Абалацкой иконы Божией Матери, описанных в Сказании о ней, а также и о благодатных явлениях, чрез нее совершающихся в самом Нижнем, причем предлагала ей с мужем прочитать и книжку о святой иконе. Семеновы охотно приняли предложение; книжка им была принесена и ими с усердием прочитана, и затем ими была заказана для написания и икона Абалацкой Божией Матери. Икона эта еще не была окончена письмом, как боль в ноге у Екатерины Семеновой прекратилась, так, что нога у нее как будто и никогда не болела. Когда же икона была написана и доставлена в дом Семеновых, тогда последние чрез кого следует освятили ее, молебствовали пред ней. Болевшая ногой шесть лет Семенова освободилась от болезни в декабре 1877 года, а пишущему хорошо известно, что болезнь к ней, по милости Божией и заступлению Божией Матери, не возвращалась и до сих пор.

5. Сама богобоязненная солдатка Глафира Иванова в продолжение двух лет страдала болью сердца, и боль эта чув-

ствовалась ею особенно в праздничные дни. Советуя другим давать обещание писать иконы Абалацкой Божией Матери и усердно молиться пред ними, она и сама решилась заказать написать такую икону. Но муж ее, которого она стала просить о написании иконы, отказал ей в просимом, отзываясь неимением денег. Что же? Вскоре после того муж Глафиры пошел на базар, и у него вытащили из кармана 3 рубля серебром. После возвращения с базара домой он рассказал о случившемся с ним жене, познал грех свой и немедленно заказал написать икону Божией Матери, именуемую Абалацкою. Когда икона была написана и освящена (в соборе), боль в сердце у названной женщины совершенно прекратилась, а муж ее (кроме того, получивший еще таинственное наставление во сне быть особенно усердным к своей работе и теплить по временам пред иконою лампадку) с тех пор начал питать к Абалацкой святыне особенное благоговение.

6 и 7. Житель Нижнего Новгорода по прозванию Зимин во время ярмарки 1878 года служил у богатого торговца железом Зурова. Раз Зимин в лавке или лабазе своего хозяина укладывал с пачки шпили (или лучше гвозди, фунта по два и более весом) и, стоя внизу, подавал эти пачки своему сослуживцу вверх для укладки их в стопы. Только одна какая-то пачка развязалась, шпили мгновенно посыпались вниз, и один из этих гвоздей-великанов упал острым концом в ногу Зимина, пробил плюсну[101] насквозь, даже воткнулся в пол. Несчастный взмолился к товарищу, чтобы он поскорее выдернул из ноги гвоздь; тот, хотя и в страхе, выдернул, из раны полилась кровь, нога стала сильно пухнуть, раненый, взяв извозчика, приехал домой и там, как говорится, попросту кричал на бел свет. Что тут было делать? Зимин — человек бедный и многосемейный (имеет, кроме жены, 7 детей), приглашать лекарей и лечиться аптечными лекарствами он не мог. На счастье, жена его вскоре вспомнила из слышанного прежде, что иные из жителей Нижнего в случаях болезней каких-либо членов тела мажут их елеем из лампад, горящих пред изображениями Абалацкой иконы Божией Матери в домах некоторых набожных лиц, и что они, по вере своей, получают от того облегчение в болезнях; вспомнила, тотчас послала в один из таких домов, получила просимое и начала с усерднейшею в душе мольбою к Царице небесной мазать елеем язвину на ноге мужа; тот вскоре почувствовал облегчение в страданиях,

ослабление боли, и такое, что чрез два дня он уже был в состоянии снова отправиться в железную лавку на работу. Чрез несколько времени с тем же Зиминым случилась новая беда: у Зурова принимали и весили железо, Зимин при этом стоял у той половины весов, на которой были наложены гири. Только вдруг с противоположной половины (весов) свалилась какая-то особенно тяжелая вещь — чугунная баба или другое что. Сторона с гирями мгновенно пала вниз, Зимин не успел отскочить и получил сильный тяжелый удар в ногу. Само собою разумеется, что и в этот раз, как и в предыдущий, стон и крик начали раздаваться в доме, когда привезли туда больного. Но и теперь несчастные, по вере своей, обратились за помощью после костоправа к Царице небесной, добыли елея из лампады, горевшей пред ее Абалацкою иконою, намазали им больную ногу, нога вскоре зажила, и Зимин по-прежнему стал в состоянии трудом зарабатывать себе и своей семье кусок хлеба.

8. Александр, двухлетний сын надворного советника N и жены его Глафиры Протопоповых, имеющих жительство в Екатеринбурге, каждомесячно подвергался припадкам падучей болезни. Страдая вместе с дитем (сердцем), родители дали обет помолиться пред чудотворной Абалацкой иконой Божией Матери и обет свой в ноябре позапрошлого 1879 года исполнили. И что же? «Со времени данного нами обещания от 12 февраля 1880 года, — писали Протопоповы в Абалацкую обитель, — припадки с нашим сыном стали легче, а когда, прибыв в Абалак, мы отслужили молебен пред чудотворною иконою, припадки и совсем миновались». Затем они просили приложенную при письме (голубую) ленту надеть на венец, что на иконе Божией Матери, с объяснением, что они эту ленту возьмут обратно к себе (вероятно, в намерении ею, как получившею освящение чрез продолжительное прикосновение к святыне, по временам подпоясывать исцелившегося малютку или употреблять ее вместо шнурка для тельного креста и тем охранять малютку от возобновления прежних страшных с ним припадков), а в монастырь взамен ее пришлют другую. «В воспоминание видимой милости, — заключили письмо* обрадованные супруги, — оказанной нам небесною Владычицею, не откажите исполнить нашу просьбу».

* Подлинное письмо хранится в делах архива Абалацкого монастыря.

9. Крестьянка Ирина Николаева, родом из села Богородского Нижегородского уезда, живет с мужем своим Петром Васильевым в Нижнем Новгороде, где он торгует шорным товаром[62]. Живет она в Нижнем уже 15 лет, но на родине, в селе Богородском, и до сих пор находится родная сестра ее именем Татьяна. Эта Татьяна 12 лет была одержима злым духом, который причинял ей страдания, особенно по праздничным дням, отчего она при всем желании не могла ходить к богослужению, а если иногда и ходила, то никогда не могла стоять в церкви подолгу, никогда не была в состоянии выстаивать службу до конца. Ирина, сестра больной, уже более года имела у себя список Абалацкой иконы Божией Матери. В ноябре позапрошлого 1879 года пришло ей на мысль написать другой экземпляр названной иконы именно для страждущей сестры. Икона была заказана, написана и украшена ризою. Пред нею благочестивая Ирина затеплила ради блага сестры неугасимую лампаду и усердно молилась за сестру, твердо веруя, что она, когда получит икону, выздоровеет. Недоумение состояло только в том, с кем переслать в Богородское икону, потому что ее саму муж, сколько раз раньше-то она ни просилась, под разными предлогами не отпускал. Но вот у Ирины возникает мысль, что муж на этот раз ради наступающего праздника Рождества Христова не откажет ей в позволении съездить на родину, и в этой мысли написала к сестре письмо с уведомлением, что она на праздник приедет к ней и привезет ей гостинец (а какой, она не объяснила). На письмо больная (Татьяна) отвечала: «Ты ко мне с этим гостинцем и не являйся», — и тут обозвала ее бранным словом. Ирина, однако ж, на это не посмотрела и начала просить мужа отпустить ее к сестре. Муж, вопреки ожидания, охотно согласился, даже обещался и сам ехать с ней, только с тем, чтобы им выехать в ночь на Рождество Христово. Жене это не совсем-то нравилось, но делать было нечего.

Врагу спасения их поездка, как видно, была негодна, и вот по его действию начались одно за другим препятствия. Ирина с мужем накануне праздника была готова к отъезду еще около полудни, но вдруг и совершенно неожиданно приносят мужу повестку явиться к мировому судье в качестве свидетеля, и они могли выехать из Нижнего только уже пред вечером. Ночью вскоре по выезде из Кстова (села, лежащего на пути) супругов нагнали пятеро разбойников, трое из них

выскочили из своих саней, схватили лошадей под уздцы, остановили, заглядывали в повозку и с радостью кричали товарищам (оставшимся в санях), что ездоков, кроме ямщика, только двое и что в числе их одна женщина. Перепуганная Ирина горячо молилась Божией Матери об избавлении их от злодеев. К счастью, ямщик не струсил, нашелся, быстро повернул лошадей назад, а лошади, рванувшись вдруг, троих стоявших при них разбойников сшибли с ног. Разбойники погнались было за путниками, поскакавшими обратно в Кстово, но лошади разбойников завязли в снегу, и злодеи излили злобу свою в одних мужицких ругательствах.

Переночевавши в Кстово и выехавши оттуда в благовест к Рождественской утрене, наши путешественники прибыли в Богородское, когда прихожане сего села уже выходили из церкви от заутрени. Ирина, взявши икону, которая предварительно была завернута в холст и бумагу (из опасения, чтобы она, если больная, одержимая злым духом сестра, бросит ее, не разбилась), пришла к сестре, помолилась, поздоровалась с ней и, отдавая образ, сказала: «Вот я тебе гостинец привезла». Татьяна взяла образ и, как Ирина опасалась, с силой бросила его на стол, сама же упала, у ней сильно раздулось горло, она билась о пол и кричала: «Сейчас выйду, сейчас выйду, сейчас уйду, сейчас уйду», — много раз повторяя одни и те же слова. Затем из рта кричащей пошел густой как бы туман. Спустя часа полтора после того Татьяна пришла в себя и стала как бы ни в чем невредима. Ирина и муж ее Петр Васильевич всему тому были очевидцами.

Первые слова Татьяны, когда она встала, были: «Сестрица, пойдем к обедне». «Пойдем, — отвечала Ирина, — я давно жду тебя». И сестры пошли. Дорогой Татьяна предупредила сестру, что она дальше порога не пойдет и что ей нужно будет выйти из церкви, так как она никогда не могла выстаивать всей обедни. Ирина во время службы не спускала глаз с сестры и с радостью видела, что она молилась так усердно и с таким благоговением, как редко кто и когда-нибудь молился, и что также замечательно она простояла всю обедню безвыходно. И на другой день (26 декабря) сестры также ходили к обедне, и бывшая больная также усердно молилась и выстояла службу до конца. После этого вторичного богомолья Татьяна говорит сестре: «Теперь, сестрица, у меня внутри сделалось так легко, так хорошо, как будто я переродилась,

теперь я уже не чувствую никакой боли». В течение дня у сестер только и было разговоров, что об Абалацкой иконе Божией Матери и чудесах, какие чрез нее Господь Бог совершал и совершает. Исцелевшая от души благодарила сестру за икону и усердно молилась. На третий день праздника (27 декабря) Ирина, обрадованная исцелением сестры, отправилась с мужем обратно в Нижний Новгород.

10. К одной (нижегородской) монахине пришла незнакомая ей старушка и просила ее помолиться за ее сына, который пьянствовал до того, что нередко являлся домой без платья и обуви. Бедная мать не знала, что делать с ним: она и уговаривала, и бранила его, и лечила разными снадобьями, и, однако ж, ничто не помогало. Монахиня, слыхавшая о благодатных явлениях, совершающихся в их городе над теми, которые приобретают списки с Абалацкой иконы Божией Матери и усердно молятся небесной Заступнице, посоветовала и старушке написать образ Абалацкой Богоматери и усердно молиться пред ним, но получила в ответ: «Дома у нас образов и без того много, но молиться-то мы ленивы». «Ну, ты хоть только по три поклона клади в день Царице небесной, — сказала опять монахиня, — и увидишь, как она милосердна к нам, грешным». Старушка последнее исполнила, и вот не прошло трех недель, как сын ее до того поправился телесно и душевно, что поступил на службу, и вот уже более 16 месяцев и капли водки в рот не берет. Затем старушка охотно исполнила совет радушной инокини — заказала написать икону Абалацкой Божией Матери, освятила ее чрез кого следует и благоговеет к ней особенным образом.

11. Священник саратовской домовой архиерейской церкви Александр Крылов слишком семь лет страдал тяжкою болезнью — катаром мочевого пузыря. Он лечился, но лекари и лекарство нисколько не помогали ему. Прочитав в августовской книжке журнала «Душеполезное Чтение» на 1878 год статейку «*Новыя благодатныя явления от Абалацкой иконы Божией Матери*», где рассказывается между прочим и об исцелениях иных болящих по их усердным молитвам небесной Владычице и по написании ими копий с Абалацкой Богородичной иконы, названный о. Александр выписал из Омска два экземпляра Сказания о Абалацкой святыне и тотчас же заказал местному живописцу написать по имеющемуся при Сказании изображению копию с чудотворной Абалацкой иконы. Мастер и начал было

писать, но, занятый неотложными работами по приготовлению иконостаса для одной церкви, приостановил работу над начатою иконою. Дело замедлилось на целый год, поручить работу кому-нибудь из других иконописцев не хотелось, потому что тот мастер хороший, учился в Академии художеств и исполнял заказы искусно и добросовестно. Больной между тем продолжал страдать. Но вот он в Вербное воскресенье прошедшего 1880 года, которое тогда пришлось 13 апреля, вдруг почувствовал весьма значительное облегчение своей болезни, страдания его стали, так сказать, только вполовину. Рад и весьма рад он был этому, только не знал, откуда, от чего или от кого пришла ему эта радость. «Отстоявши литургию, — говорит о. Александр в письме к пишущему, — я иду в свечную лавку* и — о радость и какая радость! — узнаю, что здесь ждет меня, что сюда принесена заказанная мною икона, которая и написана притом превосходно. Тут только я понял причину облегчения моей болезни — это Цариця небесная ради иконы своея Абалацкия даровала мне, грешному, столь великую милость, дивным образом облегчила мою болезнь. Прославляю столь ощутительное ко мне милосердие небесной Владычицы, и по сие время находясь в таком же состоянии, как и в день получения иконы (икона о. Александром получена 13 апреля, а письмо ко мне он писал 8 мая, в Абалак же он писал уже от 13 октября), я надеюсь, что она, милосердная Матерь, и совершенное дарует мне здравие». Да осуществится надежда страдальца: *Пресвятая Госпожа Владычица Богородица,* именуемая от святой церкви *больных исцеление,* да исцелит и всесовершенно иерея Александра от одержавшия его болезни»**.

12. Довольно молодой (34 лет) священник Такмытской слободы Тарского округа Тобольской епархии М. Бекреев*** сидением за благочинническими делами (от восемнадцати церквей благочиния) нажил себе сильный геморрой, обнаружившийся болью в пояснице и крайним стеснением в груди. В конце позапрошедшего года к этой болезни от неосторожного питья отцом Михаилом чего-то холодного присоединилась другая болезнь — воспаление кишок. У больного, кроме боли

* В Саратове имеется епархиальный свечной завод, с которого церкви всей епархии обязаны получать свечи. Упоминаемая здесь лавка, конечно, и есть та, где продаются свечи с епархиального завода.

** Из писем ко мне и в Абалак. Подлинник последнего (письма) в монастырском архиве.

*** Ныне переросившийся в село Серебряное Тюкалинского округа.

в пояснице и сильнейшего стеснения в груди с частым кашлем, открылось кровохаркание и даже течение крови горлом, и такое сильное, что в конце декабря и начале января 1880 года в два раза натекало из него крови по тазу. Больной слег в постель и ослабел чрезвычайно, так что стали опасаться за его жизнь. Об угрожающей опасности дано было знать в Омск (за 200 верст) брату и сестрам с их мужьями, чтобы они навестили больного, да пред тем посоветовались бы в городе с лекарями и, если можно, привезли бы с собой если не лекаря, то хорошего фельдшера или бы, по крайней мере, подходящих к болезни страждущего лекарств. Родные (брат и одна из сестер) все нужное, о чем было писано, исполнили и отправились в Такмытскую, между прочим и с хорошим фельдшером. Спеша к больному, брат и сестра опасались, как бы не опоздать, как бы не застать его лежащим на столе, даже рассуждали о том, кому из них и кого из сирот в случае несчастия взять к себе на воспитание. Но приехавши, к радости своей, они нашли больного брата живым, хотя и лежащим на одре болезни, еле движущимся и едва говорящим, а еще к большей их радости дорогой для них больной при них же (они прожили у него неделю) стал поправляться, встал с постели и начал похаживать по комнате. Отчего же произошла такая довольно быстрая перемена в положении больного? Не фельдшер и не его лекарства, как оказывается, произвели эту счастливую перемену, а нечто гораздо высшее, важнейшее тут было... Жена больного в страхе за жизнь мужа и в горе о предстоящем в случае смерти его своем вдовстве и сиротстве детей своих (которых у нее было двое в наличности, а третье дитя ожидалось), обратилась с пламенными мольбами к Божией Матери и во время молитвы между прочим дала обещание отслужить небесной Владычице молебен. О последнем она сказала больному. Тот одобрил ее намерения и вскоре после того задремал (но никак не заснул), и во время дремоты увидал себя в церкви, там подошел к нему неизвестный ему человек в светском платье лет еще не старых, но уже с проседью в волосах и, вступивши с ним в разговор о его болезни, сделал ему внушение, чтобы он написал (заказал бы написать) для себя икону Божией Матери, называемую Абалацкою, для чего показал ему и размер ее, отмерив пальцами на церковной колонне четверть и еще вершок, значит, всего пять вершков (вышины). Больной после этого очнулся, как бы пробудился, обстоятельно припомнил сновидение и при-

нял твердое намерение при первой возможности исполнить сделанное ему в полусне внушение, т.е. написать Абалацкую икону Божией Матери. И вот с тех пор, или лучше сказать, с тех самых минут, больному стало легче, так что пред отъездом сестры и брата с фельдшером, как сказано выше, он поднялся с постели и стал бродить по комнате. Само собой разумеется, что поправившимся в здоровье о. Михаилом вскоре и обет жены был исполнен, т.е. совершено, и неоднократно, молебствие Божией Матери и приведено в исполнение его собственное намерение, выписана чрез родственника из Тобольска хорошая копия с Абалацкой иконы небесной Владычицы*.

13. У жителя Нижнего Новгорода, служащего приказчиком в зеркальном и мебельном магазине, Федора Васильевича Сыромятникова есть сестра пожилых лет, девица Екатерина. Около 20 лет она подвержена была влиянию злого духа: с ней случались припалки вроде падучей болезни, в народе называемой черной немочью, в большие праздники она неистово кричала, валялась на полу и во всякое время не могла читать священных книг, вообще терпела невыносимые страдания. Но в доме Федора Сыромятникова имелась копия с чудотворной иконы Божией Матери, называемой по месту ее нахождения Абалацкою. Ее набожный Сыромятников приобрел чрез заказ местному иконописцу уже около трех лет, и именно вскоре после того, как появилась в Нижнем Новгороде книжица Сказание о Абалацкой иконе Божией Матери и огласились первые из совершившихся там благодатных явлений от сей иконы. Страдавшая столько времени девица Екатерина, да при виде ее страданий болевшие сердцем и ее родные: старушка мать, брат и другие члены семейства, — стали усердно молиться небесной Владычице пред Абалацкой ее иконой не только на месте своего жительства в Нижнем, у себя в доме, а даже и в Абалацком монастыре (в последнем, разумеется, по письмам); и по их усердию, по их вере было, просимое исполнилось — девица Екатерина припадкам беснования стала подвергаться реже, и страдания ее при этом начали быть легче и легче, а летом прошедшего года она и совсем избавилась от них, теперь она уже читает священные книги свободно, беспрепятственно ходит в церковь и

* Событие это описано со слов самого исцелившегося священника в бытность его в конце сентября минувшего (1880) года в городе Омске, а также и со слов его родных.

выстаивает там службы до конца, припадки как бы падучей болезни более с ней не повторяются, в праздники, да и когда бы то ни было, она уже не кричит, не бьется об пол, словом, девица Екатерина Васильева Сыромятникова в настоящую пору совершенно здорова, вполне свободна от действий на нее князя тьмы греховной, духа злобы поднебесной. И как же теперь и сама исцелившаяся, и ее мать, брат и прочие присные, а также и добрые их знакомые благодарны Царице небесной за ее предстательство пред единородным Ее сыном, Господом Иисусом Христом за оказанную ею столько лет страдавшей такую великую милость!

14. В конце сентября и начале октября истекшего года в семействе того же набожного Федора Сыромятникова болели гордом (судя по описаниям Сыромятникова, можно с уверенностью сказать — скарлатиною или дифтеритом) 12 лет сын—отрок Василий, трехлетняя дочь младенец Анна и 76 лет старушка мать Федора — Александра. Болезнь у всех их так была сильна, что приглашенный хороший доктор терял почти всякую надежду на выздоровление их, и в особенности 76-летней старушки. Но как сами больные, так и их родные — одной дети, а других родители, снова обратились с пламенными мольбами к Пресвятой Деве Марии пред списком с чудотворной Абалацкой Ее иконы, и мольбы опять были услышаны: все означенные больные, не исключая и старушки, освободились от тяжкой болезни*, выздоровели вполне.

Кроме описанных, в Нижнем Новгороде от Абалацкой иконы Божией Матери были и другие благодатные явления, хотя и менее разительные предыдущих. Например:

15. У женщины Любви Зиминой (жены Зимина, упоминаемого в 6 и 7 рассказах**) долго и сильно болели зубы. К ней случайно — потому только, что было по пути, да и день был воскресный — зашла другая женщина, которая несла с собой из собора освященный список с Абалацкой иконы Божией Матери. Больная, увидев икону, сделавшуюся столько известною в Нижнем, с усердием помолилась пред ней Небесной Заступнице о помиловании и приложилась к ней. По уходе

* Описание двух последних благодатных явлений от Абал. иконы Бож. Матери взяты из писем Фед. Сыромятникова к игумену Абал. монастыря и ко мне. Подлинник первого хранится в числе монастырских документов в архиве.

** Это происшествие с Зиминой случилось ранее тех двух событий, которые были с ее мужем.

посетительницы она заснула и затем проснулась, видевши притом во сне пред собою Божию Матерь с предстоящим святителем Николаем (третьего лица она не успела рассмотреть), совершенно здоровою, не чувствуя никакой боли в зубах.

16. У некоторых супругов (Губиных), лишавшихся всех детей вскоре по их рождении, тяжело заболел и вновь родившийся, впрочем, уже полугодовой сын по имени Александр. По совету добрых людей они заказали написать образ Абалацкой иконы Божией Матери, и младенец в скором времени выздоровел.

17. У женщины именем Александра сильно болела головая дочь Евдокия; печальная мать, немало наслышавшись о благодатных явлениях от Абалацкой иконы Божией Матери, купила деревянного масла, принесла его в такой дом, в котором была уже Абалацкая икона, и просила хозяев употреблять в лампадку, горевшую пред нею, ее масло. Просьба ее была исполнена, масло горело в лампадке пред иконой, и младенец выздоровел.

Из 17 описанных здесь благодатных явлений от Абалацкой иконы Божией Матери только три (под №№ 8, 11 и 12) совершились вне Нижнего Новгорода, все же прочие, числом четырнадцать, совершились именно в Нижнем. В Нижний Новгород в три последних года (1878–80) вытребовано от сочинителя «Сказания об иконе Божией Матери, именуемой Абалацкою, и о важнейших с нее копиях с изображением самой чудотворной иконы» не менее 50 экземпляров да брошюр: Новые благодатные явления от Абалацкой иконы Божией Матери — до 100 экземпляров. В Нижнем Новгороде в течение трех последних же лет написано несколькими местными иконописцами более 600 копий с Абалацкой иконы Божией Матери, многие из сих копий из Нижнего разошлись по Макарьеву, Василю, Горбатову, Лыскову и другим городам и селениям Нижегородской губернии; некоторые из сих копий уже украшены серебряными ризами, есть они уже не только в домах, но во храмах нижегородских и Нижегородской епархии, даже единоверческих, называемых от простых людей старообрядческими, а также и в монастырях той епархии (например, в Дивеевском женском). Из Нижнего от времени до времени высылаются в Абалацкую обитель деньги то на елей в неугасимую лампаду, которая горит пред подлинною Абалацкою иконою Бо-

жией Матери, то на совершение пред нею молебствий с водосвятием и поминовением на ектениях сих молебствий о здравии и спасении лиц, усердствующих к Абалацкой святыне и их сродников, то на высылку списков с чудотворной Абалацкой иконы с места, т.е. из самого Абалацкого монастыря, списков финифтяных ли разных размеров или писанных на досках.

Отчего же это так, т.е. что именно в Нижнем Новгороде так сильно в настоящее время почитание Абалацкой иконы Божией Матери? С чего оно там началось и от чего усилилось?

Началось почитание Абалацкой иконы Божией Матери в Нижнем Новгороде по следующим обстоятельствам: летом 1877 года двое странников приходили из России в Сибирь для поклонения немногим сибирским святым (например, святителю Иннокентию Иркутскому чудотворцу, страдальцу Василию Мангазейскому, что в Туруханске, и праведному Симеону, мощи которого почивают в Верхотурье) и святыням. Побывавши между прочим в Абалацком монастыре и помолившись находящейся там чудотворной иконе Божией Матери, они приобрели описание сей иконы и бывших от нее чудотворений под названием: *Сказание об иконе Божией Матери, именуемой Абалацкою, и о важнейших копиях с нее с изображением самой чудотворной иконы.* На возвратном пути из Сибири странники около 9 августа пришли в Нижний Новгород. Так как день клонился уже к вечеру, то усталые путники и решились в Нижнем почивать; где ни просились, к кому ни обращались с просьбою о позволении переночевать, нигде и никто не принимал их. Попросились они, наконец, к одной бедной, но богобоязненной солдатке Глафире Ивановой*, но и та, немало наслышавшись ранее о неприличном поведении иных странников, в ночлеге отказала им. Уходя со двора, странники-богомольцы с горем говорили между собою: «Господи, Господи! Сколько времени ходим мы по городу и нигде не можем выпроситься, а ночь наступает холодная». Солдатка слышала эти слова, сжалилась над горемыками и позволила им переночевать в своей квартире. Утром следующего дня на прощанье странники в благодарность подарили солдатке книжку, купленную ими в Абалаке, и подарили с советом читать ее, так как в ней, объясняли они, говорится о многих чудесах от на-

* Той самой, о которой упоминается в первом рассказе об исцелении хромого Алексея Гагарина.

ходящейся в Сибири Абалацкой иконы Божией Матери. Но солдатка сначала на книжку не обращала никакого внимания, потом, хотя и стала читать ее, но читала медленно, помаленьку, когда же прочитала всю, то ею (Ивановой) овладела какая-то особенная ревность, всем больным, каких только она встречала в городе, стала сообщать о имеющейся у нее книжице, предлагать им читать о рассказываемых в ней чудесах, советовать заказывать списки с Абалацкой иконы Божией Матери (по имеющемуся при книжице изображению сей иконы) и с усердием молиться пред ними Владычице небесной. Ревность и одушевление рассказчицы сообщались больным, более других нуждающимся в небесной помощи, а равно и окружавшим их родным, они брали книжку, читали ее, поручали иконописцам писать копии с Абалацкой иконы Божией Матери, освящали их, молились и по вере, по усердию своему получали благодатную помощь в одержавших их недугах и горестях.

А усилилось почитание Абалацкой иконы Божией Матери в Нижнем Новгороде уже вследствие благодатных явлений, которые совершались над молившимися пред сею, столь чтимою по всей Сибири иконою, или правильнее, пред копиями с нее; усилилось первоначально в самом Нижнем, а потом в Макарьеве, Василе-Сурском, Горбатове, Лыскове и пр., и пр. Книжицы, имеющие предметом своим описание Абалацкой иконы Божией Матери, года два с половиною тому назад требовались уже в Саратов и Елабугу, а в прошедшем 1880 году они были потребованы в Харьков, Самару, Вятку, Могилев, Москву, Лохвицы, Пермь. Значит, почитание Абалацкой святыни распространилось и за пределы Нижегородской епархии*.

Новые благодатные явления от Абалацкой иконы Божией Матери в 1886-1887 гг.

1886 года октября 18 числа, сообщено письмом крестьянина Пермской губернии, Шадринского уезда, Бакланской волости деревни Долгой Петром Михайловым Вторушиным

* Все доселе сказанное о появлении в Нижнем Новгороде *Сказания об Абалацкой иконе Бож. Матери*, о написании копии с Абалацкой иконы и совершении благодатных чрез них явлений над разными лицами мною заимствовано из писем ко мне и частию в Абалак четырех нижегородских обывателей: Ив. Еф. Панова, Тар. Семенова, Фед. Сыромятникова и Глафиры Ивановой.

о полученном им исцелении от болезни, именуемой «огневицею»[63], от которой он был почти при смерти в 1884 году и, по данному обещанию сходить в Абалак для поклонения иконе Знамения Божией Матери, в тот же час почувствовал облегчение, а потом и совершенно исцелился заступлением Божией Матери и молитвами св. праведного Симеона Верхотурского чудотворца. Писание глаголет. *Тайну Цареву хранити добро есть, дела же Божии открывати славно.* Подписался крестьянин Петр Михайлов Вторушин своеручно, удостоверяя исцеление своей болезни.

Того же года и числа сообщено письмом об исцелении от болезни «затверденья живота» Пермской губернии екатеринбургской мещанки Марии Васильевой Рычковой. Болезнь ее началась 1883 года с марта месяца, и 20 июня Рычкова была уже недвижима, хотя и пользовали ее два доктора и акушер, но исцеления никакого не получила, поэтому уже намеревались сделать операцию, но во время болезни она дала обещание быть лично пред святою иконою Божией Матери Абалацкой. С умножением желания отправиться в Абалак день от дня чувствовала облегчение болезни и, когда решилась отправиться, тогда не чувствовала совершенно своей болезни в животе, а по прибытии в Абалак, по отслужении молебна пред святою иконою Божией Матери, совершенное получила исцеление в болезни. От радости на нее пришло какое-то затмение, и Рычкова не прославила пресвятую Владычицу, исцелившую ее от болезни, не сказав ни инокам и никому другому о своем исцелении. По возвращении в Екатеринбург она не могла быть покойною, как будто кто говорит ей на ухо: «Исцелившая оскорбилась на тебя за то, что ты не прославила ее, не медли прославить, чтобы болезнь не возвратилась к тебе». После сего Рычкова просила поместить об ее исцелении в рассказ явленных чудес.

Того же года октября 22 числа по словесному заявлению о чудесном исцелении крестьянина Павла Емельянова Болдырева от болезни глаз от святой иконы Знамения Абалацкой Божией Матери составлен акт: «Тобольской губернии, Ишимскаго округа, Фирсовской волости, дер. Мартыновой крестьянский сын Павел Емельянов Болдырев, 21 года, заявил настоятелю Абалацкого Знаменского монастыря игумену Мемнону с братиею следующее: будучи бедного звания, он, Болдырев, жил в 1884 году в работниках у однодеревен-

на своего крестьянина Федора Болдырева. Однажды, отправившись в поле для отыскания лошадей и проезжая верхом по лесу, Болдырев получил веткой дерева такой удар в левый глаз, что должен был возвратиться домой, отказавшись от поимки лошадей. Принятые домашние средства не помогли, болезнь глаза усиливалась, и он, Болдырев, по совету некоторых дал обещание сходить на поклонение чудотворной иконе Божией Матери Абалацкой. После сего обещания болезнь глаза значительно облегчилась, однако Болдырев исполнить свое обещание в тот год не мог, потому что хозяин не отпустил его в Абалак. Весною 1885 года глаза у Болдырева без всякой видимой причины вновь заболели, и принятые лечебные меры по-прежнему остались безуспешны. Понимая, что это наказание последовало за невыполнение обещания, Болдырев снова положил сходить в Абалак, но, к сожалению, и в этот раз и по той же причине не мог побывать там. Ныне, весною 1886 года, глаза вновь заболели и вновь принятые меры не доставили ему никакой помощи. Тогда Болдырев принял твердое намерение сходить в Абалак, отговеть и приобщиться там святых тайн, а чтобы хозяин опять не попрепятствовал ему в этом, решился отойти от него и наняться к такому, который бы согласился отпустить Болдырева на поклонение Богоматери. И только лишь Болдырев дал это обещание, как глаза стали поправляться и в скором времени болезнь совершенно прошла. Перейдя к другому хозяину, Болдырев по окончании полевых работ спешил выполнить свой обет и при этом рассказал о. игумену с братиею, все вышеписанное подписом отца игумена Мемнона и братиею удостоверено».

Того же года декабря 12 дня получено письмо из Нижнего Новгорода такого содержания: «Благословите меня, братия святой Абалацкой обители, и простите меня грешнаго. Мир вам о Христе!

Вси языцы[104] восплещите руками и в воскликновении воспойте Приснодеве Марии преславней, яко та есть врата вечныя жизни, дверь спасения и примирения с Богом, яко та есть надежда кающимся, утешение плачущим (благоговение мир) и спасение душ всех верующих избранных Божиих, пойте убо Ей вси любящие имя Ея, пойте, яко Она есть Царица небесе и земли. Приидите поклонимся Царице нашей Богородице, приидите поклонимся Деве Марии, Цари-

це нашей Богородице, приидите поклонимся и припадем к самой Госпоже Деве Марии, Царице нашей Богородице. Аз смиренный, грешный и недостойный раб Феодор, торжествую духом вместе с вами братия св. Абалацкой обители в сей высокоторжественный день Знамения Абалацкой Божией Матери. Сей час только кончили богослужение в Покровском храме, со всею подобающею честию возносили мы теплые молитвы о здравии Государя Императора пред св. иконою Абалацкою, при множестве народа и освещении всего храма паникадилами, за всенощной, снаружи весь храм освещен огнями, а кругом храма обсажен зеленью. Так торжественно праздновали, что без слез не могу вам и описать, как жители города Нижняго чтут св. имя Абалацкой Божией Матери. И так, братия св. Абалацкой обители, воистину есть чудо явленное над Нижним градом Материею Божиею прославилось святое имя Ея. В архиерейском доме торжественно праздновали. Сегодня вечером я хочу отслужить на дому всенощную, взять икону Абалацкую из храма Воскресения Христова по благословении Матери Божией, торжественно провожу день сей Знамения Пресвятой Богородицы. Одного только по гроб моей жизни слезно прошу вас, братия св. Абалацкой обители, помолитесь за меня, грешнаго раба Феодора, чтобы мне не погибнуть во гресех[165] моих и вознесите св. теплые молитвы пред чудотворною иконою Абалацкой Царицы небесной. Простите и прошу благословения. Духовный сын Феодор Васильев Сыромятников».

Две замечательные иконы в городе Омске

В городе Омске есть две весьма замечательные иконы: одна из них принадлежала Генералиссимусу *Суворову*, а другая — помощнику в управлении Россией царю Алексею Михайловичу, воспитателю второй его супруги, матери Преобразователя России Натальи Кирилловны Нарышкиной, боярину *Артамону Сергеевичу Матвееву*, который погиб 15 мая 1682 года во время первого стрелецкого бунта.

Икона Генералиссимуса Суворова в настоящее время принадлежит церкви Сибирского кадетского корпуса. Она в виде складней, состоящих из трех коробкообразных половинок непробного серебра. В каждую из сих трех половинок вложено по иконе обыкновенного греческого, а вместе с тем и русского письма в два вершка длины и $1^3/_4$ вершка ширины, по иконе, писанной на тоненькой кипарисной дощечке. На средней из этих трех икон изображено Воскресение Христово: воскресший Спаситель правою рукою изводит из ада Адама и царей Давида и Соломона, а в левой держит символ победы над смертью, хоругвь, и вместе изволит из ада Еву, Боговидица Моисея и Предтечу Иоанна. На иконе, с правой стороны расположенной (это по отношению к воскресшему, а по отношению к зрителю — с левой), изображена *Неопалимая купина*, т.е. Божия Матерь с Предвечным Младенцем на щуйце, окруженная множеством ангелов: из них четыре, в четырехугольниках, в образе орла, крылатого человека, тельца и льва[106], виденных прор. Иезекиилем и тайновидцем Иоанном под престолом Ветхого деньми (Иез. 1, 10: Апок. 4, 7), а прочие — по всем четырем сторонам с кадильницами в руках (символами возношения ими молитв людских пред престол Божий (Апок. 8, 3) и другими принадлежностями их служения, например, с трубами (Апок. 8, 2, 6), и пр. На иконе с левой стороны изображено семь угод-

ников и угодниц Божиих, которые все обращены лицами к воскресшему Спасителю: на первом плане — Александр Невский в великокняжеской мантии и со скипетром в левой руке. Св. благоверный князь Борис, препод. Никон Радонежский в мантии монашеской и епитрахели, Иоанн Воин с копьем в левой руке, преп. Мария Египетская, мученица Агриппина и еще третья святая, имени которой не видно за тем, что на верхнем левом углу иконы, как раз над головой этой святой, немного выжжено, вероятно, теплившеюся перед иконой и упавшею когда-нибудь свечкой.

Описанная икона у Генералиссимуса была *походная*. Пред нею, быть может, наш знаменитый полководец совершал ежедневные свои молитвы, пред нею, быть может, он испрашивал помощи у Господа пред вступлением в битвы с неприятелями; пред нею же, конечно, он изливал и благодарное свое сердце по одержании побед своих над врагами. Но каким образом, спросят, эта редкость, эта святыня могла достаться Сибирскому кадетскому корпусу, когда это учебное заведение так еще мало времени существует* и когда притом оно находится в такой отдаленности от места жительства и деятельности Суворова? Александр Васильевич в преклонных летах, особенно живши в начале царствования императора Павла Петровича, в отставке — в своем новгородском поместье, любил устроять браки**; одна любимая родственница его вступила в супружество с Кохом, и он (Суворов) благословил ее своею походною иконою, а Кох, в свою очередь, благословил ею бывшего младшего лекаря Сибирского кадетского корпуса Аркадия Сав. Гамбурцева, когда сей, по окончании курса в Московском университете, отправлялся на службу в Сибирь. Покойный Аракадий Сав., рассказывая при случаях своим знакомым о том, что он в бытность студентом Московского университета в доме Коха всегда принят был как родной, как сын, с тем вместе рассказывал и о происхождении своей благоговейной иконы; при этом он не раз рассказывал и свое намерение пожертвовать икону в корпусную церковь в тех мыслях, что здесь она лучше и навсегда может сохраниться и что, сверх того, здесь она может слу-

* Под именем училища Сибирского линейного казачьего войска — с 1813 года, а под именем кадетского корпуса — только с конца 1845 года.

** Биография русских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов Бантыш-Каменского. Ч. 2, стр. 140.

жить предметом особенного благоговения будущих воинов. При смерти, последовавшей 10 декабря 1857 года, покойный то намерение свое и принял в исполнение.

Но справедливо ли это, т.е. описанные складни — действительно ли походная икона Суворова? Письменных документов на это в кадетском корпусе нет никаких; корпусу неизвестны даже имена родственницы Суворова, которая получила в благословение его походную икону, и ее мужа Г. Коха. Сам покойный Гамбурцев вовсе не имел нужды записывать их, как ему совершенно известные и всегда памятные, а слышавшим его рассказ о происхождении икон и тем менее было нужды записывать имена прежних ее владельцев: дело не до них касалось, для них довольно было полюбопытствовать, осмотреть редкость. На самой иконе, или точнее на (трех) иконах, ни на лицевых, ни на задних их сторонах, а также и на металлических складнях, в которые они вложены, при самом тщательном осмотре их не найдено никакой надписи, никакой заметки, которая могла бы свидетельствовать о том, что эта святыня принадлежала некогда знаменитому русскому полководцу.

Несмотря, однако ж, на то, мы не имеем причины сомневаться в подлинности иконы, в принадлежании ее некогда Суворову: вместо документа о ней, вместо надписи на ней должны служить слова Гамбурцева. Он, как всем знавшим его известно, быв умным и ученым в подлинном значении сего слова медиком, был с тем вместе человек скромный, правдивый, ничуть не склонный к хвастовству и вовсе не хитрый на выдумки. Да и с чего, с какого повода и к чему, для какой выгоды он стал бы выдумывать сказку о том, что его икона некогда была походною иконою Суворова? В чьем мнении он мог бы чрез это возвыситься? Кто стал бы из-за этого смотреть на него иначе, лучше? Впрочем, и в самой иконе есть некоторые, хотя только второстепенные, доказательства ее подлинности, т.е. того, что она некогда принадлежала человеку военному, и именно Суворову. И, во-первых, описываемая икона, очевидно, походная — она сделана складнями; по окончании молитвы, особенно в случае похода, передвижения войска или в случае тесноты помещения ее владельца, ее можно сложить и куда угодно и во что угодно поместить, и она не потерпит в дороге ни малейшего вреда, не раздавится, не лопнет, не оботрется. Притом и места зай-

мет чрезвычайно мало: складни в длину всего с небольшим два вершка, в ширину несколько менее двух вершков, а в толщину только $^3/_4$ вершка. Такую икону иной богобоязненный воин мог по временам и на груди носить. Во-вторых, выбор священных изображений для иконы, или лучше для трех икон, вложенных в складни, мог быть сделан только воином умным, набожным и истинно верующим, а таков был Суворов. На средней, а следовательно, и главной иконе, как видели мы, изображен Христос Спаситель, воскресший из мертвых и изводящий из ада Адама, Еву и разных Ветхозаветных праведников. Очевидно, воин, поручивший иконописцу написать для походов такую икону, думал о воине, думал и о смерти, на войне более чем где ни будь, близкой к человеку; предавал себя при этом в волю Божию, но предавал и с твердым упованием на благость и всемогущество Божие. Господь, как бы говорил он в себе, *мертвит*, но Он же и *живит. Господь в ад низводит*, но Он же и *возводит* (I Цар. 2, 6); ежели Господь Иисус Христос умер и потом воскрес, то не может ли Он и меня, избитого, израненного, воскресить, поднять с одра смерти? Ежели Господь возмог ветхозаветных праведников освободить от уз адских, то не возможет ли Он и меня исторгнуть из челюстей смерти, среди громов бранных? Так, или подобным образом, размышляя, богобоязненный воин поручил иконописцу изобразить и ходатаев за себя пред Спасителем Богом: на правой стороне складней — Божию Матерь, окруженную ангелами, помня, что *много может моление матернее ко благосердию Владыки*, Сына ее, а на левой стороне — разных угодников и угодниц Божиих, одного, конечно, своего Ангела (т.е. того святого, которого имя сам носил), а других или таких, которых имена носили близкие его сердце, или таких, к которым он по обстоятельствам собственной ли жизни или жизни других имел особенное благоговение. Не без особенного намерения Божия Матерь изображена здесь в образе, известном под именем *Неопалимой*, несгораемой *купины*: купина (терновый куст) некогда горела и, однако ж, не страдала; израильтяне, в то время изображаемые купиною, в Египте, среди крайних притеснений от фараонов, точно в огне горели и, однако ж, не сгорали, не истреблялись, даже не умалялись в числе; Святая Дева Мария, в будущем преобразуемая купиною, зачала и родила сына и, однако ж, осталась девою... Иной воин сколько сделает кам-

паний, во скольких побывает сражениях, сколько лишится товарищей и скольких, быть может, сам поразит неприятелей, словом, он будто в пламени: *близ него*, по изречению псалмопевца, *падает тысяща и тьма (10 тысяч) одесную его, но к нему не приближается*, не прикасается смерть (Пс. 90, 7), он отовсюду выходит жив и невредим, за него предстательствует пред престолом Господним Божия Матерь, вкруг него парят ангелы Божии (Пс. 90, 11). Но главное в самой описываемой иконе находящееся доказательство того, что она некогда действительно принадлежала Суворову и была у него походною, представляет святый Александр Невский: этот благоверный князь, как известно, был Ангел Генералиссимуса князя Александра Васильевича Суворова, потому, конечно, он и изображен (на левой стороне складней) первым из семи угодников и угодниц Божиих, ближе всех их к воскреснему Спасителю, на первом, как говорят, плане.

Икона Артамона Сергеевича *Матвеева* принадлежит частному лицу Е. П. Дир. Сиб. кор. Г.-Л. Ал. Мих. Павловскому. На ней изображен Христос Спаситель, как он нередко изображается, особенно на так называемом Деисусе*, и именно правою рукою благословляющим, а левой держащим Евангелие, раскрытое на словах: «*Приидите ко мне вси труждающиися и обремененнии, и аз упокою*[107] *вы; возмите иго мое на себе, и научитеся от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим; иго бо мое благо, и бремя мое легко есть*» (Матф. 11, 28–30). И эта икона, как и предыдущая, простого греческого письма, писана она, если не более, то, конечно, и не менее 200 лет, но краски на ней так свежи, так ярки, что как будто бы только недавно из мастерской иконописца. Дска иконы имеет в высоту $7^1/_2$ вершков, а в ширину с небольшим шесть. С лицевой стороны она украшена серебряной золоченой, старинной работы ризою со сплошным в кругу** над головой Спасителя венцом, а с задней стороны обтянута малиновым бархатом. Впрочем, это последнее сделано недавно, когда настоящий владелец для большего благолепия иконы поручил возобновить позолоту на ризе. При

* Деисусом (от греческого слова деисис — прошение, молитва), между прочим, называются три иконы вместе: Спасителя, Божией Матери с правой стороны и Иоанна Предтечи — с левой.

** В настоящее время венцы над головой Спасителя и Святых делаются большею частью в виде одних лучей, только в виде сияния, исходящего от лица Спасителя или какого-нибудь Святого, без круга около него.

этом случае из-под ризы была снята и слюда, которою икона по обыкновенной бережливости старинных людей и, быть может, для лучшего сохранения святыни во всегдашней чистоте, дотоле была покрыта. Под бархатом на задней стороне иконы есть и надпись, сделанная, говорят, рукою самого Матвеева, но, к сожалению, чернила от времени так побелели, так выветрели, что прочесть ее решительно нет никакой возможности; рассмотреть можно то только, что почерк у писавшего ее был крупный. Несколько ниже полинявшей надписи есть другая, ясная, четкая надпись, но она сделана в недавнее время, только 31 год тому назад: написано имя того (настоящего владельца), кто благословлен был иконою, и время сего благословения.

Но вот вопрос: каким образом икона знаменитого боярина времен царя Алексея Михайловича досталась настоящему ее владельцу? Ал. Мих-ча 18 апреля 1832 года благословил ею отец, а отцу из уважения к его добрым правилам жизни, к его чисто русскому духу и его религиозности отдала ее в числе других наследственных икон г-жа Арсеньева, урожденная Матвеева, родная внучка Артамона Сергеевича, умершая в начале настоящего столетия (около 1805 г.), когда ей было уже слишком 90 лет. Сказано: «Икону Спасителя, принадлежавшую боярину Матвееву, отцу настоящего ее владельца, госпожа Арсеньева отдала в числе других наследственных икон». В пояснение сего скажу: Арсеньева передала Г.-М. П-му целую образную*, и он из благоговения к древней святыне и уважения к памяти боярина Арт. С. Матвеева благословил его иконами не одного только владельца описанной иконы Христа Спасителя, но и всех своих (одиннадцать) детей.

5 июня 1863 г.
Омск.

---

* Образною называется и особая комната в доме, исключительно наполненная образами, т.е. иконами, и киота, в которой помещено много образов и самые иконы, наполняющие ту комнату. Такие комнаты в старину бывали во многих дворянских и других богатых домах. В них набожные хозяева уединялись для молитвы. У них духовных, например, у архиреев, такого рода комнаты есть и ныне и называются моленными.

О скуфье и камилавке, употребляемых священнослужителями в греческой и русской церкви

Священнические и диаконские скуфьи в старину*

В 19 номере «Вологодских епархиальных ведомостей» 1867 года была помещена статья «О скуфьях священнических и диаконских в древней России»**. Автор ее на основании им же открытых в архиве Вологодской консистории документов говорит, что в старину в России скуфьи носили не только священники, а и диаконы, что те и другие носили их и кроме церкви, и не во время богослужения (впрочем, о их церковном употреблении, по собственному сознанию автора, сведений у него не было), а везде и во всякое время, так что быть священнику в доме прихожанина без скуфьи или забыть ему скуфью в доме прихожанина считалось таким неприличным его сану поступком, о котором стоило доносить его владыке, или что если какому-нибудь священнику владыка почему-нибудь не давал скуфьи, это считалось для того священника конфузом, служило для дерзких из его прихожан поводом к насмешкам над ним, и что, наконец, скуфьи делались из довольно дорогих материй, были вещи довольно ценные.

Не правда ли, что сведения о скуфьях в древней России довольно интересны, а судя по нынешнему времени, и довольно странны? Ныне скуфьи никогда не даются диаконам, да и священникам с протоиереями даются не всем, а только, так сказать, избранным; даются по представлению епархиальных архиереев, по удостоению Святейшего Синода

* Статья эта писана, как видно из ее содержания, совершенно независимо от статьи г. Невоструева, потому что автор нигде не делает на нее ссылок и указаний, равно и на источники, указываемые г. Невоструевым.
** Составлена Н. Суворовым.

и с утверждения *Государя Императора*; ныне скуфья — принадлежность более церкви и богослужения, а не улицы, не всякого места и не каждого времени; ныне притом неимение скуфьи не может служить и не служит поводом для упреков и насмешек со стороны прихожан кому-либо из священников...

К сожалению, сообщаемые в статье «Вологодских епархиальных ведомостей» сведения о скуфье в древности весьма неполны: сам автор этой статьи сознается в незнании, «с какого времени и по каким церковно-каноническим правилам в старину священники и диаконы белого духовенства на Руси носили скуфьи», а равно в неимении сведений о том, «употреблялись ли и как употреблялись они в церкви».

Недавно мне случилось отыскать еще несколько сведений об употреблении русским духовенством скуфьи в XVII и XVIII столетиях. Три сведения найдены в сочинениях трех иностранцев, живших в России и писавших о ней в XVII столетии: Петрея, Корба* и третьего, по имени неизвестного**, и еще одно сведение, отысканное в архиве Томска. Предлагаю все эти сведения вниманию русских археологов.

1. «Русские священники, — говорит *Петрей*, — носят шапочки — скуфьи — и бреют волосы на голове в том месте, где сидит эта шапочка, а кругом головы отпускают длинные волосы. Сверх шапочки они носят еще другую шапку, которую никогда не снимают(?!), потому что она надевается на них епископом при пострижении (т.е. посвящении); она шьется из хорошего сукна или бархата разных цветов, изнутри подбивается куницами, соболями и другими мехами; опушка у ней бобровая. Некоторые носят и черные шляпы от дождя и жару, иные серые и не крашенные из боброва волоса... — Если мирянин, — говорит далее тот же автор, — поссорившись с священником, подерется с ним и угодит ему в голову, где находится шапочка, надетая на него при посвящении,

* Петрей, по вере протестант, написал «Историю о Великом Княжестве Московском, о смутах, в нем произведенных Лжедимитрием, о московских нравах, вере» и проч. (издан в Лейпциге в 1620 году). Корб, католик, вел «Дневник» свой во время пребывания в Москве посольства австрийского императора Леопольда I в 1698 году. Оба эти их сочинения недавно переведены на русский язык и помещены в Чтениях Общ. Истор. и Древн. Росс. в Москве в 1867 г. в книгах 1–3.

** О сочинении этого неизвестного автора под заглавием «Древняя и новая религия москвитян», изданном на французском языке в Кельне в 1698 году, см. в «Православном Обозрении» 1868 г., месяц сентябрь, заметки — стр. 15–20.

которую он никогда не снимает ни в церкви, ни где бы то ни было, такой наказывается розгами и тюрьмою. А когда угодит в другое какое место на теле, в лицо, в бок, в глаз, или куда бы то ни было, и отпотчует его на славу, тогда он не виноват и не подвергается никакой беде»*.

2. *Корб* в своем «Дневнике» пишет: «Жалуют (в России) священством, возлагая руки на голову возводимого в это звание и надевая ему на голову, освященную Патриархом (конечно, и всяким другим архиереем), шапочку, называемую скуфьей. Священник должен ее весьма заботливо беречь, потому что он считался бы в противном случае недостойным священного звания. Мирянин в драке с священником обязан более всего заботиться о том, чтобы не замарать его шапочки; кто хочет бить попа, тот обязан с должным почтением снять с его головы шапочку, положить в приличном месте, а потом может уже безнаказанно и сколько ему угодно колотить попа. Поколотивший священника не подвергается никакой ответственности пред законом, никакому наказанию или отлучению от церкви, если только после драки с должным почтением вновь наденет на попа снятую с него прежде шапочку. Таким образом, если было оказано уважение к шапочке, то уважение к званию пресвитера не было, значит, нарушено, и поколотивший, по дьявольскому наущению, попа, бил не священника, а только воздух, и возмездие сделано личности человека»**.

3. Упомянутый выше неизвестный по имени иностранный писатель о России замечает о московских священниках того времени следующее: «Попы их (т.е. москвитян) не знают ничего, разве только бегло читать, писать и петь. Их можно узнать по маленькой шапочке, называемой *скуфья*, которую они обязаны носить и которую на них надевает Патриарх после посвящения. Все достоинство их священства состоит в этой скуфье, и закон грозит жестоким наказанием тому, кто побьет попа и сшибет с его головы эту скуфью»***.

Из приведенных отрывков видно, что скуфья давалась священнику (а по документам, помещенным в 19 номере «Вологодских епархиальных ведомостей» 1867 г., и диако-

* Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс. 1867 г., книга II, отд. I, стр. 419 и 423.
** Чтен. в Общ. Истор. и Древн. Росс. 1867 г., кн. III, отд. 4., стр. 269 и след.
*** Прав. Обоз. 1868 г., сентябрь, заметки, стр. 20.

нам) при самом его посвящении от архиерея, причем под скуфью на вершине головы выстригалось* так называемое *гуменцо*, а кругом головы отпускались волосы во всю их длину (в знак назорейства Иисуса Христа или Его тернового венца); что получивший скуфью священник или диакон носил ее постоянно как в церкви при совершении богослужения**, так и вне ее и кроме богослужения; что она, скуфья, на священнике или диаконе считалась чем-то особенно священным и ни для кого неприкосновенным, как бы символ священства; и вот почему один диакон Вологды жаловался своему архиерею на одного посадского человека не за то более, что он бил его и увечил, а за то, что сбил с него, кроме шапки, и скуфью; и вот также почему прихожане одной сельской церкви Вологодской епархии доносили владыке на своего священника не то, что он тогда-то и тогда-то был нетрезв, а то, что он из дома одного своего прихожанина ушел по причине нетрезвости без скуфьи.

При всем том, и сведения трех вышеупомянутых иностранцев о священнической скуфье в древней России недостаточно полны; по крайней мере на основании их никоим образом нельзя решить предложенного выше вопроса: с которого времени и на основании каких церковных правил в старину русские священники и диаконы белого духовенства носили скуфьи? Притом иные из сих сведений и неверны; например, упоминая о другой шапке, которую носили духовные лица поверх скуфьи, шапке, шитой из сукна или бархата, подбитой соболем, куницей или другим каким-нибудь мехом, опушенной бобром и заменяемой в жары и дожди черной или серой шляпой, Петрей говорит, будто бы она и надевалась на них (на лица духовные) епископом при посвящении, и будто бы и ее они никогда не снимали с себя; говоря это, Петрей, очевидно, ошибается; тут он смешивает со скуфьей обыкновенную священническую зимнюю шапку, а летом шляпу, и ей совершенно напрасно приписывает такое же важное значение, как и скуфье. Далее: все три упомянутых иностранца говорят о скуфье так, как будто ее у нас в

* По всей вероятности, от этого и иностранец Петрей посвящение называет, да и наши русские миряне и доселе нередко его называют «пострижением».

** И в старину при богослужении, по всей вероятности, скуфья снималась с головы в ту пору, когда она, а также камилавка и митра, снимаются ныне.

старину носили все священники. Но, по всей вероятности, это было не так; по всей вероятности, и в древности, как и теперь, у нас удостаивались носить скуфью только лучшие, только избраннейшие из белого духовенства в виде награды. Вероятность этого основывается на следующих фактах.

1. В статейке «Вологодских епархиальных ведомостей» 1867 года, заглавие которой выписано в начале предлагаемой статьи, упоминается о челобитной, поданной Вологодскому архиерею в 1700 году от одного сельского священника; в челобитной этой священник приносит архиерею на своих прихожан жалобу, между прочим, в том, что они в одно время издевались над ним, говоря: «Владыка-де ему на Вологде скуфьи не дал»... Священник — и скуфьи не имел, значит, не все не только диаконы, а и священники имели этот почетный знак священства; священник ездил в Вологду с целью получить скуфью, искал, домогался ее и, однако ж, не получил: опять очевидно, что не все и священники имели скуфью и что, следовательно, это головное священническое украшение не давалось в одно время с рукоположением во священники, как о том в вышеприведенном месте говорит Корб.

2. В сороковых годах прошедшего (XVIII) столетия, следовательно, всего около 40 или 50 лет спустя после появления «Дневника» Корба, в Томске один протоиерей умер, а другой на его место поставлен. Вновь поставленный прислал тобольскому преосвященному митрополиту Антонию II* прошение вроде следующего: «Понеже мой предместник носил скуфью, то благословите, Высокопреосвященнейший Владыко, носить таковую и мне». Опять очевидно, что и в старину, как и теперь, далеко не все протоиереи и священники имели скуфьи, а только избраннейшие, более заслуженные из них и, как кажется, преимущественно те, которые, будучи уездными протопопами, закащиками и десятоначальниками, так сказать, соприкасались к кормилу церковно-епархиального управления. Если же бы известие Корба о том, будто и в самом конце XVII столетия все священники получали скуфьи при самом посвящении, было верно, то каким же бы образом

* В Томске особая епархия учреждена только в 1834 году; до того времени он и со всеми уездными городами и селениями Томской губернии состоял в епархии Тобольской.

так скоро, и именно в половине XVIII столетия, произошла такая резкая перемена в облачениях при поставлении священников или, по крайней мере, в наградах им? Указов царских или синодских, которые бы запрещали давать скуфьи всем рукополагаемым во священство при самом рукоположении, мы не знаем, а чтобы все епархиальные архиереи вдруг, одновременно, притом сами собой, без указаний сверху согласились лишать священников, по крайней мере большинство из них, знака, до тех пор украшавшего их сан, это невероятно.

Как было бы желательно, если б в вологодских епархиальных архивах, или инде где, открылось поболее и новых документов, могущих уяснить вопрос о священнических и диаконских скуфьях в старые годы!

27 октября 1868 г.
Омск.

Еще несколько слов о священнических и диаконских скуфьях в старину*

В статейке моей «*Священнические и диаконские скуфьи в старину*», напечатанной во втором номере «Вологодских епархиальных ведомостей» настоящего 1869 года, об употреблении русским духовенством в старину скуфьи, мною представлены были свидетельства трех иностранцев, бывших в нашем отечестве в XVII столетии и писавших о нем, — Петрея, Корба и одного неизвестного. Представляю теперь свидетельство о том же предмете и четвертого иностранного писателя о России XVII века, и именно ученого и наблюдательного голштинца Олеария, который, быв секретарем Голштинского посольства в 1633—1638 годах при царе Михаиле Феодоровиче, путешествовал по России и тщательно исследовал ее. Вот оно**: «Кто желает быть посвященным в сан попа, — говорит Олеарий, — тот отправля-

* Редакция приносит искреннейшую благодарность достопочтенному автору настоящей статьи, которая к прежде изложенным в «Вологодских епархиальных ведомостях» фактам и соображениям о скуфьях священнических и диаконских в древней России прибавляет несколько новых фактов и соображений, служащих к прояснению любопытного церковно-историко-археологического вопроса.

** Свидетельство это уже представлял и г. Невоструев (см. Волог. Епарх. Вед. 1869 г., № 1. Прибавл. стр. 29), но им оно представлено в не совсем новом переводе и не во всей полноте.

ется к патриарху, митрополиту или епископу, кто поближе; подвергается там испытанию, и если по испытании окажется способным, то есть если он хорошо читает, пишет и поет, то рукополагается в попы и утверждается в том сане письменным одобрением. При посвящении на него надевается священнический кафтан, весьма мало отличающийся от светского, выстригаются на макушке волосы и возлагается на голову суконная шапочка, называемая скуфьею (плотно лежащая на выстриженном месте головы, прямо на коже, как наши ермолки), около которой остальные длинные волосы распущенные ниспадают по плечам, как у женщин. Шапочку эту попы никогда днем не снимают, разве только для того, чтобы снова подстричь выросшие на макушке волосы. Это как бы священная принадлежность, и она имеет великое значение: если кто ударит попа и при этом попадет по шапочке или сронит ее с головы священника на землю, тот подвергается большому взысканию и должен заплатить попу за бесчестье».

Из этого свидетельства иностранного писателя («при посвящении... у (каждого?) попа выстригаются на макушке волосы и возлагается на голову суконная шапочка, называемая скуфьею... Шапочку эту попы (все?) никогда днем не снимают» и проч.), равно как и из трех прежде представленных: Петрея, Корба и одного неизвестного, а также из постановления Московского 1675 г. собора, которое указано «Киевским епарх. ведомостями» и которое перепечатано оттуда в «Вологодских епархиальных ведомостях» настоящего года* («протопресвитери и протодиакони, иереи же мирскии и диакони долженствуют ходити в скуфиах во знамение священнаго духовнаго их чина и рукоположения архиерейскаго, на главах же имети пострижено зовемое гуменцо немало») и других указаний, встречаемых в статье г. Новоструева, перепечатанной в «Вологодских епархиальных ведомостях» из «Душеполезного чтения», кажется, до очевидности ясно, что скуфья в старину, по крайней мере в XVII столетии, нашими священниками и даже диаконами была употребляема всеми без исключения и употребляема как в церкви при богослужении, так и вне ее, и в обыкновенном, в житейском быту.

Но точно ли, в самом ли деле, однако ж, всеми священниками и диаконами и во всех российских епархиях и в старину было употребляемо это священное головное украшение? В Мос-

* Смотр. Вологод. Епарх. Вед. № 1. Прибавл. стр. 34 и 35.

кве, в Московской епархии, или что то же, в патриаршей области это так, это несомненно, потому что эта область зависела непосредственно от патриарха, который посредством соборов повелевал, между прочим, носить протоиереям, священникам и диаконам скуфьи; он или его наместник при посвящении священников и диаконов налагал на них скуфьи: к нему в скуфьях они должны были являться по делам, они (по крайней мере многие из них) при его глазах в скуфьях должны были участвовать в крестных ходах и других церковных церемониях. Это соображение, как мы уже видели, подтверждается описаниями России старых времен иностранцев Петрея, Корба, Олеария, Мейерберга и других, а также изображениями русских священников и в церкви, и крестных ходах, и при совершении таинств и треб, и в обыкновенной жизни именно в скуфьях, приложенными к некоторым из тех описаний*; ведь все эти иностранцы описывали и изображали белое русское духовенство между прочим в скуфьях если не исключительно, то преимущественно с духовенства московского. Но чтобы скуфьи эти все священники и диаконы (а не избранные только) носили, притом носили их равно во всех епархиях и при каждом архиерее, это сомнительно, даже более чем сомнительно. При этом скажу прямо, что повсеместность употребления у нас в старину скуфьи без изъятия всеми священнослужителями нельзя доказать даже и постановлением Московского 1675 года собора: мало ли что, иногда и весьма полезного, у нас постановлялось соборами, но все ли то было исполняемо? Например, еще Стоглавый собор и собор 1677 года, бывший под председательством трех патриархов[58], постановляли заводить по городам для образования народа и особенно духовенства училища; однако ж училища до Петра I почти нигде не были заведены, да и Петр I с своими преемниками и преемницами, а также и Св. Синод, несмотря на свои частые и сильные настояния и подтверждения, далеко не вдруг и не всех архиереев заставили при своих домах или монастырях завести семинарии и славяно-латинские школы и только весьма немногих светских начальников успели заставить открыть кой-где цифирные и некоторые другие училища. Или: те же и другие соборы предписывали священнослужителям учить своих детей грамоте в надежде священства; несмотря, однако ж, на то, многие и многие из названных лиц в

* Смотр. Волог. Епарх. Вед. 1869, № 1. Прибавл. стр. 28 и 29.

старину детей своих оставляли безграмотными вовсе. Еще: соборы же, например, 1667 и 1675 годов, постановляли «для выражения единения во всем, архиереям, инокам и священникам, носить однообразное платье», или иначе, и несколько яснее, хотя то же самое сказать «протопресвитерам, протодиаконам, иереям же мирским и диаконам, одежда носити по подобию греческих ряс или по обычаю российскому, священническому, точию не цветныя, но черные или багряновидныя, из сукна сошвенныя, а не из иных тканий или цветов*; при всем том духовенство российское долго и долго носило, да и теперь носит, свои рясы, не из одного сукна сошвенные и не черные только или багряновидные, но и из иных тканей и иных цветов. Пишущему хорошо известно по архивным документам, что, например, митрополит Тобольский Антоний Нарожницкий по прибытии в Сибирь в 1743 году нередко встречал в Тобольске и других городах своей епархии протоиереев, священников и диаконов не только в цветных, но и в разноцветных (из разноцветных лоскутков сшитых) рясах; да ряс-то у многих, даже у многих до настоящего столетия, вовсе и не было; если когда нужно было зачем-нибудь явиться к архиерею в епархиальный город, или архиерей, обозревая епархию, приезжал в какой-нибудь уездный городок или в какое-либо село, то сельские священники при этом почти обыкновенно брали рясы у городских священников, так сказать, напрокат, и иногда являлись пред своего владыку в смешном и безобразнейшем виде: великорослые — в коротких, по колено, а малорослые — в длинных, таскающихся по полу рясах, полные — в узких, а, напротив, сухие-пресухие — в очень широких и часто весьма несладно сшитых**. После этого будет ли противно истине сказать, что в старину, например, в XVII и в самом начале XVIII столетия, скуфьи, несмотря на общий обычай собственно московских священнослужителей употреблять скуфьи и несмотря на соборные постановления, носились и были употребляемы протоиереями, священниками и диаконами не во всех епархиях, по крайней мере не при каждом архиерее и не всеми, а только избранными, более заслуженными из священнослужителей?! Это мнение может быть подкреплено, сверх всего сказанного выше, еще следующим соображением и следующими фактами:

* Вологод. Епарх. Вед. 1869 г. № 1, стр. 34 и 35. Ист. Русск. Ц. Фид. пер. IV, изд. 1, стр. 191. Истор. Росс. Иер., изд. 1, ч. 1. Соб. Деян. 1675 года.
** См. в «Странике» 1888 г. статью: Арх. Антоний Знаменский, стр. 17.

а) *Соображением*: собор 1667 года для выражения единомыслия во всем носить однообразное платье всем архиереям, инокам и священникам только предлагал и благословлял, но не приказывал, не повелевал*; весьма вероятно, что и собор, бывший в Москве в 1675 году под председательством патриарха Иоакима, говоря: «Протопресвитери и протодиакони, иереи же мирскии и диакони долженствуют ходити в скуфиях во знамение священнаго духовнаго их чина и рукоположения архиерейскаго», — говорил это о скуфьях в том же точно смысле, в каком говорил и собор 1667 года о единообразном платье у духовенства, т.е. что он всех и каждого священнослужителя только благословлял носить скуфью, а не непременно заставлял.

б) *Фактами*:

1) В статейке «Вологодских епархиальных ведомостей» 1867 года, № 19 «О *скуфьях священнических и диаконских в древней России*» г. Суворова упоминается между прочим о челобитной, поданной вологодскому преосвященному в 1700 году от одного сельского священника; в челобитной этой священник приносит на своих прихожан жалобу в том, что они в одно время смеялись над ним, говоря: «Владыка-де ему на Вологде скуфьи не дал: священник — и скуфьи не имел»; значит, в конце XVII и начале XVIII столетия в Вологодской епархии, как говорил я и в первой моей статейке об этом предмете**, не все, не только диаконы, а и священники, имели этот священный почетный знак священства; священник ездил в Вологду с целью получить скуфью, искал, домогался ее и, однако ж, не получил; опять очевидно, что в показанное время, по крайней мере в Вологодской епархии, не все и священники имели скуфью и что, следовательно, это головное священническое украшение не давалось, по крайней мере не всеми архиереями давалось, в одно время с рукоположением во священники и диаконы, как о том говорят иностранные писатели о России XVII века, например, Корб в приведенном мною прежде (в первой моей статейке о скуфьях) из него отрывке и Олеарий в отрывке, который взят мною из 29 главы*** третьей книги его *опи-*

* Смотр. Волог. Епарх. Вед. 1869 г. № 1, стр. 34, или Ист. Русс. церкви. Фил. Черниг. пер. IV, изд. 1, стр. 191.
** См. Волог. Епарх. Вед. 1869 г. № 2, стр. 66.
*** А не 27, как ошибочно замечено в стат. г. Невоструева. Вол. Епарх. Вед. 1869, № 2, стр. 66 и след.

сания путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию и который представлен выше в настоящей статейке.

2) Томский протоиерей Шелковников* в прошении своем от 4 марта 1754 года к Тобольскому митрополиту** Сильвестру писал: «Пожелал-де я носить на главе своей скуфью, как-де то наперед сего священники нашивали и ныне уповательно, что негде те обычаи употребляются» — и затем просил на то позволения. По прошению сему определено: «В силу изображеннаго в соборном, печатном в Москве в 1675 году изречении указания, в коем между прочим напечатано тако: «Протопресвитери и протодиаконы, иереи же мирстии и диаконы долженствуют ходити *в скуфиях*, в знамение священнаго, духовнаго их чина и рукоположения архиерейскаго, на главах же имети *постриженo зовемое гуменцо не мало*, власы же оставляти по круглости головы, еже являет терновый венец, его же носи Христос; одежды же им носити по подобию греческих монашеских ряс, или по обычаю русских священников, точию не пестрые, но черные, или батряновидные***. Почему просителю разрешить по его желанию; а ежели кто другие священники и диаконы носить скуфьи пожелают, то оным велеть требовать от Его Преосвященства резолюции особыми прошениями». Итак, в Тобольской епархии, смежной или почти смежной с Вологодскою****, всего чрез 34 года после указанного выше безуспешного искательства скуфьи со стороны одного вологодского священника пред вологодским преосвященным, уже никто или почти никто не только из диаконов, но из протоиереев и священников не носил скуфьи, а только помнили, только слыхали, что наперед

* Это не тот протоиерей, хотя и томский же, о котором я упоминал в прежней статейке о скуфьях. Волог. Епарх. Вед. 1869 года, № 2, стр. 66 и след.

* Считаю нужным снова напомнить читателям, что Томская епархия до 1834 года входила в состав епархии Тобольской. Митроп. Сильвестр управлял Тоб. епархией с половины 1749 г. по конец 1755 года.

** В справке этой приводится, очевидно, то самое дополнение, которое сделано в Киевских Епарх. Вед. к статье о скуфьях Невоструева и которое напечатано в Волог. Епарх. Вед. (см. 1869 г., № 1, стр. 35), только в конце ее некоторые слова наводившим справку, вероятно, для ясности несколько изменены (например, вместо «рас—рясы») или пополнены (например, прибавлением слова «монашеских»), или опущены.

*** Епархии Вологодская и Тобольская в настоящее время соприкасаются одна другой только почти в самой северной, притом почти совершенно безлюдной части Урала, но прежде, до 1800 и 1801 года, доколе важная, и именно западная, часть Тобольской епархии не была отделена от нее ко вновь тогда учрежденной епархии Пермской, они соприкасались между собою гораздо более.

сего священники нанивали их, и только предполагали, что «и ныне-де уповательно негде те обычаи употребляются». Не очевидное ли это доказательство, скажу, как и прежде говорил*, что в старину, как и ныне, далеко не все протоиереи и священники, по крайней мере не во всех епархиях и не при всех архиереях, имели скуфьи, а имели их только некоторые — избраннейшие, более заслуженные из них. Если б постановление Московского собора 1675 года носить всем священнослужителям скуфьи сделано было вроде непререкаемого церковного повеления, а не в виде только благословения или желания, и если б известия Корба и Олеария о том, будто в XVII столетии все русские (а не московские только или преимущественно) священники получали скуфьи при самом посвящении, были верны, то каким же бы образом так скоро, и именно в половине XVIII столетия, произошла такая резкая перемена в облачениях при постановлении священников, или по крайней мере в наградах их?

Скуфьи, как показывает помещенный выше документ Томского архива, в половине XVIII столетия в Тобольской, да, надобно полагать, и в других епархиях, если не совсем, то уже почти совсем не употреблялись диаконами, священниками и даже протоиереями**, по крайней мере рядовыми, не особенно заслуженными. Но ранее того, ранее половины или начала сего столетия, по смыслу поименованного документа, они употреблялись как в других местах, так между прочим и в Сибири: «Как-де то наперед сего священники нашивали (скуфьи), — говорит просивший себе у тобольского архиерея скуфьи томский протоиерей, — и ныне-де уповательно, — продолжает он, — что негде те обычаи употребляются». То же самое заставляет предполагать и самое дозволение протоиерею Шелковникову носить священное головное украшение, а другим желающим, не только из протоиереев и священников, а и из диаконов, просить дозволения на то.

После этого интересно бы было знать, отчего же, по каким именно причинам в половине XVIII столетия ношение скуфей священнослужителями если не совсем, то почти совсем прекратилось? Без фактов, без письменных или веще-

* Вологод. Епарх. Вед., № 2, стр. 67.

** С прекращением обычая носить постоянно скуфьи, сам собою и постепенно прекратился у духовенства и обычай выстригать на голове гуменцо.

ственных указаний в истории и археологии, конечно, ничего нельзя утверждать или принимать за несомненное; поэтому доколе не откроется каких-нибудь новых фактов или актов, касающихся исследуемого предмета, и предложенного вопроса удовлетворительно решить нельзя. Другое бы было дело, если б было дознано, что обычай великороссийского и особенно московского духовенства употреблять скуфью как в церкви, так и в обыкновенной, так сказать, домашней жизни вовсе не существовал в XVII столетии у духовенства малороссийского; в таком случае вопрос тот решился бы сам собою и легко, и именно: с самого начала XVIII столетия и почти до конца его у нас во всех епархиях архиереи были преимущественно из малороссиян*; по несуществованию на их родине обычая носить священнослужителям скуфьи, по непривычке смотреть на лица белого духовенства в этом головном украшении они (архиереи из малороссиян) относились к этому обычаю холодно, неблагосклонно, на вновь посвященных в диаконы, священники и протоиереи скуфей вовсе не возлагали, да и после заслуженным из них или также вовсе не давали, или давали редко**; таким образом, скуфьи мало-помалу в иных епархиях (например, в Тобольской) даже в половине прошедшего столетия совсем и вышли из употребления.

Заключу статейку кой-какими замечаниями о скуфье: 1) если верить иностранцам, писавшим о России, то скуфьи наших священнослужителей в XVII веке делались суконные, цветов черного и красного***; 2) в XVIII столетии сукно в скуфьях было вытеснено бархатом, и в 1797 году вместо разных цветов принят один цвет — фиолетовый; 3) и в то время, когда обычай употреблять скуфьи всеми священнослужителями более уже не существовал и когда употребляли их только некото-

* На Тобольской епархии в течение XVIII века из 10 архиереев девять были родом малороссияне.

** Митрол. тоб. Сильвестр родом малоросс же, но не только позволивший носить скуфью просившему ее протоиерею, а и другим священнослужителям предлагавший обращаться к нему с подобною просьбою, как мы это видели, не может служить опровержением сделанного мною предположения: исключения, во-первых, везде и всегда бывали и бывают, а во-вторых, Сильвестр с молодых лет, с самого окончания курса Киевской академии и до посвящения в тобольского митрополита служил все в России: в Казани сначала миссионером среди казанских инородцев, а потом префектом и ректором Казанской семинарии.

*** Вологод. Епарх. Вед., № 1, стр. 28, 29 и 30.

рые, наиболее заслуженные из лиц духовных, право награждать скуфьями оставалось в руках епархиальных преосвященных (подобно тому, как преосвященные почти до последнего времени пользовались правом возводить в сан протоиерея и не на штатные места и награждать палицами), но с царствования императора Павла Петровича, и именно с конца 1797 года, епархиальные архиереи уже только представляют к награде скуфьями, удостоивает награды Св. Синод, а утверждает Государь Император; 4) впрочем, и после 1797 года были примеры, что скуфьями, только не фиолетового цвета, награждали и награждают преосвященные сами, своею только властью: слыхал я (хотя за верность сего слуха не ручаюсь), что в Москве который-то высокопреосвященный митрополит дозволял всем священникам, и не имеющим фиолетовых скуфей, при разных церковных церемониях и процессиях (например, при сопровождении покойника, особенно в зимнее время, и хождении на воду в праздник Богоявления) надевать скуфьи черные бархатные; Тобольский архиепископ Амвросий Келембет* священника Курганского уезда Бурова, страстно желавшего быть украшенным скуфьею, но почему-то не заслужившего быть внесенным в список представляемых к награде скуфьей (фиолетового цвета), и не сносясь с Св. Синодом, наградил скуфьей бархатной же, только зеленого цвета.

8 июля 1869 г.
Омск.

Еще заметка об употреблении в старину русским белым духовенством скуфьи

В «Вологодских епархиальных ведомостях» предшествующих лет помещено несколько больших и малых статей о употреблении в старые годы русским белым духовенством скуфьи**. Поэтому будет кстати сделать в них и еще заметку об этом предмете. В соседней с Вологодскою епархией, и именно Костромской, преосвященный Симон Лагов*** ука-

* Управлял Тоб. епархией с 1806 г. по конец 1822 г.

** См. четыре статьи об этом предмете, напечат. в Волог. Еп. Ведом., а именно в № 19-м 1867 г., и №№ 1, 2 и 19 1869 года. — Редакц.[109]

*** Преосв. Симон Лагов был родом вологжанин, из штатных служителей Волог. Спасо-Прилуцкого монастыря. См. о нем заметку в Волог. Еп. Вед. 1868 года в №№ 17–18, в статье: «Трехсотлетний юбилей Волог. кафедр. Соф. собора», стр. 449, подстрочн. примеч. — Редакц.

зом от 22 октября 1772 года предписал, чтобы все правительственные лица его епархии для отличия от прочих — не правительственных — протоиереев и иереев носили скуфьи: благочинные — цвета темно-вишневого, десятоначальники — черного, а присутствующие духовного правления — темно-синего. Ежели кто-нибудь из сих скуфьеносцев был сменен, был по каким-либо обстоятельствам устранен от правительственной должности, у того отнималось это отличие, тот лишался права носить скуфью*. По всей вероятности, подобное распоряжение названным преосвященным сделано было и в Рязанской епархии, на которую он перемещен был из Костромы в начале (мае) 1778 года, и в ней существовало до самого того времени**, когда при императоре Павле I учреждено было носить скуфьи только фиолетового цвета и награждать ими духовные лица было предоставлено одному Св. Синоду, притом с утверждения Государем Императором.

26 ноября 1870 г.
г. Омск.

* Странник 1870 года, август, стр 93.
** Симон Лагов управлял Рязанскою епархией с 1778 г. по 1804 г.

Замечательные по Сибири колокола

Откуда существующие по Сибири колокола? — Колоколы иностранного литья. С устроением церквей, монастырей и часовен в Сибири появились и колокола. За несуществованием долгое время по ту сторону Урала заводов колокола, как и всякая другая церковная утварь, туда были привозимы, да и теперь еще привозятся из России. В конце XVI столетия, во все XVII, в начале XVIII, или, лучше сказать, и до сих пор, сибирские архиереи, монастырские власти и прихожане, когда хотели завести при своих храмах хороший, или даже какой ни будь, звон, обыкновенно заказывали лить колокола в (Европейскую) Россию или покупали готовые на заводах русских. Это доказывают сибирские летописи, а еще лучше надписи на самых колоколах. Взойдите на какую угодно из сибирских колоколен не только по Тобольской, но по Томской, даже Иркутской епархии, читайте надписи на колоколах, и вы увидите, что эти гдашатаи общественного богослужения литы или в Вятке, или Костроме, или Ярославле, или Москве. Этого мало: на сибирских колокольнях вы найдете колокола даже заграничной работы. Таких колоколов в Сибири, доколе известно, три: в Тюмени на колокольне церкви пророка Илии, в Томске при Благовещенском соборе и в Тобольске при церкви Богоявленской, иначе Богородицкой. На первом надпись: «*Assverus Roster me fecit Amstelodami anno 1639*» (Меня лил Ассвер Ростер в Амстердаме 1639 года); на втором: «*Deus pro nobis, quis contra nos? Anno 1639*» (Бог по нас, кто же против нас? Лит в 1639 году); а третий, что на колокольне Тобольской Богоявленской церкви, гласит о себе (в надписи), что он лит, как и первый, в Голландии: «*Me fecit Gan Albert De Grave Amstelodami anno Domini 1719*» (Лит я в Амстердаме Иваном де Граве в лето от Рождества Христова 1719)*. Эти колокола не-

* Тоб. Губ. Вед. 1858 года №№ 10, 45 и 51.

большие, в 3 и 5 пудов*, но нельзя сказать, чтобы по Сибири все привозные колокола были малого веса; например, между колоколами Тобольского кафедрального собора есть один в 300 пудов, другой — в 500, а оба они литы в Москве (по заказу Тобольского митрополита Павла в конце XVII столетия). Легко и дешево везти 2000, 4000, 6000 и 7000 верст, и такие тяжелые вещи!

Колокольное мастерство в Сибири. Самый большой по Сибири колокол. Изредка, впрочем, можно находить колокола и литые собственно в Сибири, например, в Тюмени, Туринске, Енисейске, при самых церквах, но они большею частью не благозвучны, некрасивой отделки и малого веса[10]. Да лет двадцать девять тому назад лили близ Тобольска колокол к одной из градских церквей (Благовещенской), и как его слили, так и привезли на место — черный, неочищенный. Тут рабочие, устроив ворот и взяв в руки долота, начали было чистить; несколько дней скрып раздавался по целому городу; досталось и тем рабочим, которые приводили ворот и колокол в движение, а еще более тем, которые держали в руках долота, но с колоколом только и сделали, что весь его избороздили и исцарапали. Другой случай: в 1838 году в Омске к строившейся тогда войсковой казачьей Николаевской церкви были нужны колокола. Является человек не без состояния, бойкий на словах и уже известный по Сибири колокольный мастер, где-то и там-то ливший колокола (впоследствии в некоторых местах, как слышно, перелопавшиеся). Строители церкви подряжают его слить 9 колоколов, начиная от маленьких, зазвонных, и до большого благовестного в 250 пудов. Выписана с Локтевского и Сузунского заводов** медь (в количестве 400 пудов), приготовлены олово и другие материалы, устроена печь и проч., и проч., отлиты, наконец, и колокола. Но что же? Самый большой колокол, к огорчению строителей церкви, а еще более к неудовольствию и большим убыткам мастера, нужно было разбить и медь продать! У колокольного мастера недостало соображения вымерять предварительно слухи строившейся колокольни и сообразить, пройдет ли сквозь них заподряженный ему в 250 пудов колокол. Колокол действительно оказался гораздо шире слухов. Впрочем, это еще не

* Колоколов иностранного литья в городах и селениях Европейской России гораздо еще более, чем в Сибири; там, например, при Вологодском кафедральном соборе есть они большие, весьма и весьма значительного веса, ста в три, четыре и более пудов. См. Опис. Волог. каф. Соб., Суворова, М. 1863 г., стр. 99, 100 и 163–67.

** Томской губернии.

великая бы беда: колокол мог быть поднят, как это не очень давно и случилось на омской соборной колокольне, сквозь колокольню с самого ее низу; даже, говорят, казаки соглашались из-за колокола перестроить колокольню вновь. Но главное то, что мастер, сам признавший медь не совсем очищенною, даже выговоривший себе право на предварительное очищение меди и, однако же, затем вбивши, по поговорке, три русские сваи: *«авось, да не бойсь, да как ни будь»*, употребил медь неочищенную. Кроме того, и болван с формой для большого колокола были устроены небрежно: верхняя форма от тяжести чего-то, набросанного на нее, была одавлена и лопнула; часть меди без пользы утекла и пр. О последствиях всего этого можно догадываться: колокол вышел с раковинами, со скважинами в меди и со звуком дребезжащим, притом один край у него против прочих был на вершок длиннее и на $^3/_4$ вершка тоньше. Вот каково в Сибири колокольное мастерство! Из колоколов собственно сибирского (разумею, плохого) литья составляют как бы исключение некоторые хорошие колокола Восточной Сибири, отлитые там устюжцами в прошедшем столетии, и колокола Западной Сибири, отлитые на Туринском колоколенном заводе, открытом, впрочем, еще весьма недавно, только лет 20 тому назад*, и в особенности большой колокол Тобольского кафедрального Софийского собора: лит он, как сказано в надписи на нем, «1738 года на Тагильском заводе, тщанием Митрополита Тобольскаго Антония I и иждивением Дворянина Акинфа Никитича Демидова», между тем и фигуры хорошей, и звук имеет прекрасный, а весит 1011 пудов и 22 фунта. Следует заметить об этом колоколе, что по Сибири колоколов больше его нигде.

Царские колокола. К замечательным по Сибири колоколам, по недавности нахождения страны под Российской державой и по скудости вообще в ней древностей, должны быть отнесены и колокола, жертвованные царственными особами. Колоколов, как и всякой другой церковной утвари, например, икон, сосудов, риз, книг богослужебных и проч., немало было прислано в Сибирь к разным церквам царем Борисом Федоровичем Годуновым**, но годуновские колокола вследствие небрежности и беззаботности стариков о записывании, что и откуда поступило в церковь, остаются в неизвестности. Потом жертвовали колоколами к сибирским церквам и в монастыри

* Епарх. Вед. 1863 и 1864 годов; Тоб. Губ. Вед. 1858 года № 18, стр. 352.
** См. Грамоты, помещенные в Сибирской истории Миллера.

цари Алексей Михайлович, Федор Алексеевич и Петр I с братом своим Иваном Алексеевичем. Из них три: в 160, в 103 и 40 пудов, литые, первый в 1682 году, а два последние в 1678 году и присланные в 1680–1684 гг. первый царями: Петром и Иваном Алексеевичами, а последние Федором Алексеевичем*, доселе и во всей целости существуют в Тобольске на колокольне Софийского собора. Был на сей колокольне и четвертый царский колокол в 110 пудов, пожертвованный к собору царем Алексеем Михайловичем в 1651 году**, но он, по словам одних, разбился при падении старой соборной колокольни, а по другим — растопился во время большого пожара, бывшего в Тобольске в 1788 году. Кроме того, из царских колоколов сохраняются: а) один в Троицком Туруханском монастыре в 50 пудов, присланный при постройке монастыря около 1660 г. царем Алексеем Михайловичем***; б) один же в Красноярске на соборной колокольне, в 19 пудов и 32 фунта, присланный с названием вестового колокола, как значится в надписи на нем: «В Сибирь на Красный Яр, в 189 (т.е. в 1681) году с Москвы, из Сибирского Приказу, по Указу Великаго Государя Царя Феодора Алексеевича»****; в) два (колокола): один в пуд, другой в полпуда — в Далматовском Успенском монастыре, пожалованные туда вместе с разною церковною утварью, например, сосудами, ризами, стихарями, богослужебными книгами и пр., также царем Федором Алексеевичем***** и г) четыре (колокола) в Кондинском монастыре, присланные туда в 1679 году царем Федором Алексеевичем. Один из них весит 15 пудов, а прочие — зазвонные, маленькие. На пятнадцатипудовом находится следующая надпись: «Великий Государь Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец, для вечнаго поминовения отца своего, Государя Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея России Самодержца, пожавал сей колокол в Сибирь Тобольскаго Уезда великия реки Оби, в обитель Святыя и Живоначальныя Троицы, в пустынный монастырь, по челобитной того монастыря Игумена Макария»******.

* Все это значится в надписях на самых колоколах и рукоп. Сибир. летоп. Черепанова под 1680 г.

** Сибир. летопись Черепанова, год 1651. Сличите мое Описание Тобольского Соф. собора, 1852, на стр. 72.

*** Записки о Енисейской губернии Пестова.

**** Тамже.

***** Описание Далмат. монастыря. Матер. для Статистики Рос. Имп. т. II.

****** Ист. иерархии Росс. церкви, ч. 4, статья «Кондский[!!] монастырь».

20 Заказ 2481

Колокола пленные. Во время счастливой войны царя Алексея Михайловича с Польшею в Сибирь много послано было пленных поляков и литовцев, а с ними отправлены и колокола: тогдашний образ войны оправдывает этот поступок русских с католическими церквами. Некоторые из пленных колоколов привезены были даже в Енисейск. Но война с Польшею кончилась, и вследствие Андрусовских договоров, по царскому указу, пленники, одушевленные и не одушевленные, потянулись обратно в свои прежние места. Впрочем, нет сомнения, что как многие из поляков и литовцев добровольно остались в Сибири и после поступили то в городовые, то в линейные казаки, так и колокола, по крайней мере некоторые, и хотя единственно по воле их новых владельцев, не возвратились в Польшу и Литву. Случай, может быть, наведет любопытного и на них*.

Золоченые колокола. В г. Таре при церкви Казанской Божией Матери колокола золоченые. Их шесть, небольшие, от 1 до 45 пудов, так что во всех шести весу только 87 пудов 14 фунтов. Вызолочены они лет 56 тому назад тарским мещанином, прихожанином Казанской церкви Семеном Можаитиновым. По какому же побуждению? Были слухи, будто Можаитинов дал обет вызолотить колокола, если любимый его брат освободится из плена от киргизов, в который он попал, быв по торговым делам в степи. Пленник возвратился, и обет исполнен: колокола горьмя горят! Но, по тщательном исследовании на месте, слухи о горячности родственной любви и с тем вместе о необыкновенном обете оказываются неверными потому, что из двух братьев Семена Можаитинова ни один не бывал в плену у киргизов и ни у каких других враждебных России народов и что оба они, как и сам Семен, золотивший колокола, жили постоянно и померли в Таре. Говорят, дело было гораздо проще: Семен Можаитинов вызолотил колокола, бывши старостой при Казанской церкви и единственно по любви к церковному благолепию**. Есть ли где-нибудь подобный пример?

Колокол монгольского литья. В Красноярске, на соборной колокольне, кроме колокола, упомянутого выше между царскими колоколами, есть колокол, как полагают, монгольского литья, по крайней мере бывший в употреблении у монголов. Весу в нем

* Ист. обозр. Сибири, Словцова, кн. 1, стр. 298; также статьи Андрусовского трактата в Собрании Госуд. грам. и договоров.

** Когда Преосв. Тоб. Евгений, бывши в Таре в 1828 или 29 году, спросил Можаитинова о побуждении к позолоте колоколов, то он простосердечно отвечал: «А вот как выду поутру из дому, да взгляну на

7 фунтов. На верхней и нижней частях его какие-то непонятные знаки. Он был найден при разрытии кургана на степи в Минусинском округе Енисейской губернии. В Красноярск он привезен и повешен на соборной колокольне лет около 50 назад. Первые 30 лет висел он там спокойно, как бы не замечаемый никем, но затем покой его был нарушен. В 1845 году осмотрели его, сняли с него и с знаков на нем рисунки, но при всех усилиях из местных ученых и из местных знатоков инородческих языков никто не мог утвердительно сказать, что именно значат, что выражают те знаки. Только иные из жителей Красноярска, из людей бывалых, говорили, что эти знаки весьма сходны с теми, которые неизвестно кем и когда высечены на некоторых скалах, находящихся по реке Енисею... Снимки с описываемого колокола и со знаков на нем в том же 1845 году были отправлены в Петербург, но в Петербурге ими одними не удовлетворились, почему в 1847 году покатился туда и самый колокол; там его осматривали археологи и ориенталисты. Но, увы! Петербургские ученые и любители древностей не нашли на нем и следов тех надписей, которые были изображены на снятых с него рисунках: вероятно, пристрастие красноярского рисовальщика к местной редкости слишком много давало воли его карандашу, заставляло карандаш прикрашивать, дополнять действительность из области вымысла, из воображения. Затем описываемый нами семифунтовый колокол, как ничем особенно не замечательный, был возвращен в Красноярск. Однако ж вскоре после того, по крайней мере около того же времени (около 1850 года), рисунки с красноярского колокола и со знаков, замечаемых на нем (те ли самые, которые, как выше сказано, были доставлены в Петербург из Красноярска, или другие, снятые уже в Петербурге, мне неизвестно), а также и описание его вошли в состав особой статьи (помнится «О колокольном звоне») и напечатаны были, между прочим, в «Московских ведомостях», значит, на красноярский колокол все-таки смотрят, как на замечательный. И в самом деле, этот колокол, даже и без отношения к его форме и знакам на нем, замечателен уже и тем самым, что был найден в кургане: курган в Минусинском округе не дело же рук христианских и не новейших же времен! Каким же образом колокол попался к языч-

церковь Божию (а Казан. церковь близко от его дома), увижу колокола, они горьмя горят, они светят, и у меня на грешной душе будто просветлеет, будто загорится» (со слов единящего с Преосвященным консисторского столоначальника, после секретаря, Бекреева).

никам монголам или другим каким обитателям южной части системы реки Енисея, какое они делали из него употребление и зачем засыпали его в курган?

Ссыльный, Углицкий колокол. Но самый замечательный в историческом отношении из привезенных в Сибирь колоколов есть, конечно, ссыльный, Углицкий. Он *корноухий*, т.е. с отсеченным (а не оторванным) ухом, что сделано с ним по приказанию Бориса Годунова. Звук у него резкий и громкий, почему, как увидим ниже, он долгое время был употребляем в Тобольске для отбивания часов и битья в набат. Весу в колоколе 19 пудов и 20 фунтов. Цвет меди на его поверхности серый. Толщина стенок его — $1^1/_2$ вершка, а окружность по нижним краям — 3 аршина и 3 четверти. Края у него, если можно так выразиться, как бы обгрызаны, т.е. обиты, — знак, что он находился в дальней дороге, что он не один раз был поднимаем на колокольни и оттуда спускаем и что с ним при том обходились не очень вежливо, не слишком осторожно. По краям колокола вырезана (а не вылита) надпись: «Сей колокол, в которой били в набат при убиении Благовернаго Царевича Димитрия в 1573 году, прислан из города Углича в Сибирь в ссылку, в град Тобольск, к церкви Всемилостиваго Спаса, что на торгу, а потом на Софийской колокольне был часобитной».

Надпись эта, по складу своему, по форме букв (новейшего времени), по довольно светлому (а не серому, какой на всей поверхности колокола) цвету меди сих (вырезанных) букв и по упоминанию, какую должность отправлял колокол в бытность его на соборной колокольне, очевидно, не древняя*. Но из нее видно и из истории известно, что описываемый колокол тот самый, в который в Угличе 15 мая 1591 года соборный сторож Максим Кузнецов и вдовый священник Федот по прозванью Огурец били в набат по случаю умерщвления клевретами Годунова царевича Димитрия, что он казнен (отсечением уха) и сослан в Сибирь в наказание за то, зачем послужил орудием к извещению жителей города Углича об убиении невинного царственного отрока, послужил к волнению, затем последовавшему между жителями Углича, и к гибели убийц царевича, что сослал его в Сибирь, и именно в город Тобольск, в 1593 г. Борис Годунов, не терпя изобличителей своего преступления, не только одушевленных (одних из угличан он казнил, а других

* Ниже будет сказано, что она вырезана между 1780 и 1797 годами.

сослал в Сибирь, между прочим в Пелым), но и не одушевленного*. В Тобольске, как из той же надписи видно, ссыльный Углицкий колокол сначала висел на колокольне Спасской церкви, что в нагорной части города, близ Иртышского яра, а потом какими-то судьбами попал на колокольню Тобольского кафедрального Софийского собора, где по причине его резкого и громкого голоса в него отбивали часы и при пожарных случаях били в набат. Но соборная колокольня, построенная в 1683–1685 годах, около 1780 года развалилась, и Углицкий корноухий колокол вместе с другими соборными колоколами был повешен на козлах, или срубах, устроенных из бревен между архиерейским домом, консисторией и собором, где он в 1788 году, 27 и 28 апреля, во время большого тобольского пожара чуть было не подвергся участи некоторых (например, трехсотенного) других соборных колоколов, т.е. чуть было не растопился, и где он висел несколько лет до тех пор, пока не выстроена была (в 1797 году) новая при соборе колокольня. В то ли время, когда описываемый колокол вместе с другими колоколами висел на козлах и когда многие из народа приходили посмотреть на соборные колокола и позвонить в них в праздники, особенно в Пасху и высокоторжественные дни, с целью, чтобы колокол грамотным из народа, а чрез них и безграмотным, говорил сам о себе, за что, по какому случаю и когда именно он сослан из России в Сибирь, или в то уже время, как хотели поднять колокол на вновь построенную высокую соборную колокольню с целью предохранить его, или лучше его историю, от совершенного забвения, или по крайней мере от искажения** в предании, только в период 17- или 18-летнего висения его на козлах, по чьему-то распоряжению (самого ли тогдашнего преосвященного Варлаама I или заведывавшего всеми при нем постройками по собору и архиерейскому дому абалацкого игумена Мар-

* Древн. Вивл. ч. 3, стр. 111; Кратк. Показ. о Сиб. Всеволод., стр. 4; Ист. обозр. Сиб. Словцова, книга 1, стр. 571.

** И теперь, когда история ссыльного колокола вырезана на нем самом, она в предании народном искажена. В начале 50-х годов покойный смотритель Тобольского уездного училища г. Скорбеев подслушал у народа говор, будто корноухий колокол перед ссылкою был сечен кнутом и будто у него рваные ноздри (у колокола ноздри! См. Лит. Отд. 98 № Моск. Вед. 1854 года), а г. Максимов, сочинитель «Года на Севере», во время недавнего своего путешествия по Сибири слышал в народе толк, будто Углицкий колокол лишен уха и сослан в Сибирь за то, что при каком-то пожаре не дал голку (Отеч. Зап. 1869 года, сент., стр. 233, статья «Государственные преступники»).

гарита) на нем была вырезана вышеозначенная надпись с его историей. На новой соборной колокольне* корноухий колокол висел 40 или почти 40 лет, в конце 1836 или начале 1837 года по распоряжению покойного архиепископа Тобольского Афанасия (1832–42 гг.) он снят был оттуда и повешен подле крестовской архиерейской церкви под небольшим деревянным навесом. Целью сего последнего перемещения было то, чтобы показать, если потребуют, эту историческую достопримечательность Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику, ныне благополучно царствующему Государю Императору, который в 1837 году имел быть и был в Тобольске**, и то еще, что пред тем временем была перестроена крестовая церковь, а колокола при ней, и именно благовестного, не имелось. С сих пор ссыльный Углицкий колокол, во-первых, сзывает к богослужению, совершаемому в домовой архиерейской церкви, и благовест в него, особенно в тихую погоду и когда, разумеется, молчат соборные и другие градских церквей колокола, слышен по всему городу, а, во-вторых, служит по временам предметом любопытства как местных жителей, так и лиц заезжих***.

В недавнее время для сыльного колокола и других мелких колоколов крестовой церкви вместо прежнего, бывшего на деревянных столбах, навеса устроен новый навес на столбах каменных и несколько далее прежнего от церкви.

---

* Карамзин в 245 примечании к X тому своей «*Истории Российского государства*» сказал, что «в Тобольске между колоколами *церкви Всемилостивого Спаса показывают набатный Углицкий*, коего звук известил тамошних жителей об убиении царевича». Некогда, впрочем, никак не ранее половины прошедшего столетия****, это было так, но когда была написана и издана История Российского государства, было уже иначе. Подобная ошибка допущена также в «Памятниках московской древности» Снегирева, на стр. 301, и в «Описании монастырей, епархий и замечательных церквей, в Российской империи находящихся» (издан. 7, М. 1828 г.), находящемся при полном Христ. Месяцеслове 1825 года на стр. 145.

** Этого осмотра (несмотря на противное уверение статьи «Киприан, первый Сибирский архиерей», помещенной в 4 № Тоб. Губ. Вед. 1858 г.), однако ж, не было, быть может, и потому, что не было и докладываемо Государю Наследнику о существовании в Тобольске ссыльного Углицкого колокола.

*** Из последних назовем барона Зейделера, издателя Военного Энцикл. Лексикона, Максимова, сочинителя книги «Год на Севере», и в особенности Его Императорское Высочество, Великого Князя Владимира Александровича: последний и с сопровождавшими его осматривал после других церковных древностей и достопримечательностей города Тобольска Углицкий колокол 24 июля 1868 г.

**** Древн. Вивл. ч. 3, стр. 111 и Крат. показ. о Сиб. Воевод., стр. 4. Еще между 1749 и 1797 годами на колоколе, как мы видели, написали: «потом на Софийской колокольне был он часобитной».

В конце сороковых или в самом начале пятидесятых годов жители города Углича ходатайствовали было пред правительством о возвращении к ним корноухого колокола из Тобольска, колокол, однако ж, и до сих пор остается по-прежнему в Тобольске на описанном месте. И дело: корноухий колокол, как колокол по своей ценности (около 200–240 рублей), для Углича, можно сказать, ничего не значит, и это тем более, что жители Углича уже целые 250 или 260 лет, как перестали и считать его своею собственностью, между тем как без него крестовая церковь тобольского архиерейского дома осталась бы без благовестного колокола. Но важнее этого следующее: колокол, о котором идет речь, в Угличе при других, гораздо важнейших памятниках по царевиче Димитрии, и именно при дворце царевича церкви, на колокольне которой били в набат при его убиении и пр., совсем стушевался бы, ничего не значил бы, по крайней мере значил бы весьма мало, тогда как в Сибири, в Тобольске, он значит немало, напоминает о перевороте в царском Рюриковском доме, о последовавших по поводу его плачевных переменах и неурядицах в государстве, да и вообще весьма и весьма напоминает о былых временах России, о старинных ее порядках (например, о том, как казнили и ссылали даже неодушевленные предметы!) и пр.; в Тобольске он служил и служит, как мы и видели, предметом любопытства путешественников не менее существующего там мраморного памятника Ермаку.

Лет 20 или 25 назад пишущим был пущен в ход слух о том, будто корноухий тобольский колокол не тот самый, который был прислан из Углича, будто настоящий Углицкий, по словам одних, еще дорогой в Сибирь разбился, а по словам других, разбился при падении соборной колокольни или растопился в большой тобольский пожар 1788 года, потому будто бы он перелит, а ухо отсечено и у вновь отлитого для того, что так было у первообраза*. Слух этот мною, конечно, не вымышлен, я его слышал от лиц со значением по сану, образованию, а отчасти и по знакомству с сибирскими древностями. Но, признаюсь откровенно, он неверен, совсем не согласен с самым делом, и мною он был принят без критики единственно на основании значения сообщавших его. Вот опровержение этого неверного

* См. статью: Замечательные по Сибири колокола, сначала напечатанную в 11 № Маяка 1845 года, а потом перепечатанную в 9 № Москвитянина 1849 г. и 5 № Яросл. Губ. Вед. 1850 года. То же самое мною было заявлено в Опис. Тоб. Соф. соб., стр. 73.

Празднование двухстолетия покорения Сибири Россией

В Тобольске 26 октября 1784 года праздновали двухсотлетие покорения Сибири под власть России. Это видно, во-первых, из содержания и наименования имеющегося у меня старинного по слогу, почерку и даже по бумаге рукописного слова: *Слово на день празднуемого двустолетия взятия Сибири* и, во-вторых, из заметки, сделанной на верхней части поля первой страницы того Слова: *1784 г. Октября 26.*

Двадцать шестое октября, когда церковь празднует память великомученика Димитрия Мироточивого, солунского чудотворца, было выбрано для празднования двухсотлетия покорения Сибири под власть России, без сомнения, потому, что в этот день по молитвам великомученика Димитрия Мироточивого* Ермак, одержав 23 числа 1581 года решительную победу над войсками Кучума в Подчувашах (переправа через Иртыш близ Тобольска), торжественно вступил *в столицу Сибирского Кучумова царства Искер.* Но почему для этого празднования, столько важного для Сибири и целой России, был избран не 1781, а 1784 год, тогда как Ермак вступил в Сибирь и покорил Кучумово царство именно в 1581 году? Учредителями и распорядителями торжества был, так сказать, обойден 1781 г., по всей справедливости, в тех мыслях, что Ермак в 1581 году воевал в Сибири еще не как царский военачальник, а как част-

* Вот причина, почему митрополит Сибирский Филофей Лещинский в своем духовном завещании от 21 апреля 1768 года касательно Тюменского монастыря[14] называет великомученика Димитрия Солунского *Ангелом и Наталиным* (ходатаем, покровителем, заступником) Сибирским и устроил в честь его на хорах верхнего этажа церкви помянутого монастыря особый придел[15]. Вероятно, по той же причине столетием ранее Филофея в честь Димитрия Солунского был устроен храм или по крайней мере придел в Верхотурском монастыре. См. Акт. Ист. т. III, № 148; Геогр. Вест. на 1857 г., № 3; статья: Распростр. христ. в Перм. еп., стр. 264.

ный человек, как предводитель толпы беглых своевольных русских удальцов, и что еще не было известно, примет ли русский царь его завоевание, напротив, предпочтен был для торжества 1784 год, вероятно, в том уважении, что в 1584 году завоевание Ермака было уже принято под крепкую царскую руку, что в этом году для управления Сибирью уже был прислан царский воевода князь Болховской, что в то время в Сибирь для удержания ее жителей в покорности пришло и царское, хотя небольшое (по одним 500, по другим 300 человек), войско, и что в том году Ермаком было подавлено восстание возмутившихся покоренных им пред тем татар и остяков. Но чтобы не вовсе оставить без внимания и год покорения Сибири Ермаком, то распорядители торжества для совершения его избрали особенно важный в том году день — день вступления Ермака в оставленную Кучумом столицу.

В чем именно состояло торжество двухсотлетия покорения Сибири под власть России, с какими оно было соединено церемониями, как пировали в Тобольске 26 октября 1774 года и прочее, этого за неимением данных сказать нельзя*. Можно только предполагать, что торжество было пышное, великолепное, можно предполагать, между прочим на том основании, что век Екатерины II был век пышности и великолепия, а также и на том, что событие, в воспоминание которого торжествовали в Тобольске 26 октября 1784 года, было важное как в частности для Сибири, так и вообще для целой России. Еще с большею вероятностию можно предполагать, что при торжестве том не были забыты Ермак Тимофеевич и его сподвижники, равно как и царь Иоанн Васильевич Грозный с Московским митрополитом Дионисием: вероятно, в соборе Тобольском при стечении народа пред литургиею 26 октября или накануне того дня вечером совершена была торжественно и собором по них панихида с возглашением им вечной памяти. Так, и с большею, говорю, вероятностию, можно предполагать на том основании, что покорение Сибири, память которого торжествовали, совершено было ими (Ермаком с товарищами) и при нем (Иоанне Грозном)**. Все это, однако ж, одни предположения и вероят-

* Желательно было бы, чтоб какой-нибудь знаток сибирских древностей и истории сибирской (г. Абрамову это, как я знаю, к сожалению, неизвестно), напр., г. Гр. Спасский принял на себя труд описать, рассказать нам это интересное событие в подробности.

** В Сибири, по крайней мере в Тобольске, свято чтили память Ермака и царя Иоанна Васильевича Грозного: во-первых, первый сибирский

ности, а несомненного из описываемого торжества для нас доколе то только, что 26 октября 1784 года в Тобольском соборе при многолюдном стечении народа была отслужена торжественно литургия, а за нею было произнесено Слово о благодеяниях Божиих, явленных в покорении Россией Сибири.

Но кем именно было написано и произнесено это слово, за неимением подписи на находящемся у меня экземпляре оного, доколе и это также только еще вопрос. Но если и в исторических исследованиях позволительно иногда прибегать к догадкам, то можно предполагать, что автором Слова на празднование двухсотлетия покорения Сибири был тогдашний Тобольской семинарии ректор архимандрит Илия Шумилевич (1774—1785 гг.). Случай был важный, торжественный; публика предполагалась многочисленная и избранная; следовательно, и проповедывать долженствовало лицо значительное, а в Тобольске в описываемое время (впрочем, это и всегда так было, да и теперь так есть) после преосвященного Варлаама в духовенстве первым лицом был ректор семинарии и вместе настоятель Знаменского монастыря архимандрит Илия. Это предположение тем более вероятно, что архимандрит Илия и при других важных случаях был назначаем говорить проповеди; например, при открытии в Тобольске наместничества 30 августа 1782 года проповедь, и с отличною похвалою, говорил именно он*. Притом слово, о котором идет речь, очень дельное, умное, а ректор Илия Шумилевич был один из самых умных и дельных ректоров Тобольской семинарии. Пишущему это известно отчасти из отзыва о нем автора[114] *Материалов для Истории Христианского Просвещения Сибири* (там Илия назван «мужем строгих правил и неусыпным в своей должно-

архиерей Киприан, описав подвиги Ермака в летописи, записал его и с товарищами в соборный синодик и приказал возглашать их имена, поминать их, между прочим, в первое воскресенье Вел. поста при торжестве православия; во-вторых, в алтаре холодного Тобольского собора хранится небольшая, до митр. Филофея, по всей вероятности, храмовая икона *Божественной Софии*; на ней Премудрость Слова Божия изображена в образе Несотворенного Ангела на дереве; при корени сего дерева стоит царь И.В. Грозный и митрополит Московский Дионисий (без сомнения, потому что завоевание Сибири совершено при них), а на ветвях его сидят шесть первых сибирских архиереев. Как последним из сих изображен первый митрополит Сибирский Корнилий, который помер в 1677 году, то, очевидно, что икона была писана или при нем, или при его преемнике митрополите Павле I, когда строился каменный Тоб. Софийский собор. См. Опис. Тоб. собора, стр. 43.

* См. Тоб. Губ. Вед. 1857 г., № 32, стр. 327.

сти)*, а более из рассказов покойного действительного статского советника Петра Андреевича Словцова, но еще того и того более — из читанной мною инструкции насчет учения семинаристов, данной ректором Илией, Тобольской семинарии по приезде в Тобольск и доселе хранящейся в семинарском архиве. Если же догадка о том, что слово, о котором идет речь, написано архимандритом Илией, окажется несостоятельною, и потому, между прочим, что этот архимандрит в последние два года пребывания в Тобольске (конец 1783, 1784-й и часть 85 года) был болен (хотя и не так, чтоб не мог написать и произнести проповедь), то почти уже за верное можно будет полагать, что помянутое слово было написано или Никитою Арамильским (до поступления в семинарию Дергичевым), тогдашним кафедральным протоиереем, а впоследствии, под именем Никодима, архимандритом Енисейского монастыря, или Михаилом Карпинским, тогдашним ключарем, а после, с 1786 года, и протоиереем кафедрального собора и вместе префектом[115] семинарии, или Николаем Флеровским, в то время священником и учителем семинарии, а впоследствии префектом оной и кафедральным протоиереем**. Говорю: за верное можно полагать это на том основании, что в осьмидесятых годах прошедшего столетия в Тобольске между духовенством, по недавнему существованию [Тобольской] семинарии, а более по малому числу учившихся в ней, ученых, проповедников, особенно позначительнее, кажется, только и было, что помянутые трое или четверо: Матвей Бурдуков (впоследствии Иркутский архиепископ Михаил II), Наркисс Никитин, впоследствии курганский протоиерей, и Пономарев, впоследствии в Пермской епархии протоиерей, — в 1784 году или еще не вступили на степень священства, или лишь только вступили.

Что сказать о самом слове, которое было произнесено в день празднования двухсотлетия покорения Сибири? Слог его тяжел, хуже слога проповедей не только современных церковных ораторов, как, например, митрополитов Платона и Гавриила, но даже и несколько и ранее того времени живших, например, Гедеона Криновского, Димитрия Сеченова и Тихона Воронежского. Но по содержанию слово это умное, дельное слово. В приступе автор говорил: «Ежели при воспоминании и какой бы то ни было победы,

* Журн. Мин. Нар. Просв. на 1854 г., № 2 и 3, стр. 39.
** См. Описание Тоб. Соф. собора. М. 1852 г., стр. 87.

вследствие которой распространена вера христианская, а также власть и слава Отечества нашего, сердца наши исполняются радостию и благодарностию к Богу; то тем более радоваться благодарить Бога должны мы в день сей, когда воспоминаем покорение Россией Сибири, ибо ни в какой победе так ясно не видна божественная помощь нам, как она видна при покорении Сибири. Сибирь — страна отдаленная (от России), протяжение ее чрезвычайное, пути по ней неизвестные, народы в ней многочисленные; о покорении ее русские и думать не могли бы; между тем она была покорена России без всякой заботы о том со стороны правительства, без трудов и потери русского войска, покорена одною горстию людей, старавшихся загладить прежние свои проступки достойными заслугами, чтобы удобнее возбудить в слушателях чувства радости и живейшей благодарности к Богу»; автор в трактации доказывает, что завоевание Сибири есть величайшее благодеяние Божие и для самих сибирских инородцев, и для России. Для инородцев то благодеяние, что большая часть их с подданством России оставили гнусное идолопоклонство и приняли веру христианскую; а для России — то, что ее владычество с присоединением Сибири расширилось и что сибирские народы с принятием христианства сделались самыми благонадежными, верными ее подданными. Далее у оратора говорится, что сибирские инородцы, соединенные с Россией узами единоверия, еще теснее соединяются с нею кроткими законами русского правительства и вообще распространением и на Сибирь всех благодеяний царствования императрицы Екатерины II; причем слава русского оружия того времени, новые законодательные меры, открытие двух наместничеств в Сибири и народных училищ во всей империи, учреждение приказов общественного призрения с воспитательными домами и пр. дали оратору случай сказать немало истинно красноречивых слов. Впрочем, мой разбор слова слишком неинтересен и бесцветен в сравнении с самим словом. Для интересующегося судьбами Сибири и вообще всем, относящимся до нее, гораздо лучше прочесть слово в подлиннике. Вот оно:

1784 года,
октября 26.

Ежели все торжественные воспоминания преславных побед, распространяющих и веру христианскую, и власть, и славу Российского отечества, столько нам вожделенны и ощутительны, что, преизбыточною наполняя сердца всех радостию, производят внутренние чувствования высоких Божеских благодеяний и убедительные побуждения к благодарности, то ваше, почтенные слушатели, усердное стечение в сей священный храм, ваши изливаемые пред престолом Всевышнего молитвы и благодарения сколь более имеют причин, к таковой должности вас обязующих?! Вы благоговеете в день тот, в который всевышнее промыслительное Существо благоволило покорить Российской державе сии страны сибирские со удивительным показанием своего могущества, так что никакая с начала света одержанная победа толь вящими и явственнейшими доказательствами особенный промысл и пособие Божеское изобразить была недостаточна; ибо сколько неизвестность путей и многопротяженное отдаление стран сибирских, столько населяющие их различные народы, народы ежели соединить большее, нежели каковыми изобиловала Россия, составляющие количество не только льстить надеждою победы, но и самые начатки и предприятия таковых намерений страхом и отчаянием отвращать долженствовали. Но какие неисследные и сокровенные советы Божии! Какая благость и милосердие Вышнего, достойное всеглашнего прославления. Возможно ли, когда б мы не были те самые обитатели сибирских стран, в которых благополучно окончав уже второе столетие, стократ большими, нежели победительная предвещала надежда, пользуемся счастиями, возможно ли, чтоб бессумнительно хотели поверить, что малый сонм людей, людей, старающихся токмо бывшие проступки загладить достойными заслугами, без всякого попечения царского, без всякого подъятия трудов и урона воинства, толь многие и отдаленные народы устрашить, победить и покорить благоуспели? Поистине достойно и предостойно бессмертному и всемогущему Богу всего толикого блага, как и всех прочих подателю в сей день благодарственные песни, каковые только наш изобресть может, воспеть долженствуем. Но чем подробнее и величественнее будем рассуждать о благодеяниях Божеских,

тем большая должна в нас возрастать обязанность к благо дарности. Благодеяния, которые со умножением лет умно жались в странах сибирских, суть бесчисленны, но дабы принадлежащая в нас толико благодетельному Существу благодарность была непрерывна, некоторые важнейшие и: них примем в рассуждение.

Из всех высочайших намерений, чрез каковые премудрое Провидение Божеское желало осчастливить страны сибирские, начальнейшим было предметом, дабы заблуждающие во мраке невежества народы осиять блистательным лучом спасительныя истины. Сие благодеяние столько для нас должно быть чувствовано, сколь ужасно, презрительно и сожалительно то крайнее бедствие, которому подвержено грубое невежество. Ибо ежели всеобщий Творец, при награждении человека совершенством разума, влиял в него уверительные силы, руководствующие к богопознанию, на такой конец, чтоб, напрягая оные к понятию превосходных совершенств его, понимал превосходство высочайшей благости, которые он создан участником, следовательно и находил бы в себе непринужденное обязательство к пристойному Божеству почтению, повиновению и благодарности; то не достойны ли вечного оплакивания те невежественные народы, в которых толь благодетельное намерение Божие учинилось превращенно, так что многие из небесных и земных тел вместо того, чтоб чрез удивительную своего естества красоту и неприменяемый порядок течения изображать бытие Безначального Художника и Его высочайшую премудрость и могущество, сами были обоготворяемы? Воззрите на страны сибирские в предшественном состоянии: они, кроме малейшей части последователей ложному магометанскому закону, наполнены таковыми или еще ужаснейшими идолопочитателями. Там не только светила небесные, кои пусть видимым блеском и проистекающими от оного пользами прельщали умы потемненные, но и самые тленные металлы, различными изображенные статуями, божественною честию были украшаемы; там диких зверей и бесчувственные древа сердца человеческие с благоговейным усердием лобызали и с воспламененною ревностию богатые пред них полагали жертвоприношения; но что всего удивительнее — там с переменою счастий переменяемы были боги и первые чрез несчатие, под их покровительством приключившееся,

презрительно лишались чести божеской. Какое заблуждение! Какая слепота разума! Какое затмение понятий! Где те приятные от рук всеобщего Создателя дарования, которыми первородные светлели мысли человеческие? Где врожденное убеждение совести, которое принуждено утверждать должно бытие Безначального? Где естественное стремление духа, которое, превыше всех тленностей возлетая, на вечной цели становиться должно? Все насильственное своевольство человеческое затмило и превратило, да явится, сколь силен грех, благим мне содевая смерть, как рассуждает божественный апостол. Итак, сообразите, слушатели, те ужасные времена со временами ныне благопроцветающими, разберите превосходство сих и подлость оных, различите просвещение от невежества, вникните в конечную гибель заблуждения и основательные пользы истины, а чрез то познайте драгость цены благодеяния Божеского, толико в высочайшем Промысле оказанного: не там ли, где слепота учила воздавать подлым и тленным вещам пристойное величеству Божества почитание, непрестанная хвала истинному и бессмертному Богу приносится? Воззрите на восток и север, сии две части света, жалующиеся прежде на гибельное заблуждение невежественных народов: они свидетели суть всех удивительных Божеских произведений, они все оживлены непомрачаемою спасения истиною и блаженною надеждою вечности неотъемлемо увеселяются. И кто бы здесь не понимал превосходство благости вышнего Промыслителя? Поистине, *явлен был не ищущим Его и обрелся не вопрошающим Его*, по слову Исайи.

Итак, великое подлинно благодеяние Божеское, оказанное в просвещении стран сибирских, но величественнее еще представится, когда рассмотрим, что оное просвещение собственно клонилось ко укреплению и прославлению Российской империи, ибо твердость и умножение славы государства есть умножение народа единым союзом веры, едиными узами закона сопряженного. Различествующие в вере отечественной народы не могут быть благонадежны отечеству, им не токмо вверить хранение общественного блага, но и управлять оными без осторожности опасно; они не могут быть попечителями пользы и покоя общего, но всегда склонны к распрям и возмущениям, если не удовольствуется их самолюбие; они всегдашние противники к защищению веры

и потому подозрительны к защищению отечества; следовательно, таковыми народами изобилующее государство есть слабо, склонно к нападению и недостаточно себя обезопасить от нападений и ударов вражеских. Но представьте себе государство, связанное едиными крепчайшими жилами, по коим течет священная кровь веры: там нет никакого противного намерения, которого б действие не предварило истребить внутреннее убеждение веры; следовательно, какому должно быть счастию и тишине такого отечества? Нет ни малого поколебания пользы частныя, которого б совесть, обязанная законом, не принуждала возобновить старательными вспомоществованиями; следовательно, какой должно быть любви и согласию? Нет ни одного покушения вражеского, которого б сопряженность веры и пламенеющая к защищению оной ревность со страхом не отвращала; следовательно, какой должно быть славе и непобедимости? И если б только какая в превосходном виде была империя, украшенная толикими совершенствами, то она есть Всероссийская: ее слава гремит во всех концах света со звуком, поражающим слух человеческий; ее твердейшая непоколебимость наводит на все державы окрестные трепетание, так что и самый бледный свет гордящейся луны крылами высоко паряшего орла Всероссийского затмевается; а сии-то самые и суть те сладкие плоды величественных благодеяний, которыми чрез побеждение и просвещение Сибири трудилась утвердить и прославить Всероссийское отечество десница Всемогущего.

Подлинно так основать надобно, что соединение веры производит соединение сердец ревностных к защищению покоя отечественного, но нельзя опровергнуть, чтоб и ласковость закона гражданского не подавала укрепительных сил ко утверждению верности новопобежденных народов. Неумеренная строгость и несоразмерное преступлениям наказание вкореняют внутреннюю ненависть, чрез которую принужденные выходят склонности к возмущениям; но там, где правила закона охраняют каждого благополучие, где обидимым открыто достойное удовольствие, где великость наказания не превышает великость преступления, где более совестию, нежели страхом, управляются, какой надлежит быть искренности? Счастливая Сибирь и сим высочайшим даром от небес чрез священные руки *благочестивейшей всерос-*

сийской помазанницы, при окончании благополучного течения двустолетия, облагодетельствована. Вы все свидетели, какая непоколебимость общего и для всех частного покоя в святейших предписаниях закона благоустроена. Есть ли какое состояние, которому б в сих премудрых правилах не открыта была высокая польза и удовольствие? Там богатый с радостным духом хвалится ненарушимою безопасностию своих имений; там бедный, возводя благодарный взор к небесам, прославляет щедроты монархини, там утесненный, получа достойную мзду обиды, увеличивает святость законов и благоразумие правителей, там дряхлость, не имущая подпоры, спешит к облегчению томных сил в объятия общего призрения, там юношество, проходя полезный подвиг наук, струями милостей монарших обильно напоенных, представляет себя достойными и верными сынами отечеству; там сиротствующее младенчество, лишенное родителей, с жадностию прибегает к сосцам всеобщей Российской Матери и сладкие от нее вкушает плоды безбедного воспитания. Повсюду польза и довольствие, повсюду радость и торжествование, повсюду радость и прославление! О, когда б установленные судии без малейшего нарушения всегда последовали святости таковых предписаний, то б поистине вечно открыт был торжественный храм блаженства! Счастливая Сибирь! Ты, со удовольствием насыщаясь от тука пшенична сих божественных законов, рукою Всероссийской Самодержицы начертанных, не ощущаешь ли отменное покровительство десницы Божеской, тебя благодетельствующей? Преклони же ухо твое во глаголы уст премудрой законодательницы, исполняй благоговейно мудрые и спасительные ее наставления, последуй ее намерениям, соответствуй воле ее и Богу, всех толь превосходных счастий Промыслителю, и в сей день — поелику виновный оных — и вечно благодарить не престань. Аминь.

С подлинным верно:
священник Алек. Сулоцкий

Крестный ход на осляти, который в старину был отправляем в Тобольске в Вербное воскресенье

Большой Московский собор, бывший под председательством трех патриархов, российского Иоасафа II, александрийского Паисия и антиохийского Макария, в 1667 году, постановил возвести Тобольскую епархию из архиепископии на степень митрополии с предоставлением ей четвертого места в ряду прочих 12 российских митрополий после Новгородской, Казанской и Астраханской. Согласно сему постановлению и по призыву государя царя Алексея Михайловича, чрез нарочно присланного в Тобольск чиновника Алексея Богданова в следующем 1668 году шестой тобольский архиерей архиепископ Корнилий отправился в Москву и там 25 мая в церкви Всемилостивого Спаса, что на Царских сенях, был посвящен в митрополита* патриархами российским Иоасафом II и александрийским Паисием**.

С возвышением Тобольской епархии на степень митрополии были возвышены права и преимущества ее архипастырей в облачении. Так, преосвященный Корнилий, по одним сведениям, с самого посвящения в митрополита***, а по другим — с 1675 года, вследствие постановлений нового Московского собора об облачениях лиц высшей иерархии российской церкви, стал употреблять вне богослужения вместо черного кло-

* В настоящее время производство епископов и архиепископов в митрополиты совершается единственно чрез возложение на производимого белого клобука с крестом на челе, но в XVI—XVII столетиях и начале XVIII для того производства был особенный чин. См. Акт. Арх. Эксп., т. XIII, стр. 297–301. Ирк. Епарх Вед. 1863 г., № 12, стр. 157.

** Ист. Иер. Рос. Ц. ч. I, стр. 32. Ист. Рос. Ц. Митр. Платона, ч. 2, стр. 214.

*** Материалы для Ист. Хр. Пр. Сиб. Абрамова, стр. 18. Ист. Платона, ч. 2, стр. 214. Древн. Вивл., ч. 3, стр. 205. Ист. Росс. Церкви Филарета, ч. 4, стр. 152.

бука белый, а при богослужении вместо митры без креста наверху митру со крестом и вместо многокрестной фелони саккос со звонцами*; облачался на шестиступенном и при шести огненниках амвоне; в путешествии был предносим ему крест.

Но вот еще какую новость с возвышением Сибирской епархии на степень митрополии увидели жители Тобольска: с 1669 года, по указу царя Алексея Михайловича и по грамоте патриарха Иоасафа II, митрополит Корнилий в неделю ваий[116], т.е. в Вербное воскресенье, в память торжественного входа Господа Иисуса Христа на осляти в Иерусалим стал каждогодно отправлять *крестный ход на осляти*. Это делалось обыкновенно так: утром в Вербное воскресенье после благовеста по сборе народа и прибытии в церковь главного сибирского воеводы и других чинов, и по облачении митрополита, сей последний со всем духовенством, певчими, иконами и крестами выходил из собора, а может быть, и из церкви Входа Господня в Иерусалим**, и там на нарочно устроенном амвоне освящал по церковному чиноположению вербу, раздавал ее духовенству и почетнейшим из мирян при громогласном чтении протодиаконом Евангелия (о торжественном входе Господа Иисуса Христа в Иерусалим) и садился боком на сторону на осля, т.е. на богато и особенным образом убранного коня, и затем отправлялся в ход по улицам города***. Во все время хода коня под митрополитом водил во всем парадном своем платье первый тобольский воевода****, а

* Российские архиепископы и епископы стали служить в саккосах только со времени уничтожения патриаршества в России и учреждения Св. Синода. На первого из епископов при посвящении саккос был возложен Феофана Прокоповича. Словарь писателей духовного чина, ч. 2, стр. 298.

* Церковь Входа Господня в Иерусалим была на горе и, кажется, невдалеке от архиерейского дома и Никольской церкви. Она сгорела в 1701 году. См. мое Описание Тобольского Софийского собора, стр. 12.

** В Тобольских летописях не упоминается, на которой части города совершался ход на осляти. Впрочем, вероятно, что только по одной нагорной. Старцу митрополиту, вовсе не привыкшему к верховой езде или уже давно отвыкшему от нее, спускаться и опять подниматься по таким крутым и малоудобных взвозам, каковы особенно в прежнее время были в Тобольске, притом весной, во время таяньи, было не только неблагоглепно и неудобно, но и опасно, несмотря на все поддержки со стороны и предосторожности окружавших его. Да и сколько бы для хода по подгорной части города потребовалось времени? Когда бы стали служить литургию?

*** В 1669 г. под митрополитом Корнилием водил коня стольник государев Петр Иванович Голунов, в 1670 году водил коня воевода Андрей Павлович Акинфов, в 1671 и 1672 годах водил боярин князь Иван Борисович Репнин, в 1673, 1674 и 1675 годах боярин Петр Михайлович Салтыков, в 1676 году стольник Иван Федорович Пушкин, а в 1677 году боярин Петр Васильевич Шереметев (Из рукоп. Записной книги о Сибири и событиях ее, хранившейся при Тобольском соборе).

сам он осенял народ крестом, держимым в правой руке, а левою поддерживал Евангелие, лежавшее у него на коленах; певчие, диаконы и поддиаконы и причетники при этом пели евангельские стихи, при пении которых встречали иудеи Господа Иисуса, т.е. «Осанна! Благословен грядый во имя Господне» и пр. Объехавши город, митрополит со всем ходом и народом возвращался в собор или в ту церковь, в которой было предположено служить там во время часов[117], где он переоблачался и, наконец, совершал литургию. Чтобы сколько можно лучше уяснить для читателей сказанное доселе о совершении в Тобольске крестного хода в Вербное воскресенье и чтобы представить его для них, так сказать, наглядным образом, сообщаю здесь описание того же крестного хода, как он совершен был патриархом Иоакимом в Москве в 1675 году*. Существенной разницы между отправлением его (хода на осляти) в Тобольске и отправлением в Москве не могло быть, кроме той, что в Тобольске, подобно как и во всяком другом епархиальном городе, лицо Иисуса Христа, или что то же, *благодатное Царство Христово*, представлял вместо патриарха митрополит, ездивший на коне, иудейскую превратность**[118] вместо царя изображал воевода, водивший под ним коня. Ведь все церковные обряды и все священные церемонии обыкновенно отправлялись и отправляются во всей России по одним и тем же книгам.

«В 1675 году в неделю ваий к литургии патриарх Иоаким и царь Алексей Михайлович первоначально прибыли в собор; патриарх облачался в соборе в малое облачение, т.е. только в мантию, епитрахиль, поручи, омофор и митру. Из собора с иконами и с пением патриарх и государь пошли к празднику, т.е. в церковь Входа Господня в Иерусалим. Оттуда, по облачении царя в полный царский сан, а патриарха в полное святительское (жемчужное) облачение и большую митру, оба они вышли на Лобное место, где патриарх подал государю, архиереям, боярам, окольничим, думным людям, черным властям (архимандритам, игуменам и вообще монашествующим) и протопопам ваия и вербы, а затем по благословению патриарха митрополиты, сошедши с Лобного места, раздавали вербу стольникам, стряпчим, дьякам, гос-

* Это описание хода на осляти заимствуется из Москвитянина на 1853 год, № 8, но в Истории Российского государства Карамзина есть другое, древнейшее того описание и несколько от него отличное.

** Такое объяснение хода на осляти можно видеть в Церковной Истории Иннокентия, т. 2, век XVII, отд. IV, стр. 511, изд. 6.

тям (купцам) и народу. По раздаче вербы протодьякон начал читать Евангелие от Марка, зач. 49 (гл. XI, ст. 1): «Во время оно: приближися Иисус во Иерусалим, и прииде во Вифсагию[119] и Вифанию, к горе Елеонстей[120], посла два от ученик своих..» и проч. Речь эту протодьякон прочел трижды, во время чего протопоп и ключарь пришли к патриарху; и лишь протодьякон прочел: «*И глагола им*», как патриарх послал протопопа и ключаря по осля, сказавши им наизусть (а если не знал, то говорил по столбцу): «Идита в весь, яже есть прямо вама; и абие входяща в ню, обрящета жребя привязано, на неже никтоже от человек вседе: отрешша е, приведита. И аще кто вама речет: «Что творита сие; рцыта, яко Господь требует е» (Марка XI, 2 и 3). Те, приняв благословение, пошли, а протодьякон читал: «И абие послет е семо. Идоста же, и обретоста жребя привязано при дверех вне на распутии и отрешиста е. И нецыи от стоящих ту глаголаху има: «Что деета, отрешающа жребя? Она же реста им, яко же заповеда има Иисус: и оставиша я. И приведоста жребя ко Иисусови» (Марка XI, 3–7). Эту речь читал, т.е. повторял он, доколе не привели осля; когда же привели, то он продолжал: «*Возложиша на не ризы своя...*» (читал это, доколе не убрали осля), причем патриашие приказные покрывали осля сукнами и коврами по чину (по положению). По упряжи осляти протодьякон сказал: «И вседе на не» (ст. 7), а патриарх, приняв крест и благословив государя (на ведение осляти) сел на осля (доколе садился, протодьякон читал: «Мнози же ризы своя постилаша по пути, друзии же ваиа резаху от древия и постилаху (бросали) по пути. И предходящии и в след грядущии вопияху, глаголюще» (ст. 8 и 9), и лишь выговорил: «Вопияху глаголюще», — иподьяконы, шедшие впереди патриарха, запели: «Осанна, благословен грядый во имя Господне» и пр. (ст. 9), и, пропев, оборотились и поклонились патриарху в пояс, а он их осенил крестом. Затем певчие, шедшие позади патриарха, пели на две половины попеременно евангельские стихи и, пропев, также поклонились. За певчими шли архиереи и прочее духовенство, всяк на своем месте. Во все время шествия патриарх осенял крестом, держимым в правой руке, а левою на коленях держал Св. Евангелие. На Спасском мосту стояло шесть верб, при каждой было по два патриарших причетника, которые пели евангельские стихи, доколе не проехал

патриарх. Подъехав к дверям церковным, патриарх слез с осля, благословил царя и осенил тем же крестом и руками царицу и весь дом царский, бывший тогда в Грановитой палате, и весь народ. По входе в церковь протодьякон уже на амвоне дочитывал Евангелие: «И вшедшу ему во Иерусалим, потрясеся весь град, глаголя: «Кто есть сей?» и пр. (Матф. Зач. 83, гл. XXI, ст. 10–17), конец: «И водворися ту». Затем начались часы, и патриарх, переменив облачение, служил литургию». Так ход на осляти в неделю ваий, или Цветоносную, совершался в Москве патриархом и царем; так, повторю, без сомнения, он совершаем был и в Тобольске митрополитом с воеводами.

Впрочем, эта духовная церемония совершалась в Тобольске недолго — всего только девять лет: в первый раз она совершена была в 1669 году, а в последний — в 1677 году*. Почесть, какая оказываема была в неделю ваий царем и воеводами иерархам российским, собственно относилась к божественному лицу Христа Спасителя, как справедливо говорит в своей «Краткой церковной российской истории» (ч. 2, стр. 222) митрополит Платон, так на нее смотрели по благочестию тех времен сам царь и лучшие воеводы, но некоторые, как замечает тот же писатель, соблазнялись тою почестью, смотрели на нее, с одной стороны, как на унижение царя и вельмож и вообще светской власти пред духовною, а с другой, как на несправедливое возвышение во мнении народа архиереев и вообще власти духовной. Поэтому для отвращения соблазна собор, бывший в марте 1678 года под председательством патриарха Иоакима, постановил ход на осляти в неделю ваий оставить без изменения только в Москве**, как издревле там отправлявшийся, а во всех прочих (епархиальных) городах воспретить; если же где народ привык к нему и будет требовать отправления его, то дозволялось епархиальным преосвященным в Вербное воскресенье пред литургиею выходить с духовенством на устроенный на площади амвон и там пред иконою Входа Господня в Иерусалим освящать по церковному чиноположению вербу и раздавать ее духовенству и народу, ходить с тою ико-

* Выше названная Записная книга о Сибири. Геогр. словарь Шекатова, ч. 6, стр. 261.

** Впрочем, и в Москве он оставлен по смерти последнего патриарха (Адриана).

ною, при пении праздничных стихир, по городу, а по обходе возвращаться во храм и там совершать литургию*. Совершалась ли в Тобольске церковная процессия недели ваий в этом последнем виде — это неизвестно. Впрочем, весьма вероятно, что не совершалась: жителям Тобольска, по недолгому отправлению на глазах их хода на осляти, пристраститься к нему некогда было, да и митрополит Корнилий, который один только отправлял в Тобольске эту церемонию, в конце декабря 1677 года скончался, а преемник его, митрополит Павел I, более года не приезжал — до 25 марта 1679 года. К тому же этот последний архипастырь сам лично в сане Чудовского[12] архимандрита заседал на соборе, воспретившем ход на осляти по епархиальным городам; потому невероятно, чтобы он захотел совершать если не вовсе воспрещенную, то только полудозволенную, притом в ослабленном, измененном виде, церемонию.

27 ноября 1869 года.
Омск.

* Древн. Вивл., ч. 6, стр. 357. Акт. Арх. Эксп., т. 4, стр. 309. Церк. Российск. Ист. Платона, ч. 2, стр. 222. Церк. Ист. Иннокентия, ч. 2, стр. 511.

Встреча в Тобольске в старину вновь прибывших преосвященных

В Тобольске, как и во всех епархиальных городах, прибытие вновь назначенных преосвященных составляет весьма немаловажное событие. Лишь только кафедра архиерейская за кончиною ли преосвященного, за перемещением ли его на другую епархию или за отбытием на покой сделается праздною, как начинаются в городе, да и по всей епархии, думы, толки и мечты, кто-то будет новый владыка. Вскоре затем распространяются, неизвестно откуда и с чего, слухи о назначении в Тобольск того или другого владыки. Когда же слухи эти подтвердятся или, что чаще всего случается, опровернутся указом Св Синода о действительном назначении нового преосвященного, то сейчас начинаются расспросы (от лиц, где-нибудь встречавшихся с ним или хотя какое-нибудь понятие о нем имеющих) и толки в народе о прежней его службе, об его летах, качествах и пр. и пр. Но вот, наконец, получается в Тобольске известие о скором прибытии или уже о приближении к пределам паствы нового архипастыря; внимание Тобольска к его приезду и его встрече усиливается, более вывает в народе говора, а в церквах у духовенства идут приготовления, чистка и поверка утвари, упорядочение и очистка книг и дел по церкви, и когда раздается благовест в большой соборный колокол и в необычное время, когда зазвонят на многочисленных колокольнях церквей тобольских, одни из граждан спешат на перевоз в Подчуваши, если только случится то летом и в благоприятную погоду, другие идут, или лучше бегут и едут, на Никольский взвоз, на гору, в собор, к архиерейскому дому. В том случае, если преосвященный всходит в собор, последний мгновенно наполняется народом, и с каким усердием за начинающимся благодарственным молебствием о благо-

получном прибытии архипастыря или за каким-либо другим священнослужением все молятся о новом своем архипастыре и вместе с ним, с какою стремительностью и при входе его в собор, и при выходе оттуда спешат принять от него в первый раз благословение, облобызать его благословляющую десницу, и как тщательно стараются рассмотреть, заметить черты его лица, его наружный вид! Но едва ли не более еще стекается народа к первой литургии вновь прибывшего владыки, особенно если приезд его последовал в ночное время или и днем, но прямо в архиерейский дом; тут уже не только стараются видеть владыку, принять от него благословение, не только молятся вместе с ним и за него, но в особенности стараются слышать его голос, например, при сказывании первых возгласов, при чтении Евангелия на молебне и пр., и получить первое от него наставление во вступительном на новую паству слове. Живо помню, какая мертвая тишина водворилась в теплом соборе 25 сентября 1845 года, часу в третьем пополудни, когда лишь прибывший в тот час преосвященный Георгий на благодарственном молебне начал читать по-киевски Евангелие! Нельзя забыть и того, с каким вниманием жители Тобольска 18 января 1843 года в теплом же соборе слушали за литургией первые возгласы и первое вступительное слово громогласнейшего преосвященного Владимира! Почти всегда бывает так, что по окончании первой литургии, совершаемой вновь прибывшим преосвященным, к нему являются значительнейшие гражданские и военные чины, а представители тобольского купечества, сверх того, подносят ему и хлеб-соль. Духовенство гражданское, а также начальники и учащиеся семинарии и духовного училища, как непосредственные подчиненные и ближайшие помощники — одни в управлении паствою, а другие в деле духовного образования — новому владыке обыкновенно представляются прежде всех других, тотчас по его приезде, иногда в соборе, а иногда в архиерейском доме, причем кем-либо из значительнейших и вместе способнейших соборян или из служащих при семинарии, сказываются (ныне только иногда, а прежде завсегда сказывались) речи.

Впрочем, это все почти общие черты встречи всем тобольским преосвященным, начиная с Киприана и до благополучно ныне правящего тобольскою паствою преосвящен-

нейшего Варлаама, черты, разве малым чем изменившиеся в течение 243 лет существования в Тобольске архиерейской кафедры и, быть может, только весьма не во многом по временам разнообразящиеся. Но в старину при встрече вновь приезжавших преосвященных в Тобольске еще соблюдалась особенная церемония, такая, которой в настоящее время уже не бывает, а именно: вновь приезжавший в Тобольск владыка наперед останавливается под горой в Знаменском монастыре; к нему тотчас являлись должностные лица из градского духовенства (например, настоятель Знаменского монастыря, кафедральный протоиерей, ключарь, эконом архиерейского дома, поповский староста или благочинный градских церквей, дьяк архиерейского приказа, впоследствии секретарь консистории), а также полицмейстер города или другой какой-нибудь чиновник от воевод тобольских, а впоследствии от сибирского губернатора: кто с рапортами о состоянии управляемых ими частей, кто за приказаниями о предстоявших распоряжениях. Тут вновь прибывший владыка после кратких расспросов и осведомлений и по соображении обстоятельств времени, погоды и собственного здоровья назначал день для своего торжественного входа на гору*, в кафедральный собор и свой архиерейский дом — тот же ли самый, в который прибыл, или следующий, или другой какой-нибудь, только всего чаще ближайший праздничный. В назначенный день и час начинается в соборе благовест в большой колокол, туда собиралось все градское духовенство и по облачении, со крестами и хоругвями, шло в Знаменский монастырь. По приходе его владыка входил в монастырскую церковь, облачался иногда в полное, а чаще в малое облачение (т.е. в мантию, епитрахиль, поручи, митру и омофор), принимал пастырский жезл, выходил из церкви и, осенив собравшийся на монастырской ограде народ, начинал шествие на гору, совершенно походившее на самый торжественный крестный ход: на колокольнях соборной, монастырской и всех градских церквей звонили во все колокола, певчие пели приличные случаю священные песни. Священники шли попарно, младшие вперед, диаконы с кадилами впереди их несли кресты и хоругви; пред процессией и позади процессии шел и по сто-

* Тобольск расположен на двух местностях: под горой, почти на болоте, и на горе, сажен на 25 выше подгорной местности. Архиерейский дом — в нагорной части, а Знаменский монастырь — в подгорной.

ронам толпился, смотрел из окон домов народ всех званий и возрастов и обоих полов, многие из народа старались принять от архипастыря благословение и облобызать его десницу. Доколе не был устроен в Тобольске более удобный Никольский взвоз, владыки поднимались на гору по Казачьему, а случалось, и по Прямскому взвозу, где иногда по обеим сторонам ради почета стояли фронтом воинские чины. Поднявшись на гору, некоторые из преосвященных на площади пред собором служили благодарственный Господу Богу молебен и затем уже вступали в собор, и там служили литургию, но большая часть преосвященных по входе на гору прямо вступали в собор, там служили благодарственный молебен и литургию*, если то было утро, говорили вступительное в управление епархиею слово, а по окончании служения со славою провожаемы были в архиерейский дом. Здесь нового хозяина встречали эконом и казначей архиерейского дома, архиерейские боярские дети, доколе они были, и другие домовые слуги; первые двое встречали владыку непременно с иконою и хлебом-солью. Так вступали в новую свою паству и так были встречаемы тобольские архипастыри близ 200 лет: первый взошел на нагорную часть Тобольска в процессии, подобной крестному ходу, если не Киприан, первый Тобольский архиепископ в 1621 году (об его встрече в летописях ничего не сказано), то несомненно Макарий**, второй Тобольский архиепископ, а последний архиепископ Антоний III Знаменский 25 марта 1803 года.

Процессия входа тобольских преосвященных из подгорной части города на нагорную и встреча иногда разнообразилась в мелких подробностях и по обстоятельствам времени

* Иногда делалось и наоборот: наперед служили литургию, а благодарственный молебен после.

** В Записной книге о Сибири, хранящейся при Тобольском соборе, об архиепископе Макарии сказано: «Арх. Макарий прибыл в Тобольск 1 апреля 7133 (1655) г. и на гору, и в город (т.е. в крепость), и в соборную церковь, и в свой святительский дом пришел апреля в 5 день, в субботу 3-ю поста, на празданик Похвалы Богородицы». Архиепископ Нектарий, там же сказано, «прибыл 1 же апреля 1636 года, а на гору (далее то же, что и о Макарии) пришел апреля в 5 день». Герасим прибыл 31 декабря... (то же, что и о Макарии)... пришел января в 1 день. О Симеоне и Корнилии также... в Сибирской летописи, принадлежащей Тобольской семинарии, о митрополите Сильвестре замечено: «Митрополит Сильвестр прибыл в Тобольск на 12 декабря 1749 г., ночью, пристал в Знаменском монастыре, поутру показанного числа сел в берлин, запряженный в 6 лошадей и ехал до Богоявленской церкви» (которая также под горой) и пр.

гола и вследствие или личных приказаний самих их, преосвященных, или по распоряжению светских властей (воевод, а после губернаторов), принимавших в их встрече деятельное участие. Например, митрополит Сильвестр, прибывши в Тобольск в жестокую стужу в ночь на 12 декабря и желая избавить от мороза и себя, и духовенство, и народ, шел в процессии только от Богородской (иначе Богоявленской) церкви, а до нее от Знаменского монастыря ехал в берлине*, запряженном шестью лошадями; архиепископ Антоний III (Знаменский), прибывши в Тобольск в начале весны, во время самого таянья снега (23 или 24 марта 1803 г.), чтобы миновать грязь и воду, в которых каждогодно веснами бывает великое изобилие на северной стороне Знаменского монастыря, так же, как и митрополит Сильвестр, от Знаменского монастыря ехал (25 марта) в карете и в процессии шел на гору только от Захарьевской церкви по Казачьему взвозу**. Но едва ли не всех разнообразнее по подробностям, не оригинальнее, не замечательнее для нас, живущих в иные времена и при иных нравах, были встречи двух архипастырей, приснопамятных для Сибири и в особенности для Тобольска, — митрополита Иоанна Максимовича и епископа (впоследствии архиепископа) Варлаама. Потому я и опишу их со всеми подробностями.

Митрополит Иоанн Максимович приплыл*** в Тобольск 11 августа 1712 (а не 1711, как инде говорится) года на двух дощаниках**** и пристал к берегу Иртыша против Знамен-

* Берлины и другие стародавние митрополичьих времен кареты, отличавшиеся между прочими своею громадностью, развалившиеся и изоржавевшие, из архиер. каретника распроданы кузнецам и мелочникам-торговцам руб. по 5, по 6 сер. и менее только в недавнее время, при Преосвященном Афанасии (1832–1842 гг.).

** Это взято из домашних записок Полутова, хранящихся у Омского протоиерея Ст. Знаменского.

*** В старину главный тракт из России в Сибирь шел чрез Верхотурье. Преосвященные тобольские, приезжавшие в Сибирь в летнюю пору, от Верхотурья до Тобольска обыкновенно плыли водой по Туре, Тоболу и, наконец, входили в Иртыш. Первоначально плавали они на казенных судах, а потом, когда при архиерейском доме образовались две значительные вотчины, на своих собственных; когда нужно было, архиерейский дом высылал дощаники в Верхотурье заблаговременно.

**** Первый Тобольский архиерей архиепископ Киприан плыл от Верхотурья до Тобольска на нескольких судах (Ист. Акт т. 1. стр. 118 и сл.); Иоанн Максимович приплыл в Тобольск на двух дощаниках; Митрополит Антоний в декабре 1721 года от Петербурга до Москвы ехал на 25 лошадях, а от Москвы до Тобольска — на 35 (из дела Конс. арх. по старинной описи под № 34). Для чего это тобольским преосвященным старых времен для проезда из России требовалось так много

ского монастыря. По предварительному приказанию тобольского воеводы Бибикова полковник конного казачьего полка Нефедьев и головы двух пеших казачьих полков Аршинский и Марушенский стояли с своими командами в строю от монастырских ворот до самого митрополичьего дощаника. Сам воевода с своими товарищами и при них сибирские дворяне, дети боярские и старшины от граждан вошли к Его Преосвященству на дощаник. Преосвященный, преподав благословение, в сопровождении посетителей сошел на берег, вошел в монастырь, выслушал там краткое молебствие и, благословив народ, возвратился на судно, где и ночевал. Утром следующего дня (15 августа) преосвященный Иоанн, снова прибыв в Знаменский монастырь, облачился (в церкви) в полное архиерейское облачение. Тут к нему пришли кафедральный протоиерей и все градское духовенство в полных облачениях, с иконами и с молебным пением. Благословив новых своих сотрудников в деле пастырского служения, архипастырь пешком отправился в собор, находящийся слишком в версте от Знаменского монастыря, притом в нагорной части города и в сопровождении воеводы и его товарищей, дворян, детей боярских, городских старшин и множества народа и при звоне на колокольнях всех градских церквей. На взвозе* по обе стороны и на горе, по площади до самого собора, стояли в строю три помянутых пол-

лошадей и судов? Ответ простой: 1) преосвященные, слыша о крайней неразвитости торговли в Тобольске и вообще в Сибири, при отправлении из России накупали и брали с собой много всякого рода припасов и вещей, нужных как для них самих и их архиерейского дома, так и монастырей и церквей Сибирской епархии (например, архиепископ Киприан от Верхотурья вез с собой на судах 1236$^1/_2$ четвертей разного рода хлеба, собранного правительством с крестьян северной полосы России и купленного на счет казны, и до 80 пудов разных припасов (масла, меду и проч.) для стола (Ист. Акт. т. 5, стр. 118 и сл.). 2) Преосвященные, слыша о безлюдстве в Сибири и вообще, и между прочим в монастырях и при церквах, привозили с собой из малороссийских и великороссийских епархий значительное количество духовенства, как черного, так и белого. 3) Преосвященные тобольские на пути в Сибирь везли с собой архиерейскую ризницу и певчих тобольских: ту и этих Тобольский архиерейский приказ (ныне консистория), каждый раз высылал в Москву ко времени хиротонии нового для Сибири архипастыря (из отрывка дела за 1729 год, виденного мною при пересмотре старого консисторского архива). Вообще, о прежних временах нельзя судить по времени настоящему.

* Так называется в Тобольске путь, проложенный на гору, на которой находится архиерейский дом. Этот взвоз называется Прямским. По причине его крутизны позднее проложен новый взвоз мимо Николаевской церкви, называемый Никольским.

(как бы миртовые) ветви. По встрече от Чичерина преосвященный Варлаам I вошел в холодный Софийской собор, там вначале отправлял церемонию Православия, потом служил литургию, пред окончанием ее говорил проповедь, а по окончании служил молебен Божией Матери с пением тропаря и чтением канона на день Ее Успения. При возглашении многолетия и во время шествия преосвященного в архиерейский дом производились звон на соборной колокольне и пальба* из пушек**. Так-то великолепно встретил преосвященного Варлаама сибирский губернатор Денис Иванович Чичерин — то ли из уважения к личным качествам и добродетелям нового тобольского архипастыря, то ли для того, чтобы оправдать себя и в понятии публики, и в глазах нового архипастыря в своих неприязненных отношениях к его предместнику, последнему Тобольскому митрополиту Павлу II (Конюшкевичу). Впрочем, искренняя приязнь и отменное уважение Чичерина к преосвященному Варлааму оставались неизменны в продолжение 12 лет, до самого его отъезда из Тобольска (в 1780 году)***.

Выше было замечено, что последний из архипастырей тобольских по приезде шел на гору в процессии, подобной крестному ходу; это был архиепископ Антоний III в праздник Благовещения 1803 года. Теперь скажем, что обычай этот первый оставил преемник преосвященного Антония Амвросий I (Келембет). Он 1806 года 28 июня, следовательно, накануне праздника верховных апостолов Петра и Павла, подъезжая к Тобольску, остановился за Иртышом против Подчуваш в раскинутой палатке и немедленно вытребовал к себе ректора семинарии архимандрита Михаила Бурдукова, эконома архиерейского дома кафедрального протоиерея Льва Земляницына, ключаря и бывшего питомца преосвященного Антония, тогда молодого соборного священника, а ныне кафедрального протоиерея П.А. Фелицына****.

---

* С пальбою из пушек встречен и преосвященный Михаил Миткевич в Иркутске 17 марта 1773 г. губернатором Брилем. Облачился он во Владимирской церкви и шел в собор в процессии, подобной крестному ходу. См. Ирк. Губ. Вед. 1852 г., № 40, стр. 7.

** Описание это заимствовано из краткого летописца, писанного (надобно признать, довольно безграмотно) современником преосвященного Варлаама, помнится, тобольским дьяконом Щетининым, и ныне принадлежащего тарскому стряпчему Ал. Дм. Иноземцеву, его по женской линии потомку.

*** Тоб. Губ. Вед. 1857 г., стр. 122.

**** От него-то мне и сообщен этот рассказ.

Расспросив каждого из явившихся, о чем ему было нужно, преосвященный приказал вечером того дня отслужить в палатке всенощную[122], а на другой день, 29 июня, в благовест к литургии переправился через Иртыш и приехал прямо, никуда не заезжая, в кафедральный собор, здесь служил литургию, а по окончании ее сопровожден был со славою в архиерейский дом.

Так точно, т.е. без особенной славы, без крестообразной церемонии, а прямо или в собор, или в архиерейский дом приезжали и приезжают и все преемники преосвященного Амвросия Келембета. За исключение или за возвращение к прежнему нельзя принять того, что преосвященный Евгений (Казанцев) 30 декабря 1825 года, прибывши в Тобольск в 3 часу пополудни, наперед заехал в Архангельскую церковь, потому что он, по встрече там соборным ключарем (П.М. Карпинским) и двумя местными священниками, после ектении и многолетия снова сел в экипаж и поехал прямо на гору, в собор*.

5 марта 1864 г.
Омск.

* Из домашних записок Полутова, ныне принадлежащих о. прот. Ст. Знаменскому.

Семинарский театр в старину в Тобольске

Один любитель сибирской старины, но не совсем знакомый с нею, сказал: «Нужно думать, что театр в Сибири существует с давних пор, но известий об нем за старые годы не сохранилось».

Вместо этих неопределенных слов сообщаю самые точные известия о театре в Сибири в старые годы. Может быть, они для кого-нибудь со временем пригодятся.

Театр в Сибири существует со времен Петра Великого, с самых первых годов XVIII столетия. Начало ему здесь, по крайней мерс в главном сибирском городе Тобольске, как в Малороссии, в Белоруссии и в Москве, да и во всей России, положено духовенством, и именно митрополитом Тобольским Филофеем Лещинским с учениками его архиерейской школы.

Преосвященный Филофей был родом из Малороссии, воспитание получил в Киевской академии; был современником Симеона Полоцкого, св. Дмитрия Ростовского, Феофана Прокоповича и других духовных драматургов семисотых годов и потому, между прочим, был страстным любителем театральных представлений. Сам ли сочинял* комедии, трагедии и драмы или запасся подобными произведениями в Киеве, учась там и после служа экономом Киево-Печерской лавры, только он вскоре по приезде (4 апреля 1702 года) в Тобольск начал заставлять учеников учрежденной им Славяно-русской школы разучивать и представлять оные при

* Это очень вероятно: 1) по замечанию Сибирского летописца, Митрополит Филофей «*славныя и богатыя комедии делал*»; при том 2) Митрополит Филофей, как мне весьма хорошо известно, такой был охотник писать стихи, что писал их (вероятно, в часы раздумья и вследствие мгновенно возникавшей какой-нибудь особенной мысли) на пробелах деловых бумаг и на поступивших на его имя конвертах.

помощи приехавших с ним из Малороссии духовных лиц и ссыльных малороссиян, которых тогда в Сибири обыкновенно называли черкасами. Сцена устроялась почти подле самого архиерейского дома, между настоящим холодным Софийским собором и Сергиевскою, ныне уже не существующей, церковью* к Прямскому взвозу. Пред началом представлений обыкновенно ударяли несколько раз в соборный колокол, и народу собиралось множество. Все, доселе сказанное, основано, между прочим, на словах краткого жизнеописания Филофеева, помещенного под 1727 годом в рукописной Сибирской летописи, которая находится в библиотеке Тобольской семинарии. Там сказано: «(Филофей) был охотник до театральных представлений, славные и богатые комедии делал, и когда должно на комедию зрителям собиратца, тогда он, владыка, в соборные колокола на сбор (т.е. так, как обыкновенно благовестят к литургиям в храмовые, престольные известной церкви праздники) благовест производил; а театры были между Соборною и Сергиевскою церквами к взвозу, куда народ собирался».

Раз, и именно 8 мая 1705 г., в праздник апостола и евангелиста Иоанна Богослова, во время представления какой-то пьесы поднялась сильная буря, и силою ветра сорвала с главы соборного алтаря крест, а с Сергиевской церкви снесло и весь верх с маковицей и крестом. Летописец приписывает это бедственное для собора, а особенно для Сергиевской церкви, событие гневу Божию за представление комедии: «Прознаменовал Господь Бог, — замечает он при рассказе об этом событии**, — гнев свой на творящих игрища комедианская», но едва ли не напрасно. О пьесах, представлявшихся в Тобольске по приказанию митрополита Филофея, по всей вероятности, летописец судил по глупым и плоским выходкам балаганных паяцов, потешающих простой народ на площадях, или, по крайней мере, по некоторым пьесам своего времени***. Но пьесы те от всего этого, равно как от комедий и водевилей настоящего времени, далеки, как небо от земли. Они, без сомнения, были вроде:

* Сергиевская церковь была близ Сергиевского собора, на север от него, над Св. воротами.

** Рук. Сиб. летопись под 1705 г. Также мое описание Тобольск. Соф. собора, стр. 34.

*** Помянутая Сибирская летопись оканчивается 1760 годом; значит она составлена во время Екатерины II.

Блудный сын и Новуходоносор, Тело златое и Три отрока в пещи Симеона Полоцкого[123], *Грешник кающийся, Драма Успенская и Драма Дмитриевская, Есфирь и Агасфер, Рождество Христово, Воскресение Христово* и другие св. Дмитрия Ростовского, *Владимир, всех славянороссийских стран князь и повелитель* Феофана Прокоповича*[124]. Содержание для них почти обыкновенно заимствовалось из библейских книг, их и писали, как видно из сейчас указанных пьес, преимущественно лица духовные и монашествующие, писали не только Симеоны Полоцкие и Феофаны Прокоповичи, но и такие люди, каков был святитель Дмитрий Ростовский; их и разыгрывали не только в Малороссии, где давно уже к ним привыкли, но и в строгой Москве еще до Петра, и не только у лиц светских, например, у старинных набожных помещиков и при царском дворе (со времени царя Алексея Михайловича и до императрицы Елисаветы Петровны включительно), но и у лиц духовных, в монастырях и архиерейских домах, например, в Ростове у св. Димитрия митрополита. Ежели в пьесах тех (например, в драмах: Рождество Христово и Успенской) были введены в разговоры и действие Господь Иисус Христос и Божия Матерь, то вместо действующих лиц всегда выставлялись только иконы**. Наконец драмы, трагедии и комедии, о которых идет слово, были представляемы наиболее с целью назидания зрителей, чтобы сценическими представлениями библейских событий сильнее подействовать на сердца, на чувства современников. Нет сомнения, что и митрополит Филофей приказывал представлять в Тобольске комедии или *игрища комедианские*, по выражению летописца, не по одной только привычке к ним в Киеве и не для увеселения только себя и жителей Тобольска, но и для назидания сих последних, а также для приучения учеников своей школы к свободнейшему произношению проповедей и речей***. О последней цели сценических представлений в старые годы при архиерейских домах мне случилось слышать 23 года тому назад от осьмидесятилетнего почтенного по духовной опытности и сану старца (тобольского архиепископа Георгия Ящуржинского)[125], который сам происходил из Малороссии, который сам учился

* Словарь писателей духовного чина, ч. 1, стр. 133; ч. 2, стр. 316 и 317.
** Слов. пис. дух. чина, ч. 1, стр. 134.
*** Моя биография Митрополита Филофея, стр. 14 и 15.

в конце прошедшего столетия в Киевской академии и который, следовательно, лучше других мог знать дух и правила людей старого времени, лучше понимал иное, перешедшее некогда из Малороссии в Великороссию и Сибирь. Да и что много говорить о достоинстве свидетельства в этом деле покойного преосвященного Георгия: разыгрывать драмы, комедии и трагедии духовного содержания ученикам духовных учебных заведений даже в обязанность поставлялось самим Духовным Регламентом (см. 18 параграф сего Регламента в отделе о семинарии).

Посеянное митрополитом Филофеем не заглохло, не пропало в Тобольске и после него. При преемнике его, воспитаннике, как и он, Киевской академии митрополите Антонии Стаховском с его дозволения ученики и учителя Тобольской архиерейской (тогда уже Славяно-латинской) школы в святки представляли пьесы духовного содержания по домам, получали за то вознаграждение, и собранные деньги шли частью на содержание учившихся, частью на жалованье учивших. Последнее видно из того, что учитель пения и чтения в архиерейской школе, сын тобольского священника Петр Кирьяков, за свои труды пользовавшийся в архиерейском доме квартирою и пищею, «при трапезе с братиею (при столе монашествующих), овогда же и с верховными Его Преосвященства служители» (с келейниками митрополита, жившими при нем в верхнем этаже)*, сверх того, по благословению митрополита Антония в 1737 году перед *Крещеньем* вроде жалованья получил *4 руб. из комедии***.

С учреждением в 1743 году митрополитом Антонием Нарожницким вместо Славяно-латинской школы семинарии в Тобольске то же продолжалось, и продолжалось почти до настоящего времени***. Различие против старых времен было разве то только, что с получением семинарией штатного жалованья (в 1764 году не с большим 400 р., в 1780 г. — 2000 р., а с 1798 г. — по 4000 р.) гг. актеры-самоучки перестали делиться вырученными деньгами с начальством

* Боже мой! Какой высокой чести удостоивался учитель Тобольской Славяно-Латинской школы!

** Из дел старого Консисторского архива.

*** Семинаристам старых времен интересно и удобно было давать театральные представления, между прочим, потому, что между ними завсегда бывали музыканты, игроки на скрипке, гитаре, гуслях, кларнете и пр.

семинарии на содержание бурсаков и жалованье учащим; что иногда разыгрывались ими пьесы и нерелигиозного содержания, вроде *Максимилиана* и *Царя Ирода, Фомки* и *Калифа на час*, что иногда, и это, особенно по преобразовании семинарии в 1818 году, сценические представления по домам, для отвращения случавшихся при них и вследствие их нравственных беспорядков, начальством семинарии уже воспрещались, и ежели были по-прежнему даваемы семинаристами, то только тайно.

Любовь к театральным представлениям от семинаристов перешла впоследствии и в другие слои тобольского общества. Люди пожилых лет очень хорошо помнят, как, бывало, в Тобольске (лет 50 или 45 тому назад) дети мещан, отставных солдат и бедных разночинцев бегали в святки по подоконью людей зажиточных с вертепом, с райком и за свои напеванья и ломанья получали пятаки и гривны, а инде и полтины.

20 декабря 1869 г.
Омск.

Церковные библиотеки Тобольской епархии; библиотека Омского Воскресенского собора

В настоящее время в разных епархиях, как известно из газет и духовных журналов, по городам, селам и благочиниям заводятся библиотеки и частные церковные, и общие градские, и окружные, или благочиннические. Благодарение Богу: с умножением библиотек умножаются средства к образованию духовенства, а чрез то к более достойному прохождению им священных его обязанностей.

Мы, духовенство гор. Омска, а отчасти и целого Омского округа, с удовольствием можем сказать, что у нас давно уже и при каждой почти церкви существуют свои собственные, частные церковные библиотеки, существует и библиотека общая, по крайней мере доступная для всех и каждого, не только духовных, но и для мирян.

Церквей в нашем городе, кроме соборной, шесть: две приходские (Ильинская и войсковая Николаевская), госпитальная, гимназическая, кладбищенская и острожная. При трех последних библиотек или совсем нет, или почти нет, частию по неимению средств, а частию по малой потребности в книгах, при кладбищенской, например, церкви, как приписной и бесприходной, и читать некому, а для служащих и воспитывающихся в Сибирской военной гимназии книг, между прочим и духовного содержания, довольно много в общей гимназической библиотеке. Напротив, при трех первых церквах библиотеки есть: при Богородской госпитальной 206, а с богослужебными 246 нумеров; при войсковой Николаевской до 100, а с богослужебными до 140 нумеров; при Пророко-Ильинской всех книг — богослужебных и небогослужебных — 309. Конечно, число это невелико, но две первые из названных церквей и

существуют весьма еще недавно, госпитальная только с 1854 года, а войсковая — с 1840 года. Ильинская с предшественницею своей, Сергиевскою церковью, может насчитывать своему существованию до полутораста лет, но у нее, особенно в настоящее время, слишком бедны к тому средства.

Но в нашем городе, как и во всяком почти другом, кроме приходских и бесприходных церквей, есть еще собор (Воскресенский). При соборе библиотека гораздо уже значительнее: в каталоге ее в настоящее время книг, кроме сотни богослужебных и относящихся до богослужения и кроме духовных журналов настоящего года, еще не внесенных в каталог, значится 1020 нумеров.

Начало омской соборной библиотеки едва ли не современно основанию собора (1766 г.) или даже самой Омской крепости (1716 г.)*. По крайней мере между книгами соборной библиотеки есть книги старые, например, времен не только императрицы Екатерины II, но и Петра I, и даже ранее. С течением времени книги соборной библиотеки приобретались постепенно: в большем же количестве они стали быть выписываемы уже в настоящем столетии бывшими подолгу настоятелями собора, дельными и любознательными протоиереями Ильей Владимировым и Димитрием Пономаревым, но и еще того в большем количестве они выписываются настоящим (с конца 1853 г.) протоиереем С.Я. Знаменским: им каждогодно выписываются все духовные журналы, им же пополнены все книги, разрозненные или затерянные в прежнее время, им же книги приведены в порядок и составлена опись библиотеки**.

Само собою разумеется, что соборная библиотека, как и другие церковные библиотеки, состоит почти исключительно из книг духовного содержания***. Есть между ними кни-

* Омская крепость построена была в 1716 г. на левом берегу р. Оми при впадении ее в Иртыш; причем или вскоре после того выстроена была и церковь во имя преп. Сергия Радонежского чудотворца. Но крепость в 1766 г. была перенесена на правый берег Оми; Сергиевская церковь осталась на прежнем месте (для жителей, оставшихся в старой крепости, и поселившимся около нее); но и в новой крепости устроена была церковь и притом в то же имя. Впрочем, обе эти Сергиевские церкви впоследствии, при постройке каменных, были переименованы — первая в 1789 г. в Пророко-Ильинскую, а вторая (крепостная) в 1777 г. в Воскресенскую с приделом во имя преп. Сергия.

** П.С. Знаменским весьма значительно умножена библиотека и при Ялуторовском соборе в 14 лет его там пребывания.

*** Из 1020 и более нумеров библиотеки книг в ней не духовного содержания (напр., вроде «Макровиофика Гуфланда», «Быт Р. народа Терещенки», журналы: «Чтения для солдат», «Чтение в Общ. Ист. и Древн.

ги замечательные или по величине (например, Евангелие в среброзолоченом окладе вклада государыни императрицы Екатерины II)*, или по их редкости, особенно у нас в Сибири (например, Требник Петра Могилы)**[126], или по местной важности их авторов (например, *Царский путь креста Господня и Феатрон*[127] *или позор нравоучительный, царем, князем, владыкам и всем спасительный*, митрополита Тобольского Иоанна Максимовича, многими почитаемого в Сибири за святого)***[128]; есть между ними толкования на Св. Писание, есть творения отцев церкви, есть — и их наиболее — слова и речи русских и других проповедников, есть сочинения богословские, церковно-исторические, а также объясняющие церковные древности и обряды и пр., есть, наконец, полные или почти полные собрания духовных журналов, и не одних тех, которые только в недавнее время стали выходить, например, «Духовной Беседы», «Странника», «Руководства для сельских пастырей», «Душепол. чтения», «Трудов киевской академии», а и прежних, выходящих довольно с давних пор — «Христианского чтения»****, «Воскресного чтения», «Творений св. Отцев» с прибавлениями к ним и «Правос. Собеседника». Эти собрания духовных журналов имеют, несомненно, важное значение. В состав журналов духовных входят статьи почти всегда дельные, а главное, имеющие интерес по самому предмету, так как касаются

Российских». «Совр. Листок», впрочем, чуть не наполовину состоящий из статей дух. содержания) всего только нумеров около 30.

* Евангелие императрицею Екатериной II прислано в омский собор (в котором, кроме Сергиевского, был устроен еще Екатерининский придел) около времени освящения его, значит, или в 1777, или следующем за ним году. Оно не совсем красивой печати, в лист, 1760 г., с сребропозлащенными изображениями.

** Требник Петра Могилы — рукописный, хорошего, четкого и с киноварью[129] полуустава. Любитель церковных книг и большой начетчик, офицер екатерининских и павловских времен г. Серебряков хотел непременно иметь высокочтимое им произведение знаменитого ревнителя по православию киевского первосвятителя. Но так как в продаже тогда его не было, то он и решился переписать его и в год времени переписал частию сам лично, частию чрез подчиненных ему писарей и грамотных унтер-офицеров. Сын и наследник его, не хотевший, чтобы почтенный труд отца пропал, лет 30 или 40 тому назад пожертвовал рукопись в собор.

*** Последняя из названных книг митр. Иоанна Максимовича, прежде чем поступила в соборную библиотеку, перебывала, как показывают надписи на ней, в руках нескольких владельцев.

**** Этого журнала недостает только тех годов, которые (напр., 1828 год) почему-то редакцией не были перепечатаны, несмотря на желания читающей публики.

они истин веры и судеб церкви, всегда назидательных. Поэтому духовные журналы и за старые годы до сих пор выписывались, так что редакция «Христианского» и «Воскресного чтения» принуждены были за некоторые годы («Христианского чтения» за первые 6 годов, а «Воскресного» за 1836, 1837 и 1838 годы) их перепечатывать.

Кто же пользуется книгами омской соборной библиотеки? И толков еще не было в литературе о каких-либо общих церковных библиотеках, а библиотека нашего собора уже служила, как и доселе служит, и общегородскою, и окружною. И, во-первых, книгами соборной библиотеки и прежде пользовались, и ныне пользуются все духовные лица (в том числе и учащиеся в Омском духовном училище), и не только градские, а и сельские, которые только хотят читать. Кто бы из них ни обратился в собор за книгами, ему там не только не откажут, напротив, с радушием расскажут, что лучше и полезнее прочитать, какие статьи, например, в журналах наиболее интересны или назидательны, какого они содержания, и бери, особенно если это в село, и не очень близкое от города, хоть десяток или два десятка любых книг, только представь их после в целости и исправности. Во-вторых, книгами соборной библиотеки пользуются все любящие чтение и из граждан, из купечества, мещанства, а всего более из военного сословия*: грамотные нижние чины, штаб- и обер-офицеры и их семейства и пр. Наконец, пользуются книгами из описываемой библиотеки и люди, лишенные свободы, и именно: или уже осужденные законом в крепостные работы и заключенные в Омском крепостном остроге, или только еще ожидающие суда и содержащиеся (из привилегированного сословия) под арестом**. Конечно, иные из этих последних читают или от скуки, или для ученых исследований, или из одного любопытства***; но читают же и по истинно религиозным побуждениям, чтобы полу-

* Соборный приход состоит преимущественно из лиц военного сословия, служащих и отставных.

** Омский собор в крепости, притом близко от крепостного острога и от гауптвахты.

*** Впрочем, и это не дурно: человек, занятый чтением, уже не занимается в то время чем-нибудь дурным; к тому же, кто знает, семя Слова Божия, быть может, падет и в злохудожную душу, быть может, и на этой неблагоприятной почве даст свой плод, ведь и в расселины старых каменных построек залетают семена дерев, пускают там корни, укрепляются, растут там деревья и в свое время приносят плоды.

чить, например, утешение в тоске и скорби о грехе, чтобы подавить в душе стремления страстей, примириться с Господом Богом. Ведь случается, что входят люди в места заключения, не говоря о их порочности, неверующими, кощунами, а выходят из них, между прочим, и вследствие чтения и крепко верующими, и истинно религиозными людьми.

О количестве читаемых книг можно судить из следующего: когда настоятель собора раза три или четыре в год поверяет библиотеку, то каждый почти раз при этих поверках оказывается книг в разборе около 150—160 нумеров. На 1020 всех нумеров это процент порядочный. Не забудем при этом и того, что иные из прихожан, не принадлежащих к соборному приходу, пользуются самыми обычными духовными книгами, например, Житиями святых, Письмами святогорца, Странствованиями по св. местам старца Парфения, Странником и некоторыми другими, из библиотек ближайших к ним своих приходских церквей.

В составлении и приращении церковных библиотек для целых городов, для благочиний и округов почти обыкновенно участвуют своими пожертвованиями и все церкви того или другого города, благочиния или округа, и за право пользования книгами в иных местах полагается плата, смотря по званию и состоянию пользующихся, или предоставляется то их собственной воле и усердию. Но в Омске собор и составил, и умножает свою библиотеку одними собственными средствами и платы за право пользования ею никогда не требовал и не требует. Указать, как на исключение в этом случае, можно только на бывшего воспитанники кадетского корпуса и потом офицера Сибирского казачьего линейного войска, а ныне священника Михаила Путинцева*, который в благодарность за снабжение его в течение нескольких лет духовными книгами из соборной библиотеки в пользу ее выписал несколько хороших изданий, дотоле не значившихся в ее каталоге.

Распорядители омскою соборною библиотекою, доставляя возможность пользоваться ее книгами местному духовенству и обществу, стараются быть полезными для них и другими способами. И, во-первых, при своей библиотеке они учредили небольшой склад церковно-богослужебных

* Стр. 1866, № 12. Хрон., стр. 103–10 и 1867, № 6 Хрон.

книг для сбыта их по ценам синодальной типографии в градские и сельские церкви; а, во-вторых, от времени до времени выписывают для продажи по ценам, по каким им самим обойдутся, дешевые, но полезные и назидательные книги, например, книги Нового Завета на русском или вместе и на славянском языках, учебную Псалтирь, азбуку славяно-русскую, священную историю Базарова, о святых днях недельных и годовых праздниках, выдержки из творений св. отцев и в особенности святителя Тихона Воронежского, отдельные жития святых угодников Божиих и пр. Замечательно, что эти книжки никогда не залеживаются при библиотеке, но всегда расходятся очень скоро; едва огласится продажа той или другой, как сейчас же и являются покупатели, например, воспитанники учебных заведений (за евангелиями и священными историями), мещанские, крестьянские и солдатские дети (за азбукой, учебною Псалтирью) или их отцы — отставные и служащие грамотные нижние воинские чины, крестьяне и пр. Бывали случаи, что соборная библиотека решалась выписывать для сбыта по нескольку экземпляров и не очень дешевых и популярных, но нужных и полезных для духовенства изданий, например, *Сравнительнаго обзора Четвероевангелия* в трех томах протоиерея Гречулевича, *Практическаго изложения церковно-гражданских постановлений* на случай совершения важнейших треб церковных священника Парвова, *Домашних наставлений пастыря* в трех томах священника Попова и пр.; но и эти издания все и давно разошлись, и ими приобретшие ее от них и другие пользуются. Соборной библиотеке в выписке для сбыта быстро расходящихся книг в Омске явился и подражатель: переплетчик О., поначитавшийся, между прочим, и духовных книг, теперь выписывает в значительном количестве евангелия и целый Новый Завет в русском переводе, чтобы сбывать по недорогой цене желающим.

20 октября 1867 г.
Омск.

Библиотеки:

а) в Омске — частные, церковные и корпусная и
б) в Тобольске — церковные (и между ними соборная),
семинарская и частные; из них в особенности
покойного архиепископа Тобольского и Сибирского Афанасия.

Редакция «Тобольских губернских ведомостей» (№ 34 1857 г., стр. 348, прим. 1) интересуется сведениями о библиотеках по Тобольской губернии, желает сделать их известными публике. Сообщаю, что знаю о некоторых из библиотек, существующих или существовавших в Омске и Тобольске.

В Омске есть библиотеки частные, есть библиотеки церковные, есть и казенные. Между частными библиотеками есть, конечно, и ничтожные, по выражению «Независимого листка»*, как по количеству книг, так и по содержанию их (старые романы, повести); есть библиотеки ничтожные по количеству книг — какая-нибудь сотня или полторы сотни нумеров, но ничтожные по их содержанию, наконец, есть в Омске частные библиотеки и такие, которые не могут быть отнесены к разряду ничтожных ни по количеству, ни по качеству книг. Человеку частному, человеку, живущему одним жалованьем, быть может, семейному, иметь в своей библиотеке сотни три или четыре нумеров — и слава Богу, особенно если эти книги лучшие, отобранные, соответствуют направлению своего владельца, могут вполне или значительно удовлетворять его частным нуждам, его званию, его обязанностям. На частные библиотеки, кажется, и смотреть нужно как на частные, и требовать, чтобы они состояли из таких или других книг, притом вмещали бы в себе тысячи нумеров, было бы несообразно, грешно. Желающих заводить библиотеки обширные и дорогие в Омске при множестве в нем лиц образованных, думаю, нашлось бы немало,

* Тоб. Губ. Вед. 1858 г., № 34, стр. 348.

но где взять к тому средства? Какие расходы ради приобретения их сократить или даже совсем исключить им из своего годового или ежемесячного и ежедневного бюджета? Книги у нас, не то что за границей, например, брюссельские издания, до сих пор довольно дороги, и в особенности они дорого обходятся для живущих в Сибири за три, за четыре тысячи верст от средоточий всей нашей торговли, столиц. У иного, быть может, нашлись бы и средства для выписки книг, для составления большой библиотеки; иной, быть может, сумел бы и расходы свои сократить, только чтобы увеличить запас пищи для ума, сердца и воображения, но удерживается от этого, не решается на это более из опасения или в чаянии перемещений. В Омске, как и во всей Сибири, почти нет постоянных, неподвижных жителей в образованном классе. Они почти все служащие, сибиряки они или приезжие, а служащему нельзя прочить себя навсегда на одном месте, нельзя отказываться от перемещений, от движения: ныне они здесь, а завтра или послезавтра ему нужно будет перемещаться за сотни, за тысячи верст. Библиотека, особенно большая, для него в таком случае будет сущее наказание: книги — имение тяжелое, взять их с собой — экипаж обременить, себя и семейство стеснить, везти в особом экипаже или экипажах вслед за собой, на почтовых, т.е. на прогоне, — слишком дорого, оставить их и поручить кому-нибудь из знакомых отправить при обозе — опять весьма недешево, а особенно опасно: или растеряют книги, или подмочат. Помню я, как томился, как беспокоился насчет своей библиотеки покойный преосвященный тобольский Афанасий при одной мысли о перемещении на другую епархию или при отбытии на покой, о чем он думал утруждать просьбою Св. Синод под конец своей жизни.

Церковных библиотек в Омске четыре или почти три только: при церкви Богородской, госпитальной, по недавнему ее (с 1854 г.) существованию, библиотеки только еще полагается начало (32 нумера, а с богослужебными — 57 нумеров); при войсковой Николаевской церкви также по недавнему ее существованию (с 1840 г.) книг еще немного (и с богослужебными до 100 нумеров); при церкви Пророко-Ильинской книг уже более (116 нумеров, а с богослужебными — до 172 нумеров), а при соборе и еще более — там их за 400 нумеров, из которых немало и многотомных.

Честь умножения соборной библиотеки, бесспорно, принадлежит двум последним протоиереям: покойному Д.С. Пономареву и настоящему *Ст. Як. Знаменскому** Само собою разумеется, что соборная библиотека, как и другие церковные библиотеки, состоит почти исключительно из книг духовного содержания**; есть между ними толкования на Св. Писание, есть произведения отцов церкви, есть, и их наиболее, слова и речи русских и других церковных ораторов, есть сочинения богословские, церковно-исторические, а также объясняющие церковные древности и обряды и пр., и пр.; есть, наконец, полные собрания журналов духовных: Воскресного чтения (с 1836 г.), Творений св. отцов в русском переводе с прибавлениями к ним (с 1845 г.) и Православного Собеседника (с 1856 г.), и неполное собрание Христианского чтения (с 1821 г.). Эти собрания духовных журналов — весьма немаловажное достоинство церковной библиотеки. Журналы светские, особенно литературные и учено-литературные, обыкновенно наполняются, сверх некоторых дельных статей, по большой части балластом, дребеденью, по крайней мере статьями, имеющими только современный, даже минутный интерес, такими, которые, прочитавши раз, во второй или третий не захочет читать и самый записной любитель так называемого легкого чтения, и из-за которых помянутые журналы по прочтении почти обыкновенно бросаются и исчезают невозвратно. Напротив, в состав журналов духовных входят статьи почти всегда дельные, а главное, имеющие в основании божественную истину: пройдут десятки, сотни лет, даже тысящелетия, а они (статьи), по крайней мере большая часть их, будут оставаться всегда таковыми, т.е. дельными. Конечно, с течением времени в них устареет, сделается несовременным язык, при всем том читатель, ищущий назидания, и в последующие века будет читать их с наслаждением; в одних из них, как, например, в большей части статей Воскресного чтения, чтения христианского за первые лет пятнадцать или восемнадцать он найдет удовлетворение своему религиозному чувству и узнает смысл

* Сим последним весьма значительно умножена библиотека и при Ялуторовском соборе в 14 лет его там протоиерейства.

** Из 400 и больше нумеров книг не духовного содержания (напр., вроде: Быт русского народа Терещенки и Чтение для солдат, впрочем, почти наполовину из проповедей состоящее) всего только 22 нумера.

празднеств целого богослужения и частных обрядов православной церкви; в других, как, например, во многих статьях Прибавлений к Творениям Св. отцов в русском переводе, пред ним раскроются судьбы церкви и вселенской, и в особенности греко-российской; в иных, как, например, в статьях Христианского чтения на последние годы и Православного Собеседника он встретит обширные богословские трактаты, даже почти целые богословские системы, найдет все средства к опровержению разномыслящих с православною церковью, например, римско-католиков, и в особенности так называемых старообрядцев наших, и даже с полной историей происхождения их заблуждений и их темных дел и пр., и пр. Доказательство справедливости сказанного налицо: духовные журналы за старые годы, притом не по уменьшенной, а по прежней цене, до сих пор выписываются, так что редакции двух из них (Христианского чтения и Воскресного чтения) принуждены были за некоторые годы (Христианского чтения на первые 6 годов, а Воскресного... за 1836, 1837 и 1838 годы) их перепечатывать; тогда как журналы светские за старые годы не только не перепечатываются, но ни почем не расходятся.

Кстати здесь сказать, что и библиотеки сельских, по крайней мере некоторых, церквей Омского округа, да и всей Тобольской епархии в последние 27 лет, т.е. со времени управления ею преосвященнейшего архипастыря Афанасия, вследствие его внушений и настояний, довольно, судя по их скудным средствам, увеличились. Само собою разумеется, что и в них, как и в библиотеках градских церквей, книги исключительно духовного содержания.

Но, скажут, отчего бы нашим церковным библиотекам не быть больше, обширнее в сравнении с настоящими, хотя бы, например, такими, какая заведена* в прошедшем и позапрошедшем годах в селе Зименках близ г. Шуи Владимирской губернии Ковровского уезда помещиком и вместе ктитором церковным Чихачевым? Притом почему бы им, подобно сейчас упомянутой библиотеке села Зименок, не состоять и из книг, сверх духовных, светских, например, ис-

* См. Москов. Вед. 1838 г., № 42 и Литер. Отд. тех же вед. 1837 г., № 14. В Зименковской церковной библиотеке книг более 800 нумеров. Впрочем, сельскую Зименк. библиотеку г. Чихачев думает уже называть Ковровскою уездною библиотекою.

торических, географических, этнографических, чисто литературных и пр., и пр. Но где нашим омским церквам, да и церквам всей России взять для заведения таких библиотек средства? Зименковская библиотека для нас, да, кажется, и для всех почти не может быть примером: ее завел помещик того села, значит, человек более или менее состоятельный, завел и на собственные средства и, между прочим, чрез сношения с другими помещиками, и в особенности с авторами и издателями книг, а также с обществами и правительственными местами, которыми или при которых издаются ученые журналы и отдельные сочинения. Что если б попечители и настоятели, не говорю всех 30000 приходских по России церквей и еще 590 монастырей, а только одной тысячи или пятисот, даже одной сотни (церквей и монастырей), вздумали составить обширные библиотеки и для составления их прибегли к тому же, как и г. Чихачев, средству? Без сомнения, просьбы и мольбы самой большей их части раздавались бы в пустыне. Наши авторы, издатели и общества не так богаты, чтобы могли жертвовать безвозмездно своими книгами, своими изданиями всем, кто ни обратится к ним с просьбами.

Да и нужно ли нашим церквам и монастырям заботиться о том, чтобы в их библиотеках были, сверх духовных, исторические, географические и вообще светские сочинения? Церковь российская никогда прежде не противилась и теперь не противится просвещению; напротив, она и будущим своим пастырям дает, сверх богословского, и общее, можно сказать, многостороннее образование. Но, чтобы всех своих чад делать учеными, историками, географами, чтобы сообщать им журналы и книги для так называемого легкого чтения, это совсем не ее забота, не ее дело; у нее одно должно быть попечение — чад своих руководить на пути веры и христианской нравственности, словом, на пути ко спасению, располагать их стремиться к горнему отечеству, а для этой высокой и святой цели вполне достаточно книг духовных.

Да и кому при церквах заведывать библиотеками вроде зименковской? Конечно, священникам, как наиболее образованным из клира? Но у священников, особенно по Сибири, при их многолюдных приходах, по их частым в селах разъездам, а в городах — по частому священнослужению, для этого едва ли и времени достало бы. Положим, впро-

чем, что у священников времени и для хлопот по библиотеке достаточно, но кто бы стал отвечать в случае утраты или повреждения книг? И в настоящее время, когда церковные библиотеки состоят из небольшого количества книг, притом из книг исключительно духовного содержания, вот что получается, по крайней мере в городах: какой-нибудь прихожанин или какая-нибудь прихожанка просит у священника такой или другой книги, священник от души рад, что его словесное стадо ищет духовной пищи, жаждет религиозного, духовно-нравственного пития, и немедленно снабжает просителя или просительницу желаемыми книгами из церковной библиотеки. К несчастью, многие из пользующихся чужими книгами имеют известную слабость — ссужать ими и других: своих знакомых и знакомок, а эти другие ссужают ими своих знакомых и знакомок. Священник или другой, заведывающий церковною библиотекою, после долгого ожидания добровольного возвращения книги или книг при встрече напоминает благочестивому читателю или благочестивой читательнице о том, этот или эта обещает немедленно или вскоре возвратить книгу, а между тем внутренно думает, сам себя спрашивает: «Ах, в самом деле, где же у меня эта книга? Кому я ее отдал (или отдала)?». Находит справку, того и другого или ту и другую из своих знакомых спрашивает, и случается, что или совсем не находит книги, или хотя и находит спустя много времени, но всю уже избитую, истрепанную. Что тут, особенно в первом случае, делать заведывающему библиотекой? Разумеется, нужно книгу выписать на свой счет: казна, и особенно церковная, не терпит ущерба. Назначать сроки для возврата книг в церковные библиотеки, как водится в библиотеках учебных заведений, или в случае утраты, порчи книги взыскивать деньги с виновного невозможно, по крайней мере на деле: прихожане — не подчиненные священника или другого заведывающего церковною библиотекою, притом нередко люди почетные и пр., и пр. В том случае, если б при церквах библиотеки были больше, особенно если б они состояли из книг и не одного духовного содержания, разумеется, и читателей (конечно, преимущественно в городах) было бы больше, а при большем количестве читателей чаще повторялись бы и потери книг, и, следовательно, несчастным заведывающим библиотеками чаще привелось бы приплачиваться.

Библиотека Сибирского кадетского корпуса

В Омске есть и казенные библиотеки. Из них самая большая и самая лучшая, конечно, библиотека Сибирского кадетского корпуса. Основание ей положил чрез год после открытия училища Сибирского линейного казачьего войска (следовательно, в 1814 году), преобразованного в 1846 году в кадетский корпус, командовавший с мая 1814 года Сибирским казачьим линейным войском гвардии капитан, впоследствии генерал-лейтенант, начальник штаба Отдельного Сибирского корпуса и, наконец, член Военного совета Семен Богданович Броневский. Его попечением менее чем в 5 лет (а именно с мая 1814 года по 10 марта 1819 года) было выписано для библиотеки книг, карт, эстампов и разного рода инструментов на 2418 рублей ассигнациями. В следующие шесть лет — по 9 мая 1825 года — училищная библиотека увеличилась книгами, картами и проч. на 7879 рублей ассигнациями, а в следующие и за сим 13 лет богатство библиотеки, хотя не в одних только книгах, а в физических инструментах и химических препаратах, потребовавшихся тогда при преподавании сельского хозяйства, и еще умножилось на 16348 рублей, так что с 1814 по 1838 гг. в нее поступило книг, карт, инструментов и проч. на 26645 рублей ассигнациями. Без сомнения, и в следующие восемь лет существования войскового училища библиотека его умножалась. Но главное богатство корпусной библиотеки составляют книги, географические атласы и карты, выписанные уже по преобразовании войскового училища в Сибирский кадетский корпус: в один 1850 год их (с некоторыми учебниками) было выписано на 3646 рублей серебром, да и каждогодно на книги, поступающие в фундаментальную библиотеку, на учебники, журналы, карты и некоторые эстампы употребляется денег около 100 рублей серебром. В настоящее время в корпусной библиотеке атласов, карт и книг (но не инструментов), за исключением многих из них, по ветхости и вследствие раздачи на корпусных актах лучшим воспитанникам* в подарки, не

* Для подарков отличным воспитанникам книги выписываются особо, а из библиотеки берутся только, по крайней мере преимущественно, дублеты. Дарит воспитанникам Сибирского кадетского корпуса, как и воспитанников всех прочих военно-учебных заведений, книгами неустарелыми, не кой-какими, а новыми, дельными, даже и наружности хорошей, и дарит с такою щедростью, с какою, быть может, не дарит ни в каких других учебных заведениях — [illegible] и более томов, или в рублей на 15, 20, 30 и более серебром. Если б вы спитан

около 3000 томов, как сказано в Независимом листке № 34 Тобольских губернских ведомостей (стр. 348), а более 3450, да сверх того еще есть 430 томов в двух небольших библиотеках, собственно ротной и эскадронной, составленных из книг, наиболее соответствующих возрасту воспитанников и их назначению, и состоящих в ведении ротного и эскадронного командиров*. Другое замечание в Независимом листке после наименования библиотеки Сибирского кадетского корпуса лучшею из сибирских библиотек, сказано: «Но большею частию она наполнена *учебными книгами*». Это несправедливо, это ошибочно. В кадетском корпусе, как и во всяком учебном заведении, особенно среднем, где всегда бывает много воспитанников еще с неразвитыми способностями, без сомнения, немало учебных книг, но эти учебные книги только самою малою частию входят в состав так называемой в некоторых учебных заведениях фундаментальной библиотеки кадетского корпуса и почти совершенно не принадлежат тем 3000 (что, впрочем, неправильно, как уже и замечено) томам, о которых упоминает Листок; они составляют совсем другую, так называемую *классную* библиотеку, даже и состоят под ведением не того лица, которое заведывает описанною в Листке библиотекою. В корпусной фундаментальной библиотеке учебных руководств, собственно для военно-учебных заведений изданных и потребляемых в классах учебных пособий (в том числе карт, атласов и проч.), по закону** может находиться не более как по два экземпляра***. Если б Листок сказал хотя бы так: «Корпусная библиотека большею частию наполнена *учеными* (не учебными) книгами», то это было бы, во-первых, правильнее, потому что в корпусной библиотеке действительно много книг ученых как на русском, так на французском и немецком языках, особенно в отделах истории, географии и наук военных; а во-вторых, при этом не было бы брошено на библиотеку тени

ник, отличный по успехам и нравственности в начале курса, таким остался и до окончания оного, и если б он получал книги во всех семи классах, начиная с приготовительного и до специального, то у него составилась бы библиотека препорядочная по количеству и по качеству книг.

* Сверх того, составляется еще третья библиотечка в лазарете для чтения одержимым такими болезнями, которые не препятствуют заниматься.

** См. введение в каталог для библиотек военно-учебных заведений.

*** Вовсе исключить учебные книги из библиотеки какого бы то ни было учебного заведения было бы дурно; в таком случае впоследствии почти совершенно нельзя было бы судить о ходе и состоянии обучения в заведении в то или другое время.

унижения. В Независимом листке о корпусной библиотеке замечено еще, что она «особенно бедна сочинениями о Сибири». Это замечание справедливо, хотя также преувеличено, потому что в корпусной библиотеке есть и сочинения, касающиеся Сибири, хотя немногие и по большей части старинные, однако ж, до сих пор, для желающих иметь сведения о Сибири, необходимые, например, Описание Сибирского царств Миллера, Сибирская история Фишера, путешествия Гмелина, Гванини, Георги и Палласа, Летопись Есипова и пр. Но, во-первых, корпусу не поставлено в непременную обязанность приобрести для своей библиотеки все сочинения, в которых говорится как вообще о Сибири, так и, в частности, о чем-нибудь сибирском; во-вторых, корпусу, если б он и сам пожелал наложить на себя эту обязанность (а как не желать: 1) учебное заведение в Сибири и в этом роде единственное; 2) учащим иногда бывает нужно обращаться к сочинениям, касающимся Сибири; 3) учащиеся большею частию сибиряки по происхождению и все предназначаются для службы в Сибири, и из них бывают иногда страстные охотники посвящать время, остающееся от классных и других занятий, на чтение и даже записывание всего, касающегося до родного им края), доселе никак еще нельзя осуществить ее: до сих пор он выписывал, да и на будущее время должен будет, и долго еще, выписывать по мере накопления своих средств те сочинения, которые обозначены в каталоге для библиотек военно-учебных заведений.

Книги корпусной библиотеки, согласно каталогу для библиотек военно-учебных заведений, составленному в 1848 году, и одному постановлению, состоявшемуся уже после того, разделены на 20 отделов: 1 — Закон Божий, 2 — русская словесность, 3 — немецкая словесность, 4 — французская словесность, 5 — история, 6 — география и статистика, 7 — путешествия, 8 — военная история и стратегия, 9 — тактика, 10 — артиллерия, 11 — фортификация, 12 — науки математические, 13 — топография, 14 — физика и химия, 15 — естественная история, 16 — медицина, 17 — педагогика и книги для детского чтения, 18 — изящные искусства, 19 — законоведение и 20 — учебные пособия, изданные для военно-учебных заведений.

Каждый из сих отделов разделяется на книги: а) необходимые и б) полезные, а эти еще делятся на разделы (от 2 до 5),

соответственно степени необходимости и важности книг для библиотек военно-учебных заведений. Книги, поступившие в библиотеку до преобразования казачьего училища в кадетский корпус и не поименованные в помянутом печатном каталоге, размещены, смотря по содержанию, в тех же 20 отделах, только после поименованных в нем. Сибирский кадетский корпус, как и всякий другой (кадетский корпус), имеет право выписывать, приобретать и такие книги, которых не означено в каталоге для библиотек военно-учебных заведений, например, вновь выходящие и другие дельные, но не иначе, как по рассмотрении и одобрении Учебным комитетом, состоящим при Главном штабе Его Императорского Величества по части военно-учебных заведений. Цель библиотек военно-учебных заведений, а следовательно, и библиотеки Сибирского кадетского корпуса, состоит в следующем*: 1) служить пособием для преподавателей в их учебных заведениях; 2) содействовать всем воспитателям к дальнейшему распространению их собственных сведений и 3) доставить воспитанникам в свободное от занятий время возможность полезного чтения (сверх особого журнала, издаваемого собственно для сего предмета)**. Этим назначением библиотек военно-учебных заведений само собою отстраняется замечание Независимого листка, что «притом корпусная библиотека недоступна для публики». Впрочем, просвещенное, обязательное начальство корпуса, по всей вероятности, никогда не откажет, да действительно и не отказывает лицам, известным ему не только по степени, занимаемой ими в служебной иерархии, но, пожалуй, и потому одному, что получили воспитание в корпусе, в особенности если они отличаются усердием в службе и доброю нравственностию, а также и ревностию продолжать свое образование, пользоваться тем или другим сочинением, ученым произведением, в подведомственной ему библиотеке состоящим.

* Об этом и предыдущем смот. во введении в каталог для библиотек военно-учебных заведений.

** *Журнал*, издаваемый *для воспитанников военно-учебных заведений*, стоил бы большей известности в читающей публике. В нем изменяется множество статей дельных и любопытных, даже отличных по разным отраслям знания, например, словесности, политической истории, в особенности истории военной, исскуства военного и пр., и пр. И это понятно: для помянутого журнала статьи, иногда целые, а иногда в сокращении, заимствуются из всех журналов как русских, так отчасти и иностранных, а иногда и из книг, только бы они были собраны с целью воспитания в военно-учебных заведениях как общего, так и специального.

Церковные библиотеки в г. Тобольске и между ними соборная

В Тобольске, как и в Омске, библиотеки есть частные, казенные и церковные. Начну с последних. В Тобольске церквей много (20), едва ли не более, чем во всяком другом сибирском городе, и почти при всех их имеются библиотеки, разумеется, при более достаточных — поболее, пообширнее, а при менее достаточных, каковы (церкви) наиболее и есть в Тобольске, — поменьше. Но и маленькими тобольскими церковными библиотеками не следует пренебрегать: в них иногда можно найти такие книги (из старых), которые иному и при случае необходимо нужны, между тем как их нет и в больших, даже казенных библиотеках, да и выписать нельзя ниоткуда и ни за какие деньги*.

Из церковных библиотек в Тобольске более других соборная. В ней еще в 1846 году было до 288 нумеров одних печатных книг, и между ними 137 богослужебных, 110 богословских, 20 исторических; из прочих по 3 имеют предметом своим каноническое право и языкознание, а 15 не относятся к духовному просвещению. Что в соборной библиотеке так много книг богослужебных, то это дело естественное: в иных бедных, особенно сельских, церквах богослужение может быть отправляемо и по немногим книгам: напрестольному Евангелию, Апостолу, Следованной Псалтыри, Общей Минеи, Минеи праздничной, двум Триодям — Постной и Цветной и Октоиху, но в соборах, особенно кафедральных, каков есть и тобольский, а также в монастырях, где богослужение должно быть отправляемо с образцовою точностию и где иногда в один и тот же день совершается по нескольку литургий (разумеется, на разных престолах) и всенощных бдений, исчисленных богослужебных книг совершенно недостаточно; да иные из них, например, Служебник, должны быть в нескольких экземплярах. Притом в кафедральные соборы по закону поступают в числе различных вещей и церковно-богослужебные книги, остающиеся, в случае кончины, после преосвященных**, а в Тобольске в течение одного настоящего столетия скончались шесть архипастырей. Библиофил,

* Например, преподавателю в семинарии Истории Русской церкви как обойтись без *Истории Иерархии Российской церкви* (в VII томах)? Между тем ее, кроме первого тома, в Тобольской семинарской библиотеке нет, но в (скудной) Благовещенской церкви она есть.

** Устав Духовной консистории, ст.121.

любитель старопечатных славянских книг, в соборной библиотеке найдет несколько (например, Постную Триодь, Большой Требник, Златоустовы беседы, поучения аввы Дороѳея[30], книгу о священстве и пр.) таких изданий, которые вышли из-под станков самых первых — и наших русских, и заграничных (например, Львовской) — типографий, годов 1625, 24, 23 и 1614; а почитатель памяти митрополита Иоанна Максимовича встретит там вышедшие из-под его пера: 1) *Феатр нравоучительный*, или *Нравственное зерцало для царей, князей и деспотов*, изъясняющее обязанности разного рода начальников, 2) *Царский путь креста Господня, вводящий в живот вечный*, о том, как верующему должно носить крест Христов и 3) *Илиотропион* (цветок гелиотроп, по-русски — солнцеворот)[31], *или Сообразование человеческой воли с божественною**.

Сверх печатных книг в библиотеке Тобольского кафедрального собора есть десятка три с половиною рукописных. Большая часть сих последних — старинные переводы творений святых отцов, никем еще не обозренные критически, с целью археологических и литературных изысканий, а из прочих замечательны: а) Краткое описание остяцкого народа, б) Сборник и в) Алфавит неудобь-разумеваемых речей, иже обретаются во Святых книгах словенского языка. *Краткое описание остяцкого народа* состоит из двух частей: в первой говорится о стране, населяемой остяками, об их идолах, жилищах, правах и обычаях, а во второй — о крещении остяков и вогуличей в 1712–26 гг. митрополитом Тобольским Филофеем Лещинским. Автор его Григорий Новицкий, малороссиянин, учившийся в Киевской академии, был одним из спутников митрополита Филофея во время его евангельской проповеди помянутым инородцам, а после и надзирателем в одной (Кондинской) из их волостей за исполнением христианских обязанностей новокрещенными, следовательно, очевидцем всего им описанного. Пожалеем с покойным П.А. Словцовым**, что вторая часть рукописи Новицкого не окончена (рассказ о крещении остяков оканчивается 1715 г.) или что последняя ее половина утрачена, не дошла до нас, и подождем, признают ли ученые знатоки остяцкого языка (если только такие будут) справедливым его (Новицкого) мнение, будто бы в языке описанного им народа довольно слов латинских... Витиеватым,

* Соборные описи и Описание Тобольского Софийского собора, стр. 67.
** Ист. Обоз. Сиб., кн. 1, стр. 10.

по обычаю своего времени, сочинением Новицкого, и именно второю историческою его частью, уже пользовались: Словцов при (кратком) описании Филофеевых миссий, г. Абрамов в кратком жизнеописании *Митрополита Филофея* и статьях *О введении христианства у березовских остяков* и *Проповедь Евангелия сибирским вогулам*[32], и я в пространном жизнеописании приснопамятного веропроповедника сибирского*; но вполне и по частям оно нигде еще не напечатано. Впрочем, Географическое общество, куда Описание остяцкого народа было отправлено в копии г. Абрамовым, обещалось со временем его отпечатать. *Сборник* состоит из статей исключительно исторического содержания, и именно: 1) из *книги записной* «Сколько в Сибире в Тобольску и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия оной атаманом Ермаком Тимофеевым, в котором году и кто имяны бояр и окольничих и стольников и дворян и стряпчих на воеводствах бывали, и дьяков и письменных голов и с приписью подьячих, и кто который город ставил и в котором году, и от котораго Государя кто был»; 2) *о начале славянского народа и о прозвище его*; 3) из *летописи Никифора, Патриарха Царяграда*; 4) *Синопсиса* и 5) *Повести о Казанском взятии* царем Иоанном Васильевичем Грозным. Первая статья для сибиряков и пишущих о Сибири особенно замечательна, как показывает и самое ее заглавие. Впрочем, она с небольшими переменами (переложением, и не всегда верным, годов от сотворения мира на годы от Р. Хр.) и с некоторыми прибавлениями из сибирских летописей (например, о построении на Абалаке церкви и написании чудотворной Абалацкой иконы Божией Матери) уже напечатана в третьей части Древ. Росс. Вивлиофики под названием: *Записки, к сибирской истории служащие. Алфавит неудобь-разумеваемых речей* и пр. написан полууставом и разделяется на две части: в первой находится славянская грамматика, а во второй помещены в алфавитном порядке и с истолкованием неудобопонятные слова святых, славянских книг, греческие, еврейские, арабские и пр. Принадлежал он некогда четвертому Тобольскому архиепископу Герасиму (хиротонисанному в мае 1640 года из игуменов Тихвинского монастыря и скончавшемуся в Тобольске в июле 1650 года), что видно из своеручной красивой полууставной надписи сего архипастыря по нижним полям листов: «Сия

* Ист. Об. Сиб, кн. 1, стр. 358–63; Жур. Мин. Нар. Пр. 1846 г., 1831 г., 1854 г., Временник Моск. Об. Ист. и Др., ч. 20.

книга, глаголемая алфавит, Сибирскаго архиепископа Герасима...». И один поверхностный взгляд на эту рукопись ведет к интересным замечаниям, а именно, что у нас на севере России в первой половине XVII столетия хотя не было школьного учения, но были, особенно в духовенстве, лица, сами учившиеся по-школьному и чрез само учение достигавшие образования* Удивительно, что в ризнице соборной, где помещается и библиотека, не сохранилось ни в подлинниках, ни в копиях никаких грамот, никаких актов, например, на владение сибирскими архиереями вотчинами и разными угодьями, кроме: а) четырех грамот (двух царя Феодора Алексеевича, одной Петра I и одной Екатерины II) о построении каменного собора и об исправлениях в нем**, б) четырех ставленных митрополичьих грамот (Павла I, двух Антониев — I и II, и Павла II) и в) двух императорских рескриптов на имя преосвященного Варлаама***.

Покойный преосвященнейший Владимир в 1844 году предполагал составить особую библиотеку из книг раскольнических, хранившихся в соборной ризнице и в консистории, для нее он предназначал тогда и помещение особенное, но осуществилось ли это предположение за вскоре последовавшими продолжительною болезнью и кончиною преосвященного, это мне неизвестно.

Библиотека Тобольской семинарии

Казенных библиотек в Тобольске, по крайней мере позначительнее, три: при гимназии, народном училище и семинарии. Здесь будет говориться только о последней. В Тобольске при архиерейском доме, для образования духовного юношества и отчасти для обучения новокрещенских инородческих детей, была открыта Славяно-русская школа еще в 1703 или 1704 году митрополитом Филофеем Лещинским. При преемнике Филофея митрополите Антонии Стаховском в 1728 году школа эта была расширена присовокуплением к прежде преподававшимся предметам преподавания латинского языка. Но при ней библиотеки еще не было, кроме разве немногих учебников, например, Азбуки, Часослова, Учебной псалтыри, Ка-

* Описи Соборные; описание Тоб. Софийс. Собора, стр. 67–69. Материалы для Ист. Хр. Просвещ. Сибири Абрамова, стр. 15.

** Все они напечатаны в моем описании Тоб. собора, стр. 89–97.

*** Там же, стр. 60.

техизиса, Славяно-русской грамматики, Латинской грамматики и книг нотных. Библиотека в собственном смысле сего слова заведена не ранее 1745 или даже 1748 гг. после того, как Тобольская архиерейская Славяно-латинская школа митрополитом Антонием II (Нарожницким) в 1744 году была преобразована в семинарию. Основанием ее, т.е. тобольской семинарской библиотеки, тогда послужили книги, оставшиеся после митрополита Антония I (он скончался в марте 1740 г.) и в то время по представлению учредителя семинарии купленные Св. Синодом у его наследников. Поэтому в семинарской библиотеке, и именно в библиотеке древних языков, в отделах: Толковники Св. Писания, Богословские системы и пр. до сих пор немало можно найти фолиантов с собственноручною (по латыни) подписью помянутого архипастыря сибирского и вместе с угрозою от него судом Божиим тому, кто бы осмелился незаконно присвоить их себе. Этим же, и ничем более, можно объяснить присутствие в тобольской семинарской библиотеке: 1) произведений благочестивого предместника Антониева, по кафедрам черниговской и тобольской митрополита Иоанна Максимовича, например, обширнейшего толкования Богородичной молитвы в силлабических стихах под названием: *Богородице Дево, Богомыслия в пользу правоверных* и пр.; и 2) небольшой, обернутой в белую кожу, на латинском языке книжки: *Nomenclator Mavionus e litulis selectiovibus, guibus B. Wirgo a ss. Patrbus honestatur, contextus a Theophilo Raynavdo; Romae MDE* XLIX*, составлявшей некогда собственность великого святителя России св. Димитрия Ростовского, что видно из своеручной его подписи: (доселе рука не святителя Димитрия, но далее уже рука его) *post cujus obitum Demetrius Savicz Jgumenus Baturtensis hujus libri posse.SSor* (Феодосий Тугаревич монах ордена св. Василия Великого**, а после его смерти владетель сей книги есть Димитрий Савич, батуринский игумен)***. Но каким образом, спросят, книга св. Димитрия Ростовского могла очутиться между книгами митрополита Тобольского Антония

* Перечень избраннейших наименований Пресвятой Девы Марии, которыми она чествуется у Св. Отцев, составленный Феофилом Рэнодом в Риме, 1649 г.

** Вероятно, Униат.

*** Св. Димитрий Ростовский здесь назвал себя Савичем, потому что он был сын сотника Малороссийского казачьего войска Саввы Туптары, а игуменом батуринским оттого, что он однократно в сане игумена управлял Батуринским Николаевским монастырем. См. Слов. Пис. Дух. чина 1827 г., т. 1, стр. 116–119.

Стаховского? По всей вероятности, она была подарена первым последнему, как человеку знакомому: св. Димитрий и митрополит Антоний Стаховский были современники (хотя митрополит Антоний был моложе св. Димитрия 13 годами), земляки и сослуживцы: св. Димитрий был несколько лет проповедником слова Божия при Черниговском кафедральном соборе, в сане иеромонаха жил в нескольких монастырях Черниговской епархии, даже тремя из них: Батуринским Николаевским, Черниговским Елецким и Новгород-Северским Спасским — сначала в звании игумена, а потом архимандрита управлял (до 1701 г.*), а Антоний Стаховский близ Чернигова родился, близ же Чернигова постригся в монашество и в том же городе, даже под ведением одного и того же архиерея (Иоанна Максимовича) с 1699 года служил то в должности кафедрального казначея, то в звании кафедрального наместника, а впоследствии (с 1705 г.) в сане архимандрита и настоятельствовал в помянутом Новгород-Северском Спасском монастыре**. Но о книгах митро-

Для удостоверения в том, что эта подпись действительно Св. Димитрия Ростовского, я вот что еще могу представить: дед мой, священник села Сулости, отстоящего от Ростова всего в пяти верстах, был хорошо знаком с настоятелем и некоторыми из монашествующих Ростовского Яковлевского монастыря, где почивают мощи Святителя Димитрия. Конечно, поэтому в библиотеке его, после доставшейся моему отцу, находится автограф Св. Димитрия; тетрадь на синей бумаге в четвертку толщиной, по крайней мере в палец, вся исписанная иноде по-латыни, а более по-славянски медленным, но четким почерком. Конечно тщательно сличив подпись на показанной книге семинарской библиотеки... Жалел и жалею, что этого автографа нет у меня и что он утрачен и, по всей вероятности, навсегда. В детстве, роясь в отцовских книгах, иногда для того, чтобы отыскать между ними какую-нибудь историческую, например, Анекдоты о Петре Великом Шелина, Деяния Петра Великого Голикова, или вроде такою, каковы Славянские сказки, иногда для того, чтобы посмотреть на попадавшиеся в книгах картинки и портреты знаменитых людей, а иногда и для того только, чтобы полевать на переплеты и пр., автограф Св. Димитрия встречал я нередко, но читать его не читал: книги неинтересные, книги на славянском языке, притом с примесью латыни, мне в то время были еще не по силам; если же иногда и пробегал в рукописи по нескольку слов, то без разумения, по крайней мере так, что их не осталось у меня в памяти. Когда же я был уже в состоянии понимать дело, читать книги, и не исторические только, и ценить вещи по достоинству, то начал было просить у отца подарить мне рукопись Св. Димитрия, отдать ее мне в собственность. Но, увы! Тогда в доме у нас ее уже не оказалось: она выброшена была для прочтения преемником деда моего по священству в селе и им затеряна. Напоминания отца и поиски самого священника остались тщетными: вероятно, она плохо была положена и попалась в игрушки детям.

* Слов. Пис. Дух. чина, т. 1; статья «Димитрий Ростовский».

** См. епитафию над местом погребения Митр. Антония в Тобольском соборе и жизнеописание Митр. Антония, напечатанное в 17 номере Черниг. Губ. Вед. 1856 г.

полита Антония уже довольно. Об одной из них, и именно о Перечне наименований Св. Девы Марии, так много распространился я, конечно, не ради самой книги, а по важности для всей России, между прочим, и для Сибири (св. Димитрий первоначально рукоположен был в митрополита именно Сибирского и Тобольского) лица, которому она принадлежала и своеручная подпись которого на ней находится.

Митрополит Антоний Нарожницкий, открывший в Тобольске семинарию и исхлопотавший для ее библиотеки значительное количество описанных книг, во главу угла сей библиотеки и от себя положил: *Maximam bibliothecam veterum Patrum et antiquorum scriptorum ecclesiasticorum, in tomos 27 distributam*, т.е. самую большую библиотеку св. отцов первенствующей церкви и древних писателей церковных в 27 томах (огромнейших фолиантах), сделав на ней своеручно надпись: *ex bibliotheca Metropolitana Toboliensi et Sibirensi 1745 anno* (из библиотеки митрополита Тобольского и Сибирского в 1745 году). После него и другие тобольские архипастыри жертвовали в семинарскую библиотеку свои книги, и именно Варлаам (управлявший Тобольской епархиею с 1768 по 1802 гг. включительно), Антоний III Знаменский (с 1803 по 1806 гг.), Евгений (1826–1831), Афанасий (1832–1842), Владимир, Георгий и Евлампий. От преосвященного Варлаама хранятся, между прочим, церковные древности Бингама в нескольких (шести) объемистых томах (на латинском языке) и о служении и чиноположениях православной церкви. Эти и другие его книги почти все с подписью руки родного его (Варлаамова) брата, Петербургского митрополита Гавриила; значит, они первоначально принадлежали этому благочестивому и знаменитому деятелю времен Екатерины II. Из многих книг Антония III назову дорогие Лодеровы анатомические таблицы и несколько томов творений блаженного Августина в русском переводе. Преосвященный Евгений пред самым отправлением из Тобольска в Рязань сдал в семинарскую библиотеку, кроме нескольких печатных брошюр, огромную книгу в лист *собственных*, писанных его рукою поучений, и именно тех, которые были произнесены им во время управления тобольскою паствою, что делал он при перемещениях и с других паств, например, с курской, псковской, рязанской и ярославской. Преосвященнейшим Афанасием книг (кроме множества штуфов для минералогического кабинета) в разные времена было пожертвовано в

семинарскую библиотеку не менее как на 1000 рублей ассигнациями. Важнейшие из них: Церковная история аббата Флери[133] в 18 том., *Всеобщая (древняя) история*, составленная обществом английских ученых, помнится, в огромных томах — 20, *География Мальт-Брена*[134] 1-го изд. в 4 том. убористой и самой мелкой печати (все эти сочинения на французском языке), *Иудейские письма к Вольтеру* (в 6 томах) в переводе Снегирева, несколько *греческих и римских классиков* знаменитого Панкукова издания и пр., и пр.* От преосвященного Владимира в 1845 году в семинарскую библиотеку по его духовному завещанию поступило, кроме нескольких физических** инструментов, 38 номеров книг в 95 томах, отчасти на французском***, а более на латинском языках и почти исключительно богословского содержания. Важнейшие из них: *Collectio ss. Patrum* в 13 томах, *Thesaurus ss. Patrum* в 8 томах, Библия на латинском и французском языках в 13 томах и *Толкование на Св. Писание* Ветхого и Нового Завета Розенмиллера в 8 томах.

От преосвященного Георгия в 1852 году также по духовному завещанию поступило в семинарскую библиотеку на языках: латинском, русском и частию польском**** — 163 нумера книг в 184 томах, наиболее богословского (86 нумеров), а затем исторического содержания (25 нумеров), да сверх того много разрозненных, неполных духовных журналов, как-то Христианского чтения, Воскресного чтения и пр. Из них лучшими могут быть названы: 1) Славянская библия в большой лист, изданная по повелению императрицы Елизаветы Петровны в 1757 году, с картинами; 2) Латинская библия в переводе Тремеллия[135] и Феод. Безы[136]; 3) Церковные древности Бингама в 6 томах; 4) Сборник катехизисов, вышедших у нас в свет между 1803 и 1839 годами, и 5) Православное исповедание П. Могилы на греческом, латинском и немецком языках. Преосвященный Евлампий в 1856 году при отъезде в Свияжский мо-

* Преосвященный Афанасий и всю свою библиотеку (состоявшую из 1310 томов и стоившую около 30 тысяч на асс.) завещал Тобольской семинарии, но почему его завещание не было приведено в исполнение, об этом будет сказано ниже.

** Камер-оптика со множеством эстампов, три микроскопа, зрительная труба и пр.

*** Книги на русском языке им были завещаны братьям и другим родственникам.

**** Преосвященный Георгий родился в Каменец-Подольской губернии около 1768 года, следовательно, еще под польским владычеством, и в детстве даже учился в польских католических училищах. Поэтому польский язык он знал как и русский.

настырь на покой пожертвовал в семинарскую библиотеку 32 нумера книг латинских, греческих, еврейских, русских, французских и немецких и в их числе три богословии на латинском языке (Добмайера, Клюпфеля и Rüeffi); 4 тома Трудов Общества Истории и Древностей Российских и Обозрение Кормчей книги Розенкампфа. Вообще архипастыри нашей церкви, не только тобольской, но и всех епархий, как люди просвещенные и до принятия жезла пастырского большею частию трудившиеся над образованием духовного юношества, если не все, то почти все имели и имеют собственные значительные библиотеки и любили и любят делиться своим книжным имуществом с подчиненными им семинариями и академиями. Поэтому в библиотеках всех наших духовных академий, а особенно семинарий, книг архиерейских множество. Но вот этому новое доказательство: в Томске семинария только еще имеет открыться, а для нее уже пожертвовано весьма значительное количество книг двумя бывшими томскими преосвященными — Агапитом (уже скончавшимся) и Афанасием (ныне Казанским архиепископом).

Из прочих жертвователей книжного богатства на пользу образования духовного юношества Тобольской и Томской* епархий мне известны почти шестеро только: бывший, ныне уже покойный, ректор Тобольской семинарии архимандрит Евфимий, кафедральный протоиерей П.А. Фелицын, ключарь кафедрального собора протоиерей Я.И. Ласточкин, советник губернского правления Г.А. Варлаков, секретарь консистории В.И. Лебедев и настоятель козельской Оптиной пустыни архимандрит Моисей. Из 79 сочинений, в числе 116 томов на языках: латинском, русском, французском и немецком, — пожертвованных же архимандритом Евфимием в 1842 году при отъезде его из Тобольска в Трубчевский Орловской епархии монастырь, значительнее прочих: История философских систем *Дежерандо*[137] (на французском языке) в четырех томах; Всеобщая История Церкви Христианской *Маттера*[138], на французском же языке и в четырех же томах, и Критика теоретической философии *Шульца*[139] в двух томах на языке немецком. Книги от протоиерея Фелицына, пожертвованные около 1836 и в 1850 годах, преимущественно учебные, например, латинская фразеология, греческий лексикон Гедерика и пр., а из неучебных лучшая — «*Па-*

* Духовенство Томской епархии по неимению в Томске своей семинарии до сих пор получало образование в семинарии Тобольской.

мятники Российской Словесности XII.века», изданные в 1821 году Калайдовичем. В числе 15 сочинений на языках: латинском, русском и французском, пожертвованных в 1848 году протоиереем Ласточкиным, лучшие: *Трагедии Сенеки* (на латинском языке), История древней и новой *литературы* Фрид. *Шлегеля* во французском переводе и новейшие риторы *Блер, Мерзляков* и пр. Бывшим профессором Тобольской семинарии Г.А. Варлаковым пожертвовано в семинарскую библиотеку при оставлении им семинарской службы в 1857 году, в числе 37 томов*, 28 сочинений, из которых замечательнее прочих Путь креста Господня митр. Иоанна Максимовича и три рукописи (одна на русском и две на латинском языках): *Гранограф* рукоп. времен царя Алексея Михайловича, Догматико-полемическое богословие известного в свое время ученостию бывшего ректора Московской духовной академии архимандрита Поликарпа в двух частях в лист и Риторика, преподававшаяся в киевской академии во времена гетмана Мазепы при митрополитах киевских Варлааме Ясинском и Иоасафе Кроковском, с самым кудреватым, в чисто восточном вкусе заглавием: *Rostra Tulliana ad formandos in omni arena equites et neotyrones Rossiacos sub Palladis Kyovomohytanae scuto militantes* и пр., и пр. Г. секретарем Тобольской консистории в 1853 году пожертвовано в семинарскую библиотеку 12 сочинений и между ними: Творения Виргилия и Исторический словарь писателей духовного чина митрополита Евгения в двух частях. Архимандрит Моисей в 1857 году прислал в семинарскую библиотеку более двадцати (21) сочинений, изданных на иждивение управляемой им Оптиной пустыни**, преимущественно духовно-аскетического, обличительного (против раскольников) содержания, как-то: Житие и Писания молдавского старца Паисия, Правила Нила Сорского, письма Задонского затворника Георгия, сочинения Исаака Сирина, Феодора Студита, Максима Исповедника и пр., Дух мудрований раскольнических толков, Доказательство о непоколебимости и важности св. церкви и другие в том же роде сочинения иеросхимонаха Иоанна.

К числу жертвователей книг в семинарскую библиотеку можно отнести и некоторых из профессоров Тобольской семина-

* Отчасти на латинском и французском языках, а более на русском. Г. Варлаковым в то же время и столько же (28) сочинений еще пожертвовано для вскоре имеющей открыться Томской семинарии и отчасти для Томского духовного училища.

** Эти пожертвования Оптиною пустыней сделаны и для всех семинарий.

рии: они в сороковых годах обществом выписывали на свой счет некоторые литературные журналы, например, Библиотеку для чтения и Москвитянин, и каждый год по прочтении сдавали их в семинарскую библиотеку*. О жертвователях в семинарскую библиотеку брошюр нет нужды и поминать.

Очевидно, что значительная часть библиотеки Тобольской семинарии составилась из пожертвований тобольских архипастырей и некоторых других лиц**. При всем том из одних этих пожертвований она никак не могла бы дойти до того числа сочинений и томов, из какого состоит она в настоящее время, если б ей не было помощи от Св. Синода и частию от Вольного Экономического общества. Св. Синод в 1748 году, ходатайствуя пред правительствующим Сенатом согласно представлению митрополита Тобольского Антония Нарожницкого о некотором денежном пособии от казны на содержание 200 учеников и учителей Тобольской семинарии***, говорил: «О удовольствовании тое Семинарию библиотекою пристойное промышление по возможности имеет учинено быть*** от Святейшаго Синода». Промышление это со стороны Св. Синода,

* В недавнее время в фундаментальную семинарскую библиотеку и еще поступило более 30 разного содержания сочинений в числе 60 томов от разных пожертвователей, преимущественно от двоих Пилеиковых, но об них будет сказано ниже, при описании ученической библиотеки.

** Быть может, и сверх исчисленных были жертвователи в семинарскую библиотеку, но они неизвестны мне, да едва ли известны и кому-либо другому за несуществованием документов и надписей на книгах. Из поименованных жертвователей одних (жертвовавших до 1838 г.) я узнал по их своеручным надписям на книгах (которые мне все до одной и внимательно довелось пересмотреть в десятилетнюю бытность библиотекарем, особенно при составлении мною нового каталога), других (с 1838 по 1848 гг.) потому, что их пожертвования сам лично принимал в библиотеку и размешал в ней, а о третьих (с 1848 по 1858 гг.) сообщено мне от заведывающего семинарскою библиотекою в настоящее время И.М.С.

*** Св. Синод и Митрополит Антоний писали, что ученики и учители русских школ, состоявших при семинарии и в некоторых монастырях, например, Рафаиловском и Тоб. Знаменском, будут по-прежнему, в силу Дух. Регламента, содержаться епархиальными средствами, да и 200 ученикам семинарии хлеб будет доставляться из тобольских архиерейских житниц, но на жалованье учителям, а также на платье и обувь ученикам семинарий они просили у Сената: 1) уступки в пользу семинарии 300 руб., каждогодно собиравшихся с непечатных памятей (это листы с дозволением венчать браки) в Тобольской же епархии, но со времени Петра I отправлявшихся на содержание военных лазаретов; и 2) на стол (кроме хлеба) учеников — по полторы коп. в сутки на человека, значит, около 1100 р. в год из неокладных доходов Тобольской губернии. Но во всем том Св. Синоду и Тоб. Митрополиту было отказано за большими у казны расходами. Полн. Собр. Зак. Т. XII, стр. 888–90.

**** Пол. Собр. Зак. Т. XII, стр. 889.

как мы уже и видели, на первый раз и было учинено покупкою для библиотеки Тобольской семинарии книг, оставшихся после митрополита Антония I Стаховского. Конечно, оно (попечение) неоднократно и впоследствии было возобновляемо, да оно и доселе продолжается. Например, когда покойный преосвященный тобольский Афанасий в 1832 году после произведенной им ревизии Тобольской семинарии донес, что некоторые отделы семинарской библиотеки, и именно церковной истории и словесности, довольно бедны, не имеют (или если имеют, то в малом количестве) даже и тех творений, на которые, как на пособия, указано в Уставе семинарском; тогда Св. Синод безвозмездно выслал ей весьма значительное количество классиков и русских (полные сочинения Державина, Жуковского, Карамзина, Дмитриева), и латинских (Цицерона, Ливия, Тацита и пр.), и в особенности историков церковных (Барония, Пагия, Спангейма и пр.; все они, особенно Бароний, в несколька огромных фолиантах). Кроме того, прежде комиссия духовных училищ почти каждогодно высылала, а ныне Духовно-учебное управление ежегодно же высылает, наряду с другими семинариями и в семинарию Тобольскую, по нескольку вновь выходящих сочинений, преимущественно относящихся до духовного образования. Что ж касается до Императорского Экономического общества, то оно около 1846 года, по случаю введения в круг преподаваемых в семинариях наук сельского хозяйства, пожертвовало в семинарскую библиотеку все сочинения (свыше 100 томов), какие только на его иждивение или при его пособии были изданы со времени его существования. Эти пожертвования от Экономического общества были и после того, да и до сих пор продолжаются, и в такой сильной степени, что в последние 10 лет (с 1848 года) книг по сельскому хозяйству в семинарской библиотеке, с немногими выписанными самой семинарией, прибыло на 117 нумеров в числе 264 томов. Поименую из них важнейшие: например, Тэера[140], Витвицкого[141], Целлинского[142], Цитры[143], Свиязева[144] (архитектора), Ф. Майера[145], Хр. Бунге, Регэ, Арнольда[146], Преображенского[147], Анненкова[148] и пр.

Наконец, был и есть и третий постоянный источник приращения библиотеки Тобольской семинарии — это каждогодно отпускаемые на библиотеку от казны 115 рублей серебром. Сумма, конечно, умеренная, зато семинарское начальство, руководимое притом мудрыми попечителями семинарии архи-

пастырями тобольскими, при покупке и выписке книг поступает осмотрительно, приобретает книг немного, но уже приобретает книги дельные, основательные, необходимые как для наставников семинарии, так и для воспитанников. Справедливость сказанного всего лучше будет видна, когда мы хотя слегка обозрим книжные приобретения для семинарской библиотеки в последние 10 лет. С 1848 по 1858 годы штатной библиотечной суммы израсходовано всего только 1150 рублей серебром, а на них покупкою в Тобольске и выпискою от столичных книгопродавцев приобретено для семинарской библиотеки около 430 сочинений, в числе (около же) 857 томов*!

Из покупок книг для семинарской библиотеки в Тобольске особенно выгодны и хороши покупки, сделанные у наследников покойных советника губернского правления Ст. Мих. Семенова и губернского прокурора Дм. Ив. Францева, и у бывшего профессора семинарии М.А. Смоленского. Из имения покойного г. Семенова было куплено за 57 р. 50 к. серебром на латинском и французском языках 76 томов, в том числе 25 томов Библии (на латинском и французском языках) Деванса с особыми атласом карт и рисунков в листе, 8 больших томов Географии Мальт-Брена последнего издания, 27 огромных томов всеобщей (новой) история общества английских ученых**, священные книги восточных религий во французском переводе Потье в одном огромном томе и Исторический и хронологический атлас древних и новых литератур, наук и искусств Жарри де Манси***. Из имения Францева было куплено за 28 р. 30 к. серебром несколько десятков томов, и между ними: восемь томов сочинений Пушкина, два тома Исторических записок Манштейна, Царствования царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича Берга, и пр. Г. Смоленский уступил семинарии за 15 рублей серебром: 1) Историю насаждения и управления Христовой церкви апостолами — Неандра[49] в двух томах и 2) Всеобщую историю христианской веры и церкви того же автора в восьми томах (обе на немецком языке).

---

* При этом не нужно забывать, что из показанной штатной суммы платили и за переплет, и за пересылку книг.

** Каждое из сих трех изданий в свое, и недавнее, время стоило не дешевле 57 р. с.

*** Почти все эти и другие, не поименованные здесь книги самим Семеновым были куплены в 1844 г. из имения Преосвященного Афанасия по 2 р. 50 к. ас. за том. Но об этом будет сказано после, при описании библиотеки Преосвященного Афанасия.

Из книг, выписанных от столичных книгопродавцев, хороши книги по наукам естественным (например, химия Гесса, зоология Мильн-Едварса[130] и Постельса[131] с Симашкой, Медиц. флора академика Брандта и Вестник естественных наук за 4 года и другие), русской словесности (как-то: гомилетика Амфитеатрова в нескольких экземплярах, недостававшие прежде или бывшие в малом количестве произведения некоторых русских классиков, например, Кантемира, Ломоносова, Озерова, Державина; также Ад Данта в русском переводе и пр.), по языкознанию (например, академический словарь в пяти томах, общесравнительная грамматика русского языка Давыдова и пр.); еще лучше по русской истории (например, русские летописи, изданные Археографическою комиссиею, исторические акты с дополнениями к ним, Император Александр I и его сподвижники в 1812 году в 6 томах и пр.) и по медицине (Гуфеланда — Макровиотика, Чаруковского — Медицина и Гигиена, Буяльского — Общая анатомия, Жемчужина — Анатомия и физиология с атласом, Бальзаминова — Анатомический атлас и пр.); а всего лучше по богословию и церковной истории с христианскими древностями. По богословию выписаны: Догматическое богословие со введением преосвященного Макария в нескольких экземплярах и каждый в шести томах, Толкование на послание ап. Павла к евреям К. Ломба, две Герменевтики, Введение в богословие Перонния в двух больших томах (последние четыре сочинения на латинском языке), Пастырское богословие в четырех томах Гинтербергера, Патрология Голдвицера в двух томах, Литургика Лефта в трех томах и Историко-критическое введение в Св. книги Ветхого Завета Гербста в двух томах (эти четыре сочинения на немецком языке), литургия И. Златоустого, Страстная седмица Иннокентия и Слова и беседы митрополита Московского Филарета во французском переводе Стурдзы, Проповеди того же Иннокентия на русском языке, Истинно древняя и истинно православная церковь нынешнего митрополита С.-Петербургского Григория, Курс церковного законоведения архимандрита Иоанна, Творения Лактация и Тертуллиана в русском переводе, а по церковной истории с археологией: Достопримечательности христианской археологии Вильгельма Августа в 12 томах, Главнейшие достопримечательности христианской католической церкви, взятые из древних, средних и новейших времен, Иос. Бингерим в 17 томах, опыт истории библейского откровения Ганеберга (эти три сочинения на

немецком языке), История российской церкви в пяти частях Филарета, ныне архиепископа Харьковского; История древней российской церкви, История раскола и История христианства в России до Великого Князя Владимира — все три преосвященного Макария; История Московской духовной академии Смирнова и Киев с его духовной академией Аскоченского. Часть указанных здесь и многих других, не указанных, прекрасных приобретений книжных для семинарской библиотеки в последнее время, особенно на немецком языке, принадлежит нынешнему ректору Тобольской семинарии от архимандриту Паисию.

Сколько же в настоящее время всех книг в Тобольской семинарской библиотеке? К 1848 году в ней было:

А. В библиотеке древних языков:

	нумеров	томов
по богословию	316	486
философии и естественной истории	56	111
словесности	146	204
математике	4	5
истории, географии и древностям	108	163
языкознанию	112	128
Итого	**742**	**1097**

Б. В библиотеке русской:

по богословию	530	822
философии и естественной истории	122	251
словесности	275	683
математике	48	65
истории, географии и древностям	365	800
языкознанию	25	30
Итого	**1365**	**2651**

В. В библиотеке французской:

по богословию	37	97
философии и естественной истории	32	59
словесности	11	16
истории, географии и древностям	38	134
математике	1	1
языкознанию	22	34
Итого	**141**	**341**

Г. В библиотеке немецкой:

по богословию	61	83
философии и естественной истории	28	39
словесности	30	42
математике	2	5
истории, географии и пр.	17	22
языкознанию	22	27
Итого	**160**	**218**

Д. В библиотеке малоизвестных языков:

по богословию	56	57
естественной истории	1	1
словесности	5	5
математике	1	1
истории, географии	11	11
языкознанию	12	12
Итого	**86**	**87**

Е. В пособия географические:

Атласов и глобусов	23	

Ж. В библиотеке книг, не принадлежащих к духовному просвещению:

по гражданскому правоведению	37	59
медицине*	98	125
сельскому хозяйству	81	151
Итого	**216**	**335**

Итак, во сто лет (1748–1848) существования семинарской библиотеки (разумеется, за исключением в разные времена, хотя и немногих книг, за ветхостью и за утратою) в ней скопилось книг нумеров 2733, а томов — 4752.

В последние десять лет (1848–1858) в семинарскую библиотеку книг поступило вновь:

А. *В библиотеку древних языков*:

по богословию	47	59
философии	4	4
словесности	23	27

* В обоих этих отделах книги не только на русском, но и на латинском.

истории	7	16
языкознанию	17	18
Итого	**98**	**124**
Б. ***В библиотеку русскую:***		
по богословию	224	393
философии и естественной истории	36	53
словесности	44	64
математике	17	20
истории, географии и археологии	130	221
языкознанию	13	16
Итого	**464**	**767**
В. ***В библиотеку французскую:***		
по богословию	11	36
словесности	7	9
истории и географии	3	37
языкознанию	1	1
Итого	**22**	**83**
Г. ***В библиотеку немецкую:***		
по богословию	5	9
истории церковной	8	49
языкознанию	3	4
Итого	**16**	**62**
Д. ***В библиотеку на малоизвестных языках:***		
по богословию	35	35
словесности	2	2
математике	4	4
истории	3	3
языкознанию	2	2
Итого	**46**	**46**
Е. ***В пособия географические:***		
Атласов и карт	4	
Ж. ***В библиотеку книг, не принадлежащих к духовному просвещению:***		
по гражданскому правоведению	8	12
медицине	43	50

сельскому хозяйству	117	264
Итого	**168**	**326**

Итак, в течение последних десяти лет книг в семинарскую библиотеку вновь поступило нумеров 818, томов 1412. Следовательно, по всей фундаментальной библиотеке в настоящее время имеется книг нумеров 3551, а томов 6164.

Сложив книги одного и того же рода, имеющиеся на разных языках, получим следующий вывод: в библиотеке находится книг:

	нумеров	томов
Богословских	1322	2077
философских по естественной истории*, физике** и пр.	279	518
литературных	543	1052
математических	77	101
исторических, географических	690	1456
филологических	229	272
по гражданскому правоведению	45	71
медицинских	141	175
по сельскому хозяйству	198	415
географических пособий	27	27
Итого	**3551**	**6164**

Сложим еще книги по языкам, на которых они написаны. В этом случае получится вывод такой:

	нумеров	томов
1. Русских вместе с славянскими	2210	4065
2. Латинских и отчасти греческих и еврейских	870	1262
3. Французских	163	424
4. Немецких	176	280
5. На языках малоупотребительных	132	133
Итого	**3551**	**6164**

При рассматривании двух вышеприведенных перечней книг семинарской библиотеки (до 1848 г. и с 1848 по 1858 гг.)

* При семинарской библиотеке есть и кабинет естественной истории, получивший начало бытия своего при Преосв. Антонии III (1803–6 гг.), но состоящий преимущественно из пожертвований Преосв. Афанасия. В нем по части ископаемого царства 202 нумера, а штуфов есть сот до семи или осьми; животного — 11 нумеров, растительного — 9.

** В физическом кабинете 42 инструмента.

резко бросается в глаза сильно быстрое умножение их в последние 10 лет. В самом деле, с 1848 по 1858 гг. чрез пожертвования*, покупку в Тобольске и выписку из столиц в семинарскую библиотеку книг поступило 818 нумеров в числе 1412 томов, что составляет $4^3/_{10}$ всего нынешнего книжного богатства (3551 нумер, 6164 тома) семинарской библиотеки. Если она на будущее время постоянно будет так же возрастать, как возрастала в последние десять лет, то через 43 года, а именно в 1901 году, она уже удвоится, будет заключать в себе 7102 нумера и слишком 12328 томов. Но это сомнительно, даже более чем сомнительно. И, во-первых, трудно ожидать, чтобы в каждое из следующих десятилетий являлось столько благотворителей для семинарской библиотеки, сколько их было в последнее пред сим десятилетие**. Во-вторых, трудно, даже труднее чем пожертвований, ожидать, чтобы в следующие десятилетия столько же представлялось случаев к выгодным покупкам книг в самом Тобольске, сколько представлялось их в недавнее время. В-третьих, и всего более, против ожиданий умножения семинарской библиотеки такого же быстрого, как оно было с 1848 года, говорит прежний, столетний опыт: с 1745 или 1748 г. по 1848 г. накопилось книг (конечно, за исключением в разные поры некоторых из них, впрочем, немногих, то по ветхости, то за утратою) всего только 2733 нумера в числе 4752 томов. Правда, в первые 70 лет своего существования библиотека не имела, как теперь, штатного оклада, да и вся семинария тогда имела слишком ограниченные средства к своему существованию, но в последние 30 лет, т.е. с преобразования семинарии в 1818 году и по 1848 год, средства к существованию и умножению ее были те же самые, что и теперь, а в эти три десятилетия такого приращения библиотеки, какое было в последнее пред сим десятилетие, не было, как это мне очень хорошо известно.

Далее при рассматривании перечней книг семинарской библиотеки резко выказывается преобладание после русских с славянскими книг латинских перед книгами французскими и немецкими: в настоящее время латинских книг с неко-

* В 10 лет было пожертвовано около 389 разного рода сочинений в числе около 557 томов!

** О пожертвованиях в семинарскую библиотеку в последние 10 лет преосвященными Георгием и Евлампием, протоиереем Ласточкиным и другими было сказано выше.

торыми греческими и весьма немногими еврейскими в семинарской библиотеке 870 нумеров в числе 1262 томов, тогда как французских только 163 нумера в числе 424 томов, а немецких — 176 нумеров в числе 280 томов. Значит, книг на древних языках, и преимущественно на латинском, близ пятой части всей семинарской библиотеки (нумеров в семинарской библиотеке 3551 и томов 6164*; между тем как на языках новейших число книг едва восходит до $8^3/_4$; если же взять их порознь, то французские книги будут составлять только $14^1/_2$ часть, а немецкие и того менее — всего 22 часть всей семинарской библиотеки. Впрочем, явление это объясняется очень просто. В семинариях, равно как и во всех духовных учебных заведениях, почти до настоящего времени господствовал латинский язык; на нем в них преподавались главные предметы учения: богословие, философия и словесность, на нем в них употреблялись по этим предметам учебники и сдавались лекции, на нем ученики писали множество своих сочинений, а некогда были заставляемы и говорить не только с учителями, но и между собой; знанием его часто оценивались и успехи учеников, а главное то, что в прежние времена не только в России, но и во всей Европе почти по всем отраслям знания человеческого, и особенно по богословию, церковной истории и археологии, философии, медицине, наукам естественным и пр., ученые, самые лучшие творения издавались обыкновенно на латинском языке. Что ж касается до языков французского и немецкого, то преподавать их в семинариях начали довольно поздно, только около 1800 года, притом и преподавались они слабо, и к обучению им никогда не обязывались все воспитанники семинарий, а или только наполовину (т.е. каждый обязывался учиться которому-нибудь одному из них), или даже только некоторые, одни желающие. Притом долгое время, до осьмисотых годов и даже далее, а именно до преобразования семинарий (Тобольская семинария преобразована в конце 1818 года), в этих учебных заведениях почти вовсе некому было и пользоваться французскими и немецкими книгами, потому что из наставников и начальников их или никто не знал сих языков, или знали только весьма немногие. Но в последнее время в семинариях многое уже

* Я беру здесь в расчет не число нумеров, а число томов, что, по моему мнению, и справедливее.

изменилось, между прочим и в отношении к знанию языков, по крайней мере теперь каждый начальник, каждый наставник семинарии основательно знает сверх древних языков если не оба новейшие, помянутые языки, то непременно который-нибудь один и охотно на нем или на них читает. К тому же в новейшее время и книг ученых, например, по богословию и церковной истории с древностями церковными, на латинском языке выходит в свет гораздо уже менее, чем прежде; напротив, на языках французском и немецком их выходит уже много, даже очень много. А потому в настоящее время семинарские начальства (по крайней мере мы можем это сказать о начальстве семинарии Тобольской) и заботятся о преумножении библиотек не только русской и латинской, но французской и немецкой.

Но возвратимся к описанию семинарской библиотеки. Описываемая библиотека Тобольской семинарии называется *фундаментальною:* а) для отличия от библиотек: *продажной* (состоящей из учебников, которые предназначены для продажи своекоштным[152] ученикам семинарии и подведомственных ей духовных училищ), *безмездной* (состоящей из тех же учебников, но служащих для безмездного пользования ими воспитанникам семинарии, обучающимся по бедности родителей или по сиротству на казенном содержании) и *классической,* и б) конечно, по ее назначению служить фундаментом, основанием духовного образования. Она (фундаментальная библиотека) собственно состоит, как это можно было видеть и из вышеприведенных перечней книг, из весьма неравных между собою шести или даже семи библиотек*: 1) из библиотеки на древних языках, т.е. латинском, греческом и еврейском, 2) из библиотеки русской и вместе славянской, 3) французской, 4) немецкой, 5) из библиотеки книг на малоизвестных языках**, 6) географических пособий и 7) из книг, не принадлежащих духовному образованию (по гражданскому законоведению, медицине и сельскому хозяйству)***. Каждая или почти каждая из них, согласно форме для каталогов библиотек, состоящих при учебных заведениях духовного ведомства, разделяет-

* Русская библиотека состоит из 1829 сочинений в числе 3418 томов, тогда как в библиотеке географических пособий всего 27 нумеров.

** Польском, монгольском, финском, шведском и пр.

*** В настоящее время, когда лет 12 тому назад медицина и сельское хозяйство введены в круг наук, преподаваемых в семинариях, это, конечно, уже анахронизм.

ся на отделы: богословие, философия, словесность, математика, исторические науки и языкознание, а отделы, в свою очередь, разделяются на разряды от 3 до 8; например, отдел богословия разделяется на: а) Библию, б) Симфонии, в) Отцов церкви восточных и западных, г) Толкователей Св. Писания (не принадлежащих к отцам церкви), д) Системы наук богословских, е) Проповедников, ж) Каноническое право и обряды и з) Смесь богословскую; отдел философии состоит из разрядов: 1) Древних философов, 2) Систем наук философских, 3) Физики, 4) Истории философской, 5) Натуральной истории, 6) Педагогики и 7) Смеси философской, а в состав отдела языкознания входят разряды: 1) Грамматики, 2) Лексиконы, 3) Филология и 4) Смесь. Кроме того, и в разрядах книги размещаются еще по формам: в лист, в четверть листа, осьмую долю и менее, да еще книги авторов неизвестных отделяются от книг, коих авторы известны. Эта, по-видимому, крайняя дробность* вознаграждается удобством посетителю обозреть библиотеку, а желающему пользоваться библиотекою — отыскивать нужные ему сочинения, и, сверх того, возможностию для библиотекаря разместить книги в более приятном на взгляд порядке, а главное, в данном и небольшом месте поместить гораздо большее число книг чрез умножение в шкафах для малоформатных книг числа полок, что для библиотеки с помещением тесным, каково помещение библиотеки Тобольской семинарии, важно, даже весьма важно.

Самый богатый из отделов библиотеки Тоб. семинарии по количеству и качеству книг, как и следует для библиотеки духовного учебного заведения, богословский. Он состоит из 1322 нумеров в числе 2077 томов, значит, в нем книг более трети всей семинарской библиотеки (3551 нумер, а томов 6164). Но если б присовокупить к богословскому отделу еще сочинения по библейской и церковной истории с географией, то он, по всей вероятности, составил бы близ половины всей семинарской библиотеки. И какое богатство в разрядах его! Например, в первом его разделе каких нет библий! Кроме славянских, есть там библии еврейские, греческие, латинские, немецкие, польские, шведские и пр., и пр.; притом есть из них и многотомные, каковы Библия Деванса и еще другая, поступившая

* От размещения по форматам иногда происходит то, что одно и то же сочинение и одного и того же автора, только разных изданий и форматов, помещается далеко и далеко одно от другого.

от преосвященного Владимира, есть с перифразами, краткими объяснениями, со множеством рассуждений и изысканий, с картами, планами, изображениями древностей и пр., и пр. Или: в разряде отцов церкви того же отдела есть все Св. Отцы, как восточные, так и западные, притом важнейшие из восточных, между прочим, Василий Вел., Григорий Богослов и Иоанн Златоустый не только в подлинниках и в нескольких экземплярах, но и в переводах на языки латинский, славянский и чисто русский. За богословским по качеству и количеству книг следует отдел исторический: нумеров в нем 690, а томов 1456. Один из его разрядов, и именно: география, история, хронология и древности библейские и церковные — так хорош, так богат, что едва ли в какой-либо другой русской семинарии, а быть может, в иной и академии духовной, он находится в таком отличном состоянии! Иосиф Флавий, Евсевий, Созомен, Сократ, Бароний, Пагий, Свицер, Спангейм, Буддей, Бингам, Флери, Маттер, Руттенштоп, Неандр, Вильгельм Август, Иос. Бинтерим, отличный Атлас библейской географии и изображений древностей священных, целые фолианты с изображениями библейских событий — словом, все или почти все тут есть... Этот разряд тобольской семинарской библиотеки улучшением своим во многом одолжен покойному преосвященному Афанасию; он и сам, как мы видели выше, делал в него хорошие пожертвования, и у Св. Синода исходатайствовал для него немало хороших книг. Затем следуют по числу книг отделы: литературный (543 нумера в числе 1052 томов), философский с естественно-историческим (279 нумеров в числе 518 томов), филологический (229 нумеров в числе 272 томов), агрономический (198 нумеров в числе 415 томов), медицинский и математический (77 нумеров в числе 101 тома), гражданское правоведение и географические пособия (27 нумеров). Что в семинарской библиотеке отделы математики и географических пособий так скудны, то это совершенно в порядке вещей: в семинариях, по понятным причинам, из всех частей математики преподаются только алгебра, геометрия и редко-редко где тригонометрия, да и воспитанники вообще этими предметами занимаются весьма неохотно, а география в семинариях и вовсе не преподается, так как ее проходят ранее, еще в училищах духовных, где есть свои, хотя и скудные, библиотеки. При всем том с полною уверенностию можно полагать, что библиотека Тобольской семинарии, как по числу составляю-

щих ее книг, так и по внутреннему их достоинству, есть одна из лучших семинарских библиотек и есть «самая большая», самая обширная из всех библиотек, существующих в Сибири.

Как семинарская библиотека старинная, существует уже более 100 лет, и как в основание ее были положены книги такого лица, которое более нежели целой половиной своей жизни принадлежало еще XVII столетию, то в ней, особенно в библиотеке древних языков, много книг старинных, изданий давнишнего времени, массивных — в огромнейший лист или в большую четвертку и чуть не в четверть толщины, переплетенных в дубовые доски (это наши славянские и преимущественно богослужебные книги), а еще чаще в пергамент и белую, на манер только пергамента, кожу, а также и в кожу печеночного цвета. Все это в настоящее время и любопытно, и как-то странно, особенно на первый раз, и для нас, привыкших к изданиям легким и малоформатным, пользоваться старинными книгами кажется уже неудобным, несподручным. Между старинными книгами семинарской библиотеки есть один фолиант латинский, но напечатанный немецким шрифтом, и есть немало книг греческих, но напечатанных такими буквами, что и хороший еллинист, но не знакомый с греческою палеографиею, не скоро что-нибудь прочитает в них и ему придется наперед присматриваться к ним, сличать, соображать.

Библиотека Тобольской семинарии старинная, но страшно, что в ней очень мало рукописей, всего только пять (об них будет сказано ниже): нет в ней, например, не только каких-нибудь рукописных прологов, сказаний о местных святых и святынях, кормчих, актов, относящихся до края, до церкви сибирской, но даже нет лекций, которые некогда читали учителя и профессора Тобольской семинарии своим ученикам*; нет речей и стихов, которые в старые, да и не очень старые, годы были говорены лучшими учениками**, а иногда и самими учащими, пред преосвященными тобольс-

* Даже из печатных-то старинных учебников в Тоб. сем. библиотеке сохранены только весьма немногие, какой-то безыменный краткий (древнейший Платоновского) катехизис, Русская грамматика Мелетия Смотрицкого и Латинская грамматика Бантыш-Каменского.

** Исключение из этого составляет только одна, мною странно отысканная тетрадка латинских, и то печатных, стихов, которые сказаны были учениками семинарии пред Преосв. Варлаамом. Помнится, что между ними есть стихи и старца от. протоиерея Вас. Ос. Кузнецова и его брата.

кими во дни их тезоименитств, в праздники Пасхи, Рождества Христова и в Новый год, а также на публичных экзаменах; нет собраний лучших профессорских и ученических проповедей, что все есть в библиотеках других семинарий, если не всех, то по крайней мере некоторых*. Но скажут: «Все то мелочи, пустяки, не стоит и жалеть о них!». Знаю, что для многих и, быть может, для весьма многих это действительно мелочи и пустоши, но для того, кто хотел бы узнать ход духовного образования в Сибири, например, с учреждения в Тобольске школы митрополитом Филофеем или хотя бы с открытия митрополитом Антонием II в 1743 году семинарии, это вовсе не пустошь, это для него была бы живая летопись. Полюбопытствуйте заглянуть в истории академии Киевской Макария и Московской Славяно-греко-латинской Смирнова: как живо, как хорошо в них, особенно в истории Славяно-греко-латинской академии, описан, раскрыт ход учения в старые годы в этих духовно-учебных заведениях, а авторы могли это сделать, только пользуясь, с намерением читая и изучая оставшиеся в библиотеках тех заведения старинные учебники, лекции преподавателей, ученические и студенческие упражнения и пр. Но опять скажут: семинарии не могут идти в сравнение с академиями; эти последние высшие духовно-учебные заведения имели и имеют обширнейший круг деятельности и производили влияние на образование всей российской иерархии, даже отчасти целой России! Так, но и семинарии имеют свой круг деятельности, конечно, местный, имеют, так сказать, свой муравейник, и в этом-то муравейнике всегда найдутся люди любознательные, которые пожелают знать, как и что делалось в их муравейнике прежде них. Притом и в Тобольской семинарии были по временам преподаватели отличные, из которых некоторые впоследствии преподавали и в академиях, таковы, например, были ректор Тобольской семинарии Илия Шумилевич (с 1774 по 1785 гг.), Филарет (до 1812 г.), впоследствии инспектор Петербургской и ректор Московской духовных академий, и, наконец, митрополит Киевский, и Евгений, ныне Псковский архиепископ; таковы были еще иеромонах Леонтович, П.А. Словцов (после профессорства

* Напр., в Ярославской семинарии. Там речи и стихи даровитых учителей и учеников собраны в особые книги и прекрасно, в золотые обрезы, переплетены.

Тобольской семинарии он некоторое время был профессором Петербургской академии), архимандрит Иакинф Бичурин, впоследствии знаменитый писатель о Китае, и священник, а наконец и обер-священник, и писатель духовный Мансветов. Думаю, иным, даже и не учившимся в Тобольской семинарии, не было бы противно познакомиться с содержанием, с духом лекций таких лиц.

Выше было сказано, что в тобольской семинарской библиотеке очень мало рукописей — всего только пять*. Какие же это рукописи? 1) Гранограф времен царя Алексея Михайловича, 2) Rostra Tulliana ad formandos et c.**, 3) Догматико-полемическое богословие архимандрита Поликарпа, 4) История Тобольской семинарии и 5) Сибирская летопись. С двумя первыми рукописями, за недавним их поступлением в семинарскую библиотеку (в 1857 г.), я не знаком. Третья есть не что иное, как богословские лекции, которые архимандрит Поликарп в тридцатых годах и ранее преподавал в Московской духовной академии. История Тобольской семинарии очень краткая, особенно вначале, историческая записка о семинарии с открытия ее в 1743 по 1809 гг. (помнится так). Она составлена ректором Тобольской семинарии архимандритом Михаилом Бурдуковым (бывшим впоследствии архиепископом Иркутским), но до конца (до 1809 г.) доведена уже учителем семинарии, впоследствии протоиереем ялуторовским, Степан. Богородицким. Сибирская летопись (довольно большой фолиант, писанный на синей бумаге) начинается с покорения Сибири Ермаком и продолжается до 1760 года. Академик Фальк, бывший в Тобольске во второй половине прошлого столетия, или кто-то другой пустил в ход известие, будто летопись эта составлена ямщиком Черепановым, но невероятно, по крайней мере не совсем вероятно, чтобы ямщик был так смышлен, чтобы был в состоянии сделать это дело: составить, хотя и по прежним летописям и старинным актам, целую летопись. Абрамов с большею вероятностию полагает, что она составлена кем-нибудь из находившихся при Тобольском архиерейском доме, где действительно всегда бывали грамотные люди. Но кто бы ни был сочинитель этой летописи, только он не чужд был

* Сверх этих пяти, помнится, есть еще две: одна что-то толкует об алкоране[1], а другая раскольническая, но об них не стоит и упоминать: первая есть и печатная, а вторая — не важная.

** См. выше, где было говорено о пожертвованиях в семинарскую библиотеку и, между прочим, о пожертвовании г. Варлакова.

познаний, и не исторических только, потому он иногда сообщает сведения о Сибири статистические, географические, естественно-исторические; и вот причина, почему покойный П.А. Словцов (Историческое обозрение Сибири, книга 1, стр. 9 и 10) не хочет его произведение называть летописью, а называет сборником. Описываемая летопись не чужда и погрешностей, что замечает и Словцов (там же, стр. 10), но этих погрешностей весьма немного, потому пишущий о Сибири, особенно по части истории, без вреда себе, кажется, не может оставить ее без внимания. В печати описываемой летописи нет, да и рукописных ее экземпляров на свете едва ли не четыре только: а) в библиотеке Тобольской семинарии, б) у наследников Карамзина, для которого копия с нее была снята Тобольской гимназией*, у Н.А. Абрамова и в Географическом (или другом каком, хорошо не помню) обществе, куда был доставлен (экземпляр) сейчас упомянутым Абрамовым.

Тобольская семинарская библиотека помещается под колокольной Знаменского монастыря. Помещение это в настоящую пору уже очень тесное и всегда не совсем удобное: лестница в нее крутая и узкая между двух каменных стенок, пол в ней кирпичный, и оттого между прочим в ней всегда немало изобилье пыли, которой до ревизии в 1832 году семинарии преосвященным Афанасием было и еще более, потому что шкафы до того времени оставались без стекол; о стуже в ней зимой и долго весной и об опасности библиотекарю в эти времена года простудиться нет нужды и говорить. Но как по пословице «нет худа без добра», то и помещение семинарской библиотеки не без выгоды: оно удалено от всех жилых с печами строений и, следовательно, хранящиеся в нем книги совершенно безопасны от огня. В конце июля или начале августа 1844 года в колокольню ударила молния, но для библиотеки вреда от этого не было: выскочило несколько стекол в одном окне, было выбито два-три кирпича из подоконья, обломками этих кирпичей поколотило около пятка стекол в одном шкафе и только потому, что в библиотеке дерева, кроме книжных шкафов, нет, нет даже косяков (деревянных) в окнах и колод у дверей — все камень.

Пользоваться книгами семинарской библиотеки по закону, существующему для семинарии, имеют право не толь-

* Сведение об этом не в свое время было сообщено бывшим директором гимназии Ив. П. Менделеевым. Кроме того, см. конец 644 примеч. на 9 т. Ист. Росс. Гос. Карамзина.

ко учащиеся семинарии, но и все ученики, оттого их в расходе всегда бывает много. Это вредно для книг: русские книги, особенно выходящие вновь и удобопонятные, например, Воскресное чтение, Путешествия ко св. местам, Путешествие вокруг света Дюмон-Дюрвиля, проповеди Иннокентия, литературные журналы, где много романов и повестей, и пр., и пр., скоро бьются, но этот вред почти маловажен в сравнении с пользою, какую доставляет чтение хороших книг для учеников, для их образования, для их нравственности. Притом и этот вред для фундаментальной библиотеки в настоящее время устраняется: при семинарии для чтения ученикам уже заведена, поддерживается и постоянно умножается особая библиотека под названием ученической*.

Прекрасный, немногосложный, а между тем самый надежный существует при семинариях порядок как для отчетности по библиотекам, так и для охранения их от растраты, от ущербов.

Обыкновенно бывает три экземпляра каталога всякой семинарской библиотеки: один из них находится в правлении академии, в округе которой состоит семинария, другой — в местном семинарском правлении, а третий — в библиотеке у библиотекаря. Положим, что поступает вновь какая-нибудь книга, секретарь по постановлению семинарского правления своей рукой немедленно записывает ее как в правленском каталоге, так и в каталоге библиотечном, затем книгу сдает библиотекарю с распискою. В случае утраты или ветхости книги библиотекарь входит с рапортом в семинарское правление, а это по поверке доносит о том правлению академическому; то, предписав о взыскании с виновного за утраченную книгу или согласившись на уничтожение ветхой книги, отмечает это в имеющемся у него каталоге, а семинарское правление, получив ответ из академии, то же делает рукой своего члена или секретаря в своем и библиотечном каталогах. Таким образом, никогда и ни одна даже брошюра не пропадает в семинарских библиотеках без вести, без взыскания или с потерявшего, или с самого библиотекаря, если он оплошен**. Всякая растрата книг и молча-

* Об этом ниже будет особое прибавление.

** В оплошность, в вину библиотекарю ставится потеря книги и в том между прочим случае, если книга пробудет у профессора без востребования со стороны библиотекаря более месяца, а у ученика более одной недели, и затем книга та окажется утраченною. При таких правилах библиотекарь поневоле бывает деятелен, исправен по своей должности.

ние о том библиотекаря, если б это было, открываются в конце июля при освидетельствовании библиотеки ректором семинарии (при этом, правда, требуют книги только на выдержку, но в два или три приема все же заставят показать по крайней мере сот пять или шесть нумеров. Если б случай и помог библиотекарю на год, много на два скрыть фальшу, то, без всякого сомнения, она обнаружится во второй, третий год или при сдаче библиотеки одним и приемке ее другим библиотекарем: при скудости содержания, какое получают служащие при семинариях, и строгой ответственности за фальшивые поступки никакой преемник не захочет принять на себя ответственность в беде своего предместника-библиотекаря.

Краткий очерк ученической библиотеки, состоящей при Тобольской семинарии

Цель заведения при семинарии ученической библиотеки, совершенно отдельной от библиотеки фундаментальной, та, во-первых, чтобы предохранить, по возможности, на будущее время от порчи русские и преимущественно новые книги фундаментальной библиотеки, которые от частого чтения учениками год от году приходят в большую ветхость; во-вторых, та, чтобы распространить между учениками семинарии наиболее основательных познаний, чего при множестве учеников и при одной фундаментальной библиотеке, в особенности при весьма ограниченной штатной сумме, отпускаемой на библиотеку, достигнуть совершенно невозможно; в-третьих, и, наконец, та, чтобы ученики, полюбив чтение хороших новейших книг, выписываемых на их собственные деньги, приобрели чрез это охоту выписывать их и по поступлении на епархиальную службу на церковную сумму или на свой счет (если только будут у них к тому средства) и чтобы, таким образом, развился в духовенстве сильнее против настоящего вкус к духовной литературе, чтобы в нем поддерживались и расширялись познания, приобретенные им в бытность в учебном заведении, и чтобы оно более и более делалось способным к прохождению своих священных обязанностей.

Честь учреждения собственно ученической библиотеки при Тобольской семинарии принадлежит нынешнему ректору оной отцу архимандриту Паисию. Он первый подал о ней мысль, он же, впрочем, при усердном содействии инс-

пектора семинарии В.Н. Арзамасова ту мысль привел и продолжает приводить в исполнение.

Дело это происходило и происходит так: отец ректор Паисий в 1854 году по вступлении в управление Тобольской семинарией подал в семинарское правление записку о необходимости завести при семинарии особую ученическую библиотеку и начал предлагать ученикам о пожертвованиях на выписку новых книг. Ученики с полною охотой изъявили согласие на эти предложения и стали жертвовать кто и сколько мог. Но все их пожертвования по известным всякому средствам воспитанников семинарии и их родителей и по новости дела были не более, как лепты евангельской вдовы. Их в январе 1855 года скопилось на выписку только пяти сочинений (которые и послужили краеугольным камнем ученической семинарии); потому его высокопреподобие обратился с предложениями и убеждениями о пожертвованиях книгами к частным лицам в Тобольске, имеющим собственные большие или малые библиотеки. К счастью, семя слова его пало на землю восприимчивую, плодородную. Апреля того же 1855 года покойный потомственный почетный гражданин и коммерции советник Н.С. Пиленков прислал в ученическую семинарскую библиотеку целый воз книг в числе 44 нумеров, затем последовали пожертвования от смотрителя тобольских духовных училищ Н.С. Знаменского (10 нумеров, из которых один, и именно Деяния Петра Великого с дополнениями, в числе 22 томов), от секретаря Каз. палаты г. Ястребова (5 нумеров), профессора семинарии М.И. Емельянова и других. Вследствие этих пожертвований книгами от посторонних лиц и деньгами, по хлопотам инспектора семинарии от самых учеников ученическая библиотека в два года своего существования, и именно в 1855 и 1856 годах, возросла до 150 нумеров. Но 1857 год для этой библиотеки был еще плодовитее: А.С. Пиленков прислал в нее 73 нумера, да сам от. ректор для нее же выписал от книгопродавцев на ученические деньги и купил в Тобольске у разных лиц на собственный счет 80 сочинений. Наконец, в феврале настоящего года на Ирбитской ярмарке куплено на ученические же деньги 28 нумеров новых книг. Таким образом, к началу марта сего 1858 года в ученической библиотеке книг состояло 332 нумера. Не забудем при этом замечания, сделанного выше при описании пожертвований в фундаментальную библиотеку, а именно, что 31 нумер в числе 60 томов из пожерт-

вований купцами Пиленковыми, за излишеством и неудобством помещаться в ученической библиотеке, внесены в каталог библиотеки фундаментальной. Как было бы хорошо для ученической библиотеки, если б она и в следующие трех- или четырехлетия настолько же возрастала, как возросла в первое трех- или четырехлетие! Думаю, что это желание, пожалуй, мечта эта осуществилась бы на самом деле, если б прибегнуть еще к третьему средству умножать ученическую библиотеку: обращаться от времени до времени с подпискою на этот предмет по всему духовенству Тобольской епархии.

Книги ученической библиотеки, как и вообще все книги, неодинакового достоинства: есть между ними хорошие, но есть и отзывающиеся посредственностью; есть новые, лишь вышедшие в свет, но есть и отжившие уже свой век. Это от того, между прочим, что библиотека составилась чуть не наполовину из пожертвований, а жертвователи, приобретая книги для себя, имели при этом в виду свои цели, свои инстинкты, да и жертвовали они книги не только ими самими приобретенные, но и наследованные от своих предков. Впрочем, книг духовных, книг новых, книг хороших в ученической семинарской библиотеке несравненно более, чем светских, старых и плохих.

Из книг духовного содержания укажем на Библию елизаветинского издания, Кормчую книгу, на творения Св. Отцов в русском переводе: Иоанна Златоустого, Макария Египетского и Иоанна Лествичника; слова и речи митрополитов: Московского Филарета и С.-Петербургского Григория, архиепископа Амвросия Протасова и других новейших проповедников; Полную Священную историю Ветхого и Нового Завета с 700 картинками; Историю русской церкви Филарета, архиепископа Харьковского; на римских пап Ранке, Жития святых общих святителей Димитрия Ростовского и единственно русских с славянскими и иверскими Муравьева, Лавсаик Палладия[34], Библейско-биографический словарь, Истинно древнюю и истинно православную церковь м[итрополита] Григория, Беседы к глаголемому старообрядцу м[итрополита] Филарета; Обозрение ложных религий архимандрита Израиля, Дни Богослужения и некоторые другие сочинения в том же роде протоиерея Дебольского, Сказание о странствии по России, Молдавии, Турции и святой земле Парфения и пр., и пр. Вообще книги ученической библиотеки ду-

ховного содержания и в настоящее время могут достаточно, по крайней мере в значительной степени, особенно вместе с книгами фундаментальной библиотеки*, удовлетворять душу, жаждущую духовного просвещения.

Из книг светских можно указать на Путешествие вокруг света Дюмон-Дюрвиля[155], Деяния Петра — В. Голикова, Биографии российских генералиссимусов и фельдмаршалов Бантыш-Каменского, Очерки древней греческой философии Каткова, Зоология Едварса, Книгу природы Шодлера, Енеиду Виргилия, Фауста Гете и Творения Шиллера (в переводах русских поэтов), Горе от ума и на 4 книги живописного обозрения.

Ученическая библиотека помещается в особом шкафу в комнате для занятий учеников высшего отделения семинарии и находится в ведении одного из благонадежнейших учеников сего отделения. Для записывания книг, поступающих в эту библиотеку, имеются два каталога, из которых один хранится в семинарском правлении, а другой у ученика, заведывающего библиотекой.

Библиотека и минералогический кабинет покойного преосвященнейшего Афанасия

Из частных библиотек в Тобольске я буду описывать только бывшие, а не существующие. Причина понятна: я уже несколько лет как более не житель Тобольска.

Из библиотек, принадлежавших частным лицам Тобольска, бесспорно, самая значительная по числу и достоинству книг библиотека покойного архиепископа Тобольского и Сибирского Афанасия.

Первым основанием библиотеки преосвященнейшего Афанасия послужили книги, полученные им от отца (протоиерея Ярославской губернии города Любима Федора Протопопова) еще в бытность его учеником семинарии в виде учебных пособий**. На собственный счет преосвященнейший Афанасий начал приобретать книги между 1803 и 1808 годами, в бытность

* Те книги, которых нет в ученической библиотеке или которые не могут быть заменены другими, подобными находящимся в сей последней, ученикам и до сих пор для чтения выдаются из библиотеки фундаментальной.

** Из них до смерти его хранились: богословия на латинском языке, церковная (рукописная) археология (также на латинском языке) и несколько латинских классиков.

учителем Ярославской семинарии, но начал приобретать, по причине крайней ограниченности получаемого в то время учителями семинарий содержания (от 100 до 200 рублей ассигнациями в год), разумеется, в самом малом количестве. Но после 1808 года и эти скудные приобретения книг прекратились на целых шесть лет — на все то время, которое он провел в С.-Петербургской духовной академии по новому ее образованию. Возобновились же они только в конце 1814 или в начале 1815 года, когда преосвященнейший Афанасий по окончании академического курса учения был определен инспектором и бакалавром академии, и с тех пор продолжались и в Казани, в бытность его ректором Казанской академии (по старому ее образованию), и в Твери, в бытность его там ректором семинарии, и в Киеве, где он служил в сане епископа викарием Киевской митрополии, и в Нижнем Новгороде, где он был самоместным[56] епископом, и, наконец, в Тобольске, в бытность его здесь в сане архиепископа, продолжались книжные приобретения, то усиливаясь, то ослабевая, смотря по тому, в каком состоянии находились его денежные средства*. Выписка книг преосвященнейшим прекращена была с небольшим за год до смерти (последовавшей 21 сентября 1842 года) с целью скопить несколько денег на возвратный путь в Россию и перевозку библиотеки в случае перемещения на другую (одну из малороссийских или великороссийских) епархию или увольнения на покой в родной Ярославль, просьбою о чем он в последнее время по своему болезненному положению намерен был утруждать Св. Синод. Предполагаю и другую причину прекращения в то время выписки книг: преосвященнейший Афанасий в последний год жизни, вероятно, чувствуя в болезнях зов себя в другую, неземную жизнь, почти совсем перестал читать книги светского содержания, предавался чтению почти исключительно книг духовных, а таких у него и без выписываемых вновь было слиш-

* У Преосвященнейшего Афанасия денежных средств наиболее было: а) в Твери, потому что там он, сверх жалованья по должности ректора и профессора семинарии, получал довольно большие доходы из первоклассного Калязинского Макариева монастыря по званию настоятеля сей обители, и б) в Тобольске, потому что за смертию вдовы-сестры и бедного его брата и пристройкою детей сего, от него никто уже более не требовал значительных пособий. В Твери по означенной причине он имел возможность приобрести от наследников Архиепископа Ярославского Арсения Верещагина (уроженца Тверской епархии), кроме других книг, богатое собрание на греческом и латинском языках, Отцов церкви и других древних христианских писателей.

ком достаточно. Однако ж преосвященнейший пред концом жизни немного изменил своей решимости: узнав о выходе в свет двух хороших книг духовного содержания, он приказал одному из преподавателей семинарии отправить на них 20 рублей серебром. Книги были получены, но уже после его смерти.

Преосвященнейший Афанасий не был из тех собирателей библиотек, которые покупают и выписывают книги, не обращая внимания на их достоинство, и у которых главная забота та только, чтобы у них книг было как можно больше. Преосвященнейший Афанасий старался приобретать книги преимущественно знаменитых авторов, произведения, пользующиеся европейскою известностию; поэтому он держался правила, особенно после нескольких горьких опытов, выписывать объявляемое от книготорговцев творение не прежде, как когда встретит в каком-либо добросовестном повременном издании одобрительный отзыв о нем или услышит похвалу новому произведению от людей образованных, уже познакомившихся с ним. И вот причина, почему библиотека тобольского архипастыря состояла преимущественно из книг греческих, а поболее латинских и французских*: на русском языке, кроме стихотворных и некоторых по части русской истории знаменитых произведений, как всякому известно, мало**, а других языков, кроме французского, из новейших*** преосвященный не знал; с итальянским языком он познакомился было, но немного и то уже в старости; об изучении английского языка только еще думал, а приступать в летах зрелых и преклонных к изучению языка немецкого, который с латинским почти ничего не имеет общего, хотя и с сожалением, считал уже бесполезным. Утешал он себя при этом тем, что большая часть знаменитых творений ученых немецких, английских и итальянских переведены на язык французский.

* Эти и другие книги, изданные за границей, Преосв. Афанасий выписывал чрез книгопродавца петербургского Графа, а при конце жизни чрез Гауфа.

** Русских книг в библиотеке Преосв. Афанасия в последнее время было всего не с большим сотня: проповеди, библейская История, записки на книгу бытия и разговор между испытующим и уверенным Филарета, Проповеди Иннокентия, История Карамзина, Сибирские древности Спасского, Энциклопедический лексикон, Илиада Гомера в переводе Гнедича и проч.

*** Из древних языков еврейский он понимал, а греческий, и не только тот, какой в библии и у Св. Отцов, но и тот, какой у Гомера, Софокла, Фукидида, Геродота и др. древних писателей, он знал отлично.

Ценя в книгах внутреннее достоинство, преосвященнейший Афанасий дорожил и хорошею наружностию их. Он любил книги, изданные великолепно, по крайней мере опрятно, на лучшей белой бумаге, чистым, четким шрифтом, и, где нужно, с рисунками, в томах легких, удобных для чтения, и пр., и пр. Поэтому, между прочим, он не хвалил издателей книг в Германии, поэтому же он никогда не жаловал и книг русских, которые в его время действительно редко являлись в красивой, по крайней мере изрядной, наружности. Требование от книг, сверх внутренних достоинств и наружных, иногда в преосвященнейшем Афанасии, по-видимому, переступало и границы. Например, он сдал в семинарскую библиотеку по содержанию нравившиеся ему Иудейские письма к Вольтеру единственно потому, что они переводчиком Снегиревым были изданы на плохой бумаге, и еще в надежде со временем выписать их во французском подлиннике и лучше изданные. Еще пожертвовал он семинарии осьмнадцатитомную и в большую четверть листа Церковную Историю Флери потому, между прочим, случаю, что увидел возможность купить ее в новом, только шеститомном издании, притом на лучшей бумаге, меньшего (в осьмую долю) формата и лучшего шрифта; а Путешествие вокруг света Дюмон-Дюрвиля, несмотря на то, что у нас почти в одно время с появлением в свет подлинника явились вдруг два его перевода (Плюшара и Полевого), выписал на французском языке потому, что картинки при французском подлиннике были лучше, чем при русских переводах, и в справедливой уверенности, что подлинник всегда лучше перевода.

Наконец, книги у преосвященнейшего Афанасия все были в хороших переплетах, многие даже в изящных, например, сафьяновых*. От переплетчиков он обыкновенно требовал, чтоб сафьян или кожу потребляли для его книг хорошие, чтобы цветная бумага была высшего сорта и благородных цветов, чтоб обрез у книг был чистый**, чтоб книги были сколочены плотно***.

* Исключение в этом отношении сост**ляли только книги, полученные им от отца: они оставались в первобытном состоянии.

** Так как в Тобольске хороших переплетчиков не было и материалы переплетные очень дороги, то Преосв. Афанасий для немца Норамана и еврея Зюсмана на свои книги выписывал кожу и бумагу сам.

*** При этом раз в Нижнем Новгороде вот какое происшествие случилось: Преосвящ. не раз замечал своему переплетчику-еврею, что книги его переплета толще, чем бы следовало им быть судя по количеству листов. Наконец еврей как-то приносит книги, отлично сколо-

Таким образом, преосвященнейший Афанасий собирал библиотеку почти с детства и, опять почти, по самую смерть. Ей, а в последние 8 или 9 лет жизни еще и минералогическому кабинету, он жертвовал всем своим достоянием. Из всех доходов, какие он получал, доколе был архимандритом и викарием по званию настоятеля разных монастырей, и из жалованья, каким пользовался по своим должностям, преосвященнейший Афанасий некоторое время содержал бедного, вследствие отставки, старшего брата своего с семейством и только весьма немного употреблял на свои неизбежные нужды: стол он всегда имел простой и почти скудный, ряс теплых и холодных, хороших и худых у него было только пять; у него не было ни золотника собственного серебра, он не имел даже часов карманных. По кончине архипастыря имения у него, считая в том числе помянутые пять ряс, белье и все, оказалось всего на 285 рублей серебром да денег 628 рублей серебром. Это те самые, которые были скоплены преосвященным на предполагаемый возвратный из Сибири путь прекращением слишком за год выписки книг.

Месяца за четыре до кончины преосвященнейшего Афанасия мною и Г.А. Вардаковым была составлен каталог его библиотеки. Судя по ценам, какие назначены книгам в книгопродавческих каталогах, и принимая во внимание расходы на пересылку и переплет их, мы тогда библиотеку преосвященнейшего Афанасия ценили, разумеется, приблизительно в 8571 рубль серебром.

Преосвященнейший Афанасий всем достоянием жертвовал библиотеке, зато и библиотека его была хороша: она, довольно богатая по числу книг и атласов (1310 томов)*, была истинно богата по достоинству их; в ней можно было найти почти все лучшее на языках латинском, французском и отчасти греческом, пользовавшееся и доселе пользующееся европейскою известностию по многим отраслям челове-

ченные, такие тоненькие, такие уютные; Преосвященный в восхищении мастера хвалит. Но, увы! Начавши перелистывать, он видит многие листы проколоченные насквозь, до дыр, находит книги совершенно испорченными. Переплетчик в оправдание себе говорил, что ему так было приказано от самого Владыки, что он, дабы сколотить книги поплотнее, взял молот побольше, книги клал на порог и велел своему подмастерью колотить сколько можно усерднее... Об этом, вначале досадном, происшествии Преосвященнейший впоследствии при случае неоднократно вспоминал шутя.

* Ниже увидим, что прежде в библиотеке Преосв. Афанасия книг было гораздо более.

ческих знаний. Для уверения в справедливости сказанного довольно указать на замечательнейшие творения, находившиеся в его библиотеке. По *части Писания* там были: Гармония Евангелистов Хемниция, Библия Девванса (в 26 томах), Библия *par Genoude* (в 20 томах), *Bible vengée* аббата Дю-Кло, *Hierozoicon Bocharti*, Христодогия Гейстенберга, полные толкования на Св. Писание Розенмиллера, Поля, Кинеля, Коппе, Кнаппия; *по части богословских наук*: Либерман, Домбай-ер, Дедерлейн[157], Шотт. Ян, *Lowr*; Трактат об истинной религии (в нескольких томах) Бержье и его же Богословский в 8 томах словарь; *по части церковного красноречия*: кроме некоторых Отцов*, избранная библиотека Отцов церкви (на французском языке во многих томах) Гильона, все знатнейшие французские проповедники времени Людовика XIV, а из русских — Филарет и Иннокентий; *по части канонического права*: Собрание замечательнейших произведений, объясняющих каноническое право, — Дюпеня[158], Голландия и пр. (18 томов в четверть на латинском языке); *по части философии вообще и философии религий*: Платон, *Degerando*, *Baulain*, Гердер, Зороастр, Конфуций и все прочие основатели восточных религий, также *Crevzer*; *по части физики, геологии и естественных наук*: Плиний старший, Паррот, Кювье, Бюффон (в 127 томах), Лессон, Сент-Илер, Линней, *Brogniart*, *Dugès*, *Collection des planches du dictionnaire des sciences naturalles* (в 12 томах); *по части Истории церковной*: И. Флавий, Флери, Беркастель, переделанный и дополненный Ганриопом (12 т.), Мосгейм, Маттер, Руттенштокк, Священная Библия (в 29 томах на французском языке); *по части истории гражданской*: все древние греческие и римские историки, Всеобщая история (во многих больших томах) Английского общества ученых, Вико, Герен, Нибург, Тьери, Гиббон, Ансильон, Карамзин, Сисмонди и проч.; *по древностям церковным*: *Thesaurus Sviceri*, Археологии Бингама, Яна и Розенмиллера (все три многотомные); *по гражданским*: Памятники Египта (описанные французскою экспедициею), Греции (также), Нубии, Индии, древности греческие, римские, Шампалион и пр.; *по части географии*: все древние географы, *Malte-Brun* (последнего издания в 8 томах), *Balbi*, Риттер, Реланд, Всеобщий словарь *par Masselin* и *атласы*: Брюе, Лани, Данвиля, Рейхарда; из путешествен-

* О судьбе творений Св. Отцов, купленных в Твери, будет ниже.

ческих знаний. Для уверения в справедливости сказанного довольно указать на замечательнейшие творения, находившиеся в его библиотеке. По *части Писания* там были: Гармония Евангелистов Хемниция, Библия Девванса (в 26 томах), Библия *par Genoude* (в 20 томах), *Bible vengée* аббата Дю-Кло, *Hierozoicon Bocharti*, Христология Гейстенберга, полные толкования на Св. Писание Розенмиллера, Поля, Кинеля, Коппе, Кнаппия; *по части богословских наук*: Либерман, Домбай-ер, Дедерлейн[157], Шотт. Ян, *Lowr*; Трактат об истинной религии (в нескольких томах) Бержье и его же Богословский в 8 томах словарь; *по части церковного красноречия*: кроме некоторых Отцов*, избранная библиотека Отцов церкви (на французском языке во многих томах) Гильона, все знатнейшие французские проповедники времени Людовика XIV, а из русских — Филарет и Иннокентий; *по части канонического права*: Собрание замечательнейших произведений, объясняющих каноническое право, — Дюпеня[158], Голландия и пр. (18 томов в четверть на латинском языке); *по части философии вообще и философии религий*: Платон, *Degerando*, *Baulain*, Гердер, Зороастр, Конфуций и все прочие основатели восточных религий, также *Crevzer*; *по части физики, геологии и естественных наук*: Плиний старший, Паррот, Кювье, Бюффон (в 127 томах), Лессон, Сент-Илер, Линней, *Brogniart*, *Dugès*, *Collection des planches du dictionnaire des sciences naturalles* (в 12 томах); *по части Истории церковной*: И. Флавий, Флери, Беркастель, переделанный и дополненный Ганриопом (12 т.), Мостейм, Маттер, Руттенштокк, Священная Библия (в 29 томах на французском языке); *по части истории гражданской*: все древние греческие и римские историки, Всеобщая история (во многих больших томах) Английского общества ученых, Вико, Герен, Нибург, Тьери, Гиббон, Ансильон, Карамзин, Сисмонди и проч.; *по древностям церковным*: *Thesaurus Sviceri*, Археологии Бингама, Яна и Розенмиллера (все три многотомные); *по гражданским*: Памятники Египта (описанные французскою экспедициею), Греции (также), Нубии, Индии, древности греческие, римские, Шампалион и пр.; *по части географии*: все древние географы, *Malte-Brun* (последнего издания в 8 томах), *Balbi*, Риттер, Реланд, Всеобщий словарь *par Masselin* и *атласы*: Брюе, Лани, Данвиля, Рейхарда; из путешествен-

* О судьбе творений Св. Отцов, купленных в Твери, будет ниже.

довольно потрачено и денег на перевод, бывали и переводы некоторых частей их неудачные. Но, наконец, они были-таки переведены*, и переведены хорошо, отлично переписаны и переплетены в несколько больших томов; этого мало, они даже были исправлены, очищены, что делал преосвященнейший сам, от своеобразных иноверческих взглядов и неологических германских заблуждений.

Обширно-богатая и избранная библиотека преосвященнейшего Афанасия не была только, как у иных библиофилов, мертвым, бесплодным хранилищем книг. Любознательность, пробудившаяся в нем еще с молодых лет, не оставляла его и во всю жизнь. Книги, по его собственным словам, были его искреннейшие друзья, самые приятные его собеседники, пища его души, даже утешители, по крайней мере успокоители, после Господа Бога в скорбях и болезнях. Время, какое только оставалось у него от исправления пастырских обязанностей, он почти исключительно посвящал чтению; читал он притом, при отличном знании языков древних и французского, чрезвычайно быстро, прочитанное при счастливых природных способностях, даже и несмотря и на преклонность лет, усвоял себе, перерабатывал, если только можно так выразиться, в кровь и плоть своей души, все приводил в систему скоро, предавал своей памяти и тотчас навсегда усвоял себе. Геморроидальные припадки нередко не позволяли ему читать сидя, в таком случае он читал и иногда даже писал стоя, за нарочно устроенным для того налоем. Чтение особенно оживлялось, когда было получаемо какое-нибудь новое, важное, интересное произведение. Помню, сколько было пересмотрено, перечитано, перелистовано разных путешествий и историй древних и новых и, быть может, попорчено зрения, когда были получены обширнейшие атласы древней и новой географии Брюе и Лани, и как много было хлопот у владыки, когда, после долгого ожидания, наконец, явились Памятники Египетские. Таким образом, сначала чрез прилежное учение, а потом чрез непрерывное чтение и размышление преосвященнейший Афанасий приобрел наконец обширные, глубокие и разнородные сведения, после Св. Писания и толкований оного и после

* Лучшими переводчиками древностей Яна и Розенмиллера у Преосв. Афанасия были инспектор Тоб. семинарии В.Н. Арзамасов и покойный М.А. Фон-Визин[46].

наук богословских, в истории как гражданской, так, особенно, церковной, географии древней и новой, в древностях библейских да и всех родов, в науках естественных и из них особенно в зоологии, минералогии, геологии, в древней литературе и некоторых других.

Немало есть на свете богачей, которые собирают богатства и владеют богатством единственно для самих себя. Но не из таких людей был преосвященнейший Афанасий, богатый книгами и умственными сокровищами. С каким, бывало, удовольствием он при первой встрече с людьми образованными и любознательными (например, с генерал-губернатором Вельяминовым, с начальниками штаба Галафеевым и Фон дер Ховеном, Ив. П. Менделеевым, председателем губернского суда Лаврентьевым, С.М. Семеновым, Фон-Визиным и другими) беседовал о любимых им предметах и, надобно сказать, беседовал всегда мастерски, превосходно: не только о простом, но и о самом трудном, даже отвлеченном предмете он обыкновенно говорил с совершенною ясностию, так, что его всегда можно было понимать даже и людям, не приготовленным к тому предварительным образованием, и о всем с удовольствием слушать. С каким также, бывало, удовольствием он показывал бывавшим у него свои вновь сделанные им минералогические книжные приобретения, особенно если при них находились какие-нибудь изящные рисунки, изображения памятников замечательных произведений природы, картины? Не знаю, проходило ли, бывало, у преосвященнейшего Афанасия хотя одно свидание с начальниками и профессорами подчиненных ему семинарий, чтобы не спросить, что, как и при каких пособиях читается у них в классах, и чтобы в случае нужды не дать наставлений и не сообщить из своей библиотеки источников! Это имело сильное и прекрасное влияние на учащих[161] семинарий, а чрез них, конечно, и на учившихся. В учащих от бесед, от сношений с преосвященнейшим возрождалось непременное желание знать свой предмет сколь можно лучше, а в некоторых из них даже рождалась страсть заводить и свои библиотеки, на что они ежегодно и употребляли из своего ограниченного содержания до 200 рублей ассигнациями и более. Этого мало, от преосвященнейшего Афанасия наследовали охоту к чтению, а чрез чтение (между прочим и его книг) и также чрез слушание его бесед с

людьми образованными приобретали изрядные познания в тех или других предметах даже некоторые из служивших при нем келейниками. Назову здесь бывшего по смерти преосвященного учителем духовных училищ и в У. священником покойного Курюкаева и диакона А-а.

Время уже сказать и о судьбе описанной библиотеки. Выше было замечено, что библиотека покойного преосвященного Афанасия состояла из 1310 (томов) книг и атласов. В таком положении, в таком количестве она находилась только при его смерти, но до этого горестного события из нее много и много выбыло книг. Во-первых, преосвященнейшего Афанасия везде, где бы он ни служил, было правилом: дарить книгами* являвшихся к нему, по старинному обычаю, с пирогом именинников из служивших под его начальством учащих семинарий и лиц духовных. Впрочем, преосвященнейший Афанасий дарил иногда книгами в именины и людей светских, заслуженных, уважаемых им по их образованности и добродетелям. Так, в Твери он подарил бывшему там в двадцатых годах настоящего столетия губернатором, а после путешествовавшему по Европе и издавшему в свет свое путешествие, страстному любителю редких изданий, покойному г. Всеволожскому в день его ангела какую-то (название я уже забыл) книгу, вышедшую в свет вскоре по изобретении в Германии книгопечатания и потому считающуюся библиографическою редкостию. Во-вторых, преосвященнейший Афанасий иногда книги жег, истреблял — это безбожные, вольномысленные, которые случалось ему выписывать по незнанию, смотря на одни только заглавия в книгопродавческих каталогах, жег, истреблял из опасения, чтобы они впоследствии времени кому-нибудь нетвердому в вере и слабо знакомому с Писанием и вообще с учением православной церкви не послужили камнем преткновения к погибели. В-третьих, как-то раз преосвященнейший Афанасий решился очистить свою библиотеку от всех книг, не нравившихся ему или по содержанию (посредственных или отживших свой век), или по наруж-

* Как у Преосв. книг плохих не было, то таким путем расходились и хорошие: например, как мне известно, к одному лицу таким образом поступила История иудеев со времени падения царств Израильского и Иудейского до смерти Христа Спасителя (на французском языке) в шести томах с картами, планами и другими изображениями — Прадо; а к другому поступила (на немецком языке) в 2 том. Библейская Естественная История (Яна или Розенмиллера — не помню), к третьему — древняя География и с атласом — Брута, к четвертому — трагедия Сенеки и пр., и пр.

ному виду; при этом он отдал служившему при нем диакону Александру, кажется, не менее шести или семи десятков русских книг. Из них помню: а) в 5 огромных томах Путешествие по России и Сибири Палласа, б) Путешествие в Иерусалим Шатобриана; в) Пространную Географию Зябловского. В-четвертых, и это главное, из библиотеки преосвященнейшего Афанасия много выбыло книг вследствие его пожертвования в библиотеки семинарий Тверской и Тобольской. В библиотеку первой из поименованных семинарий преосвященным были пожертвованы творения Отцов церкви и древних писателей церковных* и некоторые другие книги, сверх желания пользы семинарии, за тяжестию перевозки их (они были в огромных фолиантах) при перемещениях и затем, что они есть во многих семинарских библиотеках, значит, где ни доведется служить, их почти везде можно будет достать, пожертвованы были по хиротонисании его в епископа и при отправлении в Киев викарием тамошнего митрополита. В библиотеку последней (т.е. Тобольской) из поименованных семинарий преосвященнейшим Афанасием в течение $10^1/_2$ лет книг было пожертвовано не менее, как на 1000 рублей ассигнациями, но об этом, равно как и о некоторых пожертвованных им книгах, уже было говорено выше, при описании тобольской семинарской библиотеки.

Книг из библиотеки покойного преосвященного в разные поры и разными способами выбыло немало, но выбылые заменялись вновь выписываемыми, теми же или другими, и в конце 1842 года, как мы уже и видели, она состояла из 1310 томов, по большей части избраннейших произведений Духа Божия (Библий) и ума человеческого. Насчет библиотеки у преосвященнейшего Афанасия всегда была одна и непреложная мысль: послужить ею по смерти своей на пользу духовного образования, и он неоднократно и при разных лицах говаривал, что завещает ее или Ярославской семинарии, как своей родной и давшей ему первоначальное образование, если только сбудется его желание жить на закате дней жизни своей, хотя бы то на покое, в Ярославле, или Тобольской, в том случае, если смерть застигнет его в Сибири, в Тобольске. Кончина архипастыря, как известно, последовала в Тобольске (21 сентября 1842 года), и он, умирая, торжественно объявил в присутствии бывших при том

* Те самые, о приобретении которых из имения архиепископа Ярославского Арсения было замечаемо выше.

протоиереев и других лиц, что вся его библиотека, впрочем, кроме (немногих) русских книг*, должна поступить в Тобольскую семинарию. Но, увы! Завещание, вероятно, по не ожиданию столь быстрой развязки жизни, было только словесное, потому и не могло быть приведено в исполнение.

О дальнейшей, о последней участи библиотеки преосвященнейшего Афанасия грустно говорить и писать тому, кто имел об ней понятие не поверхностное только и кто очень хорошо знал и пламенную к ней преосвященного любовь, и всегдашнее от него ей назначение в случае смерти... Племянники преосвященнейшего Афанасия (два сына старшего его брата, служившие по гражданскому ведомству в невысоких чинах в Костроме) — люди бедные, потому они желали поскорее сбыть книги своего дяди, особенно после того, как некоторые высшие учебные заведения, куда они посылали каталоги, отвечали на их предложение продать доставшуюся им библиотеку или молчанием, или отказом. Доверенный их, знакомый еще их отцу и деду, как бывший помещик Любимского уезда, но по своим обстоятельствам в сороковых годах проживавший в Тобольске, покойный Б. был человек вовсе не книжный. Преемник преосвященнейшего Афанасия на кафедре тобольской преосвященнейший Владимир предлагал было г. Б-у за библиотеку 4000 рублей ассигнациями, но он не хотел и слышать о том, хотя, как вскоре оказалось, совершенно напрасно. Преосвященный Владимир и сам вскоре затем (в мае 1845 года) скончался, а других охотников приобрести целую библиотеку, и такую, какова преосвященнейшего Афанасия, в Тобольске не было; почему г. Б** и его преемники решились с согласия своих доверителей продавать книги по мелочам, врознь; впрочем, и тут безуспешно: первоначально они дорожились (например, за Церковные древности Яна и Розенмиллера в русском рукописном переводе они просили с одного любителя такого рода книг 500*** рублей ассигнациями!), а потом пе-

* Сии последние не с большим сто. Преосвященный приказал отдать служившему при нем с Нижнего Новгорода диакону Александру Дмитриеву.

** Б. и сам вскоре помер, потому распродажа книг производилась г. П-м с дозволения г-жи Б-ой.

*** Вероятно, кто-нибудь растолковал им, что этих книг в печати на русском языке еще нет и что купивший рукописи может напечатать их и от распродажи издания получить большие выгоды.

решли к противоположной крайности — стали продавать по 2 р. 50 к. ассигнациями за том без всякого отношения к настоящей стоимости книг, к их внутреннему достоинству и даже наружной величине. При этом покойный Фон-В. купил книг до двадцати (в том числе Церковную историю Флери и Географию Мальт-Брена в 8 больших томах), губернатор Энгельке — французский Атлас древней и новой географии Лани*, покойный С.М. Семенов — около сотни томов и между ними 26 томов Библии Деванса (каждый в полном сафьянном переплете, который один стоит в Тобольске не менее рубля серебром), Новую Всеобщую Историю (в огромных, переплетенных в кожу, 27 томах) Английского общества, Древние восточные религии (на французском языке), Иос. Флавия и Атлас древней и новой географии, состоящий из 69, отличнейшей гравировки и почти аршинных, листов, второго издания Брюе**, да я взял частию для себя, а более для Казанской духовной академии по поручению ее 162 тома***. Затем покупателей и при этой ничтожной цене более не было. Наследники, сбывши силой-неправдой сот на девять рублей ассигнациями до 300 томов книг и атласов, все прочее (а в числе этого прочего оставались еще почти все дорогие издания, как-то: Памятники Египта, Греции, Нубии и Индии, Млекопитающие Сент-Илера, Клювье, Шардень и проч.) — соглашались отдать за 2000 рублей ассигнациями, но их предложения, их крайние уступки раздавались в пустыне, и книги в 1846 г. потянулись на татарских клячах в Кострому. Была ли продажа книг и атласов преосвященнейшего Афанасия в Костроме по мелочам — этого я не знаю, но очень хорошо знаю, что все остальное из них (быть может, и все привезенное из Тобольска) в 1847 или 1848 гг. было приобретено Московскою духовною академиею****, но за какую цену это приобретение было сделано, также не знаю. Еще замечание: по смерти г. Семенова купленные им из библиотеки преосвя-

* Впрочем, г. губернатор за Атлас и Фон-В. за Мальт-Брена заплатил, вопреки условию, по их собственной воле по 50 р. а.

** С пересылкою он стоил до 300 р. ас. и пошел за 2 р. 50 к. ассигн. же!

*** В числе их были 4 фолианта Синопсиса (толкования на Писание) Поля, вытянувшие более пуда. И это за 10 р. ас.!

**** О достоинстве библиотеки Преосвященного Афанасия в то время сообщил начальству академии бакалавр оной Н. Ив. Капустин, который прежде служил в Тобольской семинарии и имел об ней надлежащее понятие.

щеннейшего Афанасия книги почти все были приобретены Тобольскою семинариею. Утешься, упокойся, дух мудрого архипастыря: вопреки распоряжениям человеческим, устроением Божиим самая большая часть твоих книжных сокровищ, согласно твоей воле, теперь служит на пользу духовного образования, ими пользуются воспитатели и воспитанники двух семинарий и двух духовных академий.

Несколько кстати будет сказать здесь и о минералогическом кабинете покойного архипастыря. У преосвященнейшего Афанасия было правилом изучать по возможности ту страну, в которой промысл поставляет его служить, приобретать о ней по крайней мере нужнейшие, так называемые местные сведения. Поэтому с самого приезда в Тобольск он покороче познакомился с сибирскою историею, узнал, сколько тогда было можно, историю тобольской иерархии, изучал и природу Сибири отчасти в животном* ее царстве, но особенно в царстве ископаемом, поэтому же для этой же, между прочим, цели он завел и минералогический кабинет.

Началом сего кабинета послужили штуфы и некоторые мелкие раковины, подаренные преосвященному Афанасию при посещении им в бытность около 1833 года в Омске училища Сибирского линейного казачьего войска, впоследствии преобразованного в Сибирский кадетский корпус, директором оного г. полковником Н. Черкасовым. Затем последовали ему подарки в том же роде от генерал-губернатора Западной Сибири Вельяминова, от генералов Десентлорана, Шрамма, Гордеева, Потемкина и Гладышева**. Екатеринбургский купец Коновалов прислал в дар владыке богатую коллекцию раковин и камней из горных пород Урала. Приношения эти от тех же и других*** лиц продолжались и

* Вследствие сего у него было несколько чучел сибирских зверьков и птиц; кроме того, он держал некоторых из замечательных сибирских четвероногих животных, например, соболя, корсака, двух оленей и китайскую (bos grunnens) корову. Еще им были приобретены лучшие экземпляры мамонтовых клыков, зубов, голени и челюстей, рогов разных пород оленей, марала, лося и дикого горного барана и какая-то головная кость носорога.

** Не все эти и другие лица сами имели минералогические кабинеты, но, зная страсть к собиранию минералов многочтимого ими архипастыря, они почти после каждой поездки на юг и восток Сибири для обозрения своих частей и по другим делам привозили ему камни, породы руд и проч.

*** Кто-то еще из лиц военных Преос. Афанасию подарил довольно хорошую коллекцию янтарей с насекомыми и другими посторонними внутри их предметами.

впоследствии времени. Ежели попадались штуфы и другие предметы, которые в кабинете преосвященнейшего Афанасия уже были, то он отсылал их в Тобольскую семинарию для составления при ее библиотеке минералогического кабинета или отдавал служившему при нем и также имевшему охоту заниматься минералогией диакону Александру. Впрочем, преосвященнейший Афанасий много, даже большую половину штуфов в разные времена и от разных лиц приобрел на собственное иждивение. Раз как-то проживавший в Тобольске и имевший много камней еврей Лео принес к нему хорошие для минералогического кабинета вещи, а у преосвященного денег тогда не случилось, и он променял на камни единственные бывшие у него дотоле собственные серебряные ложки, столовый колокольчик и карманные часы! Таким образом у преосвященнейшего Афанасия в последние 7 или 8 лет жизни и составился минералогический кабинет. Он занимал полки двух значительной величины шкафов и заключал в себе, кроме некоторого количества произведений других стран (например, раковин, янтарей и драгоценных камней), все, притом лучшее, из произведений обширной Сибири, начиная с Уральского хребта.

Судьба минералогического кабинета преосвященнейшего Афанасия еще бедственнее судьбы библиотеки. Библиотека преосвященного по крайней мере имела каталог, и книги по смерти его и в нижний этаж архиерейского дома из среднего были перенесены (до решения дела о наследстве), а после и доверенному наследников были переданы под личным надзором одного из занимавшихся составлением каталога и хорошо знавшего ту библиотеку. Но минералогический кабинет не имел ни того, ни другого: 1) правда, в нем штуфы и вообще все предметы были размещены самим преосвященным в системе, применительно к добытому откуда-то каталогу, но каталога собственно для него еще не было составлено, и все в нем оставалось без номеров, без ярлыков с надписями; 2) по смерти владыки все штуфы (знающих минералогию не случилось) были сложены в большой сундук без малейшего соблюдения системы, даже без счету, как какой-нибудь мусор, а затем, когда рабочие понесли сундук вниз архиерейского дома, дно в нем от тяжести клажи провалилось, камни посыпались и пр., и пр. Читатель, особенно хотя какое-нибудь понятие имеющий о минера-

логических кабинетах, может представить себе, что случилось при этом с иными блестящими штуфами (например, венисы[162], аппиритов и вообще из пород, имеющих кристаллическое образование), а также с иными нарядными, тонкими раструбистыми раковинами*! Что-то вроде той же истории случилось с ящиками (для облегчения штуфы были разложены уже в два или три ящика) под штуфами и при перевозке имения преосвященного Афанасия из архиерейского дома в квартиру г. Б-ва под гору.

Бывший инспектор тобольской гимназии покойный И.П. Помаскин сначала предлагал было за минералогический кабинет преосвященного 400 рублей ассигнациями. Но доверенный наследников отверг это предложение: и в самом деле, кабинет, несмотря и на повреждение, даже, может быть, и на растрату иных штуфов, все-таки много и много дороже стоил того. По смерти помянутого доверенного штуфы по распоряжению женщин разложены были уже по мешкам и мешочкам, подчас ими играли и дети. Вся эта история кончилась тем, что при отправке остальной библиотеки преосвященного в Кострому и при возвращении самих распоряжавшихся той отправкой в Россию штуфы с раковинами и со всем проданы были за 20 рублей серебром!!!

Насчет минералогического кабинета от преосвященного Афанасия завещания никакого, даже и словесного, не было оставлено.

Библиотеки генерал-губернатора Вельяминова, архиепископа Амвросия, П. Словцова, Менделеевых и Коллета

Из прочих отживших частных библиотек, бывших в Тобольске, следует упомянуть о библиотеках генерал-губернатора Западной Сибири Вельяминова, архиепископа Тобольского Амвросия II, бывшего визитатора училищ Сибирского округа П. Андр. Словцова, Ив. П. и М.Д. Менделеевых и советника Главного управления Западной Сибири Г. Коллета.

Генерал от инфантерии Ив. Ал. Вельяминов, слышно было, выписывал много и дорогих книг, и других изданий. Но он мало имел их при себе, а обыкновенно, перелистовав, пересмотрев их, прочитав в них нужное и наиболее ин-

* После я сам видел большую прекрасную раковину, стоившую 20 руб. сер. и подаренную Преосвященному купеческим сыном П.Я. Ершовым, уже без края.

тересное, отправлял их в Россию, в поместье к родному брату своему. Что же из книг находилось при нем, то, разумеется, было увезено им в Россию при отъезде туда из Западной Сибири.

Библиотека преосвященного Амвросия II Рождественского (скончавшегося после двухлетнего с небольшим управления тобольскою паствою 12 февраля 1825 года) вместе с другим его имением досталась родной и единственной его сестре. Ее сын и доверенный, а преосвященного Амвросия племянник, Ст. В. Васильев пустил было его книги в продажу, но желающих купить их, несмотря на то, что между ними было много русских, ни все вместе, ни по частям почти вовсе не оказалось: верно, книги, и особенно отзывающиеся ученостию, дельностию, для большинства жителей Тобольска, по местному сибирскому выражению, *товар* еще *непохожий.* Уже по отъезде из Тобольска упомянутого доверенного его родственники и друзья лет 12 или 14 назад частию раздали в подарки своим знакомым, а частию распродали библиотеку преосвященного, пустив по рублю и по полтине ассигнациями и даже менее за любой том*. В 1855 году книг до 50, большею частию с своеручными подписями преосвященного Амвросия, изданных в самом конце прошедшего и начале настоящего столетия, в свое время отличных, да и теперь при случае нужных (например, Географический словарь Российской империи Щекатова и Максимовича в шести больших томах, Естественная история Бюффона, переведенная Лепехиным, Румовским, Озерецковским и другими академиками, в пяти томах, и пр). было прислано из Тобольска в Омск родственниками покойного прокурора Д.И. Ф. на память об нем двум его знакомым.

Библиотека П.А. Словцова, помнится, поступила, согласно его завещанию, в тобольскую гимназию, а рукописи, большей частию материалы для истории, географии, статистики и этнографии Сибири, отправлены, также по завещанию покойного, душеприкащиком его, тоже покойным уже Ив. П. Помаскиным, частью к г. Абрамову, а более к г. Калашникову (автору Дочери к[упца] Жолобова, Камчадалки и проч.)[163] в Петербург. Кабинет минералогический П. Андреевичем был пожертвован в Казанский университет.

* Даже и на вес, пудами, продавали книги, и также по самой ничтожной цене.

Библиотека И.П. и М.Д. Менделеевых состояла и из новых книг, ими самими приобретенных, и из старых, но большею частию дельных, духовных, исторических, из путешествий и пр., и пр. Последние поступили к ним по наследству от тобольских купцов и наконец дворян Корнильевых, тех самых, которые с половины прошедшего и до половины же настоящего столетия содержали близ Тобольска, в селе Аремзянке, стеклянную фабрику. По смерти И.П. и М.Д. их библиотека вслед за наследниками переселилась в один из уездных городов Тобольской губернии и здесь за устарелостию книг частию распродана и раздарена, а частию хранится и до сих пор у наследников*.

Библиотека Г. Коллета распродана его наследниками. Так как книги были содержания преимущественно серьезного, притом на французском языке, то они распродавались медленно и за бесценок. Помню, как профессор Тобольской семинарии П.И. Капустин приобрел из этой библиотеки не один десяток книг, имеющих предметом религию и физику с оптикой, всего за 50 копеек ассигнациями за том в хорошем кожаном переплете.

Книги — свет ума, пища для души. При всем том, верно, и к ним, и к их собраниям и хранилищам идет слово древнего богодохновенного[164] израильского мудреца: *суета суетствий — всяческая суета* (Еккл. 1, 2).

* Есть слух, и верный, что старые книги гг. Корнильевых и вместе Менделеевых, быть может, покатятся в Москву. Там ими интересуются Щ. и Комп. для открытого ими книжного магазина.

О приходских летописях при церквах Тобольской епархии

Читателям «Странника» известно*, что при церквах Оренбургской епархии с начала 1865 года заведены приходские летописи. Программа дана для них обстоятельная, обширная, а между тем и удобоисполнимая. Составить на первый раз и затем вести, продолжать приходские летописи предписано и целому причту каждой церкви, и особенно священникам, которые, конечно, образованнее своих диаконов и причетников и, следовательно, более сих последних способны сделать и продолжать надлежащим образом предписанное им дело; «при сборах же, где есть протоиереи и при церквах двухклирных преимущественное попечение об исправном ведении летописи возложено на старшего члена причта», который, без сомнения, способнее к показанному делу.

Сверх того и благочинным Оренбургской епархии вменено в обязанность при обозрении ими церквей просматривать приходские летописи и в случае усмотрения в оных каких-либо недостатков или неверностей исправлять оные и причтам давать нужные наставления.

При хорошей программе, при таких умных наставлениях, как приняться за дело и как после вести его, и при постоянном надзоре за ним, по всей вероятности, приходские летописи при церквах Оренбургской епархии начаты и ведутся хорошо. Если же указанные дельные наставления будут исполняться и впредь, да и указанный надзор благочинных не ослабеет впоследствии времени, если, наконец, и сами преосвященные оренбургские при обозрении епархии будут просматривать летописи посещаемых ими церквей, то летописи эти действитель-

* См. «Странник» 1866 г., декабр. кн., Совр. хрон., стр. 100 и сл. Отд. IV, кн. 3.

но могут заключать в себе большой интерес для будущего времени — и частный, и общий — будущим членам каждой приходской церкви, из причта ли то, или из прохожан, когда захотят они узнать о прежних судьбах своей приходской церкви, только стоит будет заглянуть в летопись ее, и они сейчас же узнают желаемое. Собиратели церковно-исторических и церковно-статистических сведений будут получать их от церквей скоро, и получать собираемые ими сведения верные, несомненные. А важнее всего то, что из частных приходских летописей Оренбургской епархии весьма удобно может быть составлена со временем история целой Оренбургской епархии, а эта история в свое время послужит важным материалом и для составления общей истории нашей православной отечественной церкви, да, быть может, она понадобится и для пишущего общую политическую историю Российского государства. Искреннейшая благодарность виновнику сего полезного учреждения в Оренбургской епархии преосвященнейшему Варлааму между прочим от всех любителей церковно-политических, археологических и статистических сведений, и желательно, чтобы и в других епархиях сделано было распоряжение об учреждении «приходских летописей».

Не без удовольствия можем сообщить, что в церквах епархии Тобольской эти «приходские летописи» существуют уже целых 20 лет; здесь они заведены были по двукратным предписаниям покойного архиепископа Георгия Ящуржинского (1845–1852), от 25 ноября 1845 и 10 декабря 1847 годов. Их, т.е. приходские летописи, в Тобольской епархии поддерживал и один из преемников преосвященнейшего Георгия, и именно преосвященнейший Феогност, тем, что при посещении церквей во время ежегодных обозрений епархии он иногда просматривал их, требовал их к себе для прочтения. Их в Тобольской епархии поддерживает и настоящий наш владыка, высокопреосвященнейший Варлаам II: он не далее как в настоящему году оделал распоряжение о том, чтобы причты в летописи своих церквей между прочим вносили сведения о том, когда, с каких лет перемежающиеся озера (каких в Западной Сибири, особенно в южных и юго-западных ее уездах, притом с характером степным, весьма немало) начинают понижаться в своем уровне, и, наконец, мало-помалу совсем высыхают, и с каких лет они начинают снова наполняться водой и, наконец, делаются полными.

Вот программа, данная покойным преосвященным Георгием для ведения приходских летописей при церквах Тобольской епархии:

1) С которого года начался приход и сколько в нем первоначально было дворов и душ мужского и женского пола, и сколько постепенно каждого года прибавлялось и продолжает прибавляться?

2) В котором году церковь построена, во имя какого святого, каменная или деревянная, с чьего благословения, на чей счет и чего стоит примерно постройка ее? Есть ли грамоты на заложение и освящение церкви и где хранятся и какие угодья имеет церковь?

3) Сколько в котором году было доходу церковной суммы, и сколько употреблено денег церковных на разные устройства и на благолепие церкви, и что когда сделано относительно благолепия церковного?

4) Кто первоначально были священно-церковнослужители, какие их были перемены и в котором году и какие впредь будут продолжаться, сколько доходу получалось прежде и получается на содержание причта?

5) Сколько в котором году младенцев родилось и умерло детей и возрастных прихожан, сколько впредь будет родиться и умирать и сколько в котором году было браков?

6) Какие отличнейшие благодетели для церкви и какие приношения и устройства ими сделаны и какие впредь будут?

7) Какая каждогодно постепенность возраста или упадка религиозно-нравственного состояния прихожан в исполнении обязанностей христианских?

8) Особенные случаи, например, проезд каких-либо значительных особ, или кто из жителей того прихода в том же приходе или других местах России отличился каким-либо знаменитым подвигом или искусством, или изобретением, или не было ли какого происшествия достопримечательного?

Если сравнить эту программу с той, какая дана для приходских летописей церквей Оренбургской епархии, то окажется, что она очень сходна с сей последней, только тобольская заключает в себе, сравнительно с оренбургской, несколько менее статей и написана языком несколько старинным.

Конечно, при иных церквах, по новости дела, по непривычке причтов к трудам историческим, археологическим и

статистическим, приходские летописи составлены почти кое-как, т.е. так, чтобы только отделаться от требования начальства; конечно, в иных церквах, особенно удаленных от больших дорог, где преосвященные при обозрении епархии не могут бывать, церковные летописи по первом их составлении почти совсем забыты, но зато есть и такие церкви, при которых летописи составлены и ведутся тщательно и при которых все требуемое программой вносится в них ежегодно и неопустительно.

Преосвященный Георгий отличался неизменчивостию, постоянством своих действий во всех обстоятельствах жизни и на всех епархиях, поэтому весьма вероятно, что им заведены были приходские летописи и при церквах тех епархий, которыми он управлял ранее Тобольской, и именно при церквах епархий Полтавской и Архангельской.

12 декабря 1866 г.
г. Омск.

Тобольская архиерейская школа — предшественница Тобольской семинарии

Состояние духовного просвещения в Сибири до учреждения Тобольской архиерейской и некоторых других школ духовного ведомства

Есть мнение, будто образование сибирского духовенства (разумею образование, какое только может быть при несуществовании в целой известной стране каких бы то ни было учебных заведений, хотя бы то вроде начальных церковных школ) от начала владычества русских над Сибирью и до времен Петра I, и даже далее сего, выходило из сибирских монастырей: «Монахи (сибирских монастырей), — говорит автор «Материалов для истории христианского просвещения Сибири», — от благочестивых своих упражнений уделяли время на обучение грамоте юношества, особенно духовного, и приготовляли церковнослужителей»*. Мнение это происходит, конечно, из того соображения, что в России, особенно в Великой, со времени татарского погрома и почти до самой Петровской реформы свет просвещения, хотя и слабый, сохранялся только в монастырях, да и выходил только из монастырей. Но оно оказывается несостоятельным при сопоставлении его со сведениями о состоянии сибирских монастырей в допетровское время: они тогда почти так же точно, как и теперь, по большей части были бедны и малолюдны, особенно мало в них было людей грамотных, так мало, что иные из них по временам затруднялись в отправлении богослужения, да и в архивах и библиотеках монастырских не сохранилось ни малейших памятников, которые свидетельствовали бы о существовании в сибирских монастырях в допетровское время школ или чего-либо похо-

* «Журнал министерства народного просвещения» 1854 г., № 2. Подобное мнение высказано и в «Историч. Обозрении Сибири» Словцова в кн. I на стр. 372.

жего на школы. Есть другое мнение о том, как поддерживалась в допетровские времена грамотность в сибирском духовенстве, а именно: будто и в XVII столетии при Тобольском архиерейском доме существовала школа, в которой по крайней мере искавшие степеней священства и вообще ставленники учились читать, петь по нотам и совершать богослужение. Но в подкрепление и этого мнения нет ни малейших фактов, нет даже намеков, например, в сибирских летописях или в делах архивных: обыкновенно ставленники являлись к тобольскому архиерею с прошением о рукоположении на то или другое место с приговором от прихожан, а иногда и со свидетельством от местного десятильника или закашика о том, что выбираемый теми или другими прихожанами в пастыри их душ «не пияница, не бийца»[165], что он «горазд петь и читать» и пр.

Нет, гораздо основательнее двух предыдущих мнений о рассматриваемом предмете третье мнение, именно то, что дело (хотя кой-какого) образования или, лучше сказать, грамотности в сибирском духовенстве, да и вообще в сибирском народе до учреждения в Сибири при Петре Великом и вскоре после него церковных школ шло совершенно так же, как оно шло до тех пор и в целой России, по крайней мере Великороссии. А там это дело шло так: 1) духовные, подобно тому, как и приказные (писцы, чиновники), первые в надежде священства, а вторые в надежде подьячества, учили грамоте детей своих сами*; там 2) члены клира, например, дьячки и пономари, по условию с родителями о вознаграждении учили детей (разумеется, весьма немногих) прихожан своих: горожан, городских казаков, крестьян и проч; там 3) кроме духовенства, обучением грамоте занимались так называемые мастера бессемейные, и притом пожилые люди, подобно тому, как и в недавнее время учили там детей из простонародья мастера же и мастерицы (из старых девиц), да как и доселе учат в раскольнических обществах так называемые «начетчики и начетчицы»**. К этому разве присовокупить то замечание, что в Сибири в старину (да нужно признаться, что это так и доселе) помянутые мастера были преимущественно не из туземцев, не из природных сибиряков, а из пришлых волей или неволей из России, из так называемых «несчастных». Последние, иногда даже из лиц

* «Историч. Обозрение Сибири» Словцова, кн. 1, стр. 371, 372, 518 и сл.
** «Православное обозрение» 1866 г., сентябрь, стр. 31–33. «Акт. истор.» т. 1. № 104. Лавровского «об училищ», стр. 50–57.

прежде знатных, богатых и образованных, в Сибири готовы были заниматься и занимались обучением детей за самую ничтожную плату, просто почти из куска хлеба* и, к счастию, из ученья этих «несчастных», т.е. ссыльных, разумеется, при уменьи выбирать их и наблюдать за ними, выходили иногда ученики довольно дельные, даже с религиозным направлением**.

Посильную образованность, по крайней мере грамотность, в сибирском духовенстве допетровских времен поддерживали и сибирские архипастыри. И в самом деле, сибирские архипастыри XVII столетия, начиная с первого архиепископа Киприана и оканчивая последним митрополитом Игнатием, хотя школьного образования и не имели, но все были по своему времени люди образованные***. Служившие близ них, например, протоиереи, ключари, соборные священники, экономы и пр., и

* См. об этом статьи: «Шведская школа в Тобольске» (Журнал министерства народного просвещения 1857 г. июнь) и «Архиереи из сибирских уроженцев» (Странн. 1868 г. т. 3, отд. 1, стр. 97 и след).

** Каков, например, был Иван Панаев, описанный сыном его, статс-секретарем Владимиром Ивановичем Панаевым (Вестник Европы, 1867 г. т. 3. стр. 198 и след.); каков Андрей Поспелов (после поручик, инженер и вообще способный на многое), воспитанный в Тобольске в начале 40-х годов прошедшего столетия одним ссыльным из петербургской знати (Вестник Европы, 1870 г., июнь, стр. 616 и дал.); каковы и дети тобольского дворянина Андреева Александр и Иван, вместе с другими около 1750 г. учившиеся в школе учителя из ссыльных Сильвестровича (Чтения в Общ. истории и древ. Российск. 1870 г. кн. 4, смесь, стр. 67).

*** Киприан, например, живши в Тобольске, составил первую Сибирскую летопись, живши на Крутицах в Москве, написал Службу в честь Ризы Господней, а живши в Новгороде, разослал по своей пастве очень дельные Церковно-судебные определения (Прав. об. 1861 года, ноябрь). От архиепископа Макария и митрополита Павла остаются грамоты: от первого — сибирским воеводам его времени о делах их управления, а от последнего — сибирскому духовенству о способах к обращению неверующих сибирских инородцев. От третьего Тобольского архиепископа Нектария в Ниловой пустыне, последнем месте его жительства, и до сих пор сохраняется собственноручное, говорят, умное его Послание к духовенству (Тоб. губ. вед. 1869 г. № 1, стр 6). О Герасиме, как просвещенном архипастыре, свидетельствует хранящаяся в соборной библиотеке его книга «Алфавит». За образованность архиепископа Симеона, так сказать, ручается возложенная на него, по его отходе на покой, должность справщика, т.е. корректора, и вместе издателя церковнослужебных и вообще духовного содержания книг при Патриаршей типографии. Митрополит Игнатий, кроме «Жития прав. Симеона Верхотурского чудотворца» и еще других двух книг, написал против раскольников вообще, и в частности сибирских, три умные и дышущие ревностию по православию послания, которыми много пользовался при составлении своего «Розыска о Брынской вере» св. Димитрий Ростовский, да которыми пользовались и доселе пользуются и все писавшие и пишущие о расколе и против раскола (Слов. пис. дух. чин., ч. 1, стр. 196–197).

пр., а также отчасти и приезжавшие духовные лица в Тобольск по делам или для рукоположения, слыша их суждения, беседы, видя их занятия, между прочим чтение книг*, зная их требования и распоряжения, невольным образом сами, так сказать, проникались их духом, их мыслями, приобретали охоту к чтению книг, делались сведущее прочей своей духовной братии. От них, т.е. от служивших при архиереях, особенно от тех, которые уезжали из епархиального города на службу в уездные города протоиереями и закащиками, хотя крохи знаний переходили и к другим, бывавшим в частых сношениях с ними, и особенно к состоявшим под их ведением. Подобное благотворное влияние по отношению к грамотности на сибирское духовенство имели и некоторые образованные ссыльные. Может ли, например, быть, что отлично образованный сербский священник Юрий Крижанич, за что-то (только не за пороки) сосланный из Москвы, долго живший в Тобольске, притом при доме митрополита (Корнилия), занимавшийся там составлением своих глубоко ученых сочинений** и противодействовавший там влиянию на православных сосланных в Тобольск за раскол протопопа Аввакума, священника Лазаря и иподиакона Федора, может ли, говорю, быть, чтобы Юрий Серб хотя на кого-нибудь, хотя только на некоторых из тобольского духовенства не произвел благодетельного влияния, не расположил их к занятиям грамотою, к заботе о самообразовании***?

Как бы то ни было, какими бы путями не проникала в Сибирь грамота, только в сибирском духовенстве XVII и начала XVIII столетий грамотность существовала: оно, как и духовен-

* Ученый серб Крижанич, о котором будет говориться ниже, хотя и жаловался на недостаток книг в Тобольске, между прочим в архиерейском доме (в 1661–76 гг.), но эта жалоба его относится только к книгам латинским, греческим и польским; русские же книги, какие только не читались в его время, как это видно из его же сочинений, писанных в Сибири, в Тобольске были все, по крайней мере почти все (Правос. обозрение 1870 г. № 2, стр. 364).

** В Тобольске Крижанич написал «Граммату славянскаго языка», за которую ученые называют его отцем славянской филологии, «Обличение на Соловецкую челобитную» — почти первое по времени сочинение из всех писанных против раскольников, «Трактат о крещении», «Описание Российскаго Государства» и пр., и пр. См. Чтения в общес. истории и древнос. Российск. 1848 г. отделение III; Прав. обозр. 1870 г. № 2, статья Юрий Крижанич; Прибавление к творениям отцов церкви 1860 г., стр. 503–585 и проч.

*** Афанасий Любимов, о котором вскоре будет говориться как о лице образованном, жил при Тобольском архиерейском доме в одно время с Юрием Сербом.

ство всей России, и в то время отправляло в церквах и монастырях общественное богослужение, совершало таинства, исправляло мирские требы и учило читать, петь и писать своих, а быть может, и чужих детей. Этого мало: а) сибирское духовенство допетровского времени вело сибирские летописи при Тобольском, например, соборе под названием «книги записной о воеводах сибирских городов, о сибирских архиереях»* и проч., а при Абалакской церкви под заглавием «О чудесах Абалакской Божией Матери»**; б) из сибирского духовенства допетровского времени вышел сильный и красноречивый обличитель первых московских и поморских расколоучителей и хороший по своему времени писатель — это первый Холмогорский и Архангельский архиепископ Афанасий Любимов***; в) лица духовные, стоявшие на высших и средних степенях сибирской иерархии петровского времени (не говоря уже об архиереях), например, архимандриты, игумены, протоиереи и даже иногда простые священники, притом из природных сибиряков, если можно судить об образовании людей по почерку их письма и правильности подписей, были гораздо грамотнее, образованнее лиц, стоявших и на гораздо высших степенях современной им иерархии гражданской, и именно сибирских воевод, их товарищей, губернаторов и вице-губернаторов, которые притом все или почти все были приезжие из России и происходили по большей части из знатных дворянских родов: подписи лиц духовных означенного времени ясны, четки, правильны, иные даже красивы, а подписи лиц светских таковы, что без особенного навыка их трудно, даже весьма трудно и разбирать****.

* Эта «Записная книга Тобольского собора» с небольшими переменами и некоторыми пополнениями из книги, значущейся в следующем примечании, давно уже напечатана в три части др. Росс. Вивлиофики под названием: «записки, к сибирской истории служащия».

** Рукопись Абалакской церкви (ныне монастыря) «о чудесах Абалакской Божией Матери» почти вся, по крайней мере наибольшею своею частию — замечательными чудотворениями, — вошла в мое «Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии» (стр. 29–69).

*** Афанасий Любимов сначала служил ризничим при Тобольском кафедральном соборе и при митрополите Корнилии в сане иеродиакона, а потом в сане игумена управлял Далматовским Успенским монастырем. См. Слов. пис. дух. чина ч. 1. ст. 58 и 59, Странник 1866 г. № 7, Жур. мин. нар. прос. 1864 г. №№ 2 или 3 и еще ч. 58, отд. VI.

**** При последнем номере «Ирк. епарх. ведом.» 1863 г. приложен почти целый лист подписей духовных и светских лиц петровского времени, и они именно таковы, какими описаны; между прочим очень плохи подписи тобольского губернатора кн. Долгорукого и иркутского воеводы Измайлова. Но эти последние (подписи) еще что в сравнении с писанием другого тобольского губернатора, известного кн. М.П. Гагарина, каз-

Но порядочно образованные люди, хорошие грамматчики в сибирском духовенстве допетровского и петровского времени, конечно, были крайне немногочисленны, быть может, из 100 не более 10 или 15, словом сказать, составляли слабое меньшинство. На большинстве же его, как и на большинстве российского современного ему духовенства, напротив, лежал мрак, почти непроницаемый мрак, самый глубокий туман. И сибирские архиереи XVII и начала XVIII столетий, если бы захотели писать государям и патриархам о состоянии грамотности в подведомом им духовенстве, то, конечно, написали бы так же, как писал в конце XV столетия митрополиту Симону архиепископ Новгородский Геннадий: «Вот приводят ко мне (для посвящения) мужика, я приказываю ему читать апостол, а он и ступить не умеет; приказываю дать ему псалтырь, а он и по той едва бредет... приказываю учить ектению, а он и к слову пристать не может; ты говоришь ему то, а он другое; приказываю учить азбуку, и они, немного поучившись азбуке, просятся прочь, не хотят учить ее; а у меня духа недостает ставить неучей, мужики невежи учат робят грамоте и только портят, а между тем за учение вечерни неси мастеру кашу да гривну денег, за утреню тоже или и больше; за часы особо... а отойдет от мастера, и ничего не умеет, едва-едва бредет по книге, а церковного порядка вовсе не знает»*. Конечно, это только предположение, но предположение, имеющее твердые основания: 1) сибирское духовенство, как и духовенство великороссийское допетровского и петровского времени, училось наиболее или у своих отцов, или так называемых мастеров, а отцы и мастера и сами знали не более того, что преподавали своим детям и ученикам**; 2) митрополит Тобольский Филофей Лещинский по прибытии своем в 1702 году на сибирскую паству усмотрел в ней, как вскоре затем писал он Петру I, «великое нестроение, а какое нестроение нелеть и писанию предяти; а чинится то, — объяснял он далее, — за великою простотою*** (духовенства)», 3) согласно указу от 1 сентября

ненного за лихоимство в Петербурге в 1721 г. Пишущий и многие другие в 1844 г. никаким образом, даже при помощи увеличительного стекла, не могли прочесть имеющийся в архиве Тобольской консистории своеручный его приказ о том, чтобы набирать детей крещеных инородцев для обучения в архиерейской и монастырских школах.

* «Истор. Русск. Церк.» Фил. Черниг. мер. III, § 23.

** Там же, между прочим примечание 177.

*** «Филофей Лещинский» стр. 13, челоб. митр. Филофея Петру I, стр. 7, в «Чтениях в общ. ист. и др. Рос.» 1863 года, кн. 4, смесь.

27 Заказ 2481

1723 года, которым повелевалось молодых монахов учить с целию быть им проповедниками в церквах и учителями в школах, в следующем 1724 году из Тобольской епархии был отправлен в Московскую Славяно-греко-латинскую академию (можно предполагать, что казавшийся более других способным к учению) иеродиакон Смарагд, но он по испытании, несмотря на свои 35 лет от роду, был посажен только в первую латинскую школу (т.е. в самый низший класс) и чрез два года был уволен из академии за неспособностию и старостию лет*; 4) в 20-х годах XVIII столетия некоторые из священнослужителей сибирских были совершенно безграмотные, даже не учившиеся грамоте (каков, например, был иеродиакон Селенгинского монастыря Глеб) или только умевшие кой-как читать, но совсем не умевшие писать (например, Балдайской слободы священник Андрей Попов) и потому поручавшие, где требовалось, подписывать свои имена своим сыновьям или лицам посторонним; был даже один протоиерей (города Нерчинска Даниил Лобашков), который при совершении таинств (например, венчании браков) и треб те молитвы, которые нужно было читать ему самому, по малограмотности заставлял читать причетников**; 5) наконец, вышеупомянутый серб Юрий Крижанич, живший в Тобольске 15 лет (в 1661—1676 гг.), в одном из своих сочинений прямо говорит: «Здесь, в Сибири, я не вижу

* «Ист. Моск. Акад.» Смирнова, стр. 178; «Ист. Обозр. Сибири» кн. 7, стр. 373.

** «Ирк. Епарх. Вед.» 1863 г. № 44, стр. 712 и 1864 г. № 27, стр. 434. «Жизнь св. Иннок. Ирк. Чуд.» стр. 201. Но увы! — и спустя 100 лет после того в Сибири встречались священники и диаконы почти совершенно безграмотные: экономом Тобольского архиерейского дома двадцатых годов настоящего столетия, свящ. Тимофей Овчинников не в состоянии был один ни всенощной отслужить, ни литургии совершить, ни окрестить младенца, ни брака обвенчать. Преосвященный Евгений (Казанцев) пытался было заставлять его служить в своей домовой церкви, по крайней мере всенощные бдения; возгласы священник Овчинников говорил (разумеется, выучивши наизусть) довольно исправно, но лишь доходило время до чтения евангелия, он и становился в тупик до того, что преосвященный сам вперед его должен был говорить по слову и по два: во дни оны... и тот: во дни оны; иде Мириам со тщанием во гр. Иудов... и он то же. Или один приятель пригласил от. Тимофея окрестить у него младенца, и он крестил у него чуть не целый день, несколько десятков раз протирая очки и выходя из комнаты, чтобы избавиться от поту. Казначей Тобольского Знаменского монастыря 40-х годов настоящего столетия, иеродиакон Павел был допускаем к служению только по будням, но и тут почти никогда не обходилось без того, чтобы молившиеся, даже лица солидные, не улыбались, не перекидывались между собою особенными взглядами, в особенности при чтении от. Павлом евангелия, сказывании на эктениях[164] царской фа-

ни одного такого ученого мужа, каких, притом многих (например, Епифания Славинецкого, Симеона Полоцкого, боярина Ртищева и пр.), я знал в сем (русском) государстве, пастырей и других мужей, книжных и учительных»*.

Между тем по местным обстоятельствам если где, то особенно в Сибири, духовенству надлежало быть просвещенному, хорошо грамотному: там во второй половине XVII и начале XVIII столетий быстро размножились раскольники и не только десятками, а даже сотнями и тысячами совершали самосожжения; там повсюду находились между туземными инородцами неверующие: то магометане, то идолопоклонники и буддисты и еще того более шаманцы**, да Сибирь и совне-то окружена была народами, не верующими в истинного Бога.

Учреждение школ при Тобольском архиерейском доме и в некоторых монастырях

Петр I, сознававший необходимость образования для духовенства, решился начать оное в Сибири ранее других мест. Поэтому 9 января 1701 года именным своим указом он повелел «приказному человеку Тобольскаго софийского дома из дворян Андрею Городецкому для утверждения и расширения словес Божиих в софийском дворе, или где прилично, построить училище (для) поповских, диаконских и церковников детей, робяток учить грамоте, а потом словенской грамматике и прочим на словенском языке книгам, и катихизис православной веры, печатанный на Москве, в прошлом 204 (1696) г., могли бы совершенно знать и, удостояся в чин священства, народ учить и многочисленных в Сибири иноземцев, неведущих Создателя Господа Бога, приводить в познание истинныя веры могли и потому ко святому крещению искать расширения до самаго государства Китайскаго»***.

милки и пр. Впрочем, в оправдание рукоположения этих двух лиц можно сказать то, что их (по нравственности хороших и дельных по части экономии) возведением одного в сан священника, а другого в сан иеродиакона духовное начальство хотело возвысить в глазах их подчиненных — послушников и штатных служителей.

* «Прав. Обоз.» 1870 г. № 2, стр. 369.

** «Собр. госуд. грам. и дог.» т. 4, стр. 41.

*** «Челобит. Митр. Филофея Лешинского Петру Великому» в Чтениях в общ. истор. и древн. Росс. 1863 г., кн. 4, смесь. Все, писавшие доселе о начале духовного просвещения в России, указывали на 1708, 1710, 1714 и 1716 годы как на время, с которого Петр I начал предписывать архиереям заводить при своих домах духовные школы и обучать в них свя-

Выполнить во всей точности приведенный указ об открытии церковной школы в Тобольске дворянин Городецкий не мог частию по краткости времени, а более потому, что в Тобольске в то время не было архиерея: митрополит Игнатий Римский-Корсаков, отбывший из Тобольска в Москву в конце 1699 года, в следующем 1700 г. по приключившейся тяжкой болезни отошел на покой в Симонов монастырь и там 13 мая 1701 года скончался, а св. Димитрий (после митрополит Ростовский), рукоположенный в Тобольского митрополита 9 марта 1701 года, отказался от поездки в Сибирь. Однако ж он, Городецкий, успел, если не окончательно, то по крайней мере вчерне, построить на митрополичьем дворе дом для училища, для 16 окон которого после (от 31 декабря 1702 г.) вновь прибывший на сибирскую паству митрополит просил чрез Петра I из Тобольской приказной палаты* слюды.

Митрополит, о котором мы упомянули, прибыл на сибирскую паству 4 апреля 1702 года. Это был Филофей Лещинский, по происхождению малоросс, а по учению и по предшествующей службе киевлянин. Будучи сам человеком ученым и любя ученье в других, познакомясь с сибирским духовенством как на пути в Тобольск**, так и в самом Тобольске, а также и на церковном соборе, бывшем в Тобольске 6 декабря***, нашедши в нем, по его собственному выражению, «великую простоту» (т.е. невежество, необразованность), усмотревши как в самом духовенстве, так и в заведываемых им храмах, в отправляемом им богослужении, а быть может, и в жизни самой его паствы происходившее от той его простоты «великое нестроение» такое, что и «писанию предать оное было не леть», и узнавши о других невыгодных обстоятельствах сибирской паствы, которые при необразованном духовенстве исправить было бы совершенно невозможно, преосвященный Филофей чрез 9 месяцев по при-

щенно- и церковнослужительских детей (Ист. иерар. Российс. Церк., изд. I, ч. I, стр. 422; ист. Петерб. дух. ак., стр. 4; Правл. Собес. 1858 г. ч. 2, стр. 565). Но приведенный указ Петра показывает совсем другое.

* Приказная изба, потом Приказная Палата, впоследствии Губернская Канцелярия в Тобольске совмещала в себе все нынешние губернские присутственные места: и губернское правление, и губерн. суд, и казенную палату, даже оба главные управления Сибири.

** От границы Сибирской епархии, бывшей на западной стороне Урала, до Тобольска не менее 600 верст, следовательно, митрополит Филофей и на пути до Тобольска мог видеть немало духовенства.

*** Что собор сибирского духовенства в декабре 1702 г. в Тобольске был, об этом см. «Ирк. епарх. вед.», 1869 года, №№ 44–46.

бытии в Тобольск, а именно от 31 декабря 1702 года, отправил к государю челобитную, в которой представил ему между прочим и о нужде: а) быть в Тобольске школам; б) брать в них детей не духовного только сословия, но и других сословий; в) учить в них не по-славянски только и русски, но и по латыни; г) на содержание учеников и на книги им дать пособие от казны; д) завести при школах на казенный счет друкирню (типографию) с тем, чтобы в ней друковать (печатать) учебники, например, буквари, часословы и пр.; е) позволить беспрепятственно, притом на ямских подводах, приезжать из Киева, Чернигова и вообще из Малороссии школьным учителям и проповедникам слова Божия ученым монахам и ж) предоставить учителями, учениками, судом над ними и вообще всеми школьными делами заведывать только одному ему, митрополиту, без всяких вмешательств в них с чьей бы то ни было стороны*.

Рад был Петр I такому представлению своего сибирского богомольца: Филофееву челобитную и статьи ее, относящиеся до учреждения школы в Тобольске, он слушал тотчас по получении, и именно 20 и 27 января 1703 года; думный царский дьяк Андрей Андреевич Виниус[167] и по делам Сибирского приказа, и чрез сношения с местоблюстителем Патриаршего престола, митрополитом Стефаном Яворским навел справки между прочим и против статей, касающихся школы и, кроме того, со слов государя написал к ним «пометы» (резолюции). Судя по этим справкам и пометам, представление митрополита Филофея Государем весьма охотно было одобрено, хотя и с некото-

* Вот относящиеся сюда статьи «Челобитной митрополита Филофея»:
«Для вспоможения церкви святой и расширения православной христианской веры, школам быть в Тобольску, и учить грамматики словенской и латинской, а учителями промышлять одному, и учеников поудить, которые до того понадобятся от всякаго чина дети, а для скудных детей на покупку к тем наукам потребных книг чтоб учинить вспоможение из государевы казны, и чтоб кроме митрополита судом и расправами школьными ни кому не заведывать и не учить, да не разногласие кое в учении школьном возрастет оттуду».
«Монахам Киевлянам... чтобы был проезд в Сибирь и из Сибири проезд вольный; и... тем бы людям давать ямские подводы; а без проповедников слова Божия и учителей школьных... быть не возможно».
«В Киево печерской обители диакон черный Пахомий Арамашенко зело угоден до проповеди слова Божия; чтобы того диакона прислать в Тобольск, а буде в той обители его нет, послать и в Чернигов».
«Для детского учения завесть друкарню в Тобольске, в софийском дому Великаго Государя казною, а друковать буквари, часословы малые и псалтыри, и до школ на 16 окошек дать слюды из приказной палаты». См. «Чтения в общест. ист. и др. Росс.» 1863 г. кн. 4, смесь, где помещена эта челобитная.

рыми ограничениями. Например, было воспрещено от него: 1) набирать в школу детей других сословий, кроме духовного; 2) учить и по-латыни; 3) заводить в Тобольске для школы типографию, было также отказано 4) в праве ездить учителям на ямских подводах без платежа прогонов и 5) в пособии от казны на школу, а велено содержать скудных учеников пищей, одеждой и книгами из доходов архиерейского дома, так как они в то время были довольно значительны; достаточным же ученикам предписывалось содержаться на отцовском иждивении. Впрочем, отказ в этом последнем был не совершенный: так называемые «милостынные деньги»*, собиравшиеся в XVII и начале XVIII столетий с архиерейских домов и монастырей, государь предоставил Тобольскому архиерейскому дому в пользу устрояемой при нем школы**. Решение Петра Великого каса-

* «Милостынныя деньги» собирались со всех архиерсев (по гривне от каждой церкви) на содержание московских богаделен. Так как в самом начале XVIII столетия церквей в Сибири было только 160, то и выходит, что Петр I на содержание тобольской школы уступал не более 16 р. в год. Впрочем, в то время и это были довольно немалые деньги!

** Вот справка Виниуса и пометы Государя, на которых основывается и то, что сказано здесь и что еще будет говориться ниже:

Справка: «А по справке в сибирском приказе, в прошлом 1701 г. генв. в 9 день по именному Великаго Государя указу, велено в Сибири из дворян Андрею Городецкому, которому велено быть в Софийском доме (т.е. в Тобольском архиерейском доме, называвшемся по месту нахождения его при кафед. соборе во имя Софии, премудрости слова Божия) у архиерея приказным человеком, для утверждения и разширения словес Божиих, на Софийском дворе, или где прилично, построить училище поповских, диаконских и церковников детей, робяток учить грамоте, а потом словенской грамматике и прочим на словенском языке книгам, и катихизис православной веры, печатанный на Москве в прошлом 204 (1696) году, могли совершенно знать и, удостоятся в чин священства, народ учить и многочисленных в Сибири иноземцев неведущих Создателя Господа Бога, приводить в познание истинныя веры могли, и потому ко святому крещению искать разширения до самаго Государства Китайскаго; а тем детям скудным давать на одежду по две деньги человеку на день, на пищу из домовых доходов, а у которых отцы у приходских церквей люди не скудные, и тем питаться и одежды на себя класть свои, а опричь церковнаго чину не имать».

Помета 1. «Монахом вольный в Сибирь проезд, по прошению архиерея, дать, а когда их отпустить, и о том ему в приказной палате просить и написать отпускам их вины (причины); а преосвященному митрополиту паче простираться в учение Словяно-российской граматики, и чтобы вся, яже попу или диакону надобно знать, изучились и православной веры катихизис достаточно знали, и по согласию содержащей в ней артикул умели и людей мирских учили; а подводы к Москве двум или трем человекам давать за их же прогоны... и разсудить (надобно), что в тех подводах людям будут великия тягости; к прежним монахом (игумену Варлааму Коссовскому, после епископу иркутскому, архимандриту Мартиниану первому веропроповеднику в

тельно Тобольской архиерейской школы вместе с решениями на все другие статьи Филофеевой челобитной от 31 декабря 1702 года было прислано из Москвы в Тобольск к самому челобитчику при указе от 1 марта 1703 года.

Открытие архиерейской славяно-русской школы в Тобольске, по всей вероятности, последовало вскоре по получении царского ответа, а именно или в том же 1702 году, или уже никак не позже 1704 года, потому, во-первых, что и здание для нее было уже готово еще в декабре 1702 года, как видели мы, оставалось только вставить в нем слюдяные окна; во-вторых, когда в 1705 году люди, привезенные митрополитом Филофеем, и соплеменные им ссыльные малороссияне по распоряжению митрополита, пристрастившегося к сценическим представлениям еще в Киеве, разыгрывали между кафедральным Софийским собором и Сергиевскою церковью (ныне уже не существующею) драмы и комедии духовного содержания*, то с ними в игре, полагаем**, участвовали и ученики Тобольской митропольичьей школы с целью как увеселения и назидания граждан тобольских, так в особенности и для пользы самих учеников, чтобы приучивать их к свободному произношению проповедей и речей; в-третьих, в 1707 году при миссии в Монголию к буддийскому Кутухте (первосвященнику), состоявшей из богословия учителей, было отправлено митрополитом Филофеем двое остроумных юношей, и они миссией были оставлены при дворе Кутухты для изучения монгольского языка и для разведывания о буддийской вере: трудно поверить, чтобы для таких важных целей

Камчатке, Лаврентию Белецкому, после арх. Туруханского монастыря и пр.) ныне еще монахи отпущены, удоволить я бы теми... а друкарне в Тобольску, по имянному Великаго Государя указу, не быть и какия книги понадобятся, и ему велеть покупать на Москве».

Помета 2. «Великий Государь, о сем (о милостынных деньгах, которых Филофей просил за 1702, а также за прошлые и предбудущие годы с Тобольскаго архиерейского дома не взыскивать) слушав от преосвященнаго Стефана, митрополита Рязанскаго доношения, своим...указом тех денег прежних, и ныне, и впредь с него имать не велел, а указал те деньги ему, митр. (Филофею) иждивать в свои потребы, детям поповским в школы на их потребы, и о том в монастырский приказ послать память». Там же.

* «Сибирская Летопись» рукопись под 1705 годом; мое «Описание Тобольск. Софийск. собора», стр. 34.

** Полагаем, однако ж, не без основания, но основываясь частию на свойстве и охоте юности веселиться, а более на том, что при преемнике Филофея, митрополите Антонии I, как увидим ниже, школяры и их учителя действительно разыгрывали комедии.

можно было употребить молодых людей, не приготовленных в училище, в особенности поверить сему после того, как один из двух помянутых остроумных юношей в летописи прямо назван учеником*. Но, кроме этих предположений на открытие при Тобольском архиерейском доме школы тотчас или вскоре по получении согласия на то Петра I, есть еще неопровержимое, фактическое доказательство: митрополит Филофей во время вторичного управления Тобольской епархиею, и именно в 1718 году, предписывая архимандриту Верхотурского Никольского монастыря Сильвестру, согласно указу Петра Великого и приказанию сибирского губернатора князя М. П. Гагарина, набирать по селениям детей новокрещенных вогулов и остяков и прилежно учить их у себя в монастыре грамоте, вслед затем говорит: «А буде возможно и в Тобольск отсылать в дом архиерейский .. ко учению, где многие новокрещенных робята учатся грамате»**.

Но если при Тобольском архиерейском доме школа была открыта еще митрополитом Филофеем Лещинским, то как объяснить, с одной стороны, представление Св. Синоду от 1 марта 1721 года Антония Стаховского, назначенного в преемники Филофею и находившегося в то время в Петербурге, представление, выраженное в следующих словах: «Аще благословение будет училища заводить, на сие прошу вашего высокоправительствующаго разсуждения, откуда трудникам оным (учителям, а может быть, вместе и ученикам) будет определение (т.е. жалованье и вообще содержание)», и с другой — ответ на это представление Св. Синода: «По пропорции епархии из епархии»***? На этот вопрос может быть один из двух ответов: или а) Антоний Стаховский и Св. Синод не знали о существовании в Тобольске архиерейской школы: первый потому, что он лишь только был назначен к перемещению из Чернигова в Тобольск, так что еще не был произведен и в митрополита Сибирского****, а второй по-

* «Сибир. Летоп.» под 1727 годом, «Истор. обоз. Сибири» Слов. кн. I, стр. 358—60; «Кратк. Описание остяцк. народа» гл. 4, §§ 2 и 9.

** Дела арх. Тобольск. консистор; «Филофей Лещинский» стр. 54 и след. во Времен. общ. ист. и древнос. Росс. 1854 г.

*** Из письма профессора С.-Петербург. духов. Академии Ил. Ал. Чистовича от 28 сентября 1867 года; то же есть и в Полн. собрании постановлений по ведомству Прав. испов. Росс. Имп. т. I.

**** Производство это совершено было 5 марта 1721 года в С.-Петербургск. Троицком соборе в присутствии Государя. См. «Ирк. епарх. вед.» 1863 г. №№ 12 и 15, стр. 157 и 198.

тому, что лишь только еще был учрежден (в феврале 1721 года) и сведений об училищах духовных под руками еще не имел*, но все-таки сделал означенное представление в тех видах, не назначит ли сам Св. Синод из какого-либо источника или по сношению его правительствующий сенат из средств казны какого-либо содержания, по крайней мере пособия в содержание для Тобольской архиерейской школы, так как в пособии для содержания от казны в 1703 году ей было отказано и так как она при митрополите Филофее содержалась лишь на одни средства Тобольского архиерейского дома и самого архиерея.

Преемник митрополита Филофея (в схиме Феодора) Лещинского митрополит Антоний Стаховский потому ли, что он еще в Чернигове заведывал семинарией, сначала в звании ректора или префекта, а потом и в сане архиепископа, и, таким образом, приобрел особенно, расположение заниматься образованием духовного юношества, или вследствие постановления только что изданного тогда Духовного Регламента — учреждать всем архиереям в своих епархиях семинарии и строгих затем и о том же настояния от государей Петра I и Петра II, принялся и за Тобольскую архиерейскую школу и еще с большею ревностию. Он тотчас по прибытии в Тобольск, по всей своей епархии, сначала по ближайшим ее заказам[16], а потом и по отдаленнейшим (например, Иркутскому**), разослал строгий указ, чтобы священники, диаконы и причетники представляли или высылали своих детей в его тобольскую школу. Правда, духовенство отдаленнейших местностей, и именно Восточной Сибири, частию по обычной в то время неохоте расставаться с детьми, а частию и по крайней отдаленности оставило предписание своего архипастыря без исполнения, но духовенство, по крайней мере некоторая часть духовенства мест, ближайших

* В Петербурге в конце марта и начале февраля находился иеродиакон Филимон, посланный из Тобольска от митр. Филофея с представлениями в сенат о разных нуждах по Тобольской епархии, напр., о кой-каких льготах для новокрещенных, о жалованье тобольским соборянам и духовенству церквей, построенных среди новокрещенных, и проч., и проч. Из письма того же профессора г. Чистовича.

** Вся и Восточная Сибирь по церковному управлению до второй половины 1727 года входила в состав Тобольской, всесибирской епархии. В Иркутск указ митр. Антония был послан от 25 октября 1722 года. «Ирк. епарх. вед.» 1863 г. №№ 14 и 39, стр. 191 и 624.

к Тобольску, волей или неволей исполнило требования архипастыря.

« В прошлом[169] 1722 году*, — писал в 1743 году митрополиту Антонию Нарожницкому по какому-то делу один причетник (Андрей Старческий), — антецессором (предместник)[170] вашего преосвященства блаженныя памяти преосв. Антонием (Стаховским) митрополитом взят был я нижайший из священнических Рафайловскаго заказа Кондинской заимки**[171] детей для обучения при Тобольском доме митрополитанском в школу, где и обучался славяно-Российской грамате чрез шести летнее время, а по обучении оной чрез шестигодичное же время состоял при келии Его Преосвященства при разных должностях»***. Когда 14 июля 1727 года Верховный тайный совет[172] потребовал от Св. Синода сведений, «при всех ли епархиях школы и ученики по силе Духовного Регламента содержатся? Сколько в которой епархии тех учеников сначала было и ныне обретается и до каких наук произошли и в какое достоинство куда произведены?», и когда в свою очередь Св. Синод (указами от 22 августа и 23 октября того же года) затребовал сведений по этим вопросам из епархии, то тобольское епархиальное начальство отвечало: «Здесь в школе (до 1726 г. включительно) обучалось: 5 человек букваря малого, часослова, псалтыря, писать и петь; 14 человек десятословию и грамматики; одному десятословию — 14 (значит, всего училось 33 человека). Из них 4 уволено, а остальные поступили в диаконские и причетнические должности». По тем же сведениям и тем же предметам в 1727 году в тобольской архиерейской школе училось уже 57 учеников, да в Знаменском монастыре обучались 10 человек письму и 4 нотному пению****. Впоследствии времени к митрополиту Антонию Стаховскому, как увидим ниже, прибыл с родной Малороссии учитель, знающий латинский язык; почему в школе его к прежним русским предметам было прибавлено преподавание и латинского языка. По смерти преосвящен-

* В подлиннике поставлен 1721 год, по всей вероятности, это по ошибке, по забвению писавшего: митр. Антоний в Тобольск прибыл только 7 декабря 1721 г., след. ему до 1722 г. еще некогда было хотя бы то и из Ялуторовского уезда вытребовать для школы учеников.

** Ныне село Кодское.

*** Из дел архива Тобольс. духов. консистории.

**** «Наука и литер. в России при Петре Вел.» Пекарского, стр. 108, 120 и след.

ного Антония (в конце марта 1740 года) и скором отъезде из Тобольска (по двухмесячном и даже менее того в нем пребывании) преемника его митрополита Арсения Мацеевича Тобольская консистория распустила было всех или почти всех школьников* по домам. Однако ж новый митрополит Тобольский, еще более своих предместников ревностный до духовного просвещения, Антоний Нарожницкий снова наполнил Тобольскую архиерейскую школу учениками и, как увидим ниже, тотчас же преобразовал ее в семинарию.

Школы, кроме Тобольской архиерейской

Кроме Тобольской митрополичьей школы, в первой половине XVIII столетия в Сибири существовали уже и другие духовные школы. Выше было уже упомянуто о предписании митрополита Филофея в 1718 году верхотурскому заказщику архимандриту Николаевского монастыря Сильвестру набирать новокрещенных детей в заведываемый им монастырь для обучения русской грамоте. Вот это предписание: «По указу Великаго Государя и по приказу губернатора Сибири князя М.П. Гагарина** велено с новокрещенных набирать робяток и учить их грамате и тебе б архимандриту, по указу Великаго Государя, в Верхотурском уезде, где найдутся робята згодние к учению, брати и учить прилежно, а буде возможно, и в Тобольск отсылать в дом архиерейский с певними (благонадежными) ездоками, ко учению, где многие новокрещенных робята учатся грамоте»***. Было также упомянуто выше и о том, что, например, в Тобольском Знаменском монастыре в 1727 году обучалось 14 человек между прочим письму и церковному пению. Здесь же следует только заметить, что школа при Знаменском монастыре существовала долго и после: в 1743 году какой-то заказщик отправлял малолетков своего заказа в открываемую митрополитом Антонием II Тобольскую семинарию и, поме-

* Она отпускала их только на полгода для свидания с родственниками, а они, пользуясь безархиерейством и молчанием консистории, пробыли в отпуску по году; иные, как увидим ниже, успели в это время даже поступить на службу в причт или записаться в подушный оклад (Из дел архива Тоболь. консист.).

* Приказ Гагарина, писанный им своеручно же (на лоскутке синей бумаги), находится в деле при предписании митр. Филофея, но разобрать его, как упомянуто мною выше, нет никакой возможности.

** Дела архива Тобольской консистории; «Деян. Петра Великаго» т. III, стр. 152 и след; «Филофей Лещинский» стр. 54 и след.

чая против каждого, чему и где учен, против одного пометил: «учен в Знаменском монастыре в школе»*.

На основании этих данных можно предполагать, что при митрополитах Филофее и Антонии I и в других, по крайней мере главнейших, монастырях Сибирской епархии, например, Далматовском, Енисейском, Томском, Рафайловском и пр., уже существовали школы; ввиду заботливости названных преосвященных о заведении школ при монастырях Верхотурском Николаевском и Тобольском Знаменском, нельзя не предположить и того, чтобы они не предписывали и другим подведомым им монастырям, находившимся против тех двух монастырей ничуть не в худшем положении, оделать у себя то же — завести школы церковной грамотности! В Рафайловском же монастыре (в 30-х годах настоящего столетия по крайней бедности и безлюдству закрытом) перед 1748 г. уже и оказывается русская школа с семью учащимися читать, писать, петь и катехизису**, а в 1752 году таковая же школа оказывается и в Томском Алексеевском монастыре. В 1760 году была духовная школа и в городе Троицке*** с 24 учениками. В 1762 году в Рафайловском монастыре училось уже 47 человек, притом училось и латинскому языку до синтаксимы. Может быть, школы эти монастырями открыты уже и после митрополитов Филофея и Антония I, например, одни при Антонии II, а другие при Сильвестре, но они могли существовать и при тех двух первых митрополитах: точных, определенных указаний времени открытия их пока не найдено.

К перечисленным здесь духовным школам не будет лишним присовокупить и еще одну школу, открытую в Иркутском Вознесенском монастыре, потому что открытие ее последовало в бытность Иркутска и всей Восточной Сибири по церковному управлению в зависимости от тобольских митрополитов или же тотчас по выходе ее из этой зависимости. В Иркутском Вознесенском монастыре в первый раз открыта была школа под названием Монгольской в 1725 и 1726 годах архимандритом Антонием Платковским с целию изучения монгольского языка в видах поддержания сношения с Китаем, хотя и состояла, и пополнялась (от 7 до 10) учениками большею частию духовного происхождения. Затем, в начале 1728 года (следовательно, толь-

* Тж же дела.

** Это известно из дел архива консистории.

*** До конца XVIII столетия Троицк, Челяба и Уральск принадлежали к Тобольской епархии.

ко что по отделении Иркутской епархии от Тобольской) при ней же или в ней же была открыта и русская школа первым Иркутским епископом св. Иннокентием Кульчицким. Когда Св. Синод по вышеуказанному требованию Верховного тайного совета спросил иркутское епархиальное начальство об архиерейской или монастырской школе и состоянии в ней учения, то оно отвечало, что в 1727 году в Вознесенском монастыре у архимандрита Антонии Платковского 8 человек училось русской грамоте и 5 человек монгольскому языку, что, кроме того, в начале следующего 1728 года преосвященным Иннокентием еще собрано из уездов Иркутского и Селенгинского священно- и церковнослужительских детей в русскую школу 22 человека, и что они учатся азбуке, часослову, псалтирю и заповедям, да в Монгольской школе остается 8 учеников*, но что из сих последних трое лучших дано посланнику нашему в Китай, графу Савве Владиславичу Рагузинскому по его требованию «ради обучения в бытность его (Владиславича) в Китаях мунгальскаго и китайского языков»**.

Таким образом, свет духовного просвещения в Сибири прежде всего явился на берегах Иртыша при митрополии тобольской, на берегах Туры, при Николаевском Верхотурском монастыре и на берегах Ангары в монастыре Вознесенском, появился в Тобольске ранее, нежели в прочих российских епархиальных городах, исключая Киева, Москвы, Чернигова и еще, быть может, Ростова, и, появившись раз, более никогда уже не погасал, тогда как в других епархиях то за неимением учителей, то по недостатку средств к содержанию учащих и учеников, это явление повторялось нередко. И честь возжения света просвещения духовного, да и какого бы то ни было просвещения в Сибири, подобно как и во всей России, принадлежит единственно духовным начальникам***, митрополитам тобольским, только из них честь эта принадлежит не митрополиту Антонию I (Стаховскому), как ошибочно об этом пишется в

* Подробности об этом будут сообщены ниже в статье об учителях первых сибирских школ.

** «Наука и литер. в России при Петре Великом» Пекарского, стр. 108, 120 и 121; «Ирк. епарх. Вед.» 1863 г. №№ 18 и 38, стр. 251, 602 и след.

*** В Тобольске в одно время (с сент. 1711 по нояб. 1721 г.) с духовной школой существовала и школа светская, учрежденная пленными шведскими офицерами. В ней учились дети и взрослые и учились многому, а в особенности религии и нравственности. Но на русских сибиряков она едва ли имела какое-либо влияние, потому что ученье в ней происходило только на немецком языке, и потому еще, что детей

что также мы видели, как «школой при Тобольском доме митрополитанском», или «домовым архиерейским училищем». Но где именно на архиерейском-то дворе он находился, или, быть может, и доселе еще находится, этого в настоящее время, вероятно, никто не скажет. Правда, пишущему во время службы его при Тобольской семинарии не по один раз указывали, как на прародителя всех нынешних зданий тобольских семинарии и училища, на каменную кузницу, что на архиерейском дворе подле самых ворот с левой их стороны и против навеса, устроенного над колодцем архиерейского дома. Но это, по моему мнению, совершенно несправедливо: архиерейская школа, как помним мы, была о 16 окнах, а у названной кузницы нет и третьей или четвертой части такого количества окон; да их в таком количестве не было бы, если бы в кузничном здании возобновить и те окна, которые в нем закладены.

Предметы учения

Целей учреждения Тобольской архиерейской школы было две, и именно чтобы лица, обучившиеся в ней, по получении сана священства: а) могли учить вере и нравственности христианской прихожан своих и б) обращать в христианство не только сибирских инородцев, а даже и соседей их китайцев. Для достижения этих высоких целей митрополит Филофей Лещинский, сам воспитанный на латыни и привезший с собою из Киева несколько монахов-латинистов, представлял было Петру I, чтобы в предполагаемой им к открытию школе учить не только по славяно-русски, но и по-латыни. Но в ответ на это представление от лица государя Андреем Виниусом было написано: «Робяток учить грамоте, а потом словенской граматике и прочим на словенском языке книгам и катихизис православной веры, печатанный на Москве (следовательно, на русском языке), могли (бы) совершенно знать» и только; а далее и еще определеннее сказано: «А преосвященному митрополиту паче простираться в учение славяно российской граматике и чтоб вся, аже попу или диакону надобно знать, изучиля и православной веры катихизис достаточно знали». Сам Св. Синод во второй год (1722) своего существования объявил, что в архиерейских школах, по постановлению Духовного Регламента в то время учреждавшихся, за скудостию довольных (способных) учителей обучение должно состоять, кроме чтения, письма и пения, только

из преподавания букваря (впрочем, как ниже увидим, более похожего на катехизис) Феофана Прокоповича и славянской грамматики, изданной в Москве Поликарповым*. Нет сомнения, что и в Тобольской архиерейской школе при учредителе ее учили только по-русски и русским предметам, а именно: читать, писать, петь по нотам, славянской грамматике и катехизису. Притом при митрополите Филофее и учились в открытой им архиерейской школе едва ли не преимущественно, по крайней мере в весьма значительном количестве, дети остяков, вогулов и других новокрещенных сибирских инородцев, так как он сам в вышеприведенном указе своем 1718 года верхотурскому архимандриту говорил, что у него «в Тобольске в архиерейском доме многие новокрещенных робята учатся грамоте», для которых и действительно нужны были вовсе не латинь, а русская грамота, знание христианской веры и знакомство с русским бытом, с русскою жизнию. При преемнике Филофея митрополите Антонии I было то же: когда в 1727 году Верховный тайный совет спрашивал чрез Св. Синод, между прочим и Тобольского митрополита (Антония I), «сколько в его епархиальной школе сначала было учеников и ныне их обретается и до каких наук они произошли», то он отвечал, что прежде обучалось 5 человек букварю малому, часослову, псалтирю, письму и пению, а 14 человек десятословию и грамматике и 14 же — одному десятословию, да что и ныне (в 1727 г.) все ученики, числом 57, учатся тем же (следовательно, все русским же) предметам**. Когда именно введено в Тобольской архиерейской школе митрополитом Антонием Стаховским преподавание латинского языка — неизвестно***. Известно только то, что в конце 1727 года его еще не было, иначе митрополит Антоний I, донося в то время высшему правительству о состоянии своей школы, не преминул бы упомянуть о нем, но что, напротив, в 1739 году оно несомненно уже было. На последнее неоспоримым доказательством служит следующее: в январе 1746 года студент Андрей Попов, года четыре пред тем укрывавшийся от ученья в семинарии и даже уже записавшийся было в подушный оклад, в консистории показал о себе (что по следствию вполне подтвердилось)... «в прошедших годах от прошлого

* «Наук. и лит. в России при Петре Велик.», стр. 108, 120 и след.

** Тамъ же.

*** В «Филоф. Лещин.» на стр. 15 в примечании мной указано было на 1728 год, как на год введения преподавания латинского языка в Тобольск. архиер. школе, но указано без достаточного основания.

1736 г. был я в Тобольску в домовом архиерейском училище лет с шесть и обучился на казенном домовом коште чтению и писанию совершенно, а потом в 1739 году я определен был учитца в латинскую школу (т.е. в класс) к учителю Якимовичу и бывши в оном учении, по отбытии из Тобольска митрополита Арсения (Мацеевича) в прошлом 1742 году отпущен был по прошению моему от консистории архиерейской на полугодичное время в дом свой для свидания с родителями своими при пашспорте, который у меня истратился*» и пр., и пр. Таким образом, честь введения латинского языка в число преподаваемых предметов** в Тобольской архиерейской школе принадлежит митрополиту Антонию I (Стаховскому), а не преобразователю школы в семинарию митрополиту Антонию II (Нарожницкому), как до сих пор думали в Тобольске, и первым преподавателем латинского языка был Якимович***, а не Василий Русанович, который в 1743 году приехал в Тобольск с Антонием Нарожницким и которого также неправильно доселе считали первым учителем латинского языка в Тобольске. Впрочем, кроме грамматики, по латинскому языку в Тобольской архиерейской школе ничего не преподавалось и, кроме исчисленных выше предметов (катехизиса и пр.), в ней ничему не учили. Когда в 1740 году Св. Синод спрашивал тобольское епархиальное начальство, а это спросило закашиков, «сколько, где (в числе духовенства) прошедших риторическое, философское и богословское учения», то в ответ из всех заказов был один: «прошедших риторическое, философское и богословское учения не обретается ни одного»****.

Учебники

Читать первые тобольские школьники учились точно так же, как учились тогда вообще дети лиц низшего клира и простонародья, и учатся и до сих пор, а именно: по малому букварю*****, Часослову и Псалтыри; пение же преподавалось им по

* Дела архива Тобольск. консистории.

** Если только есть честь в том, чтобы учить латинскому языку учеников, не обучающихся ничему, кроме русской грамоты, славянской грамматики и катехизиса.

*** Он был священник по имени Иван.

**** Из дел архива Тобольск. консистории.

***** Букварь малый походил на нынешнюю церковно-славянскую азбуку и состоял только из букв, слогов и, быть может, из: аз — ангел, ангельский, домангел, [illegible] — и назывался малым в отличие от букваря, изданного Феофаном Прокоповичем, о чем будет сказано ниже

известным, но уже давно вышедшим из употребления крюкам[175] и, как можно предполагать, по причине редкости сих крюков и затруднительности писать их, — понаслышке. В учении славянской грамматики до 1721 или 1722 года руководились единственною в то время грамматикою (сначала ревнителя по православию, а потом, по переходе в Унию, заклятого врага его) Мелетия Смотрицкого, а затем, т.е. после 1721 или 1722 года, грамматикой учителя Московской Славяно-греко-латинской академии Федора Поликарпова, которая, впрочем, есть та же грамматика Мелетия Смотрицкого, но только исправленная и в значительной степени переделанная*. По катехизису руководством первоначально служило «Православное исповедание веры» Киевского митрополита Петра Могилы, которое в указе Петра I от 9 января 1701 года** названо «катихизисом православной веры» и которое незадолго пред тем (в 1696 году) напечатано в Москве, а после, с 1722 года, вследствие указа Св. Синода***, быть может, служил вместо катехизиса «букварь**** или первое учение отроком с катихизисом» Феофана Прокоповича, напечатанный не одним изданием в 1722, 1723 и 1724 годах в Москве*****. Что служило руководством ученикам Тобольской архиерейской школы 1720—1730 гг. при изучении «десятословия», о котором упоминается в донесении тобольского епархиального начальства Верховному тайному совету от конца 1727 года — неизвестно; быть может, руководством при этом служила третья часть (содержащая ученье о заповедях Божиих, тех же «православного исповедания» Петра Могилы и «Букваря и катихизиса» Феофана Прокоповича, о которых упомянуто выше, или же и другая, какая-нибудь особая книга, содержавшая в себе только десятословие или объяснение одних заповедей Божиих. Что же касается до руководств по преподаванию в тобольской школе латинского языка, то на это не отыскано пока еще никаких сведений.

---

* См. «Слов. пис. дух. чина», ч. 2, стр. 52—54 и 192; «Наук. и лит. в России при Петре Велик.» Пекарского, стр. 108, 120 и 121.

** Указ этот помещен выше в выписках, сделанных мною из Филофеевой челобитной.

*** См. выше и еще «Наук. и лит. в России при Пет. Велик.», стр. 108, 120 и 121 и «Слов. пис. дух. чина», ч. 2, стр. 162.

**** В отличие от этого букваря, впрочем, более похожего, как показывает и самое заглавие, на катехизис, и названа в донесении тобольского епархиал. начальства верховн. совету обыкновенная церковная азбука «букварем малым».

***** «Слов. пис. дух. чина», ч. 2, стр. 304.

Для печатания перечисленных, а быть может, и других каких-либо руководств, основатель тобольской архиерейской школы просил Петра I завести в Тобольске на казенный счет друкарню (типографию), но в этом, как видели мы, ему решительно было отказано... Само собою разумеется, что типография в таком отдаленном от столицы городе, как Тобольск, и притом в такое темное время, каково было начало XVIII столетия, казне стоила бы очень дорого, а пользы приносила бы весьма мало. Нужные для школьников книги в Москве всегда можно было купить гораздо дешевле, чем они обошлись бы в Тобольске*; поэтому и согласно повелению Петра I, без сомнения, там, а после в Петербурге, их и покупали.

Ученики Тобольской архиерейской школы

Основатель тобольской архиерейской школы митрополит Филофей Лещинский был, как известно, киевлянин, киевский академист, а в Киевскую академию, как и в другие южно- и западно-русские училища, ученики принимались из всех сословий (хотя после по привычке к учителям монахам и священникам и в богословской науке, приступали большею частию в сословие духовенства). Следуя этому примеру, Филофей пред открытием при своем архиерейском доме школы и просил, как выше сказано, «учеников понудить, которые до школы понадобится, от всякаго чина дети». Но и в этой просьбе ему было отказано и объявлено, чтобы детей в школу «опричь церковнаго чина не имать». Таким образом, в Тобольскую архиерейскую школу вначале и поступали только дети духовенства.

Между тем, вследствие проповеди этого же основателя школы Филофея, начали во множестве обращаться в христианство сибирские инородцы: остяки, вогулы, татары (например, туралинские и чулымские), самоеды и другие. Обращения их совершались по большей части массами и довольно поспешно, по-

* Кстати упомянуть, что в конце прошедшего и начале настоящего столетия в Тобольске существовала типография купца и заводчика Дм. Корнильева. В ней было напечатано несколько книг, напр. «Краткое показание о сибир. воеводах», «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (самый пустой журнал, издававшийся собственно в Тобольске), «Истина благочестия, доказанная воскресением Иисуса Христа» архиеп. Антония III, «стихи и речи, говоренные тобол. семинаристами» пред преосвящ. Варлаамом I и пр., и пр. При ней и наборщик-то был даровой (крепостной Корнильева Мухин, отец тобольского портного из призаводских арамянских крестьян). Но, верно, барышей от нее было мало, что содержатель принужден был наконец ее закрыть.

этому и при крайней их притом неразвитости и совершенном почти незнании большею частию русского языка скоро научить их истинам веры и правилам жизни христианской не было никакой возможности. Чтобы утвердить новообращенных в принятой вере, предотвратить между ними отпадения в прежнее язычество и сделать их, или по крайней мере детей их, истинными христианами, просветитель их строил в местах их жительства храмы и часовни, ставил для них под навесами кресты, раздавал им иконы, давал им священников и прочих членов клира; для надзора же за их верой и исполнением ими христианских обрядов и правил жизни христианской, кроме местного духовенства и окружных закащиков, он назначал в волости их особых надзирателей из образованных, присланных в Сибирь за неважные вины и добропорядочной жизни малороссиян, а также из принявших православие и оставшихся навсегда в Сибири пленных шведов*. Наконец митрополит Филофей для утверждения новокрещенных в вере христианской решился на самую благонадежную для того меру, и именно дать им, по крайней мере некоторым из них, посильное образование, научить их русской грамоте и закону Божию и уже посредством их распространять в новокрещенных массах христианские понятия и правила христианской жизни. Мысль свою он сообщил сибирскому губернатору князю Гагарину и самому государю. Последний повелел привести ее в исполнение, а первый обещался содействовать в осуществлении ее, и вот преосвященный митрополит стал предписывать набирать новокрещенных мальчиков, учить их грамоте и закону Божию в монастырях, например, Верхотурском и Кондинском, и у способных местных священнослужителей и даже привозить их для обучения в свою Тобольскую архиерейскую школу. И в школе этой в 1718 году, как видели мы выше, училось уже много новокрещенных детей, и они продолжали учиться и при преемнике Филофея митрополите Антонии I в 1727 году, как это видно из упомянутого донесения тобольского епархиального начальства Св. Синоду, сделанного по требованию Верховного тайного совета. Там между прочим говорится: (учащиеся в школе) новокрещенных остяков дети одеждою и пищею довольствуются от дому архиерейского**. Таким образом, в состав тобольской архиерейской школы вошли сверх детей духовенства и дети новокре-

* «Филофей Лещин.», стр. 53–56.
** «Наук. и лит. в России при Петре Вел.», стр. 108, 120 и след.

щенных туземных инородцев. Но долго ли так было — неизвестно. Только с вероятностию можно заключать, что не очень долго: инородческих детей, всех без исключения, архиерейскому дому нужно было содержать на своем иждивении; и он, почти вовсе не имея помощи в содержании школы, как будет сказано ниже, от монастырей, содержанием этим, можно предполагать, затруднился. По крайней мере из архивных дел почти не видно, чтобы митрополит Антоний I после 1727—1728 гг. старался набирать в архиерейскую школу новокрещенных детей*; напротив, из тех же дел видно, что он требовал в нее преимущественно детей духовенства. В начале своего многолетнего управления Тобольскою епархиею (например, указом от 25 октября 1722 года) преосвященный Антоний требовал представления священно-церковнослужительских детей в свою школу со всей епархии, даже и из самых отдаленных ее местностей, например, из Восточной Сибири**, но духовенство этих местностей между прочим, как видели мы выше, за крайнею отдаленностию не представляло в тобольскую школу детей, да и сам преосвященный после расчел, что нет больше и нужды отовсюду требовать в школу детей лиц духовных, потому что школа была небольшая: едва ли число учеников в ней когда-нибудь восходило выше того, какое было в 1727 году, т.е. выше 57 или 60 человек, потому еще, что средств для содержания ее было мало и что эту небольшую школу можно было наполнить детьми духовенства и одних ближайших местностей. Потому как он, преосвященный Антоний I, так и первые его преемники даже уже при существовании семинарии в Тобольске (с 1743 года) ограничивались сначала только предписаниями закащикам и десятоначальникам отдаленных от кафедры уездов строго смотреть, чтобы подведомое им духовенство непременно учило детей своих читать, писать, петь и катехизису, а несколько спустя, когда открылись школы грамотности и при монастырях сибирских, они уже предписывали духовенству означенных уездов отдавать детей и туда, т.е. в эти монастырские школы***. Духовенство, впрочем, относилось к предписаниям своих архипастырей касательно обучения детей как-то крайне равнодуш-

* Говорю: почти не видно, а не совсем не видно потому, что в одном документе стар. консист. архива упоминается, что вогул Данило Сатыгин, после причетник села Леушинского, учился в архиер. школе до 1744 года.

** «Иркут. Епарх. вед.» 1863 г. №№ 14 и 39, стр. 191 и 624.

*** Из дел стар. консист. архива.

но: детей своих если оно и учило, то учило только читать и кое-как писать и петь, но никак уже не катехизису; держало их при себе лет до 20, до 25 и 30 для употребления при домах в виде работников по хозяйству, скотоводству и хлебопашеству, которые у иных из сибирского духовенства в старые годы велись в обширных размерах; даже на места священно- и церковнослужительские оно старалось зачислить своих детей по большей части только в таких случаях, когда такие места открывались при них же — при их церквах или в их селах.

Священно-церковнослужители же отдаленных от Тобольска местностей не любили представлять своих детей в архиерейскую школу, а после и в самую Тобольскую семинарию. По крайней мере ближайшее-то к Тобольску духовенство, а также и к Иркутску было ли благоразумнее, охотно ли исполняло волю государя и предписания своих преосвященных? Исполняло, но не без слез, не без отрицаний, даже не без сопротивления. Так думаю, так говорю, впрочем, не без основания, потому что не только при Филофее и Антонии I, а и при последующих преосвященных, и не только в начале или в первой половине XVIII столетия, а и во все XVIII столетие, да частию и в начале настоящего столетия сибирское духовенство всеми способами старалось избавиться от высылки своих сыновей в семинарию и училища: то оно объявляло себя крайне бедным, вовсе не имеющим возможности представлять детей, а тем более воспитывать их на свой счет в учебном заведении; то объявляло детей своих больными, слепыми, кривыми, хромыми, расслабленными, в падучей болезни, даже слабоумными, глупыми и зачисляло их в церковный причт; то поранее, даже иногда преждевременно, почти мальчиками, их женило или, что еще страннее, записывало их в полушный оклад*, словом, употребляло все, только чтобы избавить милых своих деток от школы. Для лучшей наглядности, для большей ясности дела приведу несколько современных митрополиту Филофею случаев из жизни духовенства Восточной Сибири, но духовенства сибирского же и притом лишь только что вышедшего в то время из-под зависимости тобольских архиереев**: 1) первый иркутский преосвященный, ныне уже причисленный к лику святых, Иннокентий Кульчиц-

* На все это множество доказательств в старом архиве Тобольской консистории.

** Филофей вторично отрекся от управления Сибир. епархией в начале 1721 года и умер на покое в 1727 году, а в Иркутске учреждена особая, отдельная от Тобольской, епархия во второй половине 1727 года.

кий вскоре после вступления в управление новоучрежденной епархией согласно постановлению Духовного Регламента и требованию Верховного тайного совета указом от 4 января 1728 года строго предписал подчиненному духовенству представлять детей от 7 до 15-летнего возраста для обучения в школу Иркутского Вознесенского монастыря. Школа, однако ж, стала наполняться учениками только тогда, когда назначен был последний срок для их представления и когда был наложен на ослушников штраф в 15 рублей (в то время это были деньги очень большие) с каждого, не представившего детей в школу. Один из числа таких учеников, сын верхоленского пономаря по фамилии Уваровского, по прибытии в школу, разумеется, по внушению отца объявил, что отец его на должность свою не имеет указа, а потому к духовному званию не принадлежит. Когда же по справке этот вывод сына от отца оказался ложным, то сей последний, чтобы только взять сына из школы, пожертвовал и своим тридцатилетним служением на причетнической должности, и соединенною с сим званием льготою от податей и других повинностей, и выпросил себе увольнение в первобытное состояние посадского, или же 2) святитель Иннокентий, узнавши, что забайкальский села Городищ священник Козьма Михайлов одного из сыновей, и именно Никиту, не представил в школу, потребовал представления и его, но священник в оправдание свое отвечал, что сын его уже состоит при нем, т.е. при городищенской же церкви пономарем; когда же святитель написал: «Нужды нет, пусть приедет в школу и поучится, от этого будет еще искуснее для пономарской должности», то сметливый и сердобольный родитель поспешил сына-пономаря женить*.

Справедливость требует, однако ж, сказать, что в сибирском духовенстве начала XVIII столетия были и совершенно противоположные сему явления: иные отцы и матери и желали бы отправить своих сыновей в архиерейскую школу, но им не позволяли этого. В таком именно положении находилось в то время духовенство екатеринбургского ведомства. «А Екатеринбургского ведомства, — говорило тобольское епархиаль-

* Но Господь, заключает рассказывающий об этом с документов консистории многоуважаемый о протоиерей Громов, Господь не попустил дуракавить пред своим угодником безнаказанно. Вот что доносил по этому случаю нерчинский закащик игумен Нафанаил: «Козьмы попа сын Никита женился и, едучи он на лошади из лесу, с лошади упал, и вельми зашибся, что ничего и говорить не может, и будет ли он жив или нет, про то Бог весть». «Ирк. епарх. вед.» 1863 г. №№ 39 и 47, стр. 624–26 и 776.

ное начальство в конце 1727 года в донесении своем Св. Синоду и вместе Верховному тайному совету, по вопросу сего последнего о состоянии архиерейской школы, — священнослужительских и причетнических детей к нам, в Тобольск, для обучения в школу (горнозаводские начальники) не пускают, а употребляют в заводскую работу». Далее тут же и приводится пример, что даже одного священника посылают на заводские* работы, «от чего духовному чину не без утеснения и не без порицания понеже страждуют безвинно, яко некии власно (как будто бы) злодеи, а не яко священницы, в такой нетерпимой тяжелоносной работе, что слышать весьма христианскому человеку странно, а церкви, за неимуществом священнослужителей и причетников, многие пустуют, а ставить некого, понеже кроме причетников из сторонних не позволено, а причетников и детей и управители ставить не дают»**.

Воспитанники учились в школе, как видели мы, крайне немногому, но учились, однако ж, долго — лет по шести. Повторим здесь то, что писали в 1743 и 1746 годах о своем ученье в архиерейской школе упомянутые выше причетник Андрей Старчевский и студент семинарии Андрей Попов: «В прошлом 1722 году, — писал из них первый, — взят был я нижайший... для обучения при Тобольском доме митрополитанском в школу, где и обучался славяно-российской грамоте чрез шестилетнее время»; второй же доносил: «В прошедших годах от прошлого 1736 года был я в Тобольску в домовом архиерейском училище лет с шесть и обучился... чтению и писанию совершенно, а потом определен был учитца в Латинскую школу... и... в прошлом 1742 году отпущен был... от консистории на полугодичное время в дом свой для свидания с родителями».

Причину такой малоуспешности или безуспешности тобольских школьников учителя школы Михайло Лукашевич и Тихон Карпов приписывали тупости вообще детей сибиряков: «В епархии Тобольской, — писали они в конце 1727 года в донесении о состоянии школы в Св. Синод и вместе в Верх. совет, — дети ко обучению весьма тупы»***. Но вековой опыт этого мнения названных учителей первой тобольской школы не подтверждает:

* Так поступало заводское начальство с духовенством Екатеринбургского ведомства и его детьми, конечно, под тем предлогом, что оно происходило из местного заводского же крестьянства и что заблаговременно, до устройства горных заводов, оно не было исключено из податного состояния.

** «Наук. и лит. в России при Петре Вел.» Пекар., стр. 108, 120 и 121.

*** Там же, стр. 108, 120 и след.

ученики сибирских учебных заведений, как духовного, так и других ведомств, учились и учатся не хуже других, например, учеников великороссийских губерний*. Немногому же и так подолгу тобольские школьники учились не по природной тупости, а разве потому, что родители отпускали их в учебное заведение с крайним несочувствием к ученью и что сами они, учась, в настоящем видели вокруг себя только бедность и грязь, а в будущем — причетничество и изредка диаконство (на первый раз), которые их сверстники, оставшиеся по домам, как им хорошо было известно, и без ученья в школе получат так же, как и они, а быть может, еще и скорее их, и потому учились без всякого усердия, апатично. Притом же и ученье их шло при приемах тяжелых: учили их, как, впрочем, учили, особенно у духовенства и у лиц низших сословий, и после долго по книгам, непонятным для них, без всякого толкования, объяснения, словом сказать, учили механически — только механизму чтения и пения. Других книг (кроме азбуки, часослова, псалтири, катехизиса и славянской грамматики и книг богослужебных), которые бы им можно было читать с интересом и чрез то расширять круг своих познаний, пополнять слышанное ими от учителей или выученное наизусть, многие из них никогда и не видали. Удивительно ли после всего этого, что ученики тобольской архиерейской школы, учась немногому, учились так подолгу — по шести и, быть может, более лет?!

Так как воспитанники Тобольской архиерейской школы учились подолгу, да и в школу-то поступали часто довольно возрастными (от 7 до 15 и даже от 8 до 18 лет), то едва ли не самая большая часть их, учась, достигали совершеннолетия, так что по выходе из школы тотчас по окончании самого немногосложного курса учения могли поступать и поступали на действительную церковную службу не только причетниками, а и диаконами. В донесении тобольского епархиального начальства до конца 1727 года чрез Св. Синод Верховном тайному совету о состоянии школы говорится, что из 33 учеников, учившихся пред тем в школе, «4 было уволено (вероятно, прежде окончания курса), а остальные 29 поступили в диаконские и причетнические должности»**, а

* Исключение, несколько оправдывавшее слова учителей Лукашевича и Карпова, может быть, составляли дети инородцев сибирских, особенно остяков и вогулов. Эти действительно не даровиты, как тоже веками доказано.
** «Наук. и лит. в России при Петре Вел.» Пекарского, стр. 108, 120 и след.

ведь чтобы поступать на диаконскую должность, по прежним правилам требовался возраст не менее как 25-летний.

Содержание Тобольской архиерейской школы и ее школьников

На какой счет должна была содержаться сама тобольская архиерейская школа как здание — неизвестно. Можно, впрочем, предполагать, что школа эта содержалась на счет архиерейского дома, подобно тому, как и школы, учрежденные при монастырях, содержались на средства самих монастырей.

Что же касается до содержания учеников, то из них дети родителей достаточных, согласно указу Петра I*, пищею, платьем и обувью содержались, без сомнения, на счет родителей. Напротив, дети родителей бедных, а также сироты (каковые в школу преимущественно и набирались) и в особенности малолетние остяки, вогулы и другие новокрещенные инородческие дети по царскому же указу получали содержание сначала от одного архиерейского дома, а потом, по постановлению Духовного Регламента, и от монастырей. «Детям скудным, — писал в Тобольск Петр I в указе от 9 января 1701 г., — давать на одежду по две деньги человеку на день, да пищу из домовых (т.е. архиерейского дома) доходов»**. Чрез двадцать же лет после того Духовным Регламентом было постановлено: на содержание архиерейских школ «от знатнейших в епархии монастырей брать всякого хлеба двадцатую долю; да от земель церковных, где суть, тридцатую долю». «А помянутые школьные ученики, — доносило в конце 1727 года чрез Св. Синод Верховному совету тобольское епархиальное начальство, — суть убогие; и новокрещенных остяков дети одеждою и пищею довольствуются от дому архиерейскаго». Содержание школьных учителей и покупка книг и других учебных принадлежностей не только для бедных, но и для всех учеников Духовным Регламентом были отнесены также на доходы архиерейского дома. «Дабы не было роптания, — сказано там, — от родителей ученических за великий оных кошт[174] на учителя и на покупание книг, подобает, чтобы ученики учены были туне (даром) и на готовых книгах епископских; а самого учителя, или учителей, довольствовал бы епископ кормом и денежною рутою[175] из архиерейской казны»***.

* «А у которых (детей) отцы у приходских церквей люди не скудные, и тем питаться и одежды на себя класть свои». Из «Челобит. митр. Филофея».
** Там же.
*** «Дух. регл.» епископ. дела, пунк. 9 и 10; «Полн. собр. зак.», т. VI, 3718; «Наук. и лит. в России при Петре Вел.», стр. 108, 120 и 121.

Петр Великий, как заметили мы, в 1701 и 1703 гг. предписывал Тобольскому архиерейскому дому отпускать на платье скудным ученикам в сутки по две деньги, следовательно, в месяц по 30 к., или по 3 руб. 60 коп. в год каждому. В Иркутской архиерейской, но устроенной при Вознесенском монастыре, школе в 1720 и 1730-х гг. на платье бедным школьникам отпускалось то же количество, что и в школе тобольской, а именно 10 алтын (30 к.) в месяц, или по 3 же руб. 60 коп.*. Что и на эти, по настоящему времени совершенно ничтожные деньги, за полтораста лет назад можно было одеть и обуть бурсака, конечно, нероскошно, и то, в каком костюме ходили в то время тобольские школьники, может ясно доказать следующее: в конце 1740 и самом начале 1750-х гг., когда Тобольская Славяно-латинская школа была уже преобразована в семинарию, Тобольская консистория взыскала с одного нераливого сельского священника для содержания учившегося в риторике сына его 5 руб. и за эти 5 руб. ритор (след., мальчик довольно, а может быть, и очень взрослый) завел себе шубу (конечно, ничем не крытую, бараньею), зипун (армяк из сукманины, т.е. из сукна деревенского тканья), три пары белья, шапку, рукавицы и обувь (пару или две чарков)**. Конечно, 5 руб. более 3 р. 60 коп., но ведь это было лет около 25, 35 и 45 спустя после описываемого нами времени, следовательно, когда цены на многие, по крайней мере на иные, предметы возвысились; конечно, описанный костюм не роскошен, но по тому времени удовлетворительный, и если в нем щеголял студент риторики 1740—1750-х годов, то бурсаку 1710—1730 гг. прошедшего столетия и тем более можно было в нем щеголять.

На пищу в Иркутской архиерейской школе каждому школьнику круглым числом положено было в месяц ржаной муки по 2 пуда, круп по 5 фунт. и соли по 2 фун.; следовательно, по 24 пуда муки, $1^1/_2$ пуда круп и 24 фун. соли в год***. Судя по одинаковости условий, места и времени, можно смело сказать, что и для воспитанников Тобольской архиерейской школы отпускались те же съестные припасы и в том же количестве. В донесении тобольского епархиального начальства от конца 1727 года правительству упоминается еще о ежегодной присылке из одного сибирского монастыря в архиерейскую

* «Ирк. епарх. вед.» 1863 г., №№ 38 и 47, стр. 602 и 777.
** Архив Тобольск. консистории.
*** «Ирк. епарх. вед.» 1863 г., №№ 38 и 47, стр. 602 и 777.

школу небольшого количества солоду на квас. Значит, стол учеников Тобольской архиерейской школы был самый простой, чтобы не сказать самый скудный: квас, ржаной хлеб, сибирские щи из самого малого количества крошева (рубленой капусты) и множества толстой ячневой крупы были, кажется, постоянные, всегдашние (если только еще и они были всегда) кушанья школьников. Мясо же, рыба, масло, пироги, каша, булки (так называемые в Сибири шаньги, или мягкие) и подобные вещи были им известны чуть ли не по одной памяти от времени нахождения их в домах родителей, или их лакомили ими только изредка, в большие годовые праздники и в дни, почему-либо особенно знаменательные для школы, например, в именины преосвященного. По крайней мере в соседственной с тобольскою Вологодской архиерейской школе даже в 1740-х годах являлись на стол школьников мясо или рыба (смотря по дням), пироги и булки только по 26 раз в год, так что на первые два продукта, т.е. мясо и рыбу, для 80 воспитанников в той школе в год было издерживаемо только по 3 р. 75 к., или круглым числом по 31 к. в месяц*! Распорядки в духовных школах и семинариях, в особенности потому, что учредители и первые распорядители их были почти решительно все одного происхождения (из Киева), везде были одинаковы.

3 рубля 60 коп. на платье и обувь и рубля 4 на пищу**, да около рубля или двух на книги и другие учебные принадлежности, а всего 8 или 9 руб. в год на содержание воспитанника Тобольской архиерейской школы, казалось бы, расход необременительный, невеликий. Но этим расходом крайне тяготились родители, которым доводилось отдавать детей своих в школу; тяготились же они потому, что в описываемый период времени (1703–1743 гг.) при дешевизне труда и сельских произведений деньги были крайне дороги, а сибирское духовенство того времени изобиловало преимущественно не деньгами, а сельскими произведениями — хлебом, который никуда и ни по чем не продавался, и скотом с его продуктами:

* «Вологод. сборн. статей церковно-историческо-статистического содержания». 1869 г. стр. 109–111.

** Такой расчет я выжу из того, что не только в первой, но и во второй половине прошедшего столетия — в самые дорогие годы — в Тобольске четверть ржи стоила 1 р. (в обыкновенные же или дешевые годы от 32 до 40 к.), а из четверти ржи выходит 9 п. муки; ячная крупа была разве какою малостью дороже ржи. На школьника муки в год требовалось 24 пуда, следовательно, менее 3 четвертей. Арх. Тоб. дух. консист.; «Ист. об. Сиб.» Словц., кн. 2, стр. 525.

маслом, салом и кожами, которые также некуда было сбыть; тяготились и потому еще (и это главное), что расходы на воспитание детей, притом в отдалении от них, были тогда совсем не в обычае, даже казались совсем напрасными. «Мы, — толковали отцы, — в школах не учились, да вот по милости Божией, священники, дьяконы, живем и служим не хуже других, также и дети наши могли бы быть священниками и дьяконами без ученья и мученья, без лишних затей и издержек». Есть основание думать, что Тобольский архиерейский дом, подобно другим таковым же домам*, зная, с одной стороны, нелюбовь отцов к расходам на содержание детей в школах, а с другой, имея строгие предписания от правительства и сознавая пользу образования молодого поколения духовенства, и от самых достаточных родителей требовал для школьников-детей их только платья и обуви, а пищей, книгами и помещением содержал их на своем иждивении; исключались из этого разве только те школьники, которых родители жили в самом Тобольске. Таким образом, почти вся тяжесть содержания тобольской школы лежала на архиерейском доме. Правда, хотя Духовным Регламентом и предоставлялось архиереям право взимать на содержание школ с знатнейших монастырей своих епархий двадцатую долю хлеба, а от церковных земель, где были, тридцатую долю, но тобольские архиереи, по крайней мере первой половины XVIII столетия, правом этим почти совершенно не пользовались. Земель в Сибири при церквах нигде не было**, и если духовенство по местам пахало землю, то пахало на общих местах с крестьянами и при этом за право пользования землею отдавало в казну наравне с крестьянами из всего урожая пятый сноп, или три пуда с десятины***. Монастырей же в Сибири, не только «знатнейших», но и состоятельных, было весьма немного, каковы, между прочим, Далматовский Успенский, Кондинский Троицкий с своей Николаевской заимкой, или пустыней, на

* По крайней мере так было в Иркутской и Вологодской архиерейских школах: там воспитанники все содержались на счет местных монастырей и архиерейских домов. («Ирк. епарх. вед.» 1863 г. №№ 38 и 47, стр. 602, 776 и след.; «Волог. сборн. церковно-исторических и стат. статей», стр. 108–112).

** Митр. Филофей просил Петра I об отводе земли к церквам, и хотя Петр и последующие государи и повелевали это сделать («Челоб. Фил.», стр. 10; «Митр. Филоф.», стр. 12), но это не было приведено в исполнение до настоящего времени. «Ист. об. Сиб.» Словц. кн. 2, стр. 46, кн. 1, стр. 38.

*** Подл. сибр. зак. т. III, № 1594, п. 23; № 1670, п. 14.

р. Иссти, Верхотурский Никольский и Енисейский Спасский; но и те богатства большого не имели, потому что выгод от своих монастырских крестьян, со времени Петра I обложенных повинностями почти наравне с государственными крестьянами и притом весьма неохотно сносивших свою от них зависимость по отсутствию вокруг их крепостного населения, получали весьма мало*. Главное же то, что монастыри сибирские, по крайней мере Тобольской епархии, не сочувствовали учреждению школ и возложенною на них Духовным Регламентом повинностью крайне тяготились, поэтому при предписаниях, при напоминаниях архиерейского приказа, а после духовной консистории, о высылке на школу хлеба или в натуре, или деньгами они почти обыкновенно жаловались на неурожай хлеба вследствие, например, засухи, ненастьев, градобития и пр. Чуть ли не исключение, хотя также самое легкое, составляли в этом деле монастыри Далматовский и Селенгинский (пока он состоял в ведении тобольского архиерея). Поэтому тобольское епархиальное начальство в конце 1727 года в не раз уже упомянутом донесении своем правительству о состоянии тобольской школы между прочим писало: «А от монастырей на пропитание школьным учителям, по силе дух. регламента, за скудостию не бралось; такожде в епархии церковных земель при церквах не обретается, но токмо с Далматова монастыря присылалось малое количество солода на квас, 20 четей в год, а помянутые школьные ученики — убогие; и новокрещенных остяков дети одеждою и пищею довольствуются от дому архиерейскаго». О Троицком же Селингинском монастыре упоминается в архивных актах Иркутской духовной консистории, что он Тобольскому митрополиту (до1728 года) во столько-то лет отсылал хлеб на школьников за дальним расстоянием не натурой, а деньгами**. Итак, Тобольскому архиерейскому дому и тобольскому архиерею, несмотря на то, что первый из них в описываемый пе-

* Самым наглядным доказательством (кроме архивных документов) этому может служить тобольский Знаменский монастырь: он имел к 1764 году до 2000 крестьян, а между тем никогда не был богат, монашествующих всегда было в нем мало, утвари церковной дорогой в нем не было и нет; здания монастырские, не исключая церквей, скудные, да и те наполовину были построены на сборные деньги. Если какие крохи и получались от крестьян и от монаст. хлебопашества, то все они шли на расходы по управлению ими же, а также на содержание присылаемых от правительства инвалидов и бывшей в нем с 1722 года маленькой русско-церковной школы.

** «Наук. и лит. в России при Пет. Вел.», стр. 120 и след.; «Ирк. епарх. вед.» 1863 г., № 38, стр. 603.

риод времени имел более 3000 душ крестьян мужского пола, а последний, подобно всем российским архиереям того времени, получал доходы в виде податей со всех монастырей и церквей, даже с часовен своей епархии, также с ставленных и храмозданных грамот и пр., почти решительно одним нелегко было содержать школу. Припомним при этом, что тобольская школа, судя по началу и по тому времени, была не из числа малолюдных (в 1727 году, как видели мы, она состояла из 57 человек), что содержать школьников нужно было не одною пищею и не одною одеждою с обувью, а и книгами, и другими учебными пособиями, и что школу нужно было ремонтировать, отоплять и освещать, самых же школьных учителей, что увидим ниже, довольствовать жалованьем, столом и пр. был обязан архиерей*. После этого должно быть понятно, почему между прочим стол учеников состоял только из квасу (а иногда и из воды), ржаного хлеба и из особого рода сибирских щей.

Вследствие скудости содержания от архиерейского дома воспитанники тобольской школы, по крайней мере иные из них, помогали горю сами своими трудами, нанимались, например, у жителей города и соседних селений, особенно в вакациальное[176] время, копать гряды**, жать хлеб, косить и едва ли не чаще того нанимались читать по покойникам псалтирь. Сам протектор, правитель школы в продолжение почти 20 лет, преосвященный Антоний Стаховский духовным своим завещанием (в марте 1740 г.) отказал тобольским школярам 40 рублей с условием, чтобы они читали по нем псалтирь (1000 раз всю): «И давать чтецом (школярам) за каждую псалтирь (т.е. за прочтение ее от начала и до конца) всем равно — по 4 копейки»***. Та же скудость казенного стола и рассказы прислуги и других лиц, привозимых в Тобольск архиереями-киевлянами и черниговцами из Малороссии, а также многих сосланных при Петре Великом в Сибирь, между прочим в Тобольск, черкас, т.е. малороссийских казаков, рассказы о по-

* Итак, П.А. Словцов, вопреки собств. слов, погрешил против памяти почивших Тоб. архиепископов первой половины XVIII стол., указавши («Ист. об. Сиб.» кн. 1, стр. 373) как на причину холодности их к заведению школы (а школа, как видели мы, ими и была заведена и поддерживаема), на статью дух. регламента, которою между прочим требовалось, чтобы учителей содержали и покупали книги для учеников архиереи сами на счет своих доходов.

** Св. Тихон Задонский, обучаясь в Новгородской семинарии с 1738 по 1750 г., также нанимался копать гряды.

*** Из дух. завещания митр. Антонии.

рядках, существовавших в то время в Киевской академии, например, о каждодневном почти миркованье (чтении некоторых стихов, начинавшихся словом мир) учеников академии под окнами богатых домов и этим миркованьем выпрашивании себе у жителей Киева съестных припасов*, были причиною того, что тобольские школьники по некоторым большим праздникам ходили, хотя и без пения плачевных стихов, по домам зажиточных и вообще состоятельных граждан тобольских и выпрашивали у них подаяние съестными припасами, особенно жирными и маслеными. К сожалению, этот унизительный, хотя и порожденный нуждою, обычай у тобольских бурсаков (разумеется, низших классов) сохранился чрез все прошедшее столетие, даже чуть не до половины настоящего столетия, сохранялся даже и тогда, когда в семинарии и училище тобольском вовсе не было нужды в содержании; уничтожен же, окончательно выведен он только в самом конце 1830-х годов заботливым и вместе энергическим смотрителем Тобольского духовного училища Павлом Петровичем Бехтеревым.

Говоря о содержании и вообще о житье-бытье первых воспитанников архиерейской школы, нельзя умолчать и об одной особенности этого неприветливого житья-бытья. Выше, в рассказе о времени основания школы, между прочим было замечено, что ученики этой школы по распоряжению митр. Филофея, любителя сценических представлений, участвовали в представлении комедий, драм и трагедий духовного содержания, вроде, например, «Блудный сын и Навуходоносор», «Тело златое и три отрока в пещи» Симеона Полоцкого, «Грешник кающийся», «Драма успенская» и «Драма дмитриевская», «Есфирь и Агасфер» и другие св. Дмитрия Ростовского и «Владимир — всех славяно-российских стран князь и повелитель» Феофана Прокоповича. Представления эти действительно были, сцена для них строилась близ архиерейского дома, между настоящим холодным собором и Сергиевскою (уже не существующею) церковию, к Прямскому взвозу. Пред началом представлений обыкновенно ударяли несколько раз в соборный колокол, даже звонили на собор (как обыкновенно звонят к литургии в храмовые праздники), и народу собиралось множество. Раз еще, и именно 8 мая 1705 года, в праздник Иоанна Богослова во время представления какой-то пьесы поднялась сильная буря, и порывом ветра сорвало с главы соборного алтаря крест, а с Серги-

* «Опис. Киев. соф. соб.» митр. Евгения.

евской церкви и весь верх с маковицей и крестом*. Начатое Филофеем продолжалось и после него: при втором преемнике, воспитаннике, как и он, Киевской академии митрополите Антонии Стаховском; с его дозволения ученики и учителя архиерейской школы в святки**, да, вероятно, и в другие каникулы представляли пьесы духовного содержания по домам, а может быть, и в одном каком-либо отведенном для того здании, получали за то вознаграждение, и собранные таким путем деньги шли, как увидим ниже, на содержание учителей, да, быть может, и самих учеников. По всей вероятности, со времен же митрополитов Филофея и Антония Стаховского тобольские школьники начали заниматься и музыкой, которая всегда была и бывает самой необходимой спутницей театра, стали упражняться в игре на скрипке, гитаре, гуслях, кларнете и пр. Театр (духовный, впрочем, только) и музыка дозволены были ученикам архиерейской школы, даже введены были между ними тобольскими митрополитами частию, быть может, и по собственной их привычке к сим искусствам в Киеве и Чернигове, частию с целию назидания пьесами духовного содержания жителей Тобольска, частию для развлечения школьников в их бедной, скучной, одинокой, в удалении от родных и знакомых жизни, частию, наконец, и это главное, для приучения их школьников к развязности, к более свободному произношению проповедей и речей. Их — театр и музыку — ввиду указанных целей не только не запрещал, но, напротив, предписывал духовно-учебным заведениям и Духовный Регламент***.

Учителя и начальники Тобольской архиерейской школы

В начале XVIII столетия по несуществованию высших учебных заведений в целой России, исключая Киева и отчасти Москвы, приискивать способных и дельных учителей было крайне трудно. Сознавая эту трудность, правительство указом от 31 мая 1722 года предписало епархиальным начальникам «за скудостию довольных к сему учителей» до времени не заботиться о преподавании в учрежденных ими или только еще учреждаемых архиерейских школах богословия, философии и разных языков, а довольствоваться

* «Сиб. летопись», рукоп., принадлежащая библиотеке Тобол. семинарии под гг. 1705 и 1727; «Опис. Тоб. соф. соб.», стр. 34.
** Из дела архива Тобол. консист.
*** §18, в отделе о семин.

29 Заказ 2481

обучением детей почти одной русской грамоте с присовокуплением славянской грамматики и краткого катехизиса*.

Но если затруднение в приискании учителей для архиерейских школ в начале XVIII столетия существовало везде, то тем более оно существовало в Сибири, по ее отдаленности от Москвы, а особенно от Киева, и по крайне невыгодным в России понятиям об ней, как стране ссылки, непроходимых лесов и пр., и пр. Доказательством на это может служить следующее. Во второй половине 1727 года была открыта в Иркутске самоместная епархия. Благо новооткрытой епархии требовало завести для образования духовенства школу, что требовал Духовный Регламент и о чем предписывал Св. Синод тремя указами, полученными в Иркутске один за другим, строго требуя для Верховного тайного совета сведений об открытии и даже уже состоянии архиерейской школы в Иркутске. Почти только что вступивший в правление иркутской паствою св. Иннокентий Кульчицкий озаботился открытием школы и 4 января 1728 г. разослал указы подведомому ему духовенству с строгим предписанием — представлять в открываемую им в Вознесенском монастыре архиерейскую школу детей от 7 до 15-летнего возраста**. Но где было взять для открываемой школы учителя или учителей? Сноситься об этом с Киевом и вообще с Малороссией значило бы дело неотложное отложить еще на год или на два, а может быть, и более. Поэтому преосв. Иннокентий того же 4 января предложил городским протоиерею и священникам отыскивать учителя из иркутских же причетников «добронравнаго и ко чтению остраго человека». Но протоиерей и священники от 9 января донесли Иннокентию, что «из Иркутских дьячков к учительской должности никого выбрать нельзя без отвлечения от прямой дьячковской обязанности и без неизбежнаго чрез то неудобства в отправлении церковной службы***, но что они присмотрели и излюбили и признают способным к учительской должности Лалятина (пришельца из

* «Пол. собр. зак.», т. VI, № 4021; «Наук. и лит. в Рос. при Пет. Вел.», стр. 108, 120 и 121.

** За два года пред сим, именно в 1726 году, в иркут. Вознесенском монастыре архим. Антонием Плятковским и была уже открыта школа, но только Монгольская, для обучения русских детей монгольскому языку, в видах сношений с Китаем. Были в этой школе и учителя (бурятские ламы), но эти учителя ни слова не знали по-русски. «Ирк. епарх. вед.» 1863 г. №№ 18 и 38, стр. 251—603.

*** Архиерейская школа открылась, как сказано, в Вознесенском монастыре, а монастырь тот от города в 5 верст., притом за р. Ангарой, чрез которую иногда бывает невозможно переправиться и не дьячкам-горемыкам по несколько дней, даже недель.

гор. Лальска Вологодской губернии), посадскаго человека Ивана Павлова, понеже он человек доброй, не пьяница и словенской грамоте доволен (сведущ), с недобрыми людьми не знается, и обязуется учить церковничьих и других чинов детей, только в школе соберется, добрым порядком, чтобы было в твердости». Святитель рад был и этому, утвердил лальского пришельца в должности учителя и назначил ему жалованья от Вознесенского монастыря по 20 рублей в год*. Таким образом, Иркутская архиерейская школа в марте или апреле 1728 года открылась, но чрез 18 лет своего существования, в 1746 году, она была закрыта, по замечанию «Истории иер. Росс. церкви» и по местным сведениям, за недостатком учителей**.

Тобольская архиерейская школа в этом случае была счастливее своей соседки, иркутской школы, и в отношении приискания учителей находилась в лучшем положении сравнительно с иркутской***. Кто были первые в ней учителя при митрополите Филофее — неизвестно, быть может, они были и из местных грамотных людей, или же из ссыльных за важные вины ученых малороссиян****; всего же вероятнее то, что они были из киевских ученых монахов, привезенных в Тобольск Филофеем. Во всяком случае при Филофее Тобольская архиерейская школа не оставалась без учителей: «В моем архиер. доме, — говорил этот митрополит в 1718 году в упомянутом выше предписании Верхотурскому архимандриту Сильвестру, — многия новокрещенных робята учатся грамоте». Без учителя или учителей, хотя бы то и одной грамоте, конечно, учиться было нельзя. При преемнике Филофея митрополите Антонии Стаховском, и именно в 1726 году, при производстве в архиерейском приказе

* «Иркут. епарх. вед.» 1863 года, № 3, стр. 624 и след.

** «Ист. иер. Р. ц.» ч. 1 изд. 1; «Опис. Ирк. воз. мон.» арх. Никодима, стр. 5, 6 и 52.

*** Впрочем, в последнее время в Ирк. дух. консистории найдены документы, из которых видно, что архиерейская школа была закрыта в 1746 году не по недостатку учителей (там был между прочим учитель Ленский, знавший латинский язык, вызванный из Тобольска), а по распоряжению больного преосв. Иннокентия II: или ему, больному, надоело возиться со школой, или он предвидел, что со смертию его встающая во главе епарх. управления неучь все равно закроет же школу. «Ирк. епарх. вед.» 1870 года.

**** Из таких лиц у митрополита Филофея и его преемника были некоторые в числе певчих, в числе спутников при поездках с миссионерскою целию, даже в числе надзирателей за верой и жизнию христанскою у новокрещенных. Правительство, хотя неохотно, однако ж позволяло митр. Филофею употреблять их для разных услуг, дозволяло, разумеется, с обязательством отвечать за них в случае их побегов «Фил. Лещ.», стр. 11 и 54; «Челоб. Филоф.», стр. 25 и след.

(после консистории) одного не совсем-то красивого дела об учениках архиерейской школы упоминается школьный учитель Михайло Лукашевич, а чрез два с половиною года, и именно в конце 1727 года, в Тобольск являются уже два школьных учителя — это тот же Михайло Лукашевич и еще Тихон Карпов. Они подписались под ведомостями учеников, которые вместе с донесением о состоянии школы епархиальным начальством отправлены были в Св. Синод, а чрез него и в Верховный тайный совет в конце 1727 года. Первый из названных учителей по пристрастию к латыни и, следуя обычаю своего времени, подписался хотя и по-русски, но все-таки латинскими буквами: K sym reystram skol ny uczytel Michaylo Lukaczewiecz ruku prylozyl*. Еще чрез 9 или 10 лет, следовательно в 1736 и 1737 гг., при школе оказывается новый учитель чтения и пения Петр Кирьяков, а чрез год или два после сего является уже упомянутый выше учитель латинского языка священник Иван Якимович. Первый и последний из четырех названных учителей — Михайло Лукашевич и Иван Якимович, судя по фамилиям и по знанию ими латинского языка, были, без сомнения, киевляне или черниговцы**, а второй и третий, т.е. Карпов и Кирьяков, были чисто русские природные сибиряки; об этом говорят и их фамилии, и то еще, что Кирьяков в архивных делах прямо называется сыном «тобольского попа»***. Все преподаватели Тобольской архиерейской школы обыкновенно подписывались под бумагами и именовались от других школьными учителями.

Учителя тобольской школы, согласно постановлению Духовного Регламента****, содержание свое получали, без сомнения,

---

* «Наук. и лит. в России при Петре Вел.», стр. 108, 120 и 121. Еще забавнее подписывался под деловыми бумагами надзиратель (за верой) в одной из инородческих волостей, родом также из малороссиян Иван Перевицкий: Nadziater (надзиратель) Ioan Perewicky ruku prylozyl; или: k semu donoszeniu Ioan Perewicky ruku prylozyl (из дел архив. Тобол. конс.).

** Вернее последнее, потому 1) что Антоний Стаховский, при котором они состояли в Тобольске учителями, до посвящения в Тоб. митрополита, был 9 лет архиепископом черниговским; что 2) до производства в архиепископа он довольно долго служил префектом и учителем в учрежденной в Чернигове Иоанном Максимовичем семинарии; что 3) семинария эта находилась на значительной степени совершенства и что 4) митр. Антоний на пути из Петербурга в Тобольск жил в Москве более 3 месяцев, ожидая приглашенное им для поездки в Тобольск черниговское духовенство. См. «Ист. мер. Росс. ц.» ч. 1, «Сл. пис. дух. чина» ч. 1, стр. 42; «Стран.» 1864 г. № 1, отд. 1, стр. 10; письмо г. профессора Пет. дух. ак. Ил. Чистовича от 28 сент. 1867 г.

*** Дела архива Тобол. консистории.

**** «Дух. регл.» деп. еписк., пп. 9 и 10.

от архиерейского дома и из митрополичьей казны; но какое же было это содержание? В иных епархиальных, между прочим и соседственных с тобольскою архиерейских школах иркутской и вологодской, учителя получали жалованье неодинаково: в некоторых и иногда одно только денежное, а в некоторых и иногда и денежное, и хлебное (т.е. по нескольку четвертей ржи, овса, круп и пр.); в некоторых же, сверх того, и другими припасами, например, мясом, рыбой, водкой, пивом, медом*. Кроме того, в одних епархиях они имели готовое помещение в архиерейских домах и при монастырях, а в других, напротив, жили в собственных домах или на квартирах. Замечательно еще, что учителя из местного духовенства, из местных жителей получали содержание менее, тогда как учителя, приезжие издалека, или и местные, но не русского происхождения получали содержание более**: так, в вологодской архиерейской школе в 1738 г. два какие-то учителя учили по контракту (следовательно, иногородние, из дальних мест) и получали по 80 р. в год, тогда как в 1746 году свои учителя, из местного духовенства, получали только от 26 р. 66 к. до 40 р., не более; в иркутской же школе учителя монгольского языка бурятский лама (далай-ламайского вероисповедания жрец) и его помощник, совершенно не знавшие русского языка и, следовательно, не очень полезные для дела учения, получали и 150 р. в год, тогда как приданный в помощь им русский, но знакомый и с монгольским языком, получал только 10 р. да годовую от Вознесенского монастыря пищу***; да и пришелец лальский, обучавший русским предметам, получал только 20 р. Что же касается до содержания учителей тобольской школы, то об этом известно пока немногое. Это то, что 1) холостые, по крайней мере бессемейные из них (как, например, учитель пения и чтения Петр Кирьяков), имели помещение в архиерейском доме, что 2) тут они пользовались «пищею при трапезе с братиею (с монашествующими архиерейского дома); а овогда же (вероятно, в большие праздники) и с верховыми (с келейниками митрополита, жившими вверху, в помещении митрополита) его преосвященства»****, и что 3) в прибавку к жалованью, назначавшемуся из домовых или из собственных архиерейских сумм, получали по

* Последнее между прочим в Троицкой лаврской семинарии. См. историю сей семинарии Смирнова.

** Быть может и по их высшему противу местных учителей образованию.

*** «Волог. Сборн.», стр. 100–107; «Ирк. епарх. вед.» 1863 г. № 38, стр. 603.

**** Великою, значит, честию считалось, если педагоги тех времен удостоивались иногда пообедать с архиерейской прислугой!?

нескольку рублей из сбора за театральные представления, за разыгрывание учениками в святки, в пасху и в каникулы комедий, драм и трагедий духовного содержания, как, например, тот же учитель Кирьяков в 1737 году пред крещеньем по благословению митрополита Антония I в прибавку к жалованью «получил 4 рубля из комедий»*. Есть еще известие, в некотором смысле и сюда идущее, о том, что митрополит Антоний своим духовным завещанием в марте 1740 года приказал дать на помин души два рубля между прочим учителю латинского языка священнику Иоанну Якимовичу**.

Единственным начальником Тобольской архиерейской школы до самого ее преобразования в семинарию был и считался Тобольский митрополит: сначала в лице Филофея Лещинского, а потом Иоанна Максимовича***, Антония Стаховского и частию Арсения Мацеевича. Митрополит сам требовал из епархии учеников, сам их экзаменовал и при приеме в училище, и в самом училище во время учения, сам приискивал или выбирал учителей, сам наблюдал за обучением, сам же и почти исключительно из своих собственных средств и из средств архиерейского дома содержал учивших и учившихся, кроме разве весьма и весьма немногих из них. Не было в школе ни ректора, ни префекта или инспектора, как это после было в семинарии, ни другого какого-нибудь начальствующего над ней лица. За порядком в классах до прихода учителей, также за порядком в бурсе и вообще за нравственностию учеников, без сомнения, наблюдали лучшие по успехам и нравственности ученики, быть может, под названием цензоров, сениоров или старших после-

* Из дел арх. Тобол. консист.

** Дух. завещ. митр. Антония I.

*** В 40-х гг. между тобольскими семинаристами, да будто бы и между гражданами, ходило предание, что Иоанн Максимович в бытность митр. Тобольским ходил иногда ночами по каморам своей школы и, замечая у иных из спящих школьников худую обувь или изорванное платье, уносил оные к себе, починивая и, как уносил, также, т.е. тайком же, возвращал их. «Странн.» 1865 г. кн. 1, отд. 1, стр. 17. Но едва ли предание это можно принимать в буквальном смысле: у митр. Иоанна дела было много и поважнее починки обуви и платья... Конечно, в основе сего предания лежит истина, но только та, что святитель Иоанн, сам основавший в Черниговс семинарию и в 10-летнее управление доведший ее до значительной степени совершенства (моя биография Иоан. Макс., стр. 6 и «Странн.» 1864 г. № 1, отд. 1, стр. 10), был особенно заботлив о воспитанниках школы, любил их, посещал их классы и жилье и, когда между прочим замечал у кого-нибудь из них худую обувь или дырявое платье, немедленно приказывал их починивать или заменить новыми: в те времена при Тобольском архиерейск. доме из крепостных крестьян всегда бывало довольно и сапожников, и портных, и всякого рода мастеровых.

дующих времен. Словом, если кто и помогал тобольским митрополитам в заведывании школой, то только архиерейский приказ, эконом и казначей архиерейского дома, каждый по своей части: первый, например, рассылал указы о представлении детей в школу, разбирал происшествия, случавшиеся в школе, взыскивал с нерадивых отцов деньги за содержание их детей и штрафы за непредставление детей в школу; второй и третий — тем, что заготовляли и закупали провизию для стола учеников, приготовляли им платье, обувь и прочее.

Результаты учреждения школы

Школа при Тобольском архиерейском доме учреждена была с самыми высокими целями, а именно: чтобы воспитанники ее, «изучив в совершенстве между прочим катихизис православной веры и все, яже попу или диакону надобно знать, и удостоясь в чин священства, могли и народ (русский), мирских людей учить и многочисленных в Сибири иноземцев, неведующих Создателя Господа Бога, приводить в познание истинныя веры могли, и потому ко святому крещению искать расширения до самаго государства Китайскаго». Школа, как уже замечено выше, не имела недостатка и в учениках, не оставалась и без учителей, и существовала (ровно 40 лет) до тех самых пор, пока митрополитом Антонием Нарожницким не была преобразована в семинарию.

Но содействовала ли эта школа сибирским архипастырям в достижении целей, для которых Петр I повелевал ее открыть митрополиту Филофею? И по одному крайне ограниченному кругу наук, какие повелено было преподавать в ней и какие преподавались, цели те не могли быть достигнуты. Возможное ли было дело, чтобы выучившийся только читать, писать и петь, да узнавший катехизис, славянскую, а после и латинскую грамматики, сделался достойным пастырем и полезным миссионером? Исключения из этого, конечно, бывали, но эти исключения чрезвычайно редки, и их составляли только натуры особенно даровитые и трудолюбивые. Поэтому воспитанники Тобольской архиерейской школы первой половины XVIII столетия по окончании учения или возвращались в домы родителей и там жили в ожидании вакансии на родине же, или где-либо вблизи ее, или, как в 1727 г. и само епархиальное начальство* доносило

* «Наук. и лит. в России при Петре Вел.», стр. 108, 120 и 121.

Св. Синоду, поступали в диаконы и причетники и затем, особенно в деревнях, при отсутствии чтения погружались в материальную жизнь, в одно машинальное отправление церковных обязанностей и, еще более того, в свое хозяйство: скотоводство и землепашество. Поэтому преосвящен. Антоний I, при котором школа существовала наиболее (слишком 18 лет) нередко утруждал Св. Синод в своих представлениях, с одной стороны, жалобами на крайний недостаток в его епархии образованного духовенства, а с другой — просьбами о присылке к нему образованных лиц духовных как для распространения христианства между неверующими, так и для поддержания его между новообращенными*. Потому же, наконец, и преосвящ. Антоний I, подобно митрополиту Филофею**, для проповеди с церковной кафедры, по крайней мере в Тобольске, употреблял не сибиряков, за их неуменьем проповедывать, но или привезенных им с собою иеромонахов (напр., Иоанна Дубинского и Патракия Лисенского***), или уже после нарочито вызванных им из Киева и Чернигова, например, иеромонаха Арсения Мацеевича****, который после был недолго Тобольским, а долго Ростовским митрополитом и который затем испил такую горькую чашу за сопротивление отобранию при императрице Екатерине II недвижимых церковных имуществ.

Не сделала Тобольская архиерейская школа для духовного просвещения в Сибири большего, многого, но нельзя сказать, чтобы она не сделала для него ничего: число грамотных и даже довольно разумеющих догматы веры и правила жизни христианской в сибирском духовенстве, а чрез него и между мирянами, со времени учреждения архиерейской школы, бесспорно умножилось; учившиеся в школе архиерейской или в школах монастырских при занятии мест в клире, как свидетельствуют дела консисторского архива*****,

* Из дел старого Консист. архива.

** Припомним, что он, кроме других ученых монахов, старался вызвать из Киева очень способного, по его словам, к церков. проповеди иеродиакона Пахомия Арамашенку. См. «Чел. Филоф.», стр. 15.

*** Из рукоп. книги, хранящейся в библиотеке Омского дух. училища, и из письма ко мне г. профессора С. п. б. дух. акад. Ил. Чистовича от 28 сентября 1867 г.

**** Арсений Мацеевич был предикатором, т.е. проповедником, в Тобольске более двух лет, с конца 1730 г. и по начало 1733 г. См. «Осмнадцатый век» кн. 2, изд. 2, стр. 255—259.

***** Из этих дел видно, что закащики обязаны были от времени до времени доносить епарх. начальству, кто из взрослых, но еще безместных детей духовенства их заказов способны к занятию мест при

имели преимущество пред нигде не учившимися; а главное, Славяно-русско-латинская архиерейская школа послужила зерном, и зерном хорошим, как после увидим, для учрежденной в 1743 году митрополитом Антонием II Тобольской семинарии, послужила тем, что подготовила для нее достаточное, по крайней мере некоторое, количество способных молодых людей: из семинаристов, если бы они при Антонии II в учрежденной им семинарии начали учиться с азбуки, в короткое время не вышло бы хороших проповедников, лиц, способных быть учителями семинарии, а также священниками и протоиереями на видных местах.

Все сказанное доселе об участи воспитанников Тобольской архиерейской школы начала и первой половины XVIII столетия относится исключительно почти до воспитанников русского происхождения, духовного сословия. Судьба же воспитанников инородческого происхождения известна немногих, например. Петр Тунгус, питомец и келейник митрополита Филофея Лещинского*, при митрополите Антонии I служил иподиаконом, а после исправлял должность то письмоводителя при Тюменском заказном правлении, то причетника в тюменском монастыре; неизвестный по имени остяк был причетником Духовской церкви в инородческом селе Леушинском (на р. Конде), да и преемником ему при сей церкви был также учившийся до 1744 года в архиерейской школе вогул из князьцов Сатыгиных по имени Даниил; другой из семейства тех же князьцов, Григорий Сатыгин, был столь хороший христианин и граматчик, что в 1744 году просил у епархиального начальства позволения выстроить в его волостях на место ветхой, построенной при Филофее, новую перковь, что обещал при этом строить ее, вопреки обычаю всех новокрещенцев, на свой собственный счет и давать причту, сверх получаемого им от казны небольшого жалованья, содержание от себя, и что под прошением (что также замечательно) подписался своеручно и подписался хорошо**. Все же прочие воспитанники Тобольской архиерейской школы из инородцев, по всей вероятности, или поступили в русские общества, особенно в горо-

церквах; что они и доносили об этом и в своих донесениях против рекомендуемых ими отмечали, что вот такой-то учился в архиер. школе или в школе Знаменского монастыря.

* Митр. Филофей в зимнее, в свободное время от поездок с целию миссионерства, Петра Тунгуса учил грамоте у себя в келье сам.

** Из дел старого консист. архива; «Филофей Лещ.», стр. 39 и 55.

довые казаки*, потом в мещане и даже отчасти в духовенство**, или же возвращались в свои волости, к своим родичам и там в бедной, грязной жизни нисколько не влияли на них ни в религиозном, ни в умственном, ни нравственном, ни даже в бытовом внешнем отношениях, конечно, потому, что по своему незнанию, особенно в первые годы ученья, русского языка и по своей природной тупости они и сами почти ничему не научились в школе, ничего не узнали в ней. Последнее мнение подтверждают следующие грустные явления: 1) во многих новокрещенных инородцах замечались уклонения в оставленное ими язычество еще при митрополите Антонии I (в 1724—40 гг.), а при митрополитах Антонии II и Сильвестре Головацком (в 1743—1755 г.) сих уклонений*** было еще более; 2) и спустя сто лет по открытии в Тобольске архиерейской школы и после обучения в ней и школах монастырских новокрещенных детей, и именно в 1820—1830 гг., многие и многие из сибирских крещеных инородцев все еще оставались совсем незнающими веры христианской. Остяки, например, живущие на р. Оби ниже Самарова, живущие, заметим, на большой дороге в Березов и Обдорск, где почти всегда бывает немало проезжающих русских, в указанное время не знали никаких молитв ни на своем, остяцком, ни на русском языках, а иные из них даже не умели сделать на себе крестного знамения; живущие же ниже Березова к Обдорску не знали и своих имен христианских, не знали даже имени Иисуса Христа, а распятие, изредка находимое в их юртах, называли Колей (святым Николаем), русским Богом****. Таким образом, и другая цель учреждения Тобольской архиерейской школы — обучение в ней новокрещенных детей русской грамоте и закону Божию и уже чрез них утверждение новокрещенных в христианской вере — не была достигнута. Однако ж и опять скажем, и эта вторая цель не была достигнута совершенно. Мы видели выше, что из детей новокрещенных, учившихся в Тобольской архиерейской

* Ранее Петра I, да и при нем, и после него долго дела велись так, что сибирские инородцы, обращавшиеся в христианство поодиночке, почти обыкновенно поступали в служилые, т.е. в городовые казаки, служба которых прежде была особенно выгодна.

** Что и в духовенство вступали крещеные сибирские инородцы, это доказывают инородческие фамилии иных из священно- и церковнослужителей сибирских, каковы, напр., Кучумов, Бурдуков, Тыжнов, Бекреев и др.

*** Из дел стар. конс. архива.

**** См. «Жизнеописание арх. Афанасия». Странн. 1867 г. № 1, отд. I, стр. 44.

школе, некоторые вступали в сословие духовенства, другие на собственный счет строили в своих селениях церкви и содержали при них духовенство, а такие лица, притом происходившие из князьцов (родовых, потомственных старшин), как, например, Даниил и Григорий Сатыгины, на своих родичей, притом в некотором смысле их подчиненных, без сомнения, имели значительное, по крайней мере некоторое влияние и в отношении религиозном. Быть может, в этом именно и заключается причина, что остяки, ближайшие к Тобольску, и вогулы некоторых местностей Верхотурского и Туринского уездов стоят в бытовом и религиозном отношениях не на низкой степени*; из этих местностей преимущественно и брали при Филофее новокрещенных детей в школы. Что новокрещенные инородцы после дошли до такого печального состояния в знании веры христианской, то в этом виноваты не школы архиерейская и монастырские, а, напротив, то, что эти школы после Филофея и его преемника Антония I (а может быть, что еще и при сем последнем) сделались закрытыми для новокрещенных детей, и то еще, что в волости новокрещенных для наблюдения за ними в исполнении религиозных обрядов и правил жизни христианской, вопреки учреждению Филофея, перестала посылать особых образованных надзирателей, что духовенство назначалось в инородческие приходы без знания языка их насельников и пр., и пр. Обучение новокрещенных детей русской грамоте и отчасти закону Божию, хотя не в семинарии, а при домах местных священно- и церковнослужителей возобновлялось было при митрополитах Антонии II и Сильвестре Головацком (в 1743–55 гг.), но без всяких добрых последствий по их непродолжительному управлению Тобольской епархией. Более прочное образование новокрещенных детей в школах церковных и монастырской кондинской, а также в училищах Министерства народного просвещения, даже в тобольских семинарии и гимназии возобновилось только в сороковых годах настоящего столетия**.

* «Геогр. Вестн.» 1863 года.
** «Страна.» 1867 г. № 1, отд. I, стр. 54 и след.; 1869 г. № 8, в хронике статья: «Миссионерства Берез. края».

Фамилия Александра Ивановича Сулоцкого[1] происходит от названия села Сулость Ростовского уезда Ярославской губернии, где в 1812 г. он родился в семье бедного причетника[2]. В 1833 г. А. Сулоцкий окончил курс Ярославской духовной семинарии и как лучший выпускник «на казённый счёт» был направлен учиться в Петербургскую духовную академию. В 1837 г. по окончании академического курса ему было присвоено звание старшего кандидата богословия. Комиссия духовных училищ назначила его на должность преподавателя церковной истории и греческого языка в Тобольскую духовную семинарию. В Тобольск А. Сулоцкий прибыл в начале 1838 г. и прожил там до конца 1847 г. Помимо канонического права, церковной и библейской истории А.Сулоцкий преподавал историю русской церкви, церковные древности и обряды, а также заведовал семинарской библиотекой. Для того, чтобы его ученики знали о распространении христианства в Сибири, «о сибирских иерархах и святынях земли Сибирской», он немало времени проводил за изучением архивных материалов в губернском архиве Тобольска и в древлехранилище Тобольского кафедрального Софийско-Успенского собора. Преподавателем А. Сулоцкий был «ревностным и влиятельным». Он быстро заслужил расположение архиепископа Афанасия. В доме архиерея Сулоцкий не раз общался с И. Менделеевым, в то время отставным директором Тобольской гимназии, а также с декабристом М.А. Фонвизиным и молодым поэтом П.П. Ершовым. На этих приёмах в доме архиепископа Афанасия «были разговоры о предметах учёных, иногда политических, но никогда о городских новостях». В Тобольске А. Сулоцкому довелось встречаться с выдающимися русскими миссионерами XIX века: основателем Алтайской духовной миссии архимандритом Макарием (Глухаревым) и святителем Иннокентием (Вениаминовым), митрополитом Московским и Коломенским. Большая дружба связывала Александра Ивановича с известным сибирским краеведом Н.А. Абрамовым (1812–1870).

В Тобольске Александр Иванович Сулоцкий женился на дочери священника Андрея Бекреева Марии Андреевне, с которой прожил до конца своей жизни. Тесть его впоследствии приняв монашество с именем Антоний и был архимандритом Абалацкого Знаменского монастыря. У Сулоцкого было два сына, три дочери и внуки. Одна из дочерей, Анна Александровна, была замужем за Дмитрием Ивановичем Тихомировым, директором Омской гражданской гимназии.

В 1848 г. архиепископом Тобольским и Сибирским Георгием (1845–1852 гг.) Александр Сулоцкий был рукоположен в сан диакона, затем священника и направлен в г. Омск на должность законоучителя Сибирского кадетского корпуса и настоятеля храма Николая Чудотворца при

[1] Биографическая справка составлена на основании следующих работ: *Б.Пивоваров.* Протоиерей Александр Сулоцкий: Его жизнь и труды по церковной истории Сибири//Журнал Московской патриархии. 1985. №6. С. 11–16; Протоиерей Александр Иванович Сулоцкий: Некролог//Тобольские епархиальные ведомости (*далее* — ТЕВ). 1884. № 10. С. 218–222.

[2] Причетник — низший священнослужитель: чтец, певец, дьячок, пономарь и т.п.

этом учебном заведении. 30 апреля 1853 г. Святейший Синод присвоил Сулоцкому степень магистра богословия. В 1854 г. «за отлично усердную службу» он удостоился «благодарности Его Императорского Высочества, Главного Начальника военно-учебных заведений». 4 августа 1863 г. «за усердное пастырское служение» священник Александр Сулоцкий был возведён в сан протоиерея[1].

Кроме церковных наград (набедренника, скуфьи, камилавки, магистерского креста, наперсного бронзового креста за войну 1853–1856 гг., золотого наперсного креста), протоиерей Александр Иванович Сулоцкий имел орден св. Анны II степени с короною, украшенною драгоценными камнями, и св. Владимира IV степени.

В 1870 г. архиепископ Тобольский и Сибирский Варлаам предложил протоиерею А. Сулоцкому должность ректора Тобольской духовной семинарии. Но о. Александр отказался, написав в ответе: «Я кончил Академию уже 33 года назад и отстал от многих предметов, да, кроме того, по административной части я никогда не служил...». Многие считали этот отказ проявлением христианского смирения и скромности, которая всегда отличала А.Сулоцкого. Те, кто знал его лично, свидетельствовали, «что это был человек в высшей степени скромный, деликатный, благожелательный». Многие годы он прожил в небольшом деревянном домике, который купил ещё в первые годы пребывания в Омске. В 1877 г. по состоянию здоровья Сулоцкий вышел в отставку. Однако учёных занятий он не прекращал до самой кончины. Ещё до выхода первых номеров «Тобольских епархиальных ведомостей» (1882 г.) он советовал редактору дать журналу направление, которое бы отвечало «местным и церковным нуждам, уделить больше внимания сибирской церковной истории, избегая направления сугубо академического, какого придерживались, например, издатели «Томских епархиальных ведомостей».

Выйдя в отставку, Сулоцкий «получал достаточную пенсию за службу в военном ведомстве» и «по духовному ведомству за свою 10-летнюю семинарскую трудоническую службу».

Скончался протоиерей Александр Иванович Сулоцкий от туберкулёза 3 мая 1884 г.

«Едва ли кто может приступить теперь к изучению Сибирского края в церковно-историческом отношении, не ознакомившись предварительно с литературными трудами Александра Ивановича»[4], — эти слова были написаны почти 120 лет назад. Они вполне могли быть сказаны и сегодня. Сулоцкий «был одним из первых (...) тружеников по разработке разных письменных архивных и других памятников Сибирской старины. Ему приводилось не обобщения делать, а первому прокладывать путь к занятиям Сибирской церковной историей; по его следам теперь легко будет идти всякому, кто пожелает принять на себя труд изучения и дальнейшей разработки церковно-исторической науки Сибирского края»[4].

В первый том сочинений известного сибирского историка протоиерея Александра Ивановича Сулоцкого вошли его работы о церковных достопримечательностях Сибири: о храмах и монастырях, чудотворных и почитаемых иконах, колоколах, о богатстве церковных ризниц и библиотек.

Тексты работ публикуются без сокращения, по изданиям, сохранившимся в библиотеках Москвы, Тобольска...

[1] Протоиерей — (*с греч.*) старший священник; в православной церкви духовное звание духовенства среднего звена — первый, старший из священников. В православной иерархии духовенства три ступени: низшая — дьяконство, средняя — священство и высшая — архиерейство. Священство подразделяется в свою очередь ещё на три ступени — ключарь, иерей (священник) и протоиерей (старший священник).

[4] Протоиерей Александр Иванович Сулоцкий. Некролог... С. 218.

При подготовке книги к печати орфография текстов в основном приведена в соответствие с современными нормами по принципам, разработанным Л.С. Филипповой, доцентом Тюменского госуниверситета (*См.:* **К.Носилов. На Новой Земле. Тюмень, 1997. С. 361–363**).

Цитаты, встречающиеся в тексте и помещенные в кавычки, напечатаны без каких-либо изменений.

Авторские примечания сохранены в авторской редакции и приведены без изменений. Исключение составляют отсылки к примечаниям, имеющим порядковый номер в публикациях (до 1917 г.) А. Сулоцкого, но в настоящем издании обозначенные астерисками: они приведены в соответствие с нумерацией страниц настоящего издания.

В авторских текстах нет единообразия в написании названий книг, журналов, газет, статей и т.п. Часть из них обрамлены кавычками, часть — без кавычек, часть — выделены курсивом. В данном издании названия книг воспроизведены без изменений, в авторской редакции.

Пунктуация изменена только в тех случаях, когда это было необходимо для сохранения смысла написанного.

Сохранены авторские сокращения слов либо расшифрованы и поставлены в квадратные скобки.

Даты в тексте приведены по юлианскому календарю (старому стилю).

Все иллюстрации, имевшиеся в источниках, воспроизведены.

Авторская исповедь

Публикуется по тексту: Тобольские епархиальные ведомости. 1884. №10. Отдел неофициальный. С. 222–233.

«Авторская исповедь» была написана А.И. Сулоцким в Омске 13 мая 1880 г. по просьбе редактора «Тобольских епархиальных ведомостей». Ещё до выхода первых номеров журнала редакция попросила Александра Ивановича составить перечень его печатных работ, «дабы лица, желающие трудиться при редакции по разработке церковно-исторической науки Сибирского края, могли знать, где и что по данному вопросу взять, и каким образом продолжать, по мере сил, начатое о. Сулоцким»[1]. Передав редакции рукопись, Александр Иванович попросил не печатать «Авторскую исповедь» при его жизни, поэтому впервые она была опубликована в «Тобольских епархиальных ведомостях» в 1884 г., в одном номере с некрологом. В следующем номере «Ведомостей» был напечатан и «Перечень сочинений покойного о. протоиерея А.И. Сулоцкого, с показанием, какое сочинение когда и где печаталось»[4]. Эта библиография, в которую автор включил 100 своих опубликованных работ, является продолжением «Авторской исповеди» и будет напечатана в третьем томе настоящего издания.

[1] «Странник» — ежемесячный «духовный, учёно-литературный журнал», основанный в 1860 г. протоиереем В.В. Гредуловичем. Впоследствии редакторами журнала были священники В.И. и С.В. Протопоповы, приват-доценты А.Пономарёв и Е.Прилежаев, профессор А.И. Пономарев. Издателем в начале XX века был профессор А.П. Лопухин. Приложения к «Страннику»: «Памятники древне-русской литературы», с предисловиями и филологическими примечаниями, и «Общедоступная Богословская Библиотека» (с 1898 г.).

[2] Преосвященный — титул епископа.

[3] Абрамов Николай Алексеевич (1812–1870) — известный сибирский историк. Статья А.И. Сулоцкого (псевдоним Филарет Петухов) об Абрамове помещена в книге: Абрамов Н.А. Город Тюмень. Из истории Тобольской епархии. Тюмень: СофтДизайн, 1998.

В одном из писем А.Сулоцкому после прочтения его рукописи о Филофее Лещинском Н. Абрамов написал: «..без критического преследования

[5] Протоиерей Александр Иванович Сулоцкий: Некролог... С. 219–220.
[4] ТЕВ. 1884. №11. С. 245–255.

поверил кому-то на слово о Филофее, будто крестившем инородцев силой. Помягче сказать надо. Любя и уважая память Филофея, ибо слишком сердитесь (...) На чём основано, что Филофей происходил из незнатного рода? В Киевской братской школе или Академии обучались тогда дети духовных и чиновных малороссиян. (...) после отъезда митрополита Игнатия, в Сибири не было два года архиерея. Игнатий и Великопермский епископ Дионисий, кому была поручена Сибирь, не надзирал лично сей епархии. (...) Лучше умолчать о пьянстве духовенства. Это для читателя Вашего (...) не будет приятно, да и для чего чернить память нашего родного звания. Кто тогда не пил в Сибири? Конечно, духовенство тогда было (хотя и не всё) малограмотно, держало себя слабо, подчинялось воеводам и другим властителям, мало пользовалось уважением, и не знало своего долог и авторитет, но чем оно виновато: школ не было, учились кое-где и кое-как, а потому и жили как жилось, и пили как пилось (...) Да и теперь (...) есть духовные, кои не откажутся с крестьянами в кабак пожаловать»[7].

[4] Присутственные места — общее название государственных учреждений.

[5] Церковная археология — богословская дисциплина, которая занимается поисками, описанием и изучением вещественных памятников, связанных с историей христианства, совсем не обязательно добытых путём археологических раскопок. «Археология» в буквальном переводе с греческого — наука о древности. Церковная археология — наука о древностях православной церкви (древние храмы, старинные иконы, книги, кресты, утварь, облачения священнослужителей и т.п.).

[6] «Московитянин» — ежемесячный журнал, выходивший в Москве с 1841-го по 1856 гг. (с небольшим перерывом; с 1849 г. выходили 24 книги в год), издавался под редакцией М.П. Погодина. Основан при участии В.А. Жуковского и под покровительством министра народного просвещения графа С.С. Уварова. Создан в противовес «западническим» «Отечественным запискам», как орган борьбы за «старые предания» русской истории и литературы. Идеалами русской литературы, достойными подражания, признавал в прозе — Карамзина, в поэзии — Пушкина. «Московитянин» следил за правильностью, чистотой русского языка. «Московитянин» не был органом славянофилов, несмотря на то, что в нём печатались статьи и стихи И.В. и П.В. Киреевских, А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина. Их «народность» была проникнута демократическими симпатиями, а «Московитянин» проповедовал «народность» официальную. Заслуга «Московитянина» в том, что он дал толчок изучению и собиранию материалов по русской истории. С 1850 г. в редакции журнала работали А.Н. Островский, Ап. Григорьев, А.Ф. Писемский, П.И. Мельников-Печерский. В «Московитянине» публиковались первые драмы А.Н. Островского, романы А.Ф. Писемского.

[7] Афанасий — Тобольский архиепископ в 1832–1842 гг. Статья А.И. Сулоцкого об архиепископе Афанасии (Протопопове) вошла во второй том собрания сочинений А.И. Сулоцкого (Тюмень, 2000).

[8] «Маяк» — ежемесячный журнал, выходивший в 1840–1848 гг. в Санкт-Петербурге под редакцией С.А. Бурачка и П.А. Корсакова. «Маяк» называл себя органом «современного просвещения в духе русской народности», ставил цель противодействовать влиянию западного просвещения или исправлять его последствия в духе «русской народности». О западных «просветительских» ценностях «Маяк» писал: «Запад идёт с ними к погибели и только когда избавится от них — тогда конец Революциям, Вольнодумству, Реформатерству и Папству, этим четырём коленам одного корня — рыыского язычества».

В «Маяке» публиковались лекции по высшей математике, трактаты по кораблестроению, психологии и богословию, романтические повести

[7] ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 48. Л. 95.

и стихи, произведения архиереев, а также повести и поэмы Т.Г. Шевченко, статьи по малороссийской этнографии Н.И. Костомарова и др.

[8] Митрополит — (*с греч.*) человек из главного города, метрополит. Титул представителя высшего духовенства, второй после патриарха сан в церковной иерархии, в некоторых православных церквах (румынской, польской, болгарской) — высший церковный титул. Отличительная деталь облачения митрополита — белый клобук.

[10] Бакалавр (*от позднелат.* baccalarius, первоначальное значение — подвассал; от baccalaria — поместье) — во многих странах первая учёная степень. В России бакалавром одно время именовались преподаватели духовных академий.

[11] Миссионер — духовное лицо, проповедующее христианскую веру среди некрещёных народов.

[12] Александро-Невская лавра — Свято-Троицкая Александро-Невская лавра, монастырь, основанный в 1710 г. в Петербурге указом Петра Первого на месте, где, по преданию, князь Александр Невский одержал победу над шведами. В 1724 г. в лавру из Владимира были перенесены мощи св. Александра Невского. С 1742 г. — резиденция Петербургского митрополита. Ранг лавры присвоен в 1797 г. Лавра (с греч. буквально — городская улица, квартал) — наиболее крупный и значимый мужской монастырь, подчинялся непосредственно Синоду. Лавры пользовались особыми правами, число монахов в них не ограничивалось. Всего на территории бывшего СССР — четыре лавры: Троице-Сергиева в Сергиевом Посаде (Загорск), Киево-Печерская, Почаевская Успенская и Александро-Невская.

[13] Архимандрит (*от греч.* архи — начальник и мандрит — овчарня, «начальник духовных овец»). В православной церкви — руководитель монастыря, по иерархии выше игумена. В белом духовенстве сану архимандрита соответствует сан протоиерея. Архимандриту присвоены и некоторые принадлежности архиерейского облачения: митра, палица, посох и архимандритский наперсный крест. Титул архимандрита: Высокопреподобие.

[14] «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских» — журнал, издававшийся при Московском университете в 1845–1848 гг. Редактор — секретарь общества О.М. Бодянский. Всего было выпущено 10 книг.

[15] «Русский вестник» — литературный и политический журнал, основанный в Москве в 1856 г. М.Н. Катковым при содействии П.М. Леонтьева. Выходил два раза в месяц, а с 1861 г. — ежемесячно. Журнал критиковал «старые порядки», искал пути устройства новых форм общественной жизни. Здесь появились положившие начало «обличительной беллетристике» «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина, а затем повести П.И. Мельникова-Печерского. Публицистика «Русского вестника» говорила о необходимости судебной реформы, о вреде сословных преимуществ, об основах будущей крестьянской реформы. Сенсационными стали статьи о взятках и вымогательстве полиции. Сам Катков — блестящий публицист, убеждённый англоман, конституционалист — проповедовал необходимость установления в России непоколебимой законности и свободы личности по английскому образцу. С конца 50-х гг. в «Русском вестнике» печатались И.С. Тургенев («Накануне», «Отцы и дети», «Дым») и Л.Н. Толстой («Семейное счастье», начало «Войны и мира», «Анна Каренина»), А.Н. Плещеев, А.А. Фет, А.Н. Майков, А.Н. Островский, А.К. Толстой. С начала 1860-х гг. «Русский вестник» резко полемизирует с А.И. Герценом, публикует романы Н.С. Лескова и В. Крестовского, «где молодое поколение выставляется скопищем воров, убийц, поджигателей и, в лучшем случае, дурачков». В 1866 г. Ф.М. Достоевский опубликовал в «Русском вестнике» «Преступление и наказание», в 1871–72 гг. — «Бесы».

[16] «Временник Императорского общества истории и древностей Российских» — издавался в 1849–1857 гг. под редакцией секретаря общества

И.Д. Беляева. Всего вышло 25 книг, содержащих «исследования, материалы, смесь, а также протоколы общества».

[17] «Отечественные записки» — в 1818 и 1819 гг. под этим названием Павел Свиньин издал в Санкт-Петербурге два сборника, а с мая 1820-го по 1830 гг. издавал ежемесячный журнал. В журнале помещались исследования по русской истории, статьи о русских древностях, путешествиях, известия о новых открытиях и выдающихся талантах в России. В 1830 г. издание журнала прекратилось. В 1839 г. право его издания перешло к А.А. Краевскому, он разделил журнал на отделы: 1) современная хроника России, 2) науки, 3) словесность, 4) художества, 5) домоводство, сельское хозяйство и промышленность, 6) критика, 7) современная библиографическая хроника, 8) смесь. В отделе словесности печатались произведения М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова, В.А. Соллогуба, князя В.Ф. Одоевского, В.И. Даля. Новым словом в тогдашней журналистике был отдел «современной хроники России». Со второй половины 1839 г. в отделе критики стал работать В.Г. Белинский и его московские друзья А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, В.П. Боткин и др. В начале 1846 г. Белинский прекратил сотрудничество с «Отечественными записками». В 1865–67 гг. журнал выходил дважды в месяц. Новая эпоха в истории «Отечественных записок» наступает с января 1868 г., когда фактическими редакторами их стали Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков и Г.З. Елисеев, арендовавшие журнал у Краевского. Журнал публиковал произведения Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Г.И. Успенского, Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского, А.Н. Плещеева, В.В. Крестовского, П.Д. Боборыкина и др. В 1884 г. после выхода четвёртой книжки «Отечественные записки» были запрещены на основании Временных правил о печати 1882 г., поскольку «в редакции Отечественных записок группировались лица, состоявшие в близкой связи с революционной организацией». С 1839 г. всего вышло 273 тома.

[18] «Духовная беседа» — еженедельное издание, выходившее в 1858–1876 гг. при Санкт-Петербургской духовной семинарии, под редакцией И. Яхонтова. В 1860–1875 гг. к «Духовной беседе» прилагалась «Церковная летопись».

[19] «Душеполезное чтение» — ежемесячный журнал духовного содержания; издавался в Москве с 1860 г. Редактор Д.Ф. Касицын.

[20] «Православное обозрение» — публицистический духовный журнал, издавался в Москве с 1860-го по 1891 г. под редакцией священника Н.А. Сергиевского при сотрудничестве священников Г.П. Смирнова-Платонова, П.А. Преображенского и А.М. Иванцова-Платонова. Журнал обсуждал проекты церковных реформ, публиковал церковно-исторические, богословские (в том числе иностранные) статьи. В журнале печатались Ф. И. Тютчев, И.С. Аксаков, В.С. Соловьёв. В приложении к «Православному обозрению» вышли: перевод книг Ветхого Завета архимандрита Макария (Глухарева), «Памятники древней христианской письменности в русском переводе», в том числе «Апокрифические сказания» и мн. др.).

[21] «Русская старина» — ежемесячное историческое издание. Основано в Санкт-Петербурге в 1870 г. Михаилом Ивановичем Семевским (псевдоним — Вас. Арс. Семевский). Первостепенное значение Семевский придавал запискам, дневникам, воспоминаниям, автобиографиям, считая уроки и ошибки недавнего прошлого особенно полезными для будущего. Некоторые мемуары и дневники Семевский покупал, другие рассказы записывались редакцией. Число подписчиков журнала доходило до шести тысяч, однако это не приносило дохода, поскольку издатель все деньги тратил на приобретение новых материалов, пополнение своего архива, усовершенствование журнала, увеличение его объёма. С 1879 г. постоянным приложением к журналу стали гравюры деятелей русской истории. Среди наиболее замечательных публикаций — записки А.Т. Болотова о быте русского дворянства в XVIII веке, записки А.М. Тургенева об эпохе Екатерины II и Павла I, записки Я.И. де Санглена, начальника тайной полиции при Александре I, воспоминания П.М.

30 Заказ 2481

Дарагана о придворном быте 1817–1820 гг., дневник В.К. Кюхельбекера, воспоминания А.Г. Рубинштейна, М.И. Глинки, И.К. Айвазовского и мн. др. После смерти М.И. Семевского (1892 г.) журнал возглавляли Е.М. Семевская, С.С. Зыков, А.С. Лоцинский, Н.К. Шильдер, Н.Ф. Дубровин.

[32] Архиепископ Евгений (в миру Андрей Казанцев) — Тобольский архиерей с 1825-го по 1831 гг. Статья А. Сулоцкого о нём опубликована в «Странике» в 1872 г.

[33] Преосвященные Владимир и Георгий — биографическую справку об этих тобольских архиереях см. на С. 60 настоящего тома.

[34] Феогност (в миру Андрей Лебедев) — Тобольский архиепископ (1856–1862 гг.).

[35] Варлаам Второй (в миру Василий Успенский) — Тобольский архиепископ (1862–1872 гг.).

[36] Духовный Регламент — законодательный акт, заменивший патриаршую форму управления церковью синодальной и поставивший церковь в прямое подчинение государственной власти. Составлен в 1720 г. Феофаном Прокоповичем, дополнен Петром Первым. Введен в действие в 1721 г. Сохранял юридическую силу до 1917 г.

[37] Благочинный (закашик) — священник, назначенный архиереем «надзирать» за частью епархии (благочинием), заботиться о церковном благоустройстве и т.п.

[38] Викариатство, викарий (от лат. vicarius — заместитель, наместник). В православной церкви — епископ без епархии, помощник правящего епархиального архиерея по управлению частью епархии (викариатством)

[39] Ефрем (в миру Василий Разанов) — с 1872 г. управлял епархией как епископ Березовский, викарий Тобольской епархии, с 1874-го по 1880 гг. — епископ Тобольский и Сибирский.

[40] Его Высокопреосвященство — в Русской православной церкви титул архиепископа и митрополита.

II. Описание церквей, существующих в Тобольске, и Тобольского Софийского собора.

Публикуется по: Описание церквей, существующих в Тобольске, и Тобольского Софийского собора. М., 1852. 104 с.

[41] Кафедральный собор — главный собор епархии, где находится кафедра епархиального архиерея.

[42] Святитель — архиерей. В православном месяцеслове (календаре) святителями названы священноначальники, епископы, первосвятители православной церкви.

[43] Священные сосуды — сосуды, используемые при совершении богослужения (дискос, потир, купель, кадило, чаша водосвятная и т.д.)

[44] Напрестольный крест — крест из дерева или металла большого размера (35–38 см), обычно находится в алтаре на престоле.

[45] Воздух — большой покров из ткани, которым во время литургии покрыты святые дары: просфоры на дискосе и вино в потире.

[46] Царские врата — центральные, главные двери в иконостасе (алтарной преграде) православного храма.

[47] Посох — атрибут архиерейской власти, символ пастырства, духовного руководства верующими. Концы верхней перекладины имеют вид двух змей, изгибающихся так, что одна обращена головой к другой. Навершие посоха увенчано крестом. Посох делают из дерева, металла, кости, украшают драгоценными камнями, инкрустациями.

[48] Патриарх (*с греч.* — родоначальник) — титул главы (предстоятеля) автокефальной православной церкви в ряде стран. В России патриаршество учреждено при царе Борисе Годунове, в 1589 г. Первым патриархом был Иов (1530-е–1605). В 1721 г. вместо патриаршества Петр учредил духовную колле-

тию — Святейший Синод. Восстановлено патриаршество в России в 1917 г. Официальное обращение к Патриарху Московскому и всея Руси — «Ваше Святейшество», в некоторых церквах принято обращение «Ваше Блаженство».

[38] Митра — головной убор архиереев и архимандритов, надеваемый во время богослужения. В порядке исключения правом ношения митры награждаются и особо отличившиеся священники.

[40] Сибирского кадетского корпуса законоучитель, старший кандидат богословия, священник.

[41] Ключарь — священник, в чьём ведении находится ризница и церковная утварь; составляет график работы священнослужителей и т.п.

[42] Зимовье — изба для зимнего жительства в степи, в лесу; в Сибири — постоялый двор в безлюдье; ясак — подать, платимая инородцами (В.И. Даль).

[43] Дощник — большая плоскодонная лодка.

[44] Приказная изба — орган местного управления в XVI–нач. XVIII вв.

[45] Убрус — полотно, полотенце; здесь — головной убор Богоматери (мафорий).

[46] Книга Притчей Соломоновых. Глава 9, стих 1. (Прит. IX, 1)

[47] **МР ΘΥ** — монограмма, образованная от греческих слов, означающих «Матерь Божия».

[48] Прит. VIII, 22.

[49] Рамена — плечи.

[50] Приснодева — «всегда дева», то есть дева «до Рождества, в Рождестве и по Рождестве» Иисуса Христа.

[51] Перси — грудь.

[52] Десница — правая рука.

[53] Прозябший — (*с греч.*) «проросший». Проросший жезл ветхозаветного пророка Аарона истолкован в христианстве как пророчество крестной смерти и Воскресения Христа («неплодящей же прежде церкви ныне процвете древо креста»), а также Рождества Иисуса Христа от Девы, не знавшей мужчины.

[54] Порфира — царская верхняя одежда (мантия) пурпурного (багряного) цвета.

[55] Богоотцами называют царя и пророка Давида, из рода которого произошёл Иисус Христос, а также праведных Иоакима и Анну, родителей Богородицы.

[56] Преподобный — подобный Богу. Преподобными называют православных святых, прославившихся отшельнической, подвижнической жизнью (как правило, в монашеском сане).

[57] На кресте имеется надпись следующего содержания: «Лета (1672) года месяца мая построил сей святый Животворящий крест Великий господин преосвященнейший Корнилий митрополит Сибирский и Тобольский в келию». Хранится в Тобольском Государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (ТГИАМЗ), № 8627.

[58] На кресте имеется надпись следующего содержания: «Лета (1672) года строен сей Животворящий святый крест (...) по благословению Великого государя преосвященнейшего Кир (господина — *В.Ч.*) Корнилия митрополита Сибирского и Тобольского его келейною казною. Другая надпись свидетельствует, что в кресте находились частицы мощей Андрея Первозванного, Иоанна Дамаскина, Александра Свирского, Иоанна Белгородского и Макария Желтоводского. В 1902 г. из ризницы Софийского собора крест поступил в церковное древлехранилище. В настоящее время — в ТГИАМЗ, № 8639.

[59] Лазоревый — голубой, синий.

[60] В 1675 г. воевода И.Б. Репнин сделал вклад в Тобольскую Вознесенскую церковь — напрестольный серебряный крест с надписью «...сей Животворящий крест строил боярин князь Иван Борисович Репнин в Сибирь в Тобольск к церкви Вознесения Господа Бога и Спаса нашего

Иисуса Христа». В 1717 г. «по празднении церкви Вознесения» поступил в архиерейскую крестовую церковь, а оттуда — в церковное древлехранилище. В настоящее время находится в ТГИАМЗ, № 8647. См. С. 133 настоящего тома.

[41] Ивановский (Иоанно-Введенский) монастырь расположен в низине, «между гор». Во всех работах А. Сулоцкого Ивановский (Иоанно-Введенский) монастырь называется «Межугорским». Такое же наименование обители встречается у П.А. Словцова (*Словцов П.А.* Письма из Сибири. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 112.), Н.А. Абрамов называет Иоанно-Введенский монастырь «Междугорным» (*Абрамов Н.А.* Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 425.).

[42] Феатр — возвышенное место с несколькими ступенями (подобное архиерейскому амвону), устраиваемое в середине храма при посвящении в сан епископа. В «Чине избрания и рукоположения архиерейского» об устройстве феатра сказано: «Буди же ведомо о местах архиерейского поставления, колицеми ступеньми комуждо бывает феатр соделован. Митрополитом — по 8 степеней, архиепископом — по 6 степеней, епископом — по 4 степени».

Сулоцкий неоднократно в своих работах (см. с. 361 настоящего тома) называет книгу И. Максимовича «Феатр», хотя другие биографы тобольского святителя (да и сам Сулоцкий на с. 346 настоящего тома) называют ее «Феатрон» («Иоанн Максимович, митрополит Тобольский и всея Сибири» А.М. Карпинского. Тюмень, 1899. С. 18; «Житие святителя Иоанна (Максимовича), митрополита Тобольского и всея Сибири Г. Тутолмина. Тобольск, 1916. С. 11; Н.А. Абрамов. Иоанн Максимович, митрополит Тобольский и Сибирский // Абрамов Н.А. Город Тюмень. – Тюмень, 1998. С. 192). Прижизненное издание (Чернигов, 1750) книги Иоанна Максимовича называется «Феатрон, или Позор правоучительный царям, князьям, деспотам...».

[43] Трактат «Илиотропион» переведён Иоанном Максимовичем с латинского языка и в 1714 г. издан в г. Чернигове. В 1888 г. переведён на современный русский язык профессором И.А. Максимовичем и в 1908 г. издан в Киеве (Илиотропион, или Сообразование человеческой воли с Божественною волею. Творение митрополита Тобольского и всея Сибири Иоанна Максимовича: в 5 кн. Киев, 1908).

[44] В авторском тексте — карноухий, то есть с отрезанным, изуродованным ухом.

[45] Тёплый собор называется Покровским.

[46] Шуйца — левая рука.

[47] Хиротонисанный — посвящённый, рукоположенный в сан.

[48] В литературе встречается и другое написание фамилии — Главацкий и Голованцкий (см., например с. 459, 461 настоящего тома).

[49] У автора встречается и другое написание фамилии — Конюшкевич.

[50] В литературе встречается различное написание фамилии этого архиерея: у А.И. Сулоцкого — Сербницкий, у Н.А. Абрамова — Сребрицкий, в книге «Тобольская епархия» (Ч.2. Отд. I. Омск, 1892) — Сребницкий.

[51] Нейва (устар. – Невьк) — приток р. Ницы.

Заметки к описанию Тобольского Знаменского монастыря

Публикуется по тексту: Тобольские губернские ведомости (ТГВ). 1859. №27. С. 353–358.

[52] Скорее всего, здесь опечатка: 1) имени Логвин в православных святцах нет; 2) далее по тексту и в авторской сноске внизу страницы строитель именуется Лонгином.

[53] Григорий Варлаков — историк, работал профессором Тобольской семинарии, советником губернского правления.

[74] Следом за статьёй А. Сулоцкого, в том же номере «ТГВ», было опубликовано «дополнение» Г.А. Варлакова к статье о Знаменском монастыре. См.: ТГВ. 1859. №29. С. 358–360.

Интересные статьи: Тобольск, Тобольский Знаменский монастырь и Окрестности Тобольска, между прочим, монастыри Абалакский и Ивановский, помещённые в Живописном Русской библиотеке и Справочном Энциклопедическом словаре Крайя

Публикуется по тексту: ТГВ. 1858. №43. С. 653–657.

[75] Это единственная статья А.И. Сулоцкого, где используется форма прилагательного «абалакский», а не «абалацкий». В современном языке оба варианта написания слова равноправны.

[76] См. С. 204 настоящего тома.

[77] См. С. 226 настоящего тома.

Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии

Публикуется по: Описание наиболее чтимых икон в Тобольской епархии. СПб., 1864. — 2[illegible] с.

[78] Деисус (деисис) — (*с греч.*) «моление». Иконографический сюжет, в центре композиции которого изображён Христос (Господь Вседержитель), сидящий на престоле, а по обеим сторонам от него — предстоящие Богоматерь и Иоанн Креститель в молитвенных позах. В данном случае имеется в виду деисусный чин (ряд, ярус) иконостаса, в который помимо Богородицы и Иоанна Предтечи в числе предстоящих включены и апостолы. (Авторская сноска о Деисусе — на С. 285).

[79] Фряжская — итальянская.

[80] В статье А.И. Сулоцкого «Исторические сведения об иконописании в Сибири» (опубликована в «Иркутских губернских ведомостях», 1863 г., № 48–51 и в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских», 1864 г.), которая во многом повторяет публикуемую работу, в этом месте имеется сноска: «В 1836 году в Омске при постройке Войсковой Николаевской церкви возникло недоумение: можно ли писать для православных храмов иконы на полотне? Несколько членов казачье-войсковой канцелярии доказывали, что Омское духовное правление доносило, по-видимое, по о нарушении одного указа Тобольской консистории 1828 года, что писание и [illegible] икон на полотне в нашей [illegible] не дозволяется. Но командовавший в то время Сибирским казачьим [illegible] войском полковник Фалецкий утверждал, что во всех русских полковых походных церквях [illegible] писаны и [illegible] иконостасы не на холсте, а на полотне. В подкрепление слов Фалецкого о, [illegible] что и Барнаульской незадолго пред тем освященной [illegible] Дмитриевской церкви все иконы (кстати, академик [illegible] Матлоха) тоже на полотне. (Знакомый с сибирскими древностями мог бы, кстати, тут присовокупить, что в самой Сибири есть несколько святых икон, которые писаны давно и дивно и которые уже пользуются от народа особенным почитанием, например, икона Нерукотворенного образа в Колском селе Ялуторовского уезда, икона Вседержителя Спаса в часовне деревни Галкиной Туринского ведомства и икона Божией Матери, именуемая Тобольскою, что в Тобольском кафедральном соборе, и что они писаны именно на полотне). Но главное было то, что писать иконы для Омской войсковой церкви на досках, притом некоторые из них огромных размеров, и ещё с обязанностью доставить их в Омск из-за трех или двух тысяч вёрст в совершенной целости не брался ни за какую цену ни один академик (а войсковому) начальству непременно хотелось свою великолепную,

по крайней мере одну холодную, церковь украсить иконами кисти академической) ни в Петербурге, ни в Москве, ни даже в Барнауле, где в то время служил по горному ведомству академик Мягков. Вошли чрез генерал-губернатора Западной Сибири с представлением к тогдашнему архипастырю тобольскому Афанасию, и этот преосвященный архипастырь от 10 января 1837 г. отвечал, что «к описанию святых икон на холсте он, с своей стороны, не находит никакого препятствия».

[45] Риза иконы — оклад.

[46] Погост — первоначально — постоялый двор (от «гость»), позднее — сельский приход, отдельно стоящая церковь с домами духовенства и с кладбищем.

[47] Расслаблена — парализована.

[48] См. примечание 60.

[49] Статья А.И. Сулоцкого «Сказание об иконе Божией Матери, именуемой Абалацкою и о важнейших копиях с нея...», изданная отдельной брошюрой (Омск. Типогр. Штаба Зап. Сиб. воен. округа. — 1877.), содержит дополнительные сведения о Семипалатинской иконе (см. С. 40—44).

[50] О копиях с Абалацкой иконы в Омске и Петропавловске — см.: Сказание об иконе Божией Матери... Омск, 1877. С. 47—50.

[51] В «ТГВ» (1857. №20. С.186—188; 1857. №29. С.276—277) были опубликованы «Дополнение» и «Второе дополнение» А.И. Сулоцкого к статье Громова «Иркутская старина...».

[52] Кивот — киот.

[53] Жертвенник — место (ниша, стол) в алтаре храма, слева от престола. Там совершается проскомидия — подготовительная стадия таинства Евхаристии (причащения).

[54] В современном языке «киот» — существительное мужского рода.

[55] Филипп (в миру Колычев Федор Степанович, 1507—1569) — русский митрополит в 1566—1568 гг. Открыто выступал против жестокостей Ивана Грозного. Низложен и убит по приказу царя. Канонизирован в 1652 г. Особо почитаем на Русском Севере, в старообрядческой среде.

[56] Кафизма — от греч. «сидение»; так называется чтение Псалтыри в церкви, во время которого присутствующим разрешается сидеть.

[57] Налой (аналой, аналогий) — высокий стол или тумба со скошенным верхом, на который возлагаются икона, Евангелие или другие священные книги.

[58] Прикащик, приказник, приказчик — отдающий приказания, служитель при воеводах и других властях для исполнения приказаний, сборщик пошлин, управитель монастыря. Городовой прикащик следил за сохранностью городских стен. Позднее слово использовалось исключительно в значении «купеческий приказчик» (словарь В.И. Даля).

[59] В литературе XIX в. имеются разночтения по поводу этого исторического лица: «Иосиф Истомин (...) лицо не менее Аввакума известное в истории раскола, особенно Сибирского», в к. XVII в. находился в ссылке в Тобольском Знаменском монастыре (Тобольский Знаменский второклассный мужской монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. 1890. №3—4. С. 59); «армянин Иосаф Истомин» (Тобольская епархия. Ч.2. От.1. Омск, 1892. С. 36); «монах Иосиф Истомин, сосланный в 1660 г. в Сибирь, сделался в тех местах главным насадителем раскола» (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб, 1899. Т. 51. С. 289); «Казанский чернец Иосиф Астомен (...) проезжая через Сибирские города Верхотурье, Туринск и Тюмень, научил многих отвращаться от Православной Церкви и креститься двумя перстами» и там же, в сноске: «чернец Иосиф Истомин (...) проповедовал свое учение и затем распространял его в Сибири в продолжение 24 лет» (Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032—1882 гг. Сургут, 1993. С. 83.).

[60] Иконников И.В. (1791—1867) — потомок иконника Спиридона, купец второй гильдии, тюменский городской голова в 1837—1840 гг.

[61] Лентион — убрус, плат, полотно, полотенце.

[98] В авторском тексте — Тамыковского. Скорее всего, это опечатка, поскольку на с. 228, 233 этого же судью А. И. Сулоцкий называет Туманинским.

[99] Ктитор — староста церкви.

[100] Хлебами предложения называли 12 хлебов, которые полагались лежали в ветхозаветном храме на трапезе, по числу 12 колен Израилевых (Исход 25, 30).

Новые благодатные явления от Абалацкой иконы Божией Матери

Публикуется по отдельно изданной брошюре, разрешенной к печати санкт-петербургской цензурой 29 марта 1888 г. Оттиск, имеющийся в библиотеке ТГИАМЗ (№20535), выходных данных не имеет. С.1–16. Брошюра с таким же названием была издана в г. Омске в 1879 и 1881 гг. (см.: Авторская исповедь... С. 246).

[101] Плюсна — стопа, ступня.
[102] Шорный товар — конская упряжь.
[103] Огневица — горячка.
[104] Языцы — народы.
[105] Во грресех — в грехах.

Две замечательные иконы в городе Омске

Публикуется по отдельно изданной брошюре. С. 1–7. Оттиск, имеющийся в библиотеке ТГИАМЗ (№20533), выходных данных не имеет. Статья была опубликована также: ТГВ. 1858. №2; Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1863 г.

[106] Орёл, ангел, телец и лев — символы четырёх евангелистов: Матфея, Луки, Марка, Иоанна.
[107] В тексте Евангелия — «успокою».

О скуфье и камилавке, употребляемых священнослужителями в греческой и русской церкви

Публикуется по: Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1869. №2. С. 61–67; Вологодские епархиальные ведомости. 1869. №19. С. 743–753; Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1871. № 81. С. 32–33.

[108] «Собор 1677 года, бывший под председательством трёх патриархов» — в тексте опечатка. Собор под руководством трёх патриархов: антиохийского Макария, александрийского Паисия и московского Иоасафа — состоялся в Москве в декабре 1666—январе 1667 гг.
[109] Примечания с пометкой «Редакц.» написаны редакцией «Вологодских епархиальных ведомостей».

Замечательные по Сибири колокола

Публикуется по тексту: Замечательные по Сибири колокола. М.: Издание Императорского общества истории и древностей Российских при Московском университете. — 1870. С. 1–13. Статья была опубликована также: Маяк. 1845. №11; Московит. 1849. №9; ТГВ. 1858. №№ 10, 13, 44.

[110] Впоследствии в Сибири колокола отливать научились. Например, в 1905 г. колокола тюменского завода «И.П. Гилёва Сыновья» были удостоены золотой медали на Всемирной выставке в Брюсселе. Гилевы получали награды на публичной торгово-промышленной выставке в Тюмени 1871 года и на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в г. Екатеринбурге в 1887 г. На тюменском заводе отливали колокола весом 150 пудов и более.

[111] Кондский — Кондинский или Кодский монастырь. Сохранено авторское написание.

Празднование двухстолетия покорения Сибири Россией

Публикуется по: ТГВ. 1858. №29. С. 490—496. Статья была опубликована также: ТЕВ. 1882. №22.

[112] Во времена Филофея в Тюмени было два монастыря: женский и мужской. Здесь речь идёт о мужском Свято-Троицком монастыре.

[113] «...устроил (...) особый придел...». Завещание Филофея было написано в 1808 г., в год закладки Троицкого собора Тюменского монастыря. Филофей Лещинский намеревался устроить на хорах придел Дмитрия Солунского, но по окончании строительства (1715 г.) придел на хорах освятили в честь Антония и Феодосия Киево-Печерских. В честь Дмитрия Солунского, Георгия Победоносца и Четыредесяти (то есть Сорока) мучеников впоследствии был назван второй каменный храм Тюменского монастыря.

[114] Автор «Материалов для истории христианского просвещения Сибири» — Н.А. Абрамов (Н.А. Абрамов. Город Тюмень... Тюмень, 1998. С. 63—95).

[115] Префект — (*латин.*) старейшина, начальник; в России с 1720-х гг. — инспектор духовной семинарии.

Крестный ход на осляти, который в старину был отправляем в Тобольске в Вербное воскресенье

Публикуется по: Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1870. Кн. 3. С. 18—23. Статья была также опубликована: ТГВ. 1859. №13; ТЕВ. 1882. №5.

[116] Вайя, ваиа, веие, вея, веиа — ветви (пальмовые). (Иоан. 12,13; Марк. 11, 8; Мф. 21, 8). Неделя ваий — неделя цветоносная — Вербное воскресенье.

[117] Часы (первый, третий, шестой, девятый) — богослужения, установленные в память страданий (страстей) Спасителя (суд Пилата, крестный путь, распятие, смерть). Совершение часов обычно соединено с другими богослужениями: первый час — с утреней, третий и шестой — с литургией, девятый — с вечерней.

В данном случае, поскольку за часами следовала литургия, речь идёт о третьем и шестом, во время которых читают 16, 24, 50 и 53, 54, 90 псалмы.

[118] Превратность — неожиданная быстрая перемена, измена; имеется в виду народ, который встречал Христа у ворот (при вратах) Иерусалима, устилая его путь ветвями и восклицая: «Осанна!...», а через несколько дней кричал: «Распни его!».

[119] В современных переводах — Виффагию, в синодальных изданиях второй половины XIX- начала XX вв. — Вифсфагию.

[120] Елеонстей (*церк. сл.*) — Елеонской.

[121] Архимандрит Московского Чудова монастыря.

Встреча в Тобольске в старину вновь прибывших преосвященных

Публикуется по: Странник. 1868 г., сентябрь. С.52—61. Статья была также опубликована: ТГВ. 1858. №40.

[122] Всеночную — современная норма «всенощную» (произносится «всеношную»).

Семинарский театр в старину в Тобольске

Публикуется по: Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 2. 1869 г. Типог-

рафии Киткин и К. С. 1–5. Под названием «Начало театра в Сибири» статья была опубликована в ТГВ. 1858. №12.

[123] Симеон Полоцкий (в миру Самуил Емельянович Петровский-Ситнянович, 1629–1680) — русский церковный писатель, один из зачинателей русского силлабического стихосложения и драматургии. Полемизировал с деятелями раскола. Наставник детей царя Алексея Михайловича. Соавтор проекта Славяно-греко-латинской академии.

[124] Феофан (Елеазар) Прокопович (1681–1736) — русский церковный и государственный деятель, один из авторов церковной реформы Петра I, с 1721 г. — вице-президент Синода, писатель, автор произведений: «Трагедокомедия», «Владимир» (1705), «Слово о власти и чести царской» (1718), лирических стихов.

[125] В одном из писем А. Сулоцкому после прочтения его рукописи о Филофее Лещинском Н. Абрамов написал: «...Филофей присутствовал при драматических представлениях не для удовольствия своего, как я прежде думал. Нет: этого требовалось тогда в Академиях и духовных школах по Духовному регламенту для свободного произношения проповедей и речей. Мне это в прошлом году заметил Преосвященный Георгий (...)» (ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 48. Л. 95).

Церковные библиотеки Тобольской епархии; библиотека Омского Воскресенского собора

Публикуется по: Православное обозрение. 1867. Т. XXIV. С. 171–176.

[126] Петр Могила (1596/97–1647) — церковный писатель, митрополит Киевский и Галицкий (с 1637 г.), основатель Кисло-Могилянской коллегии (1632 г.). Покровительствовал писателям, художникам, книгопечатникам.

[127] Феатрон — в других случаях А.Сулоцкий называет эту книгу «Феатръ». См. примечание 62.

[128] Иоанн Максимович канонизирован в 1916 г.

[129] Киноварь — краска ярко-красного цвета из минерального сырья (ртуть с серой).

Библиотеки...

Публикуется по: ТГВ. 1858. №22. С. 399–402. №23. С. 417–419. №26. С. 455–460. №27. С. 462–473. № 28. С. 477–488.

[130] Авва — (*с сирийского*) отец. Так обращались к руководителю монастыря. В Евангелии это слово встречается только один раз (Мр. 14. 36). Этим словом Христос обращается к Богу-Отцу: «Авва Отче» («Моление о чаше»).

Аввка Дорофей (ум. 620 г.) — настоятель собственного монастыря в Палестине, в районе Газы, автор аскетических «Наставлений» и «Слов» о подвижничестве. В русском переводе: «Душеполезные поучения и писания аввы Дорофея» (М., 1862).

[131] Илиотропион (гелиотроп) — подсолнечник. И. Максимович пишет о том, что так же, как цветок подсолнечника поворачивается вслед за движением солнца, так и человек следует за Богом.

[132] См.: Абрамов Н.А. Город Тюмень. Тюмень, 1989. С. 174–185; 333–358.

[133] Флери (Fleury) Клод (1640–1723) — историк церкви, член Французской академии, был наставником детей Людовика XIV, приором Собора Парижской Богоматери, духовником Людовика XV.

[134] Мальтебрен (устар. Malte Braun) Конрад (1775–1826) — французский географ и публицист, родился в Дании.

[135] Тремеллий (Tremellius) Эммануил (1510–1580) — итальянский учёный еврейского происхождения, принял католицизм, затем — рефор-

матскую веру, от преследований инквизиции бежал из Италии, в разных странах преподавал еврейский язык.

[136] Беза (Beza, de Beze) Теодор (1519—?) — вместе с Кальвином и после него возглавлял реформатскую церковь в Женеве.

[137] Дежерандо (Degerando) Жозеф-Мария — барон, французский публицист и общественный деятель, первый во Франции историк философии, создал научный метод классификации философских доктрин. Занимал важные посты при Наполеоне и Луи-Филиппе.

[138] Маттер (Matter) Жак (1791—1864) — французский философ, профессор протестантской семинарии в Страсбурге.

[139] Шульц (Schultze) Готлиб-Эрнст (1761—1833) — профессор философии в Геттингене.

[140] Тэер Альберто Даниэль (1752—?) — знаменитый агроном.

[141] Витвицкий Николай Михайлович (1764—1853) — известный русский мореходец.

[142] Целлинский Богдан (Иоган-Готлиб) Андреевич (1812—?) — профессор агрономии.

[143] Цигра (Zigra) Иоган-Герман (1775—1857) — родился в Любеке, в России — пионер научно поставленного садоводства.

[144] Свиязев Иван Иванович (1797—1875) — русский архитектор.

[145] Майер Франц Христианович (1783—1860) — известный учёный-агроном.

[146] Арнольд Фёдор Карлович (1819—?) — известный русский лесовод, практик и теоретик лесного хозяйства.

[147] Преображенский Пётр Михайлович (1817—?) — известный деятель сельскохозяйственной науки.

[148] Анненков Николай Иванович (1819—1889) — русский ботаник.

[149] Неандр (Neander) Август (1789—1850) — церковный историк.

[150] Мильн-Эдварс (Milne-Edwards) Альфонс (1835—?) — французский зоолог и палеонтолог.

[151] Постельс Александр Филиппович (1801—1871) — русский естествоиспытатель.

[152] Своекоштный — на собственном содержании.

[153] Алкоран — Коран.

[154] Лавсаик Палладия — Палладий Еленопольский (368—430) — епископ Еленопольский в Вифинии (Палестина), друг Иоанна Златоуста. По просьбе Каппадокийского префекта Лавса в 420 г. составил собрание жизнеописаний святых, которое в честь сановника назвал «Лавсаик».

[155] Дюмон-Дюрвиль (Jules Sebastien-Cesar-Dumont-d'Urville) (1790—1843) — французский мореплаватель и натуралист.

[156] Самоместным — самостоятельным.

[157] Дедерлейн Иоанн-Христофер (1745—1792) — немецкий протестантский богослов.

[158] Дюпен (Dupin) Андре (1783—1865) — французский государственный деятель, юрист, член Французской академии.

[159] Людовик-Филипп (Луи-Филипп) — французский король времён Июльской монархии (1830—48 гг).

[160] Фонвизин Михаил Александрович — декабрист, участник Отечественной войны 1812 г. и походов 1813—14 гг. В сибирской ссылке прожил 30 лет, умер в своём подмосковном имении. Автор произведений: «Очерки русской истории», «Одно из воспоминаний моей молодости», «Записки Фонвизина» и др.

[161] Учащие — учителя.

[162] Вениса (ж. р.) — гранат, камень тёмно-красного цвета.

[163] «Г. Калашников — автор дочери К.Жолобова, Камчадалки и проч.» — Калашников Иван Тимофеевич (?—1855), писатель, родом из Сибири, служил в С.-Петербурге, автор романов о провинциальной жизни:

«Дочь купца Жолобова» (из иркутских преданий, СПб., 1832, 1842, переведён на нем. яз.) и «Камчадалка» (СПб., 1833, 1843).

[166] Богодохновенный (богодухноденный) — богом вдохновлённый (словарь В.И. Даля)

О приходских летописях при церквах Тобольской епархии

Публикуется по: Странник. 1867, март. С. 171–174. Статья также была опубликована в «Духовной беседе» в 1867 г.

Тобольская архиерейская школа — предшественница Тобольской семинарии

Публикуется по: ТГВ. 1872. №34–50. С. 203–204, 210–211, 218–219, 222–223, 230–231, 240–241, 243–245, 249–250, 256–257, 286–287, 293–294, 299, 304–305.

[168] Бийца — от слова «бить».

[169] Эктения, ектенья — (от греч.) протяжённость. «Протяжённая» молитва, содержащая прошения («о спасении душ наших», «о соединении всех людей в Церковь Христову», о храме, о городе, о стране, о Государе Императоре, о страждущих и плененных и т.д.), каждое из которых заканчивается пением «Господи, помилуй» или «Подай, Господи». Великая (мирная) ектенья состоит из 14 прошений, Сугубая — из 11, Малая — 3, заупокойная — из 13. В отличие от других молитв, где речь идёт о «делах небесных» («церкви торжествующей»), в ектеньях просят о людях земных («церкви воинствующей»).

[170] Виниус Андрей Андреевич (1641–1717) — дворянин, государственный деятель России, соратник Петра I, в 1694–1695 гг. управлял Сибирским приказом.

[171] Заказ — благочиние, то есть часть епархии, возглавляемая благочинным (заказчиком).

[172] В прошлом — в прошедшем давно, не обязательно год назад.

[173] Предместник — предшественник.

[174] Кондинская заимка — ныне с. Октябрьское Ханты-Мансийского АО.

[175] Верховный тайный совет — создан при Екатерине I как совещательный орган (1726 г.), фактически же решал важнейшие государственные вопросы. Распущен императрицей Анной Иоанновной в 1730 г.

173. Крюки — знамена, древнерусские знаки для записи музыки. В [illegible] XVIII века в России была принята современная линейная нотация.

[176] Кошт — плата.

[177] Рута — жалованье, годичное содержание.

[178] Вакациальное время — каникулы.

[179] Арсений Мацеевич в 1763 г. был лишён архиерейского сана и простым монахом сослан в Карельский мон-ктырь, но и там он продолжал резко критиковать правительство, за что в 1767 г. был лишён и монашеского звания и заключён пожизненно в кг-мат Ревельской (Таллин) крепости, где скончался 28 февраля 1772 г.

Оглавление

Авторская исповедь 6

Описание церквей, существующих в г. Тобольске, и Тобольского Софийского собора 15

Предисловие 16
Описание краткое всех церквей, существующих в Тобольске, и пространное Тобольского Софийского собора 18
Начало христианства в Сибири 18
Первые церкви в Тобольске 18
Прочие церкви в Тобольске 21
Построение, вместо деревянных, каменных церквей в г. Тобольске 23
Уничтожение некоторых церквей, количество и благолепие существующих 26
Тобольский Софийский собор 27
Его местоположение 27
Время первоначального его построения 27
История Тобольского Софийского собора 29
Наружный вид Тобольского Софийского собора 33
Внутренность Софийского собора 34
Священнослужение в Софийском соборе и пребывание в нем (временное) Абалацкой иконы Божией Матери 38
Здания, принадлежащие к Софийскому Тобольскому собору 39
1. Придел Иоанна Златоустого 39
2. Соборная ризница 41
а) Из Евангелий напрестольных 41
б) Из крестов напрестольных 42
в) Из священных сосудов 43
г) Из плащаниц 44
д) Из воздухов 44
е) Из ковшей 45
ж) Из облачений архиерейских и священнических 45
з) Из митр 46
и) Из клобуков 47
й) Из панагий и наперсных крестов 47
к) Из рипид 48
л) Из посохов 48
Библиотека 50
3. Соборная колокольня 52
4. Теплый Тобольский собор 54
Приложения к описанию Тобольского Софийского собора 56
Архиереи, священнодействовавшие в Софийском соборе 56
Архиепископы Сибирские и Тобольские 56
Митрополиты с званием, как и архиепископы, Сибирских и Тобольских 57
Митрополиты же, но с титулом Тобольских и всея Сибири 58

Также митрополиты, но с новым титулом, Тобольских и Сибирских 58
Архиепископы с прежним титулом Тобольских и Сибирских 59
Епископы 60
Архиепископ 60
Список кафедральных протоиереев и ключарей Тобольского Софийского собора 61
Кафедральные протоиереи 61
Соборные ключари 62
Копии (с копий) с грамот о строении Тобольскаго Софийскаго собора 63
Посещение Его Императорским Высочеством Государем Наследником престола Тобольска и Тобольскаго кафедральнаго собора 68

Заметки к описанию
Тобольского Знаменского монастыря 70
Интересные статьи: «Тобольск», «Тобольский Знаменский монастырь» и «Окрестности Тобольска, между прочим, монастыри Абалакский и Ивановский», помещенные в Живописной Р. библиотеке и Справочном Энциклопедическом словаре Крайя 79

Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии 85
Введение, где между прочим и исторические сведения о иконописании в Сибири 86
Сказание об иконе Божией Матери, именуемой Абалацкою 109
Абалацкая икона Божией Матери 109
Наименование иконы Абалацкою 110
Изображение Божией Матери на Абалацкой иконе 111
Величина и украшения Абалацкой иконы Божией Матери 112
Время и обстоятельства написания Абалацкой иконы Божией Матери 113
а) явления Божией Матери благочестивой вдове Марии 113
б) Построение на Абалаке церкви 115
в) Исцеление расслабленного, по заказу которого написана икона 116
Первое чудо от Абалацкой иконы Божией Матери 117
Чудеса от Абалацкой иконы Божией Матери 117
Празднество и служба в честь Абалацкой иконы Божией Матери 135
Крестный ход с Абалацкою иконою Божией Матери в Тобольск с обстоятельствами учреждения его — прекращением страшного ненастья в Тобольске и исцелением Тобольскаго митрополита Корнилия 136
Копии с Абалацкой иконы Божией Матери 142
Семипалатинская копия с Абалацкой иконы Божией Матери 143
Копия с Абалацкой иконы Божией Матери, что в селе Боровом 146
Копия курганская 146
Копии с Абалацкой иконы Божией Матери в городах Томске и Иркутске 150
Копия с Абалацкой иконы Божией Матери в России, вне Сибири 153
Икона Казанской Божией Матери, что в Тобольском Знаменском монастыре 157
Икона Божией Матери Всех скорбящих радости, что в Тобольской Захарьевской церкви 165
Икона Божией Матери Всех скорбящих в Тобольской Захарьевской церкви 165
Икона Понаевской Божией Матери, что в Ивановском Межгорском монастыре 175
Копия с иконы Понаевской Божией Матери в Ивановском монастыре 175
Нерукотворенный образ Спасителя, называемый Тамгинским 187
Икона Знамения Божией Матери, что в Тюменской Знаменской церкви 199
Нерукотворенный образ Спасителя в Спасской Тюменской церкви 201
Икона святителя Николая, что в селе Мальковском 202

Иконы Господа Вседержителя в Туринском уезде 202
Икона Смоленской Божией Матери, или Одигитрии,
что в Суерском, иначе Осиповой, слободе Ялуторовского ведомства 204
Икона Господа Вседержителя, что в церкви села Кодского 207
Иконы, наиболее чтимые в Курганском уезде: Абалацкая Божией Матери,
Пресвятой Троицы, святителя Николая и мученицы Параскевы 208
Село Чернолучье и икона святой мученицы Параскевы,
нареченных Пятницы 213
Иконы 1) Божией Матери Тихвинской, что в тарской кладбищенской церкви, и
2) святителя Николая, чтимыя Можайскою,
в подгородном селении Тарского округа Самсоновом 226
Икона святителя Николая Чудотворца, именуемая Можайскою 226
Иконы в ней, чтимые отличаемые пред прочими, в городе Березове 235
Прибавления 238
Сей иконы, наиболее чтимые в восточной половине Пермской епархии,
до 1799 года принадлежавшей к епархии Тобольской и (по прежнему
географическому разделению) составляющей часть Сибири 238
Некоторые из святых икон, наиболее чтимых в Томской епархии 241
Многочтимые иконы из находящихся в епархиях Енисейской и Иркутской 259

Новые благодатные явления
от Абалацкой иконы Божией Матери 262
Новые благодатные явления от
Абалацкой иконы Божией Матери в 1886–1887 гг. 277

Две замечательные иконы в городе Омске 281

О скуфье и камилавке,
употребляемых священнослужителями
в греческой и русской церкви 287
Священнические и диаконские скуфьи в старину 287
Еще несколько слов о священнических и диаконских скуфьях в старину 292
Еще заметка об употреблении в старину русским белым духовенством скуфьи 300

Замечательные по Сибири колоколе 302

Празднование двухстолетия покорения Сибири Россией 313
Слово на день празднуемого двухсотлетия взятия Сибири 318

Крестный ход на осляти, который в старину был отправляем
в Тобольске в Вербное воскресенье 323
Встреча в Тобольске в старину
вновь прибывших преосвященных 329
Семинарский театр в старину в Тобольске 338
Церковные библиотеки Тобольской епархии;
библиотека Омского Воскресенского собора 343

Библиотеки 349
Библиотеки: а) в Омске — частные, церковные и корпусные и б) в Тобольске —
церковные (и между ними соборная), семинарская и частные; из них в
особенности покойного архиепископа Тобольского и Сибирского Афанасия 349
Библиотека Сибирского кадетского корпуса 355
Церковные библиотеки в г. Тобольске и между ними соборная 359

Библиотека Тобольской семинарии 362
Краткий очерк ученической библиотеки, состоящей при Тобольской семинарии 387
Библиотека и минералогический кабинет
[illegible] 390
Библиотеки генерал-губернатора Вельяминова,
архиепископа Амвросия, П. Словцова, Менделеевых и Коллета 405

О приходских летописях при церквах
Тобольской епархии 408

Тобольская архиерейская школа —
предшественница Тобольской семинарии 412
Состояние духовного просвещения в Сибири до учреждения Тобольской
архиерейской и некоторых других школ духовного ведомства 412
Учреждение школ при Тобольском архиерейском доме
и в некоторых монастырях 419
Школы, кроме Тобольской архиерейской 427
Помещение Тобольской архиерейской школы 430
Предметы учения 431
Учебники 433
Ученики Тобольской архиерейской школы 435
Содержание Тобольской архиерейской школы и ее школьников 442
Учителя и начальники Тобольской архиерейской школы 449
Результаты учреждения школы 455

В. Чупин. Комментарии 460